Palmarium
academic publishing

Евгений Каргаполов

Творчество писателей "Полунощной страны"

Философский и психологический анализ творчества писателей Северо-Западной Сибири

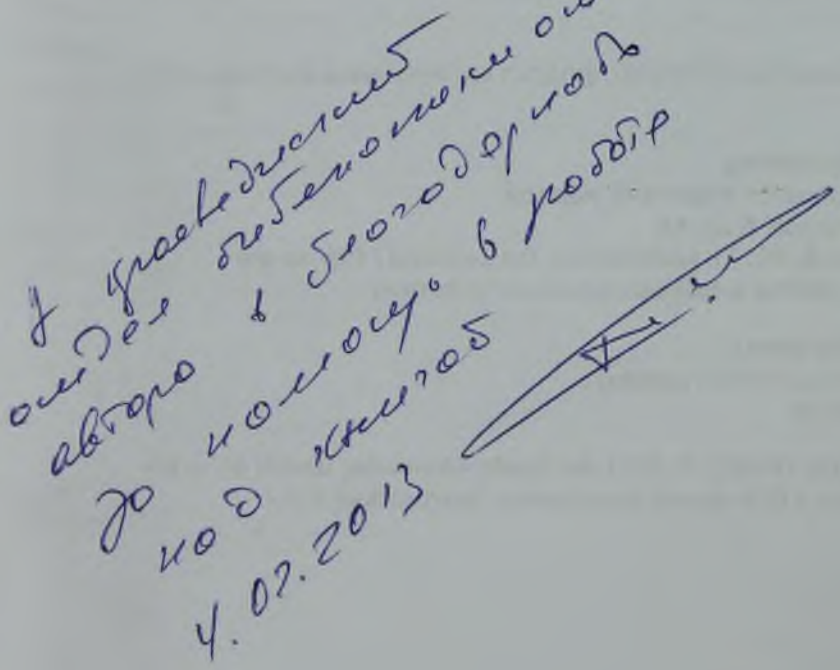
Евгений Каргаполов

Творчество писателей "Полунощной страны"

Евгений Каргаполов

Творчество писателей "Полунощной страны"

Философский и психологический анализ творчества писателей Северо-Западной Сибири



Khanty-Mansiysk State Medical Academy

Impressum / Выходные данные
Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über http://dnb.d-nb.de abrufbar.
Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу http://dnb.d-nb.de.
Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:
Palmarium Academic Publishing
ist ein Imprint der / является торговой маркой
AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG
Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия
Email / электронная почта: info@palmarium-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /
Напечатано: см. последнюю страницу
ISBN: 978-3-8473-9703-8

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2012 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG
Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2012

Е.П. КАРГАПОЛОВ

ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ «ПОЛУНОЩНОЙ СТРАНЫ»

Каргаполов Е.П. Творчество писателей «Полунощной страны». – 2012. - 442 с.

Каргаполов Евгения Павлович (1951 г.р.) –
доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ханты-Мансийской государственной медицинской академии, член Союза писателей России, автор учебных пособий, монографий и других изданий по культурологии, философии литературы и педагогики.

С Каргаполов Е.П. 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 8

1. Актуальные проблемы формирования единого литературного пространства Сибири 15
2 Столкновение полярностей, или сможем ли мы преодолеть идейный и гражданский раскол? (актуальные выводы из чтения рассказа «Божье послание» Еремея Айпина) 27
3 История создания и судьба романа «Ваули» нижневартовской писательницей М.К. Анисимковой 45
4. Россия: падение и новое возвышение (апокалипсис русской души в творчестве сургутского поэта Михаила Кузьмича Антохина) 67
5. Единение женщины и природы в творчестве хантыйской поэтессы М.К. Вагатовой 121
6. Природа во внутреннем мире В.Н. Козлова (Мегион) 139
7. «Всё вместила моя душа…» (Я-концепция прошлого, настоящего и будущего поэта Д.А. Мизгулина) 167
8. Война в биографии и творчестве ханты-мансийского писателя и журналиста Н.Б. Патрикеева 227
9. Символика света и тьмы в творчестве поэтессы И.Г. Рябий 249
10. Загадки развития русского самосознания (о творчестве сургутского поэта Сергея Сметанина) 315
11. Синтетическая вера поэта А.С. Тарханова 331
12. «Множественное» Я поэта П.Р. Черкашина: поиски своей идентичности 393
13. Неуверенность бытия: образ пути в творчестве поэта Станислава Юрченко 423

Заключение 439

ВВЕДЕНИЕ

Литература регионов Сибири имеет богатую историю и в настоящее время развивается в контексте литературных процессов России, работает на строительство единой духовно и нравственно сильной России. Она вскрывает те же пласты проблем, которые накопились в российском обществе, но с учетом региональных особенностей, национального колорита и истории развития края. Сибирская литература, находясь в едином русском культурном пространстве, всё более расширяет это пространство, обогащает и насыщает его новыми фактами, событиям, образами и смыслами.

Северо-Сибирский регион явил России такие имена, как М.К. Анисимкова, Е.Д. Айпин, П. Суханов, А.С. Тарханов, Д.А. Мизгулин, Ю. Шесталов, Н.И. Коняев, С.С. Козлов и другие. Эти имена можно поставить в один ряд с многими писателями России. Они создают новую русскую, российскую национальную культуру, бросают семена творчества в души, сердца и умы людей. Тем самым их произведения будят сознание, зовут к творчеству и созиданию. Все их творения идут в русле традиций великой русской литературы.

Автор знакомит читателей с творчеством не только известных писателей, но и с творчеством малоизвестных прозаиков и поэтов Сибири. Анализировались философские, культурологические и литературоведческие позиции сибирских писателей по тем иным проблемам жизни, личности, общества. Этот сборник привлёк внимание литературной критики, отзыв на него был опубликован в газете «Литературная Россия». Так, А. Трапезников пишет: «Показать и осмыслить с философских позиций те актуальные проблемы, которые ставят перед общественностью писатели Югры: это и возрождение русских и обско-угорских традиций, и вопросы взаимодействия цивилизаций и национальных культур, и сугубо метафизические темы пространства и времени, и образ человека в природе, его бытие. Всё это – в центре творчества большинства рассматриваемых автором писателей. Так что, Каргаполов идёт верной дорогой. Я, как начинающий северовед, могу это только приветствовать»[1]

М.К. Анисимкова хорошо известна в литературных кругах своими фундаментальными историческими романами, повествующими о некотрых страницах истории России, Сибири: «Ваули», «Порушенная невеста», «Плач гагары», «Наледь», «Большой камень», «Эхо», «Мангазея». Это романы об исторических судьбах

[1] Трапезников, А. Писатели Югры : кто они? / А. Трапезников // Литературная Россия – 2007. - № 43. – С. 5.

людей, осваивающих Сибирь, о великих женщинах, купцах, чиновниках, простых людях. Чтение произведений М.К. Анисимковой захватывает динамикой развития сюжета, фактами истории, драматизмом жизни героев. В романах даётся нравственная позиция автора по всем фактам истории, которая является объектом её художественного анализа. Её герои волнуют умы, сердца и души людей. М.К. Анисимкова прожила длинную и богатую событиями жизнь, поэтому ей есть, что поведать читателям, и она делает это талантливо и мастерски. По мнению Н.Н. Горбачёвой, «М.К. Анисимкова принадлежит к тому типу писателей, чьё творчество рождается и питается органичным единением с землёй, на которой волей обстоятельств доводится жить художнику. Связанная рождением и человеческим и профессиональным становлением с Уральским краем, М. Анисимкова по праву должна быть названа писательницей сибирской»[2]. Её произведения – это плод большой и кропотливой работы в архивах Сибири, России. Эти произведения пополнили сокровищницу русской исторической литературы, думаю, войдут в фонд русской классики. Сожалеем, что её произведения мало известны широкому российскому читателю. В сборнике делается попытка ответить на вопрос: кто же этот Ваули Пиеттомин – герой или злодей?

Е.Д. Айпин – классик современной хантыйской литературы, политический деятель, автор многих романов о народе ханты: «Ханты, или Звезда Утренней Зари», «Божья матерь в кровавых снегах», «Река – в - январе». Его произведения вызывают ожесточённые споры российских читателей, литературных критиков, литературоведов. Его критикуют за некоторые перегибы, гипертрофированное восприятие некоторых событий прошлого. Произведения Е.Д. Айпина опубликованы во многих странах, переведены на многие европейские языки. Его стиль изложения гиперболичен, остр и категоричен. Он пытается вскрыть противоречия жизни и судьбы малочисленных народов Севера, сложные отношения между властью и народами на Обском Севере, между русскими и ханты. В настоящее время по его роману снимается художественный фильм. В сборнике анализируется нравственный взгляд Е.Д. Айпина на некоторые вопросы истории, на убийство царской семьи, на острые вопросы гражданской войны в России. Эта его позиция во многом импонирует взгляду русского человека на эти проблемы исторического прошлого.

Что касается Антохина М.К., то это имя малоизвестное литературной критике, тем более вообще нами не обнаружены работы литературоведческого плана о его творчестве. Тем не менее, это имя

---

[2] Горбачёва, Н. Н. Заметки о прозе М. Анисимковой / Н. Н. Горбачёва // Космос Севера. Выпуск 2 / Ред. – сост. : О. Лагунова. – Екатеринбург : Среднс-Уральскос кн. изд., 2000. – С.137.

известно в Югорской литературе. В последнее время им выпущены сборники работ: «Ожоги земли», «Окраина-обочина», «Полынный сок». В его стихах показана драма девяностых годов прошлого века, когда Россия проваливалась в смуту, когда нарастали противоречия в обществе, и как эти противоречии отразились в русском сознании. М.К. Антохин горячо любит свою Родину, свою культуру, верит, что все-таки Россия возродится и стряхнет с себя вся эту грязь реформ. Его стихи о человеке, о его проблемах и судьбах людей. Так, о его жизни и творчестве высказался его коллега по перу Г. Ешимов: «Он не стал на сторону придворных (притворных) песнопевцов, словоблудов и блюдолизов, выпрашивающих у «власть предержащих» незаслуженные звания заслуженных деятелей «культуры», а как настоящий мужчина и воин «в стане погибающих за великое дело любви» занял своё скромное место на опасном участке…»[3].

Имя М.К. Вагатовой известно как журналиста и поэтессы не только в Югре, но далеко за её пределами. М.К. Вагатова является классиком хантыйской поэзии. Все её образы дышат жизнью хантыйской культуры. Её творчество символично, глубоко и ярко. В центре её творчества мать, женщина, семья и традиция, природа. Её поэзия – гимн хантыйской матери. Среди наиболее значительных её сборников стихотворений и рассказов следует назвать следующие: «Моя песня, моя песня»; «Материнское сердце» (совместно с А. Керданом). В отзыве на последнюю книгу Е.Д. Айпин писал: «Я благодарен авторам этой книги, Марии Вагатовой и Александру Кердану, нашедшим столько добрых слов о матери, каждое из которых я, выросший без материнской ласки, отношу к своей маме»[4]. Она вносит в существенный вклад в развитие хантыйской литературы, в развитие литературы малочисленных народов Сибири.

Козлов В.Н. разноплановый писатель. Он пишет о том, что пережил, что обдумал. Он прожил трудную жизнь: недоедание, похоронки, горе и тяжелый труд матери в годы войны; затем учеба, работа в нефтяном секторе Сибири. На его глазах разворачивалась панорама великого освоения Сибири. Стихи шли вместе с ним. Им опубликовано много сборников стихов, среди которых следует назвать следующие: «Теплынь», «Троицино утро»; книги документальной прозы: «Дорога длиною в тридцать лет», «Мегионцы – это мы»; сборник рассказов и повестей: «Блуждающий ручей» и другие. Его поэзия хорошо известна в Сибири. В.Н. Козлов пишет о покорении Сибири, о нефтянниках, о природе, о гармонии природы, он сожалеет о загрязнении окружающей среды. Прозаик С. Луцкий,

---

[3] Ешимов, Г. Предисловис / Г. Ешимов // Антохин, М. К. Окраина-обочина. Стихи. – Шадринск : ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2008. – С. 4.

[4] Айпин, Е. Д. Мама – это священное… /Е. Д. Айпин // М. Вагатова, А. Кедан. Материнское сердце : Стихи. – Екатеринбург : Средне-Уральское кн. изд., 2007. – С. 7.

анализируя его творчество, дал очень точную характеристику его дара: «Пожалуй, светлое мировоззрение, незамутнённость восприятия – ключевые слова в определении дара Виктора Козлова»[5]. В сборнике анализируются экологические мотивы в творчестве В.Н. Козлова.

Творчество Дмитрия Александровича Мизгулина многогранно: не только от того, что богато содержанием, смыслами, символами, знаками, но устремлено к свету, к правде, добру. В его стихотворениях, публицистике, выступлениях как поэта, банкира и общественно-политического деятеля, научных статьях прослеживается эволюция философско-мировоззренческих взглядов на русскую культуру, Россию, окружающий мир, на историю, место человека в прошлом, настоящем и будущем. Хотя система взглядов на мир Д.А. Мизгулина сложилась достаточно рано, к последнему десятилетию 1990-х годов, но, тем не менее, она продолжает меняться, уточнятся, развиваться. Система взглядов Д.А. Мизгулина на мир не без противоречий. Он часто сомневается, конфликтует сам с собой, но всегда уверено идет вперед по пути, предначертанному свыше. Его высказывания в области финансовой и общественно-политической деятельности зачастую приходят в противоречие, даже в столкновение, со взглядами в областях, касающихся судьбы России, русской культуры и русского народа, конкретного человека. Эти столкновения в Я есть столкновения внутри единого самосознания. Они, тем не менее, способствуют быстрому развитию личности Д.А. Мизгулина, дальнейшему уточнению им позиций в финансовой, общественно-политической, научной сферах в соответствии со своей, давно сформированной, Я-концепцией государства Российского, русской культуры и русского народа.

Патрикеев Н.Б. – известный в России журналист, писатель, краевед, замечательный человек, вся его жизнь связана с Севером Сибири. Его охотничьми рассказами и воспоминаниями зачитывается прикоснувшийся к его книгам читатель. Но это книги и о тяжелой судьбе сибиряков, о природе края, об экологии и о войне. В статье, включённой в сборник, рассказывается о войне в биографии и творчестве Н.Б. Патрикеева. Он исследует место детей и молодежи Севера Сибири в помощи фронту ради победы.

С. Юрченко менее известен читательской аудитории. Очень талантливый поэт. Его стихотворения проникнуты любовью к русской культуре, русскому народу, России. Его творческие поиски наполнены драмой жизни, любовью, сомнениями и переживаниями простого человека. Он любит историю своего народа, своей страны и пытается её отобразить в своих произведениях. В статье о его творчестве осмысливается тема бытия и образ пути.

---

[5] Луцкий, С. Ипостаси Виктора Козлова / В. Козлов // Югра литературная. – 2008. - № 2. – С. 11.

Творчество С. Сметанина посвящено ключевым проблемам русской жизни. Оно социально, наполнено драматическими событиями, происходившими и происходящими в России в последние десятилетия. Его творчество есть результат сомнений и переживаний за судьбы России.

Поэтическое творчество Ирины Геннадьевны Рябий отличается тематикой о её современников. Во-первых, её поэзия достаточно религиозна (но её стихотворения нельзя отнести к жанру духовной поэзии); во-вторых, в центре её лирики человек, который находится в поиске «своего места» между светом и тьмой, добром и злом, правдой и ложью, любовью и ненавистью; в-третьих, её поэзия поляризована и наполнена многочисленными смыслами; в-четвертых, пронизана христианской символикой. Поэтесса в постоянном поиске. Через произведения И.Г. Рябий протягивается нить времени, идущая из глубины русского прошлого в непонятное и тревожное грядущее. Её поэзия наполнена пространственными (типологическими) символами: «верх-низ», «земля-небо». Временная (мифологическая) символика пересекает пространственную символику. А вместе они образуют КРЕСТ. Этот Крест – символ страданий её лирической героини. Человек в её лирике несет в своем сознании этот Вечный Вселенский Крест, живет с ним, страдает, любит, творит добро и правду, познает, несет миру свет. Человек, принявший в себя этот КРЕСТ, есть созидатель, строитель Светлого мира. И.Г. Рябий говорит о Кресте России, о Кресте Русской идее «Москва-Третий Рим» Все эти символы её сознании соединяются в единый Крест судьбы истинно русского человека.

П.Р. Черкашин – молодой, творчески одарённый писатель, журналист Сибири. Автор многочисленных стихов, среди которых следует отметить военные циклы, религиозные темы, темы любви. Его творчество личностно, но динамично, многогранно. Он погружен в осмысление Я – образов, самоидентификации. Он еще ищет в поэзии, мечется, пытается понять свое место в литературных процессах Сибири. Он пережил много, был в «горячих точках» и всё это пытается осмыслить в своем творчестве. В статье, включенной в сборник, мы пытаемся понять множественное «Я» поэта, поиски им своей идентичности.

Все вышеуказанные авторы индивидуальны, непохожи друг на друга, своим творчеством наполняют русскую, сибирскую культуру национальным, региональным колоритом. Они имеют мощную динамику развития. Их идеи интересны, содержательны, богаты сюжетными развязками, новыми идеями, композиционными построениями. Их творчество плодотворно, а результат – интересен.

В своих следующих работах автором будет дан анализ ключевых тем отдельных произведений и фактов биографии известных и малоизвестных писателей Сибирского региона России. Мы обратимся

к творчеству и таких известных писателей, как В. Распутин, В.М. Шукшин, В. Астфьев. Если настоящая работа будет способствовать единению писателей Сибири, России, то считаю, что свою задачу выполнил.

Русская литература Сибири на подъёме, она являет миру всё новые и интересные таланты, открывает новые имена. Перед ней стоят те же задачи, что и перед всей русской литературой России: формировать духовно – нравственное пространство и время русской культуры. Н.И. Коняев оптимистичен в будущем сибирской литературы: «…я убеждён, что праздник духа и души будет на нашей улице, ибо жива литература. А она будет жива, покуда жив народ. И порукой тому – наша литературная молодежь…»[6].

[6] Коняев, Н. И. Вчера, сегодня и всегда (Ретровзгляд на литературную жизнь Югры) //О времени, о литературе, о себе. Литературно – критический сборник. – Екатеринбург : ИД «СОКРАТ», 2007. – С.28.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЛИРЕРАТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СИБИРИ

Русская литература регионов Сибири имеет богатую историю и традиции, талантливых писателей, перспективную молодежь и вдумчивых читателей. Сибирская литература развивалась и развивается в контексте литературных процессов России, соработничает с региональными центрами духовного творчества, направленными на строительство единой духовно и нравственно сильной России. Русская сибирская литература, наряду с Русской Православной Церковью, вскрывает те пласты нерешённых духовно-нравственных проблем, которые копятся в российском обществе, но с учетом региональных особенностей культуры, национального колорита и истории развития края.

Архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий писал: «…у русской литературы сегодня особая миссия – донести мудрость, накопленную веками, до современного человека. Надеюсь, что наша литература сделает тот шаг навстречу современному человеку, который поможет обрести ему собственную дорогу к Богу, к источнику премудрости, к добру, в Царство божественной правды и истины»[7]

Сибирская литература, находясь в едином русском культурном пространстве, способствует расширению этого пространства, обогащает и насыщает его новыми фактами, событиям, образами и смыслами, не смотря на многочисленные трудности, внутренние литературные проблемы. Русская сибирская литература является важнейшим источником духовности и нравственности. В ней источники единства, любви, добра, знания, мудрости.

Трудностей в развитии русской литературы в Сибири предостаточно: от формирования образа героя сегодняшнего дня до книгоиздания, подготовки молодых писателей и развития литературных объединений до формирования читательской аудитории. Проблема героя всегда существовала, но особенно обострилась сейчас, когда в обществе развиваются противоположно направленные тенденции: с одной стороны – индивидуализации личности; с другой стороны – деперсонализации личности. Так М.К. Анисимкова отмечает: «сегодня трудно найти героя, на которого будет равняться молодежь». Русская литература всегда предъявляла, предъявляет и теперь жесткие требования к художественному герою. Так, С. Рабинович отмечает: «Да, безусловно, безукоризненный человек редко бывает интересен. А вот человек, в котором схватка

[7] Архиепископ Димитрий // Большая Медведица /. - 2010. - № 1-2.

добра и зла, в конце концов, заканчивается в пользу добра, который в ходе этой схватки попадает в невероятные ситуации, при этом вполне правдоподобные, испытывает падение и катарсис, блуждает среди невероятных закоулков – и в конце выходит на дорогу, освещенную солнцем или ведущую к Храму – такой человек может и должен стать главным героем – в какой-то замечательной книге, которую будут рвать из рук, и которую будет не достать в библиотеке»[8] Удачно раскрываются образы героев в произведениях В. Распутина, В. Шукшина, В. Астафьева, С. Луцкого и других писателей. При падении духовности и нравственности в обществе проблема героя актуальна как никогда и для сибирской литературы. В настоящее время большие трудности в поиске героя испытывают молодые писатели. Эти проблемы лишь обостряет трудности литературного творчества, особенно молодых писателей, усиливают противоречивость современных литературных процессов.

Свобода творчества писателя – это свобода ответственного самовыражения. В условиях кризиса, давления на высокую литературу, на дух творчества, колоссально возрастает ответственность каждого писателя за судьбы России, русского и других народов России, за культуру и будущее. Борьба со злом, ложью, несправедливостью, невежеством, ведущих к конфликтам, войнам, преступлениям против человека, должна пронизывать литературное произведение.

1. Проблемы единства русской сибирской литературы

Российские, русские писатели, литературные критики, литературоведы давно поднимают вопросы об единой сибирской литературе. Некоторые из них с горечью констатируют, что такого единства нет. Так, тележурналист, писатель А. Омельчук в интервью газете «Литературная Россия» сказал: «За всю Сибирь очень сложно отвечать – единого информационного поля – увы! – не существует»[9] С ним можно согласиться, но отчасти. Хотя этой точки зрения придерживаются многие писатели. Нельзя согласиться с А. Омельчук потому, что русская литература в Сибири развивается в едином пространстве русской литературы России. На неё продолжают оказывать мощное влияние традиции русской литературы, она подвержена влиянию собственных сибирских классиков.

Однако сибирскую литературу можно разбить на литературу отдельных регионов. Например, литература Алтая, Тюмени, Югры,

---

[8] Рабинович С. Добро и зло в жизни и в литературе / С. Рабинович // Большая Медведица. – 2010. – № 1-2.

[9] Что натворил Бог : Интервью с А. Омельчук // Литературная Россия – 2010. – № 6.

Кузбасса, Красноярского края, Омской, Новосибирской и Иркутской областей, литературы малочисленных народов Севера. Хорошо это или плохо, что отсутствует единая сибирская литература? И хорошо, и плохо. Хорошо потому, что региональная сибирская литература развивается в русле процессов единой русской литературы. Русская сибирская литература сцепляет русскую, российскую культуры, народы России. Центром этих процессов является региональные отделения Союза писателей России.

Плохо, потому что сибирские писатели сильно разобщены, очень мало общаются друг с другом. У них недостаточно объединяющих сибирских литературных объединений, мало общесибирских литературных журналов и газет. Очень мало таких праздников литературы, как шукшинский на Алтае. Такие праздники литературы и русской культуры свидетельствуют о торжестве духовности и нравственности.

Для того, чтобы создать единое сибирское поле русской литературы, необходимо организующее начало. Но оно само по себе не появится. Эту роль в какой-то степени исполняют такие объединения писателей, как Ассоциация писателей Урала (АСПУР). Координатор АСПУР А. Кердан, говоря о работе объединения, отмечал: «Ассоциация – своего рода некий образец «сшивания», создания единого литературного, и даже шире – культурного пространства, в котором взаимодействуют различные институты общества. Это опыт стратегического и тактического планирования литературного процесса, и пример социальной поддержки писателей и, конечно же, система книгоиздания, выпуска журналов, альманахов, газет...»[10] То же самое говорит секретарь Омского регионального отделения Союза писателей России В. Ерофеева-Тверская: «...Ассоциация писателей Урала, где прекрасно уживаются организации двух союзов! Это своего рода переходная организация к общероссийской писательской... При этом никто не отступает от своих принципов и уставных требований. Если бы во всей России создать подобную организацию! Но только в одной Москве уже более десятка вновь созданных писательских организаций. Как быть с этим? Да очень просто было разделяться, а теперь... Впрочем, роль клубов по интересам ещё никто не отменял. Может в будущем найдутся новые подходы к решению нашей проблемы»[11] Существуют и финансовые проблемы, ибо без их решения нам, сибирским писателем, собираться невозможно. Можно активнее задействовать и механизм проведения научно-практических конференций ведущими университетами и институтами Сибири. Любые мероприятия стоят очень дорого, и чиновники не всегда охотно идут на проведение

[10] Кердан А. // Большая Медведица. 2010. - № 4-5.
[11] Ерофеева-Тверская В. Большая Медведица. 2010. - № 10-11. – С. 8.

литературных праздников. Поэтому писателям необходимо усилить работу с чиновниками и бизнесменами всех уровней, ибо литература несет нравственное очищение и духовное обновление в обществе.

В настоящее время существуют и развиваются центры региональных культур. Каждый край, каждая область имеют свои писательские организации, входящие в состав Союза писателей России или других писательских организаций. Сам факт существования процесса регионализации литературы не подвергается сомнению, является объектом серьёзного анализа литературоведов, писателей. Так, А.А. Горелов отмечает в журнале «Русская литература»: «Действие регионального фактора внутри всякой национальной литературы превращает её в художественное родиноведение, служит исследованию и устроению отчей земли. Это в высокой степени ценно для литературы столь большого народа, как русский, расселённого на наиболее обширной в мире государственной территории, где, в частности, и после игнорировавших местное своеобразие, нивелирующих директив и декретов советской власти и командной практики социально-политического реформаторства, процессы преодоления хозяйственно-экономической разноукладности, связанной с социально-краевыми условиями, длились десятилетия, либо обрекали местную жизнь на катастрофические следствия»[12] Регионализация литературных процессов Сибири идёт в рамках процессов родиноведения или краеведения. Эту тенденцию родиноведения следует рассматривать как позитивную в развитии русской литературы в целом и в Сибири, - в частности. Но процесс регионализации, протекающий сейчас в Сибири, не всегда высвечивает сильные стороны творчества писателей Сибири. Чрезмерный крен в сторону регионализации может нести и опасности отхода от процесса родиноведения. Такие тенденции уже наблюдались в середине 90-х годов во многих региональных литературных объединениях, но в начале нового столетия постепенно были преодолены.

Сибирское родиноведение полезно тогда, когда действительно будет соответствовать высоким идеалам русской литературной традиции, заложенной еще классиками русской литературы, и выражать особенности сибирского миропонимания и образа жизни. Сибирской родиноведение играет важную роль в воспитании подрастающего поколения в духе любви к малой и большой Родине, в формировании патриотического мировоззрения.

---

[12] Горелов, А.А. Региональный фактор и литературный процесс / А. А. Горелов // Русская литература. – 2009. - № 4

2. **Проблемы работы объединения сибирских писателей**

Региональные объединения Союза писателей России проводят большую работу по сохранению и приумножению литературных традиций, приобщению молодежи к русской и национальной литературе, созданию творческих объединений. Писатели на общественных началах активно участвуют в работе литературных объединений. Так, писатель М.А. Безденежных, возглавивший литературное объединение Омска, ведет «Литературную мастерскую» при Омском техническом университете; Т.А. Мальговко организовал литературное объединение в Таре «Вечера на Александровской»; а поэт Г.П. Тарасов создал в поселке Марьяновка клуб «Золотое перышко». Примеров удачной работы литературных объединений можно привести много по всем краям и областям Сибирского региона. Такая работа скрепляет культурное пространство региона. Такая работа необходима, но она недостаточна. Нужно организующее начало и на региональном уровне. Но есть много и примеров, когда литературные объединения распадаются, ибо рядом просто нет опытных писателей-наставников.

Сибири нужны такие организации, как Ассоциация писателей Урала, которая завоевала авторитет и уважение не только писательского сообщества, но и власти. На её конференциях можно заметить и представителей региональной власти, РПЦ, политических партий, литературных объединений разной направленности. Такие организации, как АСПУР, способствуют расширению духовно-нравственного пространства Сибири и Урала. Так, в обращении УП конференции Ассоциации писателей Урала «Готовы к сотрудничеству», направленной губернаторам всего региона, было предложено сотрудничество по вопросам «духовного развития родной земли». Деятельность АСПУР пронизана высокими помыслами, способствует созданию условий для духовного и нравственного возрождения русской культуры, поиску путей развития и национальной идеи. Ассоциация предлагает региональным властям конкретные направления для сотрудничества с учётом её статуса и роли в воспитании граждан России. Кстати, в резолюции УП конференции от 6 ноября 2006 года отмечается: «Всем организациям, входящим в Ассоциацию, **продолжить работу по воссозданию единого литературного пространства в регионе**, консолидации усилий в деле возрождения духовности в России».

Важное место в объединении писателей, в повышении качества их произведений, их общественном признании отводится конкурсам, фестивалям, памятным датам сибирских писателей. Например, в Екатеринбурге проводится литературный конкурс на премию имени П.П. Бажова и Д.Н. Мамина-Сибиряка; на Алтае – литературный конкурс имени В.Б. Свинцова, Черкесовские чтения в Саратове; в

Томске – Всероссийские Клюевске чтения; в Бийске – конкурс литературной премии «Белуха»; в Омске – конкурс молодых поэтов, посвященный юбилею поэта П.Н. Васильева; в Ханты-Мансийском автономном округе – конкурс на литературную премию имени губернатора округа и другие. Эти конкурсы, фестивали и чтения собирают и выявляют литературные таланты, помогают художественному росту перспективной молодежи.

3. Издательская деятельность

В настоящее время в сибирских региональных писательских организациях существуют серьезные издательские проблемы: качества писательского труда, отсутствия должной политики власти в отношении писательских организаций, качества издаваемых книг. Вместо высокой литературы власть зачастую поощряет серость путём издания всякого рода юбилейных буклетов, рекламных изданий (это всё нужно, но не таком объеме и не такие дорогие). Да и в среде писателей «графоман» не редкость, чьи произведения не несут какой-либо идеи. По содержанию такие художественные произведения изначально пусты.

К сожалению, последние 20 лет на книжных рынках появилось очень много «мутной», «низкопробной» литературы, которая дезориентирует читателя и общественность. Есть такая русская народная пословица: «Талант необходимо защищать, а бездарность сама пролезет». И пролазит, даже в писательские организации. Прозаик Н.И. Коняев писал: «Писательская организация пытается ставить заслоны мутному потоку, но пока без особого успеха»[13] «Серая» литература заполонила все прилавки книжных магазинов, продавцы ставят их за образец для подражания. Для книжных магазинов главной заботой стало извлечение прибыли, а качество и содержание книги их не волнует. Покупают, значит «хорошая» литературы.

В последние годы на региональных, краевых, областных уровнях отмечаются и элементы борьбы конкурирующих писательских организаций с отделениями Союза писателей России, причём в недостойных для творческих лиц формах и с использованием грязных «технологий». Такая борьба отдельных писателей, принадлежащих конкурирующей писательской организации, выплескивалась на страницы региональной печати. В чем смысл этой борьбы, за что борются писатели сейчас. Если раньше борьба шла в плоскости идей и творчества, то сейчас она переместилась в плоскость денег. Идет

---

[13] Коняев, Н. И. Вчера, сегодня и всегда (ретровзгляд на литературную жизнь Югры) / Н. И. Коняев // О времени, о литературе, о себе : литературно-критический сборник. – Екатеринбкрг : ИД «Сократ», 2007. – С. 27.

борьба за премии, за спонсорскую поддержку в издании книг. Все это порождает нездоровые тенденции в писательской среде, отвлекает их от главного – формирования духовной, нравственной и эстетической среды в обществе. Высокая литература, а в это мы верим, все-таки возьмет верх. Ибо её сила в правде. Тем не мене давление рынка и власти на литературу всегда будет сильным. Нужно научиться отстаивать свои позиции, защищать высокую литературу от рыночных пристрастий.

4. Философия и литература

Проблема взаимоотношений философии и русской литературы существовала всегда, существует и сейчас, будет существовать и в будущем. Философия есть наука о смысле жизни, бытия, существования. Русская литература ищет идеалы такого бытия человека. Эти идеалы писатели запечатлевают в художественных образах. Отторжение, отчуждение или игнорирование писателями русской классической философии обедняет их произведения, опустошает художественные образы героев.

Русская литература, опиравшаяся на классическую философию, наполняет художественные образы смыслом существования. В русской литературе что ни писатель, то философ. А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, П.Н. Толстой, М.А. Шолохов, Ф.М. Шукшин – это вершины не только русской литературы, но и русской философии.

Что же сейчас берет русская литература из философии? Современная пропагандируемая литература не берет из русской классической философии ничего, или мало чего. Поэтому она создает образы малопривлекательные, не интересные для читателя, вредные с точки зрения воспитания. В русской литературе (по названию) сегодняшнего времени пропагандируется телесность, страсть за которой пустота, зло, смерть. Русские писатели либо следуют, либо обосновывают философию смерти, конца, обреченности, апокалипсиса русской души. Эта философия проникла в поэзию через социальный контекст, через изображение действительности темными, либо черными или серыми красками, через фатальное ощущение одиночества, через ослабление и утрату человеческих связей и пр. Поэты объясняют это тем, что так они видят своё бытие, бытие России, или вообще никак не объясняют. Их «кошмарное» бытие определяет их вечно сомневающееся и мечущееся сознание. В этом они видят реализм своего творчества. Дикие сцены пьянки, потребления наркотиков, все это обосновывается реализмом. А где же высокое призвание литературы нести высокое, прекрасное, показывать пути в жизни и творчестве. А где же перспективы человеческой жизни? Не хлебом единым жив человек, – как сказано в Священном Писании. Эти писатели давно отошли от духовных

традиций русской классической философии. Спрашивая у некоторых их современных писателей о том, каких философских взглядов они придерживаются, они не только путаются в своих философских позициях. Более того, они даже не читали произведении великих русских философов И. Ильина, Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Соловьева, Л. Лосского, Л. Карсавина и других. Они не понимают, зачем это нужно. Но здесь таится главная причина пустоты, бессодержательности, низкопробности современной упрощенной русскоязычной (не могу сказать: русской!) литературы.

В последние годы в российском обществе усиливаются тенденции индивидуализации и деперсонализации личности. В рамках этих тенденций человек все больше и больше отрывается от реального мира, все больше погружается в мир чисел. По мнению Дэйна Радьяра, «охватившее всех отношение к человеческому существованию и к миру, в котором живет человек – особое и исторически новое подчеркивание индивидуальной личности. Это апология эго – реакция индивидуальной личности, апология её способности быть безжалостным хозяином своего окружения; но в то же время личность сводится к пустому числу благодаря количественному и статистическому подходу к коллективному социальному существованию. Мы живем в период крайнего индивидуализма и в то же время деперсонализации»[14] Эти процессы в ускоренном порядке происходят и в России. Такая литература не несет свет, правду, любовь, только мрачное, лживое, злое, несправедливое настоящее. Такая поэзия не показывает нам пути духовного и нравственного возрождения личности, общества и России в целом. Такая литература подавляет Русский дух, вызывает смятение в неокрепших душах, усиливает чувство обреченности, толкает людей на необдуманные поступки и мысли. Такая позиция поэзии больше похожа не на русский реализм, а на натурализм. Хорошо сказала поэтесса Н. Ягодинцева: «Цель литературы – осмысление существующей реальности и смыслообразование, моделирующее реальность новую»[15] То есть, литература есть процесс творческий. А творец заложил в поэта создание новой реальности, облагороженной высокими идеалами. Такой творец не может игнорировать великое наследие русской классической философии и русской литературы.

---

[14] Радьяр, Д. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому / Д. Радьяр. – ВАКЛЕР, 1995. – С. 12.

[15] Ягодинцева, Н. Координаты смысла / Н. Ягодинцева //Большая медведица. – 2009. - № 2. – С. 4

5. Объединения молодых писателей Сибири

Важная роль в пополнении рядов писательской организации Союза писателей России принадлежит литературным объединениям. Поэтому сибирские региональные отделения особое внимание уделяют работе этих объединений, где молодые писатели обретают не только секреты творчества писателей, но нравственные и духовные ориентиры. Там они обретают навыки бережного отношения к слову, задумываются над тем, что пишут, какой смысл вкладывают в своих художественных героев, а также над тем, для кого пишут. Важное место в этом деле отводится всяким региональным и межрегиональным конференциям, совещаниям, чтениям начинающих и молодых писателей. Ассоциация писателей Урала в этом направлении проводит большую и интересную работу, оказывающую влияние на духовную атмосферу Сибири и Урала. Например, под эгидой АСПУР в 2001 году было проведено Всеуральское совещание молодых писателей в Нижнем Тагиле; в 2002 году – второе в Каменец–Уральском и в 2005 году – третье. Кроме того, в 2003, 2005 и 2007 годах проводились Всероссийские совещания молодых писателей в Ишиме (Тюменская область), Нижнем Тагиле (Челябинская область), Каменец-Уральском (Свердловская область) и в прошлом году в Сургуте (ХМАО-Югры). На наш взгляд, хорошим мероприятием могли бы стать дни региональных литератур, конкурсов и чтений в краях, областях и республиках, которые могут поддержать власти.

Такие и другие мероприятия являются не только одной из форм образования и передачи опыта, но и помогает молодым писателям и литераторам сформировать свои жизненные и философские позиции, сохранять единое общерусское литературное пространство России. Об одном из таких совещаний М.Г. Щекурина сказала следующее: «…писатели – народ беспокойный, неунывающий, ироничный, но верящий в будущее России, любящий свою малую Родину, историю которой каждый изучает и претворяет в книги… Я пришла к выводу, что наш уральский союз – костяк, ядро живой и здоровой русской литературы начала XXI века»[16] [10:4]. Большую роль в создании единого литературного пространства играют и печатные издания. Хотелось бы отметить положительную роль таких изданий, как «Эринтур», «Огни Сибири», «Иртыш», «Урал» и другие. Все они носят краевой, областной или республиканский характер. Но таких изданий как «Чаша круговая» и других общеуральских и общесибирских, выходящих регулярно, очень мало. Не говоря уже о газетах. Все это тормозит развитие литературы в Сибири и на Урале.

---

[16] Щекурина, М. Г. Взгляд со стороны / М. Г. Щекурина // Большая медведица. – 2007. - № 1. – С. 4.

Если же говорить об альтернативных писательских организациях Сибири, то они до сих пор не вышли из младенческого возраста, практически не имеют своих литературных журналов, газет. Поэтому об их работе очень трудно судить.

6. Проблема современного читателя

Следует отметить существование проблемы читателя. Она заключается не только в том, что книги мало читают, но и в том, что большинство неспособно читать высокую литературу, она кажется им скучной и нудной, что в ней нет динамики, что в художественные образы заложены философские смыслы. Современный читатель так далеко оторвался от традиций, духовности и истинных смысле бытия, что оказался неспособным понимать литературные тексты, извлекать полезное для сегодняшней динамичной и быстро меняющейся жизни.

Некоторые считают, что читателю мешает сосредоточится на высокой литературе компьютер, Интернет, современная быстро меняющаяся жизнь, информационные технологии. Полагаю, что дело не в этом. Дело в том, что в современную эпоху начинает претворяться в жизнь такая модель познания и формирования интеллекта, которая умаляет роль глубоких знаний и возвышает роль информации. Это модель «информация – интеллект» взамен модели «информация – знание – интеллект». Люди информированные – это люди, «скользящие» по информации, они никогда не будут обладать глубокими знаниями, да и сами они считают, что это ни к чему. Усвоенные человеком знания есть фундамент интеллекта человека. Модель «информация – интеллект», игнорирующая ступень знания, есть технология подготовки людей очень информированных, но подверженных всякого рода воздействиям и манипуляциям сознания. Такие люди, подверженные манипуляциям ни на чем не могут задерживать внимание, сконцентрировать свое мышление. Эти люди сейчас популярны, психологи их называют «людьми-компьюторами». Они не понимают высокую русскую литературу.

Отсюда следует, что необходимо бороться за читателя, использовать для этого современные технологии, например компьютеры. Интернет, даже средства сотовой связи, электронные книги. Писатель должен показать через своих героев новую реальность жизни, что эта реальность достижима, что только она достойна жизни человека. Сейчас много говорят о том, что наступает эпоха нового сознания. Писатель формирует новую реальность, приближает эпоху нового сознания. Главное, чтобы творец знал, что это за эпоха. Писатель должен вскрывать социальные болезни, и одновременно, показывать путь к их лечению. Поэтому разработка образа лирического героя должна проходить через его идею бытия к конструированию новой реальности. Ибо мир, как говорят

культурологи, все дальше и дальше уходит от природы, все больше погружается в виртуальность.

Сегодня массовый читатель не читает сложные и длинные произведения. Поэту его через простоту необходимо вводить в мир сложности. Ибо мир все больше и больше усложняется. Создавать такие образы, которые не просто созвучны эпохе, но и несут духовный смысл жизни.

СТОЛКНОВЕНИЕ ПОЛЯРНОСТЕЙ, ИЛИ СМОЖЕМ ЛИ МЫ ПРЕОДОЛЕТЬ ИДЕЙНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ РАСКОЛ? (АКТУАЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ ЧТЕНИЯ РАССКАЗА «БОЖЬЕ ПОСЛАНИЕ» ЕРЕМЕНЯ АЙПИНА)

Творчество хантыйского писателя Еремея Айпина вызывает много споров среди читателей его книг, литературной общественности, среди ученых. Это один из наиболее читаемых хантыйских писателей. В его творчестве раскрывается столкновение общественных тенденций. Итогом этого столкновения являются борьба, вражда, непримиримость, кровь, страдания. Как примирить эти тенденции? Да и вообще, возможно ли примирить крайности?

Как вывести общество из состояния раскола, непримиримой борьбы полярностей? Такие мысли возникают из чтения многих произведений писателя. Особенно остро проблема раскола общественного сознания поставлена в рассказе «Божье послание».

Рассказ написан в 1990 году. В России начинается новая экономическая революция. Полярные тенденции опять выходят наружу. Раскол в гражданском обществе России усиливается и усиливается. Страна стоит на пороге гражданской войны. К власти приходят силы, противоположные по духу и культуре силам, которые завоевали власть в 1917 году и перевернули всю Россию. Снова возникает проблема «красных» и «белых». По сути, раскол между «красными» и «белыми» продолжался все годы советской власти, но был скрываем от внешнего взгляда, не преодолен он и сейчас. Где корни этого раскола? Почему общество не может преодолеть этот раскол?

Этот рассказ – есть попытка показать силу белой идеи и ничтожество и слабость красной идеи. И слабость, и сила любой идеи в её нравственных основаниях. Это рассказ о борьбе идей и их носителей. Белая идея вечна, как и красная. Она возникла не вчера и не сегодня. Ее корни тянутся вглубь веков. Философ И.А. Ильин писал: «Белое дело не нами началось, не нами и кончится. Но силою исторических судеб нам пришлось поднять ныне его знамя в России и мы несем это знамя с чувством величайшей духовной ответственности. Не мы создавали его: оно древне, как Русь; мы только стали под него, опять как бывало, в час смуты и разложения»[17]. Тем самым герой рассказа Липецкий подхватывает знамя Белой идеи и несет через всю свою жизнь. В чем суть этой Белой идеи? На эти вопросы и пытается ответить Еремей Данилович Айпин в рассказе «Божье послание».

[17] Ильин, И. А. О грядущей России / И. А. Ильин. – М.: Воскиздат, 1993. – С. 339

Этот рассказ восходит к истокам русской драмы XX века, которая острым лезвием рассекла и весь Север. Е.Д. Айпин в рассказе развивает и раскрывает несколько самостоятельных тем, где важнейшими являются проблемы войны и мира, Бога и человека, красных и белых, покаяния и примирения. Легким мазком он дает оценку нескольких исторических событий, происходящих на Обском Севере, в том числе Казымского восстания 1934-1935 гг., Второй Мировой войны. Этот рассказ о вере человека в идею, о силе Белой идеи, вообще о вере самого человека.

1. Послание идти на войну

Стержневой темой рассказа является вера в Бога, идея исполнения Божьего послания. Человек верующий не может не исполнить это Божье послание. Это крест человека, который он должен пронести через всю жизнь. Глубоко верующий человек понимает, что он предназначен для решения каких-то Божественных дел. Что ему предназначено, предначертано, одному Богу известно. И герою рассказа «Божье послание» Липецкому, по замыслу писателя, было предназначено быть носителем Белой идеи, которую он нес через всю жизнь, которая показала свою духовную силу, которая живет и будет жить после его смерти.

Грамотные и набожные жена и дочь, прочитав листок бумаги, который безграмотный Липецкий подобрал во дворе и принес в дом, могли бы скрыть от него, могли бы сказать ложь, но они не поступили так. Глубокая вера в Бога дала им силы сказать, что Верховный Бог зовет их мужа, Липецкого, на войну. Этот сюжет раскрывается драматично и глубоко: «С бумагой в руках вернулся он в дом.

- Вот, - говорю, - Жена, бумагу во дворе нашел. Прочти, что там написано. Что это за бумага?

Жена прочитала бумагу и заплакала.

Дочь прочитала бумагу - и тоже заплакала.

Обе плачут.

Я стою, молчу.

- Скажите, какую весть эта бумага принесла. Скажите, как бы тяжела не была эта весть…

Жена сквозь слезы говорит:

- Верховный Бог тебе Послание прислал, чтоб ты на войну пошел…

И дочка сквозь слезы подтверждает:

- Да, это Божье послание, что бы ты на войну пошел…

И все плачут». В этом послании – расставание любимых. В Библии сказано: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся…» (От Матф. 5,4).

Липецкий не мог поступить иначе, он должен идти на войну. Его зовет на войну вера в дарованное свыше Божье послание. Он не свободен в своем решении. Он не может изменить свою судьбу, предначертанную ему выше. Эта сцена уже говорит о высоте, духовности поступка совершенного Липецким. Богом нам начертаны и освещены пути. Долг человека следовать этому пути. Человек идет по пути предначертанному ему свыше. Человек только знает, раз ему начертан этот путь, значит так Богу угодно. Если он пойдет по другому пути, то его ждет гибель, забвение. Митрополит Филарет пишет, что «погибелен путь того, кто игнорирует, презирает, упорно нарушает данные Богом законы чистоты и правды христианской, оскверняя тело и убивая душу»[18]. Липецкий как богопослушный человек, не может и не будет делать иного выбора, который обозначен в «божьем послании».

Жена, дочь живут полной душевной жизнью, и поэтому у них тоже выбора нет.

« Я говорю им:

- Женушка моя, не плачь!… Доченька моя, не плачь!…Что Бог задумал – тому не миновать…

Все плачут, никак не уймутся.

Говорю им:

- Не плачьте. Может, все обойдется. Пока живется – надо жить…».

Божественной идеей пронизан весь рассказ. Это идея света, нравственности, чистоты. Бог хранит Липецкого. Здесь заложена мощная идея жизни. Здесь заложена и своеобразная философия жизни: жить, пока живется. Еще не чего не произошло, всего лишь обозначен путь.

Липецкий проходит через пекло гражданской войны и остается жив. Попадает в руки красных и остается жив. Ускользает от расставленных петель НКВД. Его не тронула ни одна пуля. Почему он избран Богом? Потому, что в условиях хаоса, телесного террора он несет Белую идею, идею установившегося веками порядка, Божественную правду, нравственную чистоту. Божье послание его защищает. Он как зеницу ока хранит адресованное ему свыше «Божье послание».

Перед войной он сшил кожаный мешочек, сложил туда «Божье послание», повесил его на шею под рубашкой и никогда с ним не расставался. Липецкий верил, что Божье послание ограждает и защищает его от смерти. Это вроде символа, амулета, который хранит его носителя.

« - Ты, Липецкий, не забывайся – ты в наших руках!

---

[18] Филарет. Нравственность христианина / Филарет. – М. : АО Российский писатель, 1991. – с.38.

- Никогда в ваших кровавых руках не буду, - говорит Липецкий. – Моя жизнь в руках моего Небесного Отца. Как он решит – так тому и быть.

Посмеиваются красные, не верят ему». Вера есть жизнь, она выше смерти, она хранит Липецкого. Он поверил в свое предназначение, с этой верой идет по всей своей жизни.

Е.Д. Айпин убедительно показывает, что только люди без веры, без «царя в голове», могли развязать такую страшную братоубийственную войну, как гражданскую в России, где брат пошел на брата, русский на русского, хант на ханта, татарин на татарина. Все окрасилось в красные цвета. Это цвета крови, боли, страданий. Вера же в Бога делает людей добрее, справедливее, нравственнее, чище, светлее, делает их действительно людьми. Без веры в Бога люди превращаются в зверей, носителей потребностей и страстей, все более и более извращенных стремлений к удовольствиям. Писатель таких людей сравнивает со скорлупой, где под оболочкой пустое нутро. У этих людей нет корней, нет национальностей, они бездуховны, у них свои понятия о нравственности (вернее: безнравственности), они заражены злом идеологии, злом телесной идеи, они потыкают свои желаниям. И эти люди несут кровь, страдания, несчастия людям, разрушают культуры и цивилизации. Одним словом - это варвары. Эти пустые люди со временем исчезнут, народ их отвергнет, да и сами они друг друга уничтожат. Они тянут ум, сознание, интеллект назад в природную страсть, во мрак, они носители идеи смерти духовной. Читая рассказ, приходишь к выводу, что «красная идея» - это идея смерти, разрушения, зла.

Очень хорошо подмечено, что люди без веры не имеют будущего, они могут удовлетворить сиюминутные потребности, у них нет великой идеи, великой цели. Это люди одного дня, пустышки. Поэтому они быстро деградируют, звереют, превращаются в нелюдей, в животных. Красная идея нравственно пуста, красное сознание деструктивно, контрпродуктивно. Липецкий говорит красным: «… в вас нет нутра. Вы все – как пустые орешки. Сверху орешек как орешек, а как раскусишь – там пусто, ничего нет. Одна пустота…

- Ты, значит, раскусил?

- С Божьей помощью.

- Смотри, как бы зубы не обломал!

- Одни сразу раскусили вас. Другие – в гражданскую. А вот когда последние люди раскусили вас и увидели, что в вас нет нутра и вы пусты – тогда вам конец придет.

- А чего у нас нет? Чего там должно быть?

- В вас нет веры, нет Бога. А без Бога, озверев, рано или поздно, вы перегрызете друг другу глотки и тем кончите себя.

- Но сначала мы перегрызем глотки вам.

- Верно? Сначала нам, а потом возьметесь за себя.

- И по-твоему, Липецкий, жизнь кончится на этом?

- Нет, люди останутся. Но не красные, а останутся просто люди с верой, люди с Богом…

- А нас, значит, не будет?

- Нет на вас креста – значит, вас не станет».

В этом диалоге писатель говорит словами Липецкого, что многие с самого начала знали, что за собой несет безбожье, безверие, что многие сразу поняли пустоту атеизма, безбожия, хотя идея коммунизма пряталась в красивые этикетки свободы, справедливости, равенства, процветания народов. Эта идея обещала землю крестьянам, благополучие и мир. А человек получил закабаление, нищету и войну. Многие лучшие люди русской интеллигенции, духовенства, политические лидеры предупреждали о зле, которое несет с собой большевизм, замешанный на атеизме, то есть на богоборчестве. Е.Д. Айпин говорит о пустоте таких людей, проповедующих атеизм. Атеистическая, красная идея делает людей жестокими, бессовестными, агрессивными, безнравственными. Для них борьба есть все. Всё, ради чего и за что бороться – они не знают. Конечная цель – ничто, борьба есть все, вот их принцип жизни. Но даже от этого принципа жизни им приходится отходить. Поэтому большевики подобны скорпионам, которые в конце концов уничтожают самих себя, и поэтому их, в конце концов, не будет, красная идея умрет вместе с ними. Еремей Айпин хочет сказать, что красная идея разложится изнутри, сама в себе.

Волны насилия шли одна за другой. Лучшие люди России, в первую очередь русские, в большинстве своем оказались за границей, в эмиграции, или были уничтожены первой волной красного террора, насилия большевистского ЧК над лучшими умами духовенства, офицерства, русской интеллигенции, купечества, государственных людей. Раскусила красных в гражданскую войну часть русской интеллигенции, высланной В.И. Лениным за рубеж, большая часть духовенства, которая расстреляна, заперта в ГУЛАГ аж по всей стране, уничтожены крепкие сельские хозяйственники или «кулаки», русское офицерство и т.д. Правы К. Мяло и Н. Нарочницкий, отмечавшие, что «идеология большевиков в области государственного строительства вообще и обустройства разрушенной ими Российской империи зиждилась на тотальном отрицании всей предыдущей истории и преемственности развития, а также на претензии построить совершенно «новый мир». И они со свойственной им энергией взялись за дело: срезая один слой за другим, ликвидируя одно сословие за другим. Десятилетиями бессмысленно лилась кровь. Но большевизм держаться на терроре, массовом воздействии на сознание народов больше не мог, и он стал вырождаться. Но на смену в Россию пришел коммунизм.

Под конец красная идея, в каком виде она зародилась в головах большевиков, полностью обанкротилась в конце XX века. Народ пошел в церковь, потянулся к вере предков, стал воцерковляться, каяться в своих грехах. Народ раскусил этот «орех» и увидел пустоту. В этой красной идее нутро пустое. «Полное нутро», по мнению Е.Д. Айпина - это вера в Бога, духовность, которая движет мыслями и поступками человека. Без веры в человека красные становятся зверьми, хищниками, носителями зла в обществе. Нутро человека – это его доброта, нравственность, мудрость, знание, свет души, национальный дух, совесть.

Пустые люди, увлекшиеся красной идеей, не понимают, что они, не верующие в Бога, несущего свет и добро людям, есть носители зла, жестокости, безнравственности. То, что они декларируют «равенство» и «братство», «свободу» и «справедливость» - это всего лишь скорлупа, внутри которой пустота, безверие. Пустота несет смерть, небытие. В этом рассказе Еремей Айпин пытается раскрыть философию пустоты, несущую диструктивность, ничтожность. Для него пустота – все, что вне Бога, вне Белой идеи. Значит пустота то, что вне нравственности, духовности , культуры. Если дальше так развивать мысль, то можно дойти до того, что телесность, природность – это все пустота. Становясь на данную позицию Е.Д. Айпин отходит от родных хантыйских традиций, противопоставляет народу Дух.

У красных нет нравственных аргументов обоснования своей идеи и они переходят на эмоции. Е.Д. Айпин описывает допрос Липецкого: «Молчать! – закричали красные. – Это не твоего ума дело. Это дело революции!

- Бог вам никогда не простит того, что вы наделали.

Тут красные в ярости закричали:

- Мы сейчас из тебя, Липецкий вытряхнем твоего Бога, и ты станешь таким же красным и кровавым, как и мы…

- А это как решит мой Небесный Отец, так и будет! – сказал Липецкий».

Никакие угрозы, никакие кровавые деяния красных не могут поколебать убеждения человека, стоящего даже на краю между жизнью и смертью, но верующего в Бога, в Белую идею. Вера хранит человека, спасает его даже в такие критические минуты. Невозможно у человека верующего вытряхнуть из души Бога, хоть он и зальется кровью. Не может человек верующий стать таким же кровавым, как красные, он может стать кровавым лишь от пыток и истязаний красных. Здесь Е.Д. Айпин раскрывает драму борьбы противоположных начал, борьбы непримиримых идей и полярностей, которые для одних разрешаются через смерть в вечной жизни с Богом, для других - через жизнь в вечном зле, лжи, предательстве, дискриминации. Он прекрасно описывает невозможность примирения

души и страстей тела, пустоты и веры, Божественного и Дьявольского - это вечная борьба зла и добра.

Человек, верующий в Бога, целен, тверд, имеет сильный характер. Для него нет неодолимых преград. Ибо его поступки, действия нравственны, душа спокойна. Такой человек несет жизнь, свет, добро, правду, мудрость, справедливость всем окружающим. Зло не может одержать победу над правдой таких людей. Ибо вера укрепляет их дух, они уверены в правильности своего пути. Русский философ С.Н. Булгаков отмечает: « В вере не человек создает Бога, как говорит неверие (Фейербах), но Бог открывается человеку, а потому и человек находит в себе Бога или себя в Боге»[19].

2. Непримиримость полюсов российского общества

Е.Д. Айпин разводит людей, носителей разных идей, по разные стороны. Для него красная идея олицетворяет зло, жестокость, несправедливость, войну, бездуховность, безверие. Носителями этой идеи являются НКВД, ЦИК, большевики. Белая идея олицетворяет добро, правду, свет, мир, справедливость, духовность, нравственность, совесть. Носителями белой идеи выступают белогвардейцы, Белый Царь, семья Белого Царя, вообще весь обманутый большевиками народ. И в рассказе разворачивается непримиримая борьба этих двух идей. Эта борьба раскалывает российское общество, проходит через сознание всех людей эпохи: через русских, ханты, большевиков и царских офицеров: белые – с Богом, красные – с Дьяволом. В конце концов, красная идея, идея телесной силы в России побеждает, на штыках утверждается советская власть. И этот период длится 85 лет. Исторически – это ничтожно малое время. Для жизни человека – это очень большой промежуток времени. В итоге, красная идея терпит свое логическое банкротство, так как она опирается на бездуховное, безнравственное основание.

Е.Д. Айпин показывает красных и белых как два непримиримых полюса российского общества начала XIX века. Носители этих идей притягиваются друг к другу и в мертвой схватке на полях сражений и в душах людей уничтожают друг друга. Последствия этой схватки: смерть, кровь, страдания людей. Компромисс, гармония и мир между ними невозможны. Примирение на безнравственных основаниях чрезвычайно трудно реализуется.

Начинается с самого простого – приглашения в армию. Красные приглашают Липецкого воевать за них. Если у них нет даже оружия, значит, идти на верную смерть. Уже этим красные несли смерть, несли зло, страдания и разруху. Белые, напротив, дают

---

[19] Булгаков, С. Н. Свет невечерний; созерцания и умозрения/ С. Н. Булгаков. - М. : Республика, 1994. – с.31.

Липецкому и винтовку, и коня в придачу. И естественно, что он соглашается воевать за белого царя, в белой армии. Человеческие поступки белых выглядят более нравственно, чем поступки красных.

Липецкий воевал всю гражданскую войну и видел всю бессмысленность этой бойни. Против кого воюют белые и красные, русские и остяки – друг против друга, брат против брата. За что убивают русские русских, остяки остяков? За идею «справедливости», «равенства», «братства», «мира». А разве можно добиться этих высоких целей, проливая реки крови своих братьев, сестер, мужей и жен? Конечно, нет. Это война не освободительная, а истребительная.

Победа большевиков, в конце концов, состоялась, но это победа телесной силы, а не духа. Но если белые проиграли битву за Россию, значит белая идея слаба? Нет, не так! Просто, зло, ложь более изворотливы, изощренны в борьбе, они опираются на силы тьмы. Но правду, дух, добро, справедливость, знание им ни когда не задушить. И.А. Ильин писал: «В едином, общем деле они опередили нас; они уже совершили и победили; они донесли наше знамя до конца и показали, как можно и должно строить Родину, умирая за нее. Их дух, их деяния, их слово живет среди нас; мы помним их; мы гордимся ими; мы сами хотели бы совершить то, что они совершили. Поэтому, мы стремимся, прежде всего, сохранить историческую правду об их деяниях, подлинную правду о том, что было: какие события вызвали белую борьбу; как она начиналась и возникла; чего хотели, что думали и что совершили те, которые становились под белое знамя. Мы знаем, что эта строгая и подлинная историческая правда таила в себе с самого начала ту духовную правду, ту идею и правоту, которой они служили и которой мы будем служить и впредь»[20]. Физически большевики гражданскую войну выиграли, но нравственно красные проиграли гражданскую войну, их власть не могла опираться на нравственность, на духовность. Их власть духовно пуста, поэтому могла держаться только на штыках, на насилии. Вот смысл диалога Липецкого и красных: «Не знаю, не помню точно- то ли сразу, то ли сколько-то прожил, - до города дошел слух, что вернулся Леня Липецкий, который сражался за Белого Царя. Впрочем, он и сам сказал, что воевал на стороне белых.

Красные допрос ему учинили. Перво-наперво, говорят, скажи Липецкий:

- На войну ходил?
- Ходил, - отвечает Липецкий.
- За белых воевал?
- За белых.
- Хотел освободить Белого Царя?
- Спасать ходил.

---

[20] Ильин, И. А. О грядущей России / И. А. Ильин. – М. : Воснздат, 1993. – С. 339.

- Чего же не спас?!

- Жаль, не успел.

- Красных бил.

- Бил в бою.

- Будешь за все это отвечать?

- Буду, - смиренно говорил Липецкий.

- Деваться–то тебе некуда, - смеются красные. – Так и так тебе пройдется отвечать. Вот следствие учиним, соберем все твои грехи в одну кучу, взвесим их и предстанешь ты перед революционно-пролетарским законом нашего рабоче-крестьянского государства! И ответишь по всей строгости нашего правого суда и закона!

Липецкий молчит. Долго молчит.

Потом говорит:

- Хорошо, но сначала мне объясните то, чего я не понимаю.

- Спрашивай, - говорят красные. – Все тебе растолкуем, враз твою темную голову светлой сделаем!

Липецкий и спрашивает:

- Сначала скажите: кто будет держать ответ за убитых белых?

- Белые против народа шли – нечего за них отвечать! – говорит красный.

- Кто будет держать ответ за убиенного без суда и закона Белого Царя, - спрашивает Липецкий.

- Он был тираном народа – туда ему и дорога! – отвечают красные.

- Кто будет держать ответ за убиенных детей Белого Царя?!

- Молчать! – закричали красные.

- Кто будет держать ответ за убиенных дочерей Белого Царя?!

- Молчать!!– взревели красные.

- Кто будет держать ответ за убиенного сына Белого Царя?!

- Молчать!!! – громыхнули красные.

- Вы меня сюда молчать или говорить позвали?! – спрашивает Липецкий.

Когда красные немного успокоились, напомнили ему:

- Ты, Липецкий не забывайся – ты в наших руках!

- Никогда в ваших кровавых руках не буду, - говорит Липецкий. – моя жизнь в руках моего Небесного Отца. Как Он решит – так тому и быть.

Посмеиваются красные, не верят ему».

Казалось бы, раз победили красные, они должны стать милосердными, милостивыми, быть гуманными к белым. Таким образом, укрепляется власть, получает какую - то поддержку народа. Таким образом, народ успокаивается, приступает к созидательному труду. Но красные не пошли по этому пути, они преступили черту гуманности и встали на тропу вечной борьбы против своего извечного врага. Тем самым они нарушили законы диалектики:

противоположности не могут уничтожить или преодолеть друг друга, они должны быть в единстве, сохраняя свою особенность. Большевистские философы, так хорошо обосновавшие закон единства и борьбы противоположностей, сами же на практике его отвергли. Началась охота на белых, охота на уничтожение белых, (что, согласно закона единства и борьбы противоположностей, просто невозможно).

В условиях, когда идет резкое противостояние, когда побеждают красные, естественно, что они будут, вершить суд над своими противниками по-своему, по своему «рабоче-крестьянскому суду», по «рабоче-крестьянскому закону». Закону упрощенному, закону, отвечающему красной идее, защищающей идеалы большинства, идеологию тьмы. Разумеется, этот закон и сила, приводившая ее в исполнение, защищающая волю одного класса, не могут быть духовными, справедливыми, защищающими интересы одного класса, противостоящими интересам другого класса. Меньшинство, каким были белые после революции, требует так же защиты законом. Но красные, победив, стали физически уничтожать белых. Поэтому фраза Липецкого «спасать ходил» (Белого Царя) звучит, как «ходил спасать закон», основой которого является духовность, справедливость, правда. Липецкий ходил спасать «Белую Царицу», а вместе с ней и всех женщин и матерей; ходил спасать дочерей Царя, а вместе с ними и всех детей; ходил спасать сына Царя, наследника, а вместе с ним и систему смены власти, преемственность власти. Белый Царь был не только символом самодержавия, но и проводником мира, законности, справедливости. Липецкий ходил спасать русскую монархию, Великую Россию, ходил спасать уничтожаемое меньшинство большинством.

С убийством Белого Царя в России воцаряется законность зла, одного класса, законность атеистическая, бездуховная законность, как говорит Липецкий «пустая законность», безнравственная. Эта «законность» привела к массовому террору красных против носителей белой идеи, затем как тенденция новой власти, против армии, купечества, предпринимателей, духовенства, «кулаков», зажиточных крестьян, против интеллигенции, снова против офицеров, священников, врачей, вообще против «власти, но уже красной». Поэтому Липецкий и стоя перед красными, как их идейный противник, задает вопрос: «Кто будет держать ответ за убиенного без суда и закона Белого Царя? - и затем: - … Белую Царицу, детей, дочерей, сына Белого Царя?» вопрос нравственный, законный, пронизанный духовностью. Нравственные вопросы, пронизанные духовностью, идут в разрез с красной идеей – в целом, большевистской «нравственностью» (точнее, безнравственностью) – в частности. И в ответ Липецкий слышал: «Молчать! Молчать!! Молчать!!!». У красных нет аргументов по этим вопросам. Они уже знают, как отвечать на эти вопросы? А если знают, то видят, что за

ними скрываются зло, хаос, несправедливость, беззаконность. Липецкий и в его лице «Белая идея» чувствуют духовное превосходство над физической, красной идеей. И поэтому Липецкий не чувствует себя побежденным, хотя и находится в плену, но пленным себя не считает, говорит: «Никогда в ваших кровавых руках не буду…». Мол, жизнь в руках моего Небесного Отца. Как он решит – так тому и быть. Красные этому не верят. Вера у них разная. Липецкий верит Богу, верит своей совести, в то, что духовность, справедливость, нравственность, в конце концов, победят. Красные верят в материальность мира, в свою силу (то есть силу человека), свою незыблемость, в то, что они пришли надолго и могут управлять миром и людьми: « А мы победители.… И ты нам, Липецкий, не судья, не указ! У нас свои вожди! И мы сами знаем, кого нужно судить, а кого нет». Красные на место Бога ставят своих красных вождей, своих «красных мудрецов». Красные сами знают, как и кого судить. О законе ни слова. В этом заложена большевистская стихийность, отсюда растут зловещие силы террора, бездуховности, неограниченной власти, в конце концов, и самой тоталитарной системы: «Мы сами знаем, кого нужно судить, а кого нет!».

Большевики из людей делают Богов, кумиров. Но история показывает как эти «большевистские Боги и кумиры» превращаются в злодеев, тиранов. Рассекреченные ныне архивы показали, кто есть на самом деле Троцкие, Дзержинские, Когановичи, Свердловы, Бухарины, Каменевы, Зиновьевы и многие вожди. Те, которые делали революцию в России, обожествлялись и превозносились ими самими до небес. СМИ ежедневно, ежечастно «вдалбливали» в мозги советских людей (винтиков тоталитарной системы) веру в непререкаемый авторитет тиранов. Например, вот что проповедовал один из инквизиторов России Ф.Дзержинский: «Сможем принудить служить нам тех, кто нам нужен! Заставим! А для чего же у них матери, сестры, жены, дети? Бросим их всех в тюремные подвалы, как заложников, мучить, в страхе смертельном держать будем! У офицеров будет выбор – верная служба в нашей армии или уничтожение семьи, а для отцов такая смерть, которую мы с Петерсом подберем по лучшим рецептам Великого Инквизитора! Вот как!»

Идейная борьба белых в лице Липецкого и красных в лице НКВД продолжается. Е.Д. Айпин показывает борьбу нравственного единичного, конкретного с безнравственным общим, абстрактным. Единичное в данном случае не является носителем этого общего, абстрактного. Человек, не имея в себе общего, в конце концов избавляется от общего и вне себя. Ясно, что, физически одержав победу над Белым Царем, белыми войсками, красные терпят духовное поражение, проигрывают в сфере духа, нравственности. Здесь идет борьба сил добра, справедливости, света – с одной стороны; сил зла, стихийности, несправедливости – с другой стороны. В конце концов,

силы добра, справедливости выигрывают тяжелый, неравный бой. Красные не смогли одухотворить свою идею, не смотря на свой «моральный кодекс коммунизма», переписанный со Священного Писания.

В рассказе «Божье послание» Еремей Айпин выступает как яркий носитель Великой идеи, как носитель и продолжатель нравственной идеи. Он – представитель народа ханты и носитель Великой идеи – идеи добра, справедливости, правды, мудрости, знаний, света. Это и есть божественное в человеке, это и есть общечеловеческое.

3. Нравственная ответственность за свои поступки

В государстве идет смена власти. Новая власть любым, самым радикальным способом заставляет инакомыслящих и инакодействующих «уважать» новый закон. Вообще стоит вопрос: а законна ли сама власть, которая получена в результате вооруженной истребительной борьбы с другой властью. И вот эта новая власть ставит вопрос об ответственности. Насколько нравственна такая постановка вопроса? Разумеется, что безнравственная, незаконная власть может ставить только незаконные вопросы.

«В любом случае тебе, Липецкий, придется держать ответ, - говорят красные.

- Придется, но не перед вами, - отвечает Липецкий.

- Перед законом рабоче-крестьянского государства!

- Нет у вас никаких законов: ни революционно-пролетарских, ни рабоче-крестьянских, ни человеческих.

- Ошибаешься, Липецкий: есть у нас справедливые законы!

- …По которым можно лишать жизни безвинных детей?! И это вы называете справедливыми законами?!»

Е.Д. Айпин здесь ставит проблему нравственной ответственности за свои поступки и деяния во время гражданской войны. Красные заявляют, что белые должны нести ответственность за море убитых людей во время гражданской войны, то есть хотят снять с себя ответственность и переложить их на белых за свои же злодеяния. Но виновата ли в этой трагедии белая сторона? Конечно, нет! Кто развязал эту бойню? Конечно не белые! Перед законом рабоче-крестьянского государства? Которое по своей основе незаконно, которое вообще не имеет законов, и с нравственной точки зрения не может ставить вопрос об ответственности белых за убиенных во время гражданской войны. Красные тоже, даже может быть больше, должны нести ответственность. Но Липецкий так вопрос не ставит. Гражданская война – это война русских против русских, татар против татар, ханты против хантов, украинцев против украинцев и т.д. Белые не могут нести ответственность перед красными, как не

могут нести ответственность и красные перед белыми. Русские в развязанной гражданской войне не могут нести ответственность перед русскими, татарами, ханты перед украинцами, ханты, татарами, русскими. Не может быть общей ответственности, ответственность должна быть конкретная. Кто развязал до революции террор в России, кто ответил на этот террор террором? Кто развязал в 1918 году красный террор? Истории теперь известны имена, их деяния, их приоритеты. Их действия преступны, бездуховны и они должны нести ответственность перед народом России, перед Богом. Липецкий так же ставит вопрос об ответственности, но перед Богом. Нет еще такого закона, который мог бы судить белых; нет уже такого закона который может судить красных, так как разрушено государство и законы старой России. Поэтому судить носителей и белой и красной идей должен Бог. Он должен воздать по заслугам каждому. Но судить конкретных преступников, отдававшим приказы по массовым убийствам, террору должны нести конкретные лица. Истории должны быть открыты все имена палачей народа. Многие именна уже известны, многие архивы открыты, народ начинает понимать глубину трагедии революций и гражданского раскола в России.

Закон рабоче-крестьянского государства аморален, так как насильственно пришел на смену закона Российской Империи. Поэтому Липецкий и говорит, что у красных вообще нет никакого закона , их закон - это сила, кровь…, и по этим законам лишают жизни безвинных детей, женщин, матерей? В конце концов, красные проговариваются, что они победили, что у них свои вожди, и им никто не указ, не судья.

Здесь Е.Д. Айпин поднимает еще одну важную нравственную проблему. Она заключается в том, что сильный физически и слабый духом русский ищет всегда своих врагов на стороне, а враги их на самом деле в них самих, в красных. Это злость, бездуховность: у них нутро «пустое». Они сначала уничтожают белых, потом возьмутся за самих себя. Они «перегрызут друг другу глотки». И действительно так и было на самом деле. И это война самих с собой шла долгие годы и идет сейчас. Простые люди уже давно отвернулись от красных радикалов, так как они несут пустоту, зло. Но красная идея неуничтожима, как и любая другая идея.

4. Проблемы войны и мира

В рассказе Е.Д. Айпин поднимает актуальные проблемы войны и мира. Можно ли достичь войны при помощи террора? Конечно, нет! Террор порождает террор, то есть ответный удар, сопротивление.

Липецкий понимает, что достигнутый мир красными с помощью террора, диктата не есть мир прочный и навсегда. У террора нет идейного фундамента. В основе террора жажда власти, владения,

господства, собственности. Поэтому Липецкий объявляет войну красным. Он объявляет войну не конкретным красным, а красной аморальной идее. Носителями этой идеи становятся уже НКВДшники: «Липецкий замолчал. Долго молчал. Потом сказал красным:

« - Я вам объявляю войну.

- Ты, Липецкий, совсем свихнулся.

- Нет, я при своем уме.

- Ты же один, а нас много. Какая может быть тут война?

- Мое дело: сказать вам.

- За что же будешь воевать? За Белого Царя?

- И за Белого Царя.

- Его же нет – зачем он тебе нужен?

- Вы у народа спросите, какой царь ему нужен: Белый или Красный? Тогда все поймете.

- Ты нам, Липецкий, зубы не заговаривай: не за кого тебе воевать. Все ушли, их уже не вернешь.

- Есть за кого. За жену свою. За дочку свою. За детей Белого Царя. За все ваши безвинные жертвы. Вы считали, скольких душ погубили?

- Молчать! – закричали красные. – Это не твоего ума дело. Это дело революции!

- Бог вам никогда не простит того, что вы понаделали».

Гражданская война закончилась. Красные установили свою физическую власть. Но они не победили умы людей, дух народа, их волю к сопротивлению, стремление к справедливости. И объявление войны Липецким красным не случайно, логично. Это продолжающаяся война духа, Великой белой идеи против бездуховности, чуждой и ничтожной Красной идеи. Это борьба добра со злом, нравственности с безнравственностью, правды с ложью, мудрости с невежеством. И добро, в конце концов, все равно побеждает. Потому, что в добро верит народ, он является носителем добра, справедливости, духовности. И поэтому, не случайно, красные обрушивают весь свой удар, террор против собственного народа. Идея борьбы проста: «За жену свою. За дочку свою. За детей Белого Царя, за все наши безвинные жертвы». А их огромное число, до сих пор не поддающееся подсчету. Мы знаем слово и дело Дзержинского, Троцкого, Ленина, Ярославского и многих других вождей революции. Мы знаем, как отправляли безвинных людей в ГУЛАГи, как несли ответственность за своих отцов, мужей честные сотни дочерей России, как сбрасывали с кораблей в Охотское море ссыльных русских женщин, как строили и кто строил «великие» заводы и фабрики в СССР. «Красное колесо» истории прокатилось по всей России. И поэтому объявление Липецким войны красным логически обосновано. Это война света против тьмы, духа с дьяволом, нравственности с пошлостью, правды с ложью, добра против зла. Это

борьба духовная. А борьба духовная вечна. В данном конкретном случае становится духовной и справедливой борьба белых против красных. Белые применяют все свои силы в вере в Бога. Применительно к красным можно привести слова известного рассказа В. Соловьева, что «... вся сознательная действительность человеческая, определяемая идеею всемирной сезигии и имеющая целью воплотить всемирный идеал той или другой сфере, тем самым действительно производит или освобождает реальные духовно-телесные истоки, которые постепенно овладевают материальною средою, одухотворяют ее и воплощают в ней те или другие образы всеединства - живые и вечные подобия человечности. Сила же этого духовно-телесного творчества в человеке есть только превращение или обращение внутрь той самой творческой силы, которая в природе, будучи обращена наружу, производит дурную бесконечность физического размножения организмов».[21] Таким и увеличивалось количество приверженцев Красной идеи, идеи коммунизма. Сила «духовно»-темного творчества красных есть обращение внутрь силы, которая идет к дурной бесконечности. И эта дурная бесконечность, приводящая к размножению носителей красной идеи, прямо противоположна идее Бога, которая устремляет человека в вечность, которая дает человеку слиться с Богом и в Боге.

Таким образом, Е.Д. Айпин правильно считает, что примирение в борьбе идей не бывает и не может быть. Примирение добра и зла, нравственности и безнравственности невозможно. Можно примирить людей в каких-то гражданских принципах, но не по идейной и нравственной форме. В этом отношении объявление войны красным Липецким можно считать нравственно духовным обоснованием. Но если становиться на позиции физической борьбы с красными, что так же усматривается в рассказе, то это выглядит авантюристично. Воевать одному против силы выглядит романтично, увлекательно с внешней стороны, но безуспешно по сути. Здесь Е.Д. Айпин не смог развести духовную борьбу белых и красных с физической борьбой Липецкого и НКВДэшников. В результате, годы борьбы Липецкого против НКВД заканчиваются для него физической смертью.

Идея же движении за торжество добра продолжает и продолжает жить и после смерти Липецкого. Красные искали смысл «Божьего послания», но так и не нашли. А смысл заключался а том, что зло никогда не сможет победить добро надолго. Это временная победа.

Война вызывает разные чувства у людей: у одних – ненависть, страх, у других – жажду борьбы, желание помериться силами, у третьих- безразличие. Война, начавшись, врывается в сознание человека, овладевает его мыслями, чувствами. Е.Д. Айпин в рассказе раскрывает некоторые стороны отношения человека к войне. Человек

[21] Соловьев, В. Смысл любви / В. Соловьев. – М. : Собеседник, 1991. – С. 181-182.

живет своей жизнью: строит, садит огород, ходит на охоту, растит детей, любит…, и вот слухи о войне доходят в самые дальние уголки страны, проникают в тайгу. Люди живут обычной жизнью, но разговоры о войне все больше и больше будоражат мысли людей. Каждый взрослый человек, в первую очередь мужчина, определяет свое отношение к войне, участие в ней его самого. Война пришла и в деревню, где жил Липецкий. Он слышал разные разговоры о войне. Но однажды вдруг почувствовал, что хочет принять в ней участие, что хочет идти на войну. «Желание такое родилось. Во мне какой-то зуд появился – на войну, на войну». Живет человек в деревне. Но ему этого мало. Такая жизнь его не устраивает. Что тут делать? Сформировалась мотивация участия человека в войне. В какой войне? На чьей стороне? Об этой Е.Д. Айпин не говорит. Человек хочет просто участвовать в войне: стрелять, побеждать, пользоваться силой; человек еще не думал о том, что его могут убить, что его могут покалечить. Он еще не видел крови, несчастий, страданий во время войны. У него еще не возникают чувства ответственности, вины. Для человека на войне важна цель, кто враг, противник, насколько нравственна эта война.

И вот он на войне. Войне гражданской, где воюют русские против русских, остяк против остяка, брат против брата. Сначала он радуется, ему нравится убивать противника, врага, он радуется победе, радуется, что остался жив, что живы его солдаты, друзья, сотоварищи, земляки. Радуется, что выполнил задачу. Но война не заканчивается. Но война затягивается.

Убивать приходится все больше и больше. Кровь, окрылявшая его раньше, становится все ненавистнее и ненавистнее. Солдат начинает задумываться над тем, зачем это нужно, кому это нужно, он видит бессмысленность этой войны. «Сегодня здесь мы побили их. Возможно, в другом месте они убьют нас» и солдат понял, что в войне гражданской, где белые – русские, остяки, украинцы, татары и красные – русские, остяки, украинцы, татары…, победы не может быть, победителей не может быть. Потому, что братья убивают братьев, свои - своих, что это самая настоящая резня. Ведь и те и другие люди. И солдат задумывается: «И за что мы друг друга убиваем?! За что?! Нет такой цели, идей, за которую можно убивать своих друзей, братьев, за которую можно их назвать врагами». Возникает почва, основа для примирения людей, носителей разных идей. Идеи, теории, мировоззрения применить невозможно, но они могут существовать в целом, как единство противоположностей. А примирение людей возможно. Он возвышается до христианского понимания любви. «А Я говорю вам: любите врагов ваших…» (От Матф. 5, 44). Но герои Е.Д. Айпина идут не по пути примирения людей, носителей разных идей, но по пути их дальнейшей

конфронтации, войны, и в этом видится просчет писателя, творческого работника.

У солдата возникают чувства вины за происходящее. Он понимает, что но он развязал эту кровавую резню, он своими руками убивает. Но это чувство вины не может его остановить. В войне нужно сиюминутно решать, если ты убивать не будешь, то убьют тебя. «Война, - говорит, - дело худое. В ней мы, люди, повинны. И за эту свою вину жизни свои кончали. Это можно как-то понять». Из-за своей вины погибали люди. Но Е.Д. Айпин, ставя в вину солдату, уходит от вопроса, кто же несет основную вину за происходящее. Хотя в рассказе и говорится о вождях красных, которые есть суть, закон. Война учит человека многому: и нужному, и не нужному. Она учит самому главному. Ценить жизнь, любить жизнь, человека. Война учит человека не бояться трудностей, бесстрашно преодолевать трудности, испытаний…, но война аморальна, бессмысленна, бесчеловечна. Человек достоин Мира.

Человека всю жизнь гложет война, что он сделал на войне. Он думает и о погибших на полях сражений, и безвинно пострадавших, о разрушениях, какие она несет, о трагедии людей. Липецкий уже перед уходом из жизни, будто в бреду, сказал: «Россия, Россия, сколько людей загрубели… «А потом, уже далее отчетливо, спрашивал: - И за что?! И за что?!».

И этот вывод жизни и раздумий Липецкого актуален как никогда для любителей развязывать гражданские конфликты, войны в последнее время. Мало ли десятков и десятков миллионов русских и других народов России?

И этот вывод жизни не является главным в рассказе «Божье послание», но тем не менее Е.Д.Айпин яркими красками раскрывает сущность войны, положение человека на войне, его мысли и думы о войне.

Трагедия продолжается. Е.Д.Айпин кратко, но ярко, описывает трагедию 2 мировой войны. «Много наших людей на эту войну взяли. И моих двух братьев на эту войну увезли. Так они не вернулись, сгинули бесследно, в Нижний мир ушли! Как русские говорят «погибли». Любая война несет миру зло, страдания, унижения, разрушения бесчисленные потери. Война бессмысленна, противоречит жизни. Война – это затмения разума человечества, это черная страница его истории.

Война отрывает человека от малой России, от родной земли, леса, тайги, природы, от семьи. Война делает человека кочевником, который только и делает, что убивает, убивает и убивает…; он скиталец по всей земле. И на войне человек для себя остро ставит вопрос жизни, своего собственного существования. «Нет жизни… без своей земли, где родился и вырос». Человек на чужой земле – кочевник, временщик. Он использует ее ради деловой выгоды и

бросает, загрязняет и портит. На своей земле человек и хозяин, и эколог, и творец. Он не может небрежно относиться к своей земле. Человек по своей природе творец, патриот. Земля, почва дают ему жизнь, наполняют его жизнь смыслом. На этой земле человек творец, плодоносец, все может и все делает. Он хочет жить, радуется жизни. И как говорит Липецкий «жить захочешь – всему научишься». В семье, доме сохраняются и передаются из поколения в поколение традиции, трудовые навыки. Сын делает все как отец, дочь – как мать. Дети без особого принуждения постигают науку труда, жизни, любви. На своей земле выстроен уже устой жизни, познания, отношения с миром. Разрушив его, человек становится скитальцем, преступником, отшельником. Земля дает силы человеку для жизни, для развития. Возникает вопрос: родной ли является Югорская, северная земля для русских, татар? Русские и татары живут на этой земле более 400 лет, а может быть и больше, если учесть, что скифы, сармоты - их предки. Русские, татары, представители других народов сжились с землей, «вгрызлись» в нее, они ее любят, обустраивают и можно с полным основанием сказать, что это и русская, и татарская земля, наряду с Югорской, хантыйской, мансийской. Другой вывод просто безнравственен. Учитывая, что история народов – это история великих переселений, то можно задать вопрос, а чья это земля была 1000, 2000 и 4000 лет назад? А Гиперборея, которая считается прародиной русских? Вопросы, вопросы, вопросы…(!?).

Е.Д. Айпин, как и в других своих рассказах, и в «Божьем послании» старается постичь смысл жизни человека. Словами Липецкого говорит: «Пока живется – надо жить…». А жить, значит любить, строить, садить и выращивать, растить детей, передавать свои навыки и умения последующим поколениям. Надо жить – несмотря ни на какие трудности, катастрофы и конфликты. Жить ради чего? Ради великой цели! И цель эта в обустройстве своей малой Родины, ради большой Родины – России.

В целом рассказ «Божье послание» наводит на мысль о вечной борьбе не только духовной в обществе, конкретных носителей разных идей. Эта борьба приобретает формы физической борьбы на уничтожение. Это путь к бесконечным конфликтам, война всех против всех, человека против человека. Признавая, что духовная борьба неизбежна, что в духовной сфере примирение невозможно, я считаю, что люди же должны находить способы примирения, должны научиться прощать друг другу. Жить народ должен по закону единства и борьбы противоположностей. Это единый народ, единство жизни, сосуществования, но противоположность духовности, идей, культур, традиций. Это и есть путь в соборность, софийность, космизм. Только в соборности, софийности, космизме он может творить то Общее Дело, которое задал народу Творец.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СУДЬБА РОМАНА «ВАУЛИ» НИЖНЕВАРТОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ М.К. АНИСИМКОВОЙ

Исторический роман М.К. Анисимковой «Ваули», как ни какое другое произведение югорской литературы, приковывало к себе столько внимания общественности народов Севера, русской интеллигенции, читателя. О романе высказываются с самых разных точек зрения. Он задел ум, душу и сердце национально мыслящих людей, переживающих за судьбу Родины, за будущее России. Роман «Ваули» задел чувства и мыли русских людей, предки которых осваивали северные земли, присоединяли их к Руси. «Ваули» - действительно первый крупный исторический роман о реально действовавших лицах на Крайнем Севере в 30-40-е годы X1X века. Поэтому есть все основания, для того чтобы более подробно остановиться на истории создания, дискуссиях вокруг романа, на его судьбе. Разумеется, все эти размышления могут побудить пытливые умы к более глубокому изучению сибирской русской литературы, литературы народов Севера.

Этот рассказ об истории создания и о судьбе исторического романа «Ваули» нужен и для того, чтобы мы всегда помнили наши корни, берегли историю, не переписывали ее.

1. История создания романа «Ваули»

К необходимости написания этой истории М.К. Анисимкова пришла сама собой. Она длительное время увлекалась фольклором народов Севера, писала сказы и сказки. Эти сказки имели успех у школьников, учителей, всех читателей, интересующихся народной культурой. Еще до приезда в Ханты – Мансийский национальный округ М.К. Анисимкова сложилась как талантливая писательница, сказительница, исследовательница преданий, сказаний и фольклора народов Севера. О чем свидетельствуют ее многочисленные публикации. Это «Мансийские сказы» (Свердловск, 1960); «Оленья долина» (М., 1963); «Танья – богатырь» (Свердловск, 1973); «Земное тепло» (Л., 1979). В этих произведениях заложен фундамент для её будущего творчества. Дух этих сказов и сказок со временем войдёт и в роман «Ваули».

Переехав в г. Ханты – Мансийск М.К. Анисимкова основательно занялась изучением истории мансийского народа. Как-то, при знакомстве с музеем истории и этнографии М.К. Анисимкова обратила внимание на небольшую скульптуру инородца со связанными за спиной руками и гордо поднятой головой. Незнакомый

художник попытался выразить то, что, даже связав руки, ограничив свободу, победить дух борьбы за свободу, за национальное достоинство невозможно.

Она спросила:

- Кто это?

Заведующая музеем сказала:

- Это мансийский герой – бунтарь Ваули Пиеттомин.

Раньше, при изучении преданий, сказов и фольклора народов Севера М.К Анисимкова уже встречалась с этим именем. Ваули вызывал у не восхищение, она влюбилась в образ героя маленького северного народа. Журналист Ф. Богенчук, изучавший творчество писательницы М.К. Анисимковой, пишет: «Впервые она услышала о нем у манси – оленеводов «Северного маяка», и его образ глубоко засел в памяти. Ещё бы! При его упоминании старые манси светлели лицом и добрели душой. Давным – давно, говорили они, Ваули поднял их предков на борьбу с царскими чиновниками, нещадно грабившими манси и ханты, отбиравшими у них сверх ясака (царской дани) все, что попадалось им на глаза, - даже детей и жен. Лесных и тундровых людей жестоко пытали, травили собаками. Гнев ханты и манси был столь велик, что вылился в большое восстание против своих угнетателей. Возглавил его Ваули Пиеттомин, оленевод и рыбак, смелый, отважный человек, сумевший объединить в свои отряды тысячи сородичей. Собрав свое войско, он двинул его на гарнизоны русских, разбив их и взяв в плен самых жадных купцов»[22] (правда журналист чрезмерно сгущает краски событий).

Писательница часто разговаривала со стариками, они рассказывали о Ваули, мифологизировали его образ. Более того, старые манси, ханты, с которыми она часто встречалась, просили ее написать книгу об их герое – о Ваули. Писать о народе всегда интересно, особенно о том народе, в культуре которого сильны фольклорные традиции, история которого сильно мифологизирована. Н. Горбачева пишет по этому поводу: «…к написанию романа «Ваули», по некоторым сведениям, автора подтолкнула просьба самих северян: «Напиши о нашем Ваули». В этой просьбе равно значимы два обстоятельства. Просили именно Анисимкову – значит, доверяли, а, кроме того, верили, что сможет рассказать именно о «нашем» Ненянге, т.е. таком, какой дорог народной памяти и храним ею»[23]. В народе сложился положительный образ Ваули как народного героя, который боролся с богатыми ради справедливой жизни простых людей, который защищал простых людей от беспредела богатых старейшин.

---

[22] Богенчук, Ф. Творец, подаривший историю манси / Ф. Богенчук // Местное время. – 1998. – 18 апреля. – С. 4.

[23] Горбачева, Н. Мир прозы Маргариты Анисимковой / Н. Горбачева // О времени, о литературе, о себе. Литературно – критический сборник. – Екатеринбург : ИД СОКРАТ, 2007. – С. 151.

Вышедшая в 1960 году повесть известного в Ханты – Мансийском национальном округе омского историка и писателя М.Е. Бударина «Сын племени Ненянгов» или не устраивала ненцев, ханты и манси некоторой схематичностью, политизированностью и идеологизированностью образа Ваули, или была неизвестна народам Севера из –за маленького тиража. Эта книга их умы, души и сердца не тронула. В этой небольшой повести было много художественных пустот, слабость и безжизненность образов сподвижников Ваули. Личность Ваули и его сподвижников были без противоречий, страстей, переживаний, что делало повесть всего лишь продолжением истории восстания, художественным описанием давних событий. Поэтому писательница взялась за написание романа о героях тундры Х1Х века. Самое главное – ускользала личность героев с их характерами, страстями, неадекватными действиями, эмоциональными проявлениями.

М.К. Анисимковой захотелось увидеть реальный, динамичный и подвижный образ Ваули, внутреннее содержание его личности, поэтому она решила написать повесть о восстании ненецкой бедноты под предводительством Ваули. Чем больше она узнавала о герое, тем больше влюблялась в образ Ваули, тем более многогранной и масштабной казалась личность. Обратилась к архивным документам. М.К. Анисимкова работала в архивах гг. Омска, Салехарда, Москвы, Свердловска, Ленинграда, Тюмени, Тобольска. Встретилась с большими трудностями поиска материалов о восстании и его предводителях. Следует отметить и то, что в советские годы господствовали теории «реакционности» царизма, которые затрудняли работу над романом. Документов об этом восстании было очень мало, но и они уже давали определенное представление об образе основных действующих лиц будущего романа.

М.К. Анисимкова, кроме того, познакомилась со сборником документов «Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в Х1Х в.» (Омск: Омское областное издательство, 1940. – 48 с.), с научными работами профессора М.Е. Бударина об истории Сибири. В том числе с первой его повестью о Ваули «Сын племени Ненянгов» (Свердловск: Средне – Уральское книжное издательство, 1964. – 70 с.). Какое впечатление они оставили у писательницы, трудно судить.

Если обратиться к художественному освоению темы «Ваули», то она началась после Второй мировой воны. Так, Н. Денисенко опубликовал в «Летописи Севера», издаваемой в Москве, обработанные легенды и были о Ваули, записанные им же в Ямальской тундре. В 1950 году уральский журналист А. Климов издал в Челябинске книгу «Северные рассказы», где опубликовал отдельные главы из неоконченной им повести о Ваули Пиеттомине. Затем в 1964 году вышла в Свердловске книга М.Е. Бударина «Сын племени

Ненянгов». Наверняка с этими первыми литературными опытами, раскрывающими образ героя тундры, ознакомилась М.К. Анисимкова. Эти и другие работы, написанные в традициях советской исторической школы, социалистического реализма, давали богатую пищу для размышлений. Но они давали и метод работы над образом, подтолкнули писательницу к новым художественным идеям и открытиям. Она увидела и недостатки предыдущих литературных опытов в создании образа Ваули. Писательница, изучая ранее известные литературные произведения, увидела, что Образ Ваули, Тогомпаду, Моттий Таска раскрыты как-то в них недостаточно глубоко, чрезмерно идеологизированы и политизированы. В сюжетных линиях этих произведений имеются большие пробелы, пустоты, которые необходимо заполнить другими образами, возможно даже вымышленными, но без которых бы герой не состоялся. Так вводятся в роман купец Есаулков, Клавдия Петровна и другие лица, которых в истории восстания не зафиксировано. Эти образы значительно оживляют события прошлых лет, задают динамику персонажам романа. М.Е. Бударин это заметил и в послесловии «В краю легендарных былей» к первому изданию повести «Ваули» отметил: «Повесть насыщена множеством конкретно-исторических примет и деталей быта, как бы высвеченных автором. Органично вплетаются в ткань повествования судьбы вымышленных персонажей – Есаулкова, Клавдии Петровны, Тихарева, Ипполитки и других лиц, которые персонифицируют определенные социальные типы, характерные для изображаемой эпохи»[24]. Он не высказывался против этого метода в раскрытии главных героев повести, так как это было большим шагом вперед. Более того, историк отметил, что новые образы «органично вплетаются» в ткань романа.

В повести же М.Е. Бударина образ Ваули получился какой-то упрощенный, чрезмерно политизированный, идеологизированный, «зацикленный» на борьбе. Личность борца состоит не только из тех качеств, которые обеспечивают его борьбу против угнетателей, но и тех качеств, которые ему необходимы для лидерства в роде, для создания семьи, для хозяйственной деятельности. Личность без любви, без страстей, дум и размышлений, без неудач и успехов, побед и поражений и отношения к ним есть неполная личность. Это неинтересная, сухая, наверное жестокая личность. В повести «Сын племени Ненянгов» образ Ваули раскрывается через отдельные события, известные истории: - это взросление Ваули; побег, возвращение на Родину; восстание и поход на Обдорск; западня. Это упрощение уже, как-то отталкивало писательницу от данного подхода

[24] Бударин, М. Е. В краю легендарных былей / М. Е. Бударин // Анисимкова М.К. Ваули. – Свердловск: Средне – Уральское книжное издательство, 1980. – С. 187.

в написании повести. Ей виделся Ваули как живой человек, со всеми страстями, мучениями, переживаниями, сомнениями, как народный герой. Она раскрывает Ваули любящего, Ваули – мужа, заботливого отца. М.К. Анисимковой уже в то время такой подход в раскрытии образа претил её мыслям, методу. Она постепенно отходит от «социалистического реализма» в изображении героев своего будущего романа. Ибо этот метод предполагал рассмотрение героев с позиций общества, господствующей идеологии и политической точки зрения на происходящие события. С позиций доминирования общего над единичным, целого на частью. С этой точки зрения Российская империя социалистическим реализмом рассматривалась как «тюрьма народов», как всеобщее зло, с которым надо бороться, с чем писательница была не согласна. Общество середины Х1Х века на Обском Северы было живым, динамичным, развивающимся организмом, со своими недостатками и положительными сторонами. В нем шли сложные экономические, культурные, национальные, политические процессы, переплетались русская, ненецкая, хантыйская, мансийская, татарская культуры. Люди любили, создавали семьи, хозяйства, погибали в конфликтах, создавали новый синтез культур.

Следует учесть, когда писался М.К. Анисимковой роман, в советском обществе уже шли сложные негативные и позитивные процессы. Появлялись исторические и культурно – исторические сообщества, которые пытались возродить русские культурно – исторические ценности, многие писатели – «деревенщики» (В. Распутин, В. Белов, М. Шукшин, Ф. Абрамов и другие) обратились к крестьянским истокам, встали на защиту природы. Это направление в литературе коммунистические идеологи от литературы назвали «деревенщиной». Уже в идеологизированные 60-80-е годы в советском обществе усилился интерес к историческому прошлому страны, к русским преданиям, сказкам, летописям, к истории русского народа. Все это позже получило название русизма. Русизм отвергался советской идеологией с самого начала его появления. Так как эти тенденции в развитии общества и культуры шли в разрез с установками ЦК КПСС. Поэтому против этих тенденций были брошены значительные силы идеологического аппарата ЦК КПСС, идеологических аппаратов республиканских, краевых, областных, окружных комитетов КПСС. Известно высказывание Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова, что главный враг для коммунистической идеологии – это русизм, а диссидентство неопасное явление, оно может быть ликвидировано за одни сутки. Идеологи КПСС боялись усиления русизма, но совершенно не боялись диссидентства. Это надо иметь в виду, когда мы изучаем эти процессы в советской культуре. Роль диссидентства в сломе советской административной машины не следует преувеличивать. Уже

длительное время после революции 1991 года диссидентов «возвышают», «возвеличиваю», «награждают» незаслуженными ими заслугами в сломе советской государственной машины. Генсек Ю.В. Андропов был более точен.

С этими новыми тенденциями, направленными на возрождение русских культурных традиций в советской литературе, да и вообще возрождение русской культурной традиции, была знакома и М.К. Аннисимкова. И не только знакома, но и поддерживала эти тенденции. Надо иметь в виду, что в то время советское и русское причудливым образом переплеталось в действительности. Поэтому М.К. Анисимкова объективно становилась на позиции традиционного для русской культуры художественного отображения действительности, получившего наименование русского реализма. Эта традиция идет от традиционной русской литературы ХУШ –Х1Х века, от Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, Н.С. Лескова, И.С. Тургеньева и других русских писателей.

Она встречалась с профессором М.Е. Будариным. Ее больше интересовали исторические факты, чем политическая позиция историка (она с ней была хорошо знакома) по тем или иным вопросам освоения русскими людьми Сибирского Севера, жизни и быта малочисленных народов Севера. Литература, которая пытается осмыслить образы прошлых эпох, должна опираться на точные, выверенные факты. Поэтому ничего политизированного, идеологизированного в этом нет. Об этом так же свидетельствует и то, как писательница работала с документами. Так, нижневартовский журналист В. Лайтер, пытаясь проникнуть в творческую лабораторию писательницы, изучал методы работы художника слова. Он установил: «Работу на произведением она начинает со сбора информации. Прежде всего она должна удивиться, влюбиться в материал и лишь потом копаться в архивах, видя перед собой пласт определенной культуры. У неё появляется уверенность. Она собирает много материала, чтобы его охватить. Пусть лучше больше будет. И только когда его достаточно, садится за рабочий стол. Работает самоотверженно. Всегда пишет в запас и никогда не хочет останавливаться, поскольку может измениться настроение, а значит, и стиль повествования. Никаких отпусков во время работы»[25]. Она не только собирала много документов, но и проверяла и перепроверяла факты, изложенные в документах. Очищала эти факты от всяких идеологических и политических наслоений эпохи, от неточностей. М.К. Анисимкова бережно относилась к фактам. Если их не хватало, то она откладывала на некоторое время работы, продолжала работать

[25] Лайтер, В. Дочь России / В. Лайтер // Варта. – 1998. – 16 апреля. – С .3

с документами. «Если документов маловато, и в голове – беспорядок, подойдет к столу и попросит у него прощения за тщетность усилии»[26].

М.К. Анисимкова сотрудничала с учеными, писателями Омска, Москвы, Салехарда, Новосибирска. Она работала в архивах. Заказывала в библиотеках нужные для написания повести материалы, документы и книги. Это годы становления её таланта, годы рождения классики сибирской исторической литературы. Она научилась бережно относиться к текстам, историческим фактам, смыслам. Но художественное литературное произведение допускает определенную стилизацию, художественную обработку, чтобы было понятным и интересным современнику и читателю. Но в этом писательница не перешагивает ту грань, за которой историческое литературное произведение теряет свою сущность, превращается в научное исследование.

Роман «Ваули» - это первая действительно серьезная проба пера писательницы. Роман научил её бережно относиться к любым историческим фактам, событиям, героям. М.К. Анисимкова в нижневартовской газете «Варта» рассказала о работе над литературным произведением следующее: «…работа над «Ваули» научила меня быть на «вы» с историей. Ведь если книга 3-й раз издана, значит уж много раз переправлена, и дает мне основание мыслить и работать над книгой именно так». Во втором и третьем изданиях романа писательницей доработаны главы, написаны новые главы, что значительно обогащает его содержание, глубже раскрывает образы главных героев, задает большое напряжение сюжетам, делает образы и роли более динамичными. Новые издания – это по сути новые произведения. Эволюция взглядов писательницы от первого к третьему изданию, то есть с 1980 по 1994 годы, требует отдельного исследования. Ибо за эти 14 лет произошла значительная эволюция взглядов и убеждений М.К. Анисимковой на русскую культуру, на российскую историю, на мир, на работу с историческим материалом.

2. Встреча романа с первыми читателями

Первый вариант литературного произведения назван М.К. Анисимковой повестью. Повесть «Ваули» издана в Свердловске в Средне – Уральском книжном издательстве в 1980 году тиражом в 15 тысяч экземпляров. Для 80-х годов это был значительный тираж. Послесловие к повести было написано профессором омского государственного университета М.Е. Будариным.

М.К. Анисимкова отдает свой материал для просмотра специалистам, литературоведам и историкам, кандидатам и докторам наук гг. Омска, Екатеринбурга, Москвы. Но главный критик – это

[26] Лайтер, В. Дочь России / В. Лайтер // Варта. – 1998. – 16 апреля. – С. 3

читатель. Как он примет повесть? Это волновало больше всего писательницу. В. Лайтер отмечает: «Роман «Ваули»...рецензировал омский профессор Михаил Бударин – большой знаток истории Сибири. Было много замечаний». Но когда мы читаем рецензию, то мы этих замечаний не находим. Видимо М.Е. Бударин передал устно все эти замечания для раздумий, а если и необходимо - для доработки каких-то сюжетов, образов героев. Рецензия М.Е. Бударина и других историков вдохновила писательницу на продолжение работы над романом: «Что - то пришлось сократить, убрать, дополнить. Маргарита Кузьминична добавила восемь глав, которые улучшили образ Ваули»[27]. В новых главах автором значительно усилено напряжение сюжетов в повести, усложнены образы героев.

Критика благожелательно встретила книгу М.К. Анисимковой о восстании ненецкой бедноты. Отрицательных критических выступлений до середины 80 – х годов не было. Книга легко читалась. От ненцев, ханты и манси приходили хорошие отзывы о повести. М.К. Анисимкова выступала перед читателями, рассказывала об истории героев, о своих творческих планах. Так, выступая перед рабочими общежитий треста «Мегионгазстрой», она сказала: «Десять лет забрал у меня Ваули Пиеттомин. По всему Северу собирала материал. Чтобы больше узнать о герое, ездила в стойбища и красные чумы...Затем кропотливая работа в архивах Ленинграда и Омска, Тобольска и Салехарда, Тюмени и Ханты – Мансийска». Эти годы не пропали даром, они сделали писателя мастером слова. Читатели с интересом приняли выход романа. Вот один из читательских отзывов: «Открываешь «Ваули» - и с первых же страниц погружаешься в живой и зримый мир любви и страданий, тревог и борьбы одного из племен народов Севера – рода Ненянгов. В центре повествования – Ваули Пиеттомин – предводитель ненецко-хантыйской бедноты, в 30-40 годы X1X века возглавивший восстание, прокатившееся по Обскому Северу и Тазовской тундре»[28]. И таких высказываний было много: и опубликованных, и устных. Читающих захватывали сюжеты романа, динамика его героев, драматические и даже трагические развязки, острые сюжеты, яркие образы.

Но М.К. Анисимкова, тем не менее, была недовольна своей повестью. Она видела лучше, чем кто-либо, недостатках повести, пустоты, которые внимательному литературоведу обязательно бросятся в глаза, недоработки в отношении образов героев. Поэтому она решила улучшить свою историческую повесть. Писательница начала переработку отельных глав повести, написала семь новых глав, которые, по ее мнению должны значительно улучшить повесть. Но получился большой роман.

---

[27] Лайтер, В. Дочь России / В. Латер // Варта. – 1998. – 16 апреля. – С. 3.

[28] Слуцкер, М. Хозяин бунтарской стрелы / М. Слуцкер // Ленинская правда. – 1981. – 03 декабря. – С. 4.

В своей рецензии на повесть М.Е. Бударин коротко остановился на истории присоединения Севера к Российской империи. Он, кстати, отметил, что «Несмотря на произвол и жестокость царизма, присоединение Севера Сибири к России имело большое прогрессивное значение. Ибо в той исторической обстановке только сильная Русь открывала народам Сибири возможность прогресса, ограждала ханты, манси, ненцев, селькупов от порабощения их со стороны среднеазиатских султанов и ханов»[29]. Далее он описал трудные условия жизни народов Севера, роль революционных демократов в освещении причин тяжелого положения северян. Более подробно раскрыл социальные движения ненецкой, хантыйской и мансийской бедноты в царской России, сделал краткий обзор литературы о восстании Ваули. Далее М.Е. Бударин пишет об успехах в освоении Сибирского Севера в период советской власти, о народных преданиях о Ваули и его восстании. Критического разбора произведения М.К. Анисимковой не получилось, да и автор этой цели не преследовал. М.Е. Бударин уделил всего несколько абзацев данному произведению. По всей видимости, не вся рецензия была опубликована в послесловии к данному изданию. М.Е. Бударин, кстати, сказал: «В масштабах нашей великой Родины восстание Ваули Ненянга было всего лишь локальным эпизодом. Но это был героический эпизод, связанный с необычайной судьбой ненецкого Пугачева. Значимость этого эпизода истории настолько интересна, что можно не сомневаться – Ваули Пиеттомин и после выхода в свет повести М. Анисимковой не раз еще привлечет внимание поэтов, прозаиков, художников»[30]. И с этим нельзя не согласиться. Симптоматично и то, что М.Е. Бударин сравнивал Ваули с русским Пугачевым, предводителем восстания против царской власти, бунтовщиком, русским народным героем. Он видел в этих героях, какие – то общие черты. И Пугачев, и Ваули притягивали к себе какой-то тайной, мистикой, еще не раскрытой исследователями, магнетизмом личности.

Многие в округе знали, что готовится новая историческая повесть. Но не могли предположить, что герои в этой исторической повести оживут, станут понятными, близкими, родными для народов ханты, манси, ненцев. Н. Рогачев писал: «И все же выход в свет в 1980 г. исторической повести для старшеклассников «Ваули» (Свердловск), потом переработанной в роман (Московское издание, 1984) было неожиданным. Критики и читатели хорошо приняли это произведение. Ведь автор раскрыл совершенно уникальную тему – первое крупное выступление ненецкой народной бедноты против

---

[29] Бударин, М. Е. В краю легендарных былей / М. Е. Бударин // Анисимкова М. К. Ваули. – Свердловск: Среднс – Уральскос книжное издательство, 1980. – С. 185.

[30] Бударин, М. Е. В краю легендарных былей / М. Е. Бударин // Анисимкова М. К. Ваули. – Свердловск : Среднс – Уральскос книжное издательство, 1980. – С. 188.

своих богатеев в 30 - 40 – е гг. XIX века под руководством Ваули Ненянга. Сама писательница шла к нему упорно и настойчиво, накапливая и переосмысляя противоречивые материалы»[31]. Ожидания читателя оправдались, историческая повесть оказалась интересной, новым словом в художественном исследовании истории не только народов Севера, но и всего Сибирского края. В романе чувствовалась эпоха, лица, движение, динамика.

Литературные критики, писатели, наверное высказывали в беседе с писательницей ей какие-то замечания, недоработки. К этим замечаниям М.К. Анисимкова подходила всегда творчески, спокойно. Ибо продуктивная критика заряжает новой энергией созидания, энергией творчества, толкает на дальнейшую продуктивную работу. Нижневартовский журналист В. Лайтер отмечает, что «Вообще к замечаниям писательница относится невозмутимо. Если нужно, переделывает текст. Скажем, «Ваули» переписывала семь раз»[32]. В течение четырех последующих лет после первого издания повести роман дорабатывается. Эти годы работы над романом будут интересны для историка литературы.

Через некоторое время, в 1984 году, доработанный роман издан в московском издательстве «Советская Россия» уже тиражом 30 экземпляров. Для искушенного московского читателя это не очень много. Но сам факт, что роман издается в Москве, говорит о многом. Говорит о признании художника слова, о его мастерстве, о значительности произведения. За это время в газетах и журналах опубликован ряд статей о данном романе. Среди которых следует отметить следующие: в 1980 г. – статья В.И. Чижова «Хозяин бунтарской стрелы» в газете «Ленинское знамя»; в 1981 г. - статья А. Сергеевского «О сыне племени Ненянгов» в «Правде Севера»; В. Кругляшовой «Бунтарская стрела» в журнале «Урал»; М. Слуцкера «Бунтарская стрела» в газете «Трибуна строителя» ; в 1982 г. – статья А. Омельчук «Хозяин бунтарской стрелы» в «Полярной звезде» и другие. Сами названия статей говорят сами за себя. Роман о бунте. И это настораживало идеологизированную советскую власть, идеологических работников органов КПСС. Все пишущие о романе журналисты, исследователи отмечали достоинства романа, его положительные стороны. Но автор видел больше и дальше, он видел динамику героев романа, национальный колорит, особенности эпохи, видел его недостатки и сильные стороны. Со временем это отметили В. Рогачев, Н. Горбачева и другие литературоведы.

Третье издание романа вышло только в 1994 году в городе Сургуте тиражом 75 тысяч экземпляров благодаря поддержке Администрации Тюменской области. Для округа такой тираж – это

---

[31] Рогачев, В. Хлеб и соль прозы Маргариты Анисимковой / В. Рогачев // Эринтур. 1998. – № 3. – Ханты – Мансийск: Эринтур, 1998. – С. 300.

[32] Лайтер, В. Дочь России / В. Лайтер // Варта. – 1998. – 16 апреля. – С. 3.

уже большое достижение, вершина популярности. Его подготовили к совместному изданию Северо - Сибирское книжное издательство «Северный дом» и Омское книжное издательство. Рисунки написаны художником Светланой Гончаренко. Эти рисунки дополняют образы героев романа. Ответственный редактор этого издания - О.Б. Барьяхтар, а редактор – Г.Г. Минеева. М.К. Анисимкова с благодарностью отозвалась на это издание: «Переиздание «Ваули» - радость для меня неожиданная… И не радоваться этому в наше трудное время просто грешно, тем более, что роман издан великолепно». Вспомним время: СССР доживал последние годы. В стране бушевал острый экономический, политический, духовно-нравственный кризис. Даже при таком огромном тираже купить роман в магазинах было очень трудно.

С 1984 по 1994 годы роман огромный вызывал интерес у читателей, ученых, у всех интересующихся историей Сибири. Было опубликовано значительное количество статей о романе «Ваули», среди которых можно отметить работу Л. Полухиной «Пугачев из рода Ненянгов» («Литературная Россия», 1985). Писательница для себя вынесла большие уроки от написания и издания романа, она самый лучший критик своего детища. Вот что говорит об третьем издании сама писательница: «Если уж говорить о писательском деле, то роман «Ваули»… это первая проба пера. Работа над «Ваули» научила меня быть на «вы» с историей. Ведь если книга в 3-й раз издана, значит уж много газ перепроверена, и дает мне основание мыслить и работать над книгами именно так». «Первая» проба пера оказалась удачной и значимой в биографии М.К. Анисимковой. То есть, роман «Ваули» послужил этапом к работе над следующими большими литературными произведениями: романами «Порушенная невеста», «Плач гагары» и другими. Работая над романом «Ваули», писательница обрела свой стиль и метод работы над художественно - историческим произведением.

В СССР заканчивался длинный период развития советской культуры, страна стала перед выбором нового пути. Шел быстрый процесс возрождения, казалось бы утраченной русской культурной традиции. Всё это не могло не сказаться на творческих процессах, на умонастроении русской интеллигенции, в том числе и на Востоке России.

3. Критика романа в 90 – е годы

В 1985 молодым Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым году был запущен механизм перестройки всех общественных и культурных процессов в СССР. Народы Советского Союза ждали и с нетерпением желали перемен. Они больше не хотели стоять в длинных очередях за всем, чем только можно, они хотели

достойной жизни, будущего для своих детей, гласности, свободы слова и передвижения по стране. Но как всегда бывает в эти периоды, на поверхность жизни вышла вся пена, грязь, все зло, ложь, прятавшиеся в подвалах, углах, в развращенных умах. Но, успешно начав преобразования общественных отношений в стране, М.С. Горбачев не овладел динамикой перестроечных процессов и, в конце-концов, был отстранен от власти. К власти в России пришла динамичная, агрессивная политическая сила во главе с Б.Н. Ельциным. Их можно назвать командой младодемократов.

Младодемократы хотели перестроить культуру и жизнь народов за 500 или 1000 дней, решили перевернуть всю культуру и жизнь народов. Те же радикальные процессы пошли и в литературе, и в литературной критике. Коммунистическая политизация и идеологизация жизни и творчества стала заменяться политизацией и идеологизацией младодемократической. На глубокую, традиционную русскую литературу стали навешиваться всякие ярлыки. Стали дискредитироваться великие русские художники слова, пера и кисти. Их биографии стали перекрашиваться в пестрые цвета. Дожили до того, что стали умалять великие творения М. Шолохова, А. Блока, С. Есенина, В. Распутина и других русских писателей. Более того, подвергли жесточайшей критике, даже ревизии роль литературы в развитии русской культуры, её отдельных направлений.

Младодемократическая критика дошла и до сибирской литературы. Так, литературный критик В. Рогачев пишет: «Однако судьба «Ваули» сегодня осложнилась. Ныне многие откровенно говорят и пишут о негативных деяниях советской власти на Севере. Справедлив их счёт к недавнему прошлому, верны во многом горячие выступления местной интеллигенции. Да и многие русские радикалы поменяли советские плюсы на минусы, срочно ищут свои дворянские корни или как минимум – купеческие»[33]. Это не слова, а действительно, - это было так. Некоторые младодемократы стали восхвалять деяния предателя генерала Власова, принижать роль русского народа во Второй Мировой войне, чернить всю историю, включая советскую. Дошли даже до того, что во всех бедах стали обвинять не какую-то личность, а целый русский народ. Что было белым, стало черным, что было черным, стало белым. В умах людей воцарился хаос, наступил массовый кризис идентификации: культурной, политической, духовно-нравственной.

Помню, как нам в городе Ханты – Мансийске было тяжело проводить в эти годы юбилейные мероприятия, посвященные А.С. Пушкину. Денег так ни кто и не выделил, проводили и потом публиковали материалы за средства Ханты-Мансийского

---

[33] Рогачев, В. Хлеб и соль прозы Маргариты Анисимковой / В. Рогачев // Эринтур. 1988. – № 3. – Ханты – Мансийск : Эринтур, 1998. – с. 300.

педагогического колледжа. Тем не менее нашлись любящие Россию и русскую культуру ученые, писатели, священники, с помощью которых эта конференция, посвященная юбилею А.С. Пушкина, все же была проведена. Она вызвала огромный интерес. Интеллигенция, студенты «изголодались» по хорошим, культурным, духовным мероприятиям.

Литературный критик Н. Горбачева, говоря об этих годах, совершенно справедливо отмечала: «...в середине 90-х легко говорилось о том, о чем так же легко молчалось в начале 80-х.». Люди, которые с легкостью меняли убеждения, свои мировоззренческие позиции, всегда опасны в любой сфере деятельности. Особенно они опасны тогда, когда занимают высокое положение в обществе, в государстве, в искусстве. Вне серьёзной критики не оказалось и произведение М.К. Анисимковой «Ваули». Н. Горбачева отметала нападки на роман М.К Анисимковой со стороны данного типа литературных критиков: «Тем более что – я в этом убеждена – и роман задумывался, и трактовка его героя осуществлялась не в угоду чьим-то концепциям, а в силу авторского понимания народного характера, заимствованного из фольклора»[34]. Она считает, что роман писался не в соответствии с какими-то установками или заказами власти, или идеологическим схемам. Он выстрадан умом, душой и сердцем талантливой русской писательницы. Это произведение ей именно выстрадано, вымучено, поэтому было больно слушать и читать такие выпады против себя, свого творения, от первого издания к третьему. У писательницы была сильная мотивация к написанию этого исторического романа.

Нападки на роман М.К. Анисимковой начались со стороны ненки Валентины Вануйто. По ее мнению Ваули – это разбойник, бандит и вор, который обобрал в 30-40 – е годы Х1 века всех ненецких оленеводов. Поэтому, с ее точки зрения, ему нет оправдания ни политического, ни нравственного, ни художественного. С ее точкой зрения не согласился известный ненецкий писатель Леонид Лапцуй. В этом хоре нападок весомое место принадлежит и московскому литературному критику В. Огрызко, человеку так много сделавшему для популяризации русской и ненецкой, мансийской и хантыйской литературы. Он, кстати, писал: «Я знаю, какое мужество проявила ненка Валентина Вануйто, которая наперекор устоявшемуся мнению предложила совершенно новую трактовку образа Ваули Пиеттомина из рода Ненянг. Если русская писательница М. Анисимкова, исходя из вульгарных социологических схем профессора М. Бударина, в начале 80-х годов изобразила Ваули в своем одноименном романе как предводителя ненецкой и хантыйской бедноты против царского самодержавия (этой точки зрения одно время придерживался также

[34] Горбачева, Н. Мир прозы Маргариты Анисимковой / Н. Горбачева //О времени, о литературе, о себе. Литературно – критический сборник. – Екатеринбург : ИД СОКРАТ, 2007. – С. 151.

ведущий ненецкий поэт Леонид Лапцуй), то Вануйто, опираясь на малоизученные документы сибирских архивов и кочующие по глубинам Ямальской тундры предания, пришла к прямо противоположному выводу. Она рисует Ваули как бандита с большой дороги, обобравшего в 1830 – 1840-е годы почти всех ненецких оленеводов»[35]. Тем самым, В. Огрызко обвинил М.К. Анисимкову в том, что она была подвержена влиянию «социологических схем» профессора, писателя, историка М.Е. Бударина. Высказывания В. Вануйто и В. Огрызко вызвали острую дискуссию по поводу романа «Ваули» на страницах литературной печати.

Что значит подвергнуться влиянию социологических схем? Это значит, что автор при разработке концепции своего произведения опирался на общественные установки, на идеологическую позицию КПСС, советской историографии, на методы социалистического реализма. Это значит, что при освещении исторических проблем народов Севера должно было превалировать только советское общественное мнение. Но это не так, и это не мог не знать В. Огрызко. На наш взгляд литературный критик просто недостаточно глубоко понял сюжетные и смысловые линии романа «Ваули». Он также не ознакомился с литературными произведениями М.Е. Бударина «Сын племени Ненянгов» и «Тайна забытого леса». Кроме того, М.К. Анисимкова при разработке образов героев своего романа опиралась и на предания, легенды, сказания о Ваули, сохранившиеся у народов Севера. А народ не любит своих злодеев, он любит своих героев. Во всех этих культурах Ваули изображается как герой. Таким образом, поддавшись млододемократической волне в литературной критике, В. Огрызко сделал поспешный вывод.

Но В. Вануйто, как и следовало ожидать, пошла дальше в своей критике, она подвергла сомнению прогрессивность присоединении вообще Сибири и Севера к России. Но это было уже верхом цинизма, антиисторизма, национальной исключительности. В. Огрызко на этот счет сказал: «Но вот с чем я никак не могу согласиться, так это с тезисом Вануйто, будто присоединение обского Севера к России явилось чудовищной исторической ошибкой, принесшей тундровикам неисчислимые страдания». Любая власть, любое государство несет страдания. Политологи знают, что любое государство как социальный институт единственно может применять насилие. Но использование это насилия должно осуществляться не во зло народа, а в его блага – вот цель и задача демократического государства. Российская монархия, разумеется, не была идеальным государством. Политическая элита того времени мало думала о нуждах основной

---

[35] Огрызко, В. Что имеем – не храним. (Об итогах международной конференции «Слово в духовном возрождении народов») / В. Огрызко // Эринтур. 1997. - № 2. – Ханты – Мансийск : Эринтур, 1997. – С. 279-280.

массы народа. Государством управляют люди, и они делают ошибки, но эти ошибки для народа дорого обходятся.

Поэтому, сделав один шаг, как правило, люди с несформировавшимися убеждениями делают другой более радикальный шаг. И этот шаг сделала В. Вануйто. Этот шаг ничего хорошего не сулит, а несет только ещё больший раздор, конфликты, непонимание. Нельзя переписать историю, мы должны ее изучать такой, какова она нам дана в своих истоках.

Пройдет время и этот младодемократический взгляд на русскую историю, на историю освоения Сибири, на историю народов Севера сам станет фактом истории. А литературные находки, талантливые произведения останутся фактом жизни, мировоззрения, культуры. Талантливые произведения ждет большая судьба. И вот сейчас, в 2007 году, А. Трапезников, выступая в «Литературной России» сказал: «Думаю, что Каргаполов, бросаясь на защиту романа Анисимковой, неверно оценил мысль Огрызко, вся деятельность которого направлена именно на сохранение и информационную поддержку этих «малых народов»[36]. Никто не отрицает вклад В. Огрызко и возглавляемой им «Литературной России» в популяризации культуры народов Севера, русской культуры, в том числе и литературы. Под его руководством газета «Литературная Россия» действительно открыла для российского читателя много новых имен поэтов и прозаиков Югры. Но некоторые теории, сформулированные на волне не устоявшихся процессов в меняющемся обществе, культуре, включая и литературу, могут подхлестнуть всякого рода фобии, непонимание, неадекватность. Мы считаем также, что это было случайной ошибкой. Если бы действительно В. Огрызко познакомился с некоторым произведениями М.Е. Бударина, он, наверное, не сделал бы такого замечания. Но факт остается фактом, и из истории литературы его уже не вычеркнешь. Да вся литературная деятельность В. Огрызко противоречит тому случайному высказыванию.

В первое десятилетие третьего тысячелетия пришло другое время, «младодемократическая волна» захлебнулась, литературная критика стала более трезвыми глазами смотреть на литературные процессы, которые проходили в Советском Союзе, которые проходят сейчас в новой возрождающейся России. И сразу же стали востребованы и патриотические журналы «Наш современник», «Москва» и другие, стали необходимы произведения многих писателей, которые огульно критиковались в смутные времена перемен. Сибирский читатель открыл такие имена, как С. Клычков, М.А. Плотников, К. Гарновский, по-новому взглянул на творчество В. Распутина, В. Астафьева, П. Проскурина, А. Вампилова, В. Шукшина,

---

[36] Трапезников, А. Писатели Югры : кто они? / А. Трапезников // Литературная Россия. – 2007. – № 43. – С. 5.

стал бережнее относится к своему историческому и литературному прошлому.

4. Литературоведческий анализ произведения

Серьезному анализу, свободному от политизации, роман «Ваули» подвергся совсем недавно, в последнее десятилетие. Среди тех, кто действительно достаточно глубоко проанализировал сюжетные линии романа, динамику героев, его смысл и содержание, можно назвать имена В. Рогачева, Э.П. Сургутсковой и Н.Н. Горбачевой.

В. Рогачев, разбирая негативную позицию В. Вануйто по отношению к роману в целом и в частности, к образу Ваули, пытается осмыслить Ваули как народного героя, его реальные дела и вклад в историческую динамику. В. Рогачев явно не согласен с позицией В. Огрызко, обвиняющего писательницу в социологизаторском подходе к изображению героев. Литературовед остановился на следующих направлениях исследования романа М.К. Анисимковой:

Во-первых, анализирует разные мнения в отношении Ваули Пиеттомин, высказанные еще до 1917 года. Действительно, судьба Ваули притягивала многих мыслителей своего времени, но они с разных позиций оценивали его деятельность, его судьбу. У одних он герой, у других он преступник (антигерой). Так, с одной стороны, царский чиновник Н. Абрамов в «Описании Березовского края», священник И. Герасимов в книге «Обдорск» оценивали деяния Ваули как «набеги самоедовских разбойничьих шаек» на соседей, а личность Ваули - как бандита. И это вполне понятно, так как «деяния» Ваули расшатывали устои Российской империи, вели к нарушению их законов. С другой стороны, просветитель и религиозный миссионер Иринарх, долго служивший просвещению северян и репресированный при Советской власти, смотрел на этот факт более объективно, при этом не одобрял насильственных методов борьбы;

во-вторых, В. Рогачев исследует общественно-политическую обстановку на Крайнем Севере. Для этого он привлекает работу Л. Хомич «Ненцы» (1995) и другие литературные источники. В. Рогачев считает, что к экономике Севера необходимо подходить не с позиций классической рыночной экономики, а необходимо найти «баланс между частным интересом и общим благом». И это, по его мнению, в романе «Ваули» просматривается.

Н.Н. Горбачева связывает восстание в Казымской тундре при советской власти с бунтарским опытом столетней давности, с Ваули. То есть Ваули заложил бунтарский дух в хантыйскую культуру. Но, тем не менее, по её мнению, «Ваули – герой фольклора манси». Литературный критик пытается осмыслить героя романа с точки зрения традиционных ценностей, с позиций мифов и фольклора. Н.Н. Горбачева пытается проследить связь фольклорных мотивов и

реально-исторических элементов в романе «Ваули». С этим, действительно, необходимо согласиться. Многие сюжеты, образы, одежда героев романа, традиции и обряды окрашены в традиционно мансийские краски. Но, это отдельная и большая тема анализа литературного произведения.

М.К. Анисимкова, наученная опытом написания мансийских сказов, мастерски изображает сцены мансийской жизни. Так, очень ярко звучат в романе клятвы, молебны, традиции. Например, в главе 17 романа писательница так описывает трогательную сцену разговора о необходимости чтить предания и традиции предков:

- У нас все еще нет старшины, - готовясь к выезду в лес, сказал Моттию Таску старый Вырпаду. – У нас нет бубна, нет колотушки.

- А разве Ваули не старшина?- спросил его Тогомпадо.

- Даже в Обдорске знают, кто у нас старшина, но он не давал клятву на лапе медведя.

- Ваули наш старшина! Кто накормил нас? Кто спас от смерти? У кого повернется язык говорить, что в роде Ненянгов нет старшины.

- Не горячись, Тогомпадо. Наши боги велят спросить у самого Ваули: согласен ли он быть старшиной.

Тогомпадо негодовал, он хотел спорить с Вырпаду до самого утра и твердить только одно: нет добрее и умнее в тундре человека, чем Ваули.

- Не спорь со старшинамы, - остановил Моттий Таск парня. – Вырпаду говорит хорошие слова. Вырпаду больше всех любит Ваули, если первым сказал об этом.

- Я хочу, чтобы мои глаза видели эту клятву, тогда я буду спать спокойно, - растрогано говорил Вырпаду».

Ваули по традиции как продолжатель рода мог стать старшиной, если место вакантно, если он согласен, если он даст клятву. Молодые – горячие, не могут предсказать последствия нарушения обряда посвящения во власть. Старики зорко следили за этими традициями. Нарушение традиций вело к войнам, конфликтам, недоверию, вражде. Поэтому традиция должна соблюдаться неукоснительно. Писательница очень ярко описывает сцену разговора, суть которого в том, что нарушить нравственные законы, установленные предками нельзя. На фольклорных истоках романа настаивает и Э.П. Сургутскова. Она, кстати, отмечает: «Имя Ваули Пиеттомина занимает прочное место в народных преданиях, ему отводится в фольклоре почетное место ГЕРОЯ. Его имя увековечено в географических названиях: мыс Ваули, озеро Ваули, родник Ваули»[37].

---

[37] Сургутскова, Э. П. Творческий портрет М. К. Анисимковой / Э. П. Сургутскова //Как слово наше отзовется… Доклады и сообщения конференции, посвященной 70 – летию поэмы М. П.

В. Рогачев считает, что северный фольклор сильно персонифицирован, известен в пересказах, литературной обработке. Он также отмечает наличие в романе «Ваули» фольклорных источников.

Литературную критику интересует и личность главного героя романа М.К. Анисимковой. По мнению Н.Н. Горбачевой, писательница изображает личность Ваули как «воплощение мятущейся, неуспокоенной натуры». Особенно глубоко описана сцена, когда Ваули необходимо принимать решение: идти на Обдорск или не идти. Очень ярки и колоритны сцены отношения Ваули со своей любимой женой, со своим сыном. М.К. Анисимкова показывает личность страстную, любящую, заботящую, волевую, решительную. Все это увязывается в его сложной натуре формирующегося вождя рода Ненянгов, всех бедных и обездоленных ненцев в тундре. В романе Ваули – это живая, подвижная, деятельная личность. Это сильная личность, с волевым характером, северным темпераментом. Эта личность, в которой белое и черное соединились в одной динамике жизни и деяний.

В романе глубоко раскрывается общественно-политическая сущность романа. Н.Н. Горбачева пишет: «...цель жизни которого (Ваули – Е.К.), по мнению автора, - не только счастье Ненянгов, но и всей тундры». Поднять народ на борьбу в условиях тундры, когда он забит двойным гнетом: с одной стороны, имперской властью, с другой стороны, местными старшинами, чрезвычайно сложно. Для этого одной воли недостаточно, нужен незаурядный ум, гибкое мышление, высокие организаторские способности, лидерские качества, притягивающие черты характера. И М.К. Анисимкова все это очень ярко и убедительно раскрывает в романе. Ваули своим поведением, идеями и действиями убедительно доказывает необходимость запустить по тундре «бунтарскую стрелу». Хотя это дается ему в сомнениях, раздумиях, личных переживаниях, с большим трудом.

В романе прослеживается непримиримая борьба имущих и неимущих на Севере. Показывается роль Ваули в этой борьбе, причем с лучшей стороны. Так, В. Рогачев пишет: «...в романе Ваули дал слово (а цена его на Севере высока), что вернет богачам оленей, как только его род минует полоса неудач. Но ведь князьки и северные страшины стали бить из-за угла, поощряемые имперской администрацией. Хотя часть из них поначалу просила богатого Хозывыко поделиться, одолжить оленей погибающему роду»[38]. То есть, Ваули, получается, по замыслу М.К. Анисимковой, не крал оленей, а временно экспроприировал их с последующей отдачей. Но

Плотникова «Янгал – Маа» и 75 – летию со дня рождения М. К. Анисимковой. – Ханты – Мансийск : Государственная библиотека, ХМАО, 2003. – С.59.

[38] Рогачев, В. Хлеб и соль прозы Маргариты Анисимковой / В. Рогачев // Эринтур. 1998. Альманах писателей Югры. Вып. 3. – Ханты – Мансийск : ЭРИНТУР. 1998. – С. 301.

власть имущие в тундровом обществе почуяли не столько угрозу их собственности, сколько угрозу их власти в тундре, их беспредельному и неограниченному хозяйничанью. Потому, что ненецкая беднота пошла за Ваули, они увидели в нем вождя своего народа. Поэтому богатые старшины стали инстинктивно активно сопротивляться усилению власти Ваули в тундре всеми методами и способами. Им помогала в этом и имперская администрация. Один только факт отказа платить ясак говорит для имперской администрации о неповиновении, о бунте. Исполнение законов для любого общества и государства является обязательным и священным. И имперская администрация организовала поимку бунтаря. На наш взгляд, сильная личность вбирает в себе противоположные начала (и черные, и белые, и злые и добрые). Да Ваули – ГЕРОЙ, но его деяния омрачены не только добром, но и злом. Этим и интересна его личность.

Н.Н. Горбачева считает, что в трактовке исторического персонажа «отчетливо прослеживается героико - приключенческая позиция»[39]. Литературовед настаивает на том, что история Ваули несколько вымышленная. История жизни и деятельности Ваули настолько богатая, насыщенная событиями (об этом говорят многочисленные архивные материалы о восстании ненцев в тундре под руководством Ваули Пиеттомина), что создавать какие – то искусственные приключения нет необходимости. Приключенческая литература – это несколько иной жанр, с богатыми и яркими вымышленными сюжетами, событиями и героями. В романе же М.К. Анисимковой реальные герои: Ваули, Тогомпадо, чиновники и пр. Но для того, чтобы придать яркость образам и событиям автор вводит в роман и некоторые вымышленные имена, сюжеты. И это не меняет исторической сущности произведения. Тема Ваули неисчерпаема, этой теме будут посвящена со временем и другие произведения. Поэтому, с Н.Н. Горбачевой нельзя согласиться по этому вопросу.

К сожалению, этим пока и огранивается анализ произведения «Ваули». Но, на наш взгляд, в романе намного больше сюжетных линий: это яркие образы чиновников и чиновничества, купцов и простых людей (русских, ненцев); это роль Церкви в освоении этого края; вообще роль русской культуры в развитии Севера; глубоко раскрыта и женская тема. Поэтому, думаю, что анализ романа еще впереди, он даст нам много новых открытий.

5. Роман, обращенный к потомкам

У романа М.К. Анисимковой «Ваули» сложилась сложная и интересная судьба. Роман «Ваули» жил, живет и будет жить долгой

[39] Горбачева, Н. Мир прозы Маргариты Анисимковой / Н. Горбачева //О времени, о литературе, о себе. Литературно – критический сборник. – Екатеринбург : Сократ, 2007. – с. 151.

жизнью. Литературные критики, писатели, читатели в нем будут открывать новые и новые грани, новые стороны и идеи. Он учит тому, что Сибирь, Россия могут быть сильными только едиными, что нельзя доводить народ до нищеты, ни большой, ни малый, что необходимо строить в экономике справедливые отношения, проводить взвешенную региональную, культурную и национальную политику. Это роман также и о любви, дружбе, взаимопомощи, а также и человеческих страданиях, сомнениях, переживаниях.

Пришло время для его более тиражируемого издания. Он издавался давно, в библиотеках зачитан до дыр, настало время его нового издания с комментариями, с отзывами литературоведов. Пришло время «выдвинуть» творческие произведения М.К. Анисимковоий за пределы Сибири, вынести их на широкое обсуждение российской публики. Так, московский литературный критик А. Трапезников считает, что «…было бы просто замечательно, если бы этот роман вышел на всероссийского читателя, который совсем мало знаком с особенностями «национальных окраин», с их историей»[40].

В настоящее время проводятся конференции, семинары, на которых обсуждаются те актуальные проблемы, которые поставила в своих произведениях М.К. Анисимкова. Так, в 2003 году в Ханты – Мансийске проведена конференция, посвященная 70-летию издания поэмы М.П. Плотникова «Янгал – Маа» и 75 – летия со дня рождения М.К. Анисимковой «Как слово наше отзовется…». Творчеству нижневартовской писательницы посвящено три доклада. В 2004 году автором данной монографии в Омске издано учебно – практическое пособие для преподавателей и студентов профессиональных учебных заведений «Творчество писателей Обь – Иртышья». В учебном пособии раскрываются яркие грани творчества М.К. Анисимковой, Е.Ф. Вдовенко, В.С. Волдина, В.М. Волковца, Н.В. Денисова, Н.И. Коняева, В.А. Мазина, Н.Б. Патрикеева, Л.Т. Сидорова, Н.В. Сочихина, П.А. Суханова, А.С. Тарханова.

В 2006 году в Омске вышла краткая монография о творчестве писательница М.К. Анисимковой «Гори, гори, мой свет души». Во всех эти произведениях раскрываются те или иные стороны ее многогранного творчества. Много материала посвящено и истории создания и судьбе романа «Ваули».

Произведение «Ваули» М.К. Анисимковой ждет долгая и интересная судьба. Она написаны от русской души, от сердца и от ума. Думаю, что настало время издания не только отдельных произведений, но полного собрания сочинений М.К. Анисимковой. Они будут интересны для сибирского читателя, особенно для

---

[40] Трапезников, А. Писатели Югры : кто они? / А. Трапезников // Литературная Россия. – 2007. - № 43. – С. 5.

подростков и молодежи, для всех интересующихся историей освоения русскими людьми Востока России.

РОССИЯ: ПАДЕНИЕ И НОВОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ (АПОКАЛИПСИС РУССКОЙ ДУШИ В ТВОРЧЕСТВЕ СУРГУТСКОГО ПОЭТА МИХИЛА КУЗЬМИЧА АНТОХИНА)

Тема России для М.К. Антохина одна из самых болезненных, острых, ярких и плодотворных в его творчестве. Это заметил литературно – художественный альманах «Сургут» и поместил в третьем его номере цикл из пятнадцати стихотворений. Тема России, русского народа, русской культуры стала одной из ключевых в сборниках стихотворений «Полынный сок» (2007) и «Окраина – обочина» (2008), многочисленных сборниках.

В поэзии М.К. Антохина четко вырисовывается его национальная, акалипсистическая судьба России, русской жизни и духовного делания. Он причисляет себя к приверженцам евразийской идеи – одной из разработанных и востребованных форм Русской идеи. Поэт видит Россию в самобытном устройстве, в сиянии её света, в праведности её пути, в возрождённом её величии – с одной стороны; в синтезе культур Европы и Азии, - с другой стороны. Он связывает свой путь, путь России, русского народа и его культуры также и с христианской идеей. Поэт говорит, что путь России есть следованиЕ пути Христа. Это нелёгкий путь русской культуры и её носителя - русского народа через потрясения, распятие и воскресение. Но конечная цель говорит о том, что ради этого стоит жить и творить великое святое.

Изменение ценностей, ломка жизненных устоев, изменение взглядов на мир в конце 80 – х начале 90 – х годов в России – всё происходило на его глазах, преломлялось через его сознание, через его жизнь и творчество. Поэт многое видел, многое пережил, многое осмыслил, многое пытался изменить так, как видел, думал и чувствовал. М.К. Антохин выступает как человек сильного характера, как человек горячо болеющий за свою Родину, выступающий за Россию, за русский народ. И эта его общественная позиция многим не нравится в современной России. Он раскрывал преступную сущность «младодемократической», захватнической власти в России, вскрывал её просчёты и тайные цели. Поэт Г. Ешимов в его поэзии заметил этот существенный момент: «он не стал на сторону придворных (притворных) преснопевцов, словоблудов и блюдолизов, выпрашивающих у «власть придержащих» незаслуженные звания заслуженных деятелей «культуры», а как настоящий мужчина и воин «в стане погибающих за великое дело любви» занял свое скромное

место на самом опасном участке...»[41]. М.К. Антохин понимает, что путь России тяжёл, сложен и извилист, через камни и ухабы, через тернии и потрясения. Но этот путь к её Славе и Величию, к великой Цели. Он всегда верил и верит сейчас, что Россия возродиться из пепла и снова покажет Миру свое величие, свою духовную мощь, прославит свое имя в сообществе народов Мира.

Поэт часто задает себе, читающей его стихи аудитории прямой вопрос: что же будет с Россией, если она провалится в хаос, беспредел, погрузится во тьму? Какими путями должна следовать Россия, чтобы возродиться, показать миру всю свою духовную мощь, свой Путь, свою Красоту? И находит ответы на эти сложные вопросы. Его поэзия – это поэзия познающей, созерцающей, творческой любви к России, её истории, её культуре, русскому народу. Это поэзия созидающая личность, несущая её душе мир и спокойствие за будущее, подталкивающая к созиданию и творчеству, возвышению. Она остра и противоречива, критична и созидательна, непримирима к злу и лжи, светла и перспективна.

Поэтическое видение М.К. Антохина не страдает половинчатостью, незаконченностью, оно цельно и содержательно. Его слово – это боль, сомнение, переживание о судьбе России, с одной стороны; воскресение, величие, святость России, с другой стороны. А между этими полюсами великий путь духовных исканий, душевных страданий, социальных падений, в крови, в войнах, к великой цели. Это слово мужественного и честного человека, справедливого и уверенного в будущем России.

1. «Мой век – бандит и моралист»

Стихотворения «О проходе», «Что дальше?», «Мельтешенье снежинок...», «Затмение» посвящены осмыслению поэтом смутного времени в России, развитию общественных процессов в условиях смены ценностей и идеалов, формирования новых экономических процессов.

Поэт дает самую уничтожающую характеристику эпохи, смутному времени, а точнее, безвременью, в котором живет и он: «Мой век - /Бандит и моралист». То есть век преступности и морали одновременно. То есть век зла и добра, век безжалостной и непримиримой их борьбы полярностей. Одни говорят о справедливом устройстве общества, о демократическом развитии, о свободе, о добре, мире, правде жизни и творчества, о совести и действуют в этом направлении; другие – воруют, убивают, насилуют, мучают, лгут, незаконно обогащаются за счет других. Но самое ужасное, что

[41] Ешимов, Г. Предисловие / Г. Ешимов // Антохин М. К. Окраина – обочина. Стихи. – Шадринск : Шадринский Дом Печати, 2008. – С. 3.

это могут делать одни и те же люди. Утром говорят о справедливости и любви, а вечером занимаются прелюбодеянием или проституцией, гомосексуализмом. Поэтому поэт и соединяет слова «бандит» и «мораль» в одной строке. Это два противоположных начала в едином. Россия, начиная с 1985 года, действительно вошла в длительный период перемен во всех сферах жизни и деятельности. Советское общество рухнуло как-то очень быстро, на его обломках стало появляться новое общество, называемое российским. И этот процесс острым лезвием прошелся по русскому сознанию.

Соединение противоположных начал в одной эпохе, начал, в основе которых разные цели, мотивации, действия и результаты. Источник такой противоположности следует искать в самом человеке. Эта двойственность в общественной деятельности человека есть результат его биосоциальной, а вернее биполярной, сущности. В спокойные эпохи эта биполярность личности не выражена так ярко, остро и трагически. Полюса в человеке, а следовательно, и в обществе, активизируются именно в условиях кризиса, смутного времени, в «переходные» эпохи. Именно в этой «переходной» эпохе и оказалась России, русская культура и их носитель - русский народ. Этот вывод имеют философское обоснование в работах Н.А. Бердяева. Он говорит, что русский человек по своей сущности биполярен. Представьте себе, как это в массовом порядке проявляется эта биполярность в кризисные эпохи. Биполярность русского человека порождена многочисленными противоречиями, внутренними конфликтами. Противоречивость русской души Н.А. Бердяев объясняет тем, что «…всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное». Вяч. Иванов видит противоречивость русской души в ином аспекте:

Русь! на тебе дух мести личной
Восстал и первенцев сразил;
И скорой казнию конечной
Тебя, дрожащей, угрозил;
За то, что ты стоишь, немея,
У перепутного креста, -
Ни зверя скипетр нести не смея,
Ни иго легкое Христа.

М.К. Антохин считает, что этот век крайностей и перемен «в больших грехах зачали». То есть данный век крайностей «зачали» предшествующими эпохами, кризисами, потрясениями, надломами русского сознания. Это было время больших грехов русской культуры. Рушились символы, традиции, институты русской культуры. М.К. Антохин, как мы предполагаем, имеет в виду революции 1905 и 1917 годов, которые потрясли основы русской жизни, за ней следующие: коллективизацию, разказачивание,

разрушение российской государственности, создание советской системы. То есть нынешнее смутное время «зачато» намного раньше, чем мы себе думаем. И поэтому греховную природу эпохи так просто не преодолеть. Ибо кони этой греховности лежат глубоко в исторической памяти народа. Нужно что – то такое, что потрясет самые его основы русской жизни, деятельности и творчества, подействует на личность оздоровляющее, что преобразует его жизнь, перенацелит его деятельность, сформирует новые ценности и символы отвернет народ от «большого» и «малого» греха. Он говорит о веке, что он зол и дик. И далее поэт говорит, что преобразовать нынешнюю греховную жизнь может только духовное и нравственное возвышение народов, культур, их конкретных носителей, людей. Человеку необходимо последовать по пути Христа.

Мой век –
Бандит и моралист.
Его в больших грехах зачали.

(О проходе)

М.К. Антохин далее в стихотворении «О проходе» на примере жизни и творчества конкретного человека раскрывает сущность данного смутного времени. Прошлое – это «палач», который всегда будет стоять над сегодняшней жизнью. Поведение человека «переходной эпохи», отношение вершителей судеб человеческих и исполнителей их воли, к «маленькому» человеку - вот главная идея стихотворения. Это стихотворение интересно своей философской точкой зрения. В стихотворении вырисовываются три персонажа: «гитарист», «палач» и тот, кто дает «отмашку». Это персонажи смутного времени. Здесь заложена трагическая ситуация, развязка которой в любой момент может наступить. И эта развязка с трагическим концом. Почему? Глубже всмотримся в сюжетные линии разворачивающейся драмы.

Так, «гитарист» поет песни, видимо те песни, которые волнуют людей, согревают души духовно ищущих и жаждущих. Его «голос мощью всей колеблет / Крутые своды потолка». То есть ограниченные пространства среды. М.К. Антохин намекает на то, что свобода творческого человека контролируется и очень ограничена. Он своей песней зарабатывает на жизнь. Но ему жертвует именно тот, кто сам нуждается в помощи. Таким нуждающимся является старушка. Остальные все немые и глухие – проходят мимо. Этим он показывает глухоту общества к болям, плачам и стонам творческих людей. А может, это не безразличие, а страх людей, видящих, что «гитарист» обречён, потому, что не то играет. А старушке уже бояться нечего, она уже всего перебоялась. Творчество, милосердие, насилие и власть – всегда рядом. Но разве можно остановить творчество, разве можно

утаить и «сохранить» в сознании звуки – предвестники нового, свежего, справедливого, более свободного.

Рядом с «гитаристом» стоит исполнитель чьей – то злой воли - «палач» и ждет отмашки своего хозяина. Слово «палач» означает, что это человек, обрывающий жизнь другого человека. Но сам он не может принимать решение, сам он не может оборвать ниточку жизни «гитариста». Он ждет указания, «отмашки» на это злодейство. «Гитарист» – возможная жертва этого палача. Зло и добро рядом. Палач ждет отмашки, но почему-то ему этой отмашки не дают. Чего он, хозяин, ждёт? Видимо тот, кто дает эти отмашки, условно – хозяин, ещё совсем не решил, что же делать с этим музыкантом, творцом, чье творчество безразлично (возможно из – за страха) обществу глухих и немых, но не безразлично старушке, душевно слышащей и чувственно переживающей за «гитариста». А может он думает, что он, творец, и так уже наказан обществом за его плач и стон жизни и творчества, видит, что большинство от него отвернулось и этого ему достаточно? В данном случае не было бы и исполнителя злой воли. Тогда зачем рядом с ним стоит палач? Тот, кто дает отмашку – это власть; палач – исполнитель решений власти; гитарист – это творец, говорящий песней правду, не боящийся власти.

В стихотворении «О проходе» выпячивается всесилие власти и мучения творческой интеллигенции. Этот злой и дикий век добавляет еще больше напряженности и трагичности в ситуацию взаимоотношений власти и интеллигенции.

Очень яркий образ старушки, которая не смотря на безразличие всех (или, несмотря на страх всех) «рубль опускает» гитаристу. Старушка показывает, как необходимо ценить работу, несмотря на то, что творец обречён. Старушка проявляет лучшие качества русского народа, качества, заложенные в женской натуре. Прошлое ценит творчество, талант; настоящее есть палач творчества. И так можно понять эту сюжетную линию. Такие «мрачные» мысли возникают от чтения стихотворения.

Бренчит в проходе гитарист
О немоте своей печали.
В проходе круглый потолок
С такой акустикой обменной,
Что голос хлещет как поток,
Захлёбывающийся пеной.
И слышится в захлёбах плач
И стон рассерженного ветра,
И видится: стоит палач
Не далее от жертвы метра.
И ждёт отмашки, но рука
Остерегается и медлит,
А голос мощью всей колеблет
Крытые своды потолка.

От них, обваливаясь вниз,
Распахивает настежь двери,
Зевак выкидывают
Из цивилизованной пещеры;
Он зол, он дик! Но перед ним
Пустынная томится кружка…
Проходят все – слепой с глухим,
Рубль опускает лишь старушка.

(О проходе)

Есть ещё одна тема стихотворения: тема цивилизации. Что понимает М.К. Антохин под «цивилизованной пещерой»? Вообще сопоставимы ли слова «цивилизация» и «пещера»? Видимо, автор под этим словом понимает сытое, ухоженное, купающее в богатствах и блеске общество потребления, которому чужды нищие, бедные, убогие, которому не нужны старики, дети с их проблемами. Они лишние в этом обществе блеска и благополучия. Они не нужны этой «цивилизованной пещере» и поэтому выбрасываются из неё. А.А. Грицианов под цивилизацией понимает «одно из разнокачественных состояний общества», «этап в эволюции человеческого общества»[42]. В этом смысле поэт, говоря о «цивилизованной пещере», подразумевает именно «пещерное общество» или «пещерное состояние сознания» этого общества. И какое место в этой «цивилизованной пещере» занимает русский народ? Видимо не лучшее. В этой цивилизации ему нет места. Поэтому его гнобят, спаивают, унижают, просто вычёркивают из состава цивилизованных народов. То есть выбрасывают из «цивилизованной пещеры», то есть из цивилизации. В случае, если русские осознают, что они являются носителями уникальной русской цивилизации, продолжателями дела Гиперборейской (северной) и Аркаимской (урало – сибирской) цивилизаций, то это может быть и хорошо. Просто не будет потребности в этой «пещерной цивилизации», надо будет возвратиться к своим историческим корням. Ибо для «пещерной цивилизации» русские просто «зеваки», которых просто выкидывают их этого «пещерного общества».

Этот «злой» и «дикий» век М.К. Антохин экстраполирует на Россию, где разливается зло, ложь, насилие, несправедливость, безнравственность. Он пишет, что плохо стало на Руси, «все разбой да убийства». Почему так плохо на Руси? Он сомневается в выводах: «повеленье Высших сил? /Иль последствия витийства?» Толи повеленье «высших сил», то за что эти «высшие силы» так разгневались на Россию, на нас, русских? Поэт не говорит конкретно,

[42] Грицианов, А. А. Цивилизация / А. А. Грицианов // Социология. Энциклопедия. – Минск : Книжный дом, 2003. – С. 1221.

он всегда лишь предполагает, заставляя читателей самим искать ответы на эти трудные вопросы жизни.

В конце концов он дает несколько ответов на этот вопрос. Это результат утраты традиций, сыновьего чувства к Родине. Мы стали Иванами, не помнящими своего родства. Мы попрали свою веру, свою родную культуру, забыли про бедных и убогих, соблазнились чужим, вредным, искусственным. И в результате «черная дыра» поглотила всё свое, родное, близкое, милое. «Черная дыра» поглотила нашу совесть – меру нашего поведения, судью наших поступков, палача – наших преступлений. Иссохли наши истоки, родники нашей культуры. На что нам опираться? На каком фундаменте строить здание культуры? В стихотворении «Что дальше?» раскрывается путь оскудения жизни, обесценивания нравственных основ жизни, ослабление внутренних регуляторов поведения. М.К. Антохин яркими мазками показывает симптомы, проваливающегося в безнравственность общества, пути деградации личности.

Повеленье ль Высших сил?
Иль последствия витийства?
Гадко стало на Руси:
всё разбои да убийства.

Или нет на нас креста?
Иль утрачено сыновье
чувство к родственным местам
за сомнительною новью?

Все святое со двора
рок метлой стальной сметает;
жадно чёрная «дыра»
нашу совесть поглощает, -

и – мелеем без неё,
будто реки без истоков…

(Что дальше?)

И что же мы получили? Мы видим, как повсеместно разливается зло, ложь, невежество, несправедливость и бездуховность в обществе, которые как ржа, стали разъедать наше сознание, толкать субъектов русской культуры в объятия чуждых и вредных нам стилей и тенденций, как стали множиться вредные увлечения заимствованными и чужыми идеями, как стало насаждаться искусственное, нереальное, временное. Это зло заразило Россию, унизило Русский Дух, сузило пространство русского сознания. М.К. Антохин показал, что драма и трагедия России в атомизации человеческих отношений, падении нравственности и духовности, подложности и искусственности идеалов.

Во второй части стихотворения «Что дальше?» поэт показывает, что всё это кончается разгулом преступности, когда «мразь глумится над пророком», когда «кровью давится певец». И воронье порасселось «на крстах». Ворон в русской мифологии – символ не только зла, но и носитель исцеления, и птица вещая. Ворон – образ в русской мифологии очень сложный и противоречивый. Поэт, этнограф, собиратель фольклора А.А. Коринфский писал: «Ворон – птица вещая – живет, по преданию, до трехсот лет, - а всё оттого, что питается одной мертвечиною. Он является праобразом ветра – Стрибожьего внука – и, по словам старинных сказаний, не только «приносит бурю» на своих черных крыльях, а и «воду живую и мёртвую»[43]. М.К. Антохин говорит не о «вороне», а о воронье и говорит в отрицательном смысле. Это не подмена понятий, а разные понятия, и они несут разную смысловую нагрузку. Тем самым поэт хочет сказать, что это вороньё олицетворяет множественность, которое несет зло: сидит «на крестах», то есть на святых местах, и гадит. От этого воронья хочется «плеваться», хочется их разогнать, но их так много, они все более множатся. Их сила в множественности.

Крест для христиан является святым символом. Так, святой Ипполит Римский – муж Апостольский – восклицал: «и у Церкви есть свой трофей над смертью – это Крест Христов, который она носит на себе». Святой Павел писал в своем Послании: «желаю хвалиться …только крестом Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. 6; 14). Святой Иустин Философ утверждал: «Крест, как предсказал пророк, есть величайший символ силы и власти Христовой». Таким образом, поэт, записав «порасселось воронье / На крестах твоих высоких», утверждает, что силы зла расселись на крестах, на символах силы и власти Христа, надругались над этими символами. Они временно оказались сильнее сил добра, правды, справедливости, мудрости и знания. Не откуда теперь ждать защиты от гадящей нечести. То есть, здесь автор пытается в форме «воронья» показать борьбу неоязычества с символами христианства и, притом, борьбу не безуспешную. Силы зла на какое – то время побеждают, господствуют и вторят свое гадкое дело.

На этом фоне воронья на крестах он говорит о предательстве лучшего друга, о его ненависти. Сознание, отравляемое злом, перевернулось, когда лучший друг идет с ножом на своего некогда друга. Что происходит в стране, когда друг кидается на друга, брат на брата, какая – то мразь издевается над пророком? Пророки – это люди, видящие будущее, какое оно должно быть и которое будет. Видят конечный результат тех событий, которые происходят на наших глазах. К пророкам относились и относятся писатель Ф.М.

[43] Коринфский, А.А. Народная Русь / А. А. Каринфский. - Самара : Самарский областной центр народного творчества. 1995. – С. 434.

Достоевский, святой праведный Иоанн Кронштадтский и многие святые люди. Пророки, чаще всего православные люди, не нужны новым «преобразователям», «реформаторам», зараженным их идеями людям, более того, они для них просто вредны. Они могут показать результаты их зла, лжи, невежества, разврата в истинном свете. Это люди Света, Мудрости. Раз общество допускает надругательства над чистыми, светлыми и мудрыми людьми, то очень плохо в нашем Отечестве. Видимо, Россия серьезна больна! Такое может происходить только во время гражданского противостояния, когда во имя идеологических позиций родные братья убивали друг друга. Видим, что никогда во время советского строя не утихала эта духовная и нравственная, идеологическая борьба. А во время перемен, во время крушения советского строя и утверждения российского, вновь обострилась старая «болезнь».

Порасселось воронье
На крестах твоих высоких;

всё изгадили вокруг –
отвернуться бы да плюнуть!
Под лопатку лучший друг
ржавый нож стремиться сунуть.

И – стреляют, и – громят;
желтым злом клокочет горло;
зрак струит змеиный яд;
грудь невежество распёрло;

Кровью давится певец;
мразь глумиться над пороком…
Русь, неужто твой конец
Замаячил ненароком?

(Что дальше?)

В стихотворении «Что дальше?» чувствуются апокалипсические нотки, ожидание конца России, общества, русского народа. Гадят на кресты, друг точит на друга нож, стреляют и громят, мразь глумится над пророком. Что это, как не предвосхищение конца Руси? А что дальше? Будет ли после этого конца новое начало, или это распад, атомизация, рассеивание Руси, русской культуры и их носителя. Вот такой вопрос мучает поэта. Такие мрачные мысли посещали сознание миллионов русских людей в суровые годы конца 90 – х годов – первые годы нового тысячелетия. Это чувствовал и я, автор этих строк.

Казалось, что рушилась не Россия, а Советский Союз, что разрушались построенные на искусственных, идеологических и

классовых принципах государство, советское общество, советская культура. Рушились советские ценности, советская страна скатывалась в пропасть небытия, реформаторы, которые затеяли перестройку, не справлялись с задачами реформирования, не управляли страной. На самом деле Россия была на грани нового гражданского раскола, на пороге небытия. С разрушением всего советского снова убивалось и традиционное российское, русское. Россия стояла над пропастью! Как сказал русский писатель и общественный деятель А.И. Солженицин: метили в коммунизм, а попали в Россию. Это было так, в действительности это была трагедия русской культуры, русского народа. «Младодемократы», радикалы разных мастей издевались над Советским Союзом, советским народом, называя людей оскорбительным словом «совок», над советской культурой и не заметили, а может не хотели замечать, как наиболее «передовые» из них перешагнули грань, стали восхвалять генерала Власова, предавшего советский народ и воевавшего на стороне фашистов, как стали обвинять во всех грехах русский народ, как игнорировали даже А.С. Пушкина (помню как нам не давали в эти годы провести даже юбилей великого поэта Руси).

Помню, в эти годы была «бешенная» инфляция, обнулялись цифры на рублях, дефолты, ваучеризация, массовые невыплаты зарплаты, остановки предприятий: в сознание людей надолго вселилась безысходность, чувство пессимизма, неуверенности в будущем. Всё катилось под откос: жизнь, карьера, будущее. Все это усугубляло драматизм русского народа, обостряло проблемы России, русской культуры, проблемы, связанные с изменением парадигмы развития. Какой уже раз за это столетие! Это возвращение, после более чем 80 лет администрирования, снова в рыночную стихию, оплачено кровью и слезами миллионов русских людей. Эта напряженность отношений, драма жизни и творчества людей чувствуется в стихах М.К. Антохина. Поэтому и не случайны апокалипсические ощущения конца.

В стихотворении «Мельтешенье снежинок…» поэт яркими красками рисует картины разложения и рассеивания русской культуры, Русского духа, вопиющие образы российского неустройства. Вся страна превратилась в один большой рынок, вернее базар. Миллионы людей «сорвались» с насиженных мест за товарами по всему периметру границ страны. Тяжелые сумки, пограничные посты, бедные женщины с изнемождёнными лицами, не думающие о обогащении таким образом (!). Всё это я видел на российско – китайской границе. Сейчас называют этих людей «челноками». А что с ними стало потом? Я многих знал, которые надорвались, таская эти тяжелые сумки, а сейчас не выходят из больниц. На каждом углу проститутки, азартные игроки, пестрые «ловцы» душ от нетрадиционных религий и сект.

Поэт опять задает вопрос, но уже не себе, а Богу: «что постигло нас, Боже? / Кара или закон?» Народ превратили в быдло, нас загнали в стойло, в овечий загон. Всех перессорили, везде разлад и раздор. Друг с другом выясняют отношения. У нас «снесло крышу», как образно говорят в народе. Мы погрязли в страстях, потребительской вакханалии. Каждый «челнок» хотел быстро разбогатеть (!?). Но не хлебом единым жив человек. Ему нужна духовная пища. И поэт вопрошает: где же пастырь, кто нам даст духовной пищи.

Мельтешенье снежинок
Переходит во мглу…
Вся страна, будто рынок –
Торг на каждом углу.
Что постигло нас, Боже?
Кара или закон?
Как всё стало похоже
На овечий загон!
Мы сварливы, бодасты…
Сплошь – разлад и развал…
Где же? Где же тот пастырь,
Кто бы пищу нам дал?
Души наши пустые
От тлетворной молвы,
И глаза, как пустыни, -
Ни воды, ни травы.

(«Мельтешенье снежинок…»)

В стихотворении «Мельтешенье снежинок…» М.К. Антохин продолжает тему смутного времени. Он в нём фиксирует пустоту души людей, страстно принявших рынок, продающих на каждом углу товар, включая и «себя» как товар, и в какой-то степени духовно и нравственно деградировавшей. Пустые глаза, пустые души, отчужденные взгляды – вот характерная примета эпохи смутного времени. В эти годы разворачивается демографический кризис, резко растет потребление алкоголя, начинается наркотический угар, все города превратились в сплошной базар, все города и села наполнились челноками.

Помню, в конце 90 – х, когда были пустые прилавки, народ жаждал «колбасы» и «стакана водки». На некоторых страницах пресса говорила даже о «колбасно-водочной революции». Это в какой – то степени было реальностью начала реформ в России. Прилавки были быстро насыщены товарами, включая колбасу и водку. Но такой пищей он быстро насытился, даже перенасытился. Ему, народу, нужна стала и другая пища – духовная. Но сам проявить волю он уже не может, ему нужен другой лидер - духовный пастырь, который даст ему эту духовную пищу. Русскому человеку нужны духовные цели и

идеалы, нужны водители к этим целям - священники, которым он мог бы покаяться в своих грехах, встать на путь спасения своей души, на путь возрождения. Но их в тот момент оказалось недостаточно, их голос было плохо слышен и не узнаваем в хоре чужеродных мессий и проповедников, доморощенных шарлатанов и «целителей», сатанистов и «учителей» всякого рода братств. И русские люди попадались на крючок этих псевдорелигий, на «наживку» псевдодуховности. Поэтому М.К. Антохин вопрошает: где же тот пастырь, который даст истинную веру, возродит традиционную духовность.

В стихотворении «Затмение» М.К. Антохин дальше продолжает осмысливать состояние России в эпоху начала перемен, глубину разворачивающейся на наших глазах трагедии нравственного падения страны и деградации народа. Он убедительно показывает его метания, шарахания из стороны в сторону. Те, кто были врагами, стали «друзьями», «стратегическим партнерами», а те, кто были друзьями, стали «врагами». Такая необдуманная внешняя и внутренняя политика породила недоверие к России всех соседей, представителей всех слоёв населения. Русские становятся изгоями в большинстве бывших союзных республик. Рейтинги нашего первого Президента скатывались к 4 % (?!). Новая младодемократическая элита длительное время не могла опомниться, не могла сформулировать внятную концепцию национальной безопасности, внятную политику в отношении государств ближнего зарубежья и собственного народа. И поэтому все республики стали быстро отходить от влияния России, устанавливать контакты с теми государствами, с которыми у России очень трудные отношения, стали вступать в союзы, направленные против России. А Россия спала и не видела ничего вокруг себя, даже того, что происходило внутри страны. Другие ели застлали глаза.

То влево, то вправо
Метнулась,
Бессмысленный сделала круг.

(Затмение)

И вдруг Россия «будто» просыпается. Что значит проснуться, значит содрогнуться от содеянного, от того нравственного падения народа, от пустоты в наших душах, от потери социальных ориентиров. Проснуться - это значит вернуться к истокам, вспомнить свое предназначение, свои пути, свою идею и свою цель. Поэтому М.К. Антохин говорит: «будто проснулась», то есть, еще не проснулась. Невольно встаёт вопрос: а когда же Россия проснётся и вспомнит свою историю, свою миссию, свое место в семье народов и культур Мира, место между Востоком и Западом?

Россия как будто проснулась
И встала. И смотрит вокруг.
Под грозными чарами демона
Трясёт её хохот и страх.
Никак не опомнится:
Где она?
Кто друг её?
Кто её враг?
А время,
Как ветер у стремени,
Со свистом проносится вдаль.
Не жалко ей прошлого времени
И будущего – не жаль.

(Затмение)

М.К. Антохин очень точно подметил состояние России: «БУДТО ПРОСНУЛАСЬ», но всё ещё не проснулась. И в этом состоянии полусна, полубордствования она не может вспомнить Себя, свою Миссию. Определённым недружественным России силам как раз это и нужно! Что мы видим? «Под грозными чарами демона /Трясёт её хохот и страх». То есть Россия стоит под знаменами «демона», проводника и источника зла, ненависти, лжи, несправедливости, войны, невежества. Ибо как насаждать олигархический капитализм, который несет страдания, бедность и бедствия народам. Под «чарами демона», значит под гипнозом всякого рода кишпировских, им подобных, всяких магов, так называемых «целителей», миссионеров нетрадиционных религий и сект, изо дня в день оболванивающих русский народ, другие народы России. Народ в большинстве своём не хочет такого общественного порядка, где бал правят деньги. Поэтому она, Россия, находящаяся под «чарами» демона», хохочет на неустройством жизни неимущих, бедных, но всё ещё верящих в социальное общество, в справедливость, в торжество добра. Под этими «чарами демона» новую Россию бездумно вталкивают в рыночную стихию. Её трясет то от смеха, то от страха.

Что значит проснуться России? Это значить вернуться к своим духовным и нравственным истокам, историческим традициям, остановить деградацию русской культуры, определиться с друзьями и союзниками, протрезветь наконец – то, стать реальным субъектом своего будущего. Проснуться России, значит обрести свое былое историческое предназначение, осознать свой путь и пойти по нему. Проснуться, значит осознать и свое Величие, возродить свою Русскую идею, сохранить и преумножить народ. Именно этим поэт в этом стихотворении намекает на то, что время её просыпания еще не пришло. Но Россия обязательно проснется! Ей надо проснуться!

России до сих пор не жаль прошлого времени, а следовательно, не жалко и будущего. Мы забыли завещание А.С. Пушкина бережно

сохранять старину. Россия застряла в смутном настоящем, которое не имеет длительной перспективы. А чтобы развиваться, необходимо определиться с будущим, возродить связь времен, то есть соединить в едином историческом потоке время и пространство прошлого, настоящего и будущего, возродить свои идеалы и цели. Поэт сожалеет о том, что время проносится со свистом, а Россия еще не определилась в своих путях. Самое страшное, что Россия неуверенна в своем бытии. Россия, как три витязя на распутье: все дороги ведут к трудностям и препятствиям. Но идти вперёд надо, но Россия всё еще стоит на перепутье! И это стояние затянулось, а надо идти навстречу трудностям, преодолевать их во имя Святой Руси.

Преодолеть смутное время, означает, в первую очередь, преодоление разброда и шатания в умах, душах и сердцах; во вторую очередь, создание нормальных условий жизни и социального благополучия, в-третьих, определиться в целях и идеях пути. Если же первое и второе поменять местами, то мы никогда не выйдем из кризиса, всегда будем плестись в хвосте культурных народов мира. Смутное время, безвременье, неопределённость в умах, война всех против всех долго продолжаться не может. Всё равно возьмут верх те тенденции в культуре, которые обеспечат порядок и устойчивость. Но можно обеспечить порядок путем установления жесткой власти, можно – путем демократических перемен всех сторон жизни. Для этого необходимо преодолеть кризис пути и неуверенность бытия, обеспечить социальный оптимизм, возродить связь времен и поколений. Для этого необходимо не сужать пространство и время русской культуры, а именно расширять.

Сужение пространства и времени русской культуры – это путь затухания русской культуры, путь деградации русского народа, путь в небытие. Расширение же пространства и времени русской культуры – путь познания Вселенной, путь развития, умножения артефактов, смыслов и знаковых систем, это путь в благодатную сложность, путь осмысления ЕДИНОГО. По какому пути пойдет России? Это очень важно для поэта. Он верит в светлое будущее России. Он верит, что Россия пойдет вперёд, как сказал философ Константин Леонтьев, к цветущей сложности жизни, деятельности и творчества.

М.К. Антохин в своих стихотворениях очень верно изображает картины умирающего мира. Переход от одной системы ценностей, символов, знаков и смыслов к другой, прямо противоположной, проходит этапы распада, атомизации и рассеивания одной культуры, нарождение нового, другого или реставрации, возрождения традиционного, ранее существовавшего. Чувствуется фаталистическое ощущение конца, завершенности пути. Полярности сходятся, простой человек не может понять происходящего, культура опускается в хаос. Поэт предчувствует, что этот конец есть начало нового пути.

2. «О Россия! В чёрной безнадежности ты теряешь кровное, своё»

М.К. Антохин не просто описывает события эпохи как сторонний наблюдатель. Он и как вдумчивый исследователь пытается понять глубину драмы, постигшей русскую культуру, её носителя – русский народ, драму и трагедию России. Понять драму, противоречия жизни, культуры, России, значит найти выход из этого состояния. Самое страшное, что в это время Россия теряет своё, усвоенное, родное. Так, он с душевной болью пишет: «Наше правительство, как наркоман, сидит на нефтегазовой трубе и ждёт лучших времён. Уж не тех ли, когда последний русский закроет глаза! Не моё это время»[44].

Драма России – это кризис русского сознания, Русского Духа, русского мышления, кризис пути, по которому он шёл все эти 85 советских лет, это разочарование прошлым, настоящим и будущим, это раздвоение, разтроение, то есть дробление целей русской культуры как целого. Надо понять глубину этого кризиса. Кризис России – это кризис русской культуры. Русская культура застряла между традицией и новацией, потеряла традиционные основы жизни, деятельности и творчества. Возрождать традиции – значит не бояться упреков со стороны так называемых модернизаторов. Попытка советской модернизации провалилась, поэтому русский народ особо не доверяет всякого рода модернизаторам и экспериментаторам, русский народ так и не интегрировался в советское. Но путь России все равно пролегает между традицией и новацией. Поэтому модернизация неизбежна, но какая она будет: вот в чём вопрос? Нужна русская национальная модернизация с учётом интересов всех народов России.

В стихотворениях «Желание», «По Руси», «Укор», «переоценка ценностей», «Выручка», «Падает – один…», «Прости» М.К. Антохин мастерски, глубоко вскрывает драматические события потери Россией своей цельности, заражения её культуры вирусом «чужебесия», распада сложившихся связей и отношений между людьми, вторжения в жизнь меркантильности. Возникает ощущение, что мы теряем свое: и друзей, и свою культуру, и свой Дом, и свою Семью. А что приобрели? Говорят: свободу, но эта свобода не для всех. Свобода для тех, кто имеет деньги, а для остальных свобода – миф. Трагедия России в потере ею цельности, в чужебесии, потере своего пути.

---

[44] Михаил Антохин //О времени, о литературе, о себе : лит. – крит. сбор. / Ред. – сост. и авт. вступ. статьи Н. И. Коняев / М. Антохин. – Екатеринбург : Сократ, 2007. – С.31.

(1) «…цвели бы / вовеки / кровных три сестры»

Драма сегодняшней России – это драма расчленённого, некогда бывшего единым русского народа. Русский триединый народ, проживший вместе несколько сот лет, не представляет себе, как это жить врозь, создавать между собой границы, препятствия для общения, переписывать историю, делить свое настоящее и будущее. Недавно снятый фильм «Тарас Бульба» по Н.В. Гоголю вызвал в Украине, особенно в западных её регионах, не просто критику, а гнев в отношении режиссера и создателей фильма. Режиссеру этого фильма сыпались угрозы расправы за то, что в этом фильме очень много русскости. Распад некогда единого русского народа зашел слишком глубоко.

Поэт всей душою, всем сердцем и умом будет петь «и Белорусь, и Украину, /и Матерь русскую мою». Петь, значит прославлять триединый русский народ, его русскую, украинскую и белорусскую ветви. Это его Русская идея – не может быть успешным тот или иной из этих народов вне славянского единства. Русские, большинство украинцев, белорусов всегда считали и считают до сих пор русский народ единым.

Проблема русско – украинско – белорусского единства – это не просто какая-то внутренняя проблем восточно-славянского единства, это проблема выживаемости славянской культуры вообще, места славянства в мире. Проблема единства славянского мира обнаружилась не сегодня. Западная Европа объединяется в Евросоюз, исламский мир имеет свои структуры координации своих действий, Африка создает свои координационные структуры Латинская Америка и Азия – свои. Только славянский мир разобщён, не имеет никаких структур согласования и координации ни на каком уровне, даже на уровне народов. Проводимые славянские соборы у политических деятелей не вызывают энтузиазма. Не надо реанимировать панславянских идей, надо просто создавать условия для координации славянских народов, то есть поляков, русских, болгар, украинцев, чехов, словаков, русинов, белоруссов, черногорцев, сербов независимо от их цивилизационной, религиозной, региональной принадлежности, пусть это будет даже «винегрет». Не будет Россия участвовать в этом процессе, будут участвовать США, Объединённая Европа, Китай, создавая программы «Восточное партнёрство» и другие. Россия должна переосмыслить свою политику в отношении всего Славянского Мира. Почему бы нам в России не проводить на высоком уровне Славянские соборы, которые проводятся то в Праге, то в Минске? И на эти мысли навевает стихотворение «Желание». Великий русский писатель В. Распутин писал: «Выстоять славянским странам одним не под силу. Они точно попадут под чужое ярмо. Сейчас Украина, Беларусь пытаются

сохранить свою якобы самобытность, отходят от «москалей». Но только это сделают, тут же потеряют свою самобытность, потому что Россия может противостоять только тому мировому владычеству, которое готовится везде и повсюду. Без России их ждёт погибель. Спасение в том, чтобы Россия была сильной. Я верю – как только она поднимется, почувствует силу в мускулах, тогда русская идея вновь оживет»[45]. Под этими словами писателя подпишется любой человек, верящий в возрождение славянского единства.

Стихотворение «Желание» о драматическом развитии отношении между тремя республиками: России, Украины и Беларуси. М.К. Антохин желает, чтобы «цвели/ вовеки / кровных три сестры». Сёстры могут ссориться, что-то не поделить, но должны помнить, что они родные сёстры, что они должны быть вместе. Они должны помнить, что все эти споры и ссоры должны оставаться в семье. Матерью для всех славянских сестёр является единая восточнославянская культура. Ранее говорили, что русские – это великороссы, малороссы и белорусы.

Пока я жив, пока не сгину, -
Господь мне дал, -
и я пою:
и Беларусь, и Украину,
и Матерь русскую мою.

Тебе, о Русь, мои восторги;
по плечи – оренбужья шаль!
Восторги, как всегда,
недолги,
но долги – горе и печаль.

Они скребут - как поле грабли;
и ум, и сердце – боль печёт.
Быть может, словом хоть ослаблю
твоё усталое плечо.

Ни благ за это, ни спасибо, -
лишь пот со лба рукой утри.
Я одного хочу:
цвели бы
вовеки
кровных три сестры.

Всем трём желаю я успеха,
благополучия семей,
И – чтоб к любой я мог приехать,
как езжу к матери своей.

[45] Распутин, В. Что дальше, братья – славяне? / В. Распутин // Литературный Иркутск. – 1992. - № 4. – С. 1-3.

Желать славянским сёстрам успеха, значит не только определиться в своей жизни, но всегда поддерживать сестринские отношения, желать дружить семьями, то есть народами. Россия всегда подставит своим сёстрам «усталые плечи», протянет руки помощи. Что это значит на практике? Это значит, иметь открытые для дружбы границы, проводить открытую и ясную политику, не выносить сор из «славянской избы», проводить солидарную политику в отношении друг друга. Вот что хочет поэт М.К. Антохин. Это и есть его Русская идея. Идеал сестринской дружбы, взаимопомощи, взаимной поддержки в трудные минуты.

Поэт сожалеет, что «встречи, как всегда, /недолги», но «долги – горе и печаль». Он здесь говорит о судьбе России и русского народа, о её сложном пути через «горе» и «печали». О чём боли и печали России, можно догадываться: о потере единства, о разрыве сестринских отношений, о ссорах в славянском Доме. Эти боли «скребут», будоражат и ум, и сердце. Но тогда почему власть России не поддерживает коллективные органы единения на уровне славянских народов? Почему власть России не вырабатывает единую политику в отношении всех славянских стран, культур, народов? Почему не сделать славянский язык праздником всех славян, не собирать славянские соборы и прочие общественные и культурные мероприятия.

Это стихотворение называется «Желание», в нём поэт раскрывает свои пожелания трём славянским сёстрам. Надо идти дальше. Здесь есть какая – то недосказанность. Хотя фундамент для дальнейшего осмысления всеславянского и восточнославянского единения М. К. Антохиным заложен в стихотворениях «Гуси», «Поход», «Предтеча», «Дон», «Конь Всеволода», «Мечи Всеволода», «Сеча», «Плач Ярославны», «Ольга», «Степь» и многих других. Нас прошлое объединяет, настоящее – разъединяет, а будущее должно вновь объединить.

М.К. Антохин желает «благополучия семей», «чтоб к любой я мог приехать, как езжу к матери своей». Это прозрачные границы, ликвидация всяких препон, виз, с тем, чтобы сестры могли легко и свободно общаться между собой. Не идея ли для межгосударственного строительства братских славянских народов?

(2) «Заработаю – напьюсь»

Остро переживается поэтом драма России, русской культуры и русского народа - повальная алкоголизация, наркотизация под видом свободы торговли, свободы человека, глобализации жизни. Внедрение в русскую культуру вируса потребительства привело к

катастрофическим последствиям для русского народа: духовной и нравственной деградации, угасанию многих сторон жизни, сужению пространства и времени русской культуры. Не все могут реально осознать последствия этой драмы, не все осознают глубину самой драмы.

Поэт в стихотворении «По Руси» не только фиксирует факт или тенденции зла, а пытается понять трагедию алкоголизации народа. В этом стихотворении несколько слоев:

во-первых, дороги, работа и алкоголь: «Еду полем: Русь да Русь. / Нет числа дорогам». Россия – это дороги, дороги и дороги, которым нет числа. А многие дороги и на дороги не похожи, просто направления. Чувствуется какая – то бездомность, постоянное движение за заработками, тоска чёрная. От этого какая-то безысходность от этой реальности бытия. И от этой безысходности человек хочет уйти, куда-то уехать, но куда, где всё дороги и дороги, где нет домов, в которых можно остановиться, осмотреться, одуматься. Да, все в личности, а от себя не уйдёшь! Все становиться серым, неуютным, бессмысленным. От этого человек хочет напиться так, «чтоб в землю рогом», до беспамятства. Будет ли такой человек создавать фундамент для жизни, на котором можно построить свое счастье. Это очень мрачные строчки о мрачной жизни, безысходности, бездомности. Это и есть трагедия русской жизни.

Еду полем: Русь да Русь.
Нет числа дорогам.
Заработаю – напьюсь
Так, что в землю рогом!

(По Руси)

Во-вторых, прошлое рыдает над сегодняшним запоем: «Друг мой милый,/ Старина,/ Как душа рыдает!» Старина, в настоящем, рыдает над настоящим безумием России, над тем, как в пьяном угаре сходит с ума страна. Русская народная пословица гласит: «Не жаль молодца ни бита, ни ранена, жаль молодца похмельного». Похмельного, значит бессильного, слабого, неповоротливого, плохо соображающего жаль. Русская душа жалеет сирых, убогих, слабых, униженных. Значит, пьяный вызывает сожаление, жалость, но не отвращение, не негодование, не ненависть. Почему «Старина / Как душа рыдает»? Да потому, что в старину так много не пили, как сейчас пьют. В русской народной традиции нет места пьянству. У славян нет бога вина, нет бога пива или бога медовухи. В других культурах всё это есть! На Руси нет ритуалов, связанных с вином. И законодательства нет, запрещающего пить вино. Напротив, в Европе пьянство и алкоголизм были широко распространены. В XУ1 веке реформатор Церкви Мартин Лютер писал: «Германия зачумлена пьянством»; английский

пастор Уильям Кент отмечал: «Мои прихожане каждое воскресенье смертельно все пьяны». Философ и врач Ибн – Син (ок. 980 – 1037) восхвалял винопитие. Русь же в средневековье была трезвой. В. Валентинов писал: «Русь вступила в средневековье трезвой»[46]. Да и водка – не русский напиток. Так, исследователь мифов о русском пьянстве В. Мединский пришёл к выводу, что «…пьянство – вовсе не «русская болезнь», передающаяся из поколения в поколение, а планетарная проблема… И водка – не наш национальный напиток». Поэтому, русская старина «рыдает» над либерально-демократической «новизной», которая топит русский народ в алкоголе.

Почему старина рыдает, как душа, то есть с болью, страданием? Да потому, что в России утверждается и насаждается культ вроде бы такого: «Россия – водка, валенки, Сибирь!», что изобретателем водки был великий русский учёный Д.И. Менделеев; что «только водка из России – настоящая русская водка». Поэт М.К. Антохин связывает пьянство именно с дорогами, их бесчисленным множеством, с бездомностью человека, где царит безысходность, неустроенность, временность. На этих бесконечных дорогах человек хочет как-то провести время, как-то расслабиться и поэтому напивается, чтобы «в землю рогом», то есть до невменяемости. Отсюда, что необходимо делать, чтобы преодолеть тоску и серость дорог, как обустраивать Русь в её огромных пространствах. Для этого необходима сильная идея, четкая и понятная для всех цель, светлый идеал. Но этого почему-то нет и всё серое, мрачное, безысходное в сознании продолжается, воспроизводится с завидным постоянством. От этого и вытекает «наплевательское отношение» к стране, вредительское отношение к народу и культуре, ибо пьяному безразлично, что Россия «пьяной не бывает».

В-третьих, «наплевательское» отношение к России: «Наплевать мне, что страна / Пьяной не бывает». У пьяного все персонифицируется, индивидуализируется. Он не болеет за Общее Дело, за Русскую идею, более того, оно ему непонятно общее, он бежит от общего в свою страстность, в пьяную обыденность своей жизни. А вот, что трезвыми Россия и русский народ были всегда, пьяному невдомёк, он об этом не знает и не хочет знать и даже слышать. Русский народ имеет богатейшую трезвенническую традицию.

Друг мой милый,
Старина,
Как душа рыдает!
Наплевать мне, что страна
Пьяной не бывает.
Из всего, чем жизнь полна,

[46] Валентинов В. отвергни пьянство / В. Валентинов // Москва. – 1987. - № 5. – С. 169.

Не терплю обмана.
У стакана нету дна –
Дно есть у кармана.

(По Руси)

Чем жизни полна у пьяного? Только пьянкой, страстью потребления. Правда его жизни именно в пьяном угаре, и смысл жизни ищет именно в этой пьянке. Пьянка ограничивается только деньгами. Поэтому М.К. Антохин очень верно подметил суть пьяного угара: дорога – работа – деньги и снова дорога – работы – деньги и так до бесконечности. Поэт призывает остановиться, одуматься, начать строить иную жизнь.

Следует согласиться с поэтом, что «У стакана нету дна - / Дно есть у кармана». Даже если деньги закончатся, пьяница или человек от тоски, безысходности, бездомности будет их искать, будет занимать, пойдет на воровство и снова будет пить, чтобы в «землю рогом». Как сказал пророк Ф.М. Достоевский: «Вино скотит и зверит человека». «У стакана нету дна» - означает, что пьянка для страстного человека никогда не заканчивается. Это болезнь. А раз «нету дна», власть, общественность, ответственный бизнес должны сделать так, чтобы это дно появилось, путём ограничения торговли, рекламы, путём воспитания подрастающих поколений.

(3) «Вся страна - чёрный рынок»

И все сходятся во мнении, что «вирус» потребительства и страстности развращают личность, особенно нравственно неокрепшую и духовно неопределившуюся. Развитие потребительской культуры развивается поэтом в стихотворении «Укор». Эта тема в последние годы стала объектом внимания небезразличной за судьбы народа и страны русской интеллигенции. Об этом говорят священники, все честные русские и православные люди. Насаждение потребительской культуры с середины 90 – х годов прошлого века до настоящего времени – это драма, трагедия и боль России. В стихотворении «Укор» М.К. Антохин показывает последствия необдуманного, скорого насаждения потребительской культуры в России. Так называемые «реформаторы» твердят: «нет этому никакой альтернативы», «нет противовеса этой тенденции».

М.К. Антохин с душевной болью говорит о том, как Россия превращается в чёрный, преступный рынок: «Вся страна – чёрный рынок:/ торг и секс за углом». На этом черном рынке все покупается и всё продаётся, все является товаром. Всё имеет цену: и детские игрушки, и женские сапожки, и тело (секс), и совесть, даже государственные секреты, должности во власти. И этот «чёрный

рынок» расцвёл полным цветом. Россия пала так низко, что стали обыденными явлениями проституция, разврат, гомосексуализм, лесбиянство, детский алкоголизм, подростковая и молодежная преступность, организованная преступность. Россия упала на дно, в грязь, в «бесславный разврат».

Поэт говорит не просто о рынке, а о «чёрном рынке» (!), который, как «чёрная дыра», всасывает в себя всё созданное народами: и хорошее и плохое, и правдивое и лживое. Антиподом «чёрному рынку» выступает «белый рынок», то есть цивилизованный рынок, в котором действуют правила, люди подчиняются каким-то законам, более или менее нравственным регулятивам. На «чёрном рынке» нет законов, сдерживающих нравственных правил, вернее там действуют законы и нормы джунглей, кто сильнее, тот и прав, тот возьмёт своё. «Чёрный», в данном случае означает, что господствует рынок зла, лжи, предательства, преступлений, несправедливости, войн. И этот «чёрный рынок» поглощяет всё, что туда попадает, в его воронке исчезает добро, правда, справедливость. Поэт задумывается над тем, что просиходит?

«Чёрный рынок» - результат деградации русской культуры, русского сознания, падения нравов в обществе, результат вседозволенности и произвола, результат неэффективности власти и распущенности средств массовой информации, результат распада старых традиций и несформированности новых традиций, есть результат кризиса нашего сознания и мировосприятия. Россия превратилась в канаву для отходов мировой культуры. Все каналы центрального телевидения заполнены американскими боевиками, порнографическими сценами, наркоманами и алкоголиками. Но подмостки театров вошел «мат» и слэнг. Наши учителя, инженеры, учёные превратились в «челноков». Страна сошла с ума. Лучшие люди стали чужими для страны. А где наша великая культура, лучшие достижения русского искусства, науки, экономики, техники? В этом «чёрном рынке» смешались великая слава России и разврат, вседозволенность и преступность.

Кину взгляд на блондинок,
На их косы – узлом!
Вся страна – чёрный рынок:
торг и секс за углом.

Вся страна – как канава,
где, свалившись, лежат
и великая слава,
и бесславный разврат.

(Укор)

Констатировать негативные проявления жизни - не значит встать на путь исцеления, спасения и возрождения. Необходимо понять и причины такого падения нравов и культуры. Поэт задает вопрос Богу: «Что настигло - нас, Боже?/ кара или закон?». Если кара, то за что нас покарали? Если это закон нашего развития, то кто его установил. Мы стали сварливы, бодасты, между нами разлад, везде развал. Некогда сильная культура опять разлетается на части. Мы, по - видимому, забыли что сила, величие, слава, мощь в единении, в единстве культуры, русского народа, народов России; слабость, смерть – в раздоре, раздвоении и делении культуры, народа и России. И эти раздор в стране, развал великой культуры, угнетают поэта, проходя через его душу, ум и сердце.

Поэт взывает к Богу – «где же тот пастырь,/ чтобы пищу нам дал?». О какой пище говорит М.К. Антохин? Все рынки и базары завалены колбасой, мясом, овощами, хлебом! Значит не об этой пище говорит поэт. Он говорит о пище духовной, ибо души стали пустыми от всяких сплетен и молвы, глядя на происходящее от торговли и потребления. Мы заболели потребительством, стали меркантильными, завистливыми, жадными, злопамятными. Наши души очерствели, интеллект стал тратиться попусту, на мелочи. Мы стали забывать вообще предназначение человека на Земле. Семьи стали распадаться, индивидуализм захватил наше сознание. И, похоже, это становится признаком хорошего тона у большей части деградированного населения, а вернее, уже толпы потребителей. Но у ещё значительной части народа душа болит, сердце ноет, ум лихорадочно ищет выход из создавшегося трагического положения. Глаза не могут смотреть на этот «разлад и развал». Душе нужен пастырь, ибо мы забыли и свою духовность, чтобы спасти свою душу от оскотения и развращения прелестями. Пастырь – человек, который поведёт нас через пустыню к спасению.

Позор свалился на наши головы! К кому же ещё обращаться, как не к Богу, с этим важным для русского человека, вопросом.

Что настигло – нас, Боже?
Кара или закон?
Как всё стало похоже
на овечий загон!

Как сварливы, бодасты;
сплошь –
разлад и развал.
Боже, где же тот пастырь,
чтобы пищу нам дал?

Мы – всегда жизнелюбы –
что – то сникли теперь;
пухлы веки и губы

от утрат и потерь;

души стали пустыми
от тлетворной молвы,
и глаза, как пустыни, -
ни воды, ни травы.

Лишь собак злая свора
вдоль закона кружит…
Так страницы позора
нам давно пережить.

Но, унизясь, не треснем,
как под грузом причал, -
и – воскреснем!
Воскреснем
для великих начал!

(Укор)

Мы, русские жизнелюбы, правдолюбы, добротолюбы вдруг сникли, пали духом от утрат и потерь. Страх вошёл в наше сознание, какое – то ощущение конца. М.К. Антохин пишет: «…мы уже не чувствуем стержня, вокруг которого надо бы объединиться, сплотиться. Нет его у правительства. Нет того, во имя чего можно идти и рвать себя; нет того, ради чего народу жить хочется. Идея обогащения – конек Запада и западников – у нас не срабатывает»[47]. Действительно, последние два десятилетия Россия все больше и больше теряет своих граждан, Россия вошла в демографический ступор под названием «русский крест», смертность, особенно среди мужчин, одна из самых высоких среди развитых стран. Женщины не хотят рожать детей, семьи быстро разваливаются под ударами стихий рынка, падения нравов и русского духа, мужчины не могут обеспечить всем необходимым свои семьи. С сокращением русского населения в России значительно сузился и Русским мир, сужается пространство и время русской культуры, всё меньше людей на планете знают русский язык и русскую культуру. Потому что мы стали неинтересны Миру, мы стали опасны Миру, мы, самое главное, не нужны миру, а нужны миру наши ресурсы. И чем больше в России умрет, чем меньше родится детей, тем сильнее ослабнет Россия, Русский Дух. Стихотворение «Укор» предостерегает нас об опасностях такого хода развития. Но оно настраивает на то, что не надо ждать пастыря, когда он придёт и спасёт наши падшие души, а самому искать пастыря, по крайней мере, путь к нему. Не будет

[47] Михаил Антохин //О времени, о литературе, о себе : лит. – крит. сбор. /Ред. – сост. и авт. вступ. стат. Н.И. Конясв / А. Антохин. – Екатеринбург : Сократ, 2007. – С. 31.

мотивации на духовное и нравственное возрождение, и пастырь не поможет, не появится вера в него.

Уничтожающей критике подвергаются те, кто «вдоль закона кружит». Этих людей поэт называет «собак злой сворой». Рядом с законом может быть только власть, ибо она получает от закона огромную выгоду, рядом может быть и бизнес, ибо он лоббирует те законы, которые выгоды этому бизнесу, за это платит власти. Поэтому собаками, вероятно, поэт называет чиновников и бизнесменов. Разразившийся в 2009 году мировой кризис, затронувший Россию особенно больно, назвал этих «собак» по именам. Это те, кто занимался безответственным бизнесом, занимал деньги за границей. А сейчас, когда необходимо их отдавать, побежал к государству за помощью с целью спасения своего бизнеса. «Собаки» - это коррумпированные чиновники всех уровней и мастей, которые создают самые изощрённые схемы увода из государственной казны денег в свои карманы, перевода за границу, объема денег у социально ответственного бизнеса.

Но эти страницы позора Россия, русская культура, народ переживут, перевернут эту горькую страницу своей жизни. Россия обязательно возродится. Россия даст миру новый свет. В это верит поэт, поэтому он с оптимизмом смотрит в будущее своей Родины. Он верит, что Россия воскреснет! Воскреснет русская культура, русский народ. Но воскреснуть можно после смерти. Это значит, что сначала Россия, русская культура и их носитель, русский народ, умрут, рассеются. Это ужасный конец. Но у поэта этот конец одновременно означает и начало новой жизни, новой культуры, нового этапа творчества. После этого конца начинается воскресение России, русской культуры, русского народа, ибо наша миссия в создании великой истории, мы рождены «для великого начала»! Русский народ вновь и вновь, как птица Феникс, воскресает из пепла.

(4) «Лозунг был…»

Драма России в быстром изменении ценностей на прямо противоположные, нравственные на безнравственные, духовные на бездуховные. Причём это происходит в очень короткий промежуток времени. Главной ценностью был труд, а теперь - спекуляция; была учеба, знание, а теперь – преступления. Всё перепуталось в сознании людей. Боролись за одни ценности и идеи, а сейчас оказалось, что не за те ценности и идеи боролись. Эта полярность русского сознания очень точно подмечена поэтом. М.К. Антохин говорит в традиции бердяевской концепции биполярности русской души. Н.А. Бердяев рассматривает русскую душу в единстве противоположных начал: и плохих, и хороших. На этом акцентирует внимание в своем творчестве и М.К. Антохин. Если Н.А. Бердяев говорит, что

противоположные полюса присутствуют в русской душе одновременно, то М.К. Антохин считает, что русский человек с положительного полюса скатился к отрицательному. Поэтому поэт всей сущностью своей страдает и болеет от этого, ему становится страшно и стыдно за своих соотечественников, так низко павших, что поменяли одни лозунги, нравственные, справедливые, на другие – злые, тёмные, безнравственные.

В стихотворении «Лозунг был…» речь идет о рассмотрении данной проблемы в вертикальной плоскости, что укладывается в концепцию падения Русского Духа, падения России, формулируемую поэтом, то есть развитие по нисходящей, в «пропасть», в «яму» безнравственности, бездуховности. Это, по убеждению поэта, не русский путь, не есть правильное обновление всех сторон жизни. В Нагорной проповеди для нас, верующих людей, сказано: «Не кради», «Не убий», «Не прелюбодействуй» и т.д., так как это одни из важнейших заповедей человека и его человечности. Без соблюдения этих заповедей невозможны какие либо достижения в развитии человечества, любой культуры, невозможны согласия между людьми, никакие договоры. Убийство, воровство в нормально развивающейся культуре, духовно и нравственно богатой есть зло, ложь, страсть, несправедливость, которое должно преодолеваться всеми законными способами. Страна, меняющая нравственные лозунги труда на безнравственные лозунги кражи, есть страна больная, с народом нравственно больным, духовно обезаруженным и не способным одолеть свои болезни. Это позор и трагедия России, что мы потеряли инстинкт самосохранения, нравственные скрепы, удерживающие нас от страстности, вседозволенности, от оскотения, как говорит для данного случая Ф.М. Достоевский. Об этом говорит поэт.

Его поэзия кричит: нельзя так делать, нельзя так жить, надо что – то предпринять, чтобы изменить себя и окружающий нас мир. Необходимо подняться над всеми этими экономическими и политическими страстями, над страстностью повседневной жизни, над культом потребительства и возродить ценности труда, учения. И в этом крике чувствуется энергия созидания, будущего возрождения и возвышения как культуры в целом, так и отдельно взятой личности.

Лозунг был:
Трудиться, трудиться!
Теперь – воровать, воровать!
Лозунг был:
Учиться, учиться;
Теперь – убивать, убивать!

Два лозунга в одной стране,
Два лозунга – антагониста.
И стыдно мне,

И страшно мне
Второго –
Как рецидивиста.

(Переоценка ценностей)

Медленно в сознание поэта одновременно вкрадывается и стыд, и страх за судьбу страны, своих близких, своей семьи: «И стыдно мне,/ И страшно мне/ Второго -/ Как рецидивиста». Что же мы создали за чудовище такое, где разные лозунги, разные идеологии одновременно? В Конституции России заложен идеологический плюрализм. И с этим идеологическим плюрализмом поэт не согласен, как явствует из его стихотворения «переоценка ценностей». И его можно понять, он в чём –то прав. Если ценностью становится преступление, вольное поведение, похоть, то мы не будем иметь будущего. В стране, где нет закона, правит бал сила жестокая, сила грубая и несправедливая. Для М.К. Антохина – это рецидив, отклонение от нормы поведения. Ему стыдно за то, что так низко нравственно и духовно пали соотечественники. Говорят одно, делают другое: этим заражена власть, средства массовой информации, даже наша интеллигенция, прикормленная властью. О двуличии власти поэт говорит в своих размышлениях о случившемся в стране: «Нет развития страны, нет улучшения жизни её народа, нет ответственности за нацию. Министр по социальным вопросам отчитывается за то, чего нет и быть не может – и ему верят! Наглядный пример: отмена или замена социального пакета. Время воровства, произвола, буздуховности, разврата, бесовства и оглупления нации. Те люди, что отхватили себе куш при ельциновском раздрае, народ считают за пыль»[48]. Биполярность лица власти в действии!

(5) «Тебя, Россия, продают…»

Драма России разворачивается во все новых и новых гранях. Его стихи наполнены кричащей трагедией деградации народов России, русского народа и душевной болью врывается в его сознание. На рынок выставили самое дорогое, что было у русского народа: Россию. «Тебя Россия, продают / и предают, -/ и не отсохнут/ у них рука или нога,/ и зрение не хватит порча!» Продавать Россию, значит торговать её секретами, её землями, реками и озёрами, её народами. В первую очередь, русским народом. Как больно признавать это патриоту, любящему умом, душой и сердцем свою Родину, но надо иметь мужество, чтобы признать и сказать об этом открыто. От этого в душе

[48] Михаил Антохин //О времени, о литературе, о себе : лит. – крит. сбор. / Ред. – сост. и автор вступ. статьи Н.И. Коняев / М. Антохин. – Екатеринбург : Сократ, 2007. – С. 31.

мрачно, неуютно, сыро. Нет теплого места в России. Отсюда, в стране неуютно, негде обогреться, негде обсохнуть.

Сказать «продают Россию» - значит говорить о власти и крупном бизнесе, которые имеют отношение к интересам, секретам и путям России. Коррумпированная власть и социально безответственный бизнес не имеют ни чувства Родины, ни совести, ставят свои эгоистические интересы выше государственных, выше народных. Эти люди не могут созидать, они разрушители. Им бы быстрей бы «нахапать», нахватать кредитов, потом быстрее избавиться от рухнувшего предприятия и сбежать куда-нибудь подальше из страны, куда-нибудь на Багамы или в Израиль. И только сейчас, когда наступил полномасштабный мировой кризис, даже власть стала открещиваться от безответственного алигархического капитала, который не вкладывал деньги в высокотехнологичные отрасти промышленности, а покупал себе виллы и особняки за границей, да футбольные команды. От такого бизнеса веет смертью, сыростью, они тянут нас в болото застоя, где не найдется теплого места для народа.

Россию «продают и предают» и безответственные средства массовой информации. Но это изощренная продажа и предательство. Оно связано с игнорированием традиционных русских ценностей и навязыванием потребителю под видом демократии чужых и чуждых культуре и народу ценностей. Например, купленные СМИ защищают под видом «свободы бизнеса» преступников «от бизнеса», отмывают от грязи коррумпированных чиновников или тех, кто торгует секретами и богатствами страны. Умный увидит, почувствует сердцем и охватит тоска, что всё кругом продается и перепродается и ты ничего не можешь сделать. Возникает чувство безысходности.

Болото. Сырость. Неуют.
Ни обогреться,
Ни обсохнуть…
Тебя, Россия, продают
и предают, -
и не отсохнут
у них рука или нога,
и зрение не хватит порча!

(Выручка)

Поэтому М.К. Антохин желает, чтоб у такой безответственной и коррумпированной, неэффективной власти, а также, не ориентированного на Россию отечественного бизнеса «выросли…рога», стали пасти волчьими, чтоб клыки раздирали губы. Он хочет, чтобы взгляд этой безответственной власти и бизнеса упирался «в их собственное рук/ творенье!». Поэтому он рисует отвратительный образ предателей и торговцев Родиной, желает им,

чтобы они сами видели свой неприглядный и безобразный вид. Потому что он не верит, что они отрекутся от своей продажной деятельности. Он уверен, что они будут продолжать творить зло на русской земле даже на смертном одре.

Поэт не верит этим вороватым и продажным власть имущим в России. Он верит в то, что они продавали Россию и будут её продавать, торговли её интересами и будут торговать. Конечно, в идеале необходимо их всех гнать из власти. Но зло изощренно, оно может прикрываться в добропорядочные одежды. Но, тем не менее, зло в конце – концов выходит на поверхность, является миру. Поэтому есть надежда, что честные люди организуются и начнут непримиримую борьбу против них. Сам же чиновник и бизнесмен не изменятся к лучшему, не смогут, да ему не дадут это сделать радом находящиеся нечистые на руку коллеги. Поэтому для поэта важно, чтобы они видели постоянно рук своих творения – это очень важный шаг в осмыслении ситуации в стране. Чиновников и безответственных бизнесменов необходимо постоянно разоблачать.

Чтоб «вечно» упирался на свой отвратительный мерзкий вид его взгляд. Тогда от них отвернутся все: народ, ответственный бизнес и честные чиновники. И чиновнику, бизнесмену будут отвратительны его поступки и страсти. Это, по его мнению, наиболее эффективный путь борьбы с предателями и торговцами Россией.

Вот … если б выросли… рога!
Вот … если б пасти стали волчьи!
И – как у вепря бы …клыки
торчали, губы раздирая;
копыта б там…где кулаки,
и шел бы…
как ель витая!
И – чтоб обличие – назад;
и – пятками вперед…
хожденье, -
чтоб вечно упирался взгляд
в их собственное рук
творенье!
Чтобы … чтоб….
да хоть полтыщи «чтоб»,
хоть рода истребленье даже,
хоть заживо в свинцовый гроб –
не отрекутся от продажи!

(Выручка)

Стихотворение «Выручка» имеет много пластов с разными смыслами. Сюжет, который М.К. Антохин изображает в нём, напоминает что-то вроде мистического символа «отвратительного вида власти». Известен символ тайных организаций, в которой змей в

умножении своего зла пожирает свой хвост. И здесь М.К. Антохиин рисует похожий образ: «И – чтоб обличие – назад;/ и пятками вперед…/хождение,-/ чтоб вечно упирался взгляд/ в их собственное рук/ творенье!» Это когда собака ловит на хвосте вшей, она кусает свой хвост. Мы видим в этом стихотворении смысл в том, что предатели пожирают других предателей, торговцы Родиной пожирают других торговцев Родиной, прежде чем их отвратительное лицо увидел народ, осознало общество, отторгла честная власть. Возможен и другой смысл. Но видно, по крайней мере, что зло должно «пожирать» зло, давиться своим злом, уничтожать себе подобных, ложь должна «пожирать» ложь и давиться ложью. Тем самым зло не увеличивается, не разливается вширь, а самоуничтожается. Мудрая мысль! Но как это сделать на практике?

(6) «Ты теряешь кровное, своё…»

За годы перестройки и реформ столько погибло лучших сынов и дочерей России в автокатастрофах, в молодежных и преступных разборках, от алкоголя и наркомании. В одной из серий кинофильма «Любить по – русски» губернатор, при встрече с преступным миром говорил им, что больно смотреть, что хоронят на кладбищах молодых, сильных, здоровых людей, перебитых самими же преступниками. Они могли бы трудиться, любить, создавать семьи и растить детей. Это трагедия народа России. Поэт видит, как лучшие сыны России падают один за одним. От этого у него возникает чувство безнадежности, горечи и душевной боли. Человек, ежедневно видящий и слышащий про это, может пасть в панику, депрессию, у него пропадет чувство исторического оптимизма, появится неуверенность в завтрашнем дне. Почему происходит, что «Падает – один,/ другой…/ четвёртый…»? Почему «падают» самые лучшие, самые молодые, которые могли бы составить гордость России? Потому что страну захватила страсть наживы, страсть к роскоши, страсть к алкоголю и наркотикам, вседозволенность и бездуховность. Страна забыла про молодежь, про детей и стариков, про инвалидов – своих граждан, у власти, бизнеса и общества помутился разум, ослабла воля, в постсоветской культуре разлилось зло, ненависть, невежество. Сон разума рождает только пороки!

В стране повсеместно стало насаждаться чужое, чуждое культуре и сознанию, своё отвергается осмеивается: «О Россия!/ В чёрной безнадежности/ ты теряешь кровное,/ своё». Самое страшное в том, что страна перестала сопротивляться насаждению чужого, более того, даже приветствует, думая, что в этом её прогресс, в этом смысл её развития. Но это заблуждение, ложь, ибо дерево, пересаженное на чужую почву гибнет. М.К. Антохин с горечью замечает: «У нас была цель: построение справедливого общества, и мы не жалели себя,

отдаваясь работе. Жаркое было время, но мы ему радовались, поскольку были молоды, отчаянны сильны. Запад тогда нас побаивался, хотя и не подавал виду. Я и теперь уверен, что в слове ЗАПАД есть что – то конечное, затухающее, запавшее за что – то… Мне горько и обидно, что наши теперешние правители легли под него, забыли своё предназначение и мощь славянскую, русскую…»[49]. Нужно время, чтобы произошло осознание трагичности ситуации в России.

Падает – один,
другой…
четвёртый…
грудь – навылет,
вены – поперёк…
Ты стоишь, …
какого смотришь чёрта?
Изживешь ли
горький свой порок?
О Россия!
В чёрной безнадежности
ты теряешь кровное,
своё.
Не хватает на поэтов нежности –
И идут они в небытие.
А потом,
как загнанная кляча,
под простым могильным бугорком
ты стоишь
и безголосо плачешь,
разминая горе кулаком.

(«Падает – один…»)

Что потом, когда осознаем трагедию? А потом мы начинаем сожалеть, что потеряли то и то, что ушли неоцененными при жизни лучшие сыны и дочери России. Почему мы хвалим и восторгаемся великими и просто хорошими людьми только после их смерти, а не при жизни? При жизни у нас не хватает «на поэтов нежности», и в результате, лучшие сыны России уходят из жизни. Это что? Наша национальная черта? Или все – таки отклонение от национальной культуры? Вечное противостояние лучшего и низменного, высокого и ничтожного, ученых, художников, писателей и власти, бюрократии накладывает тяжелый отпечаток на всю русскую культуру. Ни в одной культуре мы не найдем, чтобы новая власть отправляла целые поезда лучших людей за границу за ненадобностью, а тех, кто остался, уничтожала.

[49] Михаил Антохин //О времени, о литературе, о себе: лит. – крит. сбор. / Ред. – сост. и автор вступ. статьи Н.И. Коняев. – Екатеринбург : Сократ, 2007. – С. 31.

Видим противостояние зла и добра так глубоко проникло в общественное сознание, что нужны столетия, чтобы оно не приобретало уродливых форм борьбы и побед ничтожного против великого. «Поэт» - это обобщённый образ творца, борца за справедливость, своим творчеством рисующего образы нравственного идеала и духовного возрождения. Поэт – это пророк, провидец, видит глубже, дальше, чем обычные люди. Поэт предупреждает о зле, лжи, который видит будущее, говорит правду о настоящем и всё это запечетлевает в своих стихах. И этим они опасны для любой власти, для любого бизнеса. Н. Гумилёв, С. Есенин, Н. Клюев, В. Маяковский, М. Булгаков, А. Солженицын – вот далеко не законченный список ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ России, которые при жизни подвергались гонениям и притеснениям, которые уничтожались властью. Это только писатели, а сколько художников, архитекторов, философов, ученых естественников и общественников, учителей, инженеров и представителей других профессий при жизни подвергались осмеянию, гонениям, репрессиям, унижениям. А сейчас мы «безголосо плачем» о их судьбе. Почему такое происходит? Потому, что великое творчество возможно только у свободных людей. А власть свободных людей не просто не любит, а люто ненавидит. Ибо они говорят ПРАВДУ, раскрывают сущность власти.

Поэт задает вопрос: когда Россия изживет этот порок? Борьба против великих, лучших людей России – это не иначе как порок, который должен изживаться. Философы должны выработать теории изживания этого порока, а политики сформировать рецепты борьбы с этим пороком, богословы и священники – искоренять этот порок в наших душах, законодатели – формировать нормы и регулятивы, которые искореняют этот порок. Но, современная Россия ни на шаг не продвинулась в этом направлении, где власть почует на лаврах победителя. А кого она победила: свой народ, свой мелкий и средний бизнес. Та же завистливая и жадная власть, ненавидящая свой народ, грабящая народ, миллионами вывозящая деньги в швейцарские и люксембургские банки. Появился безответственный бизнес, которому не нужен интеллект, ум и совесть. Им достаточно того, что деньги сыпались на их головы без всякого интеллекта, совести и ума. Достаточно быть ближе к трону, к телу власти, распоряжающейся деньгами. И тот же гордый и нищий народ, который не терпит эту власть, и ненавидит народившихся многочисленных нуворишей.

(7) «Прости, Россия…»

Драма России – это потеря её величия, её целей и задач, потеря исторического оптимизма, в истерзанности её земли. Это «потухшие глаза старушек», это «молодых неяркий взгляд», это «овдовевшие деревушки» по всей Руси. Куда ни глянь, везде разруха, запустение,

потухшие глаза людей. Разруха и в наших умах, душах и сердцах. Это, говоря языком психологии, состояние усталости народа, состояние депрессии, отчаяния, что невозможно что – либо сделать. Русский народ перестал быть субъектом своей культуры, своей судьбы, своей истории. Вымирающие деревни, спивающиеся города и села от безысходности, от нищенского существования, от потери перспектив жизни. Мор от алкоголя, наркотиков идет по деревням, селам и городам, а власть на всю страну кричит об успехах и достижениях. А народ всё видит и не доверяет ни одному слову такой власти! Возьмите и почитайте программу партии «Единая Россия»: что ни страница, говорится о стратегии успеха.

Русский народ вымирает, появляется другой говор, «многим неприятный». Волны мигрантов одна за другой накатываются на страну, говорят, что сейчас в стране их более 10 миллионов. Появились уже партии, защищающие мигрантов от коренных людей, называя русских и других представителей некоренных наций, нетолерантными, нетерпимыми. Идут поколения мигрантов из стран СНГ, которые уже не знают и не хотят знать русского языка, культуры, традиции, имеют трудности общения с местным населением. Помню, шел с новогоднего мероприятия с внучкой, была метель. Внучка была плохо одета, сотовый телефон забыл, зашел в овощную лавку, там, как выяснилось, торгует азербайджанец лет двадцати. Попросил его вызвать такси, он не понял, по-русски не говорит, но пытался мне помочь. А в других ларьках говорят: «не понимаю». Поэтому поэт резко отрицательно относится к засилью в России выходцев других культур, не уважающих ни законов страны, ни её культуры, традиций, ни чувств народа. В этом он видит ужасное, трагическое, сколько бы не убеждали нас политики и политологи, что это нужно нашей экономике. Надо больше власти, обществу, бизнесу заниматься разными проектами повышения рождаемости, снижения смертности в России, обустройства городов и деревень, строительством дорог и всё наладится. Разразился кризис, США, КНР, ФРГ и другие страны вкладывают огромные средства в дорожное строительство, в науку, а наше правительство отдает деньги банкирам (?), которые наживались на народе, а сейчас непомерными процентами обложило кредиты, всякие займы.

Хуже того, что чужое проникает в ключевые сферы государственного управления. Опять всё чужое, искусственное, наносное: «И шаг – чужой,/ Литой, печатный/ на государственном крыльце». Намек на изменение государственной политики, которая не отражает русские настроения, которая выходит за пределы русских традиций. Более того, «на государственном крыльце» появляются и лица с двойным гражданством, которые чуть – что улетают в Израиль, США, Германию, Англию или ещё куда – то? Которым безразлична

история России, её настоящее и будущее. Чуть – чуть и можно будет менять название России. Это беда России и её трагедия.

Небесный свод. Луна и звёзды.
И золотой разлив зари.
И нескончаемые версты
Дорог истерзанной земли.
Потухшие глаза старушек,
И молодых неяркий взгляд,
И овдовевших деревушек
По всей Руси щербатый ряд.
И говор, многим неприятный
С самодовольством на лице;
И шаг – чужой,
Литой, печатный
На государственном крыльце.
Прости, Россия…
Жить мне малость,
Да и твоя слабеет речь,
Поскольку русских не осталось
Твоё величие беречь.

(Прости)

Но больше всего негодует поэт от того, что русские стали менее желанными на ступенях государственного управления. Поэтому из его уст вырываются слова: «Прости, Россия…». Не досмотрели, ослабли, не смогли уберечь свое святое, свою культуру, свою традицию, свое величие. Всё отодвигается в сторону, игнорируется, не учитывается в лучшем случае. Более вызывает раздражение на «государственном крыльце»! Отдали государственный руль чужим, не любящим свое, покровительствующим чужому. Впустили во власть «чужых», а теперь плачем. К чему это приводит – мы знаем из истории. Русская власть слабеет, ибо «на государственном крыльце» представители иных народов, которые будут защищать не интересы государства Российского, а интересы своих народов, диаспор, кланов, и ещё хуже, свои эгоистические интересы. Уместно здесь вспомнить причины поражений исторической России на полях сражений, проигрыша революции и большевикам. Так, великий сын русского народа М.О. Меньшиков, анализируя причины падения авторитета русской армии, массового бегства из армии низшего командного состава, приводит следующие цифры национального состава: военный министр – финн (лютеранин); начальник главного штаба – немец (православный); начальник главного военно – судебного управления – поляк (лютеранин); начальник главного интенданского управления – поляк (лютеранин); начальник главного управления казачьих войск – немец; помощник начальника главного инженерного управления – немец, только в главном артеллерийском управлении и главном военно –

медицинском управлении начальники – русские[50]. А война шла с Германией! Эти цифры говорят о многом. На это, видимо, намекает поэт. Потом, после очередного социального срыва, опять будут говорить, что русская культура агрессивная, нетолерантная, нетерпимая к другими культурам. Русская культура самая терпимая и самая толерантная к другим культурам Мира, и все об этом знают и этим пользуются. Ибо она имперская культура, а не национально-эгоистическая. Наша стратегическая ошибка – мы легко «отдаем» чужим свою власть, которую никогда и никому нельзя отдавать. Это ключевой компонент развития культуры, России, нации.

(8) Драма на десятилетия

Поэт М.К. Антохин достаточно рельефно выделил основные линии драматического развития России, русского народа и русской культуры в последние 20 – 25 лет. Эта драма не закончилась сегодня, она продолжается в реальной жизни, в наших умах, душах и сердцах. Это драма на десятилетия! Это и демографический кризис, и нищенское существование народа, поляризация доходов богатых и бедных, алкоголизация и наркотизация населения, усугубившиеся волной нового кризиса, чужебесие и безответственность российской элиты. Это распродажа недр, земли – кормилицы нашей.

Мы теряем поколение за поколением: уменьшаемся на 700 тысяч человек в год! В глазах народа отчаяние от безысходности, чувство усталости. Рвутся связи между поколениями, рушатся судьбы сотен тысяч людей. Всё это не случайно. Это цена обмана русского народа, коренных народов России. Поэт в отчаянии за происходящее пишет: «И горько, что наши верховдцы не понимают этого (*хорошо понимают - Е.К.)*. Страшно для страны, если они вытравят из крови народа патриотизм. А к тому дело идёт. Землю, которую на Руси испокон веку считали своей матерью, кормилицей, и ту пустили на продажу и продают тому, кому она нужна для наживы! А русским без земли, что без души – нет жизни»[51].

Поэт пытается понять всю глубину драмы, трагедии России, русского народа, русской культуры не для того, чтобы кого – то критиковать, а для того, чтобы найти адекватный ответ на вызовы времени. Эта драма волнует поэта как личность, как человека, любящего свою страну, свою культуру, думающего о судьбе России и своего народа. Драма России – это личная драма поэта. Он сожалеет о том, что ему осталось мало времени для борьбы за свою Россию, за будущее своих детей и внуков. Но он всё равно верит, что Россия и её

---

[50] Меньшиков, М. И. Письма к русской нации / М. И. Мньшиков. – М. : Изд. – во журнала «Москва», 2002. – С. 61.

[51] Михаил Антохин //О времени, о литературе, о себе : лит. – крит. сбор. / Ред. – сост. и автор вступ. слова Н.И. Коняев / М. Антохин. – Екатеринбург : Сократ, 2007. – С. 31.

народы найдут выход из сложившегося положения и снова воссияют на небосклоне мировой культуры.

3. «Вожди твои – враги твои!»

Кто же привел Россию к такому состоянию раздора и смуты? Кто ввел в смятение русское сознание, души и умы? Кто наши лидеры? Почему именно они наши лидеры? Вот вопросы, напрашивающимися сами собой, из чтения цикла стихов М.К. Антохина о Родине, о России, о русских.

Вожди России – враги России. Так говорит М.К. Антохин открыто, продуманно, недвумысленно о нынешней российской власти. Это уничтожающая оценка деятельности советской и особенно «младодемократической» политической элиты России последних 20 – 25 лет нахождения её у власти. (Согласно дореволюзионной орфографии замена слова «з» на слбукву «с» много значит. Автор назвал это стихотворение «Бесчувствие», усилив негативизм в отношении власти. Бес чувствие, бес чувствительный, то есть в скрытой форме автор связывает нынешнюю власть с бесовщиной. Сейчас новая орфография и этот момент не замечается).

Бесовщина – это революция, культ рынка, это безразличие власти к нуждам народа, культ личного интереса и золотого тельца. Все, что ведет к расчленению, раздвоению, множественности, есть бесовщина. Ибо единое, единство – одна из величайших духовных ценностей русского народа. Поэтому русские люди всегда стремились к единству в культуре, к единству народа, единству Земли. Любое расчленение, отчленение, разъединение, раздвоение, умножение приводило к трагедии, к революциям, смутам, потрясениям. И во главе всех этих процессов стояли наши вожди. Все эти потрясения, революции и смуты приходили не от внешнего врага, а от наших вождей, которые не зная истории, полуобразованные, придя к власти, начинали реформы и, как правило, не справлялись. Вспомним реформы В.И. Ленина (Ульянова), М. Горбачева, Б. Ельцина и других правителей России. Поэтому поэт неоднозначно заявляет: «Вожди твои – твои враги!» Это вожди. А сколько прохиндеев крутится вокруг трона этих вождей? Тьма, не счесть. Для них на первом месте не государственное дело, а свой частный интерес. Они торгуют всем, в том числе государственными интересами России, судьбами миллионов людей, даже территорией страны. У них нет ни совести, ни Родины, ни культуры. Это – граждане Мира, имеющие особняки за границей, работающие в России как «вахтовики» с тем, чтобы как можно больше извлечь прибыли. «Наши» вожди прячутся за фразы «законно избранные», за понятие «Генеральный секретарь», «Президент». Но от этого лучше не становится.

Более того, они не только вершители наших судеб, но и судьи, а следовательно и палачи. Они выносят приговоры людям истинно любящим Россию, связывающим себя только с её историей и судьбой. Многие исследователи сходятся на том, что в тюрьмах сидит как минимум 20 процентов людей, невинно осужденных. Все попытки освободить судебную систему от исполнительной власти наталкиваются на ожесточенное сопротивление её представителей. Эти «вершители и судьи» понимают, что если судебная система уйдет из под их контроля, то они не смогут безнаказанно вершить свои делишки, не смогут защищать свою коррупцию, то есть они потеряют реальную власть. Поэтому судебная система России, подконтрольная и управляемая исполнительной властью, не чувствительна к народу: «Им наплевать на наши судьбы,/ На нищенство и рвань». Особенно в регионах. Народу известно, как региональная власть вмешивается в судебную систему, диктует ей: кого посадить в тюрьму, кого освободить, кого наказать, против кого не возбуждать дела. Региональная власть не стесняется это делать по телефону. Региональная власть вмешивается в дела прокуратуры, следствия, системы предварительного заключения. Всё по принципу: «ты мне – я тебе» или «пора договариваться». Предметом договора являются судьбы ни в чём не повинных людей. Отсюда возникает и воспроизводится правовой нигилизм в широких масштабах.

Служители нынешней российской фемиды на страже парралельных законов исполнительной власти, которые расходятся с законами, утверждаемыми законодательной властью. По сути в России нет системы разделения властей. Они стоят стеной за свои интересы, простому человеку не пробиться через эту неприступную стену непонимания, бесчувствия, безразличия невозможно. Чтобы пробиться, нужны деньги, и притом, немалые деньги. А у народа их нет. Поэтому зачем обращаться в подчинённую исполнительной власти судебную систему? Созревает в народе психология отрицания такой судебной власти, к чему приведет такая психология в будущем одному Богу известно. Но ясно, что к пропасти.

Ты высших благ себе не просишь,
Не тянешь тело на торги.
Россия, знай –
Так повелось уж:
Вожди твои – твои враги!
Они – гаранты революций,
Пророки выжженных небес –
Как будто тебе пекутся:
На самом деле – о себе.
Они – вершители и судьи –
Стеной стоят! –
Куда не глянь.
Им наплевать на наши судьбы,

На нищенство и рвань.

(Бесчувствие)

Кто делает этих вождей? Мы! Мы идем на выборы и голосуем за кого попало. Мы даже не читаем их программы, если нам нравится кандидат, мы голосуем за него сердцем, но не умом. Мы не задумываемся о последствиях нашего голосования. Это психология не народа, но толпы, поступающей в соответствии со своими чувствами, эмоциями, инстинктами. Дали «конфетку» - и старушки строем пошли и проголосовали за нужного депутата, дали «бутылку» - пошли бомжи, алкоголики и проголосовали за щедрого. Не дали – зачем вы нам нужны и не пойдем за вас голосовать. Поэтому поэт называет нас, избирателей, не народом, а «толпой». А толпа руководствуется не разумом, а потребностями, чувствами, инстинктами. Это неорганизованная, но легкоуправляемая масса людей. Такая безмозглая масса нужна власти для решения своих делишек, но не для великих дел. В. Даль так характеризует толпу: это «…скопище, сборище, сходбище, множество сошедших вместе людей»; и далее: «скот, орда, арава, ватага». Лучше не скажешь.

Власть, получив доверие от толпы, безразлична к этой толпе. И толпа заслужила своим «скотством», «сборищем», «схотбищем» этого отношения. Что же мы теперь плачем, что такие у нас правители, такие вожди. У них не та душа, не те мысли, которые нам были бы милы, близки уму, душе и сердцу. Зачем мы избирали тогда?

Что им, толпою вознесенным,
До возносившей их толпы?!
Лесам, пожарами спалённым,
Не посочувствуют столбы
Бетонные или стальные:
Не то нутро,
Не та душа!
Их мысли,
Чуждо – пристяжные,
Как не дают тебе дышать
Всей грудью,
Порами,
Всей кожей!..
Как грузны цепи на руках!..
И взор твой
Пристальней и строже,
И ярче пятна на щеках!

(Бесчувствие)

Поэт совершенно справедливо отражает наши настроения в отношении власти. Есть пословица: «Если хочешь проверить

человека, дай ему власть». Но возникает вопрос, всё же почему такая нечувствительная власть к своим избирателям, почему она так быстро бюрократизируется и коррумпируется? Почему в отношении нас, поддержавших её на выборах, она становится «бетонной» или «стальной» к нам? Видимо в этом заложена какая-то скрытая пружина многих несчастий России, почему нам «не везет» на правителей. Правители же говорят, что им «не везет» на народ. Абсурд: они же вышли из народа, народ их избрал во власть, а теперь народ лишний?

В стихотворении М.К. Антохин рисует яркий образ такой власти на примере близкого человека первого Президента России Б.Н. Ельцина – Бурублиса. Поэт говорит о реальном лице в сегодняшней российской политике эпохи восхождения Б.Н. Елцина, падения СССР, начала более чем двадцатилетней «великой российской депрессии». Это не просто Бурбулис – это распространённый тип чиновника – хамелеона, который может быстро перекрасить свои политические цвета, мировоззренческие установки, свои взгляды. Он является окружающим таким, каким хотят видеть его окружающие, то есть меняется, приспосабливается. Представьте в окружении президента России армию таких чиновников - хамелеонов, которые оказывают влияние на принятие решений главы государства! Каким будет государство? Его не будет уважать ни народ, ни внешние силы. Именно таким, каким рисует его поэт. Поэт говорит о людях без принципов, без совести, холодных, прагматичных, знающих, что им нужно от власти. Государство, допускающее к власти таких людей, есть государство без морального стержня, оно будет деградировать и постепенно разрушаться. Государство, состоящее из «бурбулисовского» типа чиновников не имеет будущего, так как игнорирует прошлое, использует настоящее для своего обогащения. Это государство «скорпионов», внутренних разрушителей, торговцев и предателей, бездарей и хамелеонов.

Как заяц – тих,
Хитер, как лис,
Упрям и ложен,
Как каприз,
С претензией в Наполеоны,
С окраскою хамелеона,
Порой – молчун,
Порой – речист,
То – демократ,
То – коммунист,
Стерильно – скрытый Бурбулис,
Чей рейтинг – капельный процент –
Россию вверг в эксперимент.

(Призвание)

«Бурбулисы» как тип чиновника и им подобные есть не созидатели, а разрушители всего целого, единого, всего нравственного и духовного. Они допускают компромисс зла и добра, правды и лжи, войны и мира, а следовательно, являются последователями, продолжателями зла, но только в изощрённой форме. Им так удобно, эта позиция обеспечивает им выживаемость в смутное время. Таких людей не любит русский народ, другие народы, их рейтинг «капельный процент», но они всегда на виду, во власти, в политике, принимают участие в принятии важных политических решений. У них очень высокие амбиции, они хотят быть лидерами, но не способны на это. Поэтому они, как правило, помощники, эксперты, консультанты и т.д., в значительной степени определяющие внешнюю и внутреннюю политику страны. В политике они благодаря различным пиар – технологиям, которые прячут их негативные черты характера, взгляды, но приукрашивают, гипертрофирую положительные характеристики личности, скромные их достижения.

Есть очень хорошая русская пословица: «Талант необходимо защищать, а бездарность сама пролезет». Народ мудр, всё видит, все фиксирует в своем художественном творчестве в форме пословиц, анекдотов, притч, сказов. «Бурбулисовский» тип чиновника и ему подобные подпадают именно под слово «бездарность». Эта пословица очень верно характеризует тип чиновника.

Вообще тема власти, управляемой нами, типажа конкретного чиновника чрезвычайна интересна и плодотворна в творчестве М.К. Антохина. Он, в ущерб формы и стиля своих стихотворений, рисует яркие образы чиновника – разрушителя, чиновника – предателя, врага русского народа, России. Типы, изображенные им, присутствуют и в современной российской политике, которая конечно сильно изменилась, больше стала думать о нуждах культуры, России, народа. Но «бурубулисовский» тип чиновника, приспособился к своей роли во власти, присутствует не только на федеральном, но и на региональном уровне. Он также даёт советы, консультации, бежит от ответственности за провалы, также неэффективно управляет государством, регионом. Именно о таких политиках высказался недавно и президент Башкортостана Рахимов, чем и вызвал бурю негодования в политической элите страны. Значит, он дал объективную характеристику нынешней власти. Значит, не всё так гладко и внутри российской политической и административной элиты.

3. «Мы – евразийские сыны»

Не менее важной темой творчества поэта является осмысление своей русскости, своей самости. М.К. Антохин стремится осмыслить своё национальное Я, культурное Я. Это чисто русское философское

искание своей этно-культурной идентичности, самоидентичности. Проблема культурной идентификации для послесоветского поколения русских очень остра и болезненна. Ибо всё, что было советским, всё, что связано с советским прошлым или отвергается русским сознанием, либо, если принимается, то только то, что связано с традиционной Россией. М.К. Антохин связывает русскость с евразийством. Поэт в стихотворении «Евразия» пишет: «Мы – евразийские сыны!» Это не новое понимание своей самости. Такой точки зрения придерживались мыслители, которых сейчас называют евразийцами.

Евразийство – это социально-философское учение и идейно политическое движение преимущественно русского зарубежья. Евразийская идея есть форма Русской Идеи, родившаяся в недрах русского сознания. Появление идеи евразизма подготовлено самим ходом исторического развития русской культуры. Россия всегда присутствовала и будет присутствовать в Евразии. Поэтому сторонники этого направления мысли в политической элите Руси присутствовали всегда. Но идейно евразийство как форма Русской Идеи оформилось значительно позже, только в начале XX века. Наиболее активно проявило себя в 1920 - 1930 гг. Начало евразийства связывается с трудом Н.С. Трубецкого «Европа и человечество». На работы Н.С. Трубецкого о евразийской идее откликнулся философ Н.А. Бердяев. Он писал: «Евразийцы решительно провозглашают примат культуры над политикой. Они понимают, что русский вопрос сейчас есть прежде всего духовно – культурный, а не политический вопрос»[52]. Да и сегодня русский вопрос – это в большей степени духовно – культурный вопрос.

С выходом в Софии в 1921 коллективного труда «Исход к Востоку», сторонники евразийского движения предприняли попытку к сближению своих позиций. В «Философском словаре», вышедшем под редакцией А.А. Ивина, отмечается: «Главной задачей философских исканий евразийцев было создание идеологии России, где были бы соединены наука, религия, философия. Поэтому в теоретических разработках евразийцев важное место занимают понятия евразийского мироощущения и евразийского умозаключения»[53]. Очень близки идеи евразийства были философам К.Н. Лонтьеву, Н.Я. Данилевскому, Г.В. Вернадскому, П. Савицкому. Евразийцы считали славянофилов своими предшественниками. Сейчас евразийское движение в России значительно укрепилось и расширилось. Интерес к нему возрос в связи с последними разработками теории и истории Гиперборейской цивилизации.

---

[52] Бердяев, Н. А. Евразийцы / Н. А. Бердяев // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М. : Эксмо, 2007. – С. 6.

[53] ФИЛОСОФИЯ. Энциклопедический словарь / Под ред. Ивина А.А. – М. : ГАРДАРИКИ, 2004. – С. 267.

После революции 1991 года и падения Советского Союза это движение получило даже политическое оформление в форме некоторых партий. Одним из ярких представителей этого движения стал политолог А. Дугин. Он пишет, что «У России есть только евразийское будущее», «…Евразийская Идея не подлежит сомнению. Россия есть Евразия, и это определяет её географическое, культурное, цивилизационное, стратегическое и хозяйственное бытие»[54]. Михаил Антохин не только является сторонником этой идеи, но и пытается осмыслить эту идею.

В слове «Мы» М.К. Антохина угадывается не только славянское, русское лицо, но и татарское, башкирское лица. Все мы потомки великих цивилизаций от Гипербореи до Аркаима, все мы евразийцы.

В стихотворении «Евразия» он пишет: «Мы – не Европа и не Азия. / Едины мы, как два плеча. /И кососкулье с косоглазием /Даны родство в нас обличать». Он видит связи славянских и тюркских народов на антропологическом уровне. Славяне и тюрки были едины более длительное время, чем враждовали между собой. История так сложилась, что славянские и тюркские народы жили вместе всегда: Гиперборейская цивилизация – Аркаимская цивилизация – Русская империя. Мы отличаемся и от азиатских, и от европейских народов. Сами европейцы говорят о нас: «Да, вы европейцы, но вы – другие европейцы». Одно время нас называли то скифами, то таврами-скифами, то монголами, то татарами, а теперь русскими.

Наша евразийская сущность и есть то особое, чем мы отличаемся от европейцев. Поэтому Русь – Россия есть самостоятельная, особенная цивилизация, поэтому глупы те власть имущие, их обосновали и пропагандисты, кто тянет безоглядно нас то в европейскую цивилизацию, то в какую – то несуразную политическую структуру. Мы евразийцы – в этом наша уникальность, особенность. Мы в самом центре ИНДОЕВРОПЫ или ЕВРАЗИИ.

Мы – не Европа и не Азия.
Едины мы, как два плеча.
И кососкулье с косоглазием
Даны родство в нас обличать.
Едины мы.
Одними соками
С рождения напоены
И до ушей полны пороками,
Но и вселенскими пророками
Природой не обделены.
Мы – евразийские сыны!
В пространствах – мы необозримые.
В какие дали не смотри,
Сияют две непогасимые

[54] Дугин, А. Проект «Евразия» / А. Дугин. – М. : Эксмо, Яуза, 2004. – С. 55.

Над нами – сразу две зари!
На дальнем западе заря –
Уже рассветная, крылатая
С востока льется на моря.
Не надо нас пытать и пробовать
На крепость и на чистоту:
Верны ли Богу и Кресту
До вздоха,
До пределов гробова
И – обожаем красоту!

(Евразия)

Евразийская наша культура наделена и пороками и вселенскими пророками. Да, в нас есть пороки, в нас есть страстность души и страстность тела, которые заводят нас то в хлыстовство, то в пьянство, то ещё куда – то. Но мы не должны гипертрофировать свои пороки, доводить самокритику до абсурда. Эти пороки есть во всех известным нам культурах. Развитие есть возвышение, обновление, стремление к высоким идеалам и целям. В русском народе главной, преобладающей стороной является духовность, нравственность, высокое стремление к Богу. У нас есть пророки, которые предсказывают ход событий и тем самым встряхивают нас, обновляют нашу мысль, высвечивают в темноте Цели.

Русская культура тысячами нитей связана с христианской культурой, считается восточной ветвью христианской культуры. Но по многим позициям: по этике поведения, по эмоциональному строю православие и ислам более близки, чем православие и католицизм. Для русских ближе татары и башкиры, чем братья – славяне поляки – католики. Хотя и те и другие относят себя к одной славянской группе. Поляки больше и четче очерчивают свои цивилизационные отличия от русских, русские же говорят о славянском единстве русских и поляков. Хотя для православных и католиков одинаково являются святыми отцами церкви Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский. Мы одинаково чтим Дионисия Ареопагита, св. Максима Исповедника, св. Иоанна Домаскина, св. Григория Паламу. Но это историческое и духовное прошлое уже не тянет русских и поляков к единению, ибо они разъединены в цивилизационных началах.

В стихотворении «Не время ль?» М.К. Антохин продолжает осмысливать тему судьбы и пути русского народа. Он с болью говорит, что «Мы отступили назад». Что уже не мы управляем своим краем: «Кто-то ворочает воротом/ Мой неухоженный край…». Что следует за этим? Такой вопрос возникает от чтения этого стихотворения, и как-то становится неуютно от будущего русского народа. Кто-то, значит, не наши, другие, чужие. Кто-то «ворочает

воротом» под хохот и лай, под ухание филина и падение в бездну кирпичей. Всё плохо, неуютно, страшно. Но это не вечно, ибо наступит время, когда русский народ проснётся, просветлеет и поднимется.

Сдвинулись мы, но не в сторону,
Мы отступили назад.
Мечутся чёрные вороны,
Совы надрывно кричат;
Ухают в ельнике филины,
В бездну летят кирпичи,
Тёмные наши извилины
Как под карнизом сычи:
То заливаются хохотом,
То в них смятенье, то – лай…
Кто-то ворочает воротом
Мой неухоженный край…
Будет ли, нет просветление?
Вникнут ли в сердце слова?
Гордое наше терпение
Рвётся как бечева!
И – отступать уже некуда,
И – не пробиться вперед…
Выслушать есть когда ль,
Некогда ль
Тихий, но грозный народ?!

(Не время ль?)

Русский народ – один из самых терпеливых народов, но и у него может лопнуть терпение от того, что делают с Россией и её землей эти «кто – то», кто «ворочает воротом/ Мой неухоженный край…». Посмотрим на сегодняшнюю действительность: в России много земли, а приобрести по доступным ценам невозможно, она служит для продажи втридорого теми, кто был во власти, кто есть во власти, то есть бывшими и настоящими чиновниками, их детьми, афилированными с чиновниками фирмами; молодежь не может приобрести себе квартиру, не может получить социальное жильё, а стройки стоят, будто нет предложения; в стране безработица, а власти разного уровня открывают двери для миллионов мигрантов. Все это вызывает негативное отношение к власти в целом. Государство выступает очень плохим менеджером, так как не может решить проблемы русского народа. Поэтому терпение русского народа кончится и на политическую сцену выйдут пугачевы, болотниковы, ленины и сталины, которые все будут рушить на своем пути. Да и уже кончилось, особенно там, в небольших городах, стали закрываться градообразующие предприятия, а рабочим и их семьям хоть вымирай. Отчаяние и психология безысходности захватила эти населенные

пункты. Коррумпированность власти, а следовательно, её неспособность решать социальные проблемы, социальная безответственность и жадность бизнесменов приводит к социальным взрывам в отдельных регионах страны. Вот какой путь нам уже приготовили и готовят эти «кто-то», как пишет М.К. Антохин.

Нам, русским, «отступать уже некуда», а вперёд пробиться нам никто не даёт. Те, у кого в руках деньги и капиталы, думают не о народе, а о себе, о своих карманах, вилах, зарубежных счетах. Русский народ загнали в тупик, из которого выход один – рушить законы и создавать новые. Поэт говорит о реальности новых потрясений в России, если не изменится положение с уровнем жизни, со свободами и правами. Тихий русский народ приходит в движение, а если это происходит, то появятся лидеры и мало никому не покажется. Поэтому поэт говорит о «грозном народе». Он становится таким именно в переходные, кризисные эпохи. Русский народ – тихий, но в тяжёлые и смутные времена становится грозным: он рушит все преграды на пути к Цели. Об этом предупреждает современников поэт в стихотворении «Не время ль?»

4. «Но как вознеслось святотатство…»

Можно только подумать, что такая богатая страна, где есть всё для нормальной жизни, работы и творчества, где есть огромные ресурсы, места для отдыха, так плохо обустроена, благоустроена, что хочется куда-то бежать, куда-то уехать, лишь бы не видеть всего этого. Почему это происходит? Наверное мы, русские, очень долго занимались Планетарным Общим Делом, но не своим Русским Общим Делом, Русским Домом; потому, что мы говорили обо всех и обо всём, но только не о том, как плохо живется простым людям в России; потому, что мы лезли во все мыслимые и немыслимые конфликты, объясняя это глобальными и национальными интересами России, но не думали об интересах своих граждан; потому что мы понеслись за чужими ценностями, но забыли свои, традиционные, устоявшиеся, жизненные. И в результате мы получили: падение духовности, забвение традиции, историческое беспамятство, телесную вседозволенность. Что получили взамен? Революции, смуты, потрясения сначала в наших головах, потом во всей русской культуре. Словами поэта: «Но как вознеслось святотатство/ И как обесчещена честь!» Мы оказались унижены, обесчещены, наши чувства оскорблены.

Русская культура, Россия, русский народ очень чувствительные к страданиям, общечеловеческому неустройству, к несправедливости, к неправде. Мы чутки ко всем болящим и нищим. И не только. Мы помогаем всем безоглядно, отдаём последнее. Но почему-то нам за эту помощь платят ненавистью, оскорблениями. Почему-то они не

становятся нам соратниками, союзниками, добрыми соседями. Как сказал один из российских императоров: «Единственные наши союзники «армия и флот». И думаю, что он прав!

Что мы ищем в этом жестоком, бессердечном, нечувствительном к страданиям мире? Мы в своём фанатичном добром отношении к страдающим, болящим и нищим не заметили, что между нами конфликты, раздоры, бесконечные споры. Между нами утрачено братство, встала стена гордыни, чванливости, злости, эгоистического интереса. Почему мы злимся друг на друга. Почему мы не можем прощать друг другу. Видимо, погоня за богатствами, как червь, разъедает наши души, убивает нашу совесть. И в конце концов губит нас всёх: и правах, и виноватых. И все мы проваливаемся в пропасть небытия.

Россия!
Богатства…богатства…
И столько в России – не счесть!
Но как обездолено братство,
Но как вознеслось святотатство,
И как обесчещена честь!

Мы - русские –
Стонем да свищем,
Да рядим себя под нагих.
Но чутки к болящим и нищим.
Но что в этом мире мы ищем
Вслепую, не видя других?

Бунтует в нас кровь исполинья,
Плюем на успех и долги.
Но кто окунул нас в полыньи,
Но кто между нами вбил клинья?
Мы сами себе как враги!

Меж нами –
Ни родства, ни братства.
Гордыня,
Чванливость
И злость.
Погубит нас наше богатство,
Погубит нас наше пространство,
Как стаю
Ничтожная кость.

(Тупик)

Стихотворение «Тупик» сквозит безысходностью, предчувствием конца, гибели великой культуры. Мы до такой степени атомизировались, что не можем преодолеть внутренние раздоры,

конфликты и споры. В нас вошла гордыня, мы становимся от всего этого злыми и враждебными. Мы уже не можем освоить пространство, да и время. М.К. Антохина уже пугает огромность территории России, пугают огромные нетронутые богатства страны. По его мнению «Погубит нас наше богатство,/ Погубит нас наше пространство…». С ним можно согласиться, так как нас окружает огромное количество стран, в которых нет ресурсов. Им нужны именно наши богатства, но не нужны наши люди, наша культура. Поэтому все охотники до наших богатств будут делать всё, чтобы ослабить Россию, чтобы извратить русскую историю и испаганить русскую культуру. Нас наше богатство уже губит, уничтожает, как ржа, изнутри, а пространство нас деморализует. Россия, значит, ещё не осознала себя, свой путь, свою Идею. Поэтому она «лезет», а её не пускают, на путь, по которому идет Запад.

Но, с одной стороны, такой фатализм поэта временен, как вспышка отчаяния за судьбу страны, народа, культуры. Этот фатализм постепенно сменяется оптимизмом в отношении будущего России. Поэт уверен, что Россия, как птица феникс, возродится и воссияет в прежнем величии. С другой стороны, страна вымирает, культура деградирует, а будущее становится туманным и более далеким.

Россия над обрывом, что делать? В стихотворении «Над обрывом» поэт пытается найти выход из этого тупика? К опыту общества поэт уже не обращается. Он видит, какими социальными болезнями болеет культура. Поэтому общество, как сила, движующая вперед, поэта не интересует. А о бизнесе и говорить нечего. И там и там идет борьба, вражда, ожесточённая конкуренция, подтасовки, реализуется злость и обман. Поэтому М.К. Антохин обращает нас к примерам, почерпнутым из природы. Там мы можем найти путь для собственного выживания, а ни где-нибудь в Европе, Америке или другой культуре. Над обрывом давка, теснота, но нет намека на вражду. Поэт этим показывает, что над пропастью надо забыть споры, вражду, войну всех против всех, ибо все погибнем в этой вражде; и снова объединиться, определить новые цели и выбираться из этого тупика. Это его идея выживания, спасения русского народа.

Толпа деревьев над обрывом.
Обрыв – скалой.
Под ним – река…
Чья неестественным порывом
Сюда их бросила рука?
Внизу студеная водица
Звенит, обильна и скупа…
Кто их заставил так толпиться…
И друг на друга наступать?
И в этой тесноте и давке
Нет и намёка на вражду
Летят с обрыва комья, палки.

Деревья участи сей ждут.
И в эти скорбные мгновенья
Они, не жалуясь, живут
И обречённым на паденье
Как руки ветки подают.
… Вот нам бы так!
Содвинув плечи
И головы, и этажи,
Одним усильем человечьим
Спасать
Единственную
Жизнь.

(Над обрывом)

Вот бы так нам, русским, «Содвинув плечи/ И головы, и этажи,/ одним усильем человечьем/ Спасать/ Единственную/ Жизнь», говорит в конце стихотворения «Над обрывом» поэт. Нам надо спасать собственную жизнь, жизнь целого народа, ибо погибаем мы все. Что ценнее жизни, только жизнь. Ибо она дается один раз, повторения не будет, а если это будет, то уже не с нами. Таковы вечные законы материи. Пример спасения показывает нам природа, нас окружающая. Поэт говорит, что для своего спасения необходимо проявлять волю, надо быть активным. Если плыть по течению событий, то конец жизни обязательно наступит.

Какой смысл вкладывает в понятие «жизнь» М.К. Антохин? Полагаю, речь идет не только о жизни физической, но и о жизни духовной, психической. Спасти жизнь, значит отказаться от вредных привычек (алкоголя, наркотиков, табакокурения), значит заниматься оздоровлением тела и души, значит, поднять Дух народа, то есть воцерквиться, заняться самосовершенстованием. Ибо человек – это биосоциальное существо, единство биологического и духовного, природного и интеллектуального, разумного. Поэт не призывает искать виновных в случившемся. В этом он поступает как христианин. Архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий (Капилин) сказал: «Церковь запрещает виновного искать в других. Ищи вину в себе. Покаянные чувства – это не упадничество, а сила увидеть собственную немощь и исправить свои ошибки»[55].

Жить - не значит только существовать, удовлетворяя свои телесные потребности. Спасать жизнь – значит спасать свое бытие, свое существование, свое творческое делание. Жить – это значит и творить новое, искусственное, внеприродное, духовное. Пример же из природы поэт берет для объяснения самого процесса выживания, а не для того, чтобы стать абсолютно таким как природа. Речь идет о

[55] Архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий (Капилин). В кого целились тайные силы, или Не надо сеять новый обман / Димитрий (Капилин) // Мир Севера. – 2009. - № 1. – С. 22.

технологии выживания. Правильно: на данном этапе необходимо спасть себя.

5. «Россия повторяет путь Христа!»

Определение духовного пути, по которому должна пойти страна в век двадцатый и век двадцать первый – важнейший аспект творчества поэта. В стихотворении «Оглянись, Россия» М.К. Антохин обращается уже к христианской тематике спасения России. Для этого он пытается осмыслить огромные пласты русской культуры. Он говорит: «Только загляни за век двадцатый/ в глубь веков – какие времена!..» Заглянуть в прошлое не только исторической России, но и религиозное прошлое. Они доносят до нас ритмы русской жизни от Гипербореи до Имперской России: мы слышим песни баянов, победы руссов и славян в битвах против иноземцев, чувствуем народное творчество тысячелетий, мы осмысливаем роль Руси в отношениях Запада и Востока. Это прошлое нужно именно нам, современникам смутного времени, современникам нового возрождения и духовного обновления Руси.

Прошлое нам нужно не для удовлетворения каких – то познавательных интересов, а для строительства новой жизни. Прошлое нам нужно сейчас, чтобы осмыслить недавнее и настоящее, почему мы допустили такое на своей Русской Земле. Без прошлого невозможно соединить поколения, восстановить связь времён в русской культуре, построить генеалогическое дерево, восстановить родовую культуру.

Прошлое дает нам богатые образцы того, что Россия полнилась духом православия, что культура питалась живительными соками христианства. Поэтому он дальше пишет: «Как Христос, предательски распятый,/ воскрешён -/ так ты воскрешена/ будешь, пережив грехи и боли/ всей землёй/ и те, что за Землёй…». Путь Христа – это путь страданий и болей за человечество. Путь русской культуры – это также путь страданий. Не случайно же русский народ называют народом богоносцем, то есть несущим Бога в самом себе.

Обращение к христианскому прошлому есть факт понимания глубины сущности русской мотивации, чувств, эмоций, творчества русской культуры. Ибо православие тысячелетиями наполняло светом любви, добра, мира, правды, справедливости, знания и мудрости русскую культуру, звало русский народ на нравственное и духовное переустройство Мира, в первую очередь, на духовное обновление внутреннего мира человека. Святые отцы дали нам прекрасный пример жизни и духовного и нравственного творчества. Следуя этому пути, и Россия будет воскрешена, возрождена и духовно обновлена в полном объеме. Этот путь после стольких лет атеизации и атомизации русского сознания труден, тернист, меж камней и ухабов. Этот путь к

ЕДИНОМУ, ВЕЧНОМУ, БЕСКОНЕЧНОМУ и АБСОЛЮТНОМУ СОДЕРЖАНИЮ. Для этого необходимо пережить и преодолеть все грехи, страдания и боли в себе, взять на себя грехи мира сего – вот русский путь.

Оглянись, Россия, и помысли:
Что было и что ты есть теперь.
Крылья твои вещие повисли,
снесена с петель холодная дверь.

В твоем доме
сквозняки да ветер
обгладали и обвили всё!
Господи, но ведь ещё не вечер –
и дойдёт до цели колесо.

Только загляни за век двадцатый
в глубь веков – какие времена!..
Как Христос, предательски распятый,
воскрешён, -
так ты воскрешена
будешь, пережив грехи и боли
всей землёй
и те, что за Землёй…
Потому, наверно, твоё поле
сплошь в полыни дымно – золотой.

Оглянись Россия, оглянись…
Ты – была, и – есть,
И будешь дальше,
и, преображённая
явись
просиять на миром
лжи и фальши!

(Оглянись, Россия)

Поэт призывает: «Оглянись Россия, оглянись..», ибо ты несешься в пропасть небытия, будущее растопчет тебя и даже не вспомнит, кто ты была и зачем ты была. Твой путь, Россия, в борьбе с фальшью, ложью, злом и несправедливостью во всём мире. Россия – это свет, добро, любовь всему миру. Оглянись, значит, посмотри вдумчиво, до слез в глазах, до психического напряжения, в свое историческое прошлое. Там ответы на вызовы будущего, там рецепты для будущего России.

В стихотворении «Оглянись, Россия» М.К. Антохин раскрывает путь России в будущее, её положение в будущем: «Ты – была, и есть,/ И будешь дальше,/ и, преображённая/ явись/ просиять на миром/ лжи и фальши!» Её роль в мире, её величие заключается в разоблачении

лжи, лицемерия, двойных стандартов (одних для богатых, других для бедных), в формировании справедливых регулятивов мирового устройства. Для этого Россия должна быть сильная духом, сильная военной и экономической мощью, с сильной культурой. И эта её сила должна быть использована во благо добра, любви, правды, справедливости, мира, мудрости, знания. Это не простой путь. Это путь унижений, насмешек, оскорблений со стороны чванливых, богатых, злобных людей и их культур. Это путь страданий. Россия может исполнить свою миссию в этом эгоистическим, злом, развращённом мире, будучи сильной, волевой, смелой, решительной.

Об этом же говорит поэт и в противоречивом стихотворении «Путь», но глубже, осмысленнее, ярче. Он говорит, что Россия повторяет путь Христа, идет к Голгофе, торопясь под взрыды и пляску. Страдания и пляска – не показатель ли истерии? Соблазны кругом, князья мира сего сулят за её души золото и ласку.

Кладбище…галки…сломанный забор…
Заброшенность…забвенье…запустенье…
Могильный пёс, как одичавший вор,
Мелькает меж дерев клокатой тенью.

Присяду у могильного креста…
Чей прах, чьё имя –
Должен бы отпеть я?
В конце второго двутысячелетья
Россия повторяет путь Христа.

Идет она к Голгофе, торопясь,
Неся свой крест под взрыды и под пляску.
Её в соблазн ввергает льстивый князь,
Суля за души золото и ласку.

Долга и тяжела её верста.
И сил уж нет, и подкосились ноги.
И – сколько глаз охватит –
Пустота
столбы и ямы вдоль её дороги.

Её и страх, и безысходность гнёт.
Вокруг всё бесы до свиные рожи…
Нет, нет и нет!
Она не пропадёт!
Восстанет –
И врагов к ногам положит!

И воссияют лики на крестах!
В мучениях в конце тысячелетья, -
Россия повторяет путь Христа,
А он обрёл и Славу, и Бессмертье!

Трагедия России, Русский путь – это путь между добром и злом, правдой и ложью, знанием и невежеством, любовью и ненавистью, справедливостью и несправедливостью, миром и войной, духовностью и телесностью. Где этот путь, кто прочертил линию этого пути? Этот путь можно найти, идя по нему, ибо дорогу осилит идущий. Но именно это путь ведет к свету жизни и творчества, ибо этот путь ведет к ЕДИНОМУ. Этот путь через страдания, мучения, духовные искания, но единственный путь к свету, достойной жизни. Поэт пишет: «И воссияют лики на крестах!/ В мучениях в конце тысячелетья,-/ Россия повторяет путь Христа,/ А он обрёл и Славу, и Бессмертье!» Но мы не должны стоять на перепутье, как витязь на развилке трёх дорог в русских сказках. Он должен пойти, ибо путь его есть путь страданий, и потому, что дорогу осилит идущий. Культура с сильной нравственной основой найдет именно тот путь, который судьбою предназначен для русского народа.

Поэт верит, что Россия восстанет из праха, воссияет в новом блеске, покажет пример миру. Ибо она повторяет путь Христа: рождение, распятие, воскресение. Сейчас Россию, русский народ, русскую культуру распяли «бесы да свиные рожи». Но они должны пройти через это распятие, так как путь к воскресению именно через распятие. На наших глазах воскресает русская культура. Но это так трудно: пьянство, наркомания, болезни души и тела, страсти и соблазны, игромания и сон разума. Кто только не пинает русских, Россию, русскую культуру, называли её даже исчадием зла, но прошло время, и Россия, как птица Феникс, возрождается из пепла.

«Россия повторяет путь Христа!» - это важнейший вывод, который делает поэт. Но к этому выводу должны прийти все русские, особенно наша атеизированная власть, интеллигенция, бизнес – элита. Этот вывод важен не сам по себе. А важен решениями по духовному обновлению русской нации, которые должны быть приняты каждым русским человеком, всем Русским Собором.

Есть другие края, может быть лучше, привлекательнее, чем Россия, но почему-то Россия влечет, манит, притягивает русскую душу. Не надо других красот, люблю и буду любить своё, свой попранный храм, свой путь. Ибо это моё, родное, любимое. Родное всегда тянет к себе. И если родное уже тянет, значит, мы обновляемся, восстанавливаем свои традиции, припадаем к своим корням.

Где – то есть края другие,
Краски – круче и видней.
Отвергаю все торги я –
Хоть и бедного бедней;

Грязь ли, солнце ли Отчизны,

Храм, что попран и разбит, -
До последней капли жизни
Буду помнить и любить.

Поэт верит, что мы, Россия, русский народ, русская культура воскреснут для великих начал. Воскресение России – это начало её новой жизни, нового творчества. Мы обязательно воскреснем «Для великих начал». Один из известных французских политиков сказал: или «Россия будет великой», или её «вообще не будет». Величие России в нашем Русском Духе, в нашей истории, в нашей культуре. Путь Великой России есть Русский путь.

Ни воды, ни травы.
Но, унизясь,
Не треснем,
Как прогнивший причал.
И взойдём,
И воскреснем
Для великих начал!

(«Мельтешенье снежинок…»)

Читая строки, посвященные М.К. Антохиным Отчизне, Родине, русской культуре и русскому народу, невольно ловишь себя на мысли, что в них заложена идея очищения, исцеления, покаяния, а только потом, воскресения и духовного обновления. Описывая в болью русскую действительность, поэт тем самым хочет показать тот путь, по которому Россия шла все эти годы лихолетий, но по которому нельзя идти, ибо он в некуда, в тупик, к обрыву. Мы обязаны преодолеть все противоречия в своём сознании, своём уме и душе. И тогда жизнь и творчество станут осмысленнее и цельнее.

В стихотворениях поэта чувствуются противоречия жизни и творчества, присутствуют фатализм и оптимизм, обречённость и перспектива, атомизация и цель. Обычно они начинаются с осмысления существующего порядка вещей и событий, заканчиваются уверенностью, что Россия воспрянет ото сна, возродится и исцелится, покажет своё Я. Он видит её в будущем сильной, уверенной в своих силах, во всех отношениях успешной страной со счастливым народом.

Всё вышесказанное М.К. Антохиным подводит нас к главному выводу: не всё потеряно, что эти потрясения в России пойдут на пользу русскому народу, что он в конце – концов воскреснет, возродится из пепла, как птица Феникс. И это воскресение, духовное обновление возможно на путях традиционных духовных ценностей, на путях Христа.

В его стихах нет разрыва в пространстве и во времени, как кажется на первый взгляд. Он представляет разрывы как закономерные ступени развития России на пути её к новому величию. Одним словом, его поэзия о творчестве России, о том, как через катастрофическое потрясение она возвысится, возродится и воссияет в новом величии. Этим они приятны, понятны русскому уму, душе и сердцу, они принимаются Русским Духом, дышащим оптимизмом и уверенностью в будущем. Русский ум, душа и сердце уверенны, что Россия переживает временные трудности. Нужна титаническая работа Русского духа, чтобы преодолеть все эти трудности.

Поэзия М.К. Антохина выстрадана опытом своей жизни, своими сомнениями, переживаниями и думами о России и лучшей судьбе народа. Когда читаешь строки о безысходности, о фатальной неизбежности, в конце стихотворения появляются светлые мысли о перспективе, об обновлении. Его поэзия – реалистическая по содержанию. Он не затушёвывает, не приукрашивает жизнь, а пишет так, как видит, чувствует. Как понимает происходящее. От этого сам и страдает. На мой взгляд, его поэзия недостаточно оценена литературной критикой, так как будто сложна, запутана, недоступна пониманию. На самом деле она стройна, логична, осмыслена, идейна, социально насыщена.

ЕДИНЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ И ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.К. ВАГАТОВОЙ

Поэзия хантыйской писательницы М.К. Вагатовой соткана из образов хантыйской женщины, матери, семьи, из красок северной природы, жизни простого маленького народа Севера. Эта поэзия энергетична, несёт традиционное восприятие мира, тепла и добра. Она являет миру мысли и переживания, любовь и страсти хантыйской женщины.

М.К. Вагатова первая в хантыйской литературе подняла женщину, мать на небывалую ранее высоту. Она, как талантливый художник на полотне, в стихах ярко и сочно «рисовала» женские образы, слитые с природой. Её стихи не только историчны, но и автобиографичны. Мифология в творчестве поэтессы проявляется в особом взгляде на мир природы и культуры. Её творчество – это гимн хантыйской женщине.

Для того, чтобы понять поэзию М.К. Вагатовой, необходимо знать особую роль женщины в хантыйской культуре, семье, где роли мужчины и женщины строго определены. Мужчина и женщина принадлежат к разным мирам. Хантыйский мужчина олицетворяет собой Верхний мир, женщина – Нижний мир. Женщина, олицетворяющая Нижний мир стоит на пути темных духов в Среднем мире. К Среднему миру принадлежит Земля. Понятию среднего мира соответствуют, также семья и дети. Мужчина же несет семье, детям материальные и духовные блага, нисходящие на Землю из Верхнего мира.

1. «Растворение» хантыйской женщины в природе

Человек Севера растворяется в Среднем мире, сливается с природой, лесом. В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина отмечают: «судьба сложилась именно так: сейчас ханты и лес неразделимы»[56]. Далее они пишут: «предметы, сделанные человеком для себя, очеловечены». И это так. Об этом говорят и одежда, и обувь, и жилище, и пища, которую они потребляют. Поэтому философия ханты есть философия слияния с природой, средой своего обитания. Природа - это в представлении хантыйской женщины и лес, и тундра с её многочисленными болотами, это и олени, многочисленные обитатели леса, это и земля, и вода, и морошка. Единение, слияние с природой удивительным образом преломляется в женском сознании,

[56] Кулемзин, В. М., Лукина, Н. В. Знакомьтесь: ХАНТЫ / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. - Новосибирск : ВО «Наука», 1992. – С. 44.

мировоззрении, мировосприятии и является миру в формах мышления, формах труда, поведения в тундре и в лесу, дома, в семье.

Женщина очеловечивает те предметы, которые делает для себя, для дома, для повседневного употребления. Это уже вторая природа, очеловеченная природа. В очеловечивании предметов заключается тайна их надежности и притягательности. В хантыйской культуре устанавливается некое равенство человека и вещи. И благодаря этому равенству, нет разрыва между началом и концом. Вещи сами по себе в хантыйской культуре мертвы. Они оживают только в действии, только в руках человека. В работе человек и вещь сливаются в единое целое. В этом заключена тайна теплоты, полноты, притягательности, очеловеченности вещей вообще в традиционных культурах. Чужая вещь горит в руках человека её взявшего. Она не может быть очеловечена повторно другим человеком. Поэтому неписанные законы тундры запрещали брать чужие вещи. В чужих руках вещь перестает быть живой, она мертвеет.

Женщина в стихах М.К. Вагатовой хочет слиться с природой, стать ветвистым деревом. Городская жизнь отрывает женщину от корней своей традиционной культуры, она даже дезориентирует её, значительно снижает способность к пространственной ориентации. Поэтому поэтесса и говорит: «Если бы я приехала /Если бы пришла». В этой строчке заложена некая грусть, какое – то сожаление об утраченной жизни, культуре. В городе ханты постепенно ассимилируются в другое культурное пространство, перестают быть ханты. В городе сходят на нет обряды, забывается традиционный язык, как бы его не преподавали, человек традиционной культуры незаметно для себя втягивается в иной мир, иную культурную традицию. Этот конфликт традиционных ценностей и личного опыта прослеживается у многих писателей Севера: Ю. Шесталова, Р. Ругина, Е. Айпина и других. Разрыв между традиционной культурой и её носителями побуждает писателей народов Севера обратиться к литературной фольклористике. Писатели сходятся на том, что традиционные ценности, традиционные представления о прекрасном, о национальной этике ушли в прошлое, которое возвратить чрезвычайно трудно. В городе миф практически исключается из социального бытия. Конфликт между традицией и современной жизнь переносится во внутренний мир личности. На этих «перекрестках» культур рождается новое представление о прошлом. Поэтому поэтесса формирует именно такой тип рефлексирующего героя.

Быть растущей, цветущей листвой, несгибаемой для ветров жизни, напитываться соками земли и дарами солнца; руками быть похожими на плавники рыб, на крылья птиц - путь традиционной культуры народа ханты в представлении М.К. Вагатовой. Это и есть хантыйская философия жизни, её личная философия.

В деревню Вон Англуманг,
В Вон Англуманг, хантыйскую деревню,
Если б я приехала,
Если б я пришла.
Была бы я подобна ветвистому дереву.

(Мои ханты, мои люди)

Женщина Севера очень тонко чувствует ритмы природы, живет не только в природе, с природой, но и сливается с ней не только мыслью, но и жизнью, своей деятельностью. Она отождествляет себя то с оленем, то с деревом. Олень, собака для ханты не просто животное, а равноправный партнер. Сама северная суровая природа, тундра и лес, болота и цветы, дают хантыйской женщине энергию для семейной жизни, для творчества, любви. Она не только живет в природе, но и хочет смотреть глазами природы на мир её окружающий. Её чувства, страсти, переживания, состояния души проистекают из её внутренней природы. Так, М.К. Вагатова в стихотворении «Моя песня, своя песня!..» видит женщину живым деревом, у которого «на каждом суку много веток», и живым оленем «с ветвистыми узорчатыми рогами». Она красоту видит только в похожести на природу, в слиянии с природой. Так, в стихотворении «Я – святая женщина – огонь» она выводит идеал красоты хантыйской девушки. Красивые руки хантыйской женщины должны быть похожими на «плавники рыб», на «крылья птиц». Об этом её песня.

Поэзия М.К. Вагатовой есть поэзия жизни, движения, творчества, источники которой надо искать в природе её окружающей. Внешняя природа есть внутренняя природа хантыйской женщины, её космос. Поэтому духовная природа женщины и внешняя природа переплетаются, синтезируются, объединяются в каждой женщине своеобразно.

В. Соловар отмечает, что поэтесса «…видит близость северного человека к природе во всем»[57]. Говорить о близости природы хантыйской женщины, значит, не до конца понять поэзию М.К. Вагатовой. Это односторонняя точка зрения. Она хочет видеть или видит окружающий её мир глазами природы. И причем не всякой природы, а только цветущей, живой, развивающейся. «Дерево со снятыми, срубленными сучьями, ветвями» есть дерево мертвое, а значит не дерево поэтессы. М.К. Вагатова пишет:

Дерево со снятыми, срубленными сучьями, ветвями –
Это не я, не в таком виде я живу.
Олень без рогов, с которого упали рога, -
Это не я, не в такой мой вид в жизни.

[57] Соловар, В. Поэтесса земли Югорской / В. Соловар // Вагатова М. К. Маленький Тудровый Человек.: Стихи и сказки. – Тюмень : СофтДизайн, 1996. – С. 5.

А олень с ветвистыми узорчатыми рогами –
Это я так живу.
Дерево, у которого на каждом суку
много веток с листьями, -
Это я так стою (живу).

(«Моя песня, моя песня!..»)

В сухом дереве, в сухих сучьях нет жизни, нет движения, так как и в олене без рогов, у которого опали рога. Поэтому в сухом дереве, в сухих сучьях, в олене без рогов нет красоты, нет души, полноты и качества жизни. Все это отчуждается национальным умом, сердцем и душой хантыйской женщины. Здесь нет сущностей, которые несут жизнь, несут энергию созидания, создают цветущий, жизнеутверждающим мир.

Её жизнь – это олень с «ветвистыми узорчатыми рогами», это дерево, у которого «на каждом суку много веток с листьями». Это полная, красивая, счастливая жизнь. И такой жизнью живет поэтесса. Она все время подчеркивает: «я так стою (живу)». Даже в городе, в окружении другой культурной среды она в своей душе хранит свой национальный дом, свою национальную традицию. В этой жизни она действительно выступает как хранительница очага, строго соблюдает традиции и обычаи, унаследованные ею от предков, транслятором хантыйской культуры следующим поколениям. Так как в хантыйской семье вся жизнь вращается вокруг женщины. Правильно отмечает М. Рябий, что «Дом героини – мир природы: священное цветущее дерево; спелая морошка, что выросла вблизи болота, «красно – желтым соком налитая». И этот соблазнительный вкус спелой морошки знает сердце, биение которого нельзя представить вне кустика, листочка, скромного цветочка, но от этого еще более дорогого взору, кидающему с любовью Родину – тундру»[58].

2. Земля, вода, воздух и огонь в мировоззрении хантыйской женщины

В сердце хантыйской женщины Большая Земля, которую она бережет, которая «просторная площадь» её жизни, это её дом, здесь она живет. Земля и вода в представлении хантыйской культуры – это Средний мир. И женщина, имеющая в сердце Большую Землю, имеет в сердце средний мир. Она не пускает в этот Средний мир темных, злых духов, она на пути этих злых духов в Средний мир. С наступлением половой зрелости хантыйская женщина считалась нечистой, опасной для окружающей. Через неё темные и злые силы

[58] Рябий, М. «Эринтур» как провозвестник организации / М. Рябий //О времени, о литературе, о себе. Литературно – критический сборник. – Екатеринбург : СОКРАТ, 2007. - С. 74.

Нижнего мира могли бы попасть в Средний мир и тем самым внести раздор в доме, семье, среди родственников, детей. Поэтому на неё в этот период накладывались определенные обязательства, правила поведения и запреты, с тем, чтобы не навредить окружающим её людям.

Жилье, дом – это центральное место жизни традиционного человека. Земля вокруг её дома. Её устройство такое же, как устройство дома, но лежащее вне дома. Женщина в центре этого мироздания. Она хранительница очага, дома. Мир «собирается» вокруг женщины и прорастает сквозь её. Об этом говорит Н. Рогачева: «Вся земля устроена так же, как и традиционное жилище ханты, только располагается с наружной стороны. Мир «собирается» вокруг человека и прорастает сквозь него: через землю и тело проходят одни и те же сосуды, жилы, в женщине и земле течет одна кровь. И в эпосе, и в лирике М. Вагатовой утверждается неразделимость человеческого и звериного, растительного и душевного начал»[59]. Поэтесса устраняет границы между человеческим и природным.

В стихотворении «Хетта» она раскрывает свое женское отношение к земле. Она говорит: «моя земля», «моя река», «мое место», «мне принадлежат воды и земли». В стихотворении «Я – святая женщина – огонь» называет её «добрая моя земля». Что значит оборот «моя земля», когда у ханты не очень развито чувство собственности. Писательница М.К. Вагатова хочет сказать о принадлежности земли, воды, места, где она родилась, где прошла её молодость и часть жизни, её сердцу, её душе. Она восхищается красотой её родины детства, она боготворит все места, связанные с её детством.

М.К. Вагатова в своих стихах воспевает Средний мир, мир, где она живет, который она охраняет от темных и злых духов. Она украшает мир так, как может украсить его женщина, проповедующая философию слияния с природой. Поэтому и пастбища оленей, и следы их ног, и полозья нарт есть украшение земли. И все это вены её сердца, сердца, бьющегося по законам и ритмам природы, задающего ритм мысли и души.

Тундра, по реке Хетта, моя земля,
Тундра, по реке Хетта, мое место,
Мне принадлежащие воды и земли.
Это место, где живет мое сердце,
Там я на свет родилась
(на глаза людям попалась).
Олени там паслись. И их
пастбища, следы их ног украшением стали.
Украшена эта земля и полозьями нарт,

[59] Рогачев, Н. Так Я – святая женщина – огонь – говорю… / Н. Рогачев // Эринтур. 2002. Альманах писателей Югры. Вып. № 7. – Ханты – Мансийск : ЭРИНТУР, 2002. – С. 301.

Редких деревьев каждая ветка
На красивые рога оленей похожа –
Все это вены моего сердца.
Как я могу их забыть!
Как я могу жить без этой земли и воды!
Здесь я девушкой – птицей стала,
Здесь эта земля мне сына подарила.
Мать мне эту земля завещала любить и беречь.
Отец велел любить и беречь мне эти воды.
Тундра – живой ковер с глазами и сердцем.
Кровь живая красным соком
Течёт по тундре, дышит, цветет.
Всё это впиталось в мое сердце,
Из этого моя жизнь силы берет.
Тундра, по реке Хетта, моя земля,
Тундра, по реке Хетта, мое место.
Там живет мое сердце,
там я на глаза людям впервые попалась
(родилась).

(Хетта)

Что такое земля в представлении поэтессы? Это «тундра – ковер с глазами и сердцем»; это «кровь живая сердцем»; «это просторная площадь (место) … жизни», это «прекрасный дом». Земля – это ближний космос хантыйской женщины, это среда её жизни, основа хантыйской культуры. Она называет её не просто землей, а Большей Землей, просторной площадью жизни. В. Соловар отмечает: «Дети тайги – трудолюбивые, добрые, жизнестойкие, они чувствуют себя единым целым с Матерью – Землей»[60]. Земля - это бескрайнее пространство, это бесконечные болота, наполненные жизнью, цветом, звуками, запахами. И это бесконечное пространство формирует особое мироощущение, особое пространственное мышление, свободу духа, открытость хантыйской души.

Большая Земля, которую в сердце держу (берегу),
Это просторная площадь (место) моей жизни.
Это мой прекрасный дом.
Здесь я живу,
Где мои деды жили.
Оттого мои думы высокими стали,
Где мой ханты народ живет.
Оттого мое сердце крылатое стало,
В правду крылатое стало.

(«Моя песня, моя песня!»)

[60] Соловар, В. Поэтесса земли Югорской / В. Соловар // Вагатова М.К. Маленький тундровый человек. Стихи и сказки . – Тюмень : СофтДизайн, 1996. – 208 с. – С. 5.

Это пространство земли заполняется неповторимыми узорами хантыйской культуры, узорами жизни. Это многочисленные лыжные пути зимой, лесные тропы летом. Это красота единения человека с природой. Но лыжные пути, лесные тропы могут зарасти мхом, покрыться снегом и исчезнуть в небытие. Потому передает, как по наследству, их своим детям и внукам. Этот опыт проживания хантыйской женщины в Среднем мире навсегда отдается следующим за ней поколениям. Женщина учит дочек, внучек следованию традиции, женской судьбе.

Моя вода реки Мосум,
Я тебя украсила лыжными путями,
Моя земля реки Мосум,
Я тебя расшила узорами пройденных троп
...
Пути, которые я оставила на земле, на воде,
Покрыты двухаршинным толстым снегом,
Тропы, которые я проторила по земле и воде,
Мхом густым заросли.
Меня, женщину, старость взяла.
Ко мне, женщине, старость пришла.
Мои длинные тропы
Пусть найдут молодые женщины,
Мои охотничьи пути
Пусть найдут молодые мужчины
Мои воды реки Мосум
Им оставлю навсегда.
Мои земли реки Мосум
Им навечно отдаю.

(Моя вода реки Мосум)

Слово и песня есть связующее звено между человеком и землей. Она говорит, что в свою песню впишет всех ханты, с их дорогими сердцами. М.К. Вагатова возвращает слову и песне магическую силу. Она наделяет слова и песню вещественностью. И слова, которые она говорит, и песни, которую она поет, даны ей от Богов и унаследованы от предков. Эти слова и песня возвышает женщину до её предков, «многих ханты» с «золотыми думами».

С дорогими сердцами моих всех (многих) людей,
С золотыми (дорогими) думами (мыслями)
моих всех (многих) хантов.
В песню мою впишу.
В песни я их внесу (вделаю)
Так, я – святая женщина – огонь – пою,
Так, я - святая женщина – огонь – говорю.

(Я – святая женщина – огонь)

О чем думают ханты – это есть золотые думы (мысли). Они думают о жизни, о роде, о Богах. Всё это поэтесса вписывает в свою песню, в свое слово. И она со своим семейными ансамблем поет и говорит о думах ханты.

Её поэзия учит тому, что унаследованное ею от своих родителей надо передать следующим поколениям. Жизнь не стоит на месте, человек стареет, и приходит время, когда ему надо не только брать, но и отдавать следующим поколениям. Она говорит о тундре, о земле, о месте, где впервые попалась людям на глаза. Это место «критических дней» и родов находится вне основного дома, в «маленьком доме», то есть в «ай хот». О женщине, находящейся в «ай хот» говорят, что она «за пределами дома находится». Здесь она занималась хозяйственными делами, в этот дом она не вносила вещей мужа и детей. В основной дом, к мужу и детям она возвращалась только после обряда очищения. В «маленьком доме» нельзя было находится мужчине, так как там было царство Нижнего мира, которое стоит на пути темных духов в Средний мир. Царство Нижнего мира есть царство женских духов. Мужчинам нельзя было спускаться до царства женских духов, так как они могли навредить ему. Эти ритмы принадлежности к Нижнему миру чувствуются в поэзии М.К. Вагатовой. Нахождение в царстве женских духов предусматривает соблюдение женщиной определенных правил, обрядов. Беременной женщине нельзя было находится в многолюдных местах, на жертвоприношениях, нельзя есть жертвенную пищу, нельзя смотреть в сторону, где находится покойник, бывать на кладбище. Кроме этого беременная женщина не должна переступать через собаку, носить носки из собачьего пуха, выделывать камусы из лося, готовить нити из сухожилий лося. По хантыйским поверьям и представлениям человек должен вступать в новый мир, то есть рождаться, чистым, безгрешним. Этой традиции женщина должна была учить девушку, то есть передавать ей все то, чему научили её предки. Писательница говорила, что свои земли и воды реки Мосум оставит молодым женщинам и молодым мужчинам навсегда.

Богиня Калтащ одаривала женщину здоровьем, добрым и ласковым ребенком. Возвращаясь в дом мужа из царства женских духов, она начинает соблюдать обряд «избегания». Поэтому сердце женщины всегда там, где она впервые попалась на глаза людям (родилась). И в этом красота земли, воды, её окружавших. Н. Безверхая отмечает: «Вся жизнь хантыйской женщины была обставлена так, что для окружающих она была таинством. Женщина выступала представительницей сакрального мира, от её поведения

зависели судьбы не только членов семьи, рода, но и миропорядок всего народа»[61].

Женщина же в почтенном возрасте учит молодых, дает им разумные советы. Поэтесса пишет о том, чтобы молодые женщины находили её «длинные тропы», а молодые мужчины её «охотничьи пути». В почтенном с женщиной возрасте считались, она иногда участвовала в священнодействиях, в исполнении священных песен. М.К. Вагатова со своим семейным ансамблем объездила весь округ, всегда пела песни – поучения для молодых на родном языке. Тем самым она выполняла свою женскую миссию, несла культуру единения с природой следующим за ней поколениям.

Духом Ворт мне отданная
Добрая моя земля,
Где над ней искрится
(бросает искры огня) Солнце
Я – святая женщина – огонь – выросла,
Я – святая женщина – огонь – живу.
В наружную сторону моего дома (жилья)
Если я выхожу, то сах, который надену,
Его узорчатая пола издали пусть колышется,
Поднимается, узорами играя.
Платок, который надену на голову,
Пусть его узоры и кисти передо мной колышутся,
Украшая взгляд людей издали.
...
Во внутреннюю сторону дома, которая имеет углы,
Если я вхожу (вошла) туда,
Где мое сиденье и я сажусь (села), то
Красивыми руками, похожими на плавники рыб,
Красивыми руками, подобными крыльям птиц,
Все множество узоров с их ветвями.
Я – святая женщина – огонь –
вывожу, вышью (вычерчу).
Я – святая женщина – огонь –
украшу всё вокруг,
сделаю прекрасным всё.
...
Духом Ворт мне отданная
Добрая моя земля,
где над ней искрится (бросает искры огня) Солнце.
Я – святая женщина – огонь – выросла,
Я – святая женщина – огонь – живу.

(Я – святая женщина – огонь)

Вода, как и земля, занимает важное место в мировоззрении женщины. Водой переполнены «сердца кровяные нити». В

[61] Бервсрхая, Н. Особая роль женщины / Н. Бевсрхая // Югра. – 2008. - № 3. – С. 77.

стихотворениях «Если сердце моё поёт…», «Моя вода реки Мосум», «Мои ханты, мои люди», «Я – святая женщина – огонь» М.К. Вагатовой указывается на место воды в женском восприятии космоса. Она говорит «моя вода», то есть говорит о воде в своем сознании, в своей душе. Вода, как и земля, составляет пространство хантыйской культуры. Если дом, юрта есть внутреннее, то вода составляет внешнее пространство женской души. Женское сердце «переполнено» водой.

Сердца моего кровяные нити словно
Весенней водой переполнены.
Новые мысли льются, слова выходят, появляются,
Они ветвятся, как корни и крона березы.

(«Если сердце мое поёт…»)

В её душе живут люди (ханты), которые могут найти в её водах множество путей и дорог, пройти по ним, найти множество рыб. В традиционной культуре роль денег сведена к минимуму. Поэтому в душе хантыйской женщины нет мета ни деньгам, ни драгоценностям. Она слагает песни и поёт только о тех людях, хвалит только тех людей, которые так слились с природой, с водой, что с закрытыми глазами, на ощупь могут находить дороги и тропы зверей и рыб, находить самих этих зверей и рыб. Это свидетельствует о том, что и вода - часть космоса женщин народов Севера. Старая женщина, чтобы не потерять эту часть души, наследует её своим детям и внукам (Моя вода реки Мосум).

Их хвалю, о них пою не за то, что они богаты
золотыми деньгами.
Не за то, что богаты вещами,
А за то их хвалю и пою о них,
что лесных зверей и птиц
следы могут находить на ощупь,
могут по ним найти их.
Всё множество плавно извивающихся путей и дорог,
рыб, живущих в моих водах, могут найти
и пройти по ним.

(Мои ханты, мои люди)

Ханты чувствует себя на воде, как на земле. В хантыйской культуре нет понятий о глубине водоемов. Они всегда в лодке, всегда на поверхности воды. Зато указателей расстояний и временных диапазонов множество. Они определяют расстояние временем. В понятие «мои воды» входило все, что связано с культурой традиционного рыболовства. Ханты искусные рыбаки, они так

обдумывают всякие речные запоры, что порой кажется, что рыба сама плывет к ним в снасти. Пойманная рыба обрабатывалась и использовалась без остатка: и внутренности, и чешуя. Вот слова хозяйки чума: «Ешь рыбу варенную или сырую, а не то, что русские делают из рыбы; ешь мясо варенное или сырое, а не то, что русские делают из мяса; не полощи выпотрошенную рыбу как бельё, не держи мясо в воде. Ешь, сколько хочешь и когда захочешь, желудок, как сам человек, должен всегда работать». Вода – это часть культуры, часть образа жизни. И без воды космос души хантыйской женщины будет неполным и бедным.

Над землей горит, бросает искры огонь, Солнце. Оно несет свет и тепло людям. И святая женщина также искрится, несет тепло и зажигает души людей. И писательница ставить точку: «Я – святая женщина – огонь». Я – выросла, Я – живу, Я – хозяйка дома. Углубленность в своё Я подчеркивает её свободу, самостоятельность, углубленность в свое сокровенное, в свое тайное, в свое созидательное женское начало. И это начало светится, горит, искрится теплым, ласковым, мудрым огнем любви. Вообще огонь в хантыйской мифологии представляется в виде живого существа. Это живое существо – огонь – носит у ханты название Най – Анки по-русски – Огня матерь. Най – Анки живет в домашнем очаге, в кострах, разведённых людьми. Най – Анки почитается как доброжелательный людям Дух. Он помогает сохранить в доме благополучие, оберегает от болезней. Най – Анки – это хозяйка дома. М. Вагатова, говоря «Я – святая женщина – огонь», отождествляет себя с Огонь матерью, «хозяйкой дома». Най – Анки благосклонно относится к тем семьям, которые заботятся о своих детях, о сиротах. Любимой одеждой Най – Анки считается красный сах. Ханты вообще очень бережно относятся к огню. По традиции вообще нельзя баловаться с огнём. В одной из хантыйских сказок бабушка говорит внуку: «Нельзя баловаться с огнём, нельзя колоть его ножом – обидится Най – Анки, плохо нам будет». То есть, если баловаться с огнём, он уйдет из жилища, и плохо будет дома без огня. Кроме домашнего огня, Най – Анки, в хантыйской мифологии присутствует и лесной огонь, Пай – най (грозовой огонь). Он чужой, враждебный человеку огонь. В творчестве М. Вагатовой он ее упоминается. Здесь некоторые сюжетные лини творчества М. Вагатовой перекликаются с сюжетными линиями творчества хантыйского прозаика Е.Д. Айпина. В небольшом его рассказе «Золотая богиня дома» огонь дает жизнь, вселяет надежду, отгоняет от дома тревоги:

«Жив Огонь света.

Мы все невольно улыбнулись.

И загудело весёлое пламя в чувале. Из маленькой искорки переночевавшего в доме Огня.

Сколько надежд вселяла в нас Золотая Богиня дома!..

Сколько надежд она оправдала!..
О – о, Золотая Богиня Дома,
Наши духи – плоти
Охраняя – защищая,
Живи!..»[62]

Где свет, искры Солнца, там и красота жизни, творчества, созидания. И сах, и платок искрится, колышется, красота притягивает. Они услаждают людей издали, делают и их жизнь светлее, прекраснее. Писательница тем самым говорит, что молодость – это и есть красота жизни, жизнь в слиянии и единении с природой – красота жизни. Все, что живое, что колышется, что искрится, узорами играет красиво. И красота эта не для себя, а для людей играет. Так живет молодая девушка ханты, так она ходит, ездит. «Святая женщина – огонь» украшает вокруг себя всё, искрится, источает свет радости, свет любви. Выводит, вышивает, творит всё прекрасное вокруг дома, всё в Среднем мире. Это лебединая песня, философия жизни хантыйской женщины.

В обороте «Я - святая женщина – огонь» есть что то символическое, автобиографичное. М.К. Вагатова родилась недалеко от деревни Юильск, что в Березовском районе Ханты – Мансийского автономного округа – Югры. В лесу около деревни располагается священное место Вут – Ими. Это богиня материнства казымских ханты. Может быть святость М.К. Вагатовой именно от духа Вут – Ими. Огонь дает свет, но и обжигает. Поэтому М.К. Вагатова несет свет любви, свет традиции, свет жизни. Но она может этим светом и обжечь тех, кто предает традиции предков.

Оторвавшись от родной природы, поменявши место своего жительства, хантыйская женщина все равно сердцем и душой там, где родилась, где провела свою молодость, самую прекрасную часть своей жизни. В период до половой зрелости хантыйская девушка считается чистой, не подверженной влиянию злых и темных сил Нижнего мира. Она в этот период жизни освобождена от многих ограничений, которые приходится соблюдать зрелой женщине. Она максимально свободна, насколько это позволяет ей суровая хантыйская культура. И поэтому душа и сердце зрелой женщины рвется в этот чистый мир своей юности.

В мире природы, вместе с природой хантыйская женщина горда и красива. Из природы она берет силы, природа делает её свободной и счастливой. Так устроен космос женщины севера. М.К. Вагатова в стихотворении «И горда я, и красива…» пишет:

И горда я, и красива,
Черный сах на мне искрится,
Белый сах на мне искрится.

[62] Югра – 1992. - № 1. – С. 33

Я поймаю трех оленей –
Серебром их шерсть лоснится,
Белым инеем дымится!
Запрягу я трех оленей,
Запрягу, украшу шею –
Где других найдешь быстрее!
Мчатся нарты, точно птицы, -
И горда я, и красива!
Как бубенчик бьется звонок!
Как у нарты полоз тонок!
И смеюсь я, как ребенок –
И горда я, и красива!
Где олени шли гурьбою,
Следом снежной целиною
Я лечу, а за спиною
Вереница нар за мною.
Целеною, целиною!
И горда, я и красива!
И не знаю я вольней
Тундры – родины моей!

(«И горда я, и красива…»)

И радости, и веселье, и игры соединяются в единую с природой жизнь. А природа не терпит покоя, пустоты, ей нужно стремительное движение, полнота красок, звуков, запахов. В. Соловар отмечает: «Только для чужого глаза эта красота неприметна. Для неё же нет краше прозрачных, холодных озер, красных болотных кочек, нет лучше ягельных боров, населённых зверем и птицей. Ничто не ускользнет от зорких, внимательных глаз северянки: вот шагнуло к Оби солнце, умылось обской водой, потянулись прибрежные ивы, колыхнулся красивый девичий полог…»[63].

Тема воздуха поднимается М.К. Вагатовой в форме неба, облаков, да и то не в хантыйской традиции, а как формирование нового мироощущения. Формирование этого нового мироощущения, навеянного новой цивилизацией, опирается на традиционные представления бытия. Так, еще в детстве она летала к богу Торуму, поднималась до самых облаков. В этом полете она чувствовала легкость, ощущение свободы. Воздух, небо ею рассматривается как пространство для полета, для движения. А сейчас она выросла, ей как будто лодку (самолет) «всю из белых облаков» выслал бог Торум. И на этой «лодке» она едет в пространство другой культуры с тем, чтобы понять и усвоить эту другую культуру, другой космос. Так, в стихотворении «Полет» она пытается осмыслить в поэтической форме эту стихию:

[63] Соловар, В. Поэтесса земли Югорской / В. Соловар // Вагатова М. К. Маленький тундровый человек: Стихи и сказки. – Тюмень : СофтДизайн, 1996. – 208 с. – С. 5.

В детстве к Торуму летала,
Поднималась в облака,
И казалось, будто стала,
Как лебяжий пух, легка.

А теперь на самом деле
Небо морем надо мной,
И не верю: неужели
Я взлетела над землей.

Словно Торум лодку выслал –
Всю из белых облаков,
Я лечу быстрее мысли
Над дымами городов.

Став крылатой, словно птица,
Я лечу в Москву учиться –
Дочь туманов и снегов…

(Полёт)

В этом стихотворении намечается цивилизационный разлом. «Дочь туманов и снегов» едет учиться в другую культуру с тем, чтобы вобрать её в себя, а затем расширить пространство и время своей родной культуры. Уже здесь заложено присутствие в душе хантыйской женщины двух близких её культур. Тем не менее она будто-бы едет на лодке бога Торума. Она крылата, словно птица.

Если о земле и воде она говорит «моя земля» и «моя вода», то есть земля и вода, уже включенные в её сознание, в её душу, то о воздухе она не говорит, что это мой воздух или мое небо. В чем причина такого положения сред в душе хантыйской женщины? Причина, наверное, в том, что Верхний мир, включающий эту среду (и небо, и воздух), является олицетворением мужчины. Женщина в хантыйской традиции олицетворяет Нижний мир, включающий и землю и воду. То есть мужчина и женщина несут свои определённые обязанности, исходящие из этой принадлежности. Более того, женщина стоит на пути темных сил и духов, на пути в Средний мир. Разрыва сред, то есть земли, воды и воздуха, исходя из этого предположения, мы не наблюдаем. Что касается огня (четвертой среды), то он зажигает жизнь во всех этих трёх средах, то есть на земле, воде и воздухе. Огонь дает и свет.

2. Хантыйская женщина в мире звуков, цветов, запахов и ощущений

Полноту, красоту, движение жизни и творчества женщины невозможно представить без звуков, цветов, запахов. Они заполняют

пространство, насыщают время, дают пищу для размышлений, духовных исканий и душевной созерцательности. Хантыйская женщина, слившись с природой в жизни и своем творчестве, дышит запахами тундры, болот, леса, слышит звуки птиц, плеск воды, шум ветров и разговор деревьев, наслаждается красками тундровых цветов, времен года и погод.

Писательнице больше видится красота в ярких красках. А для тундры такими красками являются красный и белый. Их оттенки. Этими красками хантыйская женщина оформляет свой Средний мир. Сах – это женская шубка. Наденешь сах, и женщина приобретает одни оттенки красоты, снимешь сах, и женщина начинает наполняться красными цветами жизни. Те же самые цвета будоражат сознание женщины, когда она выбирает шкурки для одежды. Эти краски есть краски окружающей природы становятся красками и цветами хантыйской культуры.

Если наденешь белый сах с узорами,
Ты – освященное цветущее дерево.
Если ты этот сах снимешь,
Ты – спелая морошка, что выросла вблизи болота,
Красно – желтым соком налитая.

(«Войди в мой дом…»)

Шкурок красного зверя полную ношу,
Шкурок белого зверя полную ношу
Много носила – переносила.

(Моя вода реки Мосум)

Если в русской культуре красный цвет символизирует цвет красоты, то в хантыйской культуре – это цвет жизни, молодости, природы. Цвета меняются так же, как меняется мировосприятие женщины. То розово – желтые, то красно – желтые, то розово – красные цвета природы наполняют сознание хантыйской женщины смыслом жизни и творчества. Это и есть жизнь в Среднем мире хантыйской женщины. Писательница говорит, что девичий вид – это «спелая розово – красная морошка».

Если платье, расшитое узорами и бисером, ты снимешь,
Ты – спелая морошка, что растёт около леса,
В укрытии зарослей трав и кустов,
Розово – желтым соком налитая.
…
Ты – спелая красно – желтая морошка,
Что выросла на краю болота,
Где много трав и кустарников,

Они укутывали от зноя и жары,
От холодов и ветров.
...
Ты – спелая розово – красная морошка,
Выросшая в зарослях,
Это твой девичий вид,
Такою ты мне видишься.

(«Войди в мой дом...»)

Звуками полнится земля, вода, воздух и огонь. Этими звуками живет душа, полнится дух, наполняет ум хантыйской женщины. На воде ханты чувствуют себя также, как и на земле. Они также хорошо чувствуют и слышат звуки и ритмы воды. Как и земли. В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина описывают обряд посвящения воде: «Плавают же дети на обласке с семи лет. В первое весеннее половодье мать смачивает на берегу реки макушку семилетнего мальчугана. Обряд совершен и теперь вода должна накрыть с головой малыша – подростка – мужчину – старца»[64]. И с самого раннего детства ребенок слышит звуки сетей, плеск рыб, взмахов весла, журчание ручья и бурного потока. Звуки вод превращаются для женщины в мелодию вод. И святая женщина-огонь ловит эти мелодии слухом, так эти мелодии наполняют её жизнь смыслом.

Жизнь моей земли семи сторон
(семи углов, направлений)
Глазами беру, осматриваю.
Течения вод семи мелодий
Слухом ловлю, выслушиваю.
Так я – святая женщина – огонь – живу, хожу
Так я – святая женщина – огонь – езжу, живу.

(Я – святая женщина – огонь)

Можно подумать, что мир красок, звуков, запахов, ощущений очень беден в культурах народов Севера, в частности и хантыйской культуре. А следовательно, и сознании женщины, её душа обделены, отграничены от окружающего мира. На самом деле это не так. Мир красок природы, мир звуков природы, мир запахов природы и мир ощущений природы есть и внутренний мир женщины. Она ежесекундно, ежечасно и ежедневно «купается» в этих мирах. Это шелест листьев в лесу, голоса зверей и птиц, журчание рек и ручьев, краски и переливы природы зимой, весной, летом и осенью, это запахи цветов, дома, это вкусовые и температурные ощущения. Они формируют и составляют часть её мироощущения, миропознания,

[64] Кулемзин, В. М., Лукина, Н. В. Знакомьтесь: ХАНТЫ / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. – Новосибирск : ВО «Наука», 1992. – С. 57.

мировосприятия. Они все незаметны, включены в ткань повседневной жизни. Когда поэтесса говорит «моя земля», «моя вода», то она тем самым вместе с пространством земли и воды вмещает в своё сознание и все богатство красок, звуков, запахов, ощущений земли и воды.

Без адекватного ощущения и восприятия звуков, цветов, запахов и вкусов образность мира расплывается и сам мир теряет полноту, качество, сущность для вопринимающего. Так живёт и трудится хантыйская женщина. Так передается культура общения с природой из поколения в поколение. Вообще эта фундаментальнейшая проблема любой культуры, в том числе и хантыйской. Она недостаточно исследована и исследуется. Хотели бы мы или не хотели, но мы жили, творили и будем жить и творить в мире звуков, красок, запахов, вкусов. Они формируют наше Я. Они передают нам неповторимость мира природы и культура. Поэтому попытка М.К. Вагатовой понять этот мир вызывает только восхищение.

Таким образом, поэзия хантыйской поэтессы М.К. Вагатовой есть поэзия жизни и творчества, женской судьбы в единении с природой. Поэтесса рисует очень яркие и сочные образы хантыйской природы и культуры. Она не только создает яркие образы, но и формулирует свою философскую концепцию единения природы и человека. Эта тема не заканчивается только обобщёнными характеристиками роли женщины в природе и культуре. Не затронута анализом тема матери, дочери, которые также являются ключевыми в творчестве поэтессы.

Творчество М.К. Вагатовой имеет много схожих моментов с творчеством прозаика Е.Д. Айпина, художника Г.С. Райшева. Если проза хантыйского писателя Е.Д. Айпина чрезмерно насыщена политическим красками, где в гепертрофированном виде изображены некоторые образы и сюжетные линии (этому можно найти оправдание). То в творчестве художника Г.С. Райшева рисуются национальные женские образы в связи с природой. Так, на выставке работ Г.С. Райшева «Женские лики», где было представлено 77 работ, показаны очень яркие, сочные, полные женские образы. Даже само название картин «Женщина – осина», «Юганская женщина в желтом сахе», «Женщина – смородина», «Ночь над бором (Женщина земля)», «Болотная женщина» отражает это традиционное слияние женщины с природой. Мир природы в женщине. Исследователь творчества Г.С. Райшева Л. Лазарева пишет: «В изображении форм женского тела художник и в данном случае приближается к древнейшим изображениям. Точно также десятки тысяч лет назад земной человек восхищался сущностью женской природы, отражая её в известных всему миру палеологических Венерах. Подчёркивались в первую очередь те качества её естества, которые важны для продолжения рода, являются гарантией того, чтобы жизнь на земле не угасла. И хантыйские женщины Г.С. Райшева изображены приближенно к

данному типу, что является совершенно естественным, ведь они представляют один из древнейших народов, уже несколько тысяч лет существующий на нашей Земле и сохранившийся до середины XX века в первозданном виде»[65]. Те же мысли у нас возникают, когда читаешь произведения поэтессы. То, что М.К. Вагатова хочет сказать в своих стихах, сказках и легендах, то Г.С. Райшев изображает на полотне. Схожесть их образов просто поразительная. Те же лица, реки, тела, те же движения и взгляды.

Хантыйская женщина – это явление культуры и природы в их единстве. Правильно говорят, что культура есть «вторая природа». К хантыйской национальной культуре этот вывод относится в полной мере. Обращение к прошлому, литературная фольклористика – это отражение того кризиса, который возник в связи с быстрыми процессами глобализации мировых культур, растворении малых культуры в больших (великих). Народная мудрость гласит, что если хочешь понять будущее, обратись в прошлое своей культуры.

[65] Лазарева, Л. Женские образы в творчестве художника Г.С. Райшева / Л. Лазарева. – Ханты – Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 2003.

ПРИРОДА ВО ВНУТРЕННЕМ МИРЕ МЕГИОНСКОГО ПИСАТЕЛЯ В.Н. КОЗЛОВА

Место человека в природе, его отношение к природе издавна волнует русских писателей. Многие из них не только словами, но и делами показывали пример единения человека с природой, пример бережного отношения к природе. Например, борьба В. Распутина за чистый Байкал; борьба писателей Алтая и, в целом, России, против строительства Катунской гидроэлектростанции или поворота сибирских рек в Среднюю Азию. Мегионский писатель В.Н. Козлов продолжает природоохранную традицию русской литературы, линию гармонизации человека и природы, формирования экологической культуры человека, традицию борьбы против техногенного и антропогенного воздействия на природу. И вкладывает свою позицию в свои стихи насколько возможно. Его позиция заслуживает того, чтобы быть услышанной.

Включенность В.Н. Козлова в мир природы прослеживается с самого детства. Его биография изобилует фактами и примерами связи с природой, его отношения к природе, его оценками места человека в природе. Эти факты нашли отражение и в его стихах. Поэт гордится, что он вырос в деревне, что впитал в себя деревенскую культуру общения с природой, тесно связанную с флорой и фауной. Он с детства учится брать у природы то, что нужно ему для выживания и то, что его душу успокаивает, приводит в равновесие ум и сердце, и то, что может мир сделать лучше, гармоничнее, светлее, нравственнее.

Для В.Н. Козлова природа сама по себе имеет ценность, а единение с природой для него острейшая потребность и вообще, рассматривается им как необходимость для человека. Отсюда его многие стихи обретают рациональную экологическую, природоохранную направленность. Разрушая природу, человек разрушает себя, ибо он часть этой созидающей его сущность природы. Это заметил писатель С. Луцкий: «Природа для него не только мастерская, в которой, повторяя известное выражение, человек – работник. Это самоценная эстетическая категория, значение которой с годами всё явственнее проступает в творчестве В. Козлова (…), природа, живой мир вокруг становятся не только эстетической, но и нравственной категорией»[66]. Он любуется переливами, её красотами, полифонией её звуков, насыщенностью и свежестью её запахов, её гармонией. Эти краски, звуки и запахи не только радуют его сердце, душу и ум, но и захватывают его чувственную сферу, также являются и основой для раздумий над семейными, трудовыми, общественными

[66] Луцкий, С. Ипостаси Виктора Козлова / С. Луцкий // Югра литературная – 2008. - № 2. – С. 11.

проблемами, ибо они вливают в него энергию жизни, деятельности и творчества. Природа несёт человеку энергию гармонии, полифонии, системности, создает основу для осмысления мира и Вселенной через нравственные категории любви, правды, добра, мира, мудрости, единства, знания. Более того, я бы сказал, что природа для него имеет большее значение, чем эстетическая и нравственная категория.

Природа для В.Н. Козлова есть его внутренний мир, его Космос, где всё гармонично, полно, где всё устроено, и ему там тепло, уютно. Человек теряет в городской культуре многое такое, что связывало его с природой. Поэтому человек стремиться обратно в мир красок, звуков, запахов и гармонии природы. В конце – концов человек возвращается к природе через свою профессиональную деятельность, творчество, более или менее осмысленно. Познать этот мир, значит, понять личность поэта, его биографию. Ибо природа во внутреннем мире поэта занимает одно из ключевых мест.

В стихотворениях, посвящённых природе, В.Н. Козлов пытается осмыслить отношения природы и человека, природы и общества, природы и культуры. И эти отношения не в пользу личности и общества, не в пользу города и цивилизации. Город, безмерно господствуя над природой, несет в природу смог, разливы нефти, загрязнение атмосферы. Городская цивилизация нарушает сложившийся тысячелетиями баланс в природе, город разрушает гармонию природы. Это всё не устраивает В.Н. Козлова. Поэтому поэт ищет гармонию для сердца, ума и души не в городе, а именно в природе, его окружающей. Она успокаивает его душу, даёт силы, заряжает мышление энергией творчества и духовного возвышения. Это энергия созидающая, положительная, нравственная. Этим можно объяснить его регулярные попытки «бегства» в природу, «бегства» в прошлое. Он хочет уйти от сегодняшней реальности, ибо она несет многие проблемы существования. В природе же он не чувствует себя одиноким, бездомным, брошенным, более того, он хочет стать частью этой великой гармонии природы. В его творчестве звучат нотки натурализма и реализма одновременно.

Природа для В.Н. Козлова – это не только лес, окружающий его деревню. Это не только природа родной Малышовки, родного региона, но и природа бескрайных просторов Сибири, природа всей планеты Земля.

1. «Оттого ль стремлюсь я в плен ветвей»

Человеческое Я и его физические силы и силы природы находятся как бы с едином смысловом и бытийном контексте. Человеческое Я через биологическую составляющую личности органично включено в физику мира, то есть природу её окружающую. Я из мира природы черпает энергию для своего действования, для

творческого самовыражения, для своего существования и выживания в обществе людей, но при этом остаётся частью природы. Поэтому человек неизбежно тянется в мир природы не только для того, чтобы отдохнуть, удовлетворить свои потребности в охоте, рыбалке, а просто для наблюдения за красотами цветения, звучания природного мира, то есть художественного освоения этого мира. Человеку всегда чего – то не хватает в обществе, в культуре, в мире людей, поэтому он бежит из этого мира, он «бежит» от себя, он «бежит» в природу, но также «бежит» то в прошлое, в мир своего детства, то в неведомое будущее. Ему не хватает единства, гармонии, полноты, которые имеются в природе, но человеком уже растеряны. Человеческое Я способно по собственному произволу направлять пучки энергии в соответствующем направлении, на соответствующие цели и идеи, в проекты, в дела. Но эту энергию созидания человек должен получать из сообщества людей, но почему – то не получает. Он получает от общества другую энергию, направленную не на созидание, а на разрушение всего окружающего. Но не каждый человек это понимает в полной мере. Всё зависит от гармоничности, полноты, системности его личной культуры. Всё это находит отражение в поэзии В.Н. Козлова.

Тема леса, места человека в лесу, важна сама по себе. С лесом связано многое в русской культуре. Лес оказывал русскому человеку много хозяйственных услуг. Лес давал человеку строительный материал, топливо, липовую кору для обуви, деготь, смолу для кустарных промыслов. Лес для славян имел и религиозно – нравственное значение. Во время потрясений и морального упадка русские люди уходили в леса, подальше от соблазнов, от суеты и грехов, создавали свои «лесные пустыни», строили скиты и кельи, жили долгие годы в безмолвии и уединении. Русский историк В. Ключевский так писал о значении леса в русской культуре: «Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки»; «лес придал особый характер северно – русскому пустынножительству, сделав из него своеобразную форму лесной колонизации. Несмотря на все такие услуги, лес всегда был тяжел для русского человека. Этим можно объяснить недружелюбное и небрежное отношение русского человека к лесу: он никогда не любил своего леса. И древнерусский человек наделил лес всевозможными страхами». Лес грозит русскому человеку и домашнему скоту волком, медведем, по лесам бродили разбойники. В русском фольклоре лес был заполнен недоброжелательными «Русскому духу» «нечистыми силами». На таком отношении к лесу воспитывали поколения за поколениями русских людей. Традиционное отношение к лесу заложено и в творчестве В.Н. Козлова. Но лес только несмышленым недоступен, враждебен, у них вызывает страх.

Темы природы, леса, тайги, тундры, рек всегда занимали сознание В.Н. Козлова: с детства до зрелых лет. Ибо природы была частью его жизни, отдыха, времяпрепровождения с самого детства. Его всегда окружал лес, его животный и растительный миры. Поэтому В.Н. Козлов всегда пытался понять, начиная с детства до зрелых лет, что дает человеку природа, какое место он в этой природе занимает. От наивного взгляда деревенского ребёнка на мир окружающей его природной стихии он переходит к осмысленному, вдумчивому осмыслению своего Я в природе, природы в его Я, вообще места человека в природе, природы в человеке, соотношения культуры и природы. Более того, профессия В.Н. Козлова позволят ему наблюдать не только факты гармонии отношений человека, общества и природы, но больше факты разрушительного действия человека, особенно при освоении богатств Сибири; на леса, тундру, реки, болота, на флору и фауну. Он своими глазами видел и черные пятна от разлива нефти по тундре, и бесхозяйственную вырубку леса, и вечно горящие факелы, и брошенные груды метала на месте добычи нефти. В его душе медленно зреет протест, и этот протест переплавляется с строки его стихов.

На Земле и в самом человеке постоянно соприкасаются две природы: культура («вторая природа») и первозданная природа. В стихотворении «Как скатерть праздничная хрусток…» В.Н. Козлов говорит о двух живых природах, о двух встречных ожиданиях и стремлениях, идущих друг к другу, то есть от природы и от человека: нас «ожидает только нас»; поэт идет в лес, так как в его «душе такие складки/ Что лишь охотник и поймет…». Что это за «складки», о которых говорит поэт? Что сулит для природы и человека эта их встреча? Взаимное разрушение или гармонию? В стихотворении - это изображение вроде бы «намечающейся» гармонии природы и человека от встречи. Ибо природа изображается живой, ожидающей доброго отношения к ней со стороны человека. Она чувствует человека доброго, с чистыми целями и намерениями в отношении её. Насколько это ожидание природы мы, люди, оправдываем.

Поэт оправдывает своё стремление в лес в этом стихотворении не бегством из города, не бегством «без оглядки» с работы, а чем - то другим, сознаваемым и понятным только ему как охотнику. Ибо настоящий охотник, не браконьер, не разрушитель лесной гармонии и полноты, а наблюдатель её гармонии, полноты. Он в какой - то степени санитар леса. Идет в лес не только для того, чтобы пострелять в птиц или зверей, он идёт и полюбоваться красотой природы, насытиться энергией свободы, чистоты, гармонии природы, удовлетворить свои художественные потребности. А если и пострелять, только столько, сколько не повредит природе, балансу её флоры и фауны.

Охотник идет в лес успокоиться, излечить душевные раны, полученные от неустройств общества, какофонии и дисгармонии города, жизни и быта, от злых или непонимающих его людей. Видимо поэту чего – то не хватает в этой лживой, беспокойной и суетной городской жизни. От множественности, количественности, разорванности и разобщенности городской культуры поэт устает, его тянет единение, простота, полнота и качество жизни, труда, творчества. В общественной, городской жизни возможности свободно освоить и гармонизировать окружающую его среду резко снижаются, отсюда и падают творческие способности личности, его свобода все более и более регрессирует. Человек всё более зависит от пустоты, какофонии, дисгармонии, технического пресыщения городской жизни. Он становится «рабом» вещей «каменного мешка». Чтобы восстановить свободу творческого манипулирования объектами, явлениями и вещами, свободу духа, то есть действовать «по собственному произволу», человек идет в лес, в гармонию, в покой, в естественность.

Как скатерть праздничная хрусток
И ожидая только нас,
Лежит не то что первопуток,
Но для охоты свежий наст.

Нет, не бегу я без оглядки
Скорей с работы, что не мёд
Но есть в душе такие складки,
Что лишь охотник и поймет…

«Как скатерть праздничная, хрусток…»

В лесу поэт освобождается от тисков норм и правил, сжимающих его Я, душащих его вольную и свободную душу. В лесу его мысли свободны от душной атмосферы города, не дающей ему сосредоточится. Он хочет уйти «скорей с работы, что не мёд» именно в лес. Действительно, работа В.Н. Козлова тяжелая, связанная с добычей нефти, нахождением на холоде, в грязи и слякоти. Работа для него много значит, но не всё. Следует отметить, он «бежит» отдыхать, разгрузить ум и душу не домой, не в семью, а именно в тайгу. На реку, на природу. Это уже свидетельствует, что его тяготят отношения между людьми не только на работе, но и дома. Его поэзия наполнена духом бездомности.

В стихотворении «В казённом лесу» В.Н. Козлов на сюжетах, почерпнутых из детства, говорит, что только смышленым, смелым людям природа открывается полностью, что только им лес срывает пелену со всех своих тайн. В.Н. Козлов с детства стал замечать красоту природу, «разлапистость» крон, «дуплистость» вязов,

таинственность звуков леса, красоту красок, душистость запахов. Эта красота гармонизировала душу, дисциплинировала ум молодого человека. Красота есть естественность, целостность, гармония природы, в которой человек занимает свое, пусть важное, но не центральное место.

Ранее все леса в стране принадлежали «народу», были в государственной собственности, поэтому резонно и само название леса: «казенный», то есть не частный. Значит, в этом лесу без оглядки на кого – либо можно собирать ягоды, орехи, грибы, брать от него все, что он даёт всем, кто живет природой, лесом, тайгой. И за это никто никогда плохого слова не скажет, не накажет. «Казённый лес», значит лес общий, где может быть реализована свобода каждого, приобщённого к нему, но не каждого находящегося в нём, а именно, каждого смышленого, не пугливого, а соединенного, живущего природой.

Человек, созерцая мир природы, замечает все её тонкости, переливы звуков, запахов, цветов, теней и оттенков: «здесь вяхири стонут»! Стонут, словно поют, словно говорят о себе, зовут и манят своей тайной. «Вяхири стонут» - сказано сильно и глубоко, в этой строчке полнота музыки леса. Это разнообразие красок, звуков и запахов природы волнует ум, душу и сердце молодого человека, понимающего лес, живущего ощущениями, звуками, красками и запахами природы; человека, живущего природой, находящего гармонию с ней. Но эта красота пугает человека недалекого, не понимающего природу, а значит, разрушающего её. У него от непонятных звуков, шорохов щемит сердце, страх заползает в душу и надолго там остается. Человек, не понимающий природу, не желающий её понимать, невольно или сознательно становится разрушителем гармонии, полноты, системности природы. Это человек низкой экологической культуры. Для человека, отлучённого или отчуждённого от природы (причины не важны), страх таится под каждым кусточком, скрыт в каждой кроне дерева, в каждом звуке и шорохе, в каждой ложбинке и за каждым бугорком. Он не понимает звуков и песен леса, тайги, болот, они его пугают и отталкивают назад, в «каменный мешок», то есть в город, в цивилизацию. Для человека, выросшего вне природы непонятны ритмы природы. Его пугают жизнь и леса, и тайги, и болот, и тундры. Они для него таят всякие непонятные тайны, несущие с собой страхи. Какие страхи таят деревья? Неизвестность всегда отпугивает несмышлённых. Но эта тайна, неизвестность, как магнит, притягивает детей любопытных, любознательных, волевых. Тайна, неизвестное всегда манят, притягивают. Человек боится, но идет навстречу этим страхам. Познание таких тайн есть воспитание полноты, гармоничности ума, души и воли, воспитание характера.

Здесь, в природе, человек входит в состояние гармонии не только с природой, но и с самим собой. Здесь человек чувствует и осознает себя частью ВЕЛИКОЙ и ЕДИНОЙ природы.

Разлаписты кроны
В казённом лесу.
Здесь вяхири стонут
И цедят росу.

Столетние вязы
Дуплисты стоят,
Морочат и блазнят
И страхи таят…

(В Казённом лесу)

Лес тянет к себе, морочит, запутывает, обманывает несмышленых, таит в себе страхи для слабых, пугливых, для отчуждённых от природы, не любящих природу. Ибо в лесу водятся «черти», «лешие», баба – яга и другие сказочные герои. Этот фольклорный момент заметен в стихотворении в «Казённом лесу». Он пишет: «Воинствующим видом/ Пугая чертей/ Ищу я колоду…».

Для человека, выросшего в природе, понимающего природу, она вводит в чудесный мир жизни леса, тайги, болот, степей. Такой человек всегда будет мыслить категориями полноты, гармонии, прекрасного, единого. Он слышит, чувствует, видит её полноту, гармонию, совершенство и величие. Из таких людей вырастают именно защитники природы, люди с сильной волей, цельной культурой. Они умеют получать энергию природы и использовать её во благо всех.

В поэзии В.Н. Козлова природа – это еще и кормилица человека, особенно в лихолетья. Биосоциальность природы человека свидетельствует, что он получает энергию от двух источников: от Духа и Космоса одновременно. Энергия природы – это дары природы человеку. Лес всегда был кормильцем для народа, он спасал людей от неминуемой смерти. Дети, особенно деревенские, любят лес за то, что в нем можно набрать ягод, грибов, орехов, интересно провести время в любое время года, особенно летом. Ребятишки оравами всегда уходят в лес на целый день, оттуда приходят уставшими, но веселыми, жизнерадостными, довольными и не с пустыми руками и, главное, не голодными. Лес дает здоровье, энергию для жизни, лечит многие болезни, которые в грязном, запылённом, задымленном городе вылечить невозможно. В стихотворении «В казённом лесу» соединилось и сказочное, и реалистичное, жизненное, идущее из детства.

Веселою песней

Себя подбодрив,
Иду я по лесу
С кошелкой из ив.

Воинственным видом
Пугая чертей,
Ищу я колоду,
Какая прелей.

Грибы на колоде –
Вкусняги – растут.
Их тот лишь находит,
Кого они ждут…

И кроны, и корни
В казённом лесу
Голодных накормят,
Смышленых спасут.

А вот и грибница:
Она - не мираж…
И мама дивится:
- Добытчик ты наш!

(В Казенном лесу)

Природа любит смышленых, любопытных, познающих её. Ибо только они могут понять жизнь леса, тайги, тундры, не нарушать её законов, заботиться о сохранении баланса в природе. Смышленые никогда не умрут в лесу с голода, - об этом говорит поэт. Лес воспитывает наблюдательность, тонкий ум, формирует способность к различению цветов и тонов, звуков и запахов, то есть всему тому, чего не воспитывает городская среда. Причём воспитание лесом есть воспитание ненавязчивое, свободное, цельное, и, как мы видим, вполне мотивированное. Из смышлёных в будущем вырастают экологи, лесничие, охотники, ученые и представители других профессий, связанных с лесом, тайгой, тундрой, горами. Которые своей деятельностью доказывают, что человек должен нести не разрушение природы, а создавать, как говорят культурологи, «вторую природу», гармоничную первозданной, истинной ПРИРОДЕ, Вселенной.

Лес учит и осторожности, ловкости, гибкости, воспитывает остроту мышления. В стихотворении «По насту» поэт пишет о том, что неумелых, неповоротливых, неосторожных ждёт неудача. Поэтому человеку неловкому трудно в лесу, даже если его охота будет удачной, то его подстерегают и другие опасности: «Вот – вот поглотит/ С добычею наст…». Жить в природе, быть в природе – это особая культура. Человек любящий, знающий природу и живущий

природой, именно живет, а человек несмышленый только пытается жить в природе, вернее выжить в природе. Для первого человека природа своя, родная, открытая; для второго – чужая, враждебная, непонятная, скрытая.

Гривастый лесок
Подтопился совсем.
По насту иду –
Словно лезвия ем.

Глухарь мой тяжёл
И отменно броваст.
Вот – вот поглотит
С добычею наст…

(По насту)

Природа, как магнит, тянет к себе всех, даже тех, кто вырос не в тайге, не в лесу или тундре, но раз там побывавши, не может забыть всех прелестей этого мира, впечатлений от нахождения в лесу, тайге, тундре. Человек - дитя природы, и поэтому даже город не может полностью оторвать его от леса, тайги или тундры. Но для человека, жившего в природе, понимающего природу, она имеет несколько иное, жизненное, более важное значение. Для такого человека лес, звери, ягоды, травы есть часть его внутреннего мира. И поэтому, как бы не тянула к себе цивилизация уютом, устроенностью жизни, культурой, тем не менее тайга для человека, живущего энергией природы, сильнее своей первозданностью, необустроенностью, чистотой, полнотой.

Поэт в стихотворении «Весеннее» очень глубоко описывает состояние человека, попавшего из тайги в город, даже такой большой, как Тюмень. Да, интересно побыть в нём некоторое время, посмотреть на цивилизацию, побродить по его улицам в легких ботинках, и всё. Его интересует асфальт, чистота улиц, высота домов, одежда людей… Всё это нравится, но это не его мир. Поэтому для такого человека город - это ненадолго, так как это не его, не родное, не желанное. Ему нужно решить все проблемы и побыстрее - в тайгу, там его жизнь, там он в гармонии сам с собой и природой. Тайга, как колдунья, заколдовала поэта, тянет и зовет к себе своими красками, звуками, запахами, зверями и птицами.

Это здорово – правда? –
очутиться в Тюмени,
а потом
до весны
вновь в тайгу
улететь!..

(Весеннее)

В цикле стихов, где поэт пытается понять место природы в его внутреннем мире, есть не только его взгляд на какие – стороны жизни, но это философия бытия. Ибо он хочет быть не только на природе, но быть её частью, быть её частью добровольно, осознанно. Что это: отказ от общества, культуры, свободы, отказ от выбора, присущего разумному человеку; или временное отступление от сил зла, которые в нем множатся в обществе. Он не случайно говорит, что работа не приносит ему радости, что он устает от людей, то есть от общества. Как мы думаем, это всего лишь отступление с целью накопить силы в природе и затем вернуться снова в общество, в город, для новых дел. Он не хочет покидать навсегда городскую цивилизацию ради природы, да это и невозможно. Он «бежит» в природу для того, чтобы стать цельным, сильным, волевым, собранным. Ибо общество, создаваемое на расщеплении, делении, дроблении сознания, удручает его, не доставляет радости, он устает от такого общества. Люди, с кем он общается, отталкивают его. Он устремляется в природу для того, чтобы найти новые силы для жизни и творчества в этом обществе.

3. «Где гармония лада живёт»

Природа же всегда полна, цельна, едина, и энергия, дарованная человеку ею, помогает ему преодолевать противоречия, неустройства, проблемы, возникающие от нахождения его в среде людей, то есть в обществе. В поэзии В.Н. Козлова заложен парадокс - противоречие: с одной стороны, он повсеместно стремиться к свободе, к творчеству, к Свету, к Богу; с другой – хочет стать частью природы, ее «…боковым/ молоденьким росточком». То есть хочет стать природой. Быть природой, значит жить по законам природы, в природе нет свободы, нет выбора для действий, любые изменения имеют причину. Хотя человек уже является своим телом частью природы. Но поэту, видимо, этого мало, наверное хочется и мыслями слиться с природой, подчинить мысли законам природы. Это противоречие есть результат какой – то внутренней незавершенности, неустроенности, проблемности развивающегося его внутреннего мира.

В стихотворении «Милые березки!.. У меня…» (1998) поэт, описывая опыт своей жизни в обществе, отмечает, что человек, живущий в этом обществе среди людей, уставший от общества, повидавший в нём много зла, но, желающий как – то изменить общество, людей, устремляется получить энергию для своего творчества именно в природе. Он пишет о забывающих доброту, о той доброте, с которой он встречался в трудные военные годы, о сегодняшней усталости от людей, о том, что работа не даёт никакой радости. Он говорит о том, что он испытывает значительные

проблемы и трудности от нахождения в раскалывающемся обществе. В те годы, когда писалось стихотворение, Советский Союз канул в небытие, в возрождающейся исторической России общественные проблемы росли в геометрической прогрессии, и конца им не было видно. Можно было впасть в отчаяние от того, что происходило в стране. Помню, психологи говорили, что главной болезнью народа была болезнь усталости от всяких этих преобразований. И это состояние усталости, по - видимому, чувствовал и В.Н. Козлов. Поэтому и не случайно, что в его творчестве так много сюжетов из детства, из прошлого. В этом прошлом он ищет полезное для сегодняшнего дня. Он помнил, как ему помогал лес, окружавший его деревню. Он помнил, что и в более поздние годы природа помогала ему, успокаивала его нервы, давала силы. Видимо, в эти годы у него сформировалась философия особых отношений с природой. Эти отношения не на «Ты», а на «Вы». Поэтому поэт не случайно, сейчас в период социальных бурь и потрясений поэт снова стремится в природу успокоиться, получить новый заряд энергии. В стихотворении «Милые березки!.. Уменя…» эта тенденция его философии получила подтверждение в стремлении «в «плен ветвей», в том, что он хочет стать «боковым/ молоденьким росточком» (?!). Это можно рассматривать как «бегство из общества».

Его желание слиться с природой, стать с ней одним целым есть философия жизни и творчества целого поколения людей. Слиться с природой, значит уйти из городской цивилизации, в деревню. В русской литературе в 60 – е годы XX века это направление разрабатывалось в рамках так называемой «деревенщины». В 90 – годы, тем более в сибирской литературе последствия противопоставления городской цивилизации и природы. Здесь поэт противопоставляет цивилизацию природе, он на стороне природе, ибо в его представлении только она дает гармонию ему самому с собой, полноту жизни, перспективу развития без потрясений. Общество дает свободу выбора, природа жестко детерминирована, она не оставляет выбора. Человек «бежит» из общества, от людей, хоть и временно, но хочет слиться с природой, при этом жертвуя своей свободой. Это означает, что поэт видит и чувствует силу природы, не видит силу культуры, ибо она эгоистична, она построена на расщеплении природы, на воздействии на саму природу.

В этом стихотворении заметны нотки недовольства общественным устройством, которое ему кажется тяжелым, несущим усталость. Ему не доставляет радости работа, он устает от людей, от общественных несуразностей и противоречий. Это и есть причина, по которой он стремится в «плен ветвей/ в этот длинный день солнцеворота». Общественная свобода его тяготит, а «плен» природы его затягивает. Но это лучше, чем свобода города, который загрязняет среду обитания, который порождает многочисленные проблемы

экологии, неразрешимые противоречия, который строится и развивается как продукт расщепления энергии, как продукт воздействия на природу и на извлечении прибыли из всего. Поэт пытается совместить все это несовместимое.

Милые березки!.. У меня
легкая рука, наверно, все же:
как вы в рост идёте, затеняя
мне окно зеленою мережей!
По соседству шелковистый кедр –
как мальчишка, приотстал он в росте.
А под ним шиповник в холодке,
с юношески неколючей остью.
Те, кто забывает доброту,
вряд ли на неё способны сами…
Мне ль забыть ржаную корку – ту,
даденную добрыми руками?..
И вот вдруг – устал я от людей.
Не даёт мне радости работа…
Оттого ль стремлюсь я в плен ветвей
в этот длинный день солнцеворота?...
… Я полью вас дождевой водой,
чуть зацветшей,
из дубовой бочки.
Примите ль меня в свою юдоль
боковым
молоденьким росточком?..

(«Милые берёзки!.. У меня…»)

Вечная проблема: «общество (культура, нравственность) – человек – природа». В этом треугольнике отношений человеку, с точки зрения самого человека, принадлежит ключевое, центральное место. Но если взглянуть на человека со стороны Вселенной, природы или Бога, то это не так. Человек – это всего лишь цепь событий, лишь продукт, созданный Единым, Вселенной или Богом, суть неважна. Важно, что он не создатель, не творец, а его сотворили. Человек в центре мироздания - это не только большая честь, но и большая ответственность. Но сотворенный человек поднялся на такую ступень развития, что сам стал творцом, созидателем, но одновременно и разрушителем. Но способен ли человек быть в центре мироздания, раз в него заложены и созидательные и разрушительные тенденции одновременно? Способен ли он, не нарушая полноты, чистоты, гармонии, управлять процессами развития в согласовании интересов культуры и законов природы? Оказывается, что человек сам берет на себя непосильное бремя быть в центре всего лишь небольшой части Мироздания, руководить всего лишь небольшими планетарными процессами. И всё! Развивается человек почему – то в ущерб своей

природе, своей культуре, своей эволюции. Понимая всё это, по-видимому В.Н. Козлов, не очень – то верит в нравственную культуру человека. Поэтому он, по всей – вероятности, стремясь «в плен ветвей», хочет показать путь переосмысления вообще позиции человека в отношении природы. И места человека в этой природе. Быть в природе «боковым молоденьким росточком», значит, находиться с ней в гармонии, полноте, жить по её законам, а не в своём придуманном, несовершенном, несущем разрушения, страдания людям, мире.

В.Н. Козлов очень тонко замечает противоречия отношений культуры, человека и природы. Он яркими красками высвечивает не только проблемы человека в обществе, но и показывает, как человек устает от общества, как оно тяготит его, и что он бежит от этого общества. Куда, как не в природу! Она его успокаивает, дает силы, заряжает энергией, придаёт уверенность в своих возможностях. Получить заряд положительной энергии. Он облагораживает окружающую природу, поливает березки и молоденькие кедры «дождевой водой», помогает им быстрее вырасти. Но он хочет большего, слиться с природой, врасти в неё «боковым/ молоденьким росточком». Причём не просто росточком природы, а именно «боковым», то есть другим, непохожим росточком. Более того, он просит природу, понимая отчужденность своей человеческой природы от единой природы, то есть Вселенной. Этим он показывает, что человек, потерявший связь с единой природой, устаёт от людей, от общества, от того, что делает, от работы, которая ему не в радость. Одним словом, в этом стихотворении показан путь единения и гармонии человека с природой.

Те же мотивы звучат и в стихотворении «Милые березки!.. У меня…» в редакции 2000 года. Поэт говорит о забвении доброты людской, о неспособности таких людей на ответную доброту. Люди, не прочувствовавшие доброту в детстве, не прошедшие через страдание, невзгоды, становятся чёрствыми, мстительными. В. Козлов много в своей жизни пережил, был голод и холод, в трудное время люди помогали друг другу выживать. Разве можно забыть эти горькие страницы жизни: «Мне ль забыть ржаную корку -/ ту,/ поданную легкими руками?..» Люди помогали друг другу, чтобы выжить, отдавая, порой, последнюю корку хлеба нуждающимся. Вспомним движение во время войны «все для фронта – всё для Победы!», когда голодающие люди в тылу отдавали фронту всё, что можно было отдать, а сами влачили нищенское существование. Всё это прошло перед глазами поэта и отразилось на его творчестве.

Но сейчас нет голода, нет войны, такой нужды, какая его заставала в годы испытаний, но нет и той доброты, которая так сильно врезалась в его память. Он стремится к доброте, сам несёт доброту. Он «бежит» от людей, его тяготят люди, их мысли, отношения. И

бежит он именно в природу. Он задает себе вопрос: «Почему ж я бегу от людей»? Ведь не лентяй, не злодей. Да и люди ко мне относятся хорошо. Но ответа он так и не находит. Видимо, его тяготит общественный склад жизни, неустройство человеческих душ и дум, отчужденность людей друг от друга и от природы. А ему хочется теплоты, любви сердца: «Но всё чаще чувствуешь ладонь/ сердце – набухающее почкой…».

Те, кто забывает доброту,
вряд ли на неё способны сами…
Мне ль забыть ржаную корку –
ту,
поданную легкими руками?..
Почему ж бегу я от людей
в этот длинный день
солнцеворота?
Я ведь не лентяй и не злодей:
знаю жгучесть слез
и сладость пота.
Но все чаще чувствуешь ладонь
сердце – набухающее почкой…
Я полью вас, милые, водой
Дождевою из дубовой бочки, -
Примите ль меня в свою юдоль
боковым
прикормленным росточком?..

(«Милые березки!.. У меня…»)

В этом стихотворении поэт просит природу принять его в «юдоль/ боковым/ прикормленным росточком!» Он просит природу прикормить его, дать энергию для жизни, для роста в природе, для его здоровья. С годами здоровья становится все меньше и меньше. А человек – сын природы, ушедший от своей матери – природы, все чаще и чаще болеет. К этому смыслу подталкивает содержание последних строчек стихотворения, которые в списке 1998 года звучат иначе. Просить природу, значит чувствовать отчуждённость от неё, чувствовать свою сиротскость, свою бездомность. Ибо дом его в широком смысле и есть природы. На такие мысли нас наталкивает чтение его стихотворений.

Связь с природой прослеживается и в стихотворении «Чалдонский чай, кедровые орешки…». Природа для поэта не только кормилица, помогающая выживать, но и источник, дающий силу и душе покой. Вспомним стихотворение «милые березки!.. У меня…» (2000), он просит принять себя в природу «прикормленным росточком». Значит, ему не хватает энергии природы. Чалдонский чай и кедровые орешки не только напоминают о летней цветущей природе, но и в долгие зимние вечера дают силу мышцам, и уму, а

«душе - покой». Он через этот чалдонский чай, кедровые орешки пытается быть «прикормленным росточком» природы, тем самым он осуществляет связь с природой. От этого его сила, а его мятежной душе покой.

Чалдонский чай, кедровые орешки,
Ну, как бы обходились мы без вас?
Даруете вы долгими ночами
Свою нам силу и душе покой…

(«Чалдонский чай, кедровые орешки…»)

Здесь поэт акцентирует на душевном покое, к которому он стремится. Если русская культурная традиция зовет к душевному покою через религию, Церковь, через веру в Бога, духовное обновление, то В.Н. Козлов стремится обрести, да и зовет нас своим творчеством обрести в «душе покой» через соединение, слияние с природой.

Почему поэт так влюблен в природу? Как-то он сказал: «я деревенский», и любовь к природе воспитана с детства. Он с детства учился понимать природу, чувствовал её полноту, гармонию звуков, красок, запахов. Это он позднее назвал «гармонией лада». Любо вмешательство в эту гармонию лада им решительно отвергалось. Разрушение «гармонии лада» от непродуманного, а порой и хищнического хозяйствования, бездумного вмешательства человека в её законы. Особенно над этим вопросом он задумался на Севере, где природа ещё более хрупкая, чем на юге, а хищническое хозяйствование человека наносит ей непоправимый вред. Его профессия была связана с добычей нефти, он видел, к чему ведет хищническая эксплуатация недр, экономия денег на прокладке дорог на Севере. Он и сам невольно участвовал в этих событиях, был свидетелем антропогенного и техногенного воздействия на природу Севера. Эти действия «покорителей Севера» (или «покорителей Сибири») не давали его душе покоя, заставляли думать о лучшем устройстве общества, о гармонии отношений человека и природы.

В стихотворении «Полюбил я берез белоствольe…» поэт пишет, что в природе «гармония лада живет». Здесь природа живет своей жизнью: «березы ведут свои песни», «думный кедр» с «пихтою ели» ведут разговор «как жить»; здесь птичий гомон, «страсти окрест». Человек, попадающий в лес, попадает в новую жизнь, но не его жизнь, а жизнь леса, природы. Для него эта новая жизнь чужда, посторонняя, внешняя. Здесь, в лесу, своя «гармония лада». Ладят, мирно соседствуют между собой и деревья, и насекомые, и звери. Но в этой гармонии лада нет человека, раз вышедшего из него, так никогда и не вернувшегося. Поэт же ищет пути возвращения в эту гармонию лада.

Поэт чувствует потребность своей души в этом природном ладе. Природа и сама, без человека, живёт свое гармонией, своей жизнью. Человек же, вышедший из этой гармонии, своими неуёмными потребностями разрушает этот природный лад. Попытка человека создать свою гармонию за счёт гармонии природы оказалась обречённой на провал. Что сам человек часть природы, был некогда в этой гармонии, но покинул её ради достижения прогресса за счёт этой гармонии. Наступление городской культуры на природу отрицательно сказывается на самой природе. Общество, город, работа вносят в его душу разлад, смятение, сомнение, мятеж. Там, в природе, он слышит пение берез, разговор пихт с кедрами. Здесь птичий гомон и страсти вокруг, здесь свобода пространств, приволье для души и сердца. В городе усталость, пустота в душе, зло, ложь.

Он любит «берез белоствольe», «перелески», «хвойники». Ибо там он, как «в добром девичнике» предается чистым мечтам, умным мыслям, добрым порывам. Эти мечты улетают именно в город, в общество, в людское поле. Эти мечты, и это вполне закономерно, связаны с людьми, с культурой, с близкими ему людьми. Лес с его «думными кедрами», «белоствольными березами», с «гармонией лада» помогает очистить ум от скверных и тяжёлых мыслей, очистить душу от противоречий и сомнений, привести в гармонию сердце, душу и ум. Он берет о природы то, что ему так необходимо в городской культуре, чего так не хватает в городской цивилизации. Здесь он заряжается хорошим настроением, его силы полнятся.

Полюбил я берез белоствольe.
Словно в добром девичнике, там
Сердце полнится нежною болью,
Отдаваясь забытым мечтам.

Но по сердцу мне и перелески,
Где гармония лада живет.
Здесь березы ведут свои песни
И осины не знают забот.

Думные кедр здесь и с пихтою ели
Собрались для совета, как жить.
По хвоинке, работник умелый,
Муравей свою башню сложил.

Развеселие здесь в водополье,
Птичий гомон и страсти окрест!
И душе золотое приволье,
От корней до бездонных небес.

(«Полюбил я берез белоствольe…»)

В этой «гармонии лада» душе человека «золотое приволье/ От корней до бездонных небес». То есть его душа в этой гармонии не просто успокаивается, но устремляется в полёт. Полёт души есть полёт мысли, полет творчества. Наверное, это и нужно поэту.

Стихотворения этого цикла пронизаны каким – то отчуждением от города, от работы, от суеты, с одной стороны; и тягой в лес, тайгу, в горы, то есть в природу. Поэта тянет в природу, ибо в ней он находит гармонию своей душе, ума и сердца, ибо там он становиться естественным, там он получает энергию жизни и творчества. Он находит в природе все то, чего нет в городе. Городская культура построена на расщеплении, расчленении целого, природа же тянет к единению, к полноте, насыщенности, гармонии. От общения с природой в «душе золотое приволье». Эта вечная тяга русской души в приволью. Эти стихотворения есть продукт раздумий, есть поиск пути гармонизации человека в природе, возвращения в природу со своей человеческой сущностью. В.Н. Козлов подходит к пониманию того, что путь человека в будущее лежит через «гармонию лада» в природе (а не с природой). Быть в «гармонии лада» в природе, значит, жить по её законам. А не подстраивать природу под свои, человеческие законы. Природа давала и всегда будет давать человеку столько, сколько ему нужно для развития, жизни, творчества.

Стихотворение «Голубичник» также проникнуто красотой и гармонией природы. Воспоминаниями детства наполнено содержание стихотворения. Он видит в природе то, что не каждый городской человек может заметить. Он задает такой вопрос: у голубики свет или цвет? Что голубика растет для сирых, бедных и убогих «в местах улогих», менее доступных, скрытых. Поэтому эта ягода ему так нравится с детских лет.

На каждой кочке голубеет,
Похоже, собственный рассвет!

Скажи: когда она поспеет,
У голубики – свет иль цвет?!

Для сирых, бедных и убогих
Она растёт в местах улогих.

Не потому ли с малых лет
Милей тех ягодок мне нет?..

(Голубичник)

Свет у голубики для тех, кто связан с природой, кто общается с природой на «Вы», а цвет – для тех, кто не просто отчуждается от природы, но и противопоставляет себя природе. Таких поэт называет «сирыми, бедными, убогими». Бедными культурно, умственно. Если

они и ищут, то не там. Ибо их ум направлен на цвет, а не освещается светом.

Стремление поэта в плен природы есть устойчивая тенденция его жизни, оно проникнуто мыслями о гармонии общества, природы и человека. Поэт в природе находит то, что не может найти в человеческой культуре, в обществе, в общении с людьми, даже близкими. Поэтому его тянет в природу, она его манит, зовёт. В свободное от работы время он идет в лес, на реку, находит там покой душе, порядок мыслям. От природы поэт черпает энергию для жизни, творчества. Он хочет быть «боковым росточком», то есть слиться с природой, но быть отличным от природы. Сама его профессиональная деятельность накладывает отпечаток на его умонастроение. В душе поэта растет невысказанный протест против наступления и давления цивилизации на природу.

2. «Тишина морочная над сором»

В недостаточно рифмованном стихотворении «В теплом краю», но достаточно содержательном поэт пронзительно глубоко вскрывает суть ностальгии по природе, по Родине. Человек едет к морю отдохнуть душой, полечиться, позагарать, отвлечься от нелёгкого труда нефтянника. Он здесь для того, чтобы отдохнуть душой и телом: «уходим к морю/ Хорошо, на нём хорошо». Он пишет о красотах и прелестях морского отдыха. Ему здесь действительно хорошо, но до тех пор, пока тело не залечит свои раны.

Отошло тело, «суставы не так хрустят», и уже Север снится «пять дней спустя». Не успел даже адаптироваться к морю, к солнцу, к соленой воде. Но уже во сне Север зовёт, тянет, он не даёт покоя ни уму, ни душе, ни сердцу. Ностальгия по родному суровому Северу, по тайге, по болотам, по труду. Это может происходить только у человека вжившегося в природу Севера, полюбившего край душой, живущего природой этого сурового края.

Отобедав, уходим к морю.
Хорошо, на нём хорошо –
Я с волною о том не спорю –
Отдохнуть не морской душой.

Волны словно большие гости,
Буруны будто мех папах.
Я на солнце прожарил кости
И соленой водой пропах.

Отошла моя поясница,
И суставы не так хрустят.
Только что же мне Север сниться
Начинает пять дней спустя.

Оживая, пружиню крылья,
Чтоб опробывать синь небес.
Впрочем, нового не открыл я:
Все мы птицы на Юге здесь…

(В тёплом краю)

Здесь, на Юге, на пляже, на море, «все мы птицы». Очень интересное признание. Птицы постоянно инстинктивно мигрируют, осенью летят на Юг, весной возвращаются на Север. Человек же наоборот, летом летит отдыхать в жаркие края, а зимой едет на Север. Более того, птицы делают все инстинктивно, по определенной программе, а человек делает это все обдуманно. Поэт этой фразой хотел сказать, что человек летит с Севера на Юг так же, как птица, инстинктивно, бессознательно, в тёплые края для отдыха, развлечения, погреть на солнце кости, полюбоваться морем, поплавать в соленой воде. Но ум, душа и сердце там, далеко на Севере. Юг не для работы, ума, юг не для тяжелой работы, он для отдыха, для развлечений. На юге комфортно, тепло, но он не для человека, влюбленного в свой край.

Тем самым поэт не придает значения этому отдыху в творческой биографии человека. Здесь, на Юге, он, как птица, ненадолго, и его поведение инстинктивно. Думать, напряженно работать, творить он вернется на Север, на свою обретенную родную сторону, в мир леса, болот, тайги. Север сливается с Родиной: это одно.

Родина тянет к себе, в ней какая – то мистическая сила, какое – то необычайное очарование. Родина – это «глинистый берег крутой», «вод величавый поток». От них человек получает незабываемые ощущения причастности к своей земле. Однажды покинув свои родные края, реки, озера, он не может не вернуться к ним. Ибо это его Родина. У поэта Родина есть природа, его окружавшая с самого детства, в которую он врос душой, которая занимает особое место в его сознании. В понятие Родины входит и лес, и реки, и озера, и болота, и город, то есть всё то, что связано с его родным краем.

В стихотворении «Признание» В.Н. Козлов пишет, что земля родная очень дорога, ибо «Всё на родине – мило»! И, действительно, Родина как магнит тянет к себе, даже если ты очень далеко, если ты устроил свою жизнь в чужих краях, родная земля, реки, поля и озера притягивают к себе какой – то неведомой силой. Родную землю, где ты вырос, возмужал, нельзя не любить. Родня земля укоренятся в Я - личности, входит в Я – концепцию жизни и творчества.

Этот глинистый берег крутой,
в кедраче, будто в шубе бобровой,
тальниковый, далёкий, другой,

где протока блестящей подковой –
этих вод величавый поток,
серебристо – зеленых на стрежне –
позабыть я в разлуке не смог,
возвратился к ним – прежний.

И хоть трудно узнать берега,
где кедрач будто моль источила,
но земля эта мне дорога!
Всё на родине – мило!

(Признание)

Человек, покинувший когда – то свою родную землю, ностальгически будет о ней вспоминать, придет время и он к ней вернется. Обязательно вернется. Возвращение всегда мучительно, томительно приятно, душа приходит в гармонию с сердцем и умом.

Человек, любящий свою малую Родину, есть человек полный, гармоничный, умудрённый. Это человек, который всегда возвращается к своей Земле, пусть в мыслях, душевно, но возвращается. Для него Родина является часть его Я, то есть наиболее устойчивой характеристикой его личности. Чувство к Родине всегда глубинно, даже интимно. Родина лечит, умудряет, даёт силу и цельность личности. Так можно понять мысли поэта В.Н. Козлова, вложенные в его стихи.

3. «Смог тяжёлый втекает в долину…»

Любовь к природе, тем более к родной, первозданной, полной красками, звуками и запахами природе, есть важнейшее чувство личности, душевно, интеллектуально богатой личности, тысячами нитей связанной с природой, воспитанной природой. И загрязнение природы есть загрязнение сокровенного, глубокого, интимного в личности, загрязнение его души и мыслей. С любви к природе формируется и экологическая культура личности. Человек, любящий природу, всегда небезразличен к тому, что с ней делают: удобряют, очищают или загрязняют, уничтожают. Он небезразличен и к самому себе, ибо он часть этой самой природы.

Поэт относится к той категории населения, которая не только болезненно взирает на то, что рвутся нефтепроводы и газопроводы, выливаются тонны нефти из железнодорожных цистерн, сотнями горят факелы от попутного газа. О том, что разливались реки нефти по земле, что рвались нефтепроводы, горели факелы годами, писали не только центральные средства массовой информации, но и чрезмерно подчиненные региональной власти местные газеты, например, «Ленинская правда», возглавляемая Н.Б. Патрикеевым.

Даже были такие природоохранные движения за экологическую культуру. Но в этом было много фальши, формализма, показухи, заорганизованности, как и во всем. В.Н. Козлов болезненно относился к такому подходу к природе, тундре, болотам и рекам, к тем красивейшим местам, которые он полюбил, приехав навсегда. Он высказывает свою позицию, защищает её, пытается убедить людей, принимающих важные решения, касающиеся природы, чтобы они принимались с учетом экологической экспертизы. По крайней мере В.Н. Козлов в своих стихах пытается изобразить этот экологический кошмар, от которого тяжело на душе, на сердце. Грязь в виде смога из города ползет в природу, уничтожая всё на своем пути. От этого тоскливо на душе, ум протестует, но человек не всегда может остановить это нашествие тьмы.

«Смог тяжёлый вползает в долину…», а вернее не только в долину, в природу, но смог вползает в сознание человека, любящего природу, заботящегося о ней и переживающего за разрушение гармонии, полноты, чистоты природы, вползает в его душу, загрязняет её. Стихотворения «На рыбалке», «Вахтовый аист», «Метомарфозы экологии» имеют чисто экологическую направленность. Первые два начинаются с того, как любуется, восхищается, созерцает поэт красоты природы, и вдруг он замечает, как медленно, тяжело в эту красоту врывается смог, грязь городской культуры и разрушает гармонию не только природы, но и души, и ума человека. Эта грязь гонит человека из природы обратно в город, куда - то за пределы края, в прошлое. Природа – это чистота, гармония, жизнь, теплота; город – это грязь, дисгармония, смерть, холод. Из города в природу идёт смог, грязь, все, что отравляет природу. И что победит, зависит именно от человека, ибо человек находится именно в центре этих процессов, от него зависит, как будет развиваться культура: разрушать природу или находиться с ней в гармонии.

В лирическом стихотворении «На рыбалке», где семейная ссора выгнала поэта из дома в тишину, для раздумий, усугубляется дисгармонией природы и города. Природа не гонит человека в город, не отталкивает человека от себя, наоборот, притягивает своей чистотой, первозданностью, полнотой, энергией единства, где человек чувствует и осознает себя неразрывной частью этого великого единства. Город, цивилизация, наоборот, ранят, создают в душе «порезы», загрязняют социум, образуют «смог». Город сам по себе не лечит «порезы» души, более того, он углубляет эти «порезы». Поэтому человек идёт в лес, на реку, успокоить душу и сердце, прийти в равновесие, найти себя. На природе «тишина морочная», «закат лиловый», одним словом, красота неописуемая, но и на эту красоту наступает смог, грязь. Эти строчки кричат: остановите грязь, дисгармонию, какофонию, холод города. Иначе все мы здесь погибнем, уничтожим природу и вместе с ней самих себя. Негде будет

душу и сердце успокоить, ум привести в порядок, получить энергию для созидания.

Тишина морочная над сором.
В мегионском небе зимний смог.
Посижу ещё над косогором,
погляжу на сонный поплавок.

Разведу у самого уреза
светлый костерок у плавника.
На душе обидчивой порезы,
может, зарубцуются слегка.

Заменю наживку и закину
снасть подальше – так, что чмокнул груз.

Подложу трескучую осину
в свой костёр, а вместо снега – грусть.

А когда осина разгорится,
искры в синий сумрак полетят,
может, и тебе друг загрустится,
если ты на Мегу бросишь взгляд?!

Тишина морочная над сором.
Обложил закат лиловый смог.
Выхожу я в город косогором…
Ты летишь навстречу со всех ног!

(На рыбалке)

Поэт страдает, переживает, скорбит от того, что последствия столкновения человеческой культуры и природы приводят к тяжелым последствиям. На фоне красоты пламенеющей рябины, серебристой реки вдруг «Смог тяжёлый втекает в долину…».

В стихотворении «Вахтовый аист» поэт очень красочно раскрывает суть противоречия между городской разрушительной культурой и красотой природы. Природа чиста, гармонична, полна красок, звуков и запахов. Душа радуется от такой красоты, от переливов рек, красок ягод. И вдруг всё это покрывается «смогом тяжёлым», разрушительным. Становится жутко, и он бежит от этой жути: «Улечу до осенней поры/ далеко от осенней горы». Но, уйдя от смога, не значит, что он исчезнет, он будет, пока не устранит причину. Поэта тянет снова на эту Аганскую гору, несмотря на эту тяжёлую и разрушенную экологию.

Я сижу на Аганской горе.
Подо мною река в серебре.

Пламенеет по склонам рябина.
Про Илью вдруг всплывает былина.

На слепой глухариной заре
новый век подступает к горе.

Смог тяжёлый втекает в долину…
Стало жутко: скрывает калину.

Улечу до осенней поры
далеко от осенней горы.

А почуяв щемящую грусть,
на Аганскую гору вернусь.

Жив Калинов, наверное, мост,
по пути на всемирный погост.

(Вахтовый аист)

Заканчивается это стихотворение очень грустными строчками: «Жив Калинов, наверное, мост,/ по пути на всемирный погост». Они означают, что насилие над природой не приведет ни к чему хорошему и для человека. Разрушение гармонии природы есть путь человечества на всемирный погост. В поэзии мотив «бегства в природу», «бегства в прошлое» сильнее мотива «борьбы с разрушительными силами природы». Мы полагаем, что протест в стихах приводит к природоохранным действиям в делах.

В стихотворении «Метаморфозы экологии» прослеживается уже бегство поэта не в лес, тундру, на природу, а уже в прошлое, назад, к временам, когда природа была нетронутой, когда она была чистой, первозданной. А господами и хозяевами этой тайги, её гармонии и полноты, были и звери, и птицы. А человек брал от тайги столько, сколько мог переварить, освоить, столько, сколько ему нужно было для жизни. Это стихотворение неправильно, на наш взгляд, понял писатель и литературный критик С. Луцкий. Он пишет, что «под словоблудие сановных ораторов о защите природы «в кассетнике воображения/ включаю я обратный ход». И, как сказочный джин, возвращаются в пласты нефть и газ, встают деревья из многокилометровых лежнёвок, обрушиваются обратно в карьеры дороги. Природе возвращена первозданная чистота, нет плёнки нефти на воде, кедры «роняют шишки на песок»… Рассудок ещё можно успокоить цифрами, логикой: стране нужны богатства Сибири. Без вторжения в природу не обойтись, лес рубят – щепки летят. «Но как быть с сердцем?...» - спрашивает лирический герой и винится, просит прощения у леса и рек. Ему горько, что вместо искреннего покаяния на устах у людей, от которых многое в жизни зависит, пустые

слова»[67]. На мой взгляд, это стихотворение выражает очень популярное в общественной мысли течение, которое отчуждает настоящее, ибо оно разрушительно для жизни, для творчества. Человек, который не может справиться с проблемами настоящего в любой сфере жизни или деятельности, как правило, «бежит» в прошлое или будущее, в себя или из себя. Он блокирует всё, что касается этого ненавистного, нелюбимого, отчуждаемого настоящего, и тешит себя сказками прошлого или будущего. Сам факт «бегства» свидетельствует, что этим поступком человек уходит от активной позиции борца, бунтаря, говорит о слабости его аргументов в борьбе со злом, а может и вообще о бессилии и бессмысленности борьбы с системой техногенного или антропогенного зла.

В 60 – 70 годы прошлого века в европейских странах философия бегства от настоящего оказала влияние на значительное число писателей, кинематографистов. Душная атмосфера тех лет, порождённая бессмысленностью борьбы, бунта, протеста, толкала людей на путь «бегства» куда угодно, подальше от настоящего. Особенно ярко это проявлялось в литературе, кино, театре, живописи. В одних случаях это было бегство в прошлое, в других – бегство в будущее. Суть этой философии - разочарование настоящим, отчуждение от настоящего. Они не могут в настоящем найти ничего хорошего, оно кажется им ущербным, эгоистическим, катастрофическим, злым и развращённым, лживым и несправедливым. Они думают, что если они покинут это настоящее и переместятся в другое временное измерение, то будущее будет лучше, справедливее, чище, нравственнее; а прошлое – было лучше, нравственнее, менее развращено.

В данном конкретном случае бегство В.Н. Козлова в прошлое путём переключения «касетника воображения», как он говорит в стихотворении «Метаморфозы», касается только экологии. На самом деле это не так. Экологическая культура является составной частью национальной культуры, частью общества, частью мировосприятия, частью его как личности. Бегство в прошлое, даже в воображении, в фантазиях есть форма социального протеста. В данном случае центром этого протеста является отношение к природе. И вполне объяснима в биографии поэта, учитывая его связь с природой с детства.

В.Н. Козлов воспитывался в природе и на природе, и ему небезразличны любые процессы, происходящие в природе Севера, ставшей для него родной. Он непонаслышке знает, как чувствительны лес, звери, птицы, рыбы к всякого рода сбоям в промышленной культуре, то есть выбросам в атмосферу газов, разливам нефти, разбрасыванию всякого рода отходов промышленной эксплуатации

[67] Луцкий, С. Ипостаси Виктора Козлова / С. Луцкий // Югра литературная. – 2008. - № 2. - С. 12.

скважин и пр. Природа может и сама очиститься от всего этого экологического хлама, но процесс очищения идёт очень долго, медленно. Более медленно на Севере и Сибири, чем на Юге, или в пустыне. Поэтому, раз человек вмешался в гармонию природы, разрушил естественный ход вещей в природе, значит, он должен вернуть этот процесс в нормальное русло.

Для человека, углублённого в природу, знающего цену разрушениям гармонии природы, дико звучат всякого рода слова, за которыми стоит некомпетентность, человеческая гордыня, а хуже того, агрессивность. Демагогия, словоблудие хуже прямой, отрицательной позиции. Ибо они вводят в заблуждение, вводят в грех не только себя, но и окружающих людей, социум в целом. Ибо люди доверчивы.

Люди, философски стоящие на позиции, что человек – это Бог, возвышающийся над природой, были и будут всегда очень агрессивены в отношении природы. Таких людей ни чем не убедить, не переубедить. Очень опасны люди с такой философской позицией, пришедшие во власть и имеющие власть. От таких людей лучше отгородиться, как угодно, даже включением «кассетиника воображения», ибо бороться с ними бесполезно, пока сами на своем горьком опыте они не поймут, что делают неправильно. Опасны такие люди и в науке. Ибо они несут ложь, манипулируют сознанием, неправильно истолковывая научные факты.

Пока в разгаре словопренья
Оратор минералку пьет,
В кассетнике воображенья
Включаю я обратный ход.

И газ попутный из отвода,
Горевший двадцать лет подряд,
Из голубого небосвода
Нисходит в скважину назад.

Деревья встали из лежнёвок,
И первым делом – кедрачи.
И, увидав в тайге их снова,
На них расселись косачи.

И нефть, разлитая меж ёлок,
Обратно в недра утекла.
Ищи её опять, геолог,
Верши великие дела!

Винюсь виною я презренной,
Но горько мне в моей ругне,
Что лишь на позднее прозренье
Хватает нас в родной стране…

Поэт сожалеет, что люди, нанеся ущерб природе и тем самым самому себе, очень поздно прозревают: «…лишь на позднее прозренье/ Хватает нас в родной стране…». Но то хорошо, что позднее, но все – таки прозрение приходит всё большему и большему количеству людей. Это прозрение нужно не только нам, но и молодежи, которая должна учиться на наших, а не на своих ошибках. Чувство «прозрения» означает, что человек вернулся в реальный мир из своих фантазий и воображений.

Чувство вины, возникшее у поэта за деяния своих предшественников в «нефтяном регионе», говорит о том, что все – таки чувство совести, мерило всех дел, берет верх в сознании нефтяника. Он ругается на все эти словопрения, словоблудия. Ибо знает, они ни к чему не приведут хорошему, необходимо предпринимать конкретные шпги. Прогресс не остановить, но можно многое сделать путем разработки экологически чистых технологий. Меньше будет - поломок на нефтепроводах и газопроводах, необходимо потушить все факелы в тундре, повысить безопасность на транспорте, разработать экологически чистые двигатели. Чувство вины заставляет работать мысль человека в другом направлении. В том, как сохранить чистоту, гармонию, полноту природы, как развиваться в гармонии с этой природой, нас окружающей. Но, на наш взгляд, главной виной человека является именно «бегство» в прошлое, будущее, в себя, в других. Человек, любящий природу, живущий в городской цивилизации, должен занять активную позицию борьбы за духовное и нравственное очищение и преобразование человеческого мира; борьбы за чистоту природы, за гармонию, полноту, единство природы, включая человеческой, за единение человека в природе.

4. «…у нас другой планеты нету!»

В своем экологическом мышлении В.Н. Козлов дошёл до понимания глобального единства мира, единства Планеты. Наша жизнь, наша деятельность зависят от «здоровья» всей планеты. В стихотворении «Арбуз» поэт высвечивает мотивы планетаризации сознания. Все народы и их культуры вовлечены в этот глобальный процесс, ибо для всех их родным домом является планета Земля.

С. Луцкий, анализируя стихотворение «Арбуз», пишет: «В нём «веснушчатый сопливый карапуз» держит «зелено – голубой арбуз», полосы которого так напоминают земные меридианы. И вдруг нечаянно роняет его. Арбуз разбивается. «Лежат остатки,/ как материки./ И багровеет мяготь,/ будто магма…». Но если ребёнка можно утешить, сорвав или купив ещё один арбуз, то «у нас другой

планеты нету!» Земля, сходство которой с арбузом так зримо и образно представлено автором, столь же хрупка в век огромных разрушительных сил, которые подвластны человеку. Добавлю от себя, парадокс, но Земля нуждается в защите от нас, её порождения, детей. И чем раньше люди осознают это, чем бережнее и ответственнее будут относиться к планете, тем меньше вероятность глобальных катастроф – возможно, необратимых»[68]. Не со всем сказанным литературным критиком можно согласиться. Но при чтении другиех произведений В. Козлова, невольно возникает мысль, что человек, разрушая окружающую природу, разрушает, вернее, уничтожает сам себя, пусть даже неосознанно, случайно. Ибо человек по своей сущности биосоциален. Одной частью он принадлежит природе, Вселенной, другой частью – Духу, обществу, культуре, его окружающей. Разрушая тело, человек разрушает свои душу и ум. И кара человеку со стороны природы будет неотвратимой.

Космос же восстановит нарушенную человеком «гармонию лада», но уже без человека. Человека надо спасать от самого человека, ибо в нём заложена разрушительная сила, он противопоставляет себя природе, хотя сам часть этой же природы. Тем самым, поэт говорит уже как гражданин Планеты. В этом стихотворении видны зачатки планетарного сознания. Это русский стиль, русская мыслительная традиция (вспомним философию космизма). Чтобы сохранить планету Земля, человеку необходимо менять само мировоззрение, его философскую позицию в отношении природы не отдельных людей, а в массовом масштабе. Он видит в своей профессиональной деятельности, как нефтяники, строя буровые, открывая нефтяные месторождения, заливают всё в округе нефтью, когда прокладывают нефтепроводы, пренебрегая ради государственных интересов огромными пространствами земли, воды, леса, атмосферы. Всё это способствовало росту чувства беспокойства, что выразилось в позднейших стихах.

Человек думает, если будет стремиться к прогрессу за счёт природы, то ему удастся вырваться из неё победителем. Он глубоко заблуждается, ибо природа никогда не отпустит человека из своих объятий. Победа над природой есть смерть человека. Но, чтобы объятия природы были ласковыми, нужно человеку вообще пересмотреть весь комплекс отношений с природой, отойти от потребительского отношения с природой к гармоничному единению с ней, но уже на более высоком, современном уровне. Поэт, будучи связанным своей профессией с природой, это очень остро понимает и хочет отобразить в своем поэтическом творчестве.

---

[68] Луцкий, С. Ипостаси Виктора Козлова / С. Луцкий // Югра литературная – 2008. – № 2. - С. 12.

Природа занимает в мировоззрении В.Н. Козлова очень важное место. Ею пропитано мышление поэта. Он отдыхает на природе, собирается с мыслями, очищается духовно. Он хочет слиться с природой, стать «боковым росточком». Поэтому он неизбежно в ходе своего личностного развития выходит на осмысление природы с позиции степени вмешательства человека в природу, цивилизации в природу, где человеку отводится ключевая роль. От него зависит, как будут строиться отношения с природой. Поэтому формирование экологической культуры личности есть важнейшее направление общественной жизни. Только пересмотр позиций в отношении к природе может спасти мир от катастрофы. В.Н. Козловым выработана своеобразная философия бытия в природе, заключающаяся не в гармонии с природой, а в гармонии человека в природе. Для этого ему, человеку, необходимо возвратиться в природу, стать «ее боковым росточком». Он своеобразно реагирует на общественные проблемы, на проблемы общественного бытия. Он формирует не активную позицию борьбы с негативными проявлениями экологической культуры, а «бежит» от общества, от людей в прошлое. Тем самым он пытается разрешить свои внутренние противоречия, снять эмоциональное напряженое Я. Тем самым, внутренний мир В.Н. Козлова соткан из внутренних противоречий и проблем, которые он пытается разрешить самым неожиданным образом. Здесь обнаруживаются и открытия, и тупики его творчества одновременно. Тем не менее его творчество ярко, его мысли свежи, содержание более богато, чем формы, его выражающие.

«ВСЁ ВМЕСТИЛА МОЯ ДУША…»: (Я-КОНЦЕПЦИЯ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО ПОЭТА Д.А. МИЗГУЛИНА)

1. «Всё вместила моя душа»

В строчке «Всё вместила моя душа» заложено, наверное, главное начало осмысления сущности творчества и Я-концепции поэта Дмитрия Александровича Мизгулина. Что означает слово «ВСЁ» относительно смыслов прошлого, настоящего и будущего, относительно смыслов времени и пространства, жизни и творчества, относительно смысла России, русского народа, Храма, света и тьмы, Бога и других понятий, очень трудно определить. Тем не менее все эти смыслы вмещены в душе поэта, находят отражение в его Я-концепциях и Я-образах.

1.1. «Загадочная русская душа»

Загадочная русская душа! Сколько о ней написано, переписано, сколько людей её пытались разгадать, сколько раз в ней находили ключ, а потом его теряли, она снова и снова ускользала от понимания, снова становилась тайной как для друзей, так и для недругов. Русская душа воспевается как поэтами, так и прозаиками, о русской душе говорят ученые, политики и религиозные деятели. Так в чём же смысл загадочности русской души? В чём сущность русской души творческой личности? Вопросы, на которые необходимо отвечать, чтобы понять содержание и мотивацию творчества Д.А. Мизгулина.

Тема души - одна из доминирующих в поэзии Д.А. Мизгулина и поэтому привлекает исследователей его творчества. А.Н. Семенов, изучая концептосферу поэта, отмечает, что душа Мизгулина существует в качестве «онтологизированного комплекса субъективных представлений о действительности», душа является писателю в многообразии смыслов, находится в контакте со смыслами Родина, Храм, дом, творчество, память, дорога и другими. Так, профессор ЮГУ пишет: «Концепт ***душа*** для лирического героя – это, в первую очередь, некая ***модель мира***, в которой есть свое пространство и время, как оно существует в реальном мире, в физическом смысле, а пространство и время памяти, любви, боли, пространства и время, которые могут вмещать всё…»[69]. То есть концепт ***душа*** - это модель внутреннего мира Мизгулина, в который

[69] Семёнов, А. Н. «Всё вместила моя душа…». Концептосфера лирики Дмитрия Мизгулна / А. Н. Семёнов. – СПб. : Литературный фонд «Дорога жизни», 2010. – С. 13.

вмещаются надежда, тревога, боль, страдания, движения и другие психические состояния, а также явления природы и искусства. Получается, что в душе Д.А. Мизгулина какое-то хаотическое нагромождение чувственного, исторического, эстетического и нравственного, даже духовного. Из объяснения А.Н. Семёнова концепта ***душа*** Д.А. Мизгулина следует, что в его душе нет такой силы, которая объединяла все перечисленные элементы в систему. Значит, его душевные состояния фиксируемы, но не объясняемые вовсе. Такая точка зрения не объясняет, а удаляет исследователя от понимания сущности творчества Дмитрия Мизгулина.

В настоящее время есть научное, религиозное и бытовое объяснения сущности души человека. На бытовом уровне мы можем объяснить душу как комплекс состояний, вызывающих боль, тоску, страдания и метания человека. На научном уровне философы, психологи и литературоведы давно пытаются дать свое объяснение феномена души, русской души, в частности.

По мнению русского мыслителя В. Даля, душа – это «…бессмертное духовное существо, одаренное волею и разумом; в общем значении человек с духом и телом; в более тесном: // человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: // жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа»[70]. По мнению составителей словаря под редакцией Д.Н. Ушакова, душа – это «1. В религиозных представлениях – нематериальное начало жизни, противополагаемое телу; бесплотное существо, остающееся после смерти человека. 2. В психологии – совокупность психических явлений, переживаний, основа психической жизни человека. 3. Внутренний, психический мир человека. 4. Свойства характера, основные черты личности, а также человек с теми или иными свойствами. 5. Чувство, отзывчивость, пыл. 6. Вдохновитель, главный организатор. 7. Сущность, самое главное»[71]. То есть душа, по В. Далю, есть духовное, бестелесное, воображаемое отдельно от тела, нематериальное начало жизни. По Д.Н. Ушакову душа – это внутренний психический мир человека, его свойства характера, черты личности. Таким образом, важнейшими характеристиками души человека являются её бессмертность, бесплотность, одаренность разумом и волей.

Бессмертность души – это есть вечность существования человеческой души. Душа живет в нас при жизни, а после смерти продолжает жить уже без нас в каких-то новых состояниях. Поэтому Дмитрий Мизгулин в своих стихотворениях постоянно говорит о своей бессмертной душе. Он верит в бессмерность своей души, но

---

[70] Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. А-З / В. Даль. – СПб. : Диамант, 1999. – С. 505.

[71] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Астрель : АСТ, 2010. – С. 220.

верит, что она обретает свое бессмертие в Храме Божием. То есть его душа будет жить и после окончания земного пути (пусть этот путь творческой личности длится как можно дольше и исполнится божественное предназначение в этой личности). Вера в бесмертность своей души дает силы поэту раскрыться в его творчестве как литературном, так и профессиональном и общественно-политическом.

Вторая характеристика души – это есть «бесплотное существо», то есть душа не имеет плоти, но находится внутри плоти. Душа существует отдельно как от тела, так и от Духа. Когда говорим о Русском Духе в человеке, то имеем в виду форму национального Духа от Духа Святого. Следовательно, душа подвергается влиянию как плоти, так и Духа. И во многом от того, как плоть и Дух оказывают влияние на душу человека, завысит выбор поведения и деятельности самим человеком. Мизгулин подчеркивает свою связь с духовным, божественным, открывается душой Богу через Духа Святого, но одновременно говорит, что человек обречен жить среди людей с их страстями и потребностями.

Душа человека одарена разумом и волей. Разумом – для того, чтобы осмыслять внешний и внутренний мир, все происходящее вокруг Я. Разумом человек возвышается над своим «бренным телом» и устремляется в бесконечность и вечность пространства и времени. Разум дан человеку Творцом не для того, чтобы разрушать Природу, творение Божие, а для того, чтобы гармонизировать влияние Духа и тела на душу. Человеческий разум не выполняет своего предназначения, особенно это проявляется в пресловутом, критикуемом Д.А. Мизгулиным, западническом варианте теории и практики прогресса. Теории и практики прогресса рождены горделивым умом европейца, доведены американским умом до абсурда, что мы пожинаем в теориях и практиках так называемых «европоцентризма», «вестернизации», «золотого миллиарда».

Воля же дана человеку Творцом для того, чтобы он принимал осмысленное и самостоятельное решение по всем вопросам жизни и деятельности и нёс ответственность за это. Сначала думал, взвешивал, анализировал последствия, а потом принимал решение и доводил его до конца, отвечал за свои решения. Ибо Творец не вмешивается в процесс принятия человеком решений, это только его выбор.

Душа с точки зрения науки, в частности, психологии - это внутренний мир человека, совокупность внутренних переживаний; душа – это основа творческой жизни человека. Внутренний психический мир включает психические состояния человека, который есть единство психологического и физиологического. Психика человека сформулирована под влияние социальной среды и представляет собой многоуровневое образование. Уровневость психических состояний человека соответствует его уровневой организации. Психологи выделяют физиологический,

психофизиологический, психологический и социально-психологический уровни. Подобные уровни присутствуют и в эмоциональной сфере человека. Каждое психологическое состояние может раскрываться в субъективных переживаниях, а также в объективно регистрируемых оценках. К общим характеристикам психических состояний относят пространственные, временные, энергетические и информационные. В этом проявляется единство, многообразие и неделимость психики.

Душа постоянно подвергается давлению тела с его потребностями, страстями, ибо тело живёт по законам природы, по законам генетического кода. Еще при зачатии в человека закладывается генетическая программа, которая хотя, как доказывают ученые, и имеет некоторую вариативность, но и она имеет жесткую причинность. В природе нет выбора, есть закон, причинность, и тело развивается по этим законам. Социальная и культурная программа человека формируется самим человеком. В области культуры и социального человек может выбирать свою программу поведения в соответствии с Я-концепцией, Я-образами, Я-желаемым, Я-духовным. Поэтому влияние тела на душу и души на тело не всегда однонаправленные и зависят от самосознания, от уровня культуры, от взглядов на мир человека.

Гипертрофирование роли души или тела в жизни, поведении и творчестве человека ведет, как правило, к непредсказуемым последствиям, чреватым наступлением процессов деградации личности. Поэтому отрыв души от тела, непримиримая борьба души с телом и, наоборот, потыкание потребностям, страстям, ведет человека по дороге смерти. Следовательно, оторвать душу от тела невозможно, поэтому мыслители говорят то о биосоциальной природе, то об антропо-социально-культурной природе человека. Так, митрополит Иерофей (Влахос) отмечает: «Человек двусоставен, он состоит из души и тела, которые существуют одновременно без какого-либо смешения. Поэтому человек – это не только душа и не только тело, но душа совокупно с телом. Душа животворит все тело человека и каждую его часть своими промыслительными силами»[72]. Душа и тело человека находятся в неразрывном единстве, подвергают друг друга влияниям. Чтобы душа и тело человека не разъединялись, необходимо ему идти по пути духовного возвышения и совершенствования. Митрополит Филарет говорит: «…заботясь о своей душе, христианин не должен оставлять без внимания и свое тело. И прежде всего он должен его беречь – беречь по-христиански: не только от болезней, но и от грехов, загрязняющих, оскверняющих и ослабляющих его»[73]. Мир, окружающий человека, всегда был в грехе, всегда плотское

[72] Митрополит Иерофей (Влахос). Православная духовность / Иерофей /Влахос). – М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998. – С. 28-29.

[73] Филарет. Нравственность христианина / Филарет. – М. : АО Российский писатель, 1991. – С. 36.

боролось и с духовным и нравственным, в одни времена это давление плотского было больше, сильнее, в другие времена - меньше и слабее. Учитывая религиозность Д.А. Мизгулина, необходимо исходить из того, что в фразу «Всё вместила моя душа» вкладывается духовно-религиозный смысл. Его душа вместила вечную борьбу духовного, возвышенного, небесного, нравственного с бездуховным, низменным, земным, невежественным.

У. Черчилль как-то сказал: «Россия – внутри головоломки, завернутая тайна». В чем загадка, феномен и тайна русской души? Понятие «Русская душа» - это понятие в своих истоках религиозное. В России испокон веков верующий человек помимо житейских забот всегда думал и о своей душе. Для этого были дни, когда эти раздумья носили особый характер, имеется в виду церковные, семейные и другие праздники, памятные даты. Русское духовенство всегда поддерживало эти душеные размышления и искания русского человека. Тайны русской души можно объяснить как угодно и объясняют как угодно. Одни мифилогизируют русскую душу, другие обнажают её до невозможности, до абсурда. Русская душа переломилась через чувство национального и этнического в своем развитии, черз чувство превосходства, величия и гордости и одновременно через комплекс неполноценности («нас никто не любит»), через самобытность, неповторимость национальных черт и через насаждаемые чужеродные, западные черты характера. Русская цивилизация в представлении мыслителей – это цивилизация Слова, Русского Духа и русской души. В их представлении цивилизация Запада – это цивилизация Дела, бизнеса и предпринимательства. Но этого последнего хватает и в русском национальном характере. Можно до бесконечности перечислять положительные и отрицательные черты характера. Но мы остановимся на некоторых чертах, которые дают нам метод познания русской души – это поляризованность русского национального характера, противоречивость русской души.

Историческое воспитание сформировало в русском человеке крайности, и он, как на качелях, движется от одной крайности к другой крайности. Отсюда возникает такая выраженная противоречивость русского характера, русской души с её сомнениями, переживаниями, метаниями, страданиями. Даже эта противоречивость русской души, признаваемая за существующий факт, разными мыслителями оценивается по-разному. Приведу несколько примеров на этот счет, ибо они объясняют некоторые черты характера нашего героя, множественность его Я, внутренние противоречия его сознания и пути их разрешения. Русские мыслители больше акцентируют внимание не на том, что русская душа противоречива, а на источниках этих противоречий в русской душе. Так, Н.А. Бердяев видит источник противоречий в том, что Русь всегда находилась посердине двух

цивилизационных потоков. Он писал: «Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад»[74]; «…всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное». Вяч. Иванов дает несколько религиозно-нравственную трактовку русской души, он акцентирует на некой нерешительности русского характера.

Русь! на тебе дух мести личной
Восстал и первенцев сразил,
И скорой казнию конечной
Тебя, дрожащей, угрозил:
За то, что ты стоишь, немея,
У перепутного креста, -
Ни Зверя скипетр нести не смея,
Ни иго легкое Христа[75].

О двух полярных типах русской души говорит и Г.П. Федотов: «…два полярных типах русскости (с одной стороны, нравственный тип, с другой, – хозяйственный – Е.К.), борьба которых, главным образом, обусловила драматизм Х1Х века. В них можно видеть выражение основного дуализма, присущего русской душе. Но это лишь последнее во времени, исторически обусловленное выражение этого дуализма»[76]. Культуролог И.Я. Левяш говорит об антонимичности русской души, которую объясняет отношение русской культуры к западной цивилизации: «Антонимичность русской души можно объяснить совокупностью объективных факторов: парадоксами экологического многообразия, аритмией состояний «лежа на боку» и сверхнапряжения экстенсивного хозяйствования, спонтанным высвобождением жизненной энергии как сублимацией великотерпящего психологического «подполья» и т.д. Однако решающее воздействие на жизнедеятельность русского народа оказало его противоречивое, вопреки однозначно благостным оценкам, отношение к квинтэссенции европейской цивилизации и культуры – христианству»[77]. Таким образом, русская душа, находящаяся между двумя цивилизационными потоками, пытается нащупать свой третий путь, свое своеобразие, свою уникальность, но часто сбивается в своем движении то на европейский, то на азиатский путь, то идет по дороге, освященной Христом, то вихрем несется по дороге Сатаны. Где тот единственно правильный путь Руси, вот чего

---

[74] Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. – 1993. - № 1. – С. 78.
[75] Иванов, Вяч. О русской идее / Вяч. Иванов // Русская идея / Сост. : М. И. Маслин. – М. : Республика, 1992. – С. 229.
[76] Федотов, Г. П. Письмо о русской культуре / Г. П. Федотов // Русская идея /Сост.: М. И. Маслин. – М. : Республика, 1992. – С. 389.
[77] Левяш, И. Я. Культурология. Курс лекций / И. Я. Левяш. – Минск : НТОО «ТетраСистемс», 1998. – С. 181.

ищет русская душа. Но этот путь, «путь меж камней и терней», приносил ей и Славу, и Победы, и уникальные открытия и достижения, но и позор, унижение и нищету. Хочет ли русский народ другого пути? Нет, русский народ хочет идти той дорогой, которая предначертана ему свыше, поэтому всегда желает усиления русскости, особости, всегда будет искать нравственное и духовное оправдание своему творчеству и своей жизни. Дмитрий Мизгулин любит свою страну, любит её уникальную культуру, удивительный народ. Поэтому Мизгулин говорит, что лучше, чем Россия, Творец ничего не смог придумать.

1.2. Это непонятное «ВСЁ»

Большинство специалистов при определении понятия «ВСЁ» сходятся на том, что границы этого понятия неопределенны, они акцентируют внимание на том, что оно есть, и что это целостное явление заложено в сознании человека. Так, под словом «всё» В. Даль понимает следующее: «… не определяющее много ль, а то что есть, что налицо, что было, без остатка; сколько есть, сполна; целое, целиком, гуртом, чохом, оптом, огулом»[78]. То есть В. Даль под понятием «всё» понимает то, что уже есть, а для личности, это всё то, что вмещено в её сознание, в разум, душу и Я. В данном случае речь идет о русской душе творческой личности. В душу русского человека может быть вмещено то пространство и время природы и культуры, о котором он получил информацию в системе воспитания, образования, самостоятельно, из других источников и которые стали частью его личной культуры. В душу может быть вмещено прошлое, настоящее и будущее культуры как единство результата и процесса, как связь времен, а может быть вмещено и в разрывах, в противоречиях, в виде отдельных артефактов, смыслов, знаков, символов и норм. В душу может быть включено общее, общечеловеческое, особенное, русское национальное, конкретное личностное в их единстве, диалектике, а возможно, и в разрыве, нестыковке. Всё это может объять понятие «всё» в трактовке В. Даля.

Д.Н. Ушаков включает в понятие «всё» более неопределенный смысл. В словаре Д.Н. Ушакова «всё» используется в нескольких значениях: «1. Всегда, всё время, постоянно. 2. До сих пор, ещё и теперь, не переставая. 3. Только, исключительно, именно»[79]. То есть, если говорить о душе, то там оно присутствует всегда, постоянно, всё время. Это постоянное присутствие всего в памяти, которая хранит информацию в потайных уголках мозга, а когда это необходимо, вспоминает. Исследователи мозга и высшей нервной деятельности

---

[78] Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. А-З / В. Даль. – СПб. : Диамант, 1999. – С. 262-263.

[79] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Астрель : АСТ, 2010. – С. 125.

доказали, что мозг хранит всю информацию о жизни, деятельности и поведении человека. И в определенных ситуациях эта информация всплывает в памяти.

Толкование понятия «ВСЁ» дает основание считать, что это «всё» может быть включенным в самосознание творческой личности и как связь, и как факты, и как события, как смыслы, регулятивы, символы и знаки, и как сущности прошлого, настоящего и будущего, независимо от того, касается это русской культуры, России, русского народа, города или деревни, сообществ или конкретного человека, Бога или Храма, этических представлений, в частности, добра и зла, правды и лжи, справедливости и несправедливости, и как определенные процессы и результаты этих процессов в неком пространстве и времени, в диалектике общего, особенного и единичного. Именно об этом говорит в своих стихотворениях и публицистических произведениях Д.А. Мизгулин. Вышесказанное заложено в его Я, включая Я-концепции, Я-образы, Я-желаемое и Я-должное. Его самосознание не хаотично или бессвязно, а в совокупности определенной последовательности, то есть системе взглядов на внутренний и внешний мир. Но эта последовательность, система не без противоречий, не без внутреннего напряжения, не без внутренних конфликтов. Это «ВСЁ» заложено в душе Д.А. Мизгулина.

Подвижно ли это «всё» в душе человека? Конечно, содержание «всё» в душе человека меняется по мере роста профессионального мастерства, по мере общественного признания как депутата, как политика, по мере роста научной квалификации, достижения вершин в утверждении как поэта. Это содержание «всё» идет не по пути расширения представлений о фактах внешнего и внутреннего мира, то есть Я и Оно, но в большей степени о законах, тенденциях, процессах, происходящих в макромире, то есть Вселенной, Космосе и микромире, на уровне атомов, клеток, происходящих в истории общечеловеческой и родной, русской, об общечеловеческой и русской национальной культуре. Беспредельное накопление фактов о макромире и микромире, об истории общечеловеческой, национальной, русской, о биографии, о культуре, народе, о России и т.п. и т.д. для человека, да и творческой личности, невозможно. Как говорил Прутков, «необъятное не объять». Поэтому постепенно этим «всё» становятся сами процессы, сама диалектика, сами законы развития в макромире и микромире, в тех же самых, культуре, народе, государстве и личности. Это «всё» в русской душе закрепляется уже не в виде фактов, символов, знаков, норм, а виде тенденций, процессов, технологи и законов.

1.3. Что вмещает русская душа творческой личности?

Ответ на вопрос, обозначенный в заглавии мы получаем в процессе исследования результатов не только литературной деятельности, но и банковской, общественно-политической, научной, повседневной, семейной деятельности творческой личности. Ибо поэзия может объяснить только некоторую, хотя может быть даже и самую сокровенную, главную, скрытую часть русской души Д.А. Мизгулина. И здесь мы видим два полюса его русской души. Один полюс связан с его банковской, научной и отчасти общественно-политической (хотя он говорит, что общественно-политическая деятельность есть продолжение банковской), преимущественно рациональной; другой полюс больше связан с литературной деятельностью, преимущественно иррациональной, чувственной. Русская душа Д.А. Мизгулина вмещает все рациональное и чувственное, то есть идущие от этих полюсов энергии. Тем не менее Дмитрий Мизгулин больше позиционирует себя как человека рационального, такого «русского европейца», позиционирует именно в профессиональной и научной деятельности, пряча свое иррациональное, чувственное в миф, а больше, создавая тайну своего поэтического бытия.

Если же конкретизировать «всё» русской души творческой личности, то в понятие «Всё вместила моя душа» она включает процессы и результаты этих процессов на макроуровне и микроуровне, в пространстве и времени русской культуры, прошлое, настоящее и будущее своей Родины, своего народа, русской культуры. В слово «всё» вмещается и хорошее и плохое, и великое и низменное, и героическое и ничтожное, и правдивое и ложное, и справедливое и несправедливое, и доброе и злое, и красивое и уродливое, и небесное и земное, и прочее, и прочее, что было в прошлом Руси, есть в настоящем и будет в будущем. Русская душа Д.А. Мизгулина вмещает всё то, к чему прикоснулся его ум, что стало фактом его сознания, чем очаровано стало его сердце. Душа вместила времена, события, даты: от холмов Герклеи Понтийской до Древней Руси; от столицы Золотого ханства Каракорума до пожарищ Москвы; от Китеж-града до кровавозакатного знамени Петрограда; от А.С. Пушкина до Ф. Тютчева. Душа поэта вместила неустроенность, страсти, потребительство сегодняшнего мира. Душа Д.А. Мизгулина вместила и «грядущего Хама», и страхи от неотвратимого будущего, она вместила и наступающий апокалипсис. Всё вместила его душа! Но все ли это приняла его душа, все ли осмыслила его душа? Как мы видим, не всё. Ибо душа подпитывается светом Духа Святого и тьмой кромешней, идущей от плоти. Русская душа впитала в себя все крайности бытия. Это тяготение русской души к свету и тьме одновременно или параллельно, или с чередованием, эти крайности находят отражение в

теории «двойничества» (заметьте, не двуличия, а именно «двойничества») русского человека. Так, русский культуролог И.В. Кондаков отмечает: «Двойничество» русского человека, впервые с потрясающей силой раскрытое Достоевским («Двойник», «Игрок», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы и др.), оказалось наиболее общей моделью «русского человека» вообще, отражением двоящегося лика России»[80]. Можно долго спорить о теории «двойничества» русского человека, об формах этого «двойничества», о истоках этой полярности в русском характере. Но то, что крайности уживаются в русском характере – это факт, который фиксируют многие русские мыслители. Эти крайности в периоды спокойного развития культуры не приводят к острому внутреннему конфликту, они обостряются до антагонизма только в периоды смут и катастроф. Ментальность Д.А. Мизгулина что не на есть русская, поэтому в нем также присутствуют эти крайности. Чего больше в Я-концепции и самосознании русской творческой личности: от Бога или от плоти, от Сатаны? Это мы будем шаг за шагом исследовать.

В русской классической литературе пространство и время русской души, в частности, в плоскости прошлого, настоящего и будущего, общего, особенного и конкретного, единого и множественного раскрывается достаточно глубоко. Русская литература дала развернутые типы русского характера, с одной стороны, погруженного в пространство и время, с другой стороны, вмещаю в себя эти пространство и время. Так, А.П. Чехов в своем произведении «Счастливчик» пишет: «- Куда едете? – спрашивает Петр Петрович.

- Я? В пространство. Такое у меня в голове столпотворение, что я и сам не разберу, куда я еду. Ведет судьба, ну и еду. Ха-ха… (…). Человек я маленький, а кажется мне, что границ у меня нет… Весь свет собой обхватываю». Фраза простого человека «весь свет собой обхватываю» означает, что душа маленького русского человека обнимает, обхватывает весь мир, известный ему. Именно из такого умонастроения и мировоззрения русского человека родилось такое фундаментальное направление в русской философии как «русский космизм», которое стало философией прорыва в космическое пространство, основой познания иных миров. Значит, в русской душе это направление мысли было уже заложено изначально, нужно время и условия, чтобы оно раскрылось в полной мере. Это всего одна из черт русского характера, повлиявшая на ход мировой истории, на ход развития науки.

Проблемы географии русской души волновали многих исследователей русской культуры, России и русского народа, в их

[80] Кондаков, И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк) / И. В. Кондаков. – М. : Наука, 1994. – С. 30.

числе немецкий географ А. Геттнер, философ Н.А. Бердяев, поэт П. Вяземский, историк В. Ключевский, итальянский и русский поэт, эссеист Э. Шац и многие другие. Так, Н.А. Бердяев, кого Мизгулин часто критикует, но считает его талантливым русским философом, писал в своей работе «Судьба России»: «Много есть загадочного в русской истории, в судьбе русского народа и русского государства. Отношения между русским народом, которого славянофилы прославляли народом безгосударственным, и огромным русским государством до сих пор остаются загадкой русской философии. Но не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, её положение на земле, ее необъятные пространства. Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Востоко-Запад, объединенное и организованное государственное целое. Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа. Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. И в огромном деле создания и охранения своего государства русский народ истощал свои силы. Требования государства слишком мало оставляли свободного избытка сил. Вся внешняя деятельность русского человека шла на службу государству. И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти не умеют радоваться. Нет у русских людей творческой игры сил. Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности. Оформление своей души и оформление своего творчества затруднено было для русского человека. Гений формы – не русский гений, он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы». С чем-то можно согласиться, а с чем-то можно не согласится с вышесказанным. Но то, что русская душа способна вбирать в себя огромные пространства и бесконечность времени, думаю, что это не подвергается сомнению у мыслителей, глубоко знающих русскую культуру. Всё это пространство и все это время обнимает русская душа. Полагаю, что не без влияния этих идей русских философов относительно русской души, Мизгулин дает название одному из своих сборников «География душа». Но то, что он вкладывает в понятие географии души, давно выходит в его литературном творчестве за пределы этого понятия в бесконечное пространство и время.

П. Вяземский также пытает понять строй русской души. Он также приходит к выводу о чрезмерных крайностях русской души.

Так, в стихотворении «Русский Бог», он показывает, что русский человек даже в поисках Бога разбросан, противоречив, впускает в себя много такого, что лишне, вредно, негативно сказывается на его трудной судьбе. Этот Бог беспощаден к умным, но благосклонен к умным, Бог всего, что из границы, но и Бог ухабов и метелей. Крайности русского человека связаны с его жизнью, часто вредят ему, впускают в его Русский мир то, что в конце-концов вызывает в нем бурю, мощное движение, революцию.

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить смог.

Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций – тараканьих штабов,
Вот он, вот он русский бог.

Бог голодных, бог холодных,
Нищих вдоль и попрёк,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он русский бог.

Бог грудей и (…) отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он русский бог.

Бог наливок, бог рассолов,
Душ, представленных в залог,
Бригадирш обоих полов,
Вот он, вот он русский бог.

Бог всех анненских на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бар в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он русский бог.

К глупым полон благодати,
К умным безпощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,
Вот он, вот он русский бог.

Бог всего, что из границы,
Не к лицу, не под итог,
Бог по ужине горчицы,
Вот он, вот он русский бог.

Бог бродячих иноземцев,
К нам зашедших на порог,

Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он русский бог.

(Русский бог)

Вот еще одно высказывание Э. Шац: «Разделенная или единая в двухстороннем абсурде пространства, в пространстве геометрически правильном (Петербург Гоголя, Пушкина, Блока) и в пространстве хаотически бесконечном. Русь, как птица-тройка, устремленная к волнующе-неведомому пространству, быть может, вовсе уже не географическому». И это все уживается в русской душе. Бесконечность, вневременность, абсолютность – всё это характеристики русской души. Русский ум, душа и сердца на протяжении веков пытались освоить эти огромные, давно уже не географические пространства. Отсюда и синтетичность русского ума, и широкая русская натура, и стремление идти прямыми путями, но реальная ходьба окольными дорогами, и абсолютный покой, тишина и взрыв воли, вечное желание быть дома кочевником. Поэтому, когда Мизгулин говорит, что его русская душа вместила всё, но, зная сущность русского характера, этому можно не удивляться. Только преломляется эта необъятность в каждом русском человеке по-разному, по-особенному, непохоже. Всё вышесказанное умещается в понятие «география русской души».

Возникает ощущение, что это всё Д.А. Мизгулину не нравится, вызывает некоторое отторжение, отчуждение. Но это ничего не меняет! Так, по мнению Мизгулина «всё» - это «кутерьма и морока». Потому, что всё мироздание – это миг, преходяще, временное. И мы в этом мироздании миг, временное, преходящее явление. Сверкнули ярко, оставили светлые следы, значит, прожили не зря, значит нас будут помнить следующие за нами поколения. Совершили много грехов, то нам воздастся забвением людским. Жизнь наша коротка, тяжела, тленна. Поэтому стоит ли всё задерживать в себе, жить этим, страдать и мучиться. Может быть, просто жить, не страдать, не переживать, а принимать все так, как происходит. Но в Я-концепции поэта изначально заложена не реактивная, не пассивная, а творчески-активная позиция, нравственно и духовно утверждающая позиция. Эта творчески-активная позиция проявляется в некоторой склонности поэта к нравоучениям. В поэзии Мизгулина не просто описываются чувства Я, мысли Я, переживания Я, но и заложена некая нравоучительность, некая нравственная созидательность. Говорить о нравственных аксиомах надо, говорить всегда, даже того, когда это уже есть повторение. Умолчание о нравственных поступках, более тогда, безразличие как к проповеди нравственности, так и осуждению безнравственности ведет только к греху. И не смотря на то, что «всё» поэт считает кутерьмой и морокой, он всей своей сущностью

страдает за судьбу русской культуры, русского народа, России. Ибо вся трагическая и чрезвычайно богатая история в его душе, он живет этой историей русской культуры.

Много того, что вместила его душа совсем не интересно, угнетает поэта, вызывает негативные эмоции, поэтому это он на эмоциональном уровне отвергает, называет кутерьмой и морокой, мешающей жить, заниматься творчеством. Эта кутерьма и морока вызывает, в конце концов, у поэта смех, улыбку. Ибо весь мир – это театр, а в этом театре мы актеры, играющие разные роли. Наши смех, грусть, радость - всего лишь разные маски. Вопрос в том, кому какая роль выпадет. Одному выпадает роль печальная, другому – радостная, третьему – трагическая, четвертому – роль злодея.... Но и это все проходящее. Он пишет: «всё на свете – смешно и тленно». Именно на этом свете, на земном свете все смешно, ибо там, на Небе или в Аду уже не будет смешно.

Более того, поэт с горечью чувствует, что с прошлым миром незаметно теряет всякие связи. И никакие законы человеческие, никакие ритуалы и регулятивы не могут сохранить эту связь. Потому что это связь его самосознания, мировосприятия. Мир катится с огромной скоростью в будущее, но какое это волнующе-неведомое будущее? Будущее у поэта высвечено хаотическими штрихами. Штрихами тревоги, страха, наступлением эпохи грядущего Хама. Полагаю, этим он хочет нам намекнуть, что никто не знает будущего, никто не предугадает, что нас ждёт впереди. Но будущее не такое безоблачное, не такое счастливое, каким нам его рисуют некоторые политики и философы.

2. Связь и единство прошлого, настоящего и будущего в «Я-концепции»

2.1. Связь времен через Я-личности

Человек через Я переживает тождественность в отношении прошлого, настоящего и будущего. Русский человек переживает тождественность в отношении прошлого, настоящего и будущего своего народа, русской культуры и России, выражает эти отношения в своем творчестве или деятельности. Ибо Я, включая Я-концепции, Я-образы, Я-идеальное, Я-социальное и др., вне деятельности, к примеру, мыслидеятельности, осознать весьма затруднительно. Сам процесс осознания человеком своего Я и есть творческий акт, ибо в этой деятельности он открывает для себя новое, ранее неизвестное. Эта традиция самосознания, изучения своего Я идет ещё от античного философа Сократа. В осознании своего Я человек неизбежно исследует Я-концепцию прошлого, Я-концепию настоящего, Я-концепцию будущего раздельно и в синтезе. Не всегда эти элементы Я

находятся в гармонии, не всегда они могут соединиться в синтезе Я-хода времени. У писателя Д.А. Мизгулина Я-образы и Я-концепции прошлого, настоящего и будущего не во всех компонентах целостны, едины. Осознание Д.А. Мизгулиным прошлого, настоящего и будущего русского народа, русской культуры и России, а вместе с тем и своего Я, протекает болезненно, в противоречиях, сомнениях. В его Я-концепции прошлого, настоящего и будущего наблюдаются разрывы, нестыковки, что дает основание, на первый взгляд, говорить о раздвоении, даже растроении его личности. Но Д.А. Мизгулин стремится, полагаю, ему это удается, жить в ладу с самим собой.

«…любому человеку нужны минуты, когда он остается наедине с собой. Посиди, помолись, подумай, зачем и как ты живешь… Но, вообще, я люблю жить в ладу с собой. Пока это удается»

(«Перекресток Дмитрия Мизгулина»)

Особенно болезненно воспринимается поэтом прошлое русской культуры, русского народа и России. Прошлое давит на его самосознание. Он порой даже хочет бежать от себя, куда-нибудь уехать, но это не спасет от терзаний души, сомнений ума, болей сердца. Ибо литературоведы, изучающие поэтическое творчество Д.А. Мизгулина, считают что он «сознательно продолжает линию русской поэзии «золотого», «серебренного» веков, а также «железного» советского времени…». Т.е. в его Я-концепции поэтическое творчество прошлого, настоящего и будущего соединяются удивительным образом в некоем синтезе эпох. Но это соединение не всегда так просто дается. В его стихах обнаруживается, по мнению критика, даже праязыковая индоевропейская стихия. Н. Стручкова размышляет: «Как же войти в мир поэта, пространство его книги? Вход там же, где и выход, он – единственен, он – в душе читателя. Поэтический слух, как и музыкальный, - врождённое чувство. Каждый из нас генетически наследует его, в большей или меньшей мере, от тех поколений культурных героев, что создавали речь, хранили её, обогащали, передавали как самое дорогое наследие потомкам. Хранителем этой тысячелетней традиции является и Дмитрий Мизгулин. Он сознательно продолжает классическую линию русской поэзии «золотого», «серебряного» веков, а также «железного» советского времени, отвергая тупиковые пути формотворчества, избыточного, хотя и внешне эффектного, метафоризма и других современных изысков. Не характерен для Мизгулина и упрощенный подход к языку. Он не ориентируется на книги, ставшие товаром, потакающих вкусам массового потребителя эстрадных текстов и детективной (дефективной?) ходовой прозы. Те, кто привык к почерку литературных водомерок, бегающих по натяжению современной речи,

могут не открывать эту книгу. Их испугает её природная языковая глубина, порой питающаяся родниками праязыковой индоевропейской стихии»[81]. Не во всем можно согласиться с Н. Стручковой. Поэт сам говорит, что он постепенно теряет связь со славянским прошлым.

Я формируется в процессе деятельности, общения, познания и игр с самого раннего возраста.

«…писать, действительно начал очень рано – сколько себя помню, столько и пишу. Причём не только стихи, но и рассказы, пьесы, даже исторические романы. Честно говоря, в душе я себя прозаиком считаю, хотя прозы уже лет десять не пишу. И к поэзии обратился в свое время за недостатком времени – вот, думал, буду выражать себя между «большими полотнами». Но до крупных форм так и не добрался, все по той же причине вечного цейтнота»

(«Перекресток Дмитрия Мизгулина»)

Я-концепция прошлого Д.А. Мизгулина формировалась в процессе погружения в русскую историю, историю Церкви. Он, как видно из его биографии, интересовался прошлым своей страны, как и любой русский человек, переживающий за судьбу Родины, влюбленный в её достижения и победы, страдающие от её неудач и поражений. В процессе взаимодействия человека с внешним миром он отделяет свое Я от не-Я. Его детство дает нам много примеров и фактов, которые нашли отражение позднее в его поэзии и публицистике. Он говорит, что ВСЁ прошлое вместила его душа. Значит, вместила и противоречия, поражения и победы, величие и ничтожность, цикличность русской истории и её стержневую линию развития, смуты и невиданные взлёты, духовное возвышение и нравственное падение.

2.2. Осмысление связи прошлого, настоящего и будущего

Осмысление связи прошлого, настоящего и будущего занимает важное место в структуре Я поэта. Связать прошлое, настоящее и будущее в Я, значит, сформировать Я-образ пути, который никогда не прерывается, пути, который не сбивается «на камнях и тернях», который видит творческая личность, сознает значимость его для себя. Для Я нужно такое основание, опираясь на которое, личность найдет самостоятельно путь к своему духовному обновлению и нравственному возрождению. Этим основанием, по мнению Д.А. Мизгулина является священная книга христиан – Священное Писание. Расцвет русской философии в лице А.С. Хомякова, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, И.А. Ильина, К.Н. Леонтьева, П.А. Флоренского, С.Н.

[81] Стручкова, Н. Скорбный слух поэта / Н. Стручкова //»К высоким небесам» : Сборник статей о творчестве Д.А. Мизгулина. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – С. 90-91.

Булгакова и других блестящих русских мыслителей есть образец опоры русской мысли на фундамент священных текстов. Именно русская классическая философия, а также и русская классическая литература дают ответы на фундаментальные вопросы связи прошлого, настоящего и будущего русской культуры.

Под связью прошлого, настоящего и будущего понимается преемственность русской культуры, включающей преемственность русских традиций, веры, обрядов, символов, наименований, поведенческих стереотипов, общественных норм и правил, стилей, которые в конце-концов ограничивают сущность и содержание русской культурной традиции. В конце концов, - это передача традиционного опыта старших поколений молодым поколениям. Тема связи прошлого, настоящего и будущего поднимается в стихотворениях «В храме Фёдора Стратилата», «Остывает родная земля…» и других. Тон высказываний Мизгулина один – прошлое в сознание сжимается, уменьшается. А значит, уменьшается, то есть убывает и настоящее и будущее в Я, связанные с этим прошлым.

«Есть у нас гениальная книга – «Слово о полку Игореве». А читать – не знаю, как вы – я не могу. На другом языке написано. Так вот боюсь – как бы при нынешней системе преподавания лет этак через тридцать люди не стали говорить на новом языке. Откроют Бунина и не смогут читать. Живое русское слово превратится в «нелепо ли ты бяшешь…. Это действительно опасность».

(«Бенедиктов тоже был банкиром»)

Понятие «связь» означает завязывание, скрепление, соединение одного с другим. В переносном смысле связь – это объединение мыслью, установление общего, близкого, какой-нибудь зависимости между одним и другим. Под связью также понимается лишение возможности действовать свободно. Таким образом, слово «связь», относительного прошедшего, ставшего прошлым, настоящего, являющегося моментом жизни, ещё неосуществившегося будущего, означает скрепление, соединение, установление общего, близкого. Это слово объясняет линию или тенденцию развития культуры на протяжении тысячелетий, обозначение пределов или границ развития русской культуры.

Поэт с горечью говорит о том, что его связь с Древним Миром постоянно убывает, что он уже почти не различает «древнеславянскую вязь». Это означает, что поэт теряет свои славянские корни, которые тысячи лет давали Русском духу неодолимую силу. Не различать «древнеславянскую вязь» в настоящем русской культуры, значит, не понимать своё прошлое, не извлекать из него уроки для будущего, значит, идти вперед вслепую. А может быть, русская культура начинает получать энергию из других источников, чужих и даже вредных для единства, силы, мощи и

величия Русского духа? В духовном мире ничего случайного не бывает. Если культура теряет связь со своим прошлым, то она слабеет, вырождается, на её месте растёт и утверждается новая культура. Может, поэт говорит о перерождении себя, врастании себя в другую культуру?

В истории русской культуры известны периоды, когда это чувство утраты «древнеславянской связи» обострялось до предела и художники, политики, представители других направлений и профессий прилагали значительные усилия, и эта связь начинала блестеть новым, более ярким цветом, снова становилась жизненной. Значит, нужно прошлое преобразовать в актуальное настоящее, чего пока поэт не делает и не зовет к этому. Может быть, пора прилагать усилия для восстановления преемственности между культурными эпохами России. Д.А. Мизгулин политик, банкир, поэт имеет большое влияние, поэтому может сказать свое слово в защиту русской традиции, в формирование преемственности между эпохами русской культуры. Может, пора встать на позиции русской культуры в полном объеме, в частности, русской политической культуры. Для этого есть все предпосылки.

2.3. Преодолеть «цикличность времени» в русской культуре

В сущности русской культуры заложена эта связь между прошлым, настоящим и будущим русского народа, Руси Святой. Необходимо только вскрыть эту сущность, сделать это достоянием народа. Кто это может сделать лучше, чем русские философы, ученые и писатели? Никто! И тогда русский народ раскроется в своем художественном и мыслительном творчестве овладения пространством и временем.

Русская классическая философия достаточно глубоко вскрыла сущность русского мышления, выявила его особенности. Эти особенности связаны именно с синтетичностью, масштабностью и широтой русского мышления. Поэтому русская мысль больше интересуется единством прошлого, настоящего и будущего культуры, а также тем, что обеспечивало и будет обеспечивать единство русского народа, Святой Руси во все времена. Русское мышление продолжает свою тяжелую работу в параметрах цикличного времени, ему не хватает сил перейти на параметры линейного времени. Но ценность линейного времени, то есть эволюции, в русской культуре возрастает. Эволюцию в развитии русской культуры следует рассматривать как движение в сторону линейного времени; революции, скачки, смуты, - как возвращение к цикличному времени. Это беда и большая проблема русской культуры, которая со временем, надеемся, будет решена и закрепится на уровне ментальности русского народа, ибо она обеспечит полное раскрытие творческого

потенциала русского народа. Так, по мнению политолога А. С. Панарина, «…высшим гарантом линейного времени является творчество: там, где общественная жизнь лишена творчества, там ресурсный потенциал скоро оказывается исчерпанным, что означает приближение «понятной «фазы цикла»: возврат старых запретов или реванш старых групп, новый виток перераспределительства»[82]. Это перераспределительство было в 1917 году, в 1991 году, во время приватизации государственной собственности. Результаты этого перераспределительства до сих пор пожинает русский народ. Более того, это новое и новое перераспределительство формирует психологию неустойчивости, психологию обмана и коррупции, даже преступности и бандитизма. Это перераспределительство транслируется на уровень Я, закрепляется в Я-концепциях творчества. Мизгулин все время сбивается на «цикличное время», ибо в реализации того или иного статуса, не связанного с профессиональной деятельностью, его творческий пыл остывает. К примеру, он не может объяснить того, что будет в будущем. Для него характерно предчувствие угрозы, наступление эпохи «грядущего Хама». Дмитрий Мизгулин говорит об ответственности русского народа за предательство своей веры, что русский народ пройдет свой путь по второму, по третьему кругу… Тем самым, тяготение к «цикличному времени» в творчестве Д.А. Мизгулина свидетельствует, что он своими стихами не разрешает задачу соединения прошлого, настоящего и будущего в едином потоке времени. Это свидетельствует и о том, что проблему множественности творческого Я он разрешает чередованием творческого возвышения то в реализации ролей одного статуса, то другого. Если он сбивается на «цикличное время» при реализации статуса поэта, переходит на реализацию творческого потенциала ученого-экономиста и т.д. Тяготение к «цикличности времени» у Д.А. Мизгулина является одной из больных проблем русской культуры вообще, русской государственности, политической культуры, литературного творчества, в частности. Эта одна из больных проблем философской позиции Д.А. Мизгулина. В этом он не может сломать сложившуюся веками традицию русского мышления, которое экстраполируется в Я-концепцию человека из русской действительности. Так, Э. Шац, исследуя роль покоя и воли в русской культуре, приходит к заключению, что на Русь постоянно, начиная с «Сокровенного сказания» монголов до тройки Н.В. Гоголя и до степи А.П. Чехова, обрушивается революция, то есть «движение тела», которое проходит через одни и те же точки. Равнина, океан земли всегда были народны. Все было недвижно, все медленно. И вдруг все приходит в движение,

[82] Панарин, А. С. Введение в политологию. Учебное пособие / А. С. Панарин. – М. : Новая школа, 1994. – С. 62.

буря, все преображается. Изба превращается в обезумевшего коня, «вечное тайное желание дома на равнине стать кочевником». И А.П. Чехов в своем «Вишневом саде» обращается к этой теме: «Если у вас есть ключи от хозяйства, то бросьте их в колодец и уходите. Будьте свободны как ветер». Русская душа требует свободы, воли, бросает все и бросается в бурю, отдается вся этому движению без остатка.

Русская культура есть культура единого, цельного, синтетичного. Так, И.А. Ильин писал: «Русская культура есть созерцание целого». Русская душа не любит мелочиться, распыляться по деталям, она вся поглощена целым. На этом акцентировал внимание и Н.А. Бердяев: «Русские призваны дать…философию цельного духа… Если возможна в России великая и самобытная культура, то лишь религиозно-синтетическая, а не аналитически-дифференцированная». По мнению Е. Трубецкого, «Русским более свойственно познание мира религиозной интуицией как органического целого в отличие от Запада, где философы проникали в тайны мира, расчленяя его рассудком на составные части для анализа…». Таким образом, русский хилиазм – это не недостаток, а достоинство русской культуры в этом разнообразном мире. И мы должны исходить из этого достоинства, продолжать эту традиции. Кстати, и поэт И. Бродский писал о «русском хилиазме». По его мнению, «русский хилиазм» предполагает «…идею перемены миропорядка в целом», писал о «синтетической (точнее: не-аналитической) сущности русского языка». Эти ментальные особенности русской культуры, сущностные характеристики русского Я, включая мыслительную культуру, никуда не исчезли, несмотря на годы давления на русскую культуру, годы притеснений Русского Духа. «Русский хилиазм» жил, живет и будет жить всегда с русскими, в русских и проявляться в их ментальных характеристиках. Поэтому и сейчас творческие люди, то есть писатели, художники, ученые, политики, хозяйственники и другие должны учитывать сильные стороны русской культуры, ибо именно они могут обеспечить нам будущее.

Понятие «хилиазм» произошло от греческих слов chiliasmos и chilioi (тысяча) или милленаризм, от латинских слов mille (тысяча) и annus (год) – это религиозно – мистическое учение о тысячелетнем земном «царствии Христа», которое наступит перед «концом света». Русский хилиазм основывается на откровении Иоанна. Противником этого религиозно-мистического учения был Ориген. По мнению же Августина, тысячелетнее царство зародилось с рождения Христа. Это религиозно-мистическое учение в разных формах проникает во всякие теории, например, теорию новой хронологии. В русском мировоззрении хилиазм имеет глубокие корни.

Попытка осмысления ментальных характеристик русского народа проделана идеологом правящей партии «Единая Россия» и государства В. Сурковым. Он, кстати, отмечал: «…в нашей

мыслительной и культурной практике синтез преобладает над анализом, идеализм над прагматизмом, образность над логикой, интуиция над рассудком, общее над частным. Что, понятно, будто у русских нет аналитических способностей, а у народов западной Европы – интуиции. Ещё как есть. Тут вопрос соотношения. Русского, скажем так, в большей степени интересует время, а чёртах будильника в меньшей»[83]. Тем самым, прошлое, настоящее и будущее русского народа, мыслящего категориями общего, целого, времени, а также, учитывая «синтетичность сущности русского языка», разорвать очень сложно. Если не удается соединить время в линейное развитие, русский ум соединяет это время в цикличном развитии (П. Сорокин, Кондратьев и р.).

Для того, чтобы разорвать эту нить, тянущуюся из славянского прошлого в славянское будущее, необходимо изменить менталитет, строй русского языка и стиль русского мышления. Но это сделать быстро просто невозможно, ибо общественные стереотипы очень устойчивы и не меняются столетиями. Настоящее и будущее невозможно отделить от прошлого. Поэтому, когда человек синтетического типа мышления теряет связь с прошлым, он, значит, теряет связь с настоящим и будущим русской национальной культуры.

2.4. Убывание одного и возрастание другого прошлого, настоящего и будущего в русской душе

Когда Д.А. Мизгулин говорит об убывании Древнего Мира в своей Я, это означает, одновременно и убывание славянского и русского настоящего и будущего миров. Он считает, что связь Русского Мира с Западноевропейским Славянским Миром становится все слабее и слабее. Многие славянские страны и культуры вступают в западноевропейские союзы, неправительственные организации, в которые Россию просто не пускают или сама России не стремится в силу географического положения или исторического прошлого. Если африканские, арабские, латиноамериканские народы и культуры объединяются, то славянские культуры уже не первое столетие расходятся, размежовываются как по религиозным, так и по цивилизационным признакам. Но убывает в русской культуре не только славянское, но и русское настоящее и будущее.

С убыванием прошлого русской культуры связь прошлого, настоящего и будущего начинает либо разрушаться, либо ослабляться, либо просто меняться. С потерей «древнеславянской вязи» теряется сегодняшняя и будущая русскость. Что приходит взамен на место

---

[83] Сурков, В. Русская политичсская культура. Взгляд с утопии / В. Сурков // Русская политичсская культура. Взгляд из утопии. Матсриалы обсуждения в «Нсзависимой газстс». – М. : Издатсльство «Нсзависимая газста», 2007. – С. 7-8.

убывающей связи времен? Ибо «свято место» пусто не бывает. И в пустоты русского сознания устремляется новая сущность, новое содержание. Учитывая тенденции американизации, европеизации и вестернизации в целом на пространстве постсоветской культуры, можно сделать вывод, что на место «древнеславянской вязи» придет американская или европейская «завязка». Поэтому поэт, ослабляя свою связь с древним славянским миром, усиливает свою связь с настоящим американским или европейским миром. Насколько ослабла это «древнеславянская вязь», поэт не говорит. Ясно одно, что связь со славянским миром у него не прекратилась. Поэтому в стихотворении «Остывает родная земля…» он ставит вопрос: «Оборвалась ли долгая нить?», но на него не находит ответа. Но одновременно ставит и другой вопрос: «Возвратиться ль спасительной славе?», и на него не находит ответа. Ясно видно, что поэт борется со своими сомнениями, ищет свой путь, Русский путь.

Остывает родная земля,
Зарастают травой пепелища.
Пусто стало на русских полях.
Тесно стало на русских кладбищах.

Возвратились Самара и Тверь,
Только разве что с этим не вышло.
За базарным прилавком теперь
Русской речи не слышно…

Оборвалась ли долгая нить?
Возвратиться ль спасительной славе?
Ни прощать никого, ни винить
Мы не вправе…

Много время с собой унесло,
Нам никак не очнуться от боли.
Но что было – быльём поросло,
И еще не распахано поле.

И не брошено семя пока,
И боюсь, как бы не было поздно.
Вон, темнеют в ночи облака,
И тускнеют высокие звезды.

И змеится ковыльно былье,
Бездна мрачно зияет над нами…
И кружит, и кружит воронье
На мерцающими куполами.

(«Остывает родная земля…»)

Что происходит с Россией, с русской культурой? Там, где раньше была русская речь, где был задорный русский смех и веселье, там теперь русской речи не слышно; там, где русские поля колосились пшеницей и рожью, там полынь-трава, пустота; зато на кладбищах «стало тесно от русских могил». Одним словом, «остывает родная земля» от невзгод, бед, неурядиц русской жизни, войн, от государственного насилия над русским человеком. Что-то сломалось в русской культуре, что починить трудно и некому. Ибо русских людей становиться все меньше и меньше, их вытеснили из жизни русских городов и сел на обочину, на кладбища. В стихотворении «Остывает родная земля…» Д.А. Мизгулин видит русский исход, затухание русской культуры и сжимание русского пространства. Уже символы русской духовности, лежащие в основе русской культуры, купола русских Церквей, окружило воронье. Они уже не освещают русским путь к Творцу, путь в будущее, а просто мерцают. Но в них еще теплится жизнь света, а вместе с этим теплом сохраняется некоторая вера в русское будущее, в воскресение и возрождение полной русской жизни и Русского Духа. Стихотворение источает дух безысходности русского Я, Дух приближения конца, смерти русской культуры и одновременно надежду. А где же энергия, которая всегда бурлила в Русском Мире, где та экспансия Русского Духа? Неужели она ушла во время и пространство Мира и утонула там. Но в глубине русской души все ещё теплится надежда: «И не брошено семя пока, / И боюсь, как бы не было поздно». Он еще надеется, что вот-вот должно наступить время возрождения Русского Духа, русской культуры, русского народа. Но оно не наступит, пока русские сами не возьмут судьбу в свои руки и не станут преображать свою опустевшую землю. Его душу охватывает страх, а не опоздает ли русская культура к началу новой жизни и новой деятельности.

2.5. Восстановление единства времен в русской культуре

По мнению Д.А. Мизгулина, «…преемственность прервалась и на производстве, и в правоохранительных органах. Прервалась она и в литературе». Отсутствие преемственности в русской культуре является тормозом как общественного развития в целом, так и развития отдельных составляющих русской культуры, например, политической системы, экономики, искусства, гармонизации национальных отношений в России, развития русского национального сознания и др.

Что означает единство времен в культуре вообще, в русской культуре, в частности? Это означает, что у русского народа должно быть сформировано единое понимание и отношение к прошлому, настоящему и будущему общечеловеческой культуры, включая русскую культуру, единое понимание пространства и времени

общечеловеческой, включая русской культуры. Единым в национальном сознании должно быть прошлое, независимо от того, развивалось оно по законам линейного времени или по законам цикличного времени. Что же происходит в русском сознании сегодня? Общечеловеческая и русская история в понимании историков, философов, политиков разной направленности, не говоря уже о русском народе, кардинально разошлись. Одни мыслители понимают русскую историю с либеральных позиций, другие - с коммунистическо-социальных, третьи - со славянско-национальных, четвертые - с позиций европоцентристских. Поэтому русская история подвергается давлению новых исторических концепций, в числе которых в последнее время стали модными новая хронология, новая география. Одни ищут свои русские истоки в Гиперборее, другие сводят русскую история к 1У веку, когда были построены «змеиные валы» в Древней Руси, третьи ведут отсчет с Великой октябрьской революции. Вокруг русского прошлого нагородили столько мифов, что появились многочисленные работы по разоблачению исторических мифов. Это работы А. Бушкова, А. Музафарова, В. Мединского и других исследователей. Так, В. Мединский разоблачает мифы о русской угрозе и секретном плане Петра 1; о русской грязи и вековой технической отсталости; о России как «о тюрьме народов»; о русском воровстве и мздоимстве; о русском пьянстве, лени и жестокости и другие. А. Музафаров разоблачает мифы о российской бюрократии, о российском казнокрадстве, мздоимстве и воровстве; о русском народе, как «темном, забитом народе»; о немытой России; о вековой отсталости России; об отсутствии у русских свободы; о неспособных царях-неудачниках; о бездарности, косности царских генералов и др. Все это свидетельствует о том, что русская история раздвоилась, расстроилась, расчерверилась, а вместе с этими множественными делениями начало делиться и настоящее и будущее русской культуры, русского народа и России. Поэтому сейчас расплодилось так много теорий и распаде о России, о том, что у России нет будущего. Корни этих идей идут из множественного прошлого. Для чего это делается, почему в умы русских мыслителей вносится такой разброд? Видимо для того, чтобы править Россией, для того, чтобы у народа не было сомнений в том, что нынешние правители идут не туда и ведут народ не туда. Само признание Д.А. Мизгулиным факта, что он теряет связь с славянским прошлым, говорит и о том, что он обретает новое прошлое, навязанное другими мыслителями, другими историками, политиками, учеными. Или он говорит для того, чтобы скрыть свое истинное русское начало, ибо занимая высокое положение в обществе, в котором давно господствуют европоцентристские тенденции, где вестернизация обретает видимые очертания, опасно говорить о своей русскости открыто, опасно проводить русскую политику в жизнь. Задача любого

русского человека в том, чтобы встать на русские национальные начала, не декларируя это широко, открыто, но проводить в жизнь именно русскую культурную политику в широком смысле слова, то есть возрождать русскую политическую культуру, о которой так часто говорит В. Сурков, русскую правовую культуру, русскую экономическую культуру. И в этом возрождении русской культурной традиции в широком смысле слова утверждать свое Я, помогать утверждаться своим коллегам, друзьям. А для этого необходимо на какие-то фундаментальные основаниям опереться. Этими фундаментальными основаниями является православная духовность.

Почему именно православная духовность? Потому что православие – это единственный социальный и духовный институт, который сохранился в России вот уже второе тысячелетие, потому, что русское православие вобрало много полезного и от русского язычества. Еще и потому, что в Боге нет прошлого, нет и будущего, в Боге только настоящее. Так, русский мыслитель Л.Н. Карсавин отмечал по этому поводу: «Если преодолеть время и пространство, постигнув единство и божественность всего сотворенного, всех тварей, мелькнувших мимолетней тенью по сияющей ризе Божества, исчезнет все и останется только Бог, но Бог, озаривший какую-то тень, отображенный чем-то иным. И это иное, вызванное из небытия, как Его отражение, в Нем не погибло: в Нем оно вечно, ибо нет в Боге изменения, нет прошлого и будущего, а одно настоящее, как нет в Нем и пространственной разъединенности»[84]. В Боге нет изменения, следовательно, мы знаем, что будет в будущем, если будем следовать пути, предначертанному Творцом, Спасителем. Это есть Русская идея по Л.П. Карсавину, идея духовного возвышения каждой личности, идея служения Творцу, ибо от Творца в нас его творческое начало, которое должно быть реализовано каждым русскими человеком в процессе его жизни. Поэтому мы, русские, предназначены для того, чтобы быть с Творцом, следовать пути, предначертанному Творцом, жить в душе с Творцом. Следовательно, фундамент единства прошлого, настоящего и будущего, пространства и времени, жизни и деятельности русского народа, русской культуры, России заложен в Творце, в Спасителе. В это необходимо уверовать русскому человеку, такую веру необходимо воспитывать в каждом русском человеке начиная с самого рождения, и от такой веры нельзя отходить ни на шаг. Любое отступление грозит расколом, с одной стороны, между прошлым, настоящим и будущим; с другой стороны, расслоением самого прошлого, самого настоящего и самого будущего на разные пласты, уровни. Именно расслоение самого прошлого и происходит в сознании Д.А. Мизгулина. Доступно ли вере все это единство

[84] Карсавин, Л. П. Восток, Запад и русская идея / Сост. : М. А. Маслин / Л. П. Карсавин. – М. : Республика, 1992. – С. 27.

прошлого, настоящего и будущего, да и вообще, доступно ли вере отдельно прошлое, настоящее и будущее? На этот вопрос русская мысль дает положительный ответ. Так, философ и богослов С.Н. Булгаков отмечает: «Хотя собственная область веры есть сверхпознаваемое, трансцедентное Божество, но она распространяется и на то, что принципиально недоступно для знания, однако таково лишь для данного момента: таковы не наступившие ещё, но имеющие наступить события, вообще будущее, или же прошедшее, но вне человеческого ведения лежащие события – прошлое. Наконец, вере может быть доступно даже настоящее, поскольку дело идет о неизвестных рассудку законах»[85]. Таким образом, русская классическая философия дает ответ на вопрос о фундаменте единства прошлого, настоящего и будущего, пространства и времени русской культуры, России и русского народа. Этот фундамент необходимо искать и в православной духовности. Отсюда необходимо выстраивать цепь событий для возрождения этого нарушенного единства, восстановления преемственности поколений для нынешних русских людей, в особенности для политиков, ученых, экономистов, работников искусства, писателей, даже инженеров. Православная вера не когда не мешала развитию, более того, уводила русскую культуру и именно с цикличной модели развития на линейную модель развития.

Ясно одно, мы должны восстановить связь между поколениями, наполнить связи прошлого, настоящего и будущего новым, современным русским содержанием, опираясь на православную духовность. Мы должны исходить из того, что, нарушив связи между поколениями, мы одновременно принизим роль русской культуры, России в семье мировых культур. Так, многие политики уже зовут нас к восстановления традиций в некоторых отраслях русской культуры как целостного явления. Так, например, В. Сурков предлагает вернуться к традиционной русской политической культуре. Он отмечает: «…холистические подходы, методы социального синтеза, сохранения и соединения, свойственные русской политической культуре, также пригодны для выращивания демократии. Видно, что неизбежное усложнение и дифференциация общественных институтов уравниваются встречной силой собирания разделённого, интеграции сложного целого. Видно, что культура имеет значение. Решающее значение. И что русская культура предопределяет достойное будущее России»[86]. Его идеи и взгляды заслуживают всемерной поддержки и пропаганды среди широких слоев населения.

---

[85] Булгаков, С. Н. Свет невечерний; Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М. : Республика. 1994. – С. 30.

[86] Сурков, В. Русская политическая культура. Взгляд с утопии / В. Сурков // Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Материалы обсуждения в «Независимой газете». – М. : Издательство «Независимая газета», 2007. – С. 21.

Как связывать прошлое, настоящее и будущее в культуре давно ответили мудрецы и святые отцы Церкви. Философ В.С. Соловьев писал по этому поводу: «Святыня, полученная нами через религиозное предание, - священное предание христианства, - может быть живою основой вселенской церкви, одухотворяющей нашу национально-государственную жизнь лишь тогда, когда это прошедшее не отделяется от настоящей действительности и от задач будущего. Это святыня, это священное предание должно быть постоянною опорою современности, залогом и зачатком грядущего». Об этом постоянно говорят и отцы Церкви. Священное предание, хранимое нами, дает возможность с оптимизмом смотреть в будущее. Русская мысль постоянно должна обращаться к священным источникам духовной мудрости, к Священному Писанию.

3. Есть ли в творчестве Д. А. Мизгулина «оппозиция прошлого и настоящего»?

3.1. Грань между прошлым и настоящим

Поэт хочет сказать, что какое бы не вмещалось в его Я прошлое, это его Я-образ прошлое. Такое прошлое в его Я-концепции составляет сущность давно не существующего настоящего бытия, сохраняющегося только в артефактах культуры. Всё это множественное прошлое в себе есть результат титанической работы наших предков, то есть гиперборейцев, арийцев, скифов, славян, руссов и других народов. Настоящее русское Я до сих пор волнуется и сомневается в том, что русы были могущественным народом, правили миром, а не тем народом, которой «выскочил» неизвестно из каких лесов и создал мощное государство со столицей в Киеве-граде. Средневековый историк, итальянец Мавро Орбини в 1601 году писал: «Никако-же удивительно есть, что слава народа славянского, ныне не так ясна, как оной давлело разславитися по Вселенной. Ежели бы сей народ, так достаточен был людьми учеными и книжными, как был доволен военными…то б ни один другой народ во Вселенной, был в пример имени славянскому. А что протчие народы, которые зело были ниже его, ныне вельми себя прославляют, то не ради чего иного, токмо чрез бывших в их народе людей ученых». М. Орбини подметил два момента еще четыреста лет назад: во-первых, негативное отношение у русской власти к науке, ученым, которое с особой яркостью проявилось в погроме советской науки, что вылилось в массовом отъезде русских ученых за границу; во-вторых, величие русского народа, слава которого шла по всей Вселенной, но эта слава была военной. Мы до сих пор или не хотим, или не можем или нам, русским, не дают возможности какие-то силы извлекать из своей истории уроки. Новый поворот в истории, вспомним воцарение

немецкой династии Романовых или захват власти большевиками, или приход младодемократов, всегда сопровождался погромами древних библиотек и архивов, унижением и притеснением летописцев, книжников и ученых. Поэтому, когда мы говорим о своей русской истории, необходимо вспомнить, а какая – же она была на самом деле. Ибо прошлое есть результат, зафиксированный в артефактах, зданиях, рукописях, летописях. А их по миру сохранилось очень много. Хотя они нещадно уничтожались, стирались, расхищались, фальсифицировались в массовых масштабах. Думаю, появятся историки, которые опишут масштабы этого уничтожения русских памятников по всей Европе и Малой Азии. Настоящее же – это всего лишь процесс, который опредмечивается в новых артефактах.

Возникает много вопросов, на которые не могут ответить современные официальные историки, опирающиеся на современные методы исторического исследования. Откуда на египетских храмах надписи на церковно-славянском языке? Откуда в Китае более 100 тысяч русских? Почему более шести процентов географических названий на карте Германии имею славянские корни? Куда деть книги, описывающие победы славян над западноевропейцами в древние времена? Поэтому, когда мы говорим об оппозиции настоящего прошлому или прошлого настоящему, мы должны иметь более ясное представление об этом прошлом.

Чтобы понять соотношение прошлого и настоящего в поэзии Мизгулина необходимо исследовать его отношение к прошлому, месте этого прошлого в его Я, а также Я-образы прошлого в настоящем. Но это сделать очень трудно, так как его прошлое органично перетекает в настоящее через технологии, через сознание, культуру личности. Более того, осознание и принятие личностью прошлого закреплено в Я-концепии личности, что выражается в давлении прошлого на настоящее на уровне Я. Это внутриличностное давление прошлого на настоящее усиливается, и от этого ноша этого прошлого становится вся тяжелее и тяжелее для поэта. Например, феномен так называемого «русского креста», связанного с демографическим проблемами России. «Русский крест» - это трагедия России, где смертность превышает рождаемость. Эта трагедия сказывается на всех областях русской жизни. Это есть давление некоего Я-образа прошлого на Я-концепцию процесса (то есть настоящего). И чем больше личность увлечена прошлым, тем сильнее внутриличностное давление Я-образа этого прошлого на Я-концепцию настоящего, тем тяжелее нести человеку это прошлое в настоящем. Но тем ответственнее личность принимает решения в отношении технологий, средств и методов воздействия на настоящие процессы в сегодняшней реальной деятельности.

Где же грань между прошлым и настоящим, сколько прошлого должна быть в нашем Я-образе этого прошлого и Я-концепции

настоящего? Сколько должно быть самостоятельных, не связанных друг с другом историй в нашем Я? На эти трудные вопросы жизни и творчества должен ответить каждый человек, любящий свою Родину, свою культуру и свой народ. Прошлое и настоящее – это два разных явления в сознании. Если прошлое – это результат титанической работы наших предков, зафискированный в артефактах, символах, знаках, смыслах, событиях; то настоящее – это процесс, результатом которого и становится это прошлое. Так, немецкий философ Г.В.Ф. Гегель писал: «Перед наукой же простирается богатое содержание, созданное веками и тысячелетиями познающей деятельности, и это содержание простирается перед нею не как нечто данное, которым обладают лишь другие, не как содержание, которое для нас стало прошлым, результатом которого являются лишь знания, дающие пищу памяти и материал для проявления нашего остроумия в критике исторических сообщений, но как познание, питающее дух и удовлетворяющее нашу потребность в истине»[87].

Эту границу с философских позиций пытались осмыслить Ф.Ницше, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский и другие мыслители. Так, Ф. Ницше определил границы между прошлым и настоящим с чисто прагматическими целями: не надо «тащить» в сегодняшнюю деятельность, поведение, мысли, а также все прочувствованное прошлое. Он считал, что многое из прошлого подлежит забвению. Ибо оно будет мешать жить, ибо это прошлое будет дезорганизовывать его деятельность в настоящем, стать «могильщиком настоящего». Ф. Ницше считает: «Чтобы найти эту степень и при помощи её определить границу, за пределами которой прошедшее подлежит забвению, чтобы оно стало могильщиком настоящего, необходимо знать в точности, как велика практическая сила человека, народа и культуры; я разумею силу своеобразно расти из самого себя, претворять и поглощать прошедшее и чужое и излечивать раны, возмещать утраченное и восстанавливать из себя самые разные формы»[88]. Д.А. Мизгулин в своих стихах изначально не согласен с такой постановкой вопроса, ибо его душа вбираёт все прошлое. Но необходимо ли русской душе вбирать в себя всё прошлое, может быть часть прошлого и не надо включать в Я-концепцию настоящего? Это принципиальный вопрос, и не только нравственный, но и методологический. Много чего прошлого есть прошлом, которое вредит развитию русской культуры, мешает русскому народу избавиться от условностей, сдерживающих его развитие и раскрепощение его сознания, избавиться от вредных характеристик и качеств. Такое прошлое не нужно для жизни, его

---

[87] Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Том 1: Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1975. – С. 69.

[88] Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни; Сумерки кумиров; Утренняя заря: Сборник /Ф. Ницше. – Минск : ООО «Попурри, 1997. – С. 23.

необходимо вывести за рамки «Я-концепции прошлого», такое прошлое должно стать просто историей, которую познают только любознательные и интересующиеся историей люди. Тем самым мы очистим родники своей культуры, и чистая вода родников напоит наши души, ума и сердца. Но для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала познать это прошлое, понять его глубину и широту.

3.2. Находится ли прошлое в оппозиции настоящему в Я-концепции поэта?

Профессор ЮГУ А.Н. Семёнов, ссылаясь на стихотворение «Раньше мы своим гордились прошлым…», делает вывод, что прошлое и настоящее в творчестве Д.А. Мизгулина находятся в «оппозиции». А точнее, по его мнению, «Оппозиция прошлого и настоящего оставляет в прошлом Родину, черты которой остались в истории: родной язык без акцента, человечность быта, способность к состраданию и даже вывески на русском языке…»[89]. Дале он говорит: «Одним из основных концептов истории Дмитрия Мизгулина – это оппозиция прошлого и настоящего. Прошлое как предмет гордости и настоящее, в котором гордиться нечем…». Как мы полагаем, это неверный вывод об оппозиции прошлого и настоящего. Ибо, во-первых, прошлое - уже состоявшийся результат, а настоящее – это сложный процесс, последствия которого никто не может до конца осознать. Оценить последствия процессов, происходящих сегодня, мы объективно можем лет так через пятьдесят – сто и более. К примеру, ради объективности РПЦ канонизирует священников только чрез пятьдесят лет. Поэтому вопрос, почему не канонизируют сегодня Патриарха Московского и всея Руси Алексия П, так много сделавшего для возрождения РПЦ, Русского Духа, русской культуры, вопрос риторический. Говоря о сегодняшнем дне, мы можем высказывать мнения, сопоставлять свои точки зрения, делать какие-то, может быть даже непоспешные выводы, определять некоторые закономерности. Но настоящий процесс развития культуры продолжается, тенденции развития только намечаются, но они могут быть обнаружены очень рано и пресечены, могут быть исторически исчерпаны. Во-вторых, вывод об оппозиции прошлого и настоящего противоречит ментальности (устойчивым стереотипам поведения и мышления) русского человека, стилю его мышления. Если что-то и выпало в его памяти, если он и мыслит категориями «тупого и пошлого» настоящего, не значит, что связь прошлого, настоящего и будущего не может восстановиться в его памяти, а затем и на уровне личностной

[89] Семёнов, А. Н. Всё вместила моя душа. Концептосфера лирики Дмитрия Мизгулина. – СПб. : Литературный Фонд «Дорога жизни», 2010. – С. 145.

культуры. Такая связь не может восстановиться у народов, обладающих преимущественно аналитическим мышлением. Русское синтетическое мышление способно восстановить утраченные ранее связи и отношения, заглушенные настоящим ментальные характеристики русской культуры. Борьба за чистоту языка продолжается, рынки постепенно очищаются от грязи, русские не потеряли способность к состраданию, вывески заменяются на русские. Но есть и негативные тенденции: продолжающаяся деградация русской культуры, падение нравственности русского народа, разгосударствленность русского народа (до сих пор не возвращена русскому народу отобранная у него государственность в 1917 году большевиками). Но всему нужно время, нужно терпение, чему учит Церковь. На ценностном уровне идёт глубокое переосмысление ценностей, связанных со своей профессией, желаемым и настоящим и реально-мифическим прошлым. Ибо, как мы уже доказали, прошлое Руси, русского народа, русской культуры чрезмерно мифологизировано, достоинство - унижено, недостатки – гипертрофированы. А самое главное, мы, русские, не должны пасовать перед трудностями, и каждый на своём рабочем месте через свой социальный статус должен очищать от грязи и шума среду, возрождать русскую культуру и укреплять Русский Дух, расширять пространство Русского Духа.

В стихотворении «Раньше мы своим гордились прошлым…» Мизгулин, на первый взгляд, действительно говорит об оппозиционности прошлого и настоящего, но только на первый взгляд.

Раньше мы своим гордились прошлым –
Нынче всё похерено давно.
Мир наш стал теперь тупым и пошлым,
Как американское кино.

(«Раньше мы своим гордились прошлым…»

Кажущаяся «оппозиционность прошлого и настоящего» в «Я-концепции прошлого» поэта есть его внутренние сомнения и противоречия «в осмыслении русского пути», развития России и русской культуры в современном «смутном времени», то есть в период быстрых перемен. Д.М. Мизгулин хочет увидеть связь между прошлым и настоящим, хочет различить её тонкие линии, но это сделать не удается, ибо само прошлое непонятно, неизвестно и противоречиво. Он не входит в оппозицию с древним миром, а именно теряет связь с древним славянским миром, все больше и больше погружается в противоречивое и даже хаотичное настоящее. Что означает, что он выстраивает в своем сознании другое прошлое, желаемое настоящее и катастрофическое будущее для России,

русской культуры и русского народа. Он теряет связь с результатами работы предшествующих поколений и не пытается воздействовать на сегодняшние процессы с целью сохранения этой связи с прошлым, а именно укрепляется в настоящем. А чего здесь удивительного, откройте любые учебники по истории, везде мы находим анализ и изречения древнегреческой мысли, от мифологии до философии и политики. Мы сами намеренно гасим эту связь с древнеславянским миром. А человек, не помнящий своей культуры, не помнящий своих корней и родства, как правило, разрушает свою культуру, разрушает традиционные связи между прошлым, настоящим и будущим, выстраивает новые параллельные связи. Мир наш стал «тупым и пошлым», как американское кино. Вестернизация всех областей российской культуры есть факт неоспоримый. Вестернизация забивает или «закатывает под асфальт» все свежие и новые ростки русской культуры. Почему бы шаг за шагом не вносить в современные процессы государственного развития эти славянские элементы, которыми жили наши предки тысячелетиями. Это может дела депутата, политика и банкира и дела поэта , они расходятся уже давно и путей их сближения нет?

Но чтобы глубже разобраться в этом вопросе, необходимо понять, что вкладывается в понятие «оппозиция», о которой говорит профессор А.Н. Семёнов? И насколько объективен этот вывод в отношении Я-концепции соотношения прошлого и настоящего? Так, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой читаем: оппозиция – это «1. Противодействие, сопротивление»; «2. Группа лиц внутри какого-нибудь общества, организации, партии, ведущая политику противодействия, сопротивления большинству»; «3. Противопоставление, противопоставленность»[90]. В данном случае в определении «оппозиция» надо иметь в виду некое «целое», в котором некая «часть» борется или сопротивляется большинству частей этого целого. В словаре В. Даля под оппозицией понимается: «сопротивление, противосилие – действие. Оппозиционный, супротивный, стропотный, спорный»[91]. Таким образом, что мы подразумеваем под целым, внутри которого одни части находятся в оппозиции других частей. На наш взгляд, речь идет о времени, в котором есть неизмеримое прошедшее, настоящий миг и бесконечное будущее. Время обратного хода не имеет. Это время налагается на русскую культуру, где прошлое есть история русской культуры, настоящее есть ее процесс, будущее есть предполагаемый результат, то есть гипотеза. В данном случае оппозиция прошлого и настоящего означает, что или прошлое сопротивляется настоящему, или

[90] Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., допол. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник. 1997. – С. 456.

[91] Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х том. Т. 2: И - О / В. Даль. – Спб. : ООО «Диамант», ООО «Золотой век», 1999. – С. 681.

настоящее сопротивляется прошлому. Фактически все выглядит так: результаты культуры в виде истории закрепляются в сознании (процессе обучения и самообразования) и давят на процессы развития русской культуры, да так давят, не дают ей развиваться. На личностном уровне эта история не дается раскрыться творческому потенциалу Я в новых направлениях, новых формах. Или же процессы, происходящие в русской культуре сегодня, выходят за рамки исторической традиции и создают новую традицию. Что имеет в виду профессор, он не поясняет. Возникает какая-то недосказанность, двусмысленность.

Д.А. Мизгулин в своих стихах и публицистике не сопротивляется, не противодействует прошлому русской культуры, Руси и русского народа, не противопоставляет прошлое и настоящее, они сопротивляются друг другу. Но в Я-концепции прошлое органично переходит в настоящее, органически переходят одно в другое. Прошлое в Я-концепции Дмитрия Мизгулина расслоилось, раздвоилось. Одно прошлое убывает в сознании творческой личности, другое прошлое только создается. А значит, убывает и настоящее, и будущее, которые обусловливают прошлое. Одновременно уже создано новое прошлое - результат настоящих сложных процессов в русской культуре, которое порождает его страхи о новом будущем.

Его душа больше обращается в раздвоившееся прошлое, думает о раздвоившемся настоящем. Ему нужно прошлое для улучшения или изменения настоящего. Но его душа, практически, за редким исключением, не вмещает новое будущее, хотя его практическая деятельность достаточно сильно связана с этим будущим. Творческая личность живет с раздвоившимся прошлым, оценивает свои поступки и мысли с далёким и недавним раздвоившимся прошлым. В целом в его творчестве не ощущается гармонии прошлого, настоящего и будущего. Они живут в его душе, и мысли как будто живут обособленно, разорвано. Тем самым ощущается конфликт не между прошлым, настоящим и будущим, а между раздвоившимся прошлыми, настоящими и будущими линиями развития русской культуры. Поэтому, полагаю, необходимо говорить не об оппозиции прошлого и настоящего в поэзии Д.А. Мизгулина, а о множественности прошлого, настоящего и будущего. С позиций нравственности и духовности – это безусловное зло, ибо потеря единства в любой области есть зло. В его Я-концепции прошлого, настоящего и будущего две, а то может быть и три линии развития. И обе эти линии опираются на духовные основания православия, поэтому мы пока не наблюдаем острых внутренних конфликтов. Поэтому Д.А. Мизгулин с легкостью обретает новые статусы, эффективно выполняет статусные роли, легко переходит из одного статуса в другой, при этом не теряет связи с доминирующим статусом.

3.4. Соотношение «настоящего и прошлого» в Я-концепции настоящего поэта

Как мы должны понимать соотношении прошлого и настоящего в нашей Я-концепции. Проблема соотношения прошлого и настоящего всегда интересовала философов, историков, писателей, ученых и других представителей знания. Суждения на этот счет мы находим в трудах И.А. Ильина, Ф. Ницше, Н. Клюева, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Г.В.Ф. Гегеля, Б.Н. Чичерина, А.С. Панарина и других. Ф. Ницше рассматривает жизнь как уход в прошлое, проблемы борьбы с прошлым, границы настоящего и прошлого; А.С. Хомяков – соотношение прошлого и настоящего в государстве; И.В. Киреевский – проблемы прошлого и настоящего в политике; А.С. Панарин – соотношение прошлого и настоящего в отношениях «Восток-Запад»; Б.Н. Чичерин – прошлое и настоящее в опыте, анализирует философские проблемы соотношения прошлого и настоящего. Так, Б.Н. Чичерин считает, что все прошедшие и настоящие философские системы связываются в одной истории философии. История философии раскрывает человеку законы развития человеческой мысли и тем самым дает «твердую почву опоры для познания мысли в её существе и в её проявлениях». В целом следует рассматривать переход настоящего в прошлое, то есть титанические процессы перехода в артефакты русской культуры. Так, А.И. Новиков отмечает, что «…переход настоящего в прошлое, в историю не ведет к её обесцениванию, наоборот, происходит непрерывное нарастание культурного слоя, обогащающего национальную культуру»[92]. Но как и прошлое, так и настоящее бывает разным. Настоящее как творческий процесс русского народа; настоящее как эксперимент внешних и внутренних сил; настоящее как традиция или как творчество. Д.А. Мизгулин говорит о недавнем настоящем как эксперименте диктатора «с акцентом» (имею в виду И.В. Сталина). Экспериментальное настоящее переходит в прошлое, делает это прошлое множественным, не всегда следующим традициям русской культуры, России, русского народа. Множественное прошлое вызывает в личности сомнения, ибо личностям, опирающимся на вечные и прочные законы духовности, это прошлое кажется чужым, и чуждым не русским, а русскоязычным («с акцентом»), вредным для сегодняшнего настоящего. Национально ориентированная личность отвергает такое прошлое. Господь Бог заложил в человеке выбор, но выбор внутри Творца, с Творцом. Но человек возгордился, почуял себя выше Бога или, по крайней мере, равным Богу, а теперь, что хочет, то и делает, что хочет, то и творит. Над зданием русского

[92] Новиков, А. И. Русская культура во времени и пространстве / А. И. Новиков // Русская культура : традиции и современность : Сб. труд. препод. СПбГИК, - М., 1995. – С. 5.

прошлого этот гордый ум создает здание советского прошлого, создает на зыбком фундаменте идеологии.

Дал Господь простор экспериментам –
Всё, кажись, успели сотворить…
Дикторы – и то уже с акцентом
Стали вдруг по-русски говорить.

Но, как прежде, тянутся на дачу,
И опять, ругая власть зазря,
Празднуют, пусть даже и иначе,
Прежний красный день календаря.

Всё вокруг так зелено, красиво…
Празднику, конечно, всякий рад,
И вожди отечественным пивом
Балуют родной электорат.

(«Раньше мы своим гордились прошлым…»)

Да, в истории России было много экспериментов, да и сейчас экономическую реформу называют экспериментом. Но если в прошлом эксперименты – это уже оставшийся в прошлом результат, то сегодняшние эксперименты – это процесс развития постсовесткой культуры, процесс, не дающий возможности русской культуре закрепиться на духовных основаниях православия.

В российской политике много православных деятелей. С православием позиционируют себя и Президент России Д.А. Медведев, и председатель Правительства России В.В. Путин, и другие высокопоставленные деятели. Позиционирует себя и Мизгулин. Но почему в настоящей России становится все безнравственнее, бездуховнее, почему все во власти тащат всё без остатка за границу, чего только можно утащить. Почему бы не начать через общественные институты попытку кардинально менять ситуацию, оздоравливать русский социум. Форм влиянии очень много: это дискуссионная трибуна партии «Единая Россия», это думские комиссии и публичные обсуждения. Но где эти политики, где депутаты, почему мы на них не можем влиять? Потому что о прошлом плачут, а живут сегодняшним днем. Потому что так удобно. Неудобно выступать против коррупции, если ты находишься во власти, неудобно быть в оппозиции существующей власти, неудобно проявлять активность в отношении тех или иных процессов, которые идут вразрез власти. Просто прошлое встроено в настоящее как отдельное, параллельное, сосуществующее с настоящим. Так, политики, хозяйственники, бизнесмены, работники искусства, позиционируя себя православными, живут как бы в параллельных мирах, не вступая в конфликт друг с другом. Хотя человек может и

осуждать себя, но в стихах, но не публично в политике. Ибо прошлое и настоящее органично уживаются в нашем сознании, прошлое полностью не исчезает из нашего сознания. Об том говорят и психологи, изучающие феномены сознания, мышления и памяти. Так, психолог У. Джеймс по этому поводу отмечает: «…едва ли можно найти в конкретном реальном сознании человека ощущение, настолько ограниченное сознанием, что в нём не нашлось бы ни малейшего намёка на то, что ему предшествовало»[93]. Д.А. Мизгулин открыто говорит в своих стихах, говорит о сложных связях прошлого, настоящего и будущего в своей Я-концепции. Но эта сложность связей не есть оппозиция прошлого и настоящего, даже если эксперимент понимается им как выход из органического развития своей родной культуры, даже если он «живет, как на чужбине», где «дикторы с акцентом», даже если «исчезает человечность быта». Он прекрасно понимает, что объединяет русскую культуру, соединяет прошлое, настоящее и будущее русской культуры, Русский Дух от Духа Святого, а атомизирует, расчленяет, разъединяет русскую культуру как единое целое сам рынок, отношения между производителем и покупателем. Но были годы, когда было единое экономическое пространство, когда экономика жила по законам администрирования, и эта система показала себя неэффективной. Поэтому русская культура, с одной стороны, должна всемерно развивать рыночные отношения в экономике; духовную культуру – в социальной сфере, как факторы противодействующие атомизации народа. Наверное множественность линий от прошлого через настоящее в будущее в этом дробящемся мире есть форма выживания русской культуры, России и русского народа. Эта множественность дает нам и множественность выборов, но и таит в себе опасность расколов, смут, противоборств и революций. Главное, чтобы все субъекты культуры опирались на духовные основы православия, укреплялись в православной вере, реализовывали себя через эти линии. Опыт христианства нужен как никогда для развития всех множественных тенденций в развитии русской культуры. Так, патриарх Московский и всея Руси Алексий П писал по этому поводу: «Увидев в каждом человеке уникальную индивидуальность, неистребимый никакими испытаниями и унижениями образ Божий, высоко оценив достоинство опыта страданий, именно христианство сумело объединить около себя все жизнеспособное в древнем мире и одолеть его системный кризис, приведший к падению Рима. Не пора ли нынешнему миру в полной мере воспомнить о той великой

[93] Джеймс, У. Поток сознания / У. Джеймс // Психология сознания / Сост. и общ. ред. Л.В. Кулукова. – Сб. : Питер, 2001. – С. 11.

синтезирующей, исцеляющей и возрождающей силе, которую таит в себе откровение Божие»[94].

На наш взгляд речь, необходимо вести не об оппозиции прошлого и настоящего в творчестве поэта Дмитрия Мизгулина, а о неком расслоении творческого осмысления и поведения личности. В Я-концепции поэта произошло расслоение прошлого и настоящего. Это расслоение связано с острым и болезненным переживанием противоречивости развития русского мира, осознанием цикличности развития истории, наличием в русской истории доброго и злого начал. Д.А. Мизгулин, по всей видимости, остро осознает единство противоположных тенденций в русской культуре, в русской истории, в развитии Руси-России. Истоки этого раздвоения необходимо искать в философии русской истории, еще глубже в единстве добра и зла (ибо без зла нет добра), в единстве правды и лжи (ибо без лжи нет правды), в единстве знания и невежества (ибо без невежества нет и знания) и пр. Это пример нравственного подхода к истории русского народа, русской культуры и России.

3. Вечное и временное в Я-концепции «прошлого, настоящего и будущего»

Роль прошлого в деле возрождения русской культуры возрастает, ибо расширяются дискуссии о развитии России. Невозрожденное, полузабытое прошлое в сознании русского народа не представляется и не может представляться как некое целое. Оно, представленное в современном русском сознании как фрагменты, как слои, как комплекс мифов, не связанных друг с другом. Многочисленные мифы русской истории разоблачаются и снова воспроизводятся, отбрасываются и возвращаются. Мы, русские, более или менее знакомые со своей родной историей, уже не верим ни официальным историкам, ни хронологам, ни новым географам. Каждый русский человек реконструирует свою историю. Это результат негативного воздействия на умы советской истории. Может ли быть множественная или единая в многообразии русская история вечной? Что вечного, а что временного в русской истории? Эти вопросы возникают при чтении стихов Д.А. Мизгулина. Мизгулин не заглядывает далеко и глубоко в содержание русской истории, его интересуют исторические процессы, протяженные по времени.

---

[94] Слово Святейшего Патриарха Московского и вся Руси Алексия II на седьмых Рождественских чтениях / Алексий II // Педагогика. – 1999. - № 3. – С. 64.

4.1. Реконструкция событий прошлого в русском сознании

Реконструкция событий и артефактов прошлого в сознании Мизгулина не только снижается, но и возрастает. Хотя этот процесс идет болезненно, ибо осознание прошлое «вторгается» в нашу жизнь разными помыслами, своими внутренними противоречиями, внутренними историческими конфликтами, драмами и сомнениями. Поэт пытается реконструировать события как тысячелетней давности, так и события недавнего советского прошлого. Это он делает для того, чтобы восстановить хотя бы в своем уме, душе и сердце гармонию, преемственность поколений, целостность пути прошлого через настоящее в будущее. Русское сознание желает линейного развития, но его все время сбивают внутренние и внешние факторы именно на циклическое развитие. Через это циклическое развитие идет обновление, очищение русской культуры. Не случайно поэтому многие русские мыслители желали для России очистительной бури, восхваляли революцию, не задумываясь о том, что в будущем будут «поглощены» этой «кровавой бурей». А она оказывалась вовсе не спасительной, не очистительной, а разрушительной, все сметающей на своем пути: и зло, и добро.

Категориями линейного развития русской культуры, России и русского народа мыслят политики, ученые, работники искусства, инженеры, учителя и врачи именно государственнического типа мышления. Они обращаются к прошлому опыту только для того, чтобы этот прошлый опыт связывал, объединял в одной линии развитии это прошлое, настоящее и будущее. Остальное для них остается фактом истории, важным только для историков и любопытных. Линейный путь развития ведет к вечной гармонии прошлого, настоящего и будущего в едином потоке времени. Любой скачок для державников рассматривается как время смут, катастроф, революций, всякого рода общественных неустройств. Западноевропейкие культуры, перешедшие на путь линейного развития, ради своих теорий «золотого миллиарда», своего «золотого века» всё делают, чтобы другие культуры все время сбивались на путь циклического развития. Категориями циклического развития мыслят те, у кого не хватает творческого потенциала для осмысления и решения все новых и новых задач развития, и поэтому они все время обращаются к прошлому опыту. Цикличный путь развития порождает многочисленные дисгармонии в русской культуре, в России, в народе, которые в новом цикле развития пытаются преодолеть новыми скачками, напряжениями сил и воли русского народа. Стремление к обладанию множественными, параллельными опытами свидетельствует о том, что человек пока еще не может объединить их или не хочет объединять их в единое прошлое, ибо в этом множественном он находит для себя единственно верное.

О дисгармонии динамики русской культуры говорили известные русским мыслители. Так, П. Сорокин утверждал, что русская культура через каждые несколько столетий разрывает динамику своего развития, впадает в смуту, затем начинается новый отсчет времени. В те годы, когда прерывался ход русской культуры, у мыслителей Руси были такие же апокалипсические настроения в отношении будущего, как и у нынешних мыслителей России, горячо болеющих за её судьбу и будущее. Апокалипсические настроения мы ощущаем и в творчестве Д.А. Мизгулина.

Прошлое нужно для настоящего поколения, для осмысление им своих путей в будущее, но будущее без потрясений, без скачков и сомнений. Поэтому стремление к осмыслению прошлого русскими мыслителями со временем будут только усиливаться. Ибо прошлое занимает важное значение не только в Я-концепции русского человека, но в Я-программе творчества. Прошлое никогда не исчезало и не исчезнет из нашей жизни, нашего пути и нашего творчества. Прошлое способствует формированию философии жизни русского, его мечте в природе и культуре. Из прошлого человек черпает для духовный и нравственный опыт для себя и для воспитания последующих поколений.

Реконструкция подлинных событий давнего и недавнего прошлого, истинного пути в сознании русского народа – вот сверхзадача просвещения, государственного образования и семейного воспитания. Вне православных ценностей эта реконструкция невозможна. Поэтому за содержание школьных и вузовских учебников идет нешуточная борьба. Этот процесс - не только дело ученых, историков, философов, но и дело политиков. Политики самого высокого уровня «поучают» ученых, как необходимо описывать исторические факты, какую оценку давать историческим события, ибо хотят желаемого для них прошлого. Такого прошлого, которое будет помогать в их современной политической деятельности.

Пытается реконструировать события прошлого Руси, русской культуры и русского народа Д.А. Мизгулин. Так, в стихотворении «Раздумья в степи» говорит о судьбе Руси, о её силе Духа, несмотря даже на то, что она была бита полками Золотой орды, но духом выстояла и возродилась. Отсюда следует, что Мизгулин является сторонником концепции борьбы Москвы с Каракарумом, леса со степью, оседлого образа жизни с кочевым.

4.2. Борьба «леса» со «степью»

Концепция извечной борьбы «леса со степью» создана ещё в XIX-XX веках. Основоположником этой концепции является историк Соловьев С.М., считавший, что поток славянской цивилизации шёл на

северо-восток, где угро-финны легко покорились славянам, тогда как кочевники оказались для славян непреодолимой преградой. Эту концепцию без особого критического анализа приняли ведущие русские историки В.О. Ключевской, П.Н. Милюков, А.Е. Пресняков, Г.В. Вернадский, Б.А. Рыбаков, а также историки так называемого «украинского» направления Н.И. Костомаров, В.В. Антонович, М.С. Грушевский, В.Г. Ляскоронский. Но накопившиеся исторические факты, многочисленные исследования в области «контактов леса и степи» показало, что история развивалась по другому сценарию. Этой точки зрения придерживается известный историк Л.Н. Гумилев он считал, что «лес» и «степь», как два полюса на евразийском пространстве, постоянно притягивались друг к другу. Результатом этого притяжения были не только военные столкновения, но, в большей степени, взаимовыгодная торговля. Ибо «степь» имела то, что не имел «лес», а «лес» имел то, что необходимо «степи». Силу взаимовыгодной торговли не могут отменить никакие силы, торговля ломает самые прочные перегородки между народами, культурами и государствами.

Л.Н. Гумелев писал: «Степные просторы Северного Причерноморья всегда были удобны для развития скотоводства. Поэтому в Восточную Европу переселились азиатские кочевники. Разумеется, эти миграции вызвали столкновения с местным населением – славянами, хозяйство которых было связано с лесными массивами и речными долинами. Однако кочевое хозяйство не может существовать вне связи с земледельческим, потому что обмен продуктами одинаково важен для обеих сторон. Поэтому мы наблюдаем наряду с военными столкновениями постоянные примеры симбиоза. Печенеги после разгрома при Лебурне осели в Добрудже и стали союзниками Византии; торки поселились на правобережье Днепра и поставляли пограничную стражу для киевских князей; куманы, сильный и воинственный народ, после первых столкновений с русичами сделались союзниками Черниговского княжества»[95]. Отсюда следует, что товары кочевников необходимы были для земледельцев, а товары земледельцев для кочевников. Убедившись в выгоде такого союза, земледельцы и кочевники шли на долговременные союзы, оставляя непримиримую борьбу в прошлом. Поэтому Л.Н. Гумелёв ставит вопрос: «Была ли борьба леса и степи?» и отвечает: больше было примеров симбиоза, чем примеров столкновений, примеров вражды. Экономическая целесообразность все-таки побеждала вражду и военные столкновения.

Д.А. Мизгулин в стихотворении «Раздумья в степи» описывает события более поздние, когда исторические хроники описывают нашествие полчищ Золотой Орды на Русь. В этом стихотворении

[95] Гумилёв, Л. Н. Древняя Русь и великая степь / Л. Н. Гумилёв. – М. : Рольф, 2002. – С. 435-436.

высвечиваются два основных аспекта: во-первых, вечного и временного в культуре; во-вторых, гипотеза борьбы «степи», символом которой выступает Каракорум, с одной стороны, и «леса», символом которого выступает Москва. Дмитрий Мизгулин опирается на традиционные версии татаро-монгольского ига на Руси, татаро-монгольских погромов на Руси, которые действительно зафиксированы и описаны во многих летописях, сказаниях и повестях. Так, в данной статье нас интересует проблема отношений «леса» и «степи» в аспекте прошлого, настоящего и будущего. Мизгулин говорит, что в исторической перспективе «степь» проигрывает «лесу».

В пустыне властвует самум.
И степь не знает постоянства.
Куда исчез Каракорум –
Столица Золотого ханства?

А ведь отсюда шла Орда
В свои кровавые походы,
Уничтожая города,
Пленяя страны и народы.

И город был от бед храним
И от пожара, и от сечи.
Но меч судьбы висел над ним:
Был град велик, но не был вечен.

А по Руси найдешь едва
Огнём нетронутого града.
А сколько раз была Москва
Сожженной в битвах и осадах?..

Но вновь восстали, поднялись
Из пепла города России,
И купола тянулись ввысь
Ажурные и золотые…

Очнусь от набежавших дум,
Вгляжусь в бесстрастное пространство:
Куда исчез Каракорум –
Столица Золотого ханства?

Закон истории жесток.
Все мерит время мерой строгой.
Холмы. Нагая степь. Песок.
Луна над пыльною дорогой.

(Раздумья в степи)

В стихотворении «Раздумья в степи» поэт говорит о противостоянии Руси и степи, о постоянстве и непостоянстве, о ходе

времени, о возрождении Руси из пепла после набегов полчищ Золотой Орды. Но поэт говорит об этой борьбе с позиций исторической перспективы, с позиций временности и вечности. Если говорить о событии в конкретный момент, то Каракорум оказывается сильнее Москвы. Но с точки зрения исторической перспективы даже самая сильная власть степи не может победить слабую власть леса. Д.А. Мизгулин говорит и о причинах силы Москвы: «И купола тянулись ввысь / Ажурные и золотые…». Поэт проводит мысль, с одной стороны, о непостоянстве, агрессивности, временности Каракорума, не имеющего нравственного оправдания и духовного основания, с другой стороны, о силе Русского Духа, о возрождаемости, о вечности града великого – Москвы, имеющего нравственное оправдание и мощное духовное основание православной веры. Историческая перспектива не зависит от силы и мощи той или иной империи. Она зависит от силы Духа, от прочности нравственных устоев народа, от духовной крепости.

Д.А. Мизгули хочет вглядеться в «бесстрастное пространство», в котором шло противоборство Золотой Орды и Руси. Но Золотая Орда боролась не только с Русью, известно, что она совершала свои набеги во все стороны от Каракорума, вплоть до Индии и Венгрии. Вглядываясь «в бесстрастное пространство», он видит буйство страстей, мотиваций правителей, жажду борьбы за престол ханов. И в этой борьбе Каракорум, столица Золотого Ханства, исчезает навсегда. Здесь время как бы пронизывает пространство, в точке этого пересечения видятся судьбы действующих лиц, проходящие перед нашими глазами. По этому поводу А.Н. Семенов замечает: «Раздумья в степи» дают великолепный образец совмещения функций пространства и времени. Лирический герой вглядывается в «бесстрастное пространство» (чего стоит одно звучание это словосочетания!), которое поглотило столицу некогда воинствующих завоевателей, но в подтексте угадывается и время, которое воздает должное и бывшим завоевателям, и тем, кто их в конечном итоге одолел»[96]. Что означает совмещение «функций пространства и времени»? Могут ли совмещаться именно функции, или идет речь о простом пересечении пространства и времени в какой-то точке? В истории философии сложились два направления в понимании пространства и времени: субстанциональное и реляционное. В субстанциональном направлении пространство и время рассматриваются философами как сущности самостоятельно, независимо от материи и сознания. Второе, реляционное, направление связано с пониманием пространства и времени как особых отношений между процессами и объектами реального мира. Пространственно-

[96] Семенов, А. Н. «Всё вместила моя душа…». Концептосфера лирики Дмитрия Мизгулина. – СПб. : Литературный фонд «Дорога жизни», 2010. – С. 146.

временные характеристики специфичны на уровне социальной природы и живой природы. Пространство многомерно. Социальное пространство наделяется особым человеческим смыслом. Пространственные структуры являются результатом эволюции общества, несут на себе печать определенного времени. Социальное же время, включает в себя компоненты индивидуального бытия конкретных людей, коллективов, наций, государств. Время и там у каждого из них имеет свою специфику. Есть пространство, есть порядок существования, который может характеризоваться протяженностью, однородностью и многомерностью, то время – последовательность событий. Времени присуща необратимость и изотропность. Отсюда следует, что у времени и пространства нет функций, которые могут совмещаться, а есть атрибуты, которые присущи только пространству и только времени. Если есть у пространства и времени функции, то желательно, чтобы А.Н. Семенов их перечислил. Хотя не исключаю, что А.Н. Семенов вкладывает в понятие «функция» несколько иной смысл. Дмитрий Мизгулин прав, утверждая, что пространство бесстрастно, что время безжалостно, что оно мерит «мерой строгой».

Что касается конкретного исторического факта, который также имеет место в данном стихотворении, то позиция Мизгулина в настоящее время подвергается сомнению с позиций так называемых представителей «новой хронологии». Эта группа мыслителей в настоящее время уже многочисленна. Следует назвать такие имена, как А.Т. Фоменко, Г.В. Носовский, Н.Н. Ефимов, А. Бушков, Л.И. Бочаров, И.М. Чучух, И.Ю. Ченышев и другие. Все они считают, что монголо-татарское иго было очередным историческим мифом. На самом деле Каракорум – столица Золотой Орды, а Москва – столица Руси, то есть два центра многолетней гражданской войны на территории Руси. А. Бушков считает, что теория монголо-татарского ига неверна, миф, классическая гипотеза до конца не доказанная, имеющая много нестыковок. Он пишет, что «…происходившее на самом деле укладывается в следующие тезисы:

1.Никакие «монголы» не приходили на Русь из своих степей.

2.Татары представляют собой не пришельцев, а жителей Заволжья, обитавших по соседству с русскими задолго до пресловутого «нашествия».

3.То, что принято называть татаро-монгольским нашествием, на самом деле было борьбой потомков князя Всеволода Большое Гнездо (сына Ярослава и внука Александра) со своими соперниками-князьями за единоличную власть над Русью. Соответственно, под именами Чингисхана и Батыя как раз и выступают Ярослав с Александром Невским.

4.Мамай и Ахмат были не налетчиками-пришельцами, а знатными вельможами, согласно династическим связям русско-

татарских родов, имевших права на великое княжение. Соответственно, «мамаево побоище» и «стояние на Угре» - эпизоды не борьбы с иноземными агрессорами, а очередной гражданской вонйы на Руси.

5.Чтобы доказать истинность всего вышеперечисленного, нет нужды ставить с ног на голову имеющиеся у нас на сегодняшний день исторические источники. Достаточно перечитать многие русские летописи и труды ранних историков вдумчиво. Отсеять откровенно сказочные моменты и сделать логические выводы вместо того, чтобы бездумно принимать на веру официальную теорию, чья весомость заключается главным образом не в доказательности, а в том, что «классическая теория» просто-напросто устоялась за долгие века»[97]. Это другая, принципиально отличная точка зрения не отвергает исторические документы и летописи, но требует совершенно другого прочтения.

Таким образом, в стихотворении «Раздумья в степи» суть событий прошлых лет излагается, может быть и верно, но, как я полагаю, неполно. Гражданские войны на Руси не редкость. Они жестоки, может быть даже более жестоки, чем войны между государствами и народами. Если посмотреть исторически на изложенное, то можно прийти к заключению, что в конце-концов в войнах, гражданские войны не исключение, побеждают те, у кого правда, кто опирается на нравственные основания и укоренены в вере. Это стихотворение также подтверждает факт, что русская история до конца неизвестна, по-разному трактуется, а следовательно, расслоена. Поэтому прав Р.Дж. Коллингвуд, что «Каждое настоящее располагает собственным прошлым» (Идея истории).

4.3. Москва и Каракорум как символы прошлого, настоящего и будущего русской культуры

Каракорум является символом «степной культуры», а Москва – символом «лесной культуры». Между этими культурами несколько столетий шло противоборство. В литературе и философии часто встречается противопоставление городов-символов, за которыми стоят мощные тенденции развития. Например, Рим и Иерусалим, Константинополь и Рим, Москва и Санкт-Петербуг, Киев и Львов и другие. Эти города символизируют отличные начала, разные тенденции и направления развития в мировой или региональных культурах.

Каракорум – это символ Золотой Орды и символ её могущества, динамики и разнонаправленного движения. С позиций настоящего

[97] Бушков, А. Россия, которой не было. Славянская книга проклятий / А. Бушков. – СПб. : Издательский дом «Нева», 2005. – С.120.

видно, что Каракарум был обречен изначально, ибо он опирался на движение, динамику, которые ни житейски, ни нравственно, ни духовно не оправдывались.

Каракорум – располагался где-то в Заволжской орде. «Кара» по-тюркски «черный», а «Корум» напоминает «Карым» - то есть … Крым! Город Кара-Кырым. Где сейчас этот город Золотой орды, город Каракорым, то есть, «черный Крым»? В настоящее время над этим думают только историки, народы вообще забыли о нём. На географической карте «Черного Крыма» нет. Город Каракорум, столица, мозговой и идейный центр Золотой Орды растворился в песках, с точки зрения исторической перспективы – это мираж, иллюзия, на какое-то время захватившая сознание людей и толкавшая орды на Русь, на Китай, на Индию, на Запад.

Слово «Каракорум» многие выводят из монгольского языка. Любопытно, что в коми-зырянском языке слово «молгон» означает «крайний», «конечный», а «молгонский народ» - окраинный народ! По существу «монгольский народ» - это народ, живущий не степях Монголии, а народ, живущий «в отдалении». Знаменитая Мангазея называлась русскими Малгонзеей, то «Далёкой землёй». Слово «Каракорум» имеет тюркское происхождение. По мнению А. Бушкова, «…«Каракорум» вполне может оказаться либо «равнинным Крымом», либо «северным Крымом». Эта версия выглядит гораздо убедительнее предположения, будто завоевавшие полмира монголы назвали свою столицу словом, взятым из языка одного из множества покорённых нардов…»[98]. Каракорум – это вполне реальный, многонациональный город, но не имеющий исторических перспектив. Его населяли, по свидетельству современников, посещавших этот город, и половцы, и болгары, и русские, и выходцы из Средней Азии, Кавказа и Крыма. Так, французский монах Гийома Рубрук, бывший участником посольства к «великому хану монголов», отправленному французский королём Людовиком Святым в 1253 году писал о городе Каракоруме: «О городе Каракоруме да будет вашему величеству известно. Там имеются два квартала: одни – сарацин, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов. Другой квартал – китайцев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся 12 храмов различных народов, 2 мечети, в которых провозглашают закон Мухаммада, и христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеной и имеет четверо ворот: у восточных продается пшено и другое зерно, которое, однако, редко ввозится, у западных продают баранов и коз, у южных – быков и

[98] Бушков, А. Россия, которой не было. Славянская книга проклятий. / А. Бушков. – СПб. : Издательский «Дом Нева», 2005. – С. 211.

повозки, у северных – коней». Просо сеяли в то время как раз русские и тюрки. Но где сейчас этот город. Но не история Каракорума – центра могущественной «степной империи», не то, какой это был город, волнует Мизгулина. Его волнуют вечные законы бытия. Вечное бытие есть признак силы культуры, силы Духа, выживаемости, возрождения даже из пепла.

Каракорум в поэзии Мизгулина символизирует временность, непостоянство, а следовательно, принадлежит к культуре случайной. Каракорум – это символ случая в истории. Откуда не возьмись возник смерч (степные войны-завоеватели), он пронесся по русским полям, городам и весям (сжигал и разрушал всё на своем пути), а потом снова исчез в степи, в песках Евразии. Это смерч снова и снова возникал в пустыне и снова и снова уходил в песок. Мизгулин пишет: «Закон истории жесток / Всё мерит время мерой строгой / Холмы. Нагая степь. Песок / Луна над пыльною дорогой». Только вечная Луна - свидетель этих смерчей и бурь, волнами идущих с пустыни. Этот смерч не мог долго буйствовать на просторах Руси, ибо он не имел сильной идеи, сильного Духа, а руководствовался сиеминутными страстями, интересами и целями. Следовательно, Каракорум – это символ временности, символ кочевности, символ разрушительной подвижности, символ господства чувственности и страстей.

Другое дело – Москва, противостоящая столетиями натиску Золотой орды, временами приспосабливавшаяся к бурям, идущим из степи, временами сопротивлялась и бывало полностью разрушалась, но накапливала силы, снова и снова возрождалась в своем величии. Возрождались храмы, города Руси, народ снова накапливал силы для борьбы со стихией степи. Москва – это символ вечности, постоянства, символ крепости Русского Духа, русской веры и воли русского народа, символ единства народа. Москва разрушалась и возрождалась на былом месте, снова сжигалась до тла и снова воскресала… и это благодаря не только силе русского оружия, воле русского государства, но, главное, благодаря правдивости русской веры и силе Русского Духа. Мизгулин писал: «И купола тянулись ввысь / Ажурные и золотые…».

Русский народ - народ Богоносец, то есть носящий Бога в себе, своем сознании, верующий в силу Духа Святого, не мог не выстоять в этой в более чем тысячелетней борьбе с силами зла, ненависти, войны. Посмотрите – рушились города, обрывалась культура, или она затягивалась в воронку смут, гражданских войн и революций, но все равно находила в себе силы для возрождения и воскресения из пепла. А Церковь как стояла, так и стоит. Церковь пережила и такие гонения, которые бы не пережила бы ни одна религия. Сотнями тысяч уничтожены священники, Церкви превращались в склады, в нужники для скота, властьимущие хотели увидеть последнего священника на земле советской. Но Церковь выстояла, снова расширяется. Снова

очищает родники русской духовности от мусора, от грязи и тины. Мы видим, что дышать стало легче, мы видим свет впереди. И Москва стоит, хотя в столице было столько снесено храмов, столько поругано святых мест, что диву даешься, как наша вера православная выстояла.

4.4. Поэзия как синтез внешнего и внутреннего

В литературном творчестве Дмитрия Мизгулина встречаются, борются и опредмечиваются через его новый внутренний синтез размышления о судьбе русской культуры и сам ход её развития в настоящее время, думы о прошлом, настоящем и будущем России и современные тенденции её развития, находящиеся в противоречии с прошлым и страх перед будущим, его переживания о русскому народе и катастрофическая действительного его бытия. В этом выражается неповторимость, своеобразие и оригинальность творчества Д.А. Мизгулина вообще и литературное, в частности. Основополагающие выводы научных трудов, размышления о банковском деле, благотворительности совпадают в основных направлениях с линиями лирических героев и образов. Н. Стручкова отмечает: «Есть два необходимых условия развития личностной неповторимости художника, творческого человека. Первое – это особая наследственность, талант, полученный при рождении от Высшей Силы, божественный промысел и повеление воплотить, развернуть его во всей полноте. Второе – это его жизнь, окружающая действительность, биографическая канва, линия судьбы. Если человек верен своему предназначению и совершает неложные поступки, если он не искажает своей натуры, то траектория жизни непостижимым образом ведет его к самореализации. Путь самосовершенствования получает свое отражение в творчестве, в произведениях. Тогда мы «по бледным заревам искусства» узнаем «жизни гибельный пожар» (А. Блок). В нашем случае зарницы гибели проникли в саму мизгулинскую поэзию, в его интонацию, звукоряд и обратную ткань стиха. Жизнь его разворачивается в другое время, трагизм его – особого рода, еще не осмысленный нами, современниками наступившей эпохи»[99]. Литературный критик размышляет о трагичности его поэтического творчества, связанного с встречей расслаивающегося и убывающего для современника прошлого русской жизни с процессом и тенденциями русской действительности. Именно из этого противоречия прошлого и настоящего через синтез внутреннего опыта и внешней реальности у творческой личности рождается понимание будущего России, русского народа, его культуры. Именно через это противоречие идет и

[99] Стручкова, Н. Скорбный слух поэта / Н. Стручкова // «К высоким небесам» : Сборник статей о творчестве Д.А. Мизгулина. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – С. 88.

самосовершенствование творческой личности. Этот путь самосовершенствования есть путь реализации творческого потенциала личности, заложенного в ней Творцом, Высшей Силой. Как раскрывается личность, мы наблюдаем через все её поэтические, научные, прозаические и публицистические произведения. Мы видим, как меняются образы лирических героев, тона, ритмы и темп русской жизни, русской культуры и России. Изменения в социуме личности, в обществе в целом, оказывают влияние: от позитивного (банковское дело, депутатская деятельность), формирует уверенность в себе, до неуверенности, апокалипсических мироощущений (поэзия и некоторые виды общественной деятельности). В этом заключается его трагизм «особого рода», трагизм его ума, души и сердца, которые сопротивляются наступлению разворачивающихся на глазах русской драмы («русский крест», «отсутствие у русских государственности» и др). Поэтому не все можно сказать прямо, ибо силы противные очень сильны и в настоящее время неодолимы. Поэтому Мизгулин говорит в своих произведениях символами, знаками, образами, ощущениями. Прямого соответствия между тем, что он пишет и реальностью нет и не может быть. Его стихи подсказывают уму, душе и сердцу, любящим русскую культуру, Россию и русский народ, путь к вечности, путь к спасению, путь к Богу. Отсутствие прямого соответствия между внутренним миром творческой личности и изображаемыми в поэзии образами лирических героев только усиливает притягательность результатов его творчества, подталкивает читателя на путь философских раздумий и размышлений.

Н. Стручкова отмечает: «Поэзия Дмитрия Мизгулина – живая душа, горящая на медленном огне бытия, вся без утайки, дотла, и возрождающаяся из пепла, подобно сказочной птице. Стихи и проза созданы в конкретные моменты его жизни. Однако не стоит искать в них биографической конкретики, бытовой описательности. Поэзия его символична, в ней нет прямого соответствия реалиям внешнего мира. Нет и рассказа о невидимом внутреннем мире поэта. Она откровенно поднимает жизнь на художественную высоту, вернее, смещает её в благодатную иллюзию духа. И чем доверительнее интонация, вибрирующая в звуках его стихов, тем дольше его произведения от телесной жизни, тем ближе к поэтической истине, к правде междумирия. Лишь с подобной (или бесподобной?) высоты можно услышать эхо грядущих, приближающихся к нам времен, предупредить живущих об опасности, помочь внести коррективы в личную траекторию пути от рождения, через зрелость – к смерти, преображающйеся в новое рождение»[100]. Русское мышление через синтез рационального и чувственного, внешнего и внутреннего, Я и

[100] Стручкова, Н. Скорбный слух поэта / Н. Стручкова // «К высоким небесам» : Сборник статей о творчестве Д.А. Мизгулина. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – С. 89-90.

Оно рождает удивительные образы новой реальности, схожие и не схожие с реальным бытием. Эти образы новой реальности излучают Свет любви, мира, покоя, добра, правды, мудрости, знания, доблести и чести, достоинства. Русская душа горит на медленном огне новой реальности, впитывает в себя Дух Света, возрождается нравственно и духовно через светлое делание. Это с одной стороны. С другой стороны, поэзия Д.А. Мизгулина предупреждает нас, русских, о том, что тратим энергию попусту, ибо мы так сильно отделены от Бога, от творчества, от истинно русской культуры. Творец дал нам свободу, право выбора, чтобы мы реализовали Божие в Я в своих творческих делах, нравственных поступках, в своей жизни. Для этого нужно прийти в Храм Божий, прикоснуться молитвой к Богу.

5. Память и беспамятство в русской культуре

5.1. «Концепт памяти» поэта по А.Н. Семёнову

Мизгулин постоянно в своих стихотворениях поднимает тему русской памяти. Эта тема затрагивается в стихотворениях «Ф. Раскольников в Париже», «Нашей памяти долгий свет…», «Этот вечер не тронут прогрессом…», «Смурная вьюга злится…» и других. По мнению А.Н. Семёнова, память является важнейшей составной частью концептосферы Мизгулина, с чем нельзя не согласиться. Он отмечает: «Для лирики Дмитрия Мизгулина память – это одно из определяющих свойств, качеств душевного мира. Память для него – это и составляющее концепта душа, и его развитие. Более того, память может выступать в качестве тождества, синонима концепта душа…»[101].

Память в представлении А.Н. Семенова есть память человека конкретного и память культурная. Он считает, что Мизгулин дает даа основных варианта памяти: память-душа и память-разум.

Хорошо бы собрать воедино
Все минувшее дни и года,
Чтоб воссозданной жизни картина
Под рукой находилась всегда.
Чтобы давних событий цепочка
Не исчезла в безмолвной глуши,
Чтобы каждая фраза и строчка
Сохранились в архивах души.

(«Память»)

[101] Семёнов А. Н. «Всё вместила моя душа…». Концептосфера лирики Дмитрия Мизгулина / А. Н. Семёнов. –СПб. : Литературный фонд «Дорога жизни», 2010. – С. 44.

Так что такое память? Память – важнейшая, даже определяющая характеристика личности. Никакое действие человека не мыслится вне процессов памяти. Протекание любого психического процесса предполагает удержание данного конкретного его элемента для «сцепления» с последующими. По мнению русского мыслителя И.М. Сеченова, без способности к такому «сцеплению» человек оставался бы «вечно в положении новорождённого». Именно память обеспечивает единство и целостность человеческой личности. Под памятью психолог А.Г. Маклаков понимает «запечатление, сохранение, последующее узнавание и воспроизведение следов прошлого опыта». Благодаря памяти человек постоянно накапливает информацию, при этом не теряя прежних, приобретенных ранее, знаний и навыков. То же можно сказать и о коллективной памяти, культурной памяти.

Память следует рассматривать как психический познавательный процесс личности. А некоторые психологи называют память «сквозным процессом», который объединяет все познавательные процессы, обеспечивает преемственность этих процессов. Психологи всегда пытались объяснить связь психических процессов при запоминании, а затем и воспроизведении. Были выведены принципы, по которым человеческие представления связываются друг с другом, впоследствии получившие название принципа ассоциации. Ассоциация означает связь, соединение. В настоящее время психологи различают принципы ассоциации по смежности, по сходству и по контрасту. Ассоциации по смежности – это образы восприятия и представления, которые в биографии человека уже когда-то переживались вслед за образами. Ассоциации по сходству – это образы или представления, которые в сознании человека вызывают представления, сходные с этими признаками. Ассоциации по контрасту – это образы и представления, которые вызывают в сознании человека представления, противоположные им. Различают память двигательную или моторную, эмоциональную, образную и словесно-логическую память. Также существует деление памяти на произвольную и непроизвольную, кратковременную и долговременную. Так о какой памяти идет речь в творчестве Д.А. Мизгулина? Полагаю, что речь идет об образной памяти. Когда Дмитрий Мизгулин обращается к русской истории, он пытается воспроизвести образы Китеж-града, образы противостояния Золотой Орды и Руси; образы большевистского террора в первые годы Революции и образы людей бегущих от Сталина за границу; образы советской действительности; образы эпох и ярких представителей этих эпох русской истории и культуры. Присутствует, конечно, и словесно-логическая память о вышеперечисленных событиях, которой Д.А. Мизгулин пытается конкретизировать развитие этих событий в пространстве и времени, уточняет и конкретизирует характерные

черты или характеристики лирических героев. Но какое место занимает память в душе Дмитрия Мизгулина? По А.Н. Семенову, – это «одно из определяющих свойств, качеств душевного мира», память – это синоним, тождество души. Полагаю, что в память, как психологический процесс, Д.А. Мизгулин вкладывает несколько другой смысл. Он говорит, что его душа всё вмещает в себя. Душа не синоним и не тождество, а вместилище памяти. Душа вмещает в себя как память образную, так и память словесно-логическую. Д.А. Мизгулин говорит: «Доверяй не уму – душе…», ибо связывание психических процессов, т.е. запоминание, сохранение, последующее узнавание, воспроизведение следов прошлого опыта, происходящее в памяти, обнимается душой поэта. Отсюда возникает иллюзия, что существует память-душа и память-разум. Всё значительно сложнее и интереснее. Ибо не памяти держать ответ перед Богом, так как память всего лишь один из психических процессов, притом сквозных процессов, а душе держать ответ перед Спасителем: «Ей держать-то ответ перед Богом / Все, что нужно, душа сохранит - / И любовь, и ненастные дни». Душа сохраняет то, что связывается в памяти человека, и не только, душа сохранит и эмоции, и мотивации, и стрессы, и связанные с ними факты биографии.

Одной из важнейших характеристик памяти, по А.Н. Семенову выступает свет. При этом он ссылается на стихотворение «Нашей памяти долгий свет…». Профессор ЮГУ пишет: «Одно из самых постоянных характеристик памяти – свет, который освещает в сознании «времена, события, даты» («Нашей памяти долгий свет…», 1985). Понимание памяти как тождества света наполняет данный концепт принципиально важным содержанием: память не дает человеку жить в темноте забвения и неведения о том, что было, не позволяет ему замкнуться в темноте только сегодняшних дел и забот. Память может пониматься и как река, но все равно несущая к свету. Сохраняемое памятью, даже если в нем есть свое трагическое, позволяет душе лирического героя воспарить, и «памяти река» несет его «навстречу свету»[102]. Считаю, что свет является не характеристикой памяти, а результатом соединения, связывания психических познавательных процессов, результатов сквозных процессов, обеспечивающих преемственность этих психических процессов, объединяющих их в единое целое, что вмещается в душе Мизгулина. Но вмещается в душе поэта не сам процесс, как единое целое, а некий результат этого процесса, источающий из памяти «долгий свет». Свет - это не характеристика, а результат психических процессов в сознании, вмещающих в себе душу личности. При анализе стихотворения «Похоронив отца и мать…» А.Н. Семенов

[102] Семёнов А. Н. «Всё вместила моя душа…». Концептосфера лирики Дмитрия Мизгулина / А. Н. Семёнов. –СПб. : Литературный фонд «Дорога жизни», 2010. – С. 46-47.

впадает в противоречие со сказанным о стихотворении «Нашей памяти долгий свет…». Ибо действительно, «памяти река, как образ психических процессов, происходящих в сознании поэта, называемых памятью, несется «навстречу свету», находящемуся вне Я. Свет находится вне личности, а не является характеристикой памяти. Свет в личности есть отражение либо по смежности, либо по сходству, либо по контрасту всего того, что обнимается душой.

5.2. «Ах ты память, ты русская память?»

Д.А. Мизгулин говорит о потери связи с славянским прошлым. В психологии есть так называемое ассоциативное направление в изучении памяти. Понятие ассоциации означает связь, соединение. Согласно принципу ассоциации, если определённое психическое образование возникло в сознании непосредственно друг за другом, то между ними образуются ассоциативные связи. Повторное появление какого-либо из элементов этой связи вызывает в сознании воспроизведение всех элементов. Но в сознании поэта появление отдельных элементов русского (славянского) прошлого не вызывает воспроизведение всех элементов прошлого.

Так, в стихотворении «Ф. Раскольников в Париже» поэт говорит, что русская память вспомнит в конце-концов «все»: «Ах память, ты русская память! / Всё вспомнишь в конце-концов». И дальше уточняет, что это за «всё»: «Тобой же раздутое пламя / Тебе же дохнуло в лицо». Мозгулин Д.А. говорит о воспроизведении в русской памяти всего того, что сжигает, что разрушает! А где же то великое, вечное, духовное, что тоже русская память должна вспомнить. Этого мы не находим. Почему русская память должна воспроизводить только те элементы прошлого, которые сгорают в огне пожарищ и революций, войн и смут. Русская история полна фактами, событиями, которые вызывают в русском сознании чувство гордости, чувство, которое соединяет нас в великое целое – русский народ. Чувство гордости вызывает история как русского языческого, так и православного прошлого. Кому не приятны деяния русских богатырей и простых русских людей, защищающих Родину, деяния священников РПЦ по утверждению православия на Руси, титанические усилия русского народа по освоению огромных пространство Сибири и Дальнего Востока, великие стройки советских пятилеток, победа народа и государства во Второй Мировой войне, русский прорыв в космос, полет Ю. Гагарина, ошеломляющие достижения русской науки. Но русская память, действительно, помнит и «раздраи» русских князей, нашествие монголов (или как говорят новые хронологи: гражданская война между Золотой Ордой и Русью), смута начала ХУП века, польская интервенция, онемечивание и офранцузивание русской аристократии так, что она забыла про живую

русскую речь, нашествие Наполеона на Россию, свержение царя Николая П. Первая и Вторая Мировые войны, Революция и террор большевиков, затем гражданская война в России… И таких событий в русской истории было очень много. Все объемлет русская душа. Все охватывает русское сознание. Но почему-то русская душа сбивается только на негативное, трагическое, катастрофическое прошлое. Может потому, что из этого катастрофического прошлого русское сознание мало извлекает для себя уроков?

Д.А. Мизгулин, обращаясь к русской памяти, хочет показать остроту раскола, драматизм и символизм отдельных фактов и событий русской истории, в частности, революции. В стихотворении «Ф. Раскольников в Париже» он яркими красками рисует художественный образ стойкого чекиста, революционера, который сам, своими руками убивал десятки ни в чем не повинных русских людей, врываясь по ночам к ним в дома. И вдруг этот преступник от советской идеи разочаровывается в «кровавом месиве» (а может не разочаровывается), бежит в Париж. Но этот человек так пропитан идеологизмами, что не в состоянии покаяться за содеянное им лично, не в состоянии возвратиться к русским истокам, а становится в ряд «новых оппозиционеров», очень падких на средства массовой информации, позиционируя себя борцом против Сталина. Будто он бросил вызов самому Сталину! Ф. Раскольников – это символ обиженного, не обласканного почему-то советской властью революционера. Символ революционера, который бросается от одной крайности в другую, от террора мирного русского населения, от защиты революции до трескотни оппозиционера, якобы борющегося против Сталина. Это символ перевертыша. Таких и сейчас в российской политике сколько угодно. Например, бывший председатель Правительства России Касьянов, мэр города Москвы Ю.М. Лужков и другие, которые были активной частью системы коррупции, а сейчас находятся на противоположном полюсе, активные борцы против этой же системы. Стиль поведения один и тот же. Бегство или попытка бегства за границу, поиск защиты у зарубежных СМИ, очернение государства российского. Бегут за границу, начинают из-за рубежа бороться против существующей власти, но, по сути, против русской культуры и русского народа. Это символы политического перевертыша. Они хотят быть вечно на вершине власти, политической, административной. И как только выдавливаются из этой власти, из властной элиты, становятся ярыми противниками этой власти. Они никогда не вернутся в русскую культуру, они никогда не будут любить русский народ, ибо они перевертыши. Их всегда будет поддерживать Запад, ибо они проводят в жизнь интересы Запада по ослаблению России, русской культуры, унижению русского народа. Русская память должна всегда помнить этот символ перевертыша для того, чтобы при необходимости

зажигать «красный свет» тем, кто из этой категории лиц рвется к власти, пусть даже от новой оппозиции. Это волки в овечьей шкуре. Это «полуночные демоны», как говорит Мизгулин.

Минувшее явственно вижу,
Прошедшие годы не в счёт.
И вот по ночному Парижу
Раскольников Фёдор идёт.

Без паспорта въехал. Без визы.
Трубит «Фигаро», «Пари матч»:
Он бросил нешуточный вызов,
К вождю обратившись: «Палач!»

Ах память, ты русская память!
Оглянешься с мукой назад –
Кроваво-закатное знамя,
Туманно-ночной Петроград.

И будет спасение миру,
И счастье, и свет, а пока –
Не вы ли в ночные квартиры
Ломились с мандатом ЧК?

Не ты ли, Раскольников, рьяно
Великой идее служил?
Как демон полночный, с наганом
Во тьме предрассветной кружил?

Теперь спохватился – не слишком
Раздули всемирный пожар?
Во что же ты верил, братишка?
Куда ж ты нас вёл, комиссар?..

Ах память, ты русская память!
Все вспомнишь в конце-то концов.
Тобой же раздутое пламя
Тебе же дохнуло в лицо.

Огнями ночного Парижа
Вся комната озарена,
А память все ближе и ближе
И все беспощадней она.

И снится убитый царевич,
И кровью забрызганный лед.
И Бунин Иван Алексеевич
Руки тебе не подаёт.

(Ф. Раскольников в Париже)

Второй вывод, вытекающий из чтения этого стихотворения, это тот, который свидетельствует о продолжении жизни русскости в лучших русских умах русского зарубежья, о продолжении жизни русской культуры. Русскость, которая характеризуется порядочностью, честью и достоинством, высотой Духа, высокой культурой поведения. Олицетворением этой русскости является И.А. Бунин – яркая личность, человек большого ума и нравственности, признанный зарубежным сообществом, впоследствии лауреат Нобелевской премии в области литературы, любящий свою Родину, никогда не предававший свой русский народ.

Встреча в Париже символа перевертыша – Ф. Раскольникова и символа русской культуры – И.А. Бунина – это встреча двух миров, двух культур: новой, нарождающейся, идеологизированной советской культуры и традиционной, исторической, нравственно оправданной русской культуры. Русская культура никогда не пойдет на синтез со своей противоположностью, советской культурой. Ибо советская культура в лице Ф. Раскольникова готова идти на союз даже с Дьяволом ради сохранения самой себя. Символично, что И.А. Бунин не подает руку Ф. Раскольникову в Париже при их встрече, ибо руки последнего «по локоть в крови», ибо это руки человека нераскаявшегося. Это символический акт неприятий традиционной русской культурой нарождающейся на русских костях советской культуры. Невозможна «подача руки» русской культурой советской культуре, ибо они живут по разным законам. Конвергенция между ними невозможна. Вот о чем говорит строчка из стихотворения Мизгулина «Ф.Раскольников в Париже»: «И Бунин Иван Алексеевич / Руки тебе не подает».

И третий важный вывод в том, что Д.А. Мизгулин признает советскую идею великой. Действительно, советская идея была великой идеей, но уже не Русской идеей, которая пыталась обосновать и показать путь строительства общества социальной справедливости в России, а затем во всем Мире. Но эта идея опиралась изначально на безнравственные основания и поэтому не могла долго существовать. Эта идея реализовывалась через кровь, страдания, голод, лишения миллионов людей. Но, с другой стороны, эта идея помогла сконцентрировать ресурсы на модернизацию страны по-советски, выиграть самую разрушительную войну в истории человечества, прорваться в космос, создать мощнейший военный потенциал. Но эта идея была исторически обречена, ибо она не пустила и не могла пустить корни в народе, русский народ жил и живет Русской идеей. Поэтому Советское государство и советская культура под напором времени распались.

5.3. Забывчивость русских

В психологии есть такое понятие как «забывание». Почему забывается культура, почему забывается прошлое? Потому, что эта культура (символы, знаки, смыслы, традиции, праздники) выводятся из повседневной деятельности народа. На место их приходят новые символы, знаки, смыслы, праздники, традиции. Советская власть это сделала «великолепно». Но она не учла одного, что насильно вживленные элементы в народ, культуру не приживутся, в конце концов отомрут или ослабнут. Ибо они не имеют нравственной силы.

Забывание есть явление целесообразное. Забывается то, что не включается в деятельность людей, что перестает быть значимым для этих людей. Русское прошлое, особенно духовное прошлое, ставшее препятствием для революционеров всех мастей в России, быстро было выведено из деятельности миллионов людей. Прошлые знаки, символы, национальные цвета, звуки, обряды, традиции начали планомерно исключаться властью из повседневной деятельности русских людей. Причем те категории населения, которые сопротивлялись этому процессу, уничтожались, предавались забвению, высылались из страны. Слой за слоем революционеры в России уничтожали целые пласты культуры: русскую духовность, казачью субкультуру, офицерский корпус, русское дворянство, зажиточное крестьянство («кулаки»), русских интеллектуалов и др. Всё это значительно ослабило Русский Дух, вывело его за пределы повседневной деятельности народа. Поэтому Мизгулин говорит об активной форме забывания, то есть исключения русского прошлого из повседневной деятельности людей: «Без печали к ушедшему веку / Память прошлого рвать на куски?» «Рвать на куски», значит проявлять активность в отношении своего прошлого, более того, сортировать, расчленять это прошлое. «Рвать на куски» - это не значит забывать прошлое, ибо память может воспроизводить эти «куски прошлого» в отдельности, но это делать значительно труднее.

Полагаю, что Д.А. Мизгулин, понимая, что память есть процесс запоминания, хранения, забывания и воспроизведения информации, говорит о разрыве связей между разными частями («кусками») прошлого. Одной из важнейших функций памяти является обеспечение связи между прошлым опытом и настоящим процессом, обеспечение непрерывности психической деятельности. Если человек рвет в своей памяти прошлое на «куски», значит, он целенаправленно разрывает связи между отдельными компонентами прошлого в своем сознании, в своей Я-концепции этого прошлого, желая иного будущего. Разрывая прошлое на «куски», такой человек рвет и свое будущее, делает его еще более непредсказуемым, темным, страшным.

Проявляя активность в отношении уничтожения прошлого, мы тем самым становимся бездомными, всё куда-то спешим и бежим,

сдаем без боя города и веси, ожидаем от победителей пощады. Люди с разорванной памятью - это «Иваны, не помнящие родства». Люди с разорванной памятью обретают иную многомерную динамику, обретают много целей в жизни, а следовательно, у них много настоящих и много будущих. Люди путаются в целях, не могут обрести четких ориентиров в жизни и творчестве. Многоцелие ослабляет мотивацию и действия становятся непоследовательными. Люди шарахаются из стороны в сторону во всех областях деятельности. А еще точнее, внутренняя сторона деятельности все больше выдавливается внешней стороной деятельности, то есть поведением. Люди руководствуются потребностями, совершают поступки в соответствии с этими потребностями, живут надеждами. Потребительская культура берет верх. Д.А. Мизгулин поэтому пишет: «Кто мы, где мы, зачем и куда, /Все бежим и бежим в никуда…». Бег в никуда – это путь без великих целей, это постоянная суета сует. И как следствие жизнь в ожидании чуда. И чуда не будет в этом беге «в никуда». Человек творческий перерождается в человека суетливого, поверхностного, человека оторванного от Бога, - человека потребительского и бесцельного. Конечная точка этой психологии - жизнь без целей. Как писал С.М. Шапиро: «Бросьте вызов догматам практической психологии и наслаждайтесь жизнью, освободитесь из плена поставленных целей!»[103] Прибежали! Об этой тенденции в русской жизни говорит Д.А. Мизгулин: «Жизнь прошла ради денег и славы…».

Но какая нам пощада, если мы сдаём своё, если мы не можем его защитить, если мы стали слабые не только памятью, но и Духом, если мы даже не печалимся от того факта, что сами порвали прошлое на куски. Сильные Духом сдают города для того, чтобы сохранить силы и вернуть всё временно утраченное. Слабые Духом, сдавая города, совершают акт предательства своей культуры, своего народа. Ибо они никогда уже не вернут утраченное. А мы ослабели духом, - об этом говорит поэт.

Этот вечер не тронут прогрессом.
Вдалеке от полуночных стран
Дым печной расстелился над лесом,
Заклубился над полем туман.

Что за участь дана человеку –
Вдалеке от вселенской тоски
Без печали к ушедшему веку
Память прошлого рвать на куски?

Кто мы, где мы, зачем и откуда,
Все бежим и бежим в никуда,

[103] Шипиро, С.М. Жизнь без целей / С. М. Стивст. – М. : Добрая книга, 2006.

Ожидая пощады и чуда,
Мы без боя сдаём города.

Жизнь прошла ради денег и славы,
Слишком поздно смотреть на часы.
Уроним высокие травы
Изумрудные капли росы.

(«Этот вечер не тронут прогрессом…»)

Человек, в беспамятстве погнавшийся за славой и деньгами, теряет всё нажитое. И порой бывает поздно вернуть утраченное: время неумолимо бежит вперёд.

5.4. Вера в русскую память

Д.А. Мизгулин верит, что беспамятство пройдет, что русский человек обретет связь прошлого, настоящего и будущего в своей памяти. Но будут жертвы на этом пути. «Ах память, ты русская память!» - восклицает поэт. «Всё вспомнишь в конце-концов». Но будет поздно, ибо «Тобой же раздутое пламя / Тебе же дохнуло в лицо». Процесс воспроизведения в памяти, восстановления исторически утраченного

может все-таки происходит, но происходит это с трудом, мучительно. Но вот русская память вспомнила и ужаснулась от этого воспоминании, от содеянного в прошлые годы. Огонь прошлого обжег лицо вспоминающего свою родную русскую культуру, прошлое своего народа, историю России. Нужно ли нам такое прошлое? Да, очень нужно для того, чтобы такое прошлое никогда не повторилось. Нужно и для того, чтобы преодолеть это прошлое, ещё больше углубиться в русскую историю, когда она сияла в своём блеске, величии, когда Русский национальный дух творил историю, а не плёлся в её хвосте.

Нам, русским, нужно не только катастрофическое прошлое, но больше нужно славное прошлое, чтобы обрести оптимизм сегодня, уверенность в славном будущем. Нам, русским, необходимо все глубже и глубже идти в своё прошлое, нам необходимо, чтобы наша историческая память вспомнила все, что было с русским народом; вспомнить нашу культуру от начала. Приведу два исторических факта, говорящих о величии русской истории. У нас, русских, славное, богатое, величественное прошлое. Это прошлое необходимо собрать, соединить «разорванные куски». Это может сделать наша память, наше мышление, наш разум. Русский народ, русская культура и Россия нуждаются не в том прошлом, которое подается европоцентристскими мыслителями, официально ангажированными историками, а действительное, реально существовавшее, истинное

прошлое. Фактов этого прошлого накоплено очень много, их пора соединить в единое прошлое, единое настоящее и единое будущее. Так, Шишков А.С., государственный секретарь и президент российской академии наук (1754-1841), говорил: «Имя славян славилось за несколько веков до существования Рима, и прежде, нежели греки сделались известны между людьми. Славянский язык имел свои древнейшие наречия, из коих у некоторых были письмена от самых первых времен сего божественного изобретения. Слово и слава суть смежные понятия. Второе произошло от первого, поскольку слава рождается и возрастает через слово. По сей причине полагать должно, что имя славяне сделалось из словяне, то есть словесные, одарённые словом люди». Или возьмём ещё один факт, говорящий о роли славян в истории, который достаточно замалчивался нынешними официальными историками. Так, католический священник, архимандрит Рагуский Мавро Орбини в своей работе «Книга Историография початия имене, славы и расширения народа славянского И их Царей и Владетелей под многими именами и со многими Царствами, Королевствами и Провинциями» писал: славянский «…народ озлоблял окружением чуть ли не все народы во Вселенной; разорил Персиду: владел Азиею, и Африкою, бился с египтянами и с великим Александром; покорил себе Грецию, Македонию, Иллерическую землю, завладел Моравией, Шленскою землёю, Чешскою, Польскою и берегами моря Балтийского прошёл во Италию, где многое время воевал против римлян. Иногда побеждён бывал, иногда биючи сам в сражении, великим смертопобитием римлянам отмщевал; иногда же биючися в сражении, равен был. Наконец, покорив под себя державство Римское, завладел многими их провинциями, разорил Рим, учиняя данниками Цесарей Римских, чего во всем свете иной народ не чинивал. Владел Франциею, Англиею и установил державство во Ишпании; овладел лучшими провинциями во Европе…». Эти слова написаны в 1601 году. Орбини ссылается на сочинения Иеремея Русина и Ивана Великого Готского. Кто знает этих русских историков-летописцев? они стерты из русской памяти, объявлены мифическими лицами. Пора вспомнить о великих русских людях и не комплексовать от этого.

Русская память потихоньку все вспоминает, все вспомнит, несмотря на то, что её будет обжигать прошлое. В русском прошлом много такого, чем необходимо гордиться русскому народу. Неслучайно, что некоторые русские цари уделяли огромное внимание изучению истоков русского народа, исследованию русской истории, русской культуры.

ВОЙНА В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ ХАТЫ-МАНСИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ И ЖУРНАЛИСТА Н.Б. ПАТРИКЕЕВА

Война прошла через жизнь и творчество талантливого русского журналиста и писателя Н.Б. Патрикеева и врезалась навсегда в его сознание, поэтому военная тематика заняла значительное место в его исследованиях и публикациях. Когда началась война, Мире Патрикееву было всего 10 лет. Дети военного поколения очень быстро мужали и превращались во взрослых. Почти во всех семьях того времени или отцы, или деды, или братья уходили на фронт, многие из них не возвращались. Война у этого поколения ассоциировалась с большим злом. Поэтому все они ненавидели агрессора, то есть немецкий фашизм, хотели сами бороться с ним, рвались на фронт. Но эта ненависть быстро прошла вместе с победой народа, победой русского оружия, Русского Духа. Все это переделывало людей, усиливало их положительные или отрицательные качества. В годы войны складывалось особое, патриотическое мировоззрение военного поколения. Стержнем этого мировоззрения была любовь к Родине, к Отчизне. Любовь к Родине была неодолимой силой для врага, так и не понявшего русскую душу, силу Русского Духа.

1. Война в жизни Н.Б. Патрикеева

Повзрослевший ум Миры понял, что случилось самое страшное, что может произойти. Началась ВОЙНА. В 1941 году Новомир Патрикеев закончил первый класс и хорошо помнит, как 22 июня толпа салехардцев собралась у репродуктора, закрепленного на столбе, слушая выступление В.М. Молотова о вероломном нападении фашистских захватчиков. Через некоторое время потянулись люди к военным комиссариатам. Сразу же началась мобилизация и колонны будущих бойцов под музыку духового оркестр пошли к пристани для погрузки на пароходы. Слезы расставаний. Все понимали, что многие уходят навсегда, многие падут на полях сражений. Одной из примет времени стало появление на заборе окружного Дома Культуры огромных красочных карикатур на Гитлера, Геббельса и немецких солдат, конечно, отступающих под натиском красных бойцов.

Менялись лица людей. Становились другими разговоры. Все напряжённо вслушивались в последние сводки. Они становились всё тревожнее и тревожнее. Немцы рвались к Ленинграду, Киеву, Москве. Новомир рано стал читать газеты. По заметкам окружной газеты он знал о митингах и собраниях, где обсуждались задачи военного

времени, о главном лозунге тружеников тыла: «Всё для фронта – всё для победы!».

Менялись на глазах все. Все и всё было пропитано войной. Не сменялось только одно – образование и воспитание детей. Дети, как обычно, в сентябре шли в школу. В сентябре Мира пошёл во второй класс начальной школы. Но школа была уже другой. На военный лад перестраивалась школьная жизнь. По настроению учителей можно было понять, что над страной и народом нависла беда. Учитель меньше стал улыбаться, как – то строже и серьёзнее стал относиться к детям, стал много говорить о войне. Часто подчёркивали: «Вы должны доказать, что Вы умеете учиться. Ваши отцы на фронте будут гордится вами». Рассказывать детям о том, как Красная Армия отступает, было трудно. Учителя говорили о положении на фронте, о напряженной работе тружеников тыла. Как и все младшеклассники, Новомир с интересом слушал беседы об Александре Невском, Дмитрии Донском, о других русских полководцах: Суворове и Кутузове. На многие вопросы дети не могли получить ответа. Страна жила ожиданиями первой победы. А сводки с фронта шли одна мрачнее другой.

На Миру Патрикеева оказала большое впечатление первые дни войны: разговоры о войне, уход на войну земляков, многих он помнит до сих пор. Особо Мира запомнил уход на фронт выпускников салехардской школы. Об этом он часто вспоминал в своих исторических исследованиях. Позднее, в зрелые годы, Н.Б. Патрикеев сделал много, чтобы увековечить имена погибших земляков, выпускников старших классов. Например, печатая о них статьи в возглавляемой им газете «Ленинская правда», работая над Книгами памяти. Так, прочитав книгу Памяти, изданную в г. Тюмени, он написал в своих книгах свои воспоминания: «Были они старше лет на шесть – семь, уходили на фронт с третьего года войны, и я хорошо их помню. Листаю по алфавиту: Александр Бояркин, сын основателя и многолетнего директора Салехардской типографии. Он чуть постарше других, и я запомнил его стоящим в «оцеплении» первомайской демонстрации у ворот горсада, через который тогда проходили колонны от трибуны на площади около церкви к зданию Окрисполкома. Саша стоял с настоящей винтовкой, на штыке которой был небольшой красный флажок. Погиб он в январе 1945 года»; «Владимир Максимович Верзаков, 1925 г. рождения – сын известного в городе связиста и огородника…запомнил сидящим на заякоренной лодке около устья Поляпты, с которой бросали удочки – закидушки. Семен погиб 26 июня 1944 года, похоронен в Полесской области»; «Михаил Веревкин, сосед по двору, погиб 3 февраля 1944 г. девятнадцатилетним». Эти «пацаны», которых он знал, с которыми он был знаком, уходили на фронт и не возвращались назад. Это сильно будоражило его сознание, сознание его друзей и сверстников.

С болью и ненавистью к врагам читал рассказ писательницы Елены Кононенко «Красный галстук» о повешенном фашистами пионере, разучивал после уроков военные песни. Даже темы школьных диктантов носили патриотический характер: «Доблестная Красная армия разгромит врага и полностью очистит советскую землю от немецко-фашистский захватчиков», или «Воины Красной Армии, помните, что вы защищаете свободу, честь и независимость своей Родины». Пионеры и школьники готовились к защите своей Родины. Даже в начальных классах были введены уроки военного дела. По таблицам, плакатам и макетам учащиеся знакомились с видами оружия, боевыми отравляющими веществами, изучали санитарное дело, учились пользоваться противогазами. Лучшие сдавали нормы на детские оборонные значки: «БГСО» («Будь готов к санитарной обороне»), «ЮВС» («Юный Ворошиловский стрелок»). Сложнее всего было получить оборонно-спортивный значок «БГТО» («Будь готов к труду и обороне»), который требовал соответствующей военной и спортивной подготовки. Некоторые основные навыки для этого салехардские ребята получали с раннего детства. В шесть-семь лет они вставали на лыжи и коньки, посвящая им зимой почти все свободное время. Летом учились плавать, ездили на маленьких вертких лодках-калданках. Одни без взрослых ходили в лесотундру за ягодами и грибами, ловили на удочку рыбу. А кто чуть постарше, становились юными охотниками.

В его биографии особое место занимает отец – первый агроном Ямала Борис Владимирович Патрикеев. Проводы отца на фронт, его кратковременные возвращения, одного и со сослуживцами, их разговоры о войне, о людях, о немцах, об армии и оружии. Ничего не проходило мимо сознания Миры. Его детское сознание впитывало всё, что доходило с фронтов Великой Отечественной войны, всё, что было связано с жизнью и работой отца.

Отец Миры, как и все, рвался на фронт. Но он в данный момент больше был нужен здесь, нужен был для весеннего сева и уборки урожая. Поэтому в Салехарде окружком КПСС не отпускал Б.В. Патрикеева на фронт. Весенний сев 1941 года заканчивался уже в военное время. Б.Н. Патрикеев, лично побывав в ведущих хозяйствах, обеспечив соответствующую организационную подготовку, способствовал успешному выполнению плана посевных площадей в размере 217, 7 гектара. Несмотря на плохие погодные условия и нехватку рабочей силы, в связи с призывом в армию, валовой сбор продукции овощеводов составил 580,8 тоны. Горковский колхоз «Заря» перевыполнил планы по урожайности всех культур. На площади 15 гектаров было убрано картофеля 98 ц/га, а на семенном – 140 ц/га. Мира часто вместе с отцом бывал на полях Шурышкарского, Приуральского районов. Мира видел своими глазами трудную работу овощеводов и картофелеводов.

Борис Владимирович Патрикеев в военные годы, вплоть до ухода на фронт, продолжал активно сотрудничать с газетой «Красный Север» (Салехард). Так, им публикуются статьи «Организация ухода за посевами картофеля» (11.07. 1941 г.), «Колхоз «Заря» перевыполнил план урожайности» (15.10. 1941 г.), «Дадим всё, что потребуется для фронта» (07.11. 1941 г.), «Колхозники отвечают на призыв вождя» (25.11. 1941 г.), которые, несомненно, читал Мира. Тон от статьи к статье резко меняется. Забота всех: от «стара до мала» - помощь фронту, работа на ПОБЕДУ. Его статьи были пропитаны патриотизмом, призывами к соотечественникам бороться за высокие урожаи. Б.В. Патрикеев особо подчёркивал роль каждого гражданина СССР в борьбе за Победу: «Члены профсоюза земорганов усиливают свою работу по созданию фонда обороны страны. В фонд обороны они внесли уже облигаций государственных займов на сумму 49 615 рублей и наличными деньгами 6 754 рубля. Большие вклады облигаций в фонд обороны сделали тт. Ревнивых А.Г. (8 185 рублей), Полянская М.В. (6 700 рублей), Бутерс А.Ф. (6 000 рублей) и Балабырдина З.А. (4 300 рублей)»[104].

Немцы рвались к Москве. Бои за Москву обострились до предела. Все понимали: и мал, и велик, что Москву отдавать нельзя. И Красная армия выстояла. Известие о разгроме фашистских полчищ под Москвой облетело весь Крайний Север. Оно всколыхнуло народ, придало ему уверенность в силах. Эта победа влила новую энергию в людей. Работа пошла лучше, спорее.

Все последующие статьи, до ухода на фронт, сквозят стремлением и призывом всех граждан Советского Союза вкладывать все силы и энергию в оказание помощи солдатам и офицерам Краской Армии. Оказывать помощь всем, чем можно: деньгами, облигациями, картофелем, овощами, одеждой… Б.В. Патрикеев публикует в «Красном Севере» всё более острые, пронизывающие болью и надеждой статьи: «На дело скорейшего разгрома врага», «Новогодние подарки бойцам РККА» (20.12. 1941 г.).

После разгрома немецко – фашистских полчищ под Москвой в статьях Б.В. Патрикеева появляется больше ноток уверенности в грядущей победы, он уже больше обращается к специальным проблемам развития сельского хозяйства на Крайнем Севере: «Итоги сельскохозяйственных работ 1941 года» (22.01. 1942 г.), «Своевременно подготовить теплицы и парники» (24.02. 1942 г.), «Усиливаем помощь фронту» (07.02. 1942 г.), «Обучение учащихся сельхозработам» (08.02. 1942 г.), «Выращивать свои овощи и картофель» (11.04.1942 г.), «Колхоз «За лучший труд» накануне весеннего сева» (19.05. 1942 г.), «Подготовка картофеля к посадке»

[104] Патрикеев, Б.В. Дадим всё, что потребуется для фронта / Б.В. Патрикеев // Красный Север. – 1941. – 07 октября.

(0304.1942 г.) и др. Мира очень внимательно следил за всем, что делал отец. Он любил отца, переживал за отца, радовался его успехам.

Б.В. Патрикеев был страстным охотником, научил пятилетнего сына стрелять из мелкокалиберной винтовки. В шесть лет - из дробового ружья и стал брать на охоту как на лыжах, так и на лодке. Мальчику не было еще и десяти лет, как он добыл первый трофей.

Весной 1942 года Б.В. Патрикеевым было организовано проведение весеннего сева. Но он был уверен, что место его не здесь, а там, в боях с явным врагом, с теми, кто топчет русскую землю, убивает русских людей. Он добивался отправки на фронт.

1941/ 1942 год выдался очень напряженным. Эмоциональная атмосфера была очень мрачной. Это было видно и по учителям, и по старшекурсникам и сверстникам. Начали приходить первые похоронки с фронтов Великой Отечественной войны. На глазах у всех разворачивалась панорама битвы за Москву. Но на этом фоне дети учились читать, писать, изучали стихи, русскую литературу… В школе было много проблем: не хватало учебников, тетрадей, карандашей. Не всегда было тепло в школе. Война отразилась на школе изменением содержания образования.

Мира учился хорошо, у него не было проблем с освоением учебных предметов. Учителя хвалили его за быстрое усвоение учебного материала.

Для учащихся начальной школы организовывались разные кружки. И кружковая работа в школе была ориентирована на потребности фронта. Так, в школах был организован рыболовный кружок, где учили детей делать рыболовные крючки из раскалённых шве йных иголок без зацепки на конце или из раскалённых гвоздей, острие которых предварительно распиливали и вытачивали бороздку. Веревку для перемётов крутили из разобранных кулей, что делом было знакомым. Они также имели волосяные петли, чтобы ловить белоснежных птичек – пуночек и куропаток.

В школе рождались всякие движения и инициативы типа «Всё для фронта, всё для победы!» Школьники занимались общественной работой, ловили рыбу, работали на полях, животноводческих фермах, заготавливали корм для скота. Центром военно-спортивного и трудового воспитания детей стал Салехардский Дом пионеров. Вот, что написал о нем Н.Б. Патрикеев в одной из монографий: «А теперь о Доме пионеров, поскольку я практически вырос в нем. Во-первых, жил в трех десятков шагов от него, во-вторых, мама моя, Анфиса Кузьминична Пермякова в 1936-1937 годах работала заведующим пионерским отделом Ямало-Ненецкого окружкома комсомола, а в 1938 году – директором того Дома. Это был типовое просторное здание постройки 1935 года со зрительным залом, сценой, спортзалом, комнатами для кружковой работы.

Иногда мама брала меня на разные массовые мероприятия: концерты, сборы, новогодние елки. Помню запуск огромного, склеенного из папиросной бумаги воздушного шара, когда около Дома пионеров собралось много людей. Сделали «монгольфьер», названный так в честь изобретателей, братьев Монгольфье, ребята из авиамодельного кружка.

Как и другие объединения оборонно-спортивной направленности, созданные в конце 30-х годов, авиамодельный кружок активно продолжал работать и в годы войны, тем более, что не требовал больших специальных затрат. Исходным материалом были деревянные рейки сечением примерно в один квадратный сантиметр (из них делали фюзеляжи) и сломанные лыжные бамбуковые палки. Из узких бамбуковых полосок толщиной около трех миллиметров выгибали крылья и хвостовое оперенье. Их обклеивали папиросной бумагой, приклеивали к рейке – планер готов. Если к рейке снизу крепили с помощью полосок жести резиновый движитель, а спереди жестяной пропеллер, то стоило закрутить жгут до упора, и «самолет» летел. Но чтобы знать размеры и место крепления составляющих, проводились соответствующие теоретические занятия. Война привнесла в них новые темы – изучение по специально изготовленным плакатам типов германских и советских самолетов, были завезены и плакаты с рекомендациями по уничтожению вражеских авиадесантов.

Естественно, что активизировался и стрелковый кружок, где мы изучали материальную часть оружия, учились стрелять из мелкокалиберных и пневматических винтовок, участвовали в стрелковых соревнованиях, сдавали нормы на значок «Юный Ворошиловский стрелок». Работал физкультурный кружок, скорее гимнастический: перекладина (турник), брусья, кольца, конь. Зимой, конечно, все вставали на лыжи, правда, в соревнованиях городского ранга пионеров далее, чем на двухкилометровую дистанцию не выпускали. В кружке юные лыжники «отрабатывали» скорость, а вот смелость – при катании с крутых гор, прыжках со снежных трамплинов.

В годы войны в Доме пионеров появились более утилитарные объединения. Начну, пожалуй, с кружка юных рыболовов. Большинство салехардских ребятишек, начиная с первоклашек, а то и раньше, каждое лето становились рыбаками. Сначала ловили ершей на закидушки из двух-трех крючков с насаженными дождевыми червями. А ближе к осени с тех же плотов примитивными удочками из палки, толстой хлобчатобумажной нитки – «нолевки» и крючка начинали ловить подросших щурят. Первоначальной наживой служили белая пуговица и папиросный окурок, а затем в ход шли желудки пойманных рыбок. Вытаскивали щучек и при помощи укрепленных на палке проволочных петелек.

Война внесла свои коррективы и здесь. Изменились цели рыбалки – из развлекательной и домашней – полезной - она превратилась в хозяйственно-политическую компанию – лов рыбы в Фонд обороны. Улов принимали около городской пристани. Некоторые чемпионы добывали за ночь по 300 ершей. В сумме это были дополнительные консервы и рыбная крупа для бойцов.

А когда из продажи исчезли фабричные крючки, нитки и веревки, пришел в Дом пионеров один старик и стал учить нас гнуть крючки из раскаленных иголок, но они не имели жала или бородки, и ерши часто срывались. Зато другой тип крючка был с бородкой, его делали из гвоздей, расплющивая раскаленное острие и вырубая в нем зубец. Шляпка гвоздя позволяла крепить леску. Хотя и не очень надежно. Научил он и вить веревки для сетной и переметной тетивы. Материалом служили распущенные рогожные кули. Более привычным было плетение поводков для переметов из волос конских хвостов. Они раньше применялись мальчишками для изготовления петель, которыми ловили куропаток и пуночек.

Кстати, с наступлением зимы большинство юных рыбаков переключалось на добычу куропаток – их тоже сдавали в Фонд обороны»[105].

С осени 1941 года начало учебного года в школах и других учебных заведениях было перенесено на первое октября, это давала возможность продлить трудовое лето, в том числе на колхозных и совхозных полях.

Несмотря на то, что на Ямале считанное количество колхозов занималось выращиванием картофеля и овощей (в Шурышкарском и южной части Приуральского районов), в округе под руководством главного агронома Б. В. Патрикеева была разработана программа и организована 95-часовая учеба школьников по проведению сельскохозяйственных работ применительно к условиям Приполярья с двухнедельной производственной практикой.

Неудивительно, что сын агронома также стал помощником овощеводов и позже писал об этом в своей книге. «Газета «Красный Север» (20 июня 1941 г.) сообщала, что группа салехардский школьников-кружковцев Дома пионеров (в неё входил и автор этой книги) под руководством вожатой Татьяны Штейн часто ходила на сельхозопытную станцию пропалывать опытные делянки с луком и белокачанной капустой уничтожать личинки капустной мухи. Однажды директор станции З.Л. Мкртчан лично поблагодарил группу за помощь и распорядился выдать килограмм помидоров и два килограмма огурцов.

---

[105] Патрикеев, Н Б. Пламя погасших костров (из истории детского движения) / Н. Б. Патрикеев. – Тюмень : Вектор Бук, 1998. – С. 78-81.

Другая бригада из 40 школьников занималась прополкой полей Салехардского совхоза. Ученики неполной средней школы поселка рыбоконсервного комбината работали на полях неуставной артели «За освоение Севера» и опытной сельхозстанции»[106].

И каждое последующее лето Новомир вместе со сверстниками, кружковцами Дома пионеров ловил ершей в Фонд обороны, ухаживал за посевами. Собирал металлолом, утильсырье, дефицитные строительные материалы: гвозди, паклю, кирпичи. В составе тимуровских команд помогал семьям фронтовиков.

Самые яркие впечатления были связаны у Миры с охотой. В начале июня Мире удалось, наконец-то, с отцом побывать на весенней охоте. Уже после ледохода, прилёта серых уток, когда пойма была почти затоплена водой, отец и его друг крестник по охоте, зубной техник Георигий Кошкаров, решили провести воскресенье у горы, в том месте, где протока Карыч-Могот круто поворачивает от неё к Полую. В субботу после работы на двух калданках поехали напрямик по Поляптинскому сору, чтобы не преодолевать на речке силу встречного течения. Н.Б. Патрикеев вспоминает: «…самую охоту запомнил отдельными, но яркими картинками – кадрами. Скрадки отца – на высоком мысу напротив рукотворной просеки и дяди Гоши – в глубине залива у прорвы, его коническую палатку в кустах, костёр.

Затем в скрадке у отца вижу несколько красивых налётов. Забираюсь от холода в свою овчинную малицу и засыпаю. Утром проснулся от почти беспрерывных выстрелов. Смотрю, мужчины вдвоём гоняются за подранком. Утка, как выяснилось, гоголь, медленно всплывает, показав только голову, затем мгновенно с сильным всплеском ныряет, чтобы вынырнуть в неожиданном месте. Девять выстрелов не дали результата»[107].

Запомнилась Мире еще одна охота. 18 августа, за три дня до ухода отца на фронт, отец взял Новомира на охоту с утра. Он вспоминает: «Пойма сильно обмелела. Мы проехали через Полуй и напротив пристани заехали в узкую канавку под названием «Дарьина дыра». За ней был небольшой волок с круглыми жердями, по которым перекатили калданку. И снова канавка, переходящая в залив. Чтобы попасть на место, нам пришлось перетаскиваться через небольшую гривку. Вдруг в метрах двадцати на кочку опустился турухтан. Отец глазами показал на ружьё. Ретивый Мишка замер. Я осторожно взял «Зауэр – Аист» 16 калибра, взвел левый курок, положил до приора на корму лодки, прицелился и выстрелил. Кулик даже не трепыхнулся.

«Взять!» - гордо и радостно скомандовал я собаке. Она резко рванулась за первой в сезоне добычей и с высоко поднятой головой и

---

[106] Патрикеев, Н. Б. Ямальская нива (из истории земледелия на Обском Севере) / Н. Б. Патрикеев. – Тюмень : Вектор Бук, 2000. – С. 59.

[107] Патрикеев, Н. Б. Планета любви: Из записок охотника Северной Оби / Н. Б. Патрикеев. – М., 1996. – С. 22.

горящими глазами торжественно подала мне. Отец коротко похвалил и как – то неожиданно просто сказал: «Теперь это ружье будет твоим».

Только много позже я вдумался в завещательный смысл этих слов, сказанных перед отправкой на фронт»[108]. Именно во время войны отец дарит Мире замечательный подарок – ружьё, да ещё какое! «Обретение первого трофея и собственного ружья стали радостной доминантой этой охоты, хотя всё время нависала и тяжесть от предстоящего расставания с отцом»[109].

10 – летний парнишка, читавший статьи отца, внимательно вслушивался в разговоры взрослых, чувствовал приближающееся расставание с отцом. Он был уже внутренне готов к тому, что отец скажет: «Завтра ухожу на фронт». Мира был даже как – то рад за отца. Он будет защищать Родину, приблизит конец войны, страданий и ужасов. И этот день настал. Слезы матери, дедушки и бабушки. И кто знает, вернется ли когда – либо с фронта живым и здоровым… Мира верил в отца. И над этим вопросом он просто не задумывался. Надо воевать, защищать Родину.

Отец ушёл на фронт в июне 1942 года.

В доме стало пусто, замолчала мать, меньше стали разговаривать бабушка и дедушка. Многое, что делал отец, легло на плечи его сына. Мира взрослел на глазах. Эта детская взрослость была характерной для эпохи военных лет. Надо добывать хлеб, зарабатывать на жизнь. И всё, что делалось, чему научился Мира - была рыбалка, охота, работа на огороде.

Мать Миры – Анфиса Кузьминична Пермякова – зоотехник по образованию, все военные годы возглавляла очень ответственный сельскохозяйственный отдел в окружном комитете КПСС. Постоянные командировки по районам. Она отвечала не столько за партийный контроль, сколько за организацию производства всех видов сельскохозяйственной продукции, особенно оленеводческой, дающей фронту теплую одежду и мясо, и ценой валютной пушнины, обеспечивающей закупки вооружения, а также продуктов питания для местного населения. Мира видел мать очень редко. Больше времени находился с бабушкой и дедушкой. Детей воспитывали родители отца: Владимир Иванович – учитель математики и Ольга Павловна – пенсионерка. Неудивительно, что Новомир всегда был круглым отличником, много читал и вместе с дедом слушал радио и обсуждал сводки о положении на фронте. Новомиру приходилось быть чуть ли не нянькой младшему братишке – Владимиру. Брату было всего четыре годика. Занимался Новомир и домашним хозяйством. Вместе с

---

[108] Патрикеев, Н. Б. Планета любви: Из записок охотника Северной Оби / Н. Б. Патрикеев. – М., 1996. – С. 23.

[109] Патрикеев, Н. Б. Планета любви: Из записок охотника Северной Оби / Н. Б. Патрикеев. – М., 1996. – С. 24.

дедом Новомир пилил, колол и подносил дрова, убирал во дворе снег. Помогал бабушке ухаживать за коровой – чистил стойло, доставал с сеновала сено, носил в ведре так называемое коровье «пойло» - чистую воду, сдобренную картофельными очистками.

Новомир стал пионером в перерыве между полезными делами в 1942 году. По его воспоминаниям «это случилось на сборе Салехрадского городского пионерского лагеря на песчаном берегу реки Поляпты у большого трескучего костра. Нас, группу пионеров и октябрят, кружковцев Дома пионеров, возвращавшихся с прополки полей опытной сельхозстанции, пригласили к костру, а несколько наших ребят, будущих третьеклассников, в том числе и меня – в строй принимавших в пионеры воспитанников лагеря. Мы хором, вслед за пионервожатой, повторили слова Торжественного обещания и пошли домой пионерами»[110].

С сентября дети помогали ковать победу уже в рамках школы. Часто они работали на полях – выкапывали картофель и корнеплоды, сортировали и складывали урожай в мешки. Работа была нелегкой. Особенно в сырую холодную погоду. Зато в перерыв и по окончанию рабочего дня разжигали костер, варили в ведре или запекали на золе клубни, лакомились сочной репой и турнепсом.

Обычно в эти дни приходили из южных районов баржи с овощами и картофелем. Их нужно было перебрать в глубоких трюмах и сложить в мешки, которые выносили по трапам уже профессиональные грузчики на специальных заспинных приспособлениях – горбушах, деревянных ступеньках с широкими заплечными ремнями. Были горбуши и поменьше, вероятно рассчитанные на женщин или подростков. Классу, в котором учился Новомир, как-то было поручено выгружать с помощью таких «рюкзаков» кирпичи по две штуки за ходку.

Зимой младшеклассники салехардской начальной школы, где учился Новомир, ухаживали за колхозными телятами, ходили на скотный двор «скоблить тал», срезать с веток коняка кору на корм коровам, перебирали картофель и овощи в хранилищах. В это время активизировалась работа тимуровских команд – дети помогали семьям фронтовиков в домашних делах, готовили посылки в действующую армию, писали письма бойцам. Весной ежегодно перевозили на детских санках сетные грузила из обожженной глины от «кирпичных сараев» к пристани. Часто это совпадало с началом распутицы, металлические санки проваливались в снег, и их приходилось тащить вдвоем, ухватываясь за тонкие веревочки.

В 1942 году Мира принес домой первый охотничий трофей. Осенью 1942 и всё лето 1943 года Мира чуть – ли не ежедневно

---

[110] Патриксев, Н. Б. Пламя погасших костров (из истории детского движения) / Н. Б. Патриксев. – Тюмень : Вектор Бук, 1998. – С. 92.

занимался с друзьями ловлей ершей. Но чаще всех он брал на рыбалку своего друга детства Торлопова. Он вспоминает: «А пока я лишь завидовал старшим ребятам, которые из чего только не стреляли. Левин сверстник и мой сосед Володя Протопопов выставлял манщики прямо у плотов и подкарауливал уток со старинной одностволкой – централкой. У маленького ростом Миши Мамаева был короткий, кустарно рассверлённый под 32 калибр кавалерийский карабин, у Володи Падерина – солидная двустволка 10 калибра с грубо покрашенными в зеленый цвет стволами, у братьев Бояркиных – одностволка с укороченным для детей стволом и прикладом. Часто встречались бывшие военные винтовки: системы Бердана (берданки) – так называли «высверлки». В некоторых семьях сохранились дореволюционные российские ружья: прекрасные двуствольные «императорки», «петровки» и одноствольные ижевки со сплошной прицельной планкой»[111].

Мира жадно вчитывался в газеты, которые приносила почта, слушал радио, некоторые новости обсуждали и со сверстниками. Может, прилетит весточка с фронта. Газеты, радио, взрослые говорили о грядущей победе, об успехе русских солдат и офицеров. Немцы, потерпев сокрушительное поражение под Сталинградом, начали готовится к крупному сражению под Курском и Орлом. Все радовались ПОБЕДЕ Красной Армии, победе страны над фашистами.

Сводки с фронта, которые печатались в газетах, свидетельствовали, что фашистские войска сломлены, но ещё очень сильны. Что ещё до Победы придётся «пропахать» тысячи километров. Мира с нетерпением ждал отца. И наконец дождался. В феврале 1944 года после тяжёлой контузии на несколько дней с фронта приехал отец. Это произошло в День Красной Армии. На торжественном заседании в Салехарде его пригласили в президиум, объявив, что в зале находится фронтовик, капитан – орденоносец Патрикеев Б.В. Это известие было встречено овациями. Н.Б. Патрикеев вспоминает: «Не могу передать все свои чувства, когда под аплодисменты он шёл на сцену в перетянутой ремнем и портупеей гимнастёрке с полевым планшетом и пистолетом «ТТ».

Этот пистолет доставил, наверное, самую главную радость от приезда отца, хотя для меня у него был персональный и бесценный по тем временам подарок – немецкий наручный компас. Его светящийся, с подробной градуировкой циферблат имел вращающиеся кольца с визиром, а внутрь для смягчения магнитных помех был залит спирт. Точный и красивый прибор привлекал одним своим видом. Мы с друзьями брали его на все зимние и летние прогулки, играючи научились ходить по азимуту.

---

[111] Патрикеев, Н. Б. Планета любви: Из записок охотника Северного Обья / Н. Б. Патрикеев. – М., 1996. – С. 27.

Но компас я со временем передал младшим братьям и забыл, а вот у «ТТ» помню даже номер – ЛА-555. Ещё бы, отец показал мне узелок автоматных патронов, сделанный из носового платка, так стимул для овладения материальной частью. Разобрал пистолет, назвал основные части, объяснил их взаимодействие. После совместной чистки «ТТ» (без обоймы) был на вечер отдан мне вместе с кабурой, которую я прицепил на ремень.

Наутро последовала команда:

- Идем за Полуй, теорию нужно подтверждать практикой.

Почти весь боеприпас я выстрелял по торцу огромного сухого бревна, торчащего из деревянного штабеля. Раньше мне приходилось стрелять из спортивного однозарядного мелкоколиберного пистолета-переломки, но с упора. А здесь самозарядное полуавтоматическое оружие с отходящей назад рамкой. Попробуй опереться на левую руку – того и гляди получишь удар в нос. Сделав несколько выстрелов одной (дрожащей) рукой, выпускал сразу по обойме. Попаданий почти не было. Зато отец показал класс, выбив на доске неровную, правда, букву «П» и рядом точку»[112].

Этот кратковременный приезд Бориса Владимировича Патрикеева в Салехард внес какое – то успокоение в семью. За время боёв он не прислал с фронта ни одной весточки (за исключением информации, переданной по каналам связи). Анфиса Кузьминична, её и Бориса Владимировича родители и родственники не знали, что и думать. Если убит – то была бы похоронка, если жив – то должен быть какой – то сигнал. Но вестей не было. А вот он здесь, сидит за столом, улыбается, рассказывает о фронтовой жизни. Но какую радость он доставил Мире и братишке Владимиру. Они не отходили от него. Рассматривали оружие, расспрашивали о войне, о победах, слушали с затаённым дыханием.

Пробыл отец дома всего три дня. И снова его след простыл. И снова никаких вестей.

Страна напрягала все свои силы, помогала фронту всем, чем могла. Это чувствовали все, даже дети. Они стали, как и взрослые, работать на фронт: ловить ершей в фонд обороны. Никто никого не понукал, не заставлял, дети знали, что это нужно Родине, нужно для Победы. Приемный пункт был недалеко от пристани. Некоторые чемпионы добывали за ночь за 300 ершей. Это был скромный вклад детей в Победу. Но ловить ершей становилось труднее. Почти полностью исчезли фабричные крючки. Приходилось из иголок делать самодельные крючки. Иголки до красна накаляли и постепенно загибали до нужного уровня. Рыбачить на такие крючки было очень

[112] Патрикеев, Н. Б. Планста любви: Из записок охотника Северной Оби / Н.Б. Патрикеев. – М., 1995. – С. 27-28.

трудно, рыбки очень часто срывались. Но дети не унывали. Они понимали, что вносят свой вклад в дело Победы над фашистами.

В годы войны разворачивались всякие движения молодежи, детей, нацеленные на помощь фронту. Большую роль в этом играли комсомольская и пионерская организации школы, района, региона. Эти впечатления детства позднее лягут в основу его трудов по молодежному и детскому движению в Северо – Западной Сибири в военные годы.

В июне 1944 года неожиданно для всех в Салехард снова приехал Борис Владимирович Патрикеев с фронта. Мира был безмерно рад. Он очень хорошо запомнил это событие его личной жизни: «В июне, когда я с утра разматывал во дворе закидушки, бабушка через открытое окно увидела небольшой серебристый самолёт, делавший над городом круг на невиданной тогда скорости. Примерно через час в воротах появился отец в сопровождении седого пехотного майора и молодого морского летчика, капитана-лейтенанта в щегольской чёрной форме. После обеда офицеры уехали на полуглиссере на гидропорт, предупредив отца, что прилетят дня через три. А мне было указано срочно собираться на охоту.

С какой радостью я резал швы на ружейной обшивке и отдирал сургуч с охотничьего чемодана, а потом облачался в здоровенные бродни. Отец даже не стал переодеваться – поехал в пилотке и сером плаще с зелеными полевыми погонами. Недалеко от города он сбил пролетевшую над рекой чёрнозобую гагару, а вечером на сору удалось подкараулить селезня хохлатой черноты.

Приезд отца стал вдвойне неожиданным и радостным, т.к. после отпуска мы опять не получали от него никаких вестей, кроме одного «радиопривета». Были такие передачи, где говорилось: военнослужащий такой – то сообщает семье, что он жив, здоров и т.д., к сожалению, мама была в командировке и подъехала только через два дня, почти не успев повидаться с мужем. В это время отец решал какие – то свои дела. Совершили мы с ним и два загородных выхода. В аэропорту он разговаривал по рации с экипажем, а на опытной сельхозстанции осмотрел теплицы и посевы, встречался с бывшими сослуживцами»[113]. Дела в хозяйстве, где до войны работал отец, шли неплохо. Этот раздел работы в окружном комитете КПСС курировала Анфиса Кузьминична – жена Б.Н. Патрикеева.

Мира успел порасспрашивать обо всём отца: как в бою? Как на фронте? Как стреляют? Много ли гибнет людей? Есть ли звери, птицы в тех краях? Отец рассказывал об эпизодах охоты во время между боевыми действиями. Это было очень интересно. Б.В. Патрикеев попрощался с родными и друзьями, обнял детей и снова улетел.

---

[113] Патрикеев, Н. Б. Планета любви: Из записок охотника Обского Севера / Н.Б. Патрикеев. – М., 1995. – С. 30-31.

Зима 1944/ 45 года была холодной. На согревание приходилось тратить много дров. Их привозили на плотах по воде. Мира с дедушкой и матерью пилили брёвна. Кололи их топором, складывали в поленницу. Маленький румный Володя подносил, скрипя по снегу, поленья к поленице. Было весело работать вместе. Кое-как зиму пережили. Ожидание отца становилось всё более тягостным. Вестей от отца, как обычно с фронта, не было. По сводкам газет Красная Армия с большими потерями шла по полям Германии. Уже недалеко и цитадель фашизма – Берлин.

В 1944-45 году разнообразнее стала и жизнь в школе. Улучшилась организация учебного процесса, наладилась кружковая работа, сориентированная на мирный труд. Мира учился уже в У классе.

В начальной школе Мира не знал никаких проблем с усвоением учебного материала и получал только приличные отметки. За что администрация школы регулярно награждала его похвальными грамотами «за отличные успехи и примерное поведение».

С пятого класса Мира стал ходить в единственную тогда среднюю школу, которая теперь носит название первой. Казалось бы – это перелом. Разные преподаватели, интересные предметы. Но Мира прошёл его незаметно, опираясь на старые знания. Хотя несколько друзей Миры стали второгодниками, а двое – были оставлены на третий год и принудительно отправлены в школу ФЗО рыбоконсервенного комбината.

Под конец войны в школе, где учился Мира Патрикеев, появился серьезный технический кружок, который вёл эвакуированный из Ленинграда инженер Фёдор Федрович Фюнер. На кружок Мира ходил с самого начала. Сначала его интересовал кружок авиамоделистов, т.к. активистом там был его сосед, учившийся в старшем классе, Вова Давыдов. Первая конструкция модели была до гениальности проста. Деревянный сухой брусок сечением сантиметр по периметру и длиной 17 сантиметров обрастал выгнутыми из распиленного бамбука крыльями, обклеенными папиросной бумагой и таким же оперением хвоста. Если к модели приделывали пропеллер и «двигатель» из резины – это уже был заводной самолёт. До более сложных конструкций они не дошли. В кружке дети делали не только самолёты. Они склеивали громадный воздушный шар – «монгольфьер». Его трудно и долго наполняли горячим воздухом при помощи примуса. Очень красивый аппарат в виде капли, тупым концом вверх. Когда пузырь надулся, попал в поток воздуха и поплыл над городом в сторону ветреного речного разлива, только его и видели.

В апреле 1945 года, после второй тяжёлой контузии, вернулся с фронта отец. Мира был очень рад. Он вспоминает: «Мой восторженный рапорт о количестве трофеев он встретил

одобрительно, но с легкой иронией, т.к. явно не думал, что сын откроет первое поле стрельбой нелетающих уток. Это сообщение о собственном способе изготовления дроби вызвало неожиданно настороженный интерес.

Молодец, кормилец! Но неужели на полтора десятка хлопунцов выпалил всю дробь, если свинец рубить начал. Это же пантронташ на утенка!»[114]

Началась регулярная охота с отцом. Постоянным спутником на охоте и рыбалке был Лев Торлопов. Летом он стал учеником электромантёра (он проработал на электростанции Салехарда всю свою жизнь, был награждён орденом Ленина). У Новомира появился новый друг - сосед и ровесник Владлен Игловиков (впоследствии стал ученым-аграрником с мировым именем). Они много путешествовали вокруг города. Часто ходили по старой аксарковской дороге за большое болото за морошкой. А по новой насыпной дороге – к загородной радиостанции собирать голубику, посмотреть на ветряной двигатель.

Словом, Новомир поступал, как большинство детей войны, стремившихся всемерно помогать взрослым в борьбе за свободу и независимость Родины. Как и другие, он видел весь трагизм военного времени. Это слезы расставания с мобилизованными, тревожные сводки с фронта, первые похоронок, приезд инвалидов, общее снижение уровня жизни, карточная система, нехватка продовольствия и одежды, по-настоящему бедственное положение многих семей, оставшихся без кормильца.

И наступил долгожданный день. Война закончилась Победой Красной армии. Все ликовали. 9 мая Германия подписала Акт о безоговорочной капитуляции.

2. Война в творчества Н.Б. Патрикеева

Так сложилось, что Н.Б. Патрикеев был не простым свидетелем великих дел эпохи, он был участников тех реальных событий, которые происходили в тылу, много знал о том, что происходило на фронтах. В своих многочисленных исторических и краеведческих исследованиях, опираясь на многочисленные документы, он описывал и события тех лет. На его исторические исследования оказали серьёзное влияние воспоминания его детства. Поэтому большинство исследований Н.Б. Патрикеев посвятил героизму и подвижничеству в годы Великой Отечественной войны именно молодежи и детей, работе комсомольских и пионерских организаций. На его глазах уходили на фронт, приходили похоронки, возвращались раненые и

[114] Патрикеев, Н. Б. Планета любви: Из записок охотника Обского Севера / Н. Б. Патрикеев. – М., 1995.

калеки, организовывались сякого рода движения и мероприятия в поддержку фронта, собирались деньги, проводились дополнительные трудовые вахты.

2.1. Изучение фактов героического участи земляков на фронтах Второй Мировой войны

Часть исследований посвящена анализу фактов героического участия земляков на фронтах Второй Мировой войны. Так, в первых книжках «Юность Ямала» (Салехард, 1963), «Рассвет над Ямалом» (Салехард, 1967) в разделе «На фронте и в тылу», «Нас водила молодость» (Салехард, 1968) в разделе «Грозные годы», в статье «Летопись трудового подвига ханты-мансийцев в годы Великой Отечественной войны (1941-1945)», в сборнике «Великий подвиг народа. Третьи военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне» (Екатеринбург, 2005) Н.Б. Патрикеев подробно раскрывает как откликнулись ямальцы на обращение правительства о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну. Работы опираются на реальные факты, исторические документы, письма участников борьбы на фронтах и работы в тылу. Работы написаны в традициях советской историографии, изучающей итоги Второй Мировой войны.

Н.Б. Патрикеев в этих исследованиях называет имена тех земляков, кто ушёл на фронт. Таких были сотни и сотни. Анализирует факты героизма наших земляков, ямальцев, на фронтах Великой Отечественной войны. Например, о Героях Советского Союза Анатолии Михайловиче Звереве, Иване Васильевиче Королькове и других. Новые факты о военной и послевоенной биографии И.В. Королькова приводятся в брошюре И. Захарова и Н.Б. Патрикеева «Сургут в Годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (Ханты-Мансийск, 1975). Кроме этого автор приводит новые факты героизма сургутянина Тулебая Ажимова при форсировании реки Вислы в Польше.

Содержательным и глубоким исследованием боевых подвигов молодых фронтовиков из Западной Сибири является монография Н.Б. Патрикеева «Комсомол Северо-Западной Сибири. Очерк истории. Книга 1 «В вихрях времени (1918-1945 гг.)» Здесь автором включено много ранее неизвестного архивного материала. Это заявления и телеграммы сибиряков с просьбой отправить их на фронт. Так, только 24 июня Ханты – Мансийский райвоенкомат получил 200 таких заявлений и телеграмм. Публикуются фамилии сибиряков, храбро сражавшихся за Родину, отмеченных боевыми наградами. Сибиряки, направлявшиеся на фронт, были хорошо подготовлены физически, прошли стрелковое обучение. Н.Б. Патрикеев приводит новые факты героизма своих земляком, сибиряков. Он приводит очень верные

слова Ильи Эренбурга, опубликованные в газете «Правда»: «Сибирь – большая, суровая и ласковая, весёлая и грозная. Сибирь всё давала Родине: хлеб и золото, учёных и рабочих. Теперь Сибирь дает Родине лучших бойцов, мужество, сибирскую верность. Кто впереди? Сибирь. Она гонит немчуру на Запад». Факты, приводимые Н.Б. Патрикеевым, сопровождаются письменными документами военачальников, комсомольских организаций, геройскими поступками сибиряков.

Небольшую монографию «Ямал: страницы былого (краеведческий очерк)» (Салехард, 1995) Н.Б. Патрикеев посвятил разработке биографий земляков – героев Великой Отечественной войны. В Тюмени вышел 3 том «Книги памяти», в который были включены 2282 ямальца, в том числе, 1881 погибший на фронтах Великой Отечественной войны, 173 пропавших без вести, 228 умерших от ран. В своей монографии Н.Б. Патрикеев вспоминает о многих из них, которых знал лично. Он так же часть книги отводит публикации солдатских писем с фронта домой, к родным. В большинстве из них сквозит желание жизни, желание встречи с родными и близкими. Но не все вернулись домой. Н.Б. Патрикеев писал: «...мысль о тех, кто не вернулся домой с поля боя, мне не давала покоя. Благодаря настойчивости и инициативе самих участников Великой Отечественной войны, которая была поддержана общественностью, а позднее и на государственном уровне, наш десятилетний труд по сбору данных о погибших фронтовиках вылился в коллективную книгу «Память»[115]. Подготовлено девять томов уникального издания. В первом томе – списки бойцов из Тюмени, Исетского и Заводоуковского районов. В втором томе – Тюменский район, Ялуторовск, Нижнетавдинский; в третьем томе – Ханты – Мансийский и Ямало – Ненецкий автономные округа; четвертый том – Тобольск, Вагайский район, Уватский, Ярковский. 5 – 7 томы – южные районы Тюменской области. Н.Б. Патрикеев принял самое активное участие в подготовке ряда томов книги «Память».

Боевые подвиги югорчан в годы Второй Мировой войны анализируются Н.Б. Патрикеевым в монографии «Югра: вехи жизни (краеведческий очерк)» (Ханты-Мансийск, 1995). Приводятся интересные факты подготовки югорчан к призыву на фронт, морально-патриотического состояния молодежи, героизма земляков (например, Н. Сирина, Ф. Пуртова, И. Королькова, А. Унжакова, Г. Собянина и др.). В годы войны из округа было призвано более 17 тысяч человек, не вернулось 8479, из них погибло в ходе боевых действий – 5737 воинов, пропали без вести – 1983, умерли от ран –

[115] Патрикеев, Н. Б. Ямал: страницы былого (краеведческий очерк) / Н. Б. Патрикеев. – Салехард, 1995. – С. 58.

742, погибли в плену – 17 человек. Переписка югорчан, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, с родными и близкими была очень активной. Н.Б. Патрикеев приводит содержание многих писем с фронта. Все они дышат верой в Победу. В то, что они обязательно вернутся домой. Эти письма проникнуты надеждой и болью, патриотизмом и уверенностью в будущем.

2.2. История работы тыла в Северо-Западной Сибири в 1941 – 1945 гг.

Н.Б. Патрикеев анализирует титаническую работу советских людей в тылу во всех отраслях экономики: и в рыболовстве, сельском хозяйстве, лесообработке, а также и в культурно – массовой работе. Тюменский Обком партии и Облисполком писали в приветствии трудящимся национальных округов, недавно вошедших в состав Тюменской области: «В годы Великой Отечественной войны народности Крайнего Севера с честью выполнили свой долг перед Родиной… Рабочие, колхозники, интеллигенция Севера неустанно трудились в тылу для одержания победы над врагом». Очень высокая оценка труда работников тыла. В этой работе факты хорошо сгруппированы, дают ясное представление о подвиге народов Тюменского Севера, об их вкладе в трудную и великую Победу народа над фашистским агрессором. В центре его исследований молодежь и дети. Автор положительно оценивает роль партийных и комсомольских организации в деле великой Победы.

В своей очень интересной и содержательной монографии «Комсомол Северо-Западной Сибири. Очерк истории. Книга 1. «В вихрях времени (1918 – 1945 гг.)» (Ханты-Мансийск, 1975) Н.Б. Патрикеев приводит очень много фактов истории работы молодежи и комсомольских организаций в тылу в годы Великой Отечественной войны. Это военно-патриотическое воспитание молодежи в годы войны, это стрелковая, физическая подготовка, сдача во время войны ГТО и БГТО, это проведение всякого рода военно-спортивных соревнований. Так, на УШ окружной партконференции Ханты-Мансийского округа в начале 1943 года комсомольцы доложили, что 1560 человек прошли занятия по противотанковому бою, 2221 - стодвадцатипятичасовые курсы бойцов-лыжников. Было подготовлено 506 бойцов по штыковому бою, 21 миномётчик, 28 снайперов, 46 истребителей танков, 200 станковых и ручных пулемётчиков, 407 стрелков - женщин, 36 медсестер и 100 сандружинниц, более 1000 значкистов «Ворошиловский стрелок» и 20000 - «ПВХО». Не менее важной была работа комсомольцев и молодежи на трудовом фронте в тылу. Комсомольцы и молодые люди показывали образцы героизма во всех отраслях народного хозяйства: в рыбной ловле, в животноводстве, в лесной промышленности, на

заготовке дикоросов, уборке сельскохозяйственных культур. Приводится много фактов, документов, которые ранее были неизвестны читателю. Так, Н.Б. Патрикеев пишет: «за сухими строчками архивных и опубликованных документов, лаконичными газетными и радиоинформациями, эмоциональными воспоминаниями очевидцев встает своеобразный, фанатичный и идейно-обоснованный, искренний и душевный порыв, самоотверженный труд на благо Родины юношей и девушек, плохо одетых, недостаточно накормленных, да еще в суровых северных условиях»[116]. Факты, изложенные в монографии, могут использоваться и уже используются при написании истории молодежного и детского движения Западной Сибири во время Второй Мировой войны.

В разделе «На трудовом фронте» в монографии «Ямал: страницы былого (краеведческий очерк)» (Салехард, 1995) Н.Б. Патрикеев анализирует трудовые свершения и достижения ямальцев во всех сферах хозяйственной деятельности в годы Второй Мировой войны.

О трудовом вкладе югорчан в дело Победы повествует работа Н.Б. Патрикеева «Югра: вехи жизни (краеведческий очерк)» (Ханты-Мансийск, 1995). Ханты-мансийцы в тылу самоотверженно трудились под лозунгом: «Всё для фронта, всё для победы!» Главной продукцией, которая шла из округа, был рыба. Поэтому он уделяет рыбодобыче большое внимание. Н.Б. Патрикеев отмечает: «Валовая продукция отрасли за годы войны удвоилась, всего было добыто около миллиона центнеров рыбы. Изготавливались новые виды консервов, рыбная крупа, больше готовилось вяленой и соленой рыбы»[117]. Автор пишет и об активности населения по добыче пушнины, о развитии местной продовольственной базы.

2.3. История комсомольского и молодежного движения в Северо-Западной Сибири в годы Второй Мировой войны

Самыми важными и ценными для Н.Б. Патрикеева проблемами исторических исследований являются вопросы молодежного и детского движений в годы войны. Им посвящены монографии, отдельные статьи в журналах и газетах. Так, в небольшой брошюре «Сургут в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (Ханты-Мансийск, 1975), написанной Н.Б. Патрикеевым совместно с И. Захаровым и утвержденной отделом пропаганды и агитации Ханты – Мансийского окружкома КПСС в помощь лектору, пропагандисту, политинформатору и агитатору, раскрываются многие неизвестные

---

[116] Патрикеев, Н. Б. Комсомол Северо – Западной Сибири. Очерк истории. Книга 1. В вихрях времён (1918 – 1945 гг.). – Ханты – Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 1998. – С. 190.

[117] Патрикеев, Н. Б. Югра: вехи жизни (краеведческий очерк) / Н. Б. Патрикеев. – Ханты – Мансийск, 1995. – С. 69-70.

ранее факты участия сургутян в боях на фронтах Великой Отечественной войны. Н.Б. Патрикеевым написан раздел «Молодежь на фронте и в тылу». Автор пытается дать глубокий анализ работы молодежи в тылу во всех отраслях промышленности. Особое место уделяется росту рыбодобычи, починам молодежи, организации процесса рыбодобычи. Так, отмечается, что за девять месяцев 1942 года комсомольцы района выловили для фронта 230 центнеров рыбы, что растет число рыболовецких бригад и звеньев, получивших звание фронтовых и гвардейских. Н.Б. Патрикеевым исследуются: участие молодежи г. Сургута в сборе средств на строительство боевой техники и в фонд обороны; работа комсомольцев по выполнению и перевыполнению планов надоя молока; самоотверженный труд молодежи на охотпромысле, в лесной промышленности. Н.Б. Патрикеев пришёл к выводу, что «Особенно ярко проявились великое мужество и стойкость советских юношей и девушек, их непоколебимая преданность родной Отчизне во время Великой Отечественной войны»[118].

В книге «Ямал: страницы былого (краеведческий очерк)» (Салехард, 1995) Н.Б. Патрикеев приводит факты молодежного и комсомольского движения на Ямале в помощь фронту. Это ловля рыбы, животноводство, охотничий промысел. Отмечается, что «Комсомольцы и молодежь округов безвозмездно трудились на субботниках и воскресниках, сдавали государству ягоды, грибы, орехи, лекарственные растения, шили и собирали у населения меховую одежду, обувь. На фронт было отправлено более десяти тысяч посылок с различными подарками бойцам. Комсомольцы и пионеры шефствовали над госпиталями и семьями военнослужащих»[119].

Молодежь проявляла активность под комсомольскими лозунгами во всех сферах хозяйственной и социальной деятельности. Н.Б. Патрикеев в монографии «Югра: вехи жизни (краеведческий очерк)» (Ханты-Мансийск, 1995) пишет, как молодые люди боролись за лучшие показатели труда в области рыбодобычи, добычи пушнины, развитии сельского хозяйства, вывозе древесины, заботе о самых маленьких – детях. Приводится много новых интересных фактов, данные архивов и старых газет. Автор приводи и лозунги, под которыми велась самая настоящая борьба на трудовом фронте в тылу. Например, «Не уходи из леса, не выполнив нормы!» и др. Комсомольцы организовали и сбор продовольствия, обуви, посуды, книг, учебных пособий для отправки в освобождённую от фашистских захватчиков подшефную Запорожскую область.

---

[118] Захаров, И., Патрикеев, Н. Б. Сургут во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. / Н. Б. Патрикеев. – Ханты – Мансийск, 1975. – С. 30.

[119] Патрикеев, Н. Б. Ямал: страницы былого (краеведческий очерк) / Н. Б. Патрикеев. – Салехард, 1995. – С. 63.

2.4. История детского движения Северо-Западной Сибири в 1941- 1945 гг.

Детские движения, включая пионерское, всегда интересовали Н.Б. Патрикеева, так как они прошли через его жизнь, он сам участвовал во всех этих движениях в военную пору. Он доказал в своих исследованиях, что высокие образцы героизма в тылу показывали дети и юноши Ямало – Ненецкого округа. Так, в разделе «Молодежь на фронте и тылу» брошюры «Сургут в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг» (Ханты-Мансийск, 1975, совместно с И. Захаровым) Н.Б. Патрикеев большое внимание уделяет вкладу детей и подростков в великую Победу народа в войне. Это ловля рыбы пионерами Сургута. Так, за лето 1943 года в Сургутском районе ребята поймали 1000 центнеров рыбы, из них только учащиеся Зарямской школы – 260 центнеров. Дети ловили рыбу и удочками, и перемётами, и маленькими неводами. Самоотверженно трудились на колхозных полях. Пионеры пололи и окучивали посевы колхозного картофеля. Кроме этого учащиеся собрали в 1943 году 20759 рублей на строительство танков и самолётов. Пионеры Ново-Покурской НСШ внесли на строительство танка «Пионер Севера» 698 рублей.

История детского движения затрагивается и в монографии Н.Б. Патрикеева «Комсомол Северо-Западной Сибири. Очерк истории. Книга 1. В вихрях врёмён (1918 - 1945 гг.)» (Ханты-Мансийск, 1998). Это помощь фронту юными рыбаками; это добыча пушнины; уход за скотом, заготовка кормов, сбор золы, картофельных верхушек, ремонт сельхозтехники и участие в полевых работах. В годы войны развернулось и тимуровское движение. Так, в 1943 году в Ханты-Мансийске было 120 тимуровских команд. На Ямале 2672 пионера-тимуровца, объединенные в 18 команд, шефствовали над семьями фронтовиков.

В монографии «Югра: вехи жизни (краеведческий очерк)» (Ханты – Мансийск, 1995) развитию детского движения в годы Второй Мировой войны был выделен целый раздел: «Дети Югры – фронту. Забота о детях». Н.Б. Патрикеев рассказывает о роли средств массовой информации Ханты-Мансийского округа в освещении детского труда в помощь фронту, о заботе о детях во время войны, об отдыхе детей в пионерских лагерях, о помощи многодетным семьям, об учебе детей, об общественно – полезной работе детей. Дети внесли свой посильный вклад в великую Победу советского народа в Великой Отечественной войне над фашистским агрессором. Тимуровцы участвовали в ремонте колхозного инвентаря, вывозке навозя на поля, сборе дикоросов, грибов, лекарственных растений. Тимуровцы делали детские игрушки для детского сада. Приводится очень много фактов

работы детей на полях, на фермах, в лесу. Все для победы, все для фронта.

В 1998 году Н.Б. Патрикеев в Тюмени издал уникальную монографию, посвящённую детскому движению в Северо-Западной Сибири: «Пламя погасших костров (из истории детского движения)». Данная монография уникальна по собранному архивному материалу, интересна по изложению. Наверное, и сейчас единственное исследование, посвящённое истории пионерского движения в Северо-Западной Сибири. Она дает достаточно полное представление о детских движениях с начала Советской власти до 1945 года. Особое место в монографии занимает анализ работы детей и подростков на общую Победу. Показано, как дети и подростки Северо-Западной Сибири вносили свой скромный вклад в дело Победы советского народа во Второй Мировой войне. В послесловии к монографии Г.В. Черкашин писал: «… история молодежного движения, какой бы она ни казалась в нынешнем понимании – это объективная реальность, «это наша с тобою страна, это наша с тобой биография». В ней были не только сомнительные и чёрные страницы, но и бесспорные достижения, которые мы не должны забывать и которыми вправе гордиться. Поэтому опыт работы с молодежными и детскими организациями, изложенный на страницах книги Н.Б. Патрикеева, сегодня, как никогда, кстати»[120].

Таким образом, источником творчества Н.Б. Патрикеева были воспоминания детства, исторические архивы ЯНАО, ХМАО и Тюменской области. Воспоминания детства определили тематику исследований, они способствовали более глубокому раскрытию тем. Многие исследования Н.Б. Патрикеева так или иначе связаны с детством.

[120] Черкашин, Г. В. Спой песню, как бывало… (послесловие) // Патрикеев Н. Б. Пламя погасших костров (из истории детского движения) / Г.В. Черкашин. – Тюмень : Вектор Бук, 1998. – С. 99.

СИМОЛИКА СВЕТА И ТЬМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТЕССЫ И.Г. РЯБИЙ

1. Линии творчества

Поэтическое творчество Ирины Геннадьевны Рябий отличается тематикой о её современников. Во-первых, её поэзия достаточно религиозна (но её стихотворения нельзя отнести к жанру духовной поэзии); во-вторых, в центре её лирики человек, который находится в поиске «своего места» между светом и тьмой, добром и злом, правдой и ложью, любовью и ненавистью; в-третьих, её поэзия поляризована и наполнена многочисленными смыслами; в-четвертых, пронизана христианской символикой.

Поэтесса в постоянном поиске. Через произведения И.Г. Рябий протягивается нить времени, идущая из глубины русского прошлого в непонятное и тревожное грядущее. Её поэзия наполнена пространственными (типологическими) символами: «верх-низ», «земля-небо». Временная (мифологическая) символика пересекает пространственную символику. А вместе они образуют КРЕСТ. Этот Крест – символ страданий её лирической героини. Человек в её лирике несет в своем сознании этот Вечный Вселенский Крест, живет с ним, страдает, любит, творит добро и правду, познает, несет миру свет. Человек, принявший в себя этот КРЕСТ, есть созидатель, строитель Светлого мира. И.Г. Рябий говорит о Кресте России, о Кресте Русской идее «Москва-Третий Рим» Все эти символы её сознании соединяются в единый Крест судьбы истинно русского человека.

Поэзия И.Г Рябий несет идею Креста, ибо в крещении человек постоянно приближается к Богу, открывает его тайны, видит Его Свет. Ношение человеком в себе идеи Креста есть факт его вечного движения. Символ КРЕСТА есть идея вечного посвящения.

Человек – это вечное поле боя между силами света и силами тьмы, добра и зла, правды и лжи, мудрости и глупости, любви и ненависти, знания и невежества, мира и войны. Человек находится между двумя пространственными полюсами: верхом - раем, светом (Божественным Словом), миром света, небом, явным, верой, - с одной стороны, и низом, адом, тьмой, дном, землей, тайным, суеверием, страстью. Вопрос о том, где верх, а где низ? Ибо верх и низ, низ и верх для некоторых людей могут быть одним и тем же. И.Г. Рябий говорит, что верх то, куда поднимает человек глаза, а низ – то, куда устремляет взор современный развращенный человека. Верх и низ – внутри человека. Верх – это Божественный Свет в человеке. Низ – это страсть, похоть и грязь мира сего.

Человек, тянущийся к Свету, а, следовательно, и к Слову есть человек желающий жить в светлом мире, в лучах Бога, делающий добрые дела, радующийся жизни творения Господа. Такой человек строит светлый мир, он живет в едином, полном, теплом, гармоничном мире, а его слова и дела светлы и мудры, ибо они несут жизнь и божественное творчество. Чем дальше человек отдаляется от Бога, тем он ближе к темному миру к тьме, к смерти (распаду). Этот человек считает темный мир, то есть мир суеверий, колдовства, оккультизма, спиритизма, магии, миром света. Вместе с темным миром в человеческое сознание приходят и артефакты, и смыслы, и символы темного мира. Символами темного мира являются в поэзии И.Г. Рябий Бафомет, Хирам Абифф, Дионис, Аполлон. Эти символы продукт «отражение отражений».

Во всем современном мире сейчас наблюдается отдаление человека от Божественного Света, пренебрежение Его Словом, бегством от страданий, а следовательно, погружение в мир тьмы, телесных страстей, развлечений, оргий и соблазнов. Это есть рукотворный мир многократно преломленной и искаженной реальности. И поэтому сейчас везде, во всех странах, а не только в России, наблюдается рост всякого рода суеверий, сектанских взглядов, колдовство. Так, датчанин А. Леманн отмечает: «Прилив суеверия в настоящее время сильно идет на подъем. В последние годы не только появилось много сочинений о волшебстве, частью в форме исторического изложения, частью в форме перепечатки старинных сочинений о магии, но и в пользующихся уважением философских и психологических журналах наряду со строго научными статьи печатались также истории о приведениях и бабьи сказки. Некоторые известные представители науки устраивали опыты с профессиональными спиритическими медиумами и после нескольких сеансов, не имея отличать немногие, конечно, необыкновенные, но вполне естественные действия этих медиумов от многочисленных их фокусов, стали принимать за чистую монету все спиритические «проявления» и вследствие такого легко полученного убеждения более или менее открыто стали заявлять себя сторонниками спиритизма. Таким образом, магия, подобно эпидемии, захватывает большие культурные центры»[121] Вот уже более чем столетие наблюдается отход человека от Божественного Света и Божественного Слова. Что проявляется и в русской культуре, и в культуре народов России, о чем говорят опросы общественного мнения. В результате русский народ потерял корни, отверг традиции, свои символы, ритуалы и обряды. Русский Дух ослаб, а русское сознание впустило в себя сомнения, страсти, телесность. В результате темный мир

[121] Леманн, А. Предисловие автора / А. Леманн // История темного мира /Авт. – сост. А. Лидин. – Ростов – на – Дону : Феникс : СПб. : «Издательство «Северо-Запад», 2007. – С. 3.

разлился по России и понес в общественное сознание массовое умопомрачение. И.Г. Рябий в сонете «Предел поставленный извне…» пишет, что «Не зрим, грешные, Отца, - / Сор застит наши очеса, / И презренным, на нет прозренья!». Русские, отвергшие Бога, стали отвергать свою мать и отца, отвергать реальный мир.

Тема творческого освещения Силами Света «Оно» (бессознательного) в сознании человека, с одной стороны, и борьба сил тьмы против сил Света Божьего, Слова божьего, с другой стороны, издавна притягивает к себе людей, особенно верующих, философов, физиологов, психологов и представителей других наук. Следует отметить то, что свет ни когда не борется с тьмой, он освещает тьму, просветляет умы, сознание. Там где есть Свет, там нет тьмы! Силы же тьмы всегда ведут непримиримую борьбу против Света, Слова. Не все однозначно толкуют полярности «свет и тьма» как явления физического и духовного мира, больше объясняют в одной, физической плоскости, а не плоскости «верх и низ», «небо и земля», «светлый мир и темный мир», «рай и ад», «веры и суеверия». Свет и тьма в духовной религиозной культуре толкуется иначе, чем в физическом мире, иносказательно. У представителей разных философских и религиозных течений и систем по-разному толкуется свет и тьма, их соотношение, динамика, переход из одного состояния в другое. Соединяя в своем сознании линию времени от прошлого в будущее и линию пространства от низа к верху мы в точке их пересечения увидим тот Божественный Свет, который укажет нам дорогу к Храму.

Тема света и тьма прочно закрепилась в религиозной, мистической, русской национальной литературе. Русская литература пронизана религиозными мотивами, также глубоко исследует проблему соотношения духовного света и духовной тьмы, светлого мира и темного мира, их динамику, истоки и развитие, а также, как символ культуры. Литературоведы изучают тему света и тьмы как концепт тех или иных писателей; богословы – как символ добра и зла. Так, Иоанн Домаскин рассуждает о свете и тьме, писал: «Также некоторое, что о Боге говорится утвердительно, имеет значение превосходного отрицания, как, напр., говоря о мраке в отношении к Богу, мы разумеем не мрак, но то, что не есть свет, а выше света; и, говоря о свете, разумеем то, что есть мрак»[122] Творец выше света и тьмы, ибо Он сотворил Свет, который однажды осветил и освещает всегда тьму.

Творчество поэтессы Ирины Геннадьевны Рябий пронизано православно-религиозными мотивами и символами. Она исследует тему «свет и тьма», их соотношения и их «переливы» с позиций

[122] Булгаков, С. Н. Всест невечерний; Созерцания и умозрения / И. Домаскин. – М. : Республика, 1994 – С. 111.

православной традиции. И.Г. Рябий пытается осмыслить и положение света и тьмы, веры и суеверия, светлого и темного миров, верха и низа, неба и земли, явного и тайного в духовном мире русского человека, пытается проследить их динамику. Она в своих стихах показывает, что путь человека к Свету – это путь к Богу. Вечный Вселенский Крест, войдя в русское сознание, начинает в нем светиться. Благодаря этому мы видим путь к Храму. Для нас Творец и есть тот Желанный Свет, Истинный Свет, то Истинное Слово, к которым так долог путь человека. Истинный Свет невидим для человека страстного, грешнего, потребительского, иными словами, человека погруженного в телесную культуру. Ибо человек, погруженный в страсти слеп, он ни когда не поднимет голову и не устремит свой взгляд в небо, а если и поднимет случайно, то не увидит там Божественного Света. Он не увидит ничего кроме облаков, туч, радуг или небесного свода.

Слово, несущее свет лечит души людей, слово, несущее грязь, - калечит души, особенно молодые, неискушенные души. Все, кто видит Божественный Свет, одинаково его понимают. Ибо Божественный Свет един. Тьма же порождает в сознании человека множественные и невероятные образы. Поэтому люди, у которых затемнено сознание страстями, соблазнами, низменными потребностями, не понимают друг друга: смотрят и не видят, слушают и не слышат, вдумываются и не понимают. Ибо в множественном мире одно и тоже слово несет в себе разные смыслы.

«…говоря на одном языке, люди зачастую не понимают друг друга: в одни и те же слова вкладывается различный смысл, особенно это ощутимо, когда наше правительство говорит народу о своих всё новых заслугах на благо нашей страны. Что может быть в таком обществе, когда говорят на разных языках? Невольно вспоминается библейская притча о вавилонской башне. А если говорить о семье и школе, то жертвой непонимания станут дети. Наше общество и, как следствие, наша школа находятся в порочном кругу, где смешаны различные понятия и системы»

(Духовные слова)[123]

Русский человек, однажды отвернувшийся от Божественного Света, вот уже около столетия бредет «тайными» тропами жизни, сам не знает куда, его дороги далеки от пути Истинного. Но он это делает в силу как внутренних, так и внешних причин. Перед ним стоят всякие преграды, пределы, его сознание под воздействием многообразных преломлений. У этого человека реальность сильно искажена. И.Г. Рябий относит всякого рода лжеучения, мистические теории и другие преграды, не дающие русской нации, конкретному

[123] Рябий, И. Г. Духовность слова / И. Г. Рябий // Литературная Югра. – 2002. – С. 6). – С. 1. Далее по тексту будет приводится название статьи без ссылки на источник.

русскому человеку осознать свое истинное предназначение, оценить свое место в мире, вернуться к истинной вере и встать на свой исторический путь – на путь к Божественному Свету – к пределам поставленным извне.

Творчество И.Г. Рябий светится православным духом единения, любви, правды, добра, знаний, мудрости, справедливости. Ибо это и есть свет, который освещает множественность бытия, невежество, ложь, зло, ненависть, глупость несправедливость. Она показывает как труден путь человека к истинной вере, к Свету Творца. Отсюда в её лирике читатель находит христианские мотивы и образы.

В целом идеи стихотворений И.Г. Рябий в сознании читателя «складываются» в КРЕСТ. Её поэзия ведёт читателя к ХРАМУ жизни и творчества. В Храме на истинный путь указывает уже священник. Крест не является и не может быть Храмом. Ибо через крест, а далее и через крещение, начинается посвящение в таинства Божественного Слова, приобщение к молитве, к причастию, к очищению души и тела. И мы, русские люди, несем этот Великий Вселенский Крест в своей душе. Этот Крест внутри нас, в душе, в нашем внутреннем духовном опыте. Мы несем в Своем сознании Крест Русской идеи «Москва-Третий Рим», Великий Вселенский Крест России. Крест русской души через Крест идеи «Москва – Третий Рим», через Крест России соединяем с Великим Вселенским Крестом. Убрав временную и пространственную символику из своего русского сознания и русской души, мы перестанем быть людьми, если изменим себе, поменяем мировоззрение. Русская духовная жизнь прекратится. Не случайно, то русская философия историсофийна и религиозна одновременно.

2. Ключ к символической философии И.Г.Рябий.

Понять творчество Ирины Геннадьевны Рябий – значит, обратиться к символике Вселенского Креста. Вселенский Крест вмещает в себя типологическую (пространственную) и мифологическую (временную) символику. Эта символика в произведениях поэтессы до конца не раскрывается, но она обозначена достаточно сильно. Пересечение типологической символики и мифологической символикой образует Вселенский Крест. Этот Вселенский Крест, отражаясь в человеческом сознании, преобразуется в образ Креста. И этот образ Вселенского Креста человек несет в себе по жизни.

Крест – это символ, который подталкивает человека к совершению таинства крещения. Значит, Крест в сознании человека есть образ статический, которые дает начало динамики, проявляющейся в актах крещения, молитвы, причащения, очищение и других духовных актах. И человек несет этот образ, идя по пути между светом и тьмой.

Крест – это знак Божий. Он нам дает смысл жизни и творчества. Но этот знак Божий всегда пытались, особенно в последние столетия, заменить или подменить другим знаком – знаком антихриста. В 13 главе Апокалипсиса говорится о знамении антихриста. Святой Амвросий Оптинский пишет: «Как мы имеем знак Христов, т.е. крест, которым мы знаменуемся, так и антихрист будет иметь свой знак, которым будут знаменоваться имеющие в него уверовать. Знамение свое антихрист даст своим последователям для того, чтобы знамению креста Христова противопоставить свое знамение и чтобы через это рабское подражание осмеять священное знамение креста, так как он начертает свое знамени на правой руке и на челах своих последователей». Святой Ипполит-мученик говорил: «Все отпадут от святого Бога и уверуют в этого обольстителя, воспринявши знамение оного нечистого и врага Божия; вместо животворящего креста Христова, чтобы совершенно истребить память о Распятом на кресте и вывести из употребления знамение креста». Что это означает? В результате этого акта выведения креста из употребления и употребление знамения антихриста люди просто забудут свое прошлое, потеряют свое настоящее и будущее, сформирую новое прошлое, а, следовательно, и новое будущее. Сознание таких людей будет подвержено всякого рода манипуляциям. Они надолго потеряют истинную символику «верха». А темные силы опутают его сознание всевозможными невидимыми нитями и привязанностями. Для них богом и благодетелем станет Бафомет, Аполлон, Вакх, да кто угодно.

Своим творчеством И.Г. Рябий продолжает работу русских предшественников по восстановлению пространственной символики и временной символики русской культуры, на пересечении которых образуется Вселенский Крест.

2.1. Между «верхом и низом», между «прошлым и будущим»

Человек между светом и тьмой, между «верхом» (небесным) и «низом» (земным), - тема пронизывающая всё творчество И.Г. Рябий. Символический «чердак» и есть для человека то место между верхом и низом, которого он жаждет. Взгляд, мысли человека направлены вверх, в горний мир, в небо, к звездам, к Творцу. А там, внизу суета сует, мельтешение жизни, существование грешнего человека. Человек хочет объять в своем сознании верх и низ, жить и творить в двух мирах. Возможно ли жить и вторить в двух мирах? И.Г. Рябий однозначно отвечает: нет!

«Читатель же, живя в постоянно меняющемся мире, всегда будет запаздывать, ибо вселенная расширяется, - и человек не успевает жить в двух одновременно меняющихся мирах: выжить бы в одном!»

Этот вывод правилен, справедлив, но только для жизни в горнем мире. реальность такова, что вселенная расширяется, но Триединый Бог выше этой расширяющееся Вселенной. Он вмещает в себя эту расширяющуюся Вселенную, он везде, он там и тут, он вверху и внизу. Поэтому человек земной, впустивший в себя Бога, живущий с Богом, может жить в этом быстро меняющемся мире по его вечным заповедям. Это трудно, но можно.

Вообще тема «верха» (небесного) и «низа» (земного) для творческого человека тема большая и больная. «Верх» и «низ» относятся к пространству и образуют типологические символы. Прошлое и будущее - категории времени, которые образуют мифологические символы. Как отмечает В. Томберг «Формула аналогии в применении к пространству является краеугольным камнем типологического символизма, т.е. символов, выражающих соотношения между прототипами «вверху» и их проявлениями «внизу». Формула аналогии в применении к параметру времени является основой мифологического символизма, т.е. символов, выражающих соотношения между архетипами в прошлом и их проявлениями в настоящем»[125]. В своем взаимном соотношении вышеперечисленные категории образуют крест.

В стихотворении «Чердак» И.Г. Рябий интуитивно использует метод аналогии. В стихотворении «Чердак» поэтесса формулирует два определения: символы времени и символы пространства, или символы иерархической связи миров. Первое из них принадлежит немецкому мыслителю Гансу Ляйзегангу (1924), второе – французскому герметисту Марку Авену (1906). Смешение этих символов привело к проблемам в толковании Священного Писания. Приведу примеры использования метода аналогии при толковании Священного Писания. Так, многие толкователи Библии рассматривали историю Каина и Авеля как типологический символ, то есть символ верха и низа, как аллегория «центробежных и центростремительных сил». Однако, по мнению В. Томберга – это прежде всего символ времени, прежде всего миф, обо она выражает «вечную идею в соответствующей частному случаю форме». С другой стороны, видение Иезекииля – Меркабу – считали мифом. В. Томберг считает, что «было бы заблуждением трактовать в качестве мифа… видение Иезекииля – Меркабу. Видение небесной Колесницы является символическим откровением мира архетипов, т.е. именно типологическим символом, и это прекрасно понял один из авторов

[124]Рябий, И. Г. И пусть катится вск за вском / И. Г. Рябий – Ханты-Мансийск, 2001. – С. 4. Далее по тексту будет приводится название статьи без ссылки на источник.

[125]Томберг, В. Медитации на Таро. Путешествие к истокам христианского гермстизма / В. Томберг. – Киев : София, 2000, С. 18.

(или компилятор) книги «Зогар», который потому и избрал видение Иезекииля в качестве центрального символа космического познания – согласно правилу (точнее, закону) аналогии: «то, что вверху, подобно тому, что внизу» - поскольку был с этим правилом несомненно знаком»[126] Эти высказывания В. Томберга свидетельствуют о том, чтобы понять смысл символику времени и пространства в стихотворении «Чердак», сонетах И.Г. Рябий, необходимо обратиться к анализу пространства и времени с позиций аналогии.

2.2. Пространственная (типологическая) символика

Что вмещают в себя понятия «верх» и «низ»? Понятие «верх» вроде бы вмещает в себя и небо, и Вселенную, и Космос. «Верх» - это обиталище Бога, это источник светлых энергий. В небе живут светлые ангелы, к небу устремляются светлые души. Небо - это место жизни после смерти святых людей. Главное, чтобы эта символика верха вошла в сознание человека, закрепилось в нем как путь жизни и творчества. Поэтому «верх» – это символ высшей цели духовного совершенствования и возвышения личности. «Верх» человека духовного и нравственного закрепляется на уровне его Я. Поэтому человек должен всегда воздавать хвалу Господу, как говорится в Псалме 148.

Хвалите Господа с небес,
хвалите Его на высотах;
хвалите Его, все Вестники Его,
хвалите его, все Воинство Его!
Хвалите Его, солнца и луны,
хвалите Его, все светы звезд;
хвалите Его, небеса небес
и воды, что превыше небес!

Понятие «низ» вмещает в себя землю, где живет (существует) грешный, падший человек. Человек суетливый, страстный, сомневающийся и заблуждающийся. «Низ» - в духовном смысле – это понятие ада, обиталища сонма демонических духов, сатаны и прочих. «Низ» - это сфера тьмы, мрака и серости. Та, «внизу» правит бал диавол в разных образах. Поэтому «низ» может быть везде, в первую очередь, в человеческих душах, в Я личности. «Низ» - это место, где концентрируется энергия зла, лжи, ненависти, невежества, конфликта. В современности понятие «низа» ассоциируется с крайними формами индивидуализма и деперсонализации личности. Эти крайние формы индивидуализм и деперсонализации личности захватили Россию, этот процесс еще более ускоренными темпами, чем на Западе. Человек

[126] Томберг, В. Медитации на Таро. Путешествие к истокам христианского герметизма / В. Томберг. – Киев : София, 2000, С. 19.

превращается в технологическое животное, в число, в количество. Об этой тенденции на Западе в 80-е гг. XX века говорил Д. Радьяр. По его мнению, - «охватившее всех отношение к человеческому существованию и к миру, в котором живет человек – особое и исторически новое подчеркивание индивидуальной личности. Это апология эго-реакцией индивидуальной личности, апология её способности быть безжалостным хозяином своего окружения; но в то же время личность сводится к пустому числу благодаря количественному и статистическому подходу к коллективному социальному существованию. Мы живем в период крайнего индивидуализма и в то же время деперсонализации. Каждый, например, стремится действовать в соответствии с «собственным» мнением, устроить жизнь «по-своему», делать «своё» дело; но эти мнения и способы жизни формуются возрастающим социально-экономическим давлением, стремлением соответствовать групповым стандартам и, в конце концов рано или поздно, стандартам, универсально навязываемым во имя «научного факта», «эффективности», «максимального счастья для наибольшего количества». Говорится о «людях», а не об индивидуальных личностях. Количественные достижения, количество товаров, произведенных без учета благополучия и счастья производителей, фактически значат больше, чем качественные ценности и то, что необходимо для обеспечения полного развития индивидуальных существ как целостных личностей, микрокосмов в универсальном Целом, в котором эти личности живут, действуют и обладают бытие»[127]. Число, количество вышло на первое место, в котором потерлась личность. Число, количество с позиций духовности и есть низ.

Верх и низ соприкасаются, да порой так, что в перевернутом сознании человека верхом становится низ, а низом – верх. Связь между верхом и человеком осуществляется через Дух Святой, одно из трех Трехипостасного Бога. И эта связь и есть ИСТИНА. Ложная же связь верха и низа осуществляется через богов Диониса и Аполлона, которые же живут на земле. ходят по земле, являются источником страстной чувственности или голой рациональности. Об этих богах И.Г. Рябий говорит в сонетах «И пусть катится век за веком». Поэтесса ищет место для человека между символическими верхом и низом. Человек же, бредущий по земле с опущенными глазами, есть символ отчуждения от верха, от неба, от Бога. Он никогда не задумается над тем, в каком рабском положении он находится. Более того, это рабское положение его устраивает, он получает удовлетворение от своей телесной культуры.

---

[127] Радьяр, Д. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому / Д. Радьяр – REFL-book, ВАКЛЕР, 1995. – С. 12.

В символе «чердака» И.Г. Рябий усматривает место, где создается среда для творчества, для размышлений, для исканий. Именно на этом месте вершится «история времени», здесь Платон, Кант, Камю и Фрейд «спорят и растут», а «горний бред» стихотворений уносится вверх. Чердак – это точка в сознании человека, находящаяся на пересечении прошлого и будущего, верха и низа. Этот «чердак», то есть место, где мы наблюдаем звездное небо, есть везде: и в Париже, и в Петропавловске-Камчатскоем, и в поселке Переяславка Хабаровского края. Человек, смотрящий из разных точек в небо, видит разные звезды и созвездия, но там видит и Бога. Земля круглая, в любой точке Земли человек визит звезды и созвездия и Бога. Значит, звезды и созвездия находятся в конкретном месте Млечного пути, а Бог везде: и там, и тут Бог, вездесущ. Его свет пробивается к нам, к людям через «проемный мрак» чердака. Бог выше звезд и созвездий. В Псалме 148 говорится, что солнце и луны, светы звезд должны хвалить Творца.

Чердак дома находится вверху от шума реки, от суеты, от обыденной жизни людей, живущих одним днем: «после нас хоть потоп!» Человек стремится на этот чердак от суеты сует для того, чтобы прикоснуться к святым вещам, которые оживают и не является антиквариатом. Человек идет вверх, на чердак, ибо там спорят грек Платон и немец Кант, француз Камю и австриец Фрейд, ибо там бьется живая мысль, там читаются стихотворения, «бред» которых «уносит в высоту». И.Г. Рябий показывает стремление человека ввысь. Для поэтессы «чердак» есть типологический символ верха. Через этот типологический символ И.Г. Рябий показывает иерархическую взаимосвязь миров. Чердак связывает в сознании и чувствах человека верх и низ. Так, Марк Авен пытается дать определение типологического символа: «Наши чувства, символизирующие внешнее движение, не более сходны с самими явлениями, нежели перекаты песка в пустыне с собирающим их в барханы ветром, или морские приливы и отливы – с совокупным движением солнца и луны. Они являются лишь символами этого движения… Мнение Канта, Гамильтона и Спенсера, сводивших внутреннее движение к элементарным символам скрытой реальности, более убедительно и разумно… Науке остается только разве лишь смириться с тем, что она – не более чем сознающий свой статус символизм… Однако совершенно иной смысл имеет символизм в традиционном понимании: это именно «наука наук», как называли её древние, универсальный и божественный язык, провозглашающий и утверждающий существование иерархии форм от мира архетипов до мира материального и объединяющих их взаимосвязей; словом, это живое и осязаемое доказательства родства всего сущего»[128]

[128] Marc Haven. Le Tarot. – Leons ,1937 / M. Haven – P. 19-20, 24.

Наш общий друг – такой чердак,
Знакомы с ним давно, -
Единомышленник, чердак,
Найти его легко:

Ступеньки прыгают – конец!
Вот знак – пошире шаг.
Да здравствует ничей дворец
И наш очаг!

Здесь каждый стул и каждый стол –
Не антиквариат,
А наш сподвижник и престол,
Наш сводный, сходный брат.

Из моды вышли, что ж теперь, -
Достань попробуй, вон!
По-гофмановски скрипнет дверь
В историю времён.

Платон и Кант, Камю и Фрейд
Тут спорят и растут,
И стихотворный, горний бред
Уносит в высоту.

А там, внизу, шумит река –
Суетных дел поток, -
Девиз который на века:
«За нами хоть потоп!»

Опасен высоты урок,
Зато в проёмный мрак
Нам в звездном небе виден Бог –
Ему же – наш чердак!

(Чердак)

Что касается низа, то это типологический символ, противопоставляемый верху, есть символ тьмы, зла, суеты, мельтешения, низких дум и помыслов. Низ – это место жизни современного, грешнего и развращенного (умом и телом) человека. Люди внизу куда-то бегут, что-то делают, думают о обыденном, временно и случайном. Их глаза смотрят только на землю, у них даже нет мысли посмотреть вверх, в небо. живут они потребностями и страстями. Для них бытие определяет сознание.

Символ «низ» полностью не обнимается землей. Понятие «низ» глубже и шире понятия «земля», ибо «то, что вверху, подобно тому, что внизу». В частности Гермес Трисмегист говорил: «То, что вверху, подобно тому, что внизу, и то, что внизу, подобно тому. Что вверху,

ради свершения чудес единого». В типологической картине мира И.Г. Рябий особое место отводится разоблачению ложных богов: Диониса и Вакха. Один «прекрасный, трезво-ясный», другой – «всё светом разума разрушит». И оба, и каждый по отдельности толкают человека вниз, в сферу темного мира, в объятия Диавола, в ад. На Земле находится и падший ангел – Бафомет. Он сидит на троне, управляет людьми, ему весь мир, виден как на ладони. И человек, погруженный в темный мир следует его указаниям.

Некоторые люди не хотят быть под властью темных сил. Они хотят вырваться из плена этих темных сил, бегут к свету, к добру, знанию, мудрости, правде, хотят разорвать эти невидимые нити плена. Но удается ли это сделать людям? У каждого человека есть выбор. Он самостоятельно может выбрать какому следовать пути: светлому и темному. Тем, кто «впускает в себя» великий Вселенский Крест, а вместе с ним и Божий Свет, удается вырваться из пут тьмы. Ибо Свет Божий всегда идет и будет идти сверху.

Протест против советского бытия стал одним из мотивов формирования типологической картины мира в творчестве И.Г. Рябий. Потому что советское бытие, чрезмерно политизированное и идеологизированное, духовно опустошенное, отчужденное от Творца, послужило стимулом покинуть это пространство большинству советских людей. Одни бежали за границу, другие стали усиленно искать путь, замкнувшись в себе. Третьи обрели Бога. Среди последних была и поэтесса. Ей не хватало «духовного воздуха», «Божественного Слова» в этом советском «безвоздушном пространстве» жизни и ремесленничества. Она не мыслила творчество вне Бога. Ибо человек есть подобие Христа на земле: подобие Христа (с верха) на земле (внизу). И человек должен раскрыть заложенный в нем творцом потенциал, стать человеком света, строителем света.

«Для меня поэзия, уводящая в поднебесье, была формой протеста против советского социума, и даже, может быть, не столько советского, сколько филистерского социума, ограниченного квадратом кабинета или цеха, квадратом картофельного участка, а также квадратом стола с выпивкой и закуской. Поэзия была мне воздухом в безвоздушном пространстве пошлости»

(Литература как форма существования)

Она устремилась в небо, к Творцу, она видит в звездном небе Бога. То есть она в поэзии обрела то, что отсутствовало в советской пошлой действительности. Она обрела светлый путь Вселенского Креста, предначертанный Богом. Она верит в светлый путь Вселенского Креста, созданного Творцом.

2.3. Временная (или мифологическая) символика

Что касается символики времени, то И.Г. Рябий пишет, что там, на чердаке: «По-гофмановски скрипнет дверь / В историю времён». И она входит в эту дверь «истории времён». В этой «истории времён», с одной стоны, присутствует символика, несущая смыслы разрушения, ненависти, зла, лжи, конфликта, невежества и глупости. Это «Духовный свет, или Хирам», «Бафомет сидящий на троне». Это Дионис и Аполлон, «новые Малюты» и др. С другой стороны, присутствует символика, несущая свет любви, единения, добра, правды, мира, знания и мудрости. Это свет святых Глеба и Бориса, Сергия Радонежского и др. В каждом русском человеке есть и доброе, светлое и злое, темное начала. Какое начало проявляется в человек, зависит от самого человека. Творец наделил его правом выбора.

И.Г. Рябий в сонете «Власть друг у друга отнимая…» пишет, что русские святые Борис и Глеб, Святой Сергий Радонежский есть «пример для всех священный».

Власть друг у друга отнимая,
Целуя крест и обнимая,
Один другого губит князь,
Готовя в тайне брату казнь.

Но есть пример для всех священный:
Борис и Глеб – не будь еси,
И не было б святой Руси
И мир распался бы крещенный?

Есть в каждом русском Святополк,
Но Сергий Радонежский также –
Лишь перекинется однажды,
И молодцом предстанет волк…

А путь любой – уж испокон
Диктует каждый свой закон.

(«Власть друг у друга отбирая…»;
в эпиграфе русская народная сказка:
**«Пойдешь направо – коня потеряешь,
Пойдешь налево – себя потеряешь…»**)

Путь человека между единством и множественностью, любовью и ненавистью, добром и злом, правдой и ложью, знанием и невежеством, мудростью и глупостью. И.Г. Рябий верит, что человек выберет путь света, путь единения, любви, добра и правды, знания и мудрости. Этот путь завещан нам, русским, русскими святыми, нашими предками. Если бы русские выбрали иной путь, то их сознание бы давно выдавили из себя Святую Русь, такую форму

Русской идеи, как «Москва-Третий Рим», в конце концом выдавило и Бога. Об этом говорит священник Димитрий Каплун, анализирующий сборник стихотворений И.Г. Рябий «Обратная перспектива». Священник пишет, что этот сборник «представляет попытку поэта вернуться в глубину собственного «я» - от внутреннего раскола… и мирской суеты к внутреннему, глубокому христианскому миру»[129]

И.Г. Рябий в своих стихотворениях много рассуждает о прошлом, настоящем и будущем. Осмысления творчества, трудов и жизненного пути Платона, Канта, Камю и Фрейда и есть, с одной стороны, углубление в прошлое общечеловеческой мысли, с другой стороны, преодоление этого прошлое в сознании, в Я.

Как незаметна грань
между «вчера» и «завтра»
Когда закат или восход чисты…
У каждой ночи может быть свой автор,
Как в новогодней – елка и часы.

Какая разница между листком на ветке
И тем листком, что я сейчас сорву…
И как узнают, спрашивая ветер,
Где правда, а где я совру?

Где грань всего? -
и в чем секрет судьбы? -
Не виден переход, но всё переменится
Прошедшее пребудет вечно длиться:

И будем, лгать, страдать
и злиться, злиться…
И знать, где грань,
но изменить, - увы…

(«Как незаметна грань…»)

В стихотворении «Как незаметна грань…» поэтесса пытается найти ответ на вопрос: где грань между прошлым и будущим? В конце-концов человек может подойти к этой грани, но изменить ход времени не сможет. Потому что он сам часть этого времени, часть «истории времен». Только Бог выше времени, выше этой «истории времен».

Относительно символизма времени или прошлого: каждый миф вызывает в соответствующей форме вечную идею. Мифологический символизм выражает соотношение между архетипами в прошлом и настоящем. Что такое настоящее? Это миг между прошлым и будущим. Прошедшее же, по мнению И.Г. Рябий, «пребудет вечно

[129] Священник Димитрий Каплун. Ключ к смыслу / Д. Каплун // Рябий И.Г. Обратная перспектива. – Курган: Издательство «Зауралье», 2011. – С. 10.

длится». Символами времени являются библейские лица – Иосиф, царь Соломон; исторические лица – святые Борис и Глеб, Сергий Радонежский, протопоп Аввакум, патриарх Никон и другие; сооружение недавнего прошлого – система советских лагерей ГЛАГ, атомный полигон Невада и т.д. Символами времени являются и современные политически фигуры, такие как Чубайс и другие. Эти исторические символы выражают единство миров в метафизической, этическом и физическом пространстве. Единство миров зла и тьма, с одной стороны, света и добра, с другой стороны.

Таким образом, поэтесса, говоря о посещении «чердака» постепенно приоткрывает дверь в вечность, где «то, что вверху, подобно тому, что внизу». В частности Гермес Трисмегист говорил: «То, что было, подобно тому, что будет, и то, что будет, подобно тому, что было, ради свершения чудес вечности».

2.4. Символ креста в творчестве И.Г. Рябий

Таким образом, категории низа и верха, прошлого и будущего, основанные на аналогии, образуют крест. Для православных христиан вопрос о кресте выходит далеко за рамки историчности. Крест является символом, защитником христиан. Крест есть символ Спасения. Только с принятием великого Таинства Крещения человек получает власть побеждать грех, освобождается от власти тьмы, обретает Ангела хранителя.

В чём тайна Креста? В том, что Иисус Христос на кресте страдает за наши грехи, воспринимает всю человеческую боль. Он принимает на себя, и переживает муки, полагающиеся всему человечеству за его грехи. На Кресте Иисус Христос переживает слитые воедино страдания всего человечества. Всю мощь греха наш Спаситель уничтожает в Самом Себе. Так Иисус Христос совершает победу на человеческими грехами. То же самое и с Святой Русью: она страдает за все человеческие грехи. И всю мощь общечеловеческого греха уничтожает в себе. В 1917 году Россия восстала и пострадала за грехи дедов и отцов, повинных в грехе сребролюбия, за грехи крепостничества, а в 1991 году пал режим, повинный в ужасах ГУЛАГа. Но и такую Россию, обеспамятованную, потерявшую ориентацию, боятся и ненавидят. Но пройдет время и, думаю, что Святая Русь возродится, как птицы Феникс – из пепла. Не случайно И.Г. Рябий ставит вопрос: «по тем ли законам живет весь мир?». И отвечает: разумеется, мы живем не по-христиански.

«Мне запомнилась одна притча, рассказанная студентам при объяснении, что такое, эта обратная перспектива дьяконом Андреем Кураевым. Вкратце она звучала примерно так. Близ одного села жил отшельник. Однажды ученик отшельника пришел взволнованным и рассказал о том, что сейчас должны прийти к ним в келью люди из села, потому что одна девица, собралась рожать и сказала,

что отцом её будущего ребенка является отшельник. Это известие старец воспринял спокойно и сказал: «Что ж, ничего страшного: сплетал в день корзину, теперь буду сплетать две». И когда к нему пришли с угрозами и проклятиями, он никого не разуверял, не говорил, что ни в чем не виноват, но согласился кормить младенца. Когда же наступил срок родин, женщина, оклеветавшая отшельника, никак не могла разродиться. Отчаявшись и поняв, что ей такие мук по греху, она назвала имя истинного отца её ребенка, и через некоторое время родила. Узнав про то, жители решили восстановить справедливость и отправились к отшельнику с покаянием. И снова молодой послушник сообщил о приходе селян в келью к старцу. Но реакция старца была иной, чем прежде. Он сказал: Быстрее собирайся, мы уходим!». Получается, что принимать хулу, клевету, побои для истинно православного человека естественно, тогда как хвалу – противно душе. Тогда возникает вопрос: по тем ли законам живет весь наш мир? наверное, мы все видим неправильно-перспективно, и соответственно этому видению, мы и живем не по-христиански»

(От автора[130])

Жизнь вечная начинается с духовного рождения, то есть Таинства Крещения. На каждого крещаемого человека во время крещения нисходит Дух Святой, Который очищает его от грехов. Душа человека не терпит пустоты. Если в душе нет Божьей благодати, то она заполняется холодом и мраком. При Крещении человек освобождается от власти сил тьмы, от многочисленных грехов, получает дар вечной жизни. Во время крещения и последующего каждого крещения в молитве душа человека открывается для света божьего, для познания светлого мира. Человек крещенный зрит Спасителя, то есть при крещении открывает дверь к Спасителю, шагнув в неё, человек оказывается на пути к Богу. В этом тайна творчества И.Г. Рябий. Открыв дверь к Богу, человек начинает своим духовным зрением различать, отсекать и разоблачать все, что относится к миру тьмы. Он начитает слышать Слово Божие, понимать это Слово Божие, нести в себе это Слово Божие, передавать его другим, блуждающим в потемках собственного темного сознания людям.

Для человека, поднимающегося вверх и открывающего дверь в вечность в «проемным мраке» там, в небесах виден Бог. Ибо по закону нисхождения Дух Святой нисходит на тех, кто несет Крест, кто принял Таинство Крещения, затем очищение, научение и действие. Так, Вяч. Иванов отмечал: «Закон нисхождения света должен осуществляться в гармонии с законом сохранения света. Прежде чем нисходить, мы должны укрепить в себе свет; прежде чем обращать в землю силу, мы должны иметь эту силу. Три момента определяют условия правого нисхождения: на языке мистиков они означаются

[130] Рябий, И. Г. Обратная перспектива : Сборник стихотворений / И. Г. Рябий. - Курган : Издательство «Зауралье», 2010. – С. 116-117. Далее по тексту будет упоминаться только название стать без ссылки на источник.

словами очищение..., научение... и действие... Очищение выражено в призыве... (т.е. переменитесь внутренне, раскайтесь в прежнем), которым Христос начинает свою проповедь. Здесь пробуждение мистической жизни в личности – первая и необходимая основа религиозного дела. Здесь осознание всех ценностей нашей критической культуры, как ценностей относительных, предуготовляющее восстановление всех правых ценностей в связи божественного всеединства... Второй момент, момент научения, есть обретение Имени. Здесь мистика осознает себя как кормилицу истины религиозной... третий момент правого нисхождения есть действие - ...; при соблюдении первых двух условий здесь нисхождение становится не только действенным, но и правым нисхождением во имя Бога, несомненно плодотворным и воскресительным, - нисхождением света, которого не обнимет тьма»[131] И.Г. Рябий подталкивает человека к первому шагу – очищение от прошлых грехов. Ибо за ним последует второй, третий шаги. Виден Бог очищаемому потому, что человек наверху через таинство креста в своей душе может сосредоточится на духовном искании, духовном совершенствовании и своим духовным зрением увидеть Того, к кому стремился.

Для русских людей крепость и крест являются составной частью характера, Русской идеи, Русского духа. И.Г. Рябий пишет: «Русский характер - / крепость и крест...». Как в заколдованном круге русские имеют крепость к земле, нужде, беде, скудной еде, к бабе сварливой, к пустой голове, к мучителям... Но терпение кончается и русские хватаются за нож, начитают бунтовать. «Нож» - это символ войны против угнетателей, поработителей, мучителей. «Нож» - это символ отчаяния русских людей. За «нож» они хватаются в крайнем случае, когда до такого состояния их доводят угнетатели. Помахали ножом, побили угнетателей и мучителей и снова терпение, снова целуем крест, поем акафист.

Русский характер –
крепость и крест,
Крепость и крест,
хоть и степи окрест:
Крепость к земле,
и к нужде, и к беде,
К холоду в доме,
и к скудной еде,
К бабе сварливой,
к пустой голове,
К праздникам древним,
к чинам и к тому,
Мучает кто,

[131] Иванов. О русской идее / Иванов // Русская идея. – М. : Республика, 1992. – С.239.

словно черти в аду.
Нож на глаза попадается –
и хвать:
Изверг на небо,
а мученик вспять.
Снова мучитель,
и снова терпеть –
Крест целовать
и акафисты петь.

(«Русский характер…»)

Крест занимает одно из важнейших мест в личной культуре русского человека, он является частью его души, ума и характера. Крещение, целование креста, пение акафистов сопровождает русскую жизнь. С крещения начинается молитва перед любой деятельностью, например, перед трапезой, перед каким-то важным делом, перед поездкой … При крещении у человека появляется легкость души, неизреченная радость, он снова рождается к доброй вечности. Русский человек крестится и в Церкви и вне её. Например, я видел многократно в Ханты-Мансийске водителей микроавтобуса, которые перед Церковью замедляли ход, крестились, и дальше ехали. Этим крещением они приобщались к Богу, искали защиту от аварии, спасались в Боге.

«Человек без Бога в душе, без Царя в голове» есть человек, потерявший веру, ориентиры в будущее, есть человек вечно сомневающийся, страдающий, заливающий горе водкой, ввергающих в пучину страстей. Почему человек без Бога в душе, да потому, что он не имеет духовных навыков с детства. С детства он не посвящен в Таинства Креста, Таинства Крещения, которое открыло бы ему дверь к Божественному Свету. И у человека разочаровавшегося возникает ощущение, что «время обмануло» его. Так ли на самом деле, время ли обмануло ли человека? Время не может обманывать, ибо оно неумолимо, оно вечно идет вперед. Человек без креста в душе сам обманулся, сам хотел ускорить бег времени и «напоролся» на результат своей спешки, торопливости, нетерпения. Нарушение хода времени и толкает всех на всякие ниспровержения, на потрясения «основ вселенной». Потому что он «выломал» часть креста в своей душе, а может сломал его полностью и у него перепутались низ и верх, прошлое, настоящее и будущее, что при вело к хаосу в головах, всяким неверным решениям. Человек без креста в голове, в сознании есть человек дегармоничный, деперсонализированный, а как сейчас говорят, «человек компьютерный», «человек сексуальный», «человек экономический», «человек политический», «человек числовой» и т.д., то есть человек ограниченный, человек потерявший связь времени.

Этот человек потерял связь прошлого, настоящего и будущего, перепутал низ и верх, смешал предназначение верха и низа.

Нас время обмануло: как легко
Мы шли навстречу невским переменам –
Нас всех самоубийственно влекло
Ниспровергать основы у вселенной!

Рабы не мы! – орала матросня, -
И вешала господ на реях гордо –
Так начиналась великая возня,
Иль самоистребление народа.

Нас обмануло время вновь, - и те,
На тесных кухнях читанные книги,
В которых говорилось о тюрьме
Народов и свободе инвалидов…

Нас обмануло время и тогда,
Когда за ваучер страну распродав,
Мы верили: взошла она, звезда
Пленительного счастия, - свобода!

И вот горюя, злобою горя,
Мы осуждаем все и вся приватно:
А целый век прошел впустую, зря –
И в этом время было виновато!!!

(«Нас время обмануло: как легко…»)

Человек есть отражение отражений, результат всякого рода преломлений и искажений, а, следовательно, он считает, что не виноват во всем происходящем. Человек винит во всем весь мир, и, что особенно удивительно, винит время. В человек говорит множественность, зло, ложь, нетерпимость, несправедливость. Он становится таким же несправедливым, злым, каким являются те люди, которые довели его до такого состояния. И мир погрузился в хаос взаимных распрей. Мы, пишет И.Г. Рябий, верим, что «звездой пленительного счастья» является свобода. Что с ней делать, когда нет работы, когда нет дома, когда не достучаться до чиновников разного уровня, когда в кармане три копейки, когда не дают «крутиться» (как говорит президент) эти чиновники или бандиты? Мы разочаровались в такой свободе и во всем виним «время» (??!). А время – это всего лишь горизонталь Вселенского Креста. Эта горизонталь не сложится в Крест, если мы не обратим свой взор в небо, к Бога. Отсюда мы всегда строим новое прошлое, новое будущее, далекие от истинного прошлого и будущего. А где это истинное прошлое? мы его давно потеряли, вернее, вытеснили из сознания. и в результате – «целый век прошел впустую»! мы сформировали новое искусственное прошлое,

на нём построили новое видение будущего – коммунизм. Не время виновато, виноваты мы – люди, отвергшие Вселенский Крест.

Как остановить это разлом в русских умах, душах и сердцах? Только возвращением в души Креста, посвящением в Таинство Крещение. И тогда, согласно закона нисхождения прольется на людей благодать Божья, на человека сойдет дух Святой. Вот ключ к пониманию творчества И.Г. Рябий. Человек, не посвященный в Таинства Крещения, не поймет сущность её творчества. Помню однажды подошла ко мне студентка и сказала: «Евгений Павлович, я ни как не пойму, о чем пишет в своих сонетах И.Г. Рябий». Я поинтересовался, а что она читала, как она изучала её стихи. Девушка сказала, что смотрела энциклопедии, справочники, но ничего не поняла. Я спросил, а крещенная она. Она сказала, что не крещенная. Я ей объяснил, что пока она не примет душой и сердцем Крест, так и не пройдет Таинство Крещения, перед ней будут закрыты двери в тайны творчества И.Г. Рябий.

Для И.Г. Рябий Вселенский Крест является частью Я, души, сознания. Более того, Крест становится одним из ведущих методов познания и исследования. Так, анализируя творчество хабаровского поэта Константина Романовича Выборова, поэтесса пишет о «Кресте молчания». Крест молчания несли священники, художники, поэты советского и не советского времени, то есть времени, когда нельзя было говорить о том, о чём думаешь, о чём хочешь сказать и писать, о чем кричит душа и волнуется сердце, о чём говорит ум. Несут этот крест молчании творческие люди и сейчас, когда кланы от искусства захватили сцену, издательства, толстые журналы.

«Официальная установка на массовость культуры и обязательную её партийность в конечном счете привела к тому, что культура в нашей стране обрела очертания монстра. Кажущаяся доступность в занятиях литературой и невысокие критерии, продиктованные политизировано-утилитарным подходом к искусству, - всё это вызвало к жизни довольно серую литературную продукцию. Чиновники от литературы зачастую оттесняли беззащитные таланты на периферию культуры. Часто вынужденное молчание оказывалось делом совести, дабы не осквернять душу ложью и оставаться чистым перед будущим. Так наши поэты умирали для публики, едва успев родиться. Такое молчание вряд ли можно назвать золотом, от него веяло могильным холодом и обреченностью. Крест молчания долгое время нес и Константин Романович Выборов, поэт, чье имя мало известно на Дальнем Востоке, где он прожил большую часть жизни, и чье имя может сделать честь не только дальневосточной литературе, но, несомненно, поэзии всей России»

(«Дышала бы только душа…»)

Крест молчания – это своеобразная философия жизни и творчества творческих личностей в закрытых, структуированных общественных системах. Их идеи расходились с официальной

политикой, их работы не брали журналы и газеты. И они смиренно несли Крест молчания по жизни. Знали, что придет время и их стихи, картины, музыка будут не просто говорить, но кричать. Произведения их творческого труда станут частью сознания русских людей. Крест молчания – это своеобразный протест на запреты советской действительности.

О чём писал Хабаровский поэт К.Р. Выборов? Он писал о России.

Россия – сон над омутом,
Дозорный на коне.
Горчинка трав нетронутых
В ковыльной стороне.
Клинок булатный всполохом
Над буйной головой.
Россия – гулкий колокол
На башне вечевой!..

Уставшая, опавшая
Над кручами листва,
Любви ещё не знавшие
Любимые уста…
Крутая замять снежная –
Грядущий грозный Век!
Россия – имя нежное,
Свободный Человек.

Россия – боль жестокая,
Горючая слеза.
И самая высокая
Над башнею звезда…
Людская совесть чуткая –
Открытая душа.
Россия – льдинка хрупкая
В ладонях малыша!

(Россия)

Разумеется, что такие стихи с трудом пропускали в начале 60-х годов советские цензоры. Любые ростки свободомыслия растаптывались тяжелой поступью цензуры. Но «крест молчания» неуничтожим, он глубоко внутри нас, «Я». И свет, несущий «крест молчания», постоянно пробивается наружу через творчество поэта. И.Г. Рябий тонко уловила потаенные струны души поэта. Постепенно накапливалась и потом родилась в сознании поэтессы идея обратной перспективы, то есть перспективы восстановление Вселенского Креста в её душе, сознании, в её «Я».

3. Символика света и тьмы

В произведениях И.Г. Рябий каждый символ скрывает в себе глубокое, многогранное знание. Символ есть проявление Священного. Любое событие, предмет, явление являются для человека символами, кода они становятся носителями Священного, уникальных состояний, событий, моментов общения, познания и взаимодействий. Символ становится оживленной силой Священного. Символ не несет в себе какой-то один смысл. Е.П. Блаватская говорила, что каждая из семи тайн Природы имеет собственный символизм. Так, она в своей «Тайной доктрине» писала: «Недавние открытия математиков и каббалистов доказали вне всякого сомнения, что все теологи, от самой древней до позднейших, возникли не только из общего источника отвлеченных верований, но от единого, всеобщего эзотерического, или Сокровенного Языка… Все слова этого сокровенного языка выражали одинаковые понятия для каждого человека, к какой бы национальности они не принадлежали… Символика должна быть изучаема под всеми её аспектами, ибо каждый народ имел свои способы выражения. Короче говоря, ни один египетский папирус, никакая индусская олля, никакие ассирийские плитки, ни еврейские свитки не должны ни читаться, ни толковаться **буквально…** Каждый символ на папирусе или на олле является многогранным алмазом, каждая грань которого не только заключает в себе несколько толкований, но также имеет отношение к многим наукам». Таким образом, говоря о символах креста, света и тьмы и других мы сможем понять творчество И.Г. Рябий с одной грани – православной. Но это не значит, что не существуют других граней понимания символов. Возможно они скрыты для нашего понимания. Возможно, некоторые символы объясняются не так, как их надо объяснять. Возможно, некоторые толкования уводят нас от истины.

3.1. О понятиях «свет» и «тьма»

Что понимают в христианской философии под понятием «Свет»? Слово «свет» в Священном Писании несет иносказательный смысл. Сам Господь Иисус Христос, один из Триипостасной Троицы, часто называют Светом. Так, русский философ Л.П. Карсавин пишет: «Благочестиво думать, что несовершенное и грешное бытие существует только для того, чтобы преодолеть грех и усовершиться, и только потому, что оно преодолевает грех, и усовершается. Иными словами, оно существует потому, что Христос его спас. Оттого-то Христос и есть свет мира»[132] Л.П. Карсавин акцентирует внимание читателя на том, что Христос

[132] Карсавин, Л. П. Малыс сочинсния / Л. П. Карсавин. – СПб. : АО «Алитсйя», 1994. – С. 444.

спасает грешнего и страстного человека. Потому спасает, что он несет Свет Миру, что он сам есть Свет. Но Бог выше Света, ибо он источник Свет.

Бог, - отмечается в Священном Писании, - ***живет в свете неприступном. Бог есть свет,*** - пишет святой Иоанн Богослов, - ***и нет в нем никакой тьмы (1 Ин. 1; 5).*** То есть, Его орудием творения является Свет. Свет служит в Священном Писании символом единения, любви, знания, чистоты жизни, святости и радости и праведной жизни. Свет есть ориентир для человека, несущего тяжкий крест на этой грешней земле. Человек рождается в Свете, сотворенного Творцом. Человек рождается, неся в себе Бога, ибо Бог и есть Свет.

Так, да светит свет ваш пред людьми, говорит Спаситель, ***чтобы они видели ваши добрые дела, и прославляли Отца вашего небесного (Мф. 5; 16).*** Человек рожден для добрых дел, для светлого творчества, поэтому он должен исполнить свое предназначение, данное ему Творцом. И этот Крест он должен нести по жизни. Свет является одним из основных и важнейших сакральных символов. Божественное сияние выражается изобразительными символами в форме нимба, мандорлы, а также изображаться как световой ореол. Богослов Иоанн Скот Эриуген пишет: «Он (Бог – Е.К.) больше, чем жизнь, ибо жизни противостоит смерть. Так же стоит дело и с светом, которому противостоит тьма»[133]. Таким образом, Бог выше Света, не подвержен смерти, ибо он все это сотворил.

Божественный Свет осуществляет связь между духовным и природным, земным. Ибо Божественный Свет духовно просвещает всех, приобщенных к Духу Святому, несущему в душе, уме и сердце Дух Святой. Через этот Свет к человеку ниспадает Божья благодать. Приобщение человека к этому Свету возможно только через каждодневное и многократное крещение, молитву, покаяние, очищение, пост. Именно через эти духовные акты на человека ниспадает Божественный Свет, который соединяет душу, ум и сердце человека. По мнению Б. Бычевского, «Восстановить связь между духовным и земным, соединить ум с сердцем может только Свет Христов, просвещающий всех. И действо это совершается в богослужении. Оно, как каскад водопадов, по которому к каждому члену Церкви нисходит врачующая благодать «воды живой» (по выражение отца Павла Флоренского), восстанавливает в человеке душевном, чувственном соединение с духовным, Божественным, делает его совершеннее, гармоничнее, принимает в соборную молитву Церкви и в космическое единение земного и небесного: «***Небеса***

---

[133] Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / Иоанн Скот Эриуген. – М. : Республика, 1994. – С. 114.

проповедуют славу Божию и о делах рук его Вещает твердь» (Пс. 18 : 2)»[134]

Божественный свет Един, Его не может быть множества. Если мы говорим о множестве Света, то разумеется, мы говорим о многократно искаженном свете, о делении света, значит мы говорим не об истинном свете. Этот не истинный свет, многократно преломленный в поднебесье, в результате «предела поставленного извне…», в конце концов, отражается через несколько преломлений в человеческом помрачненном сознании. Значение символа для человека не изучается, а открывается постепенно, иногда внезапно, неожиданно, иногда в результате длительных поисков. Так и «духовным светом» Хирама, сущность которого открывается постепенного, в результате длительных поисков человек ищущего истинны свет. Так и для И.Г. Рябий «духовный свет» Хирама, по мере приобщения к Божественному Слову и Свету, все очевиднее становится то, что он есть искаженный, многократно преломленный свет. А следовательно, «духовный свет» Хирама, есть свет чужой, свет холодный. А такой символ для православного человека становится уже символом других сил, сил тьмы, сил темного мира. Ибо Свет в понимании И.Г. Рябий, это истинный Божий Свет, Божье Слово, слово любви, слово единства, знания, мудрости, добра, правды. Это СЛОВО имеет один смысл, оно направлено на строительства светлого мира в человеческих душах, сердцах и умах. В светлом мире не нужны тайные организации, многочисленные сообщества, разделяющие людей, сеющие между ними несогласия и раздор. Ибо Божественный Свет всё тайное, скрытое и скрываемое делает явным, видимым.

Множественность, тайность, таинственность, - это понятия из темного мира. Среди таких таинственных организаций темного мира, которые когда-то существовали и существуют сейчас, следует отнести следующие: Комитет-300; Бильдербергский клуб; Римский клуб; Белый Лотос; Триады; Черный дракон; АУМ Сенрике и многие, многие другие. К тайным организациям относятся и масонские организации, а, следовательно, относятся и к силам темного мира. Для пытливого ума вызывает интерес не сколько сама эта тайная организация, а сколько её символическая философия.

В сонетах И.Г. Рябий очень много символов философии масонства, оккультной философии древних греков, древних египтян, их взаимная и даже неразрывная связь. Символика света и тьмы в масонской символической философии занимает одно из ключевых мест. По мнению М. Морамарка, «Символика света имеет в масонстве центральное значение. Она впервые появляется во время инициации Ученика, когда кандидат, согласно ритуалу, взыскует Света»[135] В

---

[134] Бычевский, Б. Церковное искусство в наше время / Б. Бычевский // Храм. – 1991. - № 1. – С. 16.
[135] Морамарко, М. Масонство в прошлом и настоящем / М. Морамарко. – М. : Прогресс, 1990. – С. 35.

связи с этим следует отметить, что в Евангелии Свет совпадает с Словом, творческим началом Божества. Так, в Книге Бытия Священного Писания Свету принадлежит первенство в акте творения: **«И сказал Бог: да будет свет; и стал свет» (Бит. 1 : 3).** Свет играет ключевую роль в строительстве светлого мира в сознании человека, в просветлении Оно (бессознательного) в человеке. Свет играет ключевую роль в любом акте творческого человека, ибо человек есть образ и подобие Божие на Земле. Поэтому Творец заложил светлую сущность, да человеку творческое начало, наделил его светлыми силами. Так, Р. Беккер, изучая сущность символа, пришел к выводу: «Символ можно сравнивать с хрусталем, пропускающим свет своими разными способами в зависимости от того, через какую грань этот свет проходит. Можно еще сказать, что символ - это живые существа, частица нашей собственной сущности, находящейся в постоянном движении. Когда мы в него проникаем, в тот момент, когда осознаём, что он является толчком для пересмотра и размышлений, изучая его, мы одновременно наблюдаем и изучаем свой собственный путь, перед нами открывается то направление, следуя которому наша душа улетает к новым далям». Поэтому, изучая символику произведений И.Г. Рябий, мы рассматриваем путь женщины, для которой открывается новое направление жизни и творчества. Она пытается своей поэзией подтолкнуть человека на путь к духовному свету православия. Человек, несущие в себе Вселенский Крест, несет одновременно и духовный свет православия. Она считает, что это и есть истинное толкование символов света и тьмы. В сонете «Встал на пути пред божьим светом…» И.Г. Рябий говорит о другом «духовном свете», о ложном свете, преломленном свете. Это и есть «духовны свет» Хирама, «свет разума» Аполлона и др.

Свет и Бог отождествляются друг с другом не только в Священном Писании, но и в символической философии масонства. В. Морамарка пытается понять причины тождества Света и Божества: «Любопытна исходная причина столь частой ассоциации Света и Божества. Несомненно, речь здесь должна идти о «криптонезии», то есть воспоминании, возникающем в ходе процесса бессознательного и архаического (тайного) запоминания. Воспроизведения образца – архетипа, материализуемого в солнце или молнии, которой скорректирован восприятием сверъестественной силы, которым обладали наши отдаленные предки»[136]

Тема тьмы, низа, темного мира, мрака, теней, сумрака в творчестве И.Г. Рябий не так выражена, как, скажем тема света. Хотя существование одного без другого невозможно. Но, тем не менее, читая её стихотворения, чувствуешь, если не о темном мире

---

[136] Морамарко, М. Масонство в прошлом и настоящем / Р. Бекккер / М. Морамарко. – М. : Прогресс, 1990. – С. 36.

говорится, то он где-то рядом, здесь или там. В одном стихотворении через «проемный мрак» виден Бог; в другом – «в сумраке века» спрятано сердце поэта; в третьем – «Из тьмы пещеры к свету поскорей», к Спасению завет поэтесса; в четвертом – «черная тьма забот / нам заслоняет свет». Но если проанализировать её сонеты, касающиеся Бафомета, Диониса, Аполлона, Хирома Абиффа и других лирических и мифологических героев, то невольно начинаешь понимать, что теме темного мира уделяется не меньшее внимание, чем теме Света Божьего. Вселенский Крест в сознании человек возможен только при принятии им светлого мира, то есть устремления его взора, душ, сердца и ума к небесам.

Тьма «обнимает», включает в себя мрак, сумраки, тени, темноту. Тьма рисуется черными красками. Тьма бесконечно делится, принимает самые невероятные образы. Тьма понимается И.Г. Рябий иносказательно, в христианском смысле.

В начале творения, по слову бытописателя, ***тьма*** была ***над бездною,*** которая ***и названа ночью.*** О тьме, составлявшей одну из Египетской казней, говорится, что она была ***осязаемая (Исх. 10; 21).*** Тьма осязаема, значит, чувственна и видима. Быть может, это происходило от густых, тяжелых испарений или другой ощутительной перемены в атмосфере, не пропускавшей чрез себя солнечных лучей. Несомненно, это атмосферное явление было чудесное, и ужас, возбуждаемый темным миром, живо описан в книге Исход (10: 22, 23). ***Не видели друг друга,*** говорится в Исходе, ***и никто не вставал с места своего три дня.*** Тьма, объявшая всю землю при крестной смерти Господа, несомненно было чудесным явлением; так как не могла произойти ни от какого солнечного затмения в этот период фазиса Луны. Символично, что Господь Иисус Христос был распят накануне иудейской Пасхи, которая приходилась в конце марта. Распятие – это страшное зрелище. Март начинался новолунием; следовательно, во время распятия Христа не могло быть никакого затмения. Было полнолуние. Луна находилась к Земле на противоположной стороне от Солнца. Таким образом, сама природа отвращала свое лицо от видения этого страшного зрелища. Слово тьма часто употребляется иносказательно для обозначения невежества, печали, наказания, сени смертной и области злых духов. Часто низ ассоциируется с тьмой. Ибо, там в низу и располагается темный мир.

Богословы и философы спорят и значении тьмы для человека. Так, Н. богослов Кузанский отмечал: «Дух должен сделаться неведущим и погрузиться во тьму, если хочет видеть Тебя. Но что же есть это неведение Духа? не есть ли это мудрое неведение? Поэтому, о Бог мой, который есть бесконечность, к Тебе может приближаться

лишь тот, который знает, что он не ведает Тебя»[137]. Иоанн Скот Эриуген говорил: «...недостижимая ясность сил небесных часто называется в богословии тьмою, чему не надо удивляться, ибо и высшая мудрость сама, которой близки эти силы, часть обозначается тьмою»[138]. В свете этих высказываний для того, чтобы встать на путь Божественного Света, надо погрузиться в неведение, быть во тьме, понять, что ты во тьме и в неведении. Тогда может начаться путь к Богу, тогда действительно человек уверенно будет знать, что он на пути к Творцу. Тогда он понесет свой Крест, русский народ понесет Крест идеи «Москва-Третий Рим», Крест Святой Руси.

3.2. «Всё в искаженном видим свете...»

Кто мы такие, земные люди? Мы, отмечает И.Г. Рябий, есть «отражение отражений»(!). Что это означает? Попытаемся разобраться в этом непростом вопросе. В сознании человека целенаправленно и стихийно отражается действительность, реально существующий мир. Но насколько точно отражён этот реально существующий мир в сознании человека? Отражен, но лишь частично. Человек осознание (или распознает) не все оттенки цветов, не все слышит звуки реального мира, не все ощущает запахи. Природа устроила так психику человека, что она защищает сознание человека от избыточной информации, идущей из реального мира. Только напрягая мышление (или / и используя методы научного исследования) человек все больше и больше погружается в детали реального мира, отсюда в сознании человека отражается только часть реального мира. И этой частичной информации ему хватает для того, чтобы адекватно вести себя в природном мире и в обществе среди людей. Но человеческое сознание получает очень много информации о виртуальном мире, мире символов, смыслов, атефактов, им же созданных. Насколько он понимает эту информацию о «второй природе» зависит от уровня культуры, ментальности, традиции мышления. Тем самым «вторая природа» преломляется многократно в сознании человека.

Отражение является одной из важнейших характеристик человеческой психики. Отражение бытия природного и социально-культурного в сознании и психике человека осуществляется через образы, понятия, которые становятся предметом мышления. То есть бытие в сознании представлено в форме смыслов, идей, понятий, образов, символов. Но И.Г. Рябий, говоря о человеке нынешнем, русском человеке, имеет в виду не единичное «отражение». А

---

[137] Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / Н. Кузанский. – М. : Республика, 1994. – С. 117.

[138] Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / Иоанн Скот Эриуген. – М. : Республика, 1994. – С. 115.

«отражение» двойное, тройное, четвертное…, то есть «отражение отражений». И это вполне нормально, ибо современная культура всё дальше и дальше отходит от природы, становится всё более виртуальной. То есть наше русской сознание есть двойное, тройное, четвертное…отражение реальной действительности. Но И.Г. Рябий говорит не о простом отражении неполной, но реальной действительности и виртуальной культуры, она говорит об «отражении отражений». Если при первом отражении информация о реальном мире и культуре искажается, то при «отражении отражений» идёт наслоение этих искажений. Мы, таким образом, живем не в реальном, а в искусственном мире нашего сознания, в мире иллюзорном, потеряли связь с миром истинным. Мы стали видеть всё в искаженном свете. Свет Божественный преломляясь через многочисленные грани практически не доходит до нашего сознания, или попадает в сознание в сильно искаженном виде. Человек видит всё в искаженном свете.

Что такое «всё»? Всё –это значит, о что касается как материального, так и культурно-духовного мира личности, то, что окружает нас в социуме, то что внутри нас. Понятием «всё» И.Г. Рябий хочет сказать, что русский человек живет в мире либо снов, либо иллюзий, как в «королевстве кривых зеркал», не понимает то, что происходит вокруг его, что происходит в его сознании. Он не только живет (живет ли?) в этом иллюзорном, виртуальном мире своих идей, смыслов, образов и понятий, и даже смирился с судьбой отторжений, преломлений. Осталось ему только скорбеть «по истинной планете», где действительно царствуют единение, любовь, добро, правда, истинное знание, мудрость, справедливость, честь и достоинство. Его сознание поэтому, есть предмет манипуляций, то есть всё новых и новых искажений.

Мы, грешные люди, не можем узреть истины, не можем, следовательно, творить мир, самого себя, хотя мы подобие Божие на Земле, не можем творить новую человеческую реальность. Мы не выполняем замысел Божий в отношении самих себя. Что происходит? Почему мы всё видим в искаженном свете? Кто искажает для нас свет? Всё это происходит потому, что мы видим окружающий нас мир глазами телесной культуры, глазами бытия и обыденности. «Бытие определяет сознание», - вот основной лозунг прошедших ста лет советской и постсоветской эпох. Видеть свет в искаженном виде, значит: во-первых, как говорится в сказке, «жить в королевстве кривых зеркал»; во-вторых, смотреть на мир глазами развращенного, грязного, дисгармоничного и страстного бытия. Видя всё в искаженном свете, мы, главное, «не зрим, грешные, Отца»! Полагаю, И.Г. Рябий вкладывает в слово «Всё в искаженном видим свет…» смысл не только философский, но, главным образом, духовный и нравственный. То есть, мы видим в искаженном свете любовь, добро,

единство, справедливость, мир, правду, знание, мудрость, с одной стороны, и ненависть, зло, множественность, несправедливость, ложь, невежество, глупость, - с другой стороны. мы видим мир вокруг нас и в себе чужими глазами, слышим звуки чужими ушами, ощущаем чужим обонянием. Потому что наше в сознание уже вложили чужие цвет, звуки, вкусы, запахи, а затем и идеи, концепции, теории, взгляды. Вложили и сказали: поверьте – это все ваше. Находясь в объятиях темного мира, не видя Божественного Света, не слыша Божественного Слова, мы поверили. Но это не наше, ибо наши цвета, звуки, запахи и вкусы, идеи и теории, концепции и взгляды преломляются черед духовное и нравственное, образуются от Божьего Света и Божьего Слова. Они ростут в Свете единения, любви, добра, правды. знания, мудрости и справедливости. Поверив в ложное, не истинное, мы в своём сознании закрепили это ложное. Мы обманываем самих себя и этим гордимся. Тем самым мы в себя впускаем ежеминутно, ежечасно и ежедневно бездуховность и безнравственность, грех, страсть и потребительство. Отсюда И.Г. Рябий говорит, что мы грешники, что «сор застит нам очеса», что мы, презренные, не можем прозреть, не можем продолжить начатый до нас людьми «бой кровавый», не можем преодолеть «предел, поставленный извне».

В сонете «Предел, поставленный извне…» высвечивается очень важная проблема преодоления человеком «пределов» в социуме и в самом Я. Это «пределы» поставленны «извечными врагами небес», то есть силами тёмного мира. Человек, видящий всё в многократно преломленном, извращенном и искаженном свете не в состоянии видеть реальность, не в состоянии её объективно оценить и принять правильное решение. Нужен шаг, рискованный, важный, чтобы сломать в себе эти границы, отделяющие человека от света единства, любви, добра, правды, знания, мудрости, справедливости. для того, чтобы сделать этот шаг, необходимо осмыслить «предел, поставленный извне..» Потому что этот «предел, поставленный извне…» уже в нас, в нашем сознании, в нашем Я. Он отражается в наших «Я-концепциях», «Я-образах», «Я-позициях». Не осознав его, мы не сможем преодолеть своим сознанием, вытеснить его из своего Я.

Что самое прочное в культуре? Артефакты и символы. Пределы, закрепленные в форме артефактов и символов, труднопреодолимы. Ибо символ – язык вечности. Пределы, поставленные символами, необходимо преодолевать путем вытеснения чужих символов, внедрением своих символов, - это борьба на годы. Но для начала человек должен увидеть Божественный Свет и прозреть.

Человеку нужно прозреть с тем, чтобы он понял, что его путь во зле, лжи, ненависти, множественности, невежестве, глупости, несправедливости. Это путь многократно преломленного света, то

есть путь в темном мире. Это большая психологическая проблема личности. Как преодолеть «предел, поставленный извне», ибо этот предел уже не во вне нас, а в нашей психике, в нашем мышлении, сознании. Преодолеть предел, значит, вступить в «бой кровавый» с действительностью, бытием, начать борьбу с «извечным врагом небес» как в самом себе, так и социуме. Ибо этот «враг небес» очень прочно «обосновался» в наших привычках, стереотипах поведения, в нашем мышлении, сознании. Мы находимся в малом и большом грехе каждодневно, ежечасно, ежеминутно. Но преодолеваем ли мы этом грех, очищаемся ли мы от этого греха? Нет! Многие русские даже не задумываются о воцерковлении. А те, кто несет крест, мало ходят в Церковь, не соблюдают православную символику, а следовательно, не впускают в себя Божественный Свет и Божественное Слово.

Предел, поставленный извне,
И есть тот замысел коварный
Извечного врага небес,
С которым держим бой кровавый…

Но нет нам в битве сей спасенья,
Не узрим, грешные, Отца, -
Сор застит наши очеса,
И призренным, нам нет прозренья!

Мы – отраженье отражений,
Всё в искаженном видим свете,
Смирясь с судьбою отторжений,
Скорбим по истинной планете.

Затем, что враг Его заветам
Встал на пути пред божьим светом.

(«Предел, поставленный извне…»
В эпиграфе: «**… и только повторения Грядущее сулит..**» Е. Баратынский)

В эпиграфе к сонету «Предел поставленный извне…» И.Г. Рябий приводит строчку из стихотворения Е. Баратынского: «…и только повторенья / Грядущее сулит…»). По-видимому, она имеет в виду тот факт, что русский народ когда-то в «грядущем» вспомнит, что он был одним из самых религиозных народов мира, что именно за последнее столетие он эту религиозность почти утратил. Нужно повторить пути Бога, встать на путь Света, вновь обрести истинную веру. Нужно повторить путь своих предков., русского народа, некогда самого религиозного народа мира.

Что за «предел, поставленный извне» человеку? Что же за предел, мешающий человеку пробиться к Свету Божьему, мешающий человеку «узреть небеса»? И.Г. Рябий говорит, что это «самый

коварный / Извечный враг неба / С которым держим бой кровавый». О «враге небес» немного позже. «Предел» - это преграда, которая не пускает человека ввысь, в пространство Русского Духа, встать на путь духовного обновления и совершенствования. Нас не пускают в пространство и время Духа Святого страсти, человеческие слабости, мелкие и большие грехи, обычные человеческие телесные потребности. Иными словами, вторая сторона человеческой природы, то есть её биологическая составляющая. Именно этот предел на пути к Богу поставлен человеку «врагом небес». Этот «предел, поставленный извне…» создан для того, чтобы человек никогда не обрел смысл и сущность пространственной символики и не взял на себя идею Вселенского Креста.

«Замысел коварен» в том, чтобы человек никогда не смог сбросить с себя страстное, потребительское, грешнее начало. Преодолев в себе телесное, человек умирает для возрождения в вечной жизни в Русском Духе, ибо его душа бессмертна. Мешает нам преодолеть всякого рода пределы к Божественному Свету и всякие темные силы из древних мифов, то есть временная символика темного мира. В. Морамарка отмечает: «белое и черное, свет и тьма… В этом содержится осознание противостояний и внутренней разорванности (расчлененности) бытия, а также необходимость восстановления разрозненности в духовное единство»[139] Тем самым, И.Г. Рябий отчетливо видит «пределы, поставленные извне…»,видит значимость этих пределов для темного мира, видит, что если человек, русский народ, не преодолеют эти пределы, то они никогда не смогут соединить в своем уме, душе и сердце пространственную и временную символику в форме Вселенского Креста. В этом случае говорить о возрождении русской культуры, русского народа и России будет бессмысленно.

То, что происходит с людьми, отвергающими Бога, традицию, очень убедительно описано в 52 псалме «Книге псалмов (Псалтырь)». Человек, сказавши, что «нет Бога», теряет сострадание, жалость, становится жестоким, развратным, теряет веру, терпимость. Отвергнув бога, человек отвергает Путь Света, отвергает Божественное Слово. В результате человек погружается в грех, живет в грехе, даже восхваляет и гордится этим грехом.

«Нет Бога!» - некий человек изрек,
И сразу в мире всё поколебалось,
Исчезли сострадание и жалость,
И развратился всякий человек,
Ни праведных, ни верных не осталось.

И человечий род Господь презрел,

[139] Морамарко, М. Масонство в прошлом и настоящем / М. Морамарко. – М. : Прогресс, 1990. – С. 40.

Он оглядел из Своего чертога
Всю землю, где свершается так много
Грехов и всяких непотребных дел.
И никого Господь не углядел,
Кто был бы праведен и верил в Бога.

Ужели Господа не возлюбя,
Те, кто пожрать готов народ Господний,
Как поедает хлебы муж голодный,
Свой грех не смоют, вразумив себя?

Пусть эти грешники и святотатцы
Всего, что есть на свете, убоятся,
Да поразит Господь их кость и плоть,
Пусть против них народы ополчатся
Лишь потому, что их отверг Господь.[140]

(Псалом 52) «Нет Бога! – некий человек изрек…»

В 52 псалме отмечается, что Господь увидел «человеческий род» из Своего чертога. Увидел то, что на земле свершается много грехов, непотребных дел, ни кто не праведен, не верят в Бога. Все это мы видим и сейчас в России, через сто лет насаждения идей поголовной атеизации русской и всех других наций. Для русского человека «предел, поставленный извне…», служит непреодолимым препятствием к Божественному Свету, пока он служит владыкам темного мира. Потеряв веру в Бога, русские люди обрели веру в кумиров, облеклись в соблазны и страсти, стали объектами потребительской культуры. и в результате мы видим, как черствеют русские души, как пустеют русские села и деревни, как непримиримыми становятся национальные конфликты в России. Процессы атомизации, отчуждения и деградации глубоко проникли и укоренились в русском сознании. Русский человек погнался за большим рублем, презрев малые дела, из которых складывается будущее любой культуры. В псалме говорится, чтобы против таких грешников, святотатцев и развращенных людей народы ополчились.

На нашем пути к Божьему Свету стоит «враг Его заветов», и этот враг не только в социуме, он в нашем Я, ибо личность есть совокупность всех общественных связей и отношений. Значит, чтобы победить «врага» Божественных заветов, необходимо преодолеть «пределы поставленные извне», то есть вступить в «бой кровавый» с этим врагом. Значит, надо знать – кто этот враг? Знать, как бороться с этим врагом. И тогда пределы исчезнут сами по себе. Ибо они построены на членении целого, на невежестве, ненависти, зле, лжи, глупости и несправедливости. Они воплощены в символах темного

[140] Шедевры библейской поэзии. Сотворение мира. Псалмы. Экклезиаст. Стихотворные переложения Г. Плисецкого и Н. Гребнева. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2001. – С. 154.

мира, которые ловко прячутся и маскируются под Божественный Свет.

3.3. «Встал на пути пред Божьим светом…»

В сонете «Встал на пути пред Божьим светом…» И.Г. Рябий уже конкретизирует, кто именно встал перед людьми на пути к Божьему свету. Это тот, кто создал «Соломонов храм», это «великий архитектор века», это Хирам и есть Духовный свет. Хирам – символ культуры, возможно великой культуры, символ неисчерпаемый. Это символ культуры одного народа. Но этот символ длительное время и сейчас навязывается другим культурам, которые хотят жить по своим законам, иметь свою символику Света. Навязываемый символ в представлении И.Г. Рябий не может быть символом Света для человека православного, ибо он преломляет Божественный Свет, искажает Божественное Слово для других народов, в то числе и для русского народа.

И.Г. Рябий говорит о «Великом архитекторе века, - / Духовном свете, или Хираме, - / Создавшем Соломонов Храм!» как о «древнем мифе». Любой миф, став символом, начинает жить своею жизнью, становится реальностью. Так и Хирам, бывший мифом, становится реальностью. И.Г. Рябий говорит: «вот-вот воспрянет древний миф». Значит Хирам, благодаря усидиям тех, кто поставил пределы для людей перед Божьим Светом, становится реальностью, обретает свое бытие в сознании людей. Он сам начинает устанавливать пределы в познании людей. И вот Хирам уже не символ, а ледмарка. По нению В. Морамарка, «Великий архитектор Вселенной не является, однако, только символом. Это своего рода ладмарка», или, говоря словами У. Порчатти, «одна из неизменных опор, являющихся непреодолимым рубежом» («ладмарка» и означает как термин понятие рубежа, границы, закона). В пределах которого и должно удерживать все допустимые нововведения»[141] Хирам становится одной из опор культуры, которая удерживает все видоизменения, новации, идеи в рамках этой культуры. Введением понятия «ледмарка» масонская философия всё объясняет. Хирма охраняет дерево новой жизни, строго следит за инновационным возрождением личности в рамках символики культуры, создавшей его. М. Морамарко пишет: «В масонской ложе Мастер, подобно страннику – херувиму, охраняет дерево жизни, иначе говоря, процесс инициационного возрождения личности, и открывает доступ поверженному человеку (мирянину) к его плодам, совершая акт и освещение, к котором используется тот же

[141] Морамарко, М. Масонство в прошлом и настоящем / М. Морамарко. – М. : Прогрссс, 1990. – С. 44.

«пламенный меч»»[142] Что касается других национальных культур, формирующих свою символику, живущих по своим законам, то эта символика их отвергает, подчиняет или вытесняет.

«Древний миф» о Хираме Абиффе и сегодня является препятствием, барьером к Божьему Свету, к Истинному Свету, препятствием к возрождению русской культуры. Возрождение символики Хирама на русской почве есть факт унижения русской культуры, возведения пределов и препятствий для утверждения Русского духа, Русской Идеи. Тем самым из русского сознания постепенно вытесняется Путь Божественного Света.

Рассмотрим немного подробнее сущность этого «древнего мифа», который уже превращается из «древнего мифа» в реальность. Исследователь и специалист в области масонской, герметической, каббалистской, резенкрейцеровской философии Мэнли П. Холл пытается описать эту легенду о строительстве Соломонова храма и архитекторе Хираме. Он пытается понять временную символику древнейшей философии. Имя Хирам Абифф – переводится как «Мой Отец, Универсальный Дух, единый в сущности, тройной в аспекте». Убитый Мастер – Хирам Абифф – в трактовке Мэнли П. Холла - это тип Космического мученика, распятого духа Добра, умирающего Бога, Мистерии. Духовный свет Великого Архитектора разливается по всему Миру. Этот «духовный свет» Хирама разливается по всему миру взамен Божественного Света, Божественного Слова, взамен распятого Иисуса Христа. Таким образом незаметно подменяется одна символика другой символикой. Если Божественный Свет – нерукотворный свет, то «духовный свет» Хирама есть свет сконструированный, то есть, рукотворный.

В трактовке доктора Сигизмунда Бакстрома слово «Хирам» – является коренным, которое состоит из трех согласных звуков: ХЕТ, РЭМ и МЭМ. Хет – Хамах, Солнечный Свет, то есть Универсальный, невидимый, холодный огонь Природы, привлекаемый солнцем. Рэт – Руах, то есть Дух, воздух, ветер, средство, которое переносит и собирает свет в бесчисленное количество Фокусов. Мэм – Мадим, вода, влажность и даже Мать воды, то есть Родительская Влажность или же некий вид конденсированного воздуха. Хетт, Рэм и Мэм – это три составляющие «Универсального Агента, или огня Природы». Исследователь Пайк соотносит трех Товарищей Ремесленника (называя их разбойниками) с триадой звезд в созвездии Весов. В предании говорится, что Холдейский бог Бел, превращенный евреями в земного Бога присутствует в имени каждого их трех Товарищей Ремесленников (убийц) – Джу**бело**, Джу**бела** и Джу**бел**ум.

---

[142] Морамарко, М. Масонство в прошлом и настоящем / М. Морамарко. – М. : Прогресс, 1990. – С. 42.

Для того, чтобы глубже и правильнее объяснить легенду о Хироме Абиффе требуется знакомство с древними пифагорейской и каббалистской системами чисел и букв, с астрономическими циклами египтян, холдеев и браминов. Они оказали существенное влияние на масонскую символическую философию. Возьмем, к примеру, мистическое число 33. это число указывает на некие факты и события, которые таинственным образом связаны друг с другом. Первый храм царя Соломона простоял 33 года, после чего в конце этого времени был разграблен египетским царем Шишаком. В 588 г. до нашей эры храм Царя Соломона был полностью разрушен Навуходоносором, а народ израильский был пленен и уведен в Вавилон. Далее, 33 года правил в Иерусалиме царь Давид. Симптоматично, что Масонский Орден разделился на 33 символических степени; 33 сегмента насчитывается в человеческом позвоночнике. Иисус Христос распят на 33 году своей жизни. Это не просто какие-то простые или случайные совпадения.

Современные исследования, связанные с темой строительства храма царя Соломона связывают историю убийства Хирама Абиффа с ритуалом Осириса.

Смерть и воскресение Осириса в литературе символически рассматривается как духовная смерть человека и его возрождение через инициацию в Мистерии. Хирам Абифф идентифицируется с Гермесом. Из этой ассоциации видно, что Хирам рассматривается как прототип человечества. На самом же деле, согласно философии масонства, Хирма Абифф является Платоновской Идеей (архетипом) человека. Как библейский Адам после своего падения символизировал Идею человеческой деградации, так и Хирам Абифф через своё воскресение символизировал Идею человеческого возрождения.

Подмена Иисуса Христа Хирамом Абиффом, вера в Хирама как в Бога, есть символический акт завершения длительного процесса смены веры, то есть акт полного вытеснения из сознания человека православной веры и утверждение новой веры в Хирама.

Таким образом, И.Г. Рябий считает, что пределы на пути к Божьему свету, поставлены давным-давно Хирамом Абиффом, еще при строительстве Соломонова храма. Но эти пределы были всегда лишь мифом. Вернее, временной символикой. И.Г. Рябий называет этого «Великого архитектора века» мифом, который должен вот-вот превратиться в реальность. Она связывает «Великого архитектора века» с другим персонажем – Бафометом – Дьяволом.

Встал на пути пред божьим светом
Великий архитектор века, -
Духовный свет, или Хирам, -
Создавший Соломонов храм!

Заставы ставя естеству,

Твердя священные заклятья
Вверх по ступеням к мастерству
Бредут избранники и братья.

Курятся жертвы в храме их,
И Бафомет сидит на троне,
Весь мир у них как на ладони.
Вот-вот воспрянет древний миф:

Их ждёт желаемый успех,
И вместо света – неба смех…

(«Встал на пути пред божьим светом…»)

Бафомет – это тоже символ темного мира, символ, несущий зло, который «вот-вот воспрянет», станет реальностью в сознании русского человека. Ибо русский человек, отвергнувший Божественное Слово и Божественный Свет, уже находится в пределах, поставленых Хирамом.

Чтобы понять глубже понять символы этого сонета, И.Г. Рябий, а также причины, почему поставлены пределы свету на пути к Богу, необходимо обратиться к истории. Ибо Божественный Свет и Божественное Слово стали основными препятствиями на пути выхода новой религии за пределы своего народа. Мэнли П. Холл далее пишет, что когда Соломон, любимец Бога, строитель Вечного Дома, Великий Мастер Иерусалимской Ложи взошел на трон после смерти своего отца – царя Давида – он решил посвятить всю свою жизнь строительству храма Богу и дворца царей Израилевых. И всё сделал, чтобы возвести этот Храм Богу.

Соломон прослыл мудрым царем. Он прославился тонкостью ума, необычностью суждений и изречений. Им написаны «Притчи», «Экклезиаст», «Песнь песней», которые дошли на нас. Так, в «Экклезиасте» записано, что в этом мире всё «суета сует»; что в мире всё идет по кругу. Он говорит, что нет пользы от человеческих трудов, ибо «одна маета». Ибо от многой мудрости много скорби, а от умножающегося знания – много печали.

Суета сует, - сказал Проповедующий, - суета сует: всё суета.

Что пользы человеку от всех его трудов, над чем он
трудится под солнцем?
Род уходит, и род приходит, а Земля остается навек.
Всходит солнце, и заходит солнце, и на место свое поспешает,
Чтобы там опять взойти;
Бежит на юг и кружит на север, кружит, кружит на бегу своем
ветер,
И на круги свои возвращается ветер;
Бегут все реки в море, - а море не переполнится,

К месту, куда реки бегут, -
Туда они продолжают бежать;
Всё – одна маята, и никто рассказать не умеет, -
Глядят, не пресытятся очи, слушают, не переполнятся уши.
Что было, то и будет, и что творилось, то творится.
И нет ничего нового под солнцем.
Бывает, скажут о чем-то: смотри, это новость!
А уже было оно в веках, что прошли до нас.
Не помнят о прежнем – так и о том, что будет, -
О нем не вспомнят те, кто будет позднее.
Я, Проповедующий, царил над Израилем в Иерусалиме,
И предал я сердце тому, чтобы мудростью изучить и изведать
Всё, что делается под небесами:
Тяжкую задачу дал бог решать сынам человека!
Видел я все дела, что делаются под солнцем,
И вот – всё это тщета и ловля ветра:
Кривое нельзя расправить, и чего нет, нельзя исчислить!
Сам себе промолвил я так:
Вот я мудрость свою умножил более всех,
Кто был до меня над Иерусалимом,
И много видело сердце мое и мудрости и знанья.
Так предам же я сердце тому, чтобы мудрость познать,
Но познать и безумье и глупость –
Я узнал, что и это – пустое томленье,
Ибо от многой мудрости много скорби,
И умножающий знанье умножает печаль.

(«Экклезиаст»)

Царь Соломон строил храм Богу и дворец царей Израилевых, но почему-то там восседает на троне не Бог, а Бафомет – дьявол. В чем такая метаморфоза? Может Бафомет и есть тот Бог, которому строил храм Хирам. В христианском вероучении Бафомет, Люцифер и другие, есть не боги, а дьяволы. Потому те, кто сидит на троне, его невидимые и видимые рыцари считают, что людьми должен править не светлый мир, но темный мир. Люди, которые находятся в темном мире, живут по законам темного мира, строят этот темный мир. В символической философии И.Г. Рябий и каждого православного человека, Бафомет – есть центр темного мира, есть вершина иерархии демонических сил зла.

Верный друг Царя Давида Хирам, Царь Тира, узнав, что сын Давида - Соломон - унаследовал трон, послал Соломону поздравления и предложил ему свою помощь. Царь Соломон принял его предложения и Царь Хирам послал на строительство Соломонова храма Великого Мастера Архитекторов Хирама Абиффа, Вдовьего Сына, не имевшего равных в своем деле. Кто такой Хирм Абифф? Так, в «Карманном путеводителе по масонству», изданном в 1771 году, описывается образ Хирама как «…наиболее умелого, искусного и пытливого работника, какой когда-либо жил и чьи интересы не

ограничивались одним строительством, но простирались на все виды работ, будь это работы по золоту, серебру, меди или железу или же работы с тканями, гобеленами или вышивкой. В архитектуре, скульптуре, проектировании, вместе или раздельно, везде он достигал превосходных результатов. Все богатые и значительные строения Тира были возведены или спроектированы Хирамом. Соломон назначил его в свое отсутствие Помощником Великого Мастера в Ложе. В присутствии же Соломона он был Старшим Великим Стражником, Мастером работы и наблюдателем над всеми мастерами Тира и Сидона, которых пригласил Давид и которых сейчас должен был послать царь Тира». То есть, согласно путеводителя, задолго до строительства Соломонова Храма Хирам зарекомендовал себя как искусный мастер строительства, как организатор большого дела.

Несмотря на то, что царь Хирам не оценил преподнесенные Соломоном ему двадцать городов Галилеи после завершения строительства храма, оба монарха оставались друзьями. Ибо были оба царя знамениты мудростью и умом. Иногда они обменивались письмами. Соломон заключил соглашение с царем Хирамом о плате пшеницей, маслом и золотом за посылку каменщиков и плотников из Тира за помощь в возведении храма. Хирам снабжал строительство кедром, стволы которого сбивались в плоты и сплавлялись по морю до Ионы, затем отправлялись на строительство.

Легенда гласит, что Царь Соломон начал возводить храм 21 апреля на 4-й год своего правления (то есть за 480 лет, как дети Израилевы пересекли Красное море) и закончил 23 октября на 11 – й год своего правления. На строительстве Соломонова Храма было занято большое количество работников. По мнению Андерсона, написавшего книгу «Конституция масонства» (Лондон, 1723), «Ни Храм Дагона, ни лучшие строения Тира не могли сравниться с Вечным Храмом Бога в Иерусалиме… где в работах под руководством Соломона было занято 3 600 Князей, или Мастеров-Масонов, 80 000 каменотесов, или Товарищей Ремесленников, и 70 000 рабочих, то есть всего 153 600, не считая рекрутированных рабочих под руководством Адонирамо, которые в горах Ливана добывали материалы, числом 30 000, и, таким образом, всего было 183 600».

Для такой большой стройки необходима была соответствующая организационная работа. Поэтому, символично что Хирам, Абифф, как мастер Строитель, разделил всех рабочих на три большие группы: Входящие Подмастерья, Товарищи Ремесленники и Мастера Каменщики (Мастерами Масонами). Каждой группе рабочих он дал свой пароль. То есть, согласно легенде, он создал тайную организацию трех уровней, а именно уровней Входящих Подмастерьев, Товарищей Ремесленников и Мастеров Каменщиков (Мастеров Масонов). Границы между этими тремя уровнями оказались непреодолимыми для тех, кто желал подняться на другой,

более высокий уровень. Некоторые работники второго уровня оказались недовольными своим положением в организации, потому что они претендовали на более высокое место, нежели то, которое отвечало их способностям. И они решили изменить свое положение преступным образом. Три Товарища Ремесленника, более волевые и смелые, решили силой заставить Хирама Абиффа открыть им пароль степени Мастера. Созрел заговор против Мастера. Зная, что Хирам ходит молиться в незаконченную Святую Святых, эти три Товарища Ремесленника, чьи имена были Джубела, Джубело и Джубелум, подкараулили его у главных ворот Храма. Каждый из трех Товарищей Ремесленника встали по одному с разных сторон. После молитвы Хирам, готовый покинуть Храм через южный вход, внезапно столкнулся с ожидавшим его Джубела, который был вооруженн линейкой длиной в 24 дюйма. В ответ на отказ Хирама открыть ему СЛОВО Мастера, Джубела ударил его линейкой в горло, ранив тем самым. Раненный Хирам бросился к западным воротам. Там его ждал другой преступник – Джубело. В ответ на повторный отказ, Джубело ударил Мастера угольником в грудь. Изнемогающий Хирам пытался уйти от убийц через восточные ворота, но там его встретил поджидавший Джубелум и ударил Хирама молотком между глаз. После чего Хирам Абифф скончался, тело Хирама убийцы погребли под горой Мориа, на могилу посадили ветку акации. Все преступники вскоре были схвачены и после признания были казнены. Затем все три группы были посланы царем Соломоном искать тело Мастера, и одна из групп обнаружила могилу с зеленым ростком на ней. После того, как Входящие Подмастерья и Товарищи Ремесленники не смогли оживить своего Мастера, он был поднят Мастером Масонов «сильной хваткой львиных лап». Мастер погиб насильственной смертью и, естественно, стал символом Духовного света, вечным символ строительства, объединения, соединения в целое.[143]

Хирам Абифф умер мучинической смертью и, следовательно, навечно связан с Соломновым Храмом. И в сонете «Встал на пути пред божьим светом…» И.Г. Рябий говорит о Хираме, создавшем Соломонов храм. «Соломонов храм» - это также вечный символ, поэтому к нему обращаются и будут обращаться взоры. В У1 веке Соломонов Храм был разрушен войнами персидского царя Навихудоносора П. позднее на его месте, на фундаменте храма, была построена мусульманская мечеть. Когда И.Г. Рябий пишет, что «вот-вот воспрянет древний миф»,полагаю, она имеет в виду и разрушение мечети, затем восстановление разрушенного Соломонова Храма. По крайней мере об этом мечтают многие последователи и сторонники «духовного света» Хирама Абиффа.

---

[143] Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистской и розенкрейцеровской символической философии / Мэнли П. Холл. – Новосибирск : Наука, 1997.

Что же такое «Храм», какую он несет в себе информацию для нас, представителей современной цивилизации? Почему предпринимаются попытки его возрождения? Один из представителей масонов так сказал о переживаниях ритуальности символогии, связанных с Храмом: «Каждое слово, каждый звук, каждый шаг, движение – это отражение… Храм по сути своей заполняет физическое и духовное зрение братьев». Мэнли П. Холл так описывает внутреннее убранство Храма. Храм Соломона имеет прямоугольную форму, потолок усыпан звездами, на полу узоры в форме

шахматной доски. Одна из стен Храма не достигает потолка. При входе в Храм, символически обращенный на Запад, возвышаются две колонны – B и J. На Востоке трон Мастера, который председательствует на ложе. Возле трона располагается сверкающий меч. Восточная сторона Храма украшена изображениями Солнца, Луны и Священной Дельты. Священная Дельта – это равносторонний треугольник в лучах славы со всевидящим оком в центре – и написано: «Во славу Великого Архитектора Вселенной». На Западе и Юге расположены места 1-го и 2-го Смотрителей, при которых установлены канделябры с одной и двумя свечами. В канделябре Мастера три свечи. В центре Храма треугольный алтарь, на котором лежит Библия, угольники циркуль. На каждом из трех граней высечены слова» Свобода-Равенство-Братство». У подножья алтаря один неотесанный и один отесанный камень, рабочие инструменты каменщинка. В храме стоят статуи Минервы, Геракла и Венеры. Вдоль стен красный шнур, завязанный в семь «узлов любви». В чем заключается символика Храма? По мнению М. Морамарки, «… символика храма (при всех ритуалах) призвана поддерживать дело совершенствование масона пребывающего во всемирном пространстве (в храме существуют символы иудейского, христианского и языческого происхождения) и «освященном» Космосе (храм в миниатюре воспроизводит Вселенную, будучи построен по линии Зенита – Надир), где вольный каменщик получает более плодотворно работать над собой во имя самопознания и восстановления своего единства с «освященным» измерением»[144] М. Элиаде писал, что всякий храм является «…не только «отражением мира»…, но также и воспроизведением на Земле трансцедентной модели».

Каменщики собираются в храме, чтобы «работать без передышки» над собственным совершенствованием. Они обязаны вечно строить, строить и строить. Его идея только в том, чтобы продвигать дело роста, подъема, познания («дхарма»). Работа в храме

[144] Морамарко, М. Масонство в прошлом и настоящем / М. Морамарко. – М. : Прогресс, 1990. – С. 29-30.

начинается ровно в полдень, когда перпендикулярные солнечные лучи освещают Землю с наибольшей интенсивностью. И.Г. Рябий пишет, что «Вверх по ступеням к мастерству / Бредут избранники и братья» Поэтесса имеет ввиду, что в процессе своего совершенствования «избранники и братья» этой тайной организации каменщиков добиваются «желаемых успехов» в деле роста, подъема и познания. Но этот рост, подъем и познание не светлого мира, но темного. Ибо «избранники и братья» строят своё здание, вытесняя из сознания представителей других наций, символы их культуры. Мастер, восседавший на троне, убедившись, что храм «защищен», начинает ритуал диалога с двумя Смотрителями. Первый Смотритель, находящийся на Западной стороне храма а, следит за движением солнца и зарывает храм после того, как убеждается, что работающие получили причитающее. Второй Смотритель, находящийся на южной стороне храма, объявляет братьям об окончании работ для отдыха. Затем снова работа.

Понять смысл этого сонета И.Г. Рябий невозможно, не прояснив символ Бафомета, почему именно Бафомет, какова его роль. В храме созданном «Великим инквизитором века» «курятся жертвы», «Бафомет сидит на троне», и весь «мир у них как на ладони»! Мир именно людской. В этот храм бредут «избранники и братья», твердя священные заклятья. Так, кто такой Бафомет? Так, в теософском словаре Е.П. Блаватской мы читаем: «Бафомет (греч.). Андрогенный козел Мендеса. Согласно западным, особенно французским каббалистам, тамплиеров обвинили в поклонении Багомету, и поэтому Жак де Моле, Великий Мастер Тамплиеров, вместе со своими братьями – масонами был казнен. Но эзотерически и филологически это слово никогда не означает «козел», ни даже что-либо столь вещественное, как идол. Этот термин, согласно фон Хаммеру, «крещение» или посвящение в Мудрость – от греческих слов… и от родства Бафомета с Паном. Фон Хаммер, должно быть, прав. Это был герметико-каббалистический символ, а вся та история с тамплиерами, выдуманная духовенством, была ложью»[145] Бафомет – это легендарный идол рыцарей тамплиеров, образ которого по мнению исследователей, восходит к упоминавшему ещё Геродотом фаллическому божеству козлиного облика из города Мендес (Египет). Геродот писал, что этот козёл обитал при храме, в котором молодые египтские девушки приносили в жертву божеству-козлу свою девственность. В европейской окультистском учении Бафомет стал олицетворением дьявола. Считается, что его имя: «Отец Храма Всеобщего Мира среди Людей». По другой версии его имя означает «Очищение мудростью». Самое известное изображение Бафомета

[145] Блаватская, Е. П. Теософский словарь / Е. П. Блаватская. – М. : Издательство «Сфера» Российского Теософского Общества, 1994. – С. 82.

сделано Элифасом Леви. Это изображение представляет собой существо с человеческим туловищем, женской грудью, козлиной головой и копытами. В христианском и православной учении Бафомет есть диавол. И.Г. Рябий исходит из того, что **«Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы» (Иак. 1 : 5). Каббалисты утверждают, что дьявол – «эманация «левой» стороны божества, т.е. мировое зло, порождается мировым благом, находится внутри божественной полноты».** А раз так, то согласно учению кабалистов и Бафомет несет Свет, он есть сам Свет.

Согласно христианского вероучения Бог един в трех лица, у Бога нет ни какого родства с дьяволом. Дьявол множественен, им нет числа. Дьяволы носят разные названия: Вользевул, Сатана, Люцефер, Астрот, Белиол, Плутон, Бафомет… Сатана правит государством. Его государство ад, государь сам Сатана, есть государственный совет, где обсуждаются адские вопросы, произносят приговоры. Значение сатаны делает его «могущественным духом». Границы его могущества велики и трудноопределимы. Но власти у него столько, сколько его терпит Бог. Бесконечна классификация дьяволов. Они классифицируются по местожительству: «непртуны» - водяные; «дузии» - лесовики; по роду деятельности – инкубы, суккубы и т.д. У дьяволов существует разделении их «адского труда». Св. Фома нашел среди дьяволов иерархию. Дьяволы распределяются в большей степени на тех, которые правят бал в аду и на тех, которые обитают в воздушных сферах (в поднебесной области). Витая в воздушных сферах они получают возможность мучить и искушать людей. Воздушные квартиры даны только до Страшного Суда. Приговор Страшного Суда заберёт их всех в ад, и оттуда им дороги нет. Находясь в воздушных средах, они преломляют Божественный Свет, делают недосягаемым для человеческого слуха Божественное Слово.

Представляет интерес сама история дьявола. Дьявол был светлым и святым ангелом, пока он обитал на небе. Несчастное превращение произошло на небе. Многочисленное собрание ангелов отделилось о святого сонма небесных сил во главе падшего хирувима, сделалось собранием мрачных демонов. Были увлечены в погибель и высшие ангелы, ибо они были уличены в греховных делах. Об это говорит св. Кирилл Иерусалимский: **«Итак, первый виновник греха и родоначальник зла есть диавол. Не я говорю это, но Господь сказал: «Потому что сначала Диавол согрешил» (1 Иоан. 3 : 8)»** Прежде до дьявола никто не грешил. Совершив грех он не от природы его греховной, а по необходимости, дьявол получил наклонность к греху. Имя дьявол он получил от дел своих, в переводе оно означает «клеветник». Тем самым назван Архангел дьяволом за клевету; был добрым служителем Божиим , стал сатаной. Об этом говорит пророк Иезекиль: **«Ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в Едеме, в саду Божием» (Иез. 28 : 12, 13).**

Далее он говорит: **«Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония» (Иез. 28 : 15).** Не отвне принесено зло, дьявол сам его породил. Далее Иезекиль говорит о причинах порождения зла: **«От красоты Твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость свою; за то Я повергну тебя на землю» (Иез. 28 : 1).** Господь говорит в Евангелии : **«Я видел Сатану, спадшего с неба, как молнию» (Лк. 10 : 18**). Дьявол при падении с небес многих ангелов увлек с собой. От него блуд, от него все худое, что есть на земле. через Дьявола человеческий праотец Адам был изнурит, поменял Рай на «приносящую терния землю». Вот что говорит об этом св. Игнатий Брянчанинов: «…падшие духи снизошли с высоты духовного достоинства; они ниспали в плотское мудрование более, нежели человеки. Люди имеют возможность перехожить из плотского мудрования к духовному; падшие духи лишены этой возможности. Люди не подвержены столь сильному влиянию плотского мудрования, потому что в них естественное добро не уничтожено, как в духах, падением», «В людях добро смешано со злом и потому непотребно; в падших духах господствует и действует одно зло. Плотское мудрование в области духов получило обширнейшее, полное развитие, какого оно только может достигнуть. Главнейшие грех их – иступленная ненависть к Богу, выражающаяся страшным непрестанным богохульством. Они возгордились над самим Богом; покорность Богу, естественную тварям, они превратили в непрерывающееся противодействие, в непримиримую вражду. От того падения их глубоко, и язва вечной смерти, которою они поражены, неисцелима. Существенная страсть их – гордость: они преобладают чудовищным и глупым тщеславием; находят наслаждение во всех видах греха, вращаются постоянно в них, переходя от одного греха к другому. Они пресмыкаются и в сребролюбии, и в чревообъединении, и в прелюбодеянии. Не имея возможности совершать плотские грехи телесно, они совершают их в мечтании и ощущении; они усвоили бесплотному естеству пороки, свойственные плоти; они развили в себе неестественные им пороки неестественно более, нежели сколько они могут быть развиты между людьми», «Падшие духи, содержа в себе начало всех грехов, стараются вовлечь во все грехи людей с целью и жаждою погубления их. Они вовлекают нас в разнообразные угождении плоти и корыстолюбие, славолюбие, живописуя перед нами предметы этих страстей обольстительнейшею живописью»[146] Тем самым дьявол и его «армия» всё делают для того, чтобы развратить, обольстить, соблазнить человека и тем самым увлечь его в темный мир.

[146] Св. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти / И. Брянчанинов // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости, 19990. - № 2. – С. 83.

строительство тёмного мира не прекращается ни на минуту. Для того, чтобы его строить, дьяволы обретают разные формы и образы. Причем, иногда превращаются в такие образы, которым трудно не поверить.

Тема дьявола достаточно сильно представлена в русской классической литературе. Причем в самых разнообразных жанрах. Тема Дьявола вошла в произведения П.И. Мельникова-Печерского, А.Н. Майкова, М. Бугакова, сургутского поэта М.К Антохина и многих других писателей. И до тех пор, пока человеческое сознание, ум, душа и сердце будут питать источники светлого мира. – с одной стороны, и тёмного мира. – с другой стороны, тема Дьявола будет всегда актуальной. К ней будут обращаться всё новые и новые писатели. В Дьяволе будут находить все новые и новые грани множественности, ненависти, зла, лжи, войны, невежества. Символ Дьявола есть символ множественности, невежества, зла. лжи, ненависли, конфликта и войны.

Дьявол многогранен, постоянно меняет свои лица, принимает все новые и новые формы, в зависимости от ситуации и духовной позиции человека. Так А.Н. Майков в стихотворении «Странник» описывает попытку Дьявола обольстить человека.

Тому теперь недели три, сошлися
К нам странники, до трое разных вер:
И спорили, и всяк хвалил свою,
Да таково ругательно и блазно.
Как улеглись, я тоже лег на одр.
И как-то у меня заныло сердце;
И мысленно я стал молиться Богу;
«Дай знаменье мне, Господи, какая
Передо Тобой есть истинная вера?»
И не заснул – вот как теперь смотрю:
Вдруг в келью дверь тихонько отворилась,
И страничек такой ленообразный
Вошел и сел на одр ко мне и начал
Беседовать, да ладно так и складно.
Все хороши, мол, веры перед Богом;
Зрит на дела, мол, главная, Господь.
А что когда, мол, знать желаешь больше,
Так приходи к соборному попу».
И, как сказал он только: «поп» - я вздрогнул,
Вскочил и вскрикнул: Да воскреснет Бог!
Он и пропал – ну, видел я – во прах
Рассыпался…

Дьявол является в разных образах: в виде мужей – вдовам; в виде рыцарей, в виде дракона, змея. В. Амфитеатров – исследователь явления Дьявола в быте, легендах и литературе средних веков - отмечает: «…дьявол меняет свою человекоподобную форму на

человеческую же, которая в данном случае лучше соответствует их намерениям. К отшельнику он приходит обольстительной женщиной, к отшельнице – красивым навязчивым юношей. Нередко дьявол является тем, против кого злоумышлял, под видом их друзей, родных, близких, знакомых, из чего проистекали иногда большие несчастия, грехи и соблазны»[147] В Книге Иова Сатана является среди ангелов неба. Дьявол Книги Иова – скептик, плохо думающий о человеке, завидующий ему перед лицом высшей Святости, слуга. У Захария Сатана – враг и обвинитель избранного народа. В Книге Премудрости Соломоновой Сатана – разрушитель и развратитель божественного мироустройства и миростроительства. Он – яд, разрушающий творения Божии. Дьявол Еноха – павший ангел через любовь к дочерям человеческим.

Тема дьявола после долгих лет советской литературы вновь вернулась. Ибо художник Слова, живущий в России, не верит этим вороватым и продажным власть имущим. Он знает, что они продавали Россию и будут её продавать, торгуя её интересами, и будут торговать, и в них проявляется дьявольская сущность. Конечно, в идеале необходимо их всех гнать из власти. Но зло изощренно, оно может рядиться в добропорядочные одежды. Тем не менее, зло в конце – концов выходит на поверхность, является миру, показывает свое истинное лицо. Поэтому есть надежда, что честные люди организуются и начнут непримиримую борьбу против них. Сам же чиновник и бизнесмен не изменятся к лучшему, не смогут, да ему не дадут это сделать рядом находящиеся не чистые на руку коллеги. Во власти человеку честному и доброму уже делать нечего. Поэтому для творческой личности важно, чтобы они видели постоянно свои творения – это очень важный шаг в осмыслении ситуации в стране. Чиновников и безответственных бизнесменов необходимо постоянно разоблачать. Так, сургутский поэт М.К. Антохин пишет о том, чтоб «вечно» на чиновников упирался отвратительный мерзкий его взгляд. Тогда от них отвернутся все: народ, ответственный бизнес и честные чиновники. И чиновнику, бизнесмену будут отвратительны его поступки и страсти. Это, по его мнению, наиболее эффективный путь борьбы с предателями и торговцами Россией.

Вот … если б выросли… рога!
Вот … если б пасти стали волчьи!
И – как у вепря бы …клыки
торчали, губы раздирая;
копыта б там…где кулаки,
и шел бы…
как ель витая!
И – чтоб обличие – назад;

[147] Амфитеатров, Н. Дьявол в быте, легенде и литературе средних веков. Жар – цвет / Н. Амфитеатров. – Ташкент : ШАРК, 1993. – С. 45.

и – пятками вперед…
хожденье, -
чтоб вечно упирался взгляд
в их собственное рук
творенье!
Чтобы … чтоб….
да хоть полтыщи «чтоб»,
хоть рода истребленье даже,
хоть заживо в свинцовый гроб –
не отрекутся от продажи!

(Выручка)

Стихотворение М.К Антохина «Выручка» имеет много пластов с разными смыслами. Сюжет, который изображается в нём, напоминает что-то вроде мистического символа «отвратительного вида власти». Известен символ тайных организаций, в которой змей в умножении своего зла пожирает свой хвост. И здесь М.К. Антохиин рисует похожий образ: «И – чтоб обличие – назад;/ и пятками вперед…/хождение,-/ чтоб вечно упирался взгляд/ в их собственное рук/ творенье!» Это когда собака ловит на хвосте вшей, она кусает свой хвост. Мы видим в этом стихотворении смысл в том, что предатели пожирают других предателей, торговцы Родиной пожирают других торговцев Родиной, отвратительная власть пожирают бы власть, прежде, чем их отвратительное лицо увидел народ, осознало общество, отторгла честная власть. Возможен и другой смысл. Но видно, по крайней мере, что зло должно «пожирать» зло, давиться своим злом, уничтожать себе подобных, ложь должна «пожирать» ложь и давиться ложью. В этом видит творец борьбы с дьяволом. Тем самым зло не увеличивается, не разливается вширь, а самоуничтожается. Мудрая мысль! Но как это сделать на практике?

Тело дьявола человекоподобно, но не тождественно. В результате своего падения Дьявол огрубел, прелесть его лица превратилась в безобразие. Дьяволы становятся чудовищами, в которых преобладают звериное над человеческим. Историк Костмаров в своей «Повести о Соломонии Бесноватой» писал, что русские бесы «…какие-то земноводные люди, подверженные, как и мы, условиям материальной жизни: они едят, пьют, имеют половое сообщение, родятся и умирают; они безобразны, и по наружности скорее похожи на зверей, чем на людей; они, как люди, мыслят и говорят, имеют общественные связи, ибо сознают между собой братство, имеют религию и поклоняются божеству, называемому Сатаной; отличаются от людей тем, что могут принимать различные образы, способности, которой однако ни лишены, безусловно по народному верованию., и люди – если они колдуны; бесы, кроме того что они звери по наружности и люди по жизни, ещё все как бы колдуны, то есть все, по природе

своей, способны на то, что доступно между людьми только некоторым, обладающим таинственной наукой».

Символично, что Бафомет, сидящий на троне в восточной стороне храма, смотрит на Запад, видит этот весь западный мир. Он сидит спиной к восходу солнца, к Востоку. По левую сторону от него два Смотрителя, по правую - никого. Значит, взор его обращен не на Восток, не на Север, а именно на Запад. И с западной стороны в храм входят избранники и браться «Заставы ставя естеству, / Твердя священные заклятья, / Вверх по ступенькам мастерства». Символично, что Бафомет пополняет ряды своей «армии» темного мира преимущественно представителями с Запада. Не случайно, что наиболее сильны сети Бафомета именно на Западе. В западных странах философия масонства в некоторых общественных структурах, например, организацинно-управленческих, давно взяла верх над другими философскими системами. Основная «армия каменщиков» сконцентрирована именно на Западе. По левую сторону сидят два Смотрителя. Они присматриваю за северными воротами. А на Севере находится Россия, значит, она также под присмотром, но не таким пристальным.

Дьявол, то есть Бафомет, сидящий на троне, ему полоняются избранники и браться и строят, строят и строят новые злые дела, замышленные Бафометом. И строят эти злые дела против людей до тех пор, пока им это позволяет делать Бог, пока их терпит Бог. Их злоумышения становятся все более изощренны и коварны, которые распознать простой человек, отчужденный от Бога, не в силах. И их ждет непременный успех в этом деле, ибо все больше и больше людей становятся соблазненными их прелестями, все больше людей заражается телесной культурой, отчуждаются от Спасителя, погружаются в игру своих страстей. И именно над ними из поднебесья смеются дьяволы. Так, И.Г. Рябий пишет: «Их ждет желаемый успех, / И вместо света – неба смех…». Развращенные люди, стремящиеся к Свету, истинному Божественному Свету, не увидят его благодаря злоумышлениям поднебесных дьяволов. Поднебесные духи смеются над людьми, попавшими в ловко расставленные сети Дьявола. Поднебесные духи, слуги Бафомета, ловко преломляют, искажают Божественный Свет для людей, находящихся во власти Бафомета. И в результате люди не видят Истинного Света, а видят преломленный, искаженный, холодный свет.

В эпиграфе к этому сонету И.Г. Рябий приводит одну строчку из стихотворений А.С. Пушкина: «Придет желанная пора…». Значит, она верит, что «придет пора» и пути к Божьему свету станут открыты и свободны для всех верующих людей. В это надо верить и с этим надо жить, ходить в Церковь и молится. И надо занять активную позицию, встать на путь к Творце, разрушить пределы, расширить пределы своего сознания в стороны Света.

3.4. «Здесь всё как прежде – век от века…»

В сонете «Здесь всё как прежде – век от века…» И.Г. Рябий пишет, что на грешней земле всё как прежде, ничего не меняется. «жизнь течет как во сне». То есть жизнь идёт по кругу. Человечество, погруженное в телесную, сформировавшуюся потребительскую культуру «век от века» не прозревает, оно, возможно, и не видит, не понимает даже те пределы, поставленные ему извне. Да и сама потребительская, телесная, страстная культура и является тем пределом, который поставили ему извне. Идти по кругу, значит не меняться, не стремиться к переменам, не понимать, что такое перемены. Какое же может быть совершенствование, тем более, духовно-нравственное совершенствование личности, если «всё как прежде – век от века». Если в сознании человека заложена только временная символика, но напрочь отсутствует пространственная символика. Почему «всё как прежде – век от века»? Да потому, что, с одной стороны, для человека поставлены пределы природой; с другой стороны, поставлены пределы культурой. Чтобы изменить это течение жизни, подняться на новую ступень, необходимо сделать первый шаг к раскрепощению – осознать свое положение в пространстве и времени культуры. Поэтому необходимо сбросить с себя сон, включить мышление и сознание, далее, «поднять голову» и обратить взор к небесам, войти в Храм Божий – Церковь – и окунуться в пространственно временную символику православной духовности. Человеку нужно проявить волю, - которая дана ему творцом, но гасится сном, - поверить, что так надо делать, а не иначе.

Что происходит в современном обществе? Строятся города, создается новая техника, средства передвижения и связи, но они являются внешними в отношении жизни человека. Они не могут изменить жизнь человека, ибо она «течет как во сне». Человек наделен правом выбора, но не может его реализовать находясь «как во сне». Что означает фраза: «как во сне»?; что происходит с человеком во сне? Почему жизнь не обретает черты бодрствования? Сон делится на постоянно меняющиеся фазы «короткого сна» и «длинного сна». Во время «короткого сна» функции организма начинают усиленно работать, происходит переработка информации, накопленной за день. Во время «длинного сна» организм успокаивается и человек видит сны, самые разнообразные, фантастические, вещие и не сбывающиеся. И таких фаз за время сна сменяется до восьми – десяти. И человеческие сны наслаиваются друг на друга, во время бодрствования человек вспоминает наслаивающиеся сны. И.Г. Рябий говоря, что человеческая жизнь «как во сне», полагаю, имеет в виду некоторый замкнутый круг, из которого человек не может вырваться. Полагаю, что в её понимание бодрствование, то обретение реального состояния и видение реальных процессов, значит вырваться из

«заколдованного круга сменяющихся циклов сна» в мир реальности. А в реальном мире человек может легко различить множественность и единство, любовь и ненависть, добро и зло, правду и ложь, знание и невежество, мудрость и глупость, мир и конфликт, боле того, может понять и сущность проявления двух начал человеческой природы.

Почему человек находится в этом «заколдованном круге сменяющихся циклов сна», почему он не может его разорвать, что этому препятствует? Далее в сонете «Здесь всё как прежде – от века…» И.Г. Рябий отвечает на этот вопрос: «Предел поставленный извне, / Встал на пути пред божьим светом». Оказывается, что Хирам, т.е. строитель Соломонова храма, где сидит падший ангел – дьявол – и где прихожане этого храма занимаются строительством. В представлении прихожан они строят добро, несут в мир и в себе духовный свет Хирама, что этот свет единственно истинный. В представлении православного вероучения всё это – зло. И Бог пока терпит этого дьявола, позволяет творить в Храме зло. Если человек идёт в Соломонов храм, построенный Хирамом, значит, что-то мешает этому человеку найти путь к Божественному Свету. Возможно, что он уже не ищет этого пути к истинному Свету. Не только внешние причины, но и внутренние причины останавливают человека.

Бог создал человека со свободной волей и разумом, дал ему в руки инструмент – принимать самостоятельные решения. Почему человек не может воспользоваться способностью принимать решения? Да потому, что он сомневается, а правильно ли принимаемое решение. Раскол, вошедший в русское сознание, в стародавние времена, до сих пор не преодолен. Значит у человека есть шанс «преодолеть предел поставленный извне», ибо он образ и подобие Божие на земле. Значит человек должен принять решение, разорвать «сети зла», прийти в бодрствующее состояние, пойти в Храм Божий, обрести в Храме внутреннее зрение, обрести Бога. Согласие человека с «пределом, поставленным извне» не даст ему обрести состояния бодрствования ни днем, ни ночью, не даст разорвать ему «заколдованные сменяющиеся циклы сна». Архиепископ Сергей Пражский писал: «Своими собственными руками, т.е. своею волею, хотя и несовершенною, расслабленною грехом, но свободно надеваем мы на себя одежду радости, или одежду стыда. То лучшее, что дал на Господь как венцу Своего творения – свободную волю, достоинство которой Сам и оберегает, не оказывая на нас никакого давления, мы не бережем и часто беззаботно порабощаем её греху»[148] И.Г. Рябий подталкивает нас, ещё не вставших на путь к Творцу, увидеть хотя-бы Храм Божий – Церковь, войти в Церковь – поставить свечку.

[148] Сергей Пражский (архиепископ). Духовная жизнь в миру / С. Пражский. – Киев : Храм преподобного Агапита Печерского, 2002. – С. 6-7.

Внутренний выбор личности – самый трудный, но однажды личность выбравшая истинный путь к Свету Божьему, поёдет по этому пути.

Но что происходит в реальном мире, когда окружающая человек «земная жизнь течёт во сне»? Тогда души, умы и сердца людей наполняются холодом, тоской. Вырастают новые жизненные идеалы, где нет места Божественному Свету. И.Г. Рябий считает, что зима, холод становятся идеалом, что городов всходят кристаллы, что поднебесные дъяволы смеются над нами. Фраза «Зима нам стала идеалом», - полагаю означает, что И.Г. Рябий говорит о том состоянии русской жизни, когда правит бал грех, страсть, потребность, телесная культура пытается вытеснить из жизни русской нации Русский Дух, ибо он не может смириться с этим духовным холодом. Русская жизнь погружена в темный мир холода, тоски и суеты.

Зима есть символ холода человеческих отношений, символ человеческого опустошения, засыпания. Зимой телесной побеждает духовное в человеке, или, по крайней мере, сильно теснит. Если говорить о Зиме физической, то на земле холод, снег, деревья без листьев, пронизывающие ветра, животные прячутся в норы. Если говорить о Космической Зиме, то это абсолютным минус, где все живое просто мгновенно погибает. Если говорить о духовном холоде – то в наше душей пустота, состояние одиночества, присутствие «духовного света» Хирама Абиффа. «Зима нам стала идеалом» означает также, что в нас проникла философия смерти, философия «духовного суицида», самоуничтожения, философия пустоты и упрощения всех жизни. В 1917 году мы, русские, отвергли свою родную русскую культуру, Русский Дух. Затем сильно потеснили духовные основания своей культуры, то есть источники русского православия. А теперь мы получаем в реальной жизни то, что хотели. Мы ослепли на этом «кривом» пути поисков материального счастья и благополучия. Более того, мы стали стремиться к смерти, к духовной пустоте и простоте. В результате доминирование этой философии смерти в русском обществе повальная абортизация молодежи, повальный гомосексуализм, детская преступность, алкоголизм и наркомания, демографическая катастрофа… и так до бесконечности. Вот результат нашего идеала – ЗИМЫ. Телесные проблемы русской жизни заслонили проблемы духовные. Но ключ к решению телесных проблем русского народа находится не в организации жизни, но в вере, в духовной культуре. Православная вера есть камень и основание возрождения русской культуры и выздоровления больной советизмом русской нации.

Далее И.Г. Рябий пишет, что «…городов взошли кристаллы, / Как некогда драконий сев». Действительно в последние 50 лет урбанизации захватила все районы и регионы страны. Молодежь устремляется в города, не хочет заниматься сельским хозяйством. И.Г. Рябий сравнивает рост городов с засеиванием поля зубьями дракона

из греческой мифологии, из которых быстро взошли воины. Городов кристаллы – это порождение новой цивилизации, оторванной от земли, отчужденной от национальной культуры, уничтожающей землю. Эти кристаллы растут на планете Земля как грибы после дождя. Они, как будто из бездны тьмы, поглощающей всё больше и больше людской энергии, являющейся эпицентром разврата, лжи, интриг, преступности, наркомании. Эти «городов … кристаллы» также становятся «пределом», который препятствует проникновению Света Божьего на землю к человеку. Эти городов кристаллы отражаю Божественный Свет обратно, в небо и не дают человеку прикоснуться к нему. Холодные кристаллы городов – это также пределы, поставленные извне. Эти холодные «кристаллы» уничтожают любые ростки естественной, деревенской жизни, ростки традиционной русской культуры и цивилизации. Вместе с этими холодными, духовно пустыми, нравственно развращенными городами по планете шагает новая адская культура, новая адская жизнь. Чем ближе к городу, тем дальше от Бога, тем слабее свет Божий, тем сильнее человека захватывает адская жизнь. Города называют «каменными мешками» (и по делу), где души, мысли и сердца людей оскверняются всеми известными и неизвестными пороками, соблазнами и гипертрофированными потребностями. Человек теряется в городе. Эти кристаллы давят на него объемом, массой, не дают возможности поднять голову, обратиться к Божьему Свету. И в результате человек слышит только «неба смех», «смех вечности».

Здесь всё как прежде – век от века
Земная жизнь течёт во сне –
Предел, поставленный извне,
Встал на пути пред божьим светом.

И вместо света – небо смех:
Зима нам стала идеалом –
И городов взошли кристаллы,
Как некогда драконий сев.

Вот Дионис и Аполлон,
И день, и ночь нас наблюдая,
Власть друг у друга отнимая,
Диктуют каждый свой закон.

Трещит и станет неба твердь –
Незыблема одна лишь смерть.

(«Здесь всё как прежде – век от века…»;
В эпиграфе строчка из стихотворения А. Блока:
«И даже рифмы нет короче, /
Глухой, крылатой рифмы – смерть»)

Это еще одно искажение Света, которое следует рассматривать как предел поставленный извне. Это вера в ложных богов. Для человека православного есть один истинный Триипостасный Бог. Остальные боги есть Боги ложные. Бог един в трех лицах. Когда говорят о многочисленности богов, говорят даже не о богах, а о нечто другом, о ликах дьявола Думаю, что за этой множественностью богов в поэзии И.Г. Рябий и прячутся всё те же искаженные лики дьяволов. Разберемся с это темой в поэзии И.Г. Рябий попорядку. Какое место занимают эти многочисленные боги в философской концепции поэтессы И.Г. Рябий? Не является ли это всё тем-же искажением, преломлением Божественного Света через поднебесный мир?

За людьми в языческих холодных городах-кристаллах день и ночь наблюдают боги Аполлон и Дионис, спорят, отбирают друг у друга власть, навязывают людям свои законы. И.Г. Рябий пишет, что «Вот Дионис и Аполлон, / И день, и ночь нас наблюдая, / Власть друг у друга отнимая, / Диктует каждый свой закон». Эти языческие боги навязывают людям стили поведения, формируют сознание, наполняют тёмной энергией, мешают приобщаться к Истинному Свету. Люди, не получающие Божественного света становятся черствыми, глухими, холодными. Поэтому они продолжают строить холодные города-кристаллы. Поэтому они живут холодной, циничной, эгоистичной жизнью. Что может родится в холодных умах, душах и сердцах людей, находящихся «как во сне»? в них рождаются только то, что умножает зло, ложь, невежество, глупость, конфликты среди людей, то отталкивает людей друг от друга. И в этом им помогают Дионис и Аполлон – каждый по-своему.

Для того, чтобы понять эту борьбу греческих богов, необходимо прояснить их мифологические биографии. И.Г. Рябий о Дионисе пишет: «Один пьянит и грет душу, / Ей навевает сладкий сон. – / Все светом разума разрушит». То есть она задает своим героям некоторые определенные черты. Причём такие черты, которые отвергаются православной символической философией.

Что касается бога Диониса, то в народных преданиях сохранились мифы о незаконорожденности это бога, о его борьбе за право войти в число олимпийских богов, в борьбе за установление своего культа. Известны ипостаси Диониса (Вакха, Бахуса): Заерей – сын Зевса Критского; Иакх - сын Зевса и Диметры. Закрепившаяся в сознании мифология гласит, что Дионис – сын Зевса и дочери фиванского царя Кадма Семелы.

Греческие мифы гласят, что Семела по научению богини Геры попросила Зевса явиться к ней во всем своем величии. Зевс явился к Семеле и в сверкании молнии испепелил её. Зевс выхватил из пламени ещё недоношенного Диониса, затем зашил в свое бедро. В положенное время Зевс родил Диониса, распустив швы на своем бедре. Затем Зевс отдал Диониса на воспитание нисейским нимфам.

Гера вселила в Диониса безумие в виноградной лозе. Дионис скитался по Египту, Сирии. Во Фригии богиня Кабела – Рея исцеляет его и приобщает к своим оргиастическим мистериям. Затем Дионис совершает путешествие по Индии, где его похищают морские разбойнки-тирренцы, которые были удивлены и пришли в ужас при виде превращений Диониса. Они заковали его в цепи и хотели продать его рабство, но случилось удивительное, цепи сами пали. Оплетя виноградными лозами корабль, Дионис явился в виде медведицы и льва. Пираты, бросившиеся в море, превратились в дельфинов. Сохранилось в преданиях зооморфическое прошлое Диониса, отраженное в его оборотничестве и представлениях о Дионисе-быке и Дионисе-козле. Символом Диониса был фаллос, как бога плодоносящих сил земли.

Где бы ни был Дионис, он обучает людей виноградарству и виноделию. В его шествии, носящих экстатический характер, участвовали вакханки, сатиры, менады или бассариды, которые везде совершают развратные действия. Вакханки, сатиры, бассарды и менады, опоясанные змеем и охваченные священным безумием, сокрушали всё на своем пути, славили Диониса, упивались кровью растерзанных диких зверей, вырывали с корнями деревья, увлекали за собой толпы женщин и мужчин. Дионис освобождал людей от мирских забот, вовлекал их в оргии, насылал безумие на врагов, страшно карал их.

Двоюродный брат Диониса фиванский царь Пенфей, который хотел запретить вакхические неистовства, был растерзан вакханками под предводительством свое матери Агавы, принявшей в состоянии экстаза сына за животное. Динисом совершались религиозно-культовые обряды в виде «песни о козле» или «песни козлов», которые осуществляли козлоногие сатиры. В этом прослеживается какая-то символическая связь с Бафометом, сидящем на троне Соломонова храма.

В Дельфах Дионис стал почитаться наряду с Аполлоном. На Парнасе каждые два годы устраивались оргии в честь Диониса. Поэтому И.Г. Рябий пишет: «Один пьянит и греет душу, / Ей навевает сладкий сон, - / Все светом разума разрушит другой». Не зря же в русской народной пословице говорится, что «сон разума рождает чудовищ». Ибо в этих оргиях, чувственных развращениях, разум засыпает, позволяя телу делать всё, что угодоно, инстинктам вырываться наружу. В результат человек превращается в животное, чудовище «на двух ногах». Для того, что понять фразу «Всё светом разума разрушит», необходимо прояснить символику Вакха в символической философии.

Дионисийские ритуалы были очень похожи на вакхические, но это разные боги. Для того, чтобы понять суть Диониса необходимо раскрыть образ Вакха. Подробнее остановимся на боге Вакхе. Мэнли

П. Холл в своем фундаментальном труде - «Энцклопедическом изложении масонской, герметической, каббалистской и резенкрейцеровской сомволической философии» (М., 1997) - отмечает, что Вакх (Дионис) был разорван на куски Титанами. Кто такие Титаны? Я.Э. Головкер писал: «Титаническое и гигантское переплетаются, хотя гиганты смертны, а титаны бессмертны. Они вовлекают в свой круг создания, рожденные Ночью и Хаосом: мрачные образы подземных демонов наряду с иносказательными фигурами космоса – и весь этот чудовищный, кошмарный мир фантазии и умозрения прикрывается наименованием: дети Земли, титаны. И мы уже не знаем, что в этом фантастическом мире – стихийное, звериное, а что – благое, человеческое: где перед нами действительно титаны»[149] Даел Мэнли П. Холл отмечает, что после убийства куски тела Вакха были брошены в воду, потом зажарены и съедены. Только сердце Вакха было спасено Палладой и поэтому Вакх смог ожить во всей свое красе. Юпитер (Демиург) разгневанный преступлением Титанов против Вакха, убил их молнией. Пепел их был использован для создания человеческой расы. В этом пепле содержались частицы Вакха. Поэтому повседневная жизнь человека содержит частицы Вакха. По этой же причине древние греки были против самоубийств, ибо в их представлении, кто поднимает на себя руку, тот поднимает её на Вакха.

Вакх (Дионис) символизирует рациональную картину низшего мира. Он был повелителем Титанов, устроителем земель. Пифагорийцы называли его Титанической Монадой. Вакх является всевключающей идеей Титанических сфер, а Титаны, или боги фрагментов, - активными агентами, с помощью которых универсальная субстанция приобретает те формы, которые предписаны идеей. Вакхические состояния означают единство рациональной души в процессе самопознания. Титаническое состояние трактуется как разбросанность рациональной души, которая будучи рассредоточенной через творение, теряет осознание своей сущностной особенности.

Зеркало – это символ низшего мира – есть порождение Титанов. Поэтому оно было использовано Титанами против Вакха. Зеркал. Титаны во время его умерщвления заставляли Вакха смотреться в зеркало. Это зеркало стало причиной падения Вакха в мире иллюзий, то есть в низший мир, сделанный Титанами. Вакх - земная рациональная душа - видя свое изображение в зеркале, вводится в заблуждение и принимает своё изображение за свое подобие и поэтому одушевляет его. То есть рациональная идея осуществляет

[149] Голосовкер, Я. Э. Сказания о титанах / Я. Э. Голосовкер. – М. : Нива России, 1993. – С. 7.

отражение. Иррациональная Вселенная Одушевлятелем достигает похожести на оригинал, то есть рационального отражения.

Древние люди говорили, что человек познает Бога не логикой, а разумом, а скорее всего реализацией присутствия Богов внутри себя. Мэнли П. Холл в образе Вакха (Диониса) и его поступках видит сплошной символизм.

После того, как Вакх посмотрел в зеркало и последовал за своим отражением в материю, рациональная душа мира разбивается на фрагменты и распределяется Титанами по земным сферам, сутью которых она и становится. Сердце, или источник, Титаны были не в силах рассеять. Титаны взяли расчлененное тело и сварили его в воде – символ погружения в материальную Вселенную, что представляет «воплощение вакхического принципа в форму». Куски Вакха были «поджарены», что означает «выделение духовного из формы».

Когда Юпитер, отец Вакха и Димиург Вселенной увидел, что Титаны безнадежно вовлечены в рассредоточение божественной, или рациональной, идеи рассеиванием членов тела в нижнем мире, то есть множественном мире, он свергает Титанов для того, чтобы божественная идея не исчезла полностью. Из пепла Титанов Юпитер создал человечество, цель которого состоит в возвращении и освобождении вакхической идеи, или рациональной души, от её воплощения Титанами.

Юпитер (Димиург) будучи творцом материальной Вселенной, является третьим лицом Творящей Природы и, следовательно, Богом Смерти. Ибо смерть существует только в низших сферах, где он правит. Рассеяние, символизирующее смерть, было сделано Титанами в низшем мире. Собирание же должно было произойти в «высших сферах формы и разума». Молния в руках Юпитира – символ расчленения. Эти молнии открывают цель смерти, которая состоит в освобождении души от власти иррациональной природы.

Человек – сложное творение, поскольку его части состоят из фрагментов Титанов, а его высшая природа – из священной бессмертной плоти (жизни) Вакха. Потому человек может вести как титаническое (иррациональное), так и вакхическое (рациональное) существование. Вакх, согласно этой идее, представляет собой расчлененное знаками Задиака солнце, из тела которого создана Вселенная. Когда из этого тела были сделаны земные формы, чувство целостности было утрачено и возобладало чувство разъединения.

Сердце Вакха, спасенное Палладой, или Минервой, было извлечено из четырех элементов, символизирующих его эфир. Сердце Вакха есть бессмертный центр рациональной души. После того как рациональная душа распределилась между людьми из их сознания, были утрачены Вакхические Мистерии для устранения иррациональной титанической природы. Этот процесс состоял в поднятии души и достижении единства. Различные части Вакха были

собраны с разных уголков Земли. По преданию, когда будут собраны все рациональные части, Вакх воскреснет.

Дионисийские символические ритуалы были похожи на вакхические, и многие рассматривали этих двух богов как одно божество. Статуи Диониса несли также и на Элевсинских Мистериях, особенно Малых. Вакх, представлял душу земных сфер, имел огромное число форм и образов. Дионис, возможно был его солнечным аспектом. Мэнли П. Холл писал, что Дионисийские Архитекторы составляли тайное секретное общество, в принципах и доктринах которого много масонского. Они были также организацией строителей, обладающих секретным знанием соотношений между земными и небесными науками архитектоники. Дионисийские архитекторы были использованы царем Соломоном для строительства его храма, хотя они были не евреями и не поклонялись еврейскому Богу. Они были последователями Вакха и Диониса. Эти архитекторы возвели много древних сооружений. Они обладали секретным языком и системой маркировки камней. Считается, что Хиром Абифф был основателем этого общества.

Таким образом, Хиром Абифф – это свет бога Диониса. Следовательно, сердце Вакха, Диониса, несет рациональное начало. И.Г. Рябий, говоря о Дионисе («Всё светом разума разрушит / Другой – прекрасный, трезво – ясный, / Бог солнца и кошмаров враг…») имеет в виду, что этот свет разума Вакха (Диониса) ложный, многократно проломленный, а, следовательно, свет, несущий разрушение. Свет разума – это свет слова, но слова не Божьего, а слова Диониса, а слово Диониса – это слов страсти, слов оргий, слово тела, слово идущее из Оно (по теории структуры личности З. Фрейда), то есть из подсознания. Тем самым это слово Диониса в человеческом сознании отражает реальность многократно искаженную, преломленную, то есть, уже не реальность, а некую иллюзию сознания, о есть созданную человеком «вторую реальность» Эта «вторая реальность» кроме сознания человека нигде не существует.

Наверное, не случайно в храме Бога, построенном царем Соломоном, были статуи древнегреческих богов: Минервы, Геракла и Венеры.

И.Г. Рябий об боге Аполлоне пишет: «Другой – прекрасный, трезво-ясный, / Бог солнца и кошмаров враг…». Что несёт символ Аполлона в понимании поэтессы? Обратимся к древнегреческой мифологии. Аполлон в древнегреческой мифологии является сыном Зевса и Лето, братом Аремиды, олимпийским богом. Аполлон включает в свой образ архаические и хтонические черты догреческого развития. Аполлон выполнял очень разнообразные функции, как губительные, так и благодетельные, в нём сочетались как светлые, так и темные стороны. Он родился одновременно с Артемидой на плавучем острове Астрия, так как ревнивая Гера запретила его матери

Лето вступать на твердую землю. Совсем юным Аполлон убил змея Пифона, или Дельфиния, опустошавшего окрестности Дельф. На месте, где когда-то был оракул Геи и Фемиды, Аполлон основал прорицалище, там же учредил дельфийские игры, затем получим очищение в Темпейской долине очищении от убийства Пефора. Далее Аполлон поразил своими стрелами великана Тития, который пытался оскорбить его мать Лето, поразил киклопов, ковавших молнии Зевсу, участвовал в битвах с гигантами и титанами. Аполлон вместе с Зевсом боролся и против титанов. Так в сказаниях о титанах отмечается: «Ещё долгие века всё новых и новых не покорившихся Крониду одиноких грозных титанов низвергали в тартар молнии Зевса и солнечные стрелы его сына – Солнцебога Аполлона» [150]

В Троянской войне Аполлон помогает троянцам, он незримо участвует в убийстве Патрокла Гектором и Ахилла Парисом. Вместе с Артемидой губит детей Ниобы. Наряду с губительными действиями Аполлону присущи и целительные действия: он врач, или Пеон, защитник от зла и болезней, прекратил чуму во время Пелопоннесской войны. Позже отождествлялся с Солнцем в полноте целительных и губительных функций. Аполлон: прорицатель, основавший святилища в Малой Азии; пророк и оракул, наделил пророческим даром Кассандру, которой был отвергнут; пастух и охранитель стад, основатель и строитель городов, родоначальник и покровитель племён; музыкант, покровитель певцов и музыкантов. Аполлон вступает в связи с богинями и смертными женщинами, но часто был отвергаем. Аполлон полностью или частично отождествлялся с вороном, лебедем, мышью, волком, бараном. В образе ворона Аполлон он указал, где основать город, в образе лебедя обратил в бегство богатыря Геракла. В большом энциклопедическом словаре «Мифлогия» отмечается, что «Аполлон прочно вошел в олимпийский пантеон богов, при этом восприняв от других богов дар прорицания (от Геи), покровительства музыке (от Гермеса), вдохновенное буйство и экстаз (от Диониса) и др.», «Два величайших героя Геракл и Тесей были связаны с мифологией Аполлона» [151] Столько много образов бога Аполлона. Полагаю, что символ Аполлона в поэзии И.Г. Рябий есть символ темного мира, который несет раздвоение и разрушение русского сознания.

А Дионис и Аполлон несут опасность для человека, каждый страшит, парализует разум, ограничивает сознание. В сонете «Вот Аполлон и Дионис…» И.Г. Рябий пишет: «Но кто из них (Диониса и Аполлона – Е.К.) всего опасней? - / Ведь каждый нагоняет страх!». Как мы уже говорили выше, по преданиям Аполлон убивает в Дельфах Пифона – «великого змея», устрашающего чудовища,

---

[150] Голосовкер, Я. Э. Сказания о титанах / Я. Э. Голосовкер. – М. : Нива России, 1993. – С. 12.

[151] МИФОЛОГИЯ. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – 4-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 52-53.

появившегося из грязи, оставленного после всемирного потопа. Но убив «великого змея» Пифона, он не уничтожает его дух. Дух Пифона остается в Дельфах, но уже как «представитель своего победителя», то есть представитель Аполлона. Мэнли П. Холл пишет, что «с помощью его испарений жрицы способны входить в контакт с богом». Дымы - это поднимающийся из расселины оракул. Оракул (дух) явился продуктом распада тела Пифона. Древние греки верили, что оракул, то есть дух, в Дельфах является «пупом земли». Жрицы оракула (то есть символически означающие человека) наглотавшись испарин разлагающегося тела «великого змея», впавшие в религиозное безумие, носят имя Пифонесса или Пифия. Согласно легенде над расселиной был поставлен «трипод из золота, украшенный изображениями Аполлона в форме Пифона, великого змея». Легенда гласит, что в триподе устроено сиденье, которое предотвращало падения людей, надышавшихся испарениями «великого змея». Следовательно, «дух змея», являясь представителем Аполлона, сопровождает его, а следовательно и страшит.

Христианские богословы считали, что оракульские откровения (то есть откровения духа Аполлона) были дьявольскими. Цель оракульских откровений – сбить человечество с истинного пути, направило на пути ложные, ведущие в темный мир. Но сама теория оракула почему-то не подвергалась отрицанию христианскими богословами. В чем причина этого явления? Причины этого Мэнли П. Холл видит в следующем: «… в их (христианских и иудейских – Е.К.) собственных священных писаниях есть многократные ссылки на оракулов. Если оникс на плече у еврейского священника мог светиться, что говорило о воле Иеговы, то почему бы черному голубю, временно обретшему способность к человеческой речи, не послужить оракулом в Храме Юпитера Аммона? Если ведьма Аэндора могла вызвать тень Самуила, которая, в свою очередь, пророчествовала Саулу, то почему бы жрице Аполлона не вызвать призрак своего патрона, для предсказания судьбы Греции?»[152] Кроме оракула (духа) Аполлона, в греческой мифологии были ещё оракулы Дона, Трофона, Латоны, из которых говорящие деревья Додоны стали известны раньше вышеперечисленных. Дух «великого змея» Пифия, оставшись в Дельфах уже как «представитель своего победителя», то есть бога Аполлона, вызывал ужас и страх у населения. Может ли страх заставлять человека жить по законам разума или по законам совести? Страх не давал человеку вставать на путь Истинный. Миф гласит, что оракул не только порождал страх в людях, но и спасал многих людей от гибели.

---

[152] Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистской и розенкрейцеровской символической философии / Мэнли П. Холл. – Новосибирск : Наука, 1997. – С. 208.

Дельфийский оракул оказывал сильное влияние на греческую культуру в целом. Так, Джеймс Гарднер писал: «Оракул раскрывал подлинное лицо тирана и предсказывал его судьбу. Через его предсказания много несчастных людей было спасено от гибели и много заблудших душ нашли правильный путь. Он придавал смелости в устроении новых институтов и способствовал полезным открытиям. Его моральное влияние было на стороне добродетели. А его политическое влияние было в пользу продвижения городских свобод». Поэтому И.Г. Рябий пишет, что Аполлон был «…прекрасен, трзево-ясный, / Бог солнца и кошмаров враг…». На самом деле Аполлон намного сложнее, чем об нем говорит поэтесса.

Вот Дионис и Аполлон:
Один пьянит и греет душу,
Ей навевает сладкий сон, –
Все светом разума разрушит

Другой – прекрасный, трезво-ясный,
Бог солнца и кошмаров враг…
Но кто из них всего опасней? –
Ведь каждый нагоняет страх!

Две стороны одной медали:
Один влечет, как бездны взгляд,
Что остановишься едва ли,
Другой ведет к познанью, в ад –

И каждый услужить нам рад,
И день, и ночь нас наблюдая.

(«Вот Дионис и Аполлон…»)
В эпиграфе строчка из стихотворения Е. Баратынского:
«Дало две доли провиденье /
На выбор мудрости людской…»).

Божественный Свет находится в противоречии с светом разума, парализованным страхом. Такой свет разума имеет разрушительную силу, а не созидательную. Дионис «пьянит и греет душу, / Ей навевает сладкий сон, - / Всё светом разума разрушит…». Аполлон прекрасен, ясен, трезвый кошмаров враг, бог Солнца. И.Г. Рябий совершенно верно отмечает, что Дионис и Аполлон «Власть друг у друга отнимая, / Диктуют каждый свой закон». В литературе зафиксированы разные оценки деятельности этих олимпийских богов. Диониса и Аполлона выполняют разные функции среди богов:

«Вместе с Дионисом он (Аполлон – Е.К.) разделяет честь быть богами – покровителями Дельф»[153]

«Аполлон прочно вошел в олимпийский пантеон богов, при этом восприняв от других богов дар прорицания (от Геи), покровительство музыке (от Гермеса), вдохновенное буйство и экстаз (от Диониса)…»; «Дионис как божество земледельческого круга, связанное со стихийными силами земли, постоянно противопоставлялся Аполлону – как прежде всего божеству родовой аристократии»[154]

Но кто из них (Диониса и Аполлона) всего опаснее для человечества, для человека? Эту проблему пытался решить в своих трудах Ф. Ницше. Он разработал своего рода типологическую модель художественной культуры. В антиномии Дионис – Аполлон, представленной немецким философом, Ф. Ницше обозначает противоположные по характеру и направленности начала бытия и культуры. вообще понятия «аполлоническое и дионисийское» впервые были введены немецким философом Шеллингом. Ф. Ницше проанализировал антиномию Дионис – Аполлон в работе «Рождение трагедии из духа музыки» (1872), рассматривая драму Вагнера как сосредоточие аполлонических и дионисийских начал. Для Ф. Ницше Аполлон – воплощение духа Эллады, источник Света, носитель божественного откровения, упорядоченности, меры золотой середины, самоограничения. В аполлиническом начале преобладает рациональное восприятие мира. Дионисийское начало для Ф. Ницше несет в себе иррациональность, чувственность, то есть женское начало. Бог Дионисий есть бог земледелия, плодородия, покровитель растительного мира, бог чувственности, эмоций, веселья и радости, всякого нарушения меры. Отождествляется с Вакхом, в честь которого совершались вакханалии, то есть оргии. Ф. Ницше усматривал в Аполлоне и Дионисе некое равновесие. По его мнению, культуре нужны оба начала.

Ф. Ницше считал, что поступательное движение мировой культуры «как рождение стоит в зависимости от двойственности полов при непрестанной борьбе и лишь периодически наступающее примирении»[155] И.Г. Рябий считает, что Аполлон и Дионис в человеческой культуре есть «две стороны одной медали». И Дионис и Аполлон готовы услужить человечеству, день и ночь наблюдать за людьми. Человек, поддавшись аполлоническому, либо дионисийскойму началу, все дальше и дальше отходит от света Божьего, все больше и больше затемняет свой разум. Ибо Свет Божий,

---

[153] Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистской и розенкрейцеровской символической философии / Мэнли П. Холл. – Новосибирск : Наука, 1997. – С. 208.

[154] МИФОЛОГИЯ. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М. : Большая Российская энциклопедия, 199. – С. 53.

[155] Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ф. Ницше // Соч. : В 2-х том. – М., 1990. – Том 1. – С. 59.

есть Слово Божие, не видя Свет Божий, человек перестает слышать и понимать Слово Божие. А там, где все меньше и меньше Света Божьего, там все больше и больше тьмы. Так, Н.М. Бородина пишет: «Чем более грешит человек, тем более удаляется от Бога; а чем более удаляется, тем более помрачается, подобно удаляющемся от света: «Бог есть свет» (1 Ин. 1). Поэтому чем дальше кто отходит от бога, тем сильнее увеличивается тьма, окружающая его и тем более помрачается ум его. Таковое помрачение ума мы можем видеть в тех, которые и великий грех не считают за грех, и радуются тому, о чем плакать и сокрушаться должно: во мщении находит удовольствие, за зло воздать злом считают справедливостью, убийство и самоубийство именуют законами чести; а оскорбить, обмануть, оклеветать, завладеть чужою собственностью, уязвить словами человека и проч. принимают за дела самые обыкновенные, дозволенные светом и простительные»[156] Кто из них – Аполлон или Дионис – для человека опасней? – спрашивает поэтесса. И тот и другой, ибо и аполлоническое и дионисийское начала, присутствующее в человеке, уводят его дальше от Света Божьего, от Слова Божье, всё дальне толкают его во тьму, смерть, в умопомрачение.

Таким образом, «Архитектор века» внушает людям ложных Богов. К ложным богам, которым И.Г. Рябий относит олимпийских богов: Диониса и Аполлона. Как полагаю, это тоже является «пределом, поставленным извне», для того, чтобы человечество не увидело истинного Пути, истинного Света – Божественного Света. Разве может человек, находящийся во власти страсти, соблазнов и потребностей тела подняться на более высшую ступень духовного развития и совершенствования? Развращенная человеческая природа не дает шансов личности возвыситься до духовных высот, препятствует (либо устанавливает пределы) на пути к Истинному Свету. А олимпийские боги Дионис и Аполлон ввергают человека либо в мир страстей, либо в мир голого рационализма. И то и другое в представлении православной символической философии плохо. Олимпийские боги Дионис (Вакх) и Аполлон в представлении православного человека не могут нести Истинный Духовный Свет. Ибо Бог един. Умножение богов, как и любое деление, дробление целого есть зло, идущее из пределов темного мира. Ибо Бог выше Света, он порождает Свет, дает Духовный Свет людям для того, чтобы осветить бессознательное его Я. Святой Иоанн Дамаскин в УШ веке писал: «Также некоторые, что о Боге говорится утвердительно, имеет значение превосходного отрицания, как напр., говоря о мраке в отношении к Богу, мы разумеем не мрак, но то, что не есть свет, а выше света; и, говоря о свете, разумеем то, что есть мрак». Поэтому, говоря словами св. Иоанна Дамаскина, о мраке в отношении к Богу

[156] Бородина, Н. М. 7 смертных грехов / Н. М. Бородина. – М. : Артос-Медиа, 2005. – С. 7.

мы разумеем не то, что Свет, мы, также разумеем не Аполлона и Диониса (Вакха). Говоря же о свете, мы разумеем то, что есть Аполлон и Дионис (Вакх), то есть порождения мрака человеческого сознания.

3.5. «И вместо света – смех небес…»

Казалось бы, что И.Г. Рябий попадает в ловушку своих размышлений, то есть отражений, преломлений и чувственных переживаний, ибо небо, являющееся обителью Бога, не может смеяться над страданиями людей, ибо вечность, не имеющая ни начала ни конца, также не может смеяться над людьми. Чтобы разгадать эту загадку, необходимо обратиться с сонету «Предел поставленный извне…», где И.Г.Рябий говорит, что человек есть «Отраженье отражений». Когда мы говорим о Боге, мы имеем в виду то, что Он выше Света. Духовный Свет же, который же излучает на человека Бог с неба необходим для освещения не только внешнего в отношении человека темного мира, но и бессознательного (темного) мира нашего Я. Если же мы говорим о Божественном Свете, значит, мы имев в виду и тьму, которую освещает этот Духовный Свет вне человека и в его Я.

В реальном мире и мире человеческого сознания все происходит значительно сложнее. Духовный Свет Божий, прежде чем дойти до человека многократно преломляется в воздухе, в поднебесье, сильно искажается. Сознание человека также есть результат не сколько первичного отражения, а вторичного, третичного… отражения отражений, результат множества искаженных отражений. Божественный Духовный Свет искривляется через поднебесье, являющееся символом обиталища дьяволов. Дьяволы (бесы) в поднебесье мучают людей, издеваются над людьми, и являются тем самым отражением отражений в сознание человека! Этот эффект двойного, тройного, чертвертного… искривления сознания человека, не видящего что там на небе, есть эффект галлюцигенный. Не глядя в небо, нельзя увидеть Света Божьего. И человек слышит только то, что происходи вокруг, на земле, в воздухе, где обитают всякие духи. Духовный свет Духа Святого не доходит до человека в истинном виде, а искривляется в поднебесье, где бесы ставят ему всякие пределы. Это искажение Божественного Света вызывает у бесов восторг. Восторг вызывает и то, что они могут мучить людей, что люди видят и слышат всякого рода галлюцинации. И эти звуки восторга поднебесных дьяволов отражаются в сознании через многочисленные искривления, доходят до людей в виде смеха. У человека возникает иллюзия слышания реального смеха. Возникает иллюзия, что они видят истинный Свет Бога. «Неба смех» - это искривление искривлений,

отражение отражений в сознании человека. И.Г. Рябий талантливо схватила суть «предела поставленного извне».

Смех бывает светлый и темный. Человека можно различить по улыбке. Так, архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховский) писал: «Есть два смеха: светлый и темный. Их сейчас же можно различить по улыбке, по глазам смеющегося. В себе его различать можно по сопровождающему духу: если нет легкой радости, тонкого, мягчащего сердце веяния, то смех – несветлый. Если же в груди жестко и сухо и улыбка кривится, то смех – грязный. Он бывает всегда после анекдота, после какой-нибудь насмешки над гармонией мира. Искривляемая гармония мира искривляет душу человека, и это выражается в кривлении черт лица»[157] В Священном Писании отмечается: **«Горе вам, так смеющимся ныне, ибо восплачете» (Лк. 5 : 25).** «Благостная улыбка» - это есть зеркало внутренней гармонии человека. Например, святые не смеются, но улыбаются. «Анекдотический смех», каким смеются в общественных местах, в кино, на пирушках, и прочих увеселительных заведениях, есть симптом болезни духа человека. Ибо едкий смех не от Бога. Пределом загрязненности духа является гомерический смех, то есть гоготание. Громкий смех или хихикание есть признаки плохого воспитания личности.

Что касается «смеха вечности», то, полагаю, И.Г. Рябий разворачивает тему несколько в ином аспекте. И.Г. Рябий говорит, что вместо света неба смех и «Смех вечности седой и зыбкой, / Что к нам Джокондовой улыбкой / Скользит с высоких звезд, как шлейф». Вечность противоположна категории конечности, временности. В обычном смысле вечность не может смеяться.

Смеяться могут только живые существа, время жизни которых строго ограничено, то есть люди. Смеяться могут и бесы, пока их не опалил Свет Божий. И.Г. Рябий говорит о «вечности седой и зыбкой», которая «скользит с высоких звезд, как шлейф», то есть наделяет вечность временными характеристиками. Эти процессы протекают также в поднебесье, в обиталище воздушных бесов. Для человека это «временная вечность» «скользит с высоких звезд», то есть опять же искаженная, преломленная вечность, вечность человеческого сознания. Человек живет в искаженно виртуальном мире, в искаженном пространстве и времени, в его сознании отражается многократно искривленные пространство и время, и, разумеется, Божественный Свет искривляется во времени и пространстве. Поэтому человек и днем и ночь «как во сне». Поэтому он живет в миру своих собственных иллюзий, искажает все, что попадает в поле

[157] Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховский). Апокалипсис мелкого греха / Иоанн (Шаховский). – М. : Лепта-прессс. 2005. – С. 30.

его зрения, слуха и других ощущений, что этим искаженным предметам и объектам начинает верить.

И вместо света – неба смех,
Смех вечности, седой и зыбкой,
Что нам Джокондовой улыбкой
Скользит с высоких звезд, как шлейф.

Сей свет стремится к нам в мечты,
Он кажется таким чудесным.
Но не доносит Лик Небесный,
А искажает все черты!

И красота – уже число,
Симметрия в узоре нежно,
И в сочетанье безмятежном,
Как инь и янь, - добро и зло.

Так смерть души в красе предстала –
Зима нам стала идеалом…

(«И вместо света – неба смех…»;)
В эпиграфе строчка из стихотворения Е. Баратынского:
«Садись один и тризну соверши /
По радостям земным своей души!»)

Человек, потерявший Свет Божий, которое есть Слово Божие, будет видеть только свет звезд, свет Луны, Солнца, то есть физический свет. Это свет неполный, а следовательно не истинный.

Полный свет и Истинный свет есть Духовный Свет Божий, ибо он несет как свет физический, так и свет Духа Святого. Свет Божий есть свет духовный и свет разумный одновременно. Это как диалектика количества и качества, формы и содержания, сущности и явления, холода и тепла, где свет физический есть количество, форма, явление, холод, а качество, содержание, сущность и тепло есть Свет Духа Святого, то есть Свет Божественный, то есть Слово Божие. Поэтому И.Г. Рябий говорит, что смех вечности седой и зыбкой «Джокондовой улыбкой / Скользит с высоких звезд, как шлейф».

«Джокондова улыбка» - улыбка неполноты, улыбка числа, улыба ассиметрии, улыбка зла, хотя «Джокондова улыбка» обворожительна, красива и обаятельна. Но это «Джокондова улыбка» не может нести Духовного Света в человеческое сознание. Это улыбка зла. Мотивы «улыбки зла» достаточно часто встречается в русской поэзии; например, посвящено в стихотворение Ф.И. Тютчева «На Новый 1816 год»

Но что? сей страшный сонм! сии кровавы тени
С улыбкой злобною, они к тебе спешат!..
Они приняли смерть от варварских гонений!

От них и ожидай за варварство народ!
Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести! –
Твой гроб забвенный здесь покрыла мурова! –
И навсегда со гласом лести
Умолкла о тебе молва!

(На Новый 1816 год)

Неполнота есть результат искажений в человеческом сознании. Ибо человек, удалившийся от Света Божьего, одновременно удалился от Слова Божьего, его ум помрачился, он приблизился к духовной смерти, при жизни тела. Н.М. Бородина отмечает: «Грешник дотоле мертв, доколе остается удаленным от Бога; ибо непременно должен быть мертвым отлучившийся от жизни. Как удалившийся от света находится во тьме, так и удалившийся от Жизни пребывает в сени смертной, в смерти вечной и осуждении вечном. Где нет света, там тьма; где нет жизни, та смерть. Если Бог есть вечный животный и животворящий, то удалившийся от этого света пребывает во тьме и смерти. Горе человеку, умершему в этом состоянии; ибо смерть его делается уже смертью вечною; он навсегда останется лишенным Бога и осуждается на мучения нескончаемые»[158]. Поэтому свет «смех вечности» «Джокондовой улыбкой» с высоких звезд скользит в человеческое сознание, стремится в мечты человека, кажется чудесным, но этот свет не доносит до человека Лик Небесный, Лик Бога.

От этого холодного «смеха вечности» в сознании человека доминирует форма, количество, господствуют явления всякого рода, холод, распад, но умирает качество, содержание, сущность, теплота, единство, а вместе с ними и затемняется разум, человек слепнет при дневном физическом свете, человек теряет ориентации и понуждается в темный мир. В человеке умирает душа, умирает навсегда. Только в Свете Божественном, Слове Бога душа человека бессмертна.

Свет Божественный, Слов Божественное есть единство количества и качества, сущности и явления, формы и содержания, холода и теплоты. Умирание в человеке одной части ведет к вечной смерти человеческой души. Поэтому И.Г. Рябий повторяет: «Трещит и стонет неба твердь - / Незыблема одна лишь смерть», «Так смерть души в красе предстала - / Зима нам стала идеалом». Поэтесса с православных позиций пытается осмыслить проблемы жизни и смерти. В своих рассуждениях о смерти она опирается на духовные источники православной мудрости. Так, Святитель Игнатий Брянчанинов писал: «Слепотою поражены наши ум и сердце. По причине этой слепоты ум не может различать истинных помыслов от ложных, а сердце не может различать ощущений духовных от

[158] Бородина, Н. М. 7 смертных грехов / Н. М. Бородина. – М. : Артос-Медиа, 2005. – С. 9.

ощущений душевных и греховных, особливо когда последние не очень грубы. По причине слепоты духа вся деятельность наша делается ложною, как и Господь называл книжников (ученых) и фарисеев ***буими и слепыми, вождями слепыми,*** не входящими в царство небесное и непопущающими человеков входит не него»[159] Ум и сердце, подверженные слепоте, не могут различать множественное и единое, любовь и ненависть, добро и зло, правду и ложь, знание и невежество, мудрость и глупость, справедливое и несправедливое. Для них это одно и тоже. Слепые ум и сердце мертвят души человеческие.

[159] Святитель Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти / И. Брянчанинов. – Минск : Лучи Софии, 2002. – С. 57.

ЗАГАДКИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ (О ТВОРЧЕСТВЕ СУРГУТСКОГО ПОЭТА СЕРГЕЯ СМЕТАНИНА)

Поэзия сургутского поэта Сергея Сметанина дает достаточное представление о состоянии души человека, прошедшего через тернии жизненного неустройства, любящего свою Родину, но неуверенного в её будущем. Да и вообще о будущем он старается мало говорить. Будущее – это потемки. А потому стоит ли прогнозировать будущее общества, народа, человека в России.

Дух поэта не может окончательно оформиться в стихах, он мечется в сомнениях между сегодняшним и прошлым своего народа, любимой Родины. Его русский дух не может вырваться за пределы этого тленного мира, устремиться вверх, к Творцу. Его что – то сдерживает. Он не может развернуться в художественном пространстве и времени, реально отобразить происходящее в своих стихах. Но тем не менее в его творчество проникают светлые лучи Русской идеи и сразу же теряются где – то в уголках бездны сознания. Он настойчиво идет, ищет цель своего пути, пути своего народа, общества. Но эти пути для него не становятся всё более четче и яснее. Его мысли разбросаны, идеи составляют большие и малые острова, в его творчестве присутствуют крайности, главные темы ускользают от широкой аудитории.

На творчество сургутского поэта накладывает отпечаток его основная профессия – журналистика. Где журналист, а где творец, поэт? Поэтому осмысление сущности творчества Сергея Сметанина - достаточно трудоемкий процесс. Об этом говорит и М. Антохин: «Поэт «сотворяет» свой реальный мир, создавая образы и ритмы из своего сердца, из своих чувств»[160]. Но так уж ли вся его поэзия фантастична, виртуальна? Конечно, нет! Там, где поэт отображает реальные процессы и образы, бытие человека и общества, его слово остро вторгается в сознание реальными картинами мира. Правильнее сказать, что С. Сметанин живет в двух мирах: реальном и фантастичном (виртуальном). В том, чтобы уйти от реальных жизненных проблем мира и бытия, он уходит в виртуальный мир, созданный его мыслью и закрепленный в сознании чуть ли не в форме мифа.

Пути его чувств и мыслей сложны. Он пытается осмыслить и вчувствоваться в катастрофичность нынешних личных, общественных и государственных процессов. Он не находит для себя ответов (об

[160] Антохин, И. О стихотворениях Сергея Сметанина // Сметанин С. На Саймс. – Сургут : ОАО «Сургутнефтегаз», РИИЦ «Нефть приобья», 2002. - С. 5.

этом говорит его творчество) на возникающие острые вопросы в сегодняшнем, поэтому его сознание устремляется в прошлое. Там он также не находит ответов. Нужно успокоиться. И поэт устремляется в органичность, в природу. Это происходит в его сознании не последовательно, а параллельно, порой даже стихийно.

1. Агония русской души

Родина. Россия.

Щемит сердце от произнесения этих слов. В сознании крутятся мысли: развал, разруха, воровство, предательство, смертность выше рождаемости, СПИД, преступность, наркомания, детский алкоголизм…Сердце разбухает от негодования и давит, и давит, и давит в грудь, стучат виски. Как будто говорит сознание поэта: «остановите этот произвол, сложность, неразбериху, смуту. Но эта смута в наших головах. Потеряли русские «царя в голове», то есть разрушили социальную иерархию, утратили веру в Творца, раздвоились, растроились, одни превратились в «экономического человека», другие – в «сексуального человека», третьи – в «одномерного человека». Четвертые – в «потребительского человека» и т.д. Русский человек снова, которые уже раз, вошел с полосу сомнений, метаний, душевных переживаний, мучительной муки от терзающих тревожных мыслей: «Россия в опасности»; «собственность растаскивают»; «русский народ в бедности»; «олигархи жируют»; «болезни множатся»; «преступность растет»; женщины не рожают детей»; «нарушились связи между поколениями» и др.

Сергей Сметанин, как каждый русский человек, ощущающий в настоящем и предчувствующий угрозы в будущем и осмысливающий общественные процессы с позиций родной духовно – нравственной культуры, видит свою Родину в потрясениях, хаосе, неразберихе. Видит, как разваливаются старые социальные связи и отношения между людьми и народами, как останавливаются предприятия, как границы становятся очень «прозрачными» для всякого спекулянта, бандита и прочей швали, но абсолютно непрозрачными для простого гражданина. В Россию устремился всякий сброд. В умах людей аморализм, пестрота, пустота и неразбериха.

Какая во взглядах царит пестрота
Пред нами последние годы!
Кто Ельцина хвалит,
кто хвалит Христа,
Кто новые прихоти моды
Гречихин не верил
совсем ни во что,
Сегодня бубнит в упоенье:
Монархия – это. Монархия – то.

Монархия наше спасенье
Вчера возбужденный
«ура – коммунист»
Звал курицей герб двухголовый,
А ныне пред богом анкетою чист
И он со свечою Грошевой
Друзья дорогие, простите молве
Что славу Гречихина множит
Когда человек без царя в голове
Монархия вряд ли поможет.

(«Какая во взглядах царит пестрота»)

Русский мир, русское сознание раздвоилось, растроилось. Русские не могут осознать свое место в этом хаотичном и быстро меняющемся мире. Одни «Ельцина хвалят», другие «хвалят Христа», третьи – монархию, четвертые – «демократию…». Этот разлом острым лезвием вонзился в русское народное сознание и парализовал его на какое – то время. В чем и где истоки этого разлома? Где надо искать причины несогласия в русском, российском обществе. Почему СМИ оголтело критикуют все, что было не только в советской, но и в русский период истории русского народа. Нынешний разлом в сознании русского народа – это порождение глубочайшего кризиса, в котором оказался русский человек, отошедший от корней, отказавшийся от своей веры и духовности. У человека, который потерял свой национальный, духовный стержень, закладывается сомнение, страх перед будущим, неуверенность в жизни и пути, апатия и хандра. Отсюда и выползают все социальные болезни национального сознания. Отсутствие национального духа и игнорирование национальной идеи приводит к тому, что вчера был «ура – коммунистом», сегодня бубнит о «монархизме», «демократии», а завтра что будет говорить? Наверное о фашизме или глобализме! Вчера называл российский герб «курицей», а сегодня «анкетою чист».

Человек, имеющий прочные духовно – нравственные корни, разве может так метаться? Нет, конечно, нет! Такое неустойчивое состояние характерно для народа, переживающего, наверное, системный кризис. Это кризис идентичности, духовности, государственности, этничности. У людей, находящихся в этом состоянии нет «царя в голове», нет веры во всевышнего. Это характерно для людей бездуховных, материальных, злых и темных. И какое – бы государственное устройство не создавали, оно все равно рухнет, в том числе и монархия. Монархия – это, прежде всего, дух народа, вера в сомодержавие Царя, вера в Бога. Духовной основой монархической системы правления выступает православие. Сергей Сметанин понимает, что человек, быстро меняющий свою веру, тем более, «без царя в голове», не сможет найти согласие ни в монархии,

ни в демократии или в какой – либо другой политической и государственной форме правления.

Как быть во время смуты, мягко называемой «переходным периодом», человеку? Куда идти? Кругом смерть, разруха, не рождаются дети, падают самолеты, рушатся дома, вдоль дорог выстраиваются могильные кресты. 5, 7, 10, а вот уже и 18 лет реформ в России! Что они дали народу эти 18 лет «перераспределения богатств». Народу обещали благополучие, лучшую жизнь, квартиры, высокие доходы (?!). Где они?

Но суровая совесть о былом меня спросит…
Что тогда мне ответить? Сам себе не солжешь
Десять лет, как Россия, смерть за пазухой носит,
И рукой ненавистной снова точится нож.

(«У полярного круга заколдованный город…»)

Россия 18 лет живет в условиях стресса, на грани нервного срыва, её города заполнили народы, на рынках говорят на незнакомых ранее языках… Россия остолбенела… Перестала рожать детей… Старики одни за другим покидают её. Россия бросила своих детей и стариков в объятия смерти, болезней, наркомании, алкоголя и преступности. Она не может защитить своих детей от растления, педофилии, СПИДа. Кому это нужно? Кто и какие силы устраивают вальс смерти на российском политическом и экономическом поле. Жирею богатые, беднеют бедные «И ненавистной рукой снова точится нож». И он может резануть, да так резануть, что бедные вымрут или богатыеб захлебнутся в крови. Может снова всё перевернётся?

И в этих условиях у русского народа, простого человека, части русской интеллигенции начинает просыпаться совесть. Она не дает человеку солгать самому себе и окружающим, так как совесть - стержень нравственности, составная духовности. Д.С. Лихачев говорит, что «Совесть не только ангел – хранитель человеческой чести, - это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной»[161]. Но сначала у человека возникает вопрос: «что же со мной происходит?» Совесть спрашивает у человека о былом, что у него в прошлой жизни не так, не по совести? Былое нужно человеку не для логических игр или любомудрия, самолюбования, былое нужно для нынешней жизни. Нужно для того, чтобы найти ответы на сложные вопросы сегодняшнего дня, для оправдания нынешних поступков в обществе. И совесть не лжет, она дает правильный ответ,

[161] Лихачёв ,Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию / Д. С. Лихачев // Новый мир. – 1995. - № 2. – С. 4.

так как взвешивает на своих нравственных весах все поступки и мысли человека. Совесть – это судья своих собственных поступков.

В смутное время, какое сейчас в России, в условиях душевного и нравственного разлада, раздвоения личности, отчуждения сознания от национальной культуры могут опуститься руки, само сознание затемняется или засоряется чужеродным, человек теряет будущее. Что делать человеку, творческой личности в этих условиях? Опустить руки? Броситься в пьяный разгул, разврат? Удовлетворять только телесные потребности? Жаловаться о пропавшей жизни? Что и делают сотни тысяч людей. Нет, нет и нет, этого делать нельзя. Истинный творец, мужественный человек на такое не согласен, не пойдет и не идет, хотя у него возможны какие – то срывы. И он работает, творит, фиксирует происходящее и снова работает, работает, работает! Тем самым он выполняет свою миссию на этой бренной земле, свое истинное предназначение. Истинный писатель, художник, поэт, ученый, представители других профессий ни при каких условиях, ситуациях, кризисах не перестают быть творческими людьми. Они просто продолжают творить, строить, создавать, ибо это время и есть время нового созидания, созидания великих произведений. Божественным светом озаряется их творческий путь.

Сейчас не время для стихов –
Так мне сказали.
Там – бой,
Там – смерть,
Там льется кровь
Страна в развале.

Там дети плачут от беды –
Не от капризов.
Там даже нежно – цветы –
Звучит как вызов.

А здесь – обычные дела:
Базар, сберкасса.
А здесь у праздного стола –
Гул перепляса.

От сплетен,
Страхов,
Матюгов –
Мороз по коже –
Сейчас не время для стихов!
А для чего же?

(«Сейчас не время для стихов…»)

Сейчас время для творчества. Это позиция Сергея Сметанина. Да, для жизни сейчас не время. Не дай Бог, жить в смутное время! Но для творчества сейчас как раз самое подходящее время. Посмотришь, какие противоречия жизни, какие жизненные переломы, духовные человеческие драмы. Сергей Сметанин видит противоречия жизни и здесь, и там. Там кровь, бой, война, развал. А здесь - стихи, сплетни, пьяный разгул, маты, «праздный стол»… И это противоречие в едином, в целом, в России! Всё это проходит через сознание миллионов людей, сплетается в какой – то узел хитросплетений и противоречий, и русский ум ищет выход. Мучительно ищет! Как преодолеть это противоречие с тем, чтобы зажить свободною, нормальною человеческою жизнью, богатою, духовною. Он видит, что Россия одной частью стала преодолевать этот раскол, другой частью ещё сильнее скатывается в стихию разврата, разгула, преступлений и наркомании. Что делать? Каким способом повернуть вторую, но еще достаточно большую часть населения страны к духовности, к национальной жизни? Поэт пытается ответить для себя на этот вопрос? Он обращается в прошлое. Он живет в этом прошлом, знает это прошлое через свою и Родины жизнь. Но этого мало: человеческая мысль идет глубже, в многотысячелетнюю Русь.

2. История нужна человеку для жизни настоящей, для движения вперед

Сергей Сметанин мучительно ищет ответы на поставленные самим собой и Родиной вопросы и в отдалённом прошлом, и в ближайшем прошлом. Обращение к прошлому необходимо и для того, чтобы защитить себя, свою семью, свою Родину от грубых нападок, от клеветы. От всего наносного. Погружаясь в прошлое, сердце щимит «с приятной болью» от таких слов:

Россия, Родина моя –
Старинные края,
Былинная мелодия,
Да трели соловья!

(«Россия, Моя Родина…»)

Всё волнует в словах: «моя Родина», «старинные края», «былинная мелодия». Сердце переполняется чувствами, восторгом, радостью от всплывших в сознании традиционных мелодичных звуков. Душа радуется, поднимается ввысь, в полет… Это состояние душевного восторга, озарения, творческого вдохновения… Но в настоящую жизнь вторгаются снова и снова иные звуки: бомб, выстрелов, массовых схваток, демонстраций. Грозный дух революционных потрясений возмущает душу русского человека,

заставляет содрогнуться от содеянного красными и белыми братьями во время гражданской войны… Потом Вторая Мировая война, столкновение цивилизаций, а внутренний разлом ещё не преодолён?!

Россия, моя Родина –
Суровая стезя! –
Тобою столько пройдено
Что выдумать нельзя:
Война, да революция,
Да за войной – война.
Хочу с тобой проснуться
В другие времена.

(«Россия, моя Родина…»)

Барабаны войны и революций стучат всё сильнее и сильнее, бьют в виски. В памяти народа всплывают многочисленные битвы скифов, руссов, славян против врагов на протяжении многих тысячелетий, войн против монгольских полчищ и тевтонских рыцарей, против польских завоевателей и крымских ханов, против немецких и французских завоевателей!.. А барабаны войн и революций бьют всё сильнее и сильнее, невмоготу. Человек закрывает глаза, уши. Хочет отвлечься, уйти от этих странных звуков крови, войн и страданий. Он бежит от этого тяжёлого прошлого своей страны, но не от Родины: «Хочу с тобой проснуться / В другие времена». Времена мира, созидания, строительства, творчества. Русское сознание хочет окунуться в Россию, но другую, светлую, благополучную, радостную, которая дает энергию для созидания, движения вперед, к будущему. Но возможно ли это? Можно ли уйти от своей истории? Нет! И он обращается к старой русской песне.

Народные песни. Простые слова.
Смеются и горестно плачут.
Заслышишь их только, припомнишь едва –
Берут нас и разом иначат.

И сердце стучит – не пустой барабан,
И Родина с ними – чудесней.
Они никогда нас не вводят в обман –
Старинные русские песни.

Вот что нужно русскому сердцу и русской душе в обращении к прошлому. Правильно говорит русский философ И.А. Ильин, что важнейшими характеристиками русской культуры являются: молитва, терпенье, молитва и пенье. Началось возрождение русской души и русского духа.

Старинная русская песня. Она несет правду, добро, справедливость, народную мудрость, мир, радость. Она изначально

нравственна, духовна. Чуть прикоснется русское сознание к этой святыне, как начинает бойко стучать сердце, слезы наворачиваются на глаза, на душе так сильно щемит. Это восторг от возращения к родному, своему, духовному, чистому и правдивому. Не утрачена русская культурная связь поколений, она живет в нас. Мы должны её постоянно взращивать в русском сознании. Старинные русские песни нас «разом иначат», делают другими, нравственно более чистыми, духовно терпимыми, справедливыми. Душа радуется, отдыхает, восторгается. Но в душу снова и снова вторгаются тяжелые, металлические, визгливые звуки войны. Прошлое снова врывается в сознание войной, кровью, трагедией. Прошлое приходит во сне, но как наяву.

Гром пробивал стекло,
И рассыпался звон…
В небе дышало зло
Черное, как гудрон.

Выдохлось, наконец…
Спрятано в глубину…
Ночью кругом огни –
Видел во сне войну.

(«Гроза»)

Сергей Сметанин понимает, что русское прошлое очень сильно связано с войной, смутой, расколом. Строить, защищать и развивать русскую культуру приходилось в постоянной борьбе с чужим, инаковым, агрессивным, непримиримым. Поэтому катастрофическое в его сознании берет верх. Затмевает всё остальное. Он не только в настоящем, но и в прошлом обнаруживает раскол, смуту, войну, боль, страдания, природные и стихийные бедствия. В сознании русского человека присутствуют эти срывы, разломы, сдвиги. Он на них реагирует по - другому, не так как человек западный, европейский, американский. Л.В. Гернего отмечает: «Однако, женственная русская душа, вызывая на себя давление мужественного (варяги, немцы), вырабатывает в себе протест против своего угнетения, переходивший в нигилизм и бунт, – извечный раскол бытия и сознания людей. Отсюда у русских и апокалиптическое видение мира – чувственного, что порабощение не может быть вечно, что оно должно прекратиться, пусть даже через катастрофу. Поэтому русский народ – катастрофический. У него есть чувство конца истории»[162].

---

[162] Гернего, Л. В. Русская национальная идея вчера и сегодня / Л. В. Гернего // Национальная идея: образование и воспитание (философско – методологические и региональные аспекты) : Материалы науч. – практ. конфер. (Чита, 15 -17 апреля 1997 г.) : В 2-х вып. – Чита : ЧитГТУ, 1998. – Вып. 2. – С. 15.

Война, смута – это и есть самая страшная катастрофа для русских людей, потому что она нравственно аморальна, несет зло, страдания, разрушения ума и рук человеческих. Война заходит в каждый дом, касается каждого человека, народа. Врывается в сердце, становится неотъемлемой частью сознания русского человека, народа, России. Во время войны прощают власти заблуждения, ошибки, меланхолию, даже предательство, если она и обрушивает всю мощь организаторского таланта против врага и агрессора.

Катастрофа с нами, в нас, мы слышим ее дыхание, пульс, голос. Мы ощущаем наступление катастрофы и ищем спасение души в боге, спасение жизни в титанической работе соборного единства народов России. Поэтому так часто врывается в наш внутренний мир война, но не только «война вообще», но конкретная, где погибли, получили раны наши деды, отцы, сыновья. Мировая война, афганская война, чеченская, балканская, иракская и другие. Мы, русские, одинаково болезненно переживаем и пропускаем через свое сознание все эти войны. И чем реальнее для нас прошлое, чем больше оно, тем глубже затрагивает через наше сознание все эти мировые катастрофы.

Помнишь в минуту молчанья
звенела струна –
Чья – то зовущая,
чья – то живая душа?
ГОЛОС ПАВШЕГО СОДАТА:
Кто меня спросит,
какая мне в жизни цена?
Кто мне ответит,
когда я закрою глаза?
В поле идет,
громыхает боями война,
В небе горит,
догорает ночная гроза
Время созревшего хлеба –
пора убирать.
Время уснувшей воды
молодого труда.
Кто меня знал,
что я так не хочу умирать?
Кто меня знал,
что я выстою здесь навсегда?

(«Память войны»)

Война эхом врывается в душу. Сотрясает её, зажигает пламенем её неприятия. Человек, народ раньше и всегда жил стремлением к мирному труду и жизни. Война нужна для тех, кто имеет большие деньги и хочет иметь ещё больше. Война обрывает мирную жизнь человека, народа, страны. И самосознание всё время слышит вопрос

павшего в боях солдата: «Кто мне ответит?..», «Кто меня спросит?..» А спрашивать и отвечать должны мы, ныне живущие, чтобы не повторилось то, что уже было пережито. Если мы не спросим, то спрашивать всё равно придется, но уже будущим поколениям. Зачем отдавать ответственность будущим поколениям? А ответив на эти вопросы, мы сможем не допустить больше никаких гражданских братоубийственных войн, смут, общественных потрясений, экономического и законодательного хаоса, демографической катастрофы, духовно – идейного кризиса. Это будет адекватным ответом на давнее и недавнее прошлое.

Я не видел войны
Я боёв не слыхал.
Я на ратные темы не спорю.
Видно, случай такой,
что не каждому дал
На себе испытать это горе.

Не застал меня в Бресте
чужой миномёт,
И сапоги
средь берлинских развалин
Мне родиться ещё предстояло
за год
До того, как скончается
Сталин.

Мы счастливой судьбой
обогнали отцов,
Повидавших жестокие виды,
Но порой тяжело,
и нелепо свинцов
Нам рассвет
от случайной обиды.

Пусть победы спешат
по дорогам весны,
Как дошкольники
в праздничном марше –
Но в суровые годы
прошедшей войны
Наши дети не будут старше.

Я не видел войны
я не грешен, не свят,
Я не жду
ни наград, ни прощенья.
Просто скорбная память
убивших солдат
Растянулась на три поколенья.

Прошлое соединяется с настоящим в нашем сознании. Мы никуда от него не уйдем, и стоит ли от него уходить. Наша история нужна нам для сегодняшней жизни, для будущего. Любые разрывы между прошлым, настоящим и будущим ведут к трагическим последствиям, к смутам, конфликтам не только в обществе, нации, но и в душе и сознании каждого человека. В данном случае он перестает ощущать связь времен, теряет преемственность, превращается в общечеловека, в ничто. И вот с этим катастрофическим прошлым, ощущением войн и смут мы встречаем будущее, которое полно всяких неожиданных встреч, событий, и эта неопределённость порождает самые страшные сны. Эти сны – плод страха за будущее. Человек начинает бояться этого общественного будущего, которое может наступить снова: сегодня, завтра, послезавтра… какое это будущее?

Меня порой терзает сон
К чему видения такие?
Как будто сбилась вся Россия,
В один военный эшелон.
Там духота и толчея,
Сквозняк из тамбура по трудам
Жиган, татарская семья,
И казачок с раскошным чубом.
А поезд медленно идет,
На стыках грубо приседая,
Привычный
давний страх скрывая
Пред днем, что нас назавтра ждёт
И грустно женщина поёт
Из – за вагонной стенки тонкой,
А за окном – деревни, пруд,
И машет девочка ручонкой.

Сергею Сметанину представляется страшное будущее. Из катастрофического прошлого вырастает катастрофическое будущее. «Россия», «вагон», «грустная песня» - это возвестники какой – то будущей трагедии, нового русского разлома. «Что нас ждёт впереди?» - вопрос, над которым задумывается Сергей Сметанин. Ответ на него видится страшным, жестоким, военным. Этот ответ одинаков для всей России, её народов: русских, татар, цыган. Разве может человек, гражданин, поэт смириться с таким будущим? Такое будущее и врагу нельзя пожелать. Снова, как и в прошлом, будущее ассоциируется с катастрофой. И поэт упорно ищет выход из создавшегося положения, ищет пути без войны, катастроф, революций, смут, скачков. Вообще, существует ли такой путь? Русское сознание однозначно отвечает, что такого пути нет. Но есть путь который нравственен, даже если возникает какая – либо природная катастрофа, она возникает не по

вине человека или человечества. Этот путь в природу, к гармонии с вселенной, с космосом. И русский народ, русский человек уходит в себя, устремляется в природу.

3. Родина, природой обогретая

«Мы, воспитанные русской природой», отмечает сургутский поэт М. Антохин, обращаем свой взор на природу, ищем силы в природе, нас окружающей. Мы чувствуем дух природы: леса, реки, поля, деревья. Этот дух успокаивает нас, дает нам новые силы. Мы нащупываем Россию «березовую», «Россию полей и гор», «степную Россию», «снежную Россию». Она с нами, она в нас.

Вдоль России стремится черёмуховый дух,
Всё плотней белокурые кисти.
Не стесняйтесь веселых друзей и подруг,
Оглянитесь и ветви приблизьте.
В невысоком дожде лепестковой воды
Лишь лицо от заботы умоешь,
Всех созвездий в глазах остаются следы,
Всей любви, если ты её стоишь.
Белым цветом весна к нам легонько стучит
Не беда, что черёмуха малость горчит
И пока в нас огонь новизны не потух,
Окунайтесь в листву и соцветья.
Вдоль России стремится черёмухи дух,
Признаваемый в наше столетье.
От него во дворе тишина и покой,
Между нами согласье и споры.
От него я сегодня счастливый такой –
Не помогут ничьи уговоры.

(«Весна»)

Природа несет человеку веселье, хорошее настроение, огонь новизны. «Черёмуховый дух» - это дух пробуждения, дух цветения жизни, дух возрождения, дух покоя. Сергей Сметанин видит возрождение человека через возвышение его к первозданной стихии природы. Общество погрязло в распутстве, будущее грозит войнами и смутами, поэтому нужен другой путь для человека, путь к природе. Для новой жизни нам нужен дух природы, он дает нам силы для новых свершений. Но возникает опасение: возвращение в природу может стать «общественным ужиманием», как шагреновая кожа в известном романе, «общественной деградацией», «личной деградацией», «движением вниз»… Поэтому поэт пытается Дух природы соединить с Духом Родины, Духом России: «Вдоль России стремится черёмухи дух/ Признаваемый в наше столетье». Гармония Родины, России, Природы – вот та идея, которую поэт предлагает

сегодняшнему сложному миру, которую он исповедует и проводит в жизнь через свое творчество.

Россия, моя Родина –
Роднее не найду.
Рябина, да смородина
У дома на виду,
Озера ясновзорые,
Полей живая медь,
Да песни, за которые
Не жалко умереть.

(«Россия, моя Родина»)

Здесь всё: культура, природа, общество, смысл жизни.

Русский человек ассоциирует свою Родину с рябиной, смородиной, «озерами ясновзорыми», «полями» и народной культурой. За эту культуру «не жалко умереть». В идее С. Сметанина появляется и вторая часть: народная художественная культура. И русскому человеку не надо искать путь своего возрождения в природе и народной художественной культуре. Он выступает как бы в синтезе: «песня, обласок – с одной стороны; озеро, река, месяц, поле, рябина – с другой стороны».

Ночи звездный поясок
Высоко сияет.
Месяц – легкий обласок
В облаках ныряет.
Отражение в реке
Дробится на части –
Это я на обласке
Догоняю счастье.

Эта идея, то есть гармония природы и народной художественной культуры в сознании и есть то счастье, которое он постоянно догоняет, идея, к которой он стремится. Здесь разрешаются все противоречия человека, здесь формируется прочный фундамент возвышения человека в мир духовного единения с природой. Для Сергея Сметанина идея гармонии природы с народной культурой становится целью жизни, труда, пути. Но путь в природу – это путь вперед или назад? Над этим вопросом он не задумывается.

Над рекой летит пылающая осень.
Буря гонит пламя под ноги берез.
Я под осень так же ветрен и несносен –
Будто время повторяется всерьёз.

Ты прекрасна как видение из детства.
То печальна, то беспечна и легка.

Не насытиться тобой, не наглядеться,
Не напиться, как водой из родника.

Ты свежее, ты моложе лет на двадцать,
Говорят, годишься в дочки, ну и пусть.
Нам с тобою больше нечего бояться,
Кроме правды, что идет из наших уст.

Пусть былое жжет больнее, чем крапива,
Брызжет ядом из увядшего листа.
Ты красива, удивительно красива,
Жаль, что в жизни так не прочна красота.

Не вчера ль я был приглядней всех на свете –
Шелком волосы лились до самых плеч.
Разметал прическу мне сибирский ветер,
Что оставил – толку нет уже беречь.

Но тебя сберечь, родимая, сумею
Сердце жаркое в ладони притяну.
Я любовью злую осень отогрею,
Превращу в красавицу – весну.

Пусть над Обью раздувает угли осень
Буря гонит пламя под ноги берез.
Я под вечер жизни ветрен и несносен,
Это время повторяется всерьёз.

(«Над рекой летит пылающая осень…»)

Любовь рождается природой, на природе. Но любовь одухотворённая пытается согреть озябшую природу, превратить злую осень «в красавицу весну». Любовь – это двигатель деятельности человека, который одушевляет и оживляет идею гармонии природы и народной культуры в человеке. Любовь зажигает сердце, которое отдает тепло другим людям, природе. Любовь не имеет границ, любви все возрасты покорны. Любовь задает смысл существования человека, соединяет его с Родиной, Россией. Россия может возродиться через любовь с любовью к природе и народной культуре. Любовь – это тот духовный двигатель, который приводит в движение миллионы благородных, чистых и честных русских сердец с верой в будущее. Сергей Сметанин верит в силу любви. Но здесь заложено и противоречие. Он устремляется к природе. Но забывает, что высшей ступенью развития человека является его духовность. Устремляясь к природе, человек отдаляется от духовности, от традиционной культуры. Для него природа и есть духовность. Природа – это та часть космоса, вселенной, которая окружает человека на нашей Земле.

Сложны пути русского сознания в наше смутное время. Анализируя поэзию Сергея Сметанина, видишь, как мечется русский

дух. Бросается из одной крайности в другую, но ищет свои пути в будущее. Это путь разочарований экономическим реформами, разочарование жизнью; переходит в попытку осмысления прошлого для осмысления происходящего. Видит, что прошлое наше катастрофично, что будущее сулит нам новые катастрофы. И русский дух устремляется в природу и народную культуру. Ибо она есть его «вторая природа». Силой, способной возродить Россию, нашу Родину, является любовь. Это вечный двигатель развития, нравственности и духовности. Любовью к Творцу человек преображает свой мир и мир окружающий.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ВЕРА МАНСИЙСКОГО ПОЭТА А.С. ТАРХАНОВЫМ

Что такое вера? Может ли человек прожить без веры? Какое место в жизни и в творчестве поэта занимает вера? Это не праздные вопросы, ибо без веры жить и творить человеку прекрасное, высокое, нравственное невозможно. Вера – это «1. Твёрдая убеждённость, глубокая уверенность в ком-, чём – либо. 2. Религиозное учение, вероисповедание, религия. 3. Доверие»[163].

Чтобы понять поэта, сущность его личности, его внутренние миры, побуждающие факторы к его поэтическому творчеству, содержание его творчества, мы должна исследовать его отношение к вере, его «длинный путь» к вере, его веру. Человек, который говорит, что он ни во что не верит, это не значит, что это так на самом деле. Он верит, но или скрывает свою веру, или её просто не осознает своей веры, или «атомизировал» настолько свою веру, что она потеряла своё единство. Но она у человека всегда есть, она запрятана где-то глубоко в его самосознании или «распылена», раздроблена, что кажется – это не вера.

Человек верит в то, что он считает для себя главным в жизни, в творчестве, что он ощущает и воспринимает как главное. Душа человека тянется, «прилепляется» к тому, что является для человека главным. Душа есть компас, который ведет человека по жизни, по творчеству, а совесть – это внутренние весы, которые взвешивают все мысли, поступки и дела человека, совесть даёт оценку, судит и наказывает его. Это главное в жизни и творчестве становится или источником радости, вдохновения, приятных переживаний и эмоциональных состояний, или разочарований, сомнений, дум, душевных терзаний и болей. В этом главном находится и реальный центр жизни человека. Здесь и любовь, и сокровище человека, и тайное, и духовное, и скрытое от постороннего взора, здесь и ум, и сердце человека. Здесь и его сокровенная вера.

В творчестве мансийского поэта А.С. Тарханова вера занимает особое место. Он пытается осмыслить веру человека, свою сокровенную веру, поэтому он говорит о потере человеком веры, о полувере, о поисках человеком веры, о вере в природу, в человека, о вере в любовь, в правду, в страдания. Его вера едина, но не без противоречий, но она для него продуктивна и жизненна. Он пытается найти и осмыслить то главное, во что он верит, с чем связывает свою судьбу, судьбу народа, России, с чем он хочет жить и за что бороться. Он понимает, даже подчеркивает, что в его душе гармонично

[163] Большой толковый словарь русского языка. – СПб. : НОРИНТ, 2001. – С. 118.

уживаются две духовные веры: христианская и языческая. Он вспоминал: «...отдавая дань уважении и почитания Пасхе, другим христианским праздникам, мои сородичи, манси, не забывали блюсти также унаследованные от своих предков древние языческие ритуалы: приношение даров идолам, обращение к языческим духам и т.д. Когда-то в каждом доме нашего селенья весела икона. Вместе с тем близ каждого жилища находился шайтанский амбар. Обретя в свое время христианскую веру, мы сохранили и язычество»[164]. Но это двоеверие не доводит его до внутреннего разлада, конфликтов или противоречий. Двоеверие в его душе стало цельным, системным. Можно говорить о синтезе веры в сознании поэта. И в этом парадокс веры мансийского поэта А.С. Тарханова.

Вера поэта по мере осмысления им своей мансийской культуры и духовной православной идентичности, имеет тенденцию к развитию, изменению, наполнению новыми смыслами и новым содержанием. Стихи писались в разные годы, когда все было устойчиво, но сильно подвергалось идеологизации; затем всё стало рушиться на глазах современника, появляться новые кумиры – у одних; возрождались традиции – у других. Об этих годах поэт писал: «Россия после переворотов, измен, жестоких казней, умыслов внешних сил и своих внутренних предателей явилась миру в новом – странном до предела качестве. Она потеряла государственность. Она приобрела уродливый лик системы, состоящей из элементов капитализма, социализма, рабовладельческого строя. Людей продают вовсю в Москве и Санкт-Петербурге. А детей стали продавать уже и в сибирских городах. Есть у России элементы феодализма. Например, некоторые работодатели (не правда ли – какое самоговорящее слово!), обманывают тех же строителей, расплачиваются с ними продуктами за все время возведения дома или другого объекта. Люди живут в постоянном унижении, превращаются в бессловесных животных»[165]. Поэт говорит с болью о происходящем в России, на своей родной земле. Вся эта стихия разрушения прошлась катком по его сознанию. Он не принял эти разрушения общества и человеческого сознания как необходимое и нужное для дальнейшего развития. Внутренний мир поэта пришёл в движение от смятения, казалось, вот-вот обрушится. И, действительно, в эти годы поэт пишет о потере веры, о противоречиях жизни, забвении корней и традиций, о зле, разлившемся по всей России. В его поэзию приходят и мрачные тона и полутона. Но в эти годы народ, что разумеется, потянулся и к своим корням, стал больше интересоваться своим прошлым. Для того, чтобы вернуть утраченное, необходимо знать, а что же мы потеряли, какие драгоценности

---

[164] Тарханов, А. С. Пасхальный день / А. С. Тарханов. – М. : Мария, 1993. – С. 8.

[165] Тарханов, А. С. Мы остались романтиками / А. С. Тарханов . – О времени, о литературе, о себе : литературно критический сборник / Ред. – сост. : Н. И. Конясв. – Екатеринбург : ИД «Сократ», 2004. – С. 52-53.

рассыпали в эти годы. И с этим утраченным в сознание поэта ворвался уже сложившийся синтез православной и языческой веры его предков. Вообще, поэзия А.С. Тарханова синтетична, она соединяет в едином, казалось бы, несоединимое. Об этой черте его творчества говорит литературный критик К. Яковлев: «Поэзия Тарханова не только синтетична по содержанию. Она точно также синтетична и в своих художественных средствах. Она искусно сочетает реалистическую конкретность с романтической символикой. Это позволяет поэту, оставаясь очень национальным в микроощущении, вместе с тем добиваться большой обобщенности и философичности образа»[166]. В этом синтезе веры в душе поэта вырастает новое, глубоко осмысленное понимание пути, цели, судьбы народов России.

Каждый умный человек России прошёл путь метаний, утрат, возвращений, новых утрат, сомнений, возрождения. Период утраты веры – сложный период в развитии общества, государства, народа и болеющей за родную культуру личности. Потеря старой веры и обретение новой веры путём синтеза мансийского прошлого и православного настоящего – вот путь поэта. Что значит потеря «старой веры»? Это потеря веры в «светлое будущее коммунизма», потеря веры в общество, построенное на идеологии; обретение «новой веры» - это возрождение традиционного синтеза язычества и православия в духовной культуре поэта, но на новом уровне его понимания.

1. «Я сегодня расстрелян безверием…»

Сегодняшнее состояние духа народов России, своего тундрового мансийского народа болью отзывается в душе А.С. Тарханова. Советская идеологизированная и политизированная система «хорошо» поработала везде, во всех национальных культурах, изрядно потеснив национальный Дух, традиции, обряды и праздники, загнав их в единое «поле» марксизма-ленинизма. Народы стали терять свою традиционную веру, не соблюдать, а то и забывать, традиции, обряды, ритуалы, нормы поведения на Природе, в быту. Народы втянули в смуты, продолжающиеся в нашем сознании десятилетия. Вместе с наступлением унифицированного, общего, стандартизированного, в сознание людей проникает одиночество. Человек чувствует себя «винтиком» огромной машины. От него ничего не зависит. Сознающий дух мечется, страдает, ибо он утратил свою веру. Свободный Дух же томится ограниченностью времени и пространства советской культуры, рвётся на волю, в бесконечное время и безграничное пространство. Свободный Дух не терпит

[166] Яковлев, К. Поющая тропа язычника (о поэзии мансийского поэта Андрея Тарханова) // Тарханов, А. С. Исповедь язычника. Избранные стихотворения 1972-2001. / К. Яковлев. – Екатеринбург : Средне – Уральское книжное издательство, 2001. – с. 9.

насилия, понукания, коррекции, согласования, а следовательно, отвергает всё, что ему навязывается. Свободный Дух стоит на устойчивом фундаменте веры предков. А.С. Тарханов с болью говорит: «… поймите меня правильно, обнаженность моей духовной жизни. Считаю, всё стоит на вере. Но сколько кругом равнодушных, не верящих ни во что»[167]. Поэт говорит неверующим:

О, люди страха и безверья!
Не утешаете себя.
Вы – как упавшие деревья,
Вас искренне жалею я.
Своекорыстная дорога,
Тебя не должен знать никто.
Уж лучше верить, люди, в бога,
Чем жить, не веря ни во что.

Одиночество, войдя в национальную, «атомизированную» душу, разъедает её изнутри, источает яд безверия. Вместе с одиночеством в сознание человека врываются страх, сомнение, боль. Поэтому поэт не говорит, а кричит о безверии, о том, что он «расстрелян» безверием и ложью, царящим в его социуме, во всем российском обществе. Из-за безверия человек перестает быть? Так ли это на самом деле? Бывает ли вообще безверие? Безверия нет. То, что понимается поэтом под безверием, – это изменение веры, забвение или в лучшем случае, эрозия традиционной веры, появление новой веры. Пусть эта вера будет не та, другая, даже злая, лживая, жестокая, но и это будет вера. Например, вера в «золотого тельца», в культ наживы, в собственное обогащение. На мой взгляд, надо говорить не о «безверии», а о расщеплении веры, рассеивании веры, потере её цельности, единства. Человек «безверующий» - это человек «многовер». Причем его разные веры противоречат другу другу, борются друг с другом.

Человеку настоятельно необходимо бороться за свою веру, за цельную веру, в ином случае он обретёт другую веру. Но это уже будет другой человек, субъект другой культуры, может быть даже новой, нарождающейся агрессивной или инфантильной. Ибо без веры жить человеку невозможно. Философ И.А. Ильин говорил: «Человек может заблуждаться в своей вере и идти по ложным путям; он может разочаровываться в своей прежней вере и отходить от неё; хуже того, он может изменять своей вере по расчёту и «продавать» её. Но в одном человеку отказано, одного он не может: именно – жить без веры»[168]. Поэтому, когда А.С. Тарханов, говоря, что он «расстрелян безверием», то есть убит безверием, то он, полагаю, говорит о том, что убит именно массовой верой страсти, наживы, верой в силу денег,

[167] Мансийский поэт Андрей Тарханов / Сост. : Е. Исмысова. – М. : Икар, 1996. – С. 16.
[168] Ильин, И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 12.

распавшейся «на осколки» верой, которую воспитывало десятилетия советская идеологизированная «машина». То есть, что у него появилась другая вера, уже во второй раз (первый – в советский период), вошедшая в противоречие с традиционной его верой, с верой его детства, верой его предком, с мансийской национальной синтетической верой. Эта вера не та, которая сейчас культивируется средствами массовой информации, безответственными политиками, безнравственными работниками искусства и культуры, прикормленными национальными лидерами. Эта вера в высшее, духовное, незыблимое, нравственное. В стихотворении «Пасхальный день» поэт с болью говорит о расстреле «безверьем и ложью» (!).

Я сегодня разбит, как цветок – подорожник,
По которому кони бездумно прошли.
Я сегодня расстрелян безверьем и ложью,
Нету всполоха радости в поле души.

Я зову тебя, мама.

(«Я бываю порой совсем одиноким…»)

От навязываемой социуму безнравственными средствами массовой информации, политиками и работниками искусства новой веры поэту хочется бежать. Государство делает что-то не то, чего ожидали от него народы России. Он чувствует себя как разбитый «цветок – подорожник», по которому бездумно прошли кони. Прошли, растоптали ростки жизни и будут проходить снова и снова (!!!), пока его вообще не затопчут. После этого прохода, естественно, ничего живого не может остаться от цветка-подорожника, от трав и цветов, от прекрасного. От этого у него на «поле души» нет радости. Это грусть об осознании того, что делают с Природой ненавистники всего живого.

В эти самые трудные для души, ума и сердца времена он обращается к матери, он завет мать к себе, ибо его душе необходима помощь: «Я зову тебя, мама». Зов поэтом матери можно понимать как зов истоков, основ, традиций, которыми должна напитаться новая синтетическая культура. Ибо там, в истоках можно найти сокровенное, нравственное и великое для ума, души и сердца, то, что когда-то потерял или просто утратил не только он сам, но и весь народ. Возвращение человека в отчий дом, к матери, к родительскому очагу, в Природу, которых уже давно нет, возвращение туда мысленное, душой и сердцем - всегда очень трудный и болезненный процесс. И человеку необходимо снова и снова возвращаться в дом отца, к Матери, к Природе, чтобы врачевать душу, возвращаться к истинным путям жизни и творчества, преодолевать проблемы

настоящего. Сегодняшнее возвращение в прошлое необходимо и для гармонизации внутреннего мира личности.

Тема двоеверия, неверия, полуверия, недоверия тесны связаны между собой. Поэт не терпит полуверия (или полуверы), расщепления веры. Ибо полувера тянет за собой такие негативные явления, как полущедрость, полуверность, полукрасоту. Полуверить - значит быть полущедрым, полуверным, жить в полукрасоте, - значит обманывать себя. Это и есть неверие, неверность, жадность, уродство, прикрываемые красивыми фразами. Любое расщепление веры, распыление веры есть акт потери веры, забвения пути, блуждания в сомнениях, отчуждения от своей, родной культурной традиции. Любой компромисс добра со злом есть одна из форм зла. Причём через этот компромисс зачастую зло входит в наши души, умы и сердца. Для поэта это неприемлемо, ибо правда его жизни и творчества в полной вере, в вере без остатка, в вере в щедрость и до конца, в любви, в красоту без меры. Если быть верным, то навсегда и полностью. А.С. Тарханов говорит о полноте веры, о её внутренней гармоничности, непротиворечивости. Он отвергает любое расчленение, расщепление веры. Полувера, недоверие, неверие есть формы расщепленного, атомизированного сознания личности. Как-то не укладывается эта полувера, полулюбовь, полущедрость в сознании поэта. Ибо они противоречат его нравственным принципам.

- Ты всё готов друзьям отдать, -
Жизнь говорит с любовью строгой. –
Должна и щедрость меру знать,
Быть осмотрительной в дороге.

Но если будут полущедрость
И полувера, ведь тогда
Жить будут рядом полуверность
И – страшно – полукрасота.
Дарить – так всё:
И смех, и деньги,
И ноша за спиной легка,
Дарю берез апрельских серьги
И утренние облака.

(«- Ты всё готов друзьям отдать…»)

В стихотворении «-Ты всё готов друзьям отдать…» говорит не только о полноте веры, но и вообще о гармоничности, о цельности, о системности личности. В таком человеке все положительные качества проявляются целостно, они взаимосвязаны и не взаимоисключают друг друга. Они исключают отрицательные качества. Ибо с ложью или злом, невежеством и глупостью приходит и полувера, и полукрасота, и полущедрость, и полуверность.

С верой, красотой, щедростью, верностью в уме, душе и сердце жить хорошо, легко, свободно. Человек светлый, правдивый, любящий, честный, добрый несет без труда за своей «спиной», несёт с удовольствием все эти ценности и раздаривает их людям. Этот человек излучает Свет жизни, Свет творчества. Он радуется жизни, его не покидает хорошее настроение, смех. Она дарит другим людям, окружающим его, хорошее настроение вместе с «апрельскими серьгами» берез и «утренними облаками». Ибо весной просыпается Природа, весной просыпаются у человека новые чувства. Весна несет обновление, свежесть, тепло, очищает умы, души и сердца от «грязи»прошлых времён. Поэт с «апрельскими серьгами» дарит эти новые, свежие, чистые ощущения новой жизни.

Вера человека тесно связана с его клятвами, обязательствами. Клятва – это «Торжественное уверение в чем-либо, обещание, подкрепленное упоминанием чего-либо священного для того, кто уверяет, обещает»[169]. Вспомним строчку их стихотворений любимого поэта А.С. Тарханова М.Ю. Лермонтова: «И клятву верности сдержали Мы в бородинский Бой». По мнению поэта, человеком даются клятвы раз и навсегда. Например, врач даёт клятву Гиппократа (сейчас, клятву врача), призывник на военной службы дает присягу, супруги дают клятву верности. Все эти клятвы опираются на духовные и нравственные основания. Таких клятв человек в своей жизни дает немного, но верит в их силу, соблюдает их. Эти клятвы дисциплинируют его волю, сознание, поведение в социуме, на работе, в семье, на службе в рядах Вооруженных Сил. А.С. Тарханов верит людям, дающим эти священные клятвы раз и навсегда, ибо они нравственны и жизненны: «Но клятва, которую Родине дал, / И знамя священное поцеловал…». Такие клятвы священны, их соблюдение дает ключ к соблюдению заветов, дарованных нам Богом. Нарушив однажды клятву верности, присягу Родине или клятву врача, человек встает на скользкую дорогу, ведущую в никуда, в бездну страстей и соблазнов, во зло.

Кто много клянётся,
не верьте тому,
Ведь клятва даётся однажды,
Когда ты решил уберечь тишину
И в этом поклялся отважно.
Клянутся в любви,
познакомясь едва,
Клянутся за пьянкою, кстати.
Легко забываются клятвы слова
При первой житейской утрате.
Клянутся на дружбу,

[169] Большой толковый словарь русского языка / Автор и руководитель проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: НОРИНТ, 2001. – С. 434.

на тайну,
на страх.
Клянутся детьми, матерями.
Но если бы клятвы те жили в сердцах,
А не оставались, как мёд, на устах,
Они бы не гасли с годами.
Но клятва,
которую Родине дал,
И знамя священное поцеловал, -
Она в твоём сердце навеки,
Как вечны и горы, и реки.

(Клятва)

Есть достаточна большая категория людей, которые раздают клятвы направо и налево, они клянутся и матерью, и сыном, и Родиной, клянутся на дружбу, на тайну, на страх… таких людей становится ещё больше, когда идет устойчивая деградация нравственной культуры нации, когда общество атомизируется, то есть распадается. Такие люди клянутся за пьянкой, как угодно и где угодно. Можно ли верить таким людям, поэт однозначно отвечает: «Нет!» Ибо эти клятвы забываются очень быстро, не соблюдаются, даются, так, для какой-то временной выгоды. Ибо эти клятвы не имеют духовных и нравственных оснований. Они несут только зло и ложь, невежество и несправедливость, порождают конфликты. Такие клятвы не подкрепляются убеждениями и силой христианской веры. Наоборот, такие многочисленные клятвы пусты, разрушают веру человека во всё, к чему прикасаются клянущиеся и сразу же нарушающие клятвы.

Дробление, умножение клятв, есть их обесценивание, превращение в простые слова, в ложь, в зло. Клятва должна подкрепляться верою и нравственностью, тогда она обретает силу духа. Нормы клятвы должны стать нормами жизни и творчества, тогда они будут оказывать существенное нравственное влияние на умонастроение людей, на их поведение в быту, в обществе, в культуре и в жизни. Вообще тема клятв и веры интересна сама по себе. Принять клятву, а затем нарушать её - значит не уважать себя и всех, кто участвует в этом процессе. Нарушать клятву - значит поступаться всеми нравственными принципами жизни и творчества. Это есть худшее зло. Клятва сцепляет отношения между людьми, делает их отношения более чистыми, понятными, нравственными. Никакой закон не удержит отношения людей от распада, деградации, от падения морали. Скрепами человеческих отношений являются любовь, единство, знание, правда, добро, справедливость. Клятвы, построенные на добре, правде, единстве, любви, чести и достоинстве, незыблимыми, они не нарушаются, они являются сильным мотивом к действию. Именно в таких людей, дающих именно такие клятвы и

верит А.С. Тарханов. Такие клятвы не могут выпасть из единого «поля» нравственной культуры личности.

2. «О, как вернуть восторженную веру…»

После длительного периода времени, когда нас заставляли поверить в «светлое будущее», но когда вдруг это «светлое будущее» развалилось у нас на глазах, а вместе с ним и вера в это «светлое будущее», человек вошел в состояние отсутствия веры. Но он понимал, что без веры выжить в этом суровом мире, на этом каменистом пути невозможно, и он мучительно начал искать пути обретения новой веры. Но где эта новая вера. Начался мучительный поиск своей веры, то есть веры, которая отвечает его миропониманию, соответствует его мировосприятию. Если впереди нет ответов на вопросы? Он начал обращаться к своему прошлому, там стал искать ответы на мучащие го вопросы. Но социум очень быстро менялся. На общественной сцене России происходила политическая чехарда. Одни политики уходили, другие приходили. И все они были из «того вчера», из «коммунистического прошлого». И «коммунистическое прошлое» породило такие одиозные фигуры, которые стали возвышать предателя «генерала Власова», умалять героизм русского народа во Второй Мировой войне, восхвалять меркантильный американский образ жизни, умалять достижения отечественной науки и искусства и пр. и пр. Разумеется, что вера в «светлое коммунистическое» будущее рассеялась, перестала освещать пути в будущее. Каждый человек стал пристально всматриваться в «новых вождей» из недавнего прошлого. Горбачёв, Ельцин, Бурубулис, Немцов, Явлинский… - нет им числа.

Можно ли им верить? Куда они поведут нас? Такой вопрос вставал у многих. В старых вождей уже веры нет. Более того, архивные данные, которые публикуются на страницах печати, говорят, что они были не безгрешны, более того, были жестокими, у них руки замараны по локоть в крови своих соперников, простых людей, которые просто хотели жить, рожать и воспитывать своих детей. Разуверовавшийся в «коммунистических вождях», человек перестал верить вообще в каких-либо вождей. Старые предали нас, Россию, народ, сломали судьбы миллионов людей. Новые устраивают перестройки, ваучеризации, модернизации, приватизации, и так быстро, что неискушенный в хитросплетениях политики простой человек, стал путаться в этих «… зациях», стал не успевать за темпом нововведений и стал скатываться в нищету. Он стал воочию видеть, что с собой несут эти преобразования. Пройдут годы, и народ увидит, что эти новые политики и лидеры такие же небезгрешные люди.

Кому же верить и во что верить? А.С. Тарханов однозначно отвечает: верить «Пеплу и крестам? / Душа страдает? / Ей и верьте,

люди». Верить нельзя ни «старым» ни «новым» вождям, ибо и те и другие несут в умы людей зло, ложь, невежество, несправедливость, порождают страх, неуверенность в будущем. Значит, надо верить своей страдающей душе, именно она приведет к той вере, которая нам по сердцу и по уму. Эта традиционная вера, вера в Христа, вера в традиционную культуру. Очень верно заметил: верьте страдающей душе. Ибо она болеет за судьбу культуры, России, народа, ибо она видит все узлы противоречий, ибо она укажет путь тот единственный и верный, куда идти. Христос за нас пострадал. Страдающая душа – это душа небезразличная, душа беспокойная, душа, которая обязательно обретет свою истинную веру.

Кому же верить?
Только не вождям.
Они нас предали везде и всюду.
Кому же верить?
Пеплу и крестам?
Душа страдает?
Ей и верьте, люди.

(«Кому же верить?..»)

Можно ли обрести истинную веру, не зная своего прошлого, истории своей культуры, своей Родины, своей биографии, генеологического дерева своей семьи. Нет, нельзя! И, разумеется, человек стал по крупицам собирать всё о себе, о своих близких: откуда они, кто его предки, чем они занимались. Душа – это компас по нашему прошлому, по нашей истории, нашей генеалогии и биографии, душа - компас в бушующем мире зла, невежества и лжи, душа – это компас в наше будущее. А прошлое нам нужно не для праздного любопытства, а для того, чтобы найти в этом прошлом тот единственный путь, по которому должны идти в будущее. Человеку, народу, обществу не надо бездумно повторять свое прошлое, ибо и оно не без противоречий, не без ошибок. В это прошлом также бушевали силы зла, лжи, несправедливости, множества, невежества. Но прошлое нам дало очень много хорошего, нравственного, духовного. Ум, душа и сердце должны взять из прошлого то, что приведет к миру в доме, успокоит душу, объединит народ, возродит былые ценности, укажет пути в будущее.

Тема поисков веры своей продолжена и в стихотворении «Казанский вокзал», «Как зелена сегодня луговина…», «Ты словно подмороженная птичка…» и других стихотворениях А.С. Тарханова. В поиске веры поэт проходит через цели жизни и творчества, через сомнения и разочарования, ошибки, через возвращение к традиционным источникам своей культуры, через конфликты с современностью.

Вопросы истинной веры постоянно будоражат сознание поэта. Эти вопросы возникают и там, казалось, где они не могут возникнуть. А.С. Тарханов, находясь в Москве, часто бывает на «Казанском вокзале», наблюдает за толчеей, за беготнёй пассажиров, за разноголосым гвалтом, за костюмами и одеждами разнонациональной толпы. Он чувствует, что через московский вокзал проходит вся Россия, здесь присутствует все: эмоции, любовь, отчаяние, страдания, муки, здесь видна неустроенность жизни, здесь ощущается и отсутствие веры людей. Вокзал – это пульс страны, её культуры. Все куда-то бегут, куда-то спешат, кто уезжает, кто приезжает. Вокзал свидетельствует о динамике бытия, о намерениях людей, об их стремлениях и отчаяниях. Кому-то на Тихий океан, а кому-то на Карпаты. Все что-то ищут, кого-то ищут? Что же они все ищут? Поэт думает, что все приезжающие и отъезжающие с вокзала люди ищут, кроме всего прочего (и это главное), веру и правду свою. Не ту веру и правду, которая нам навязывается по указанию сверху идеологами, пусть даже и социальной, справедливой, системы, а свою, живую, близкую душе, уму и сердцу веру. Самое справедливое, но навязанное, становится уже несправедливым и лживым. Ищут люди главное, именно то главное, для чего они живут, страдают, радуются, ради чего они преодолевают эти огромные расстояния, чтобы на миг увидеть близкого человека и вновь исчезнуть на года. Вокзал – это нерв страны. По его ритму и темпу можно понять состояние души людей, понять достижения и провалы страны, её культуры. Умному правителю, заботящемуся о своем народе, культуре и России, необходимо прислушиваться к ритмам, звукам, цветам, вкусам, идущим из нашего исторического прошлого Руси. Вокзалы задают динамику и являются показателем этой динамики общественного бытия.

Россию можно понять только через вокзал! Вокзал – это хитросплетение надежд, любви, отчаяний и страданий, радостей и переживаний. Здесь и веселый грузин, и печальный эвен, и цыганка, гадающая на картах. Здесь и ругань, и крики, и смех, и плач детей. Все умещается в этом маленьком пространстве. И это пространство вокзала вторгается в ум, душу и сердце поэта, заставляет шевелиться его мысли, страсти, переживания, мотивы и эмоции. На вокзалах ощущается синтез культур, синтез эмоций, страданий, радостей, встреч и расставаний.

Ой, Казанский вокзал! Ой, Казанский вокзал!
Ты надежд, и любви, и отчаянья вал.

Вот весёлый грузин.
Вот печальный эвен.
Рядом в карты гадает цыганка Кармен.
Плачут дети. И ругань, и смех, и галдёж.

Только через вокзалы Россию поймешь.

Все куда-то мы едем, спешим и спешим,
От Карпат к океану,
обратно – в Ишим.
И головушку склоним в безымянном краю.
Что мы ищем?
И правду, и веру свою.

(Казанский вокзал)

Люди ищут веру и правду свою. Но где бы они её не искали, со временем убеждаются, что вера и правда рядом. Она в нас, она живет вместе с нами. Ибо правда есть наша Истина. Ищут люди по-разному, в суете, делая ошибки, куда-то уезжая и обратно приезжая, но снова и снова ищут правду и веру свою. Итог этих поисков не всегда радужен. Ибо некоторые погибают, склоняют голову в «безымянном краю» за свою правду и веру. В этом стихотворении фиксируются самые неразрешаемые противоречия, ощущаются и мотивы конца, ощущается какая-то безысходность. Но видны и цели и перспективы новой жизни творчества. Самое важное наверное, в том, чтобы двигаться, проявлять активность в поисках веры и правды своей. Сами собой они не придут. Только ищущие веру и правду свою найдут её, обязательно найдут! Как в Священном Писании сказано: ищите и найдете.

Стихотворение «Казанский вокзал» насыщено динамикой, сюжетными линиями, характерами, здесь выступают национальные черты и раскрываются сюжеты его творчества. Но главное в этом стихотворении – это поиски правды и веры своей. Ищем, значит двигаемся, работаем, думаем, что-то делаем, значит живём. А раз так, то будет и результат – мы обязательно найдем Истину. Человеку нельзя самоуспокаиваться в поисках истины, нельзя останавливаться в творчестве, в познании, необходимо двигаться, искать, сомневаться, разрешать противоречия жизни и творчества.

Стихотворение же «Как зелена сегодня луговина!..» несколько другого плана, оно наполнено мечтами о вере и о любви. Мечтатель жжёт после себя мосты, прощается с «луговиной» навсегда, чтобы никогда не вернуться обратно. Ибо он навсегда уплывает на поиск «Бухты веры и любви». Он слышит неодолимый зов мечты. В стихотворении присутствует легкость прекрасной мечты, полет души и мыслей. «Ласковая волна» напоила кувшинки и она душой полна, как мечтатель, отправившийся на поиски веры и любви.

Как зелена сегодня луговина!
И парус бел,
и ласкова волна.
Она уже кувшинки напоила,

Она уже, как я,
душой вольна.
Я уплыву далёко, луговина,
На поиск Бухты веры и любви.
Ни в чём, как мать,
поверь, ты неповинна,
Меня зовут, зовут мечты мои.

Горят мосты за мною, луговина.
Крепчает ветер, мачту накреняя
Ты вспоминай, прошу, утрами сына,
Ты вспоминай печального меня.

(«Как зелена сегодня луговина…»)

Где же ты «Бухта веры и любви»? Почему в человеке нет веры и любви, которых он жаждет. И у человека формируется мотивация поиска, движения, а значит и жизни. Поэтому человек так легко отправляется на поиск веры и любви? Ибо нет человека без веры. Если он не верит чему-то и кому-то или во что-то, то он все-таки верит в другое. Может та вера, которая у него была, так сильно не обременяла его, не была так прочна, поэтому он устремляется навстречу своим мечтам, думая, что он там обретёт свою веру. А может та вера, которой он руководствовался в жизни и творчестве, не устраивает его? Что вполне возможно в период надвигающейся сдвижки эпох, перемен, времен. Когда социум приходит в движение, обязательно через некоторое время начнет сбрасывать с себя архаическое, наносное, искусственное, не связанное с источниками жизни и культуры. люди творческие начинают ощущать время начала перемен раньше, чем обычные люди. Поэты намного заглядывают вперед. Его тянет вперед, он жаждет плыть в мечту, ибо бытие сегодняшнее печалит его ум, душу и сердце.

Поэт отправляется на поиск веры и любви, просит луговину вспоминать его печального. Он бежит от действительных проблем сегодняшнего бытия, бежит в свои мечты. Печаль души – это печаль настоящего, которое его гнетёт, толкает вперед, на поиски Бухты веры и любви. Бухта есть место веры и любви. Бухта – это то тихое место, где поэт может обрести веру и любовь. Бухта – пространство, которое наполнит его ум, душу и сердце верой и любовью. Но возникает вопрос: все-таки почему он ищет веру вне себя, в новых местах, пространствах, а не внутри себя? Вопрос здесь остается открытым. Как я полагаю, действительность, которая поражает ум, душу и сердце цинизмом, куплей и продажей всего, обманом, соблазнами, господством самых развращённых страстей, он не находит места для себя в этом развращённом бытии.

На поиск какой веры поэт отправляется вместе с мечтой? Какой он хочет веры? В стихотворении «Ты словно подмороженная

птичка..» он говорит о вере восторженно! За этой легкостью следует трагедия переменчивости, мечтательности в вопросах веры. Не может быть легкой переменчивости в вопросах веры, ибо вера то главное, ради чего живет человек. Вера – то главное, к чему человек стремится, чтобы обрести опору, основу в жизни и в творчестве. На вере строятся фундаментальные понятия нравственности и духовности. На вере стоят жизнь, творчество, традиция, вся культура. Вера дает человеку силы и волю для достижения целей.

Что за «восторженная вера», которую хочет вернуть поэт. Не та ли вера, которая была связана с его детством, с природой, окружавшей его с детства, с отцом и матерью, с его сверстниками? Видимо, эта вера согревала его душу. О чем может гореть в душе тоска? Он хочет, словно «подмороженная птичка», по давней и спасительной привычке «нырнуть, как в шубу белую в сугроб». Он хочет спрятаться под снегом. От кого и от чего? Для него единственным спасением является сугроб, зимняя природа, в которой он хочет спрятаться от невзгод судьбы, от неприятностей жизни. Нырнуть в сугроб – значит спрятаться от проблем сегоднящнего существования. Он, значит, не хочет идти навстречу трудностям судьбы. Он хочет жить так, как установлено веками. Эта привычка становится его компасом в жизни, она была выработана ещё в детстве, при возникновении каких-либо трудностей прятаться в Природе, называется им «спасительной». В преставлении А.С. Тарханова «восторженная вера» - это вера в Природу, в её спасительную силу. Поэтому, став городским жителем, прожив долго в городе, он ищет восторженную веру именно в природе, вне городской суеты. Город давит, забирает силы, расчленяет сознание, дробит личность, несет в себе шум и какофонию. Поэтому он тоскует по природе, у него горит душа, он хочет вернуть восторженную веру, не возвращаясь обратно в Природу.

Поэт находится в двух мирах одновременно. Хочет быть в городе, который создан преимущественно русскими, быть в городе, который является фактором русской, христианской культуры, городе, который, расширяет свои пределы, наступает на природу, показывает свою силу, зачастую бездумно, хаотично. Но эта сила, как правило, не созидания и гармонии, а разрушения и дробления всего, включая культуру и сознание личности. Он тоскует по Природе, хочет вернуть «восторженную веру», связанную Природой его детства, с его мансийской культурой, чего сделать полностью невозможно, ибо он из Природы. И, в результате, он впадает во внутренние противоречия между желанием, хотением, бытием души, ума и сердца, - с одной стороны, и реальным, действительным бытием, своей жизнью, - с другой стороны. Он понимает, что старое, ушедшее из реальной жизни, из сегодняшних символов, знаков, образов и ритуалов уже невозможно. Возможно осознание прошлого своей культуры и новый

синтез прошлого и настоящего, существующего городской среде. Противоречие между прошлым и настоящим выражается в форме тоски от невозможности разрешения этого внутреннего противоречия. Это противоречие заметил и В, Огрызко: «…Тарханов и сегодня продолжает довольно-таки часто противоречить самому себе»[170]. Но основные противоречия В. Огрызко видит в творчестве А.С. Тарханова между прошлым и настоящим, но произведения поэта наполнены ещё и внутренними противоречиями. Эти противоречия, как полагаю и есть следствие синтеза мансийской и русской культур, синтеза языческой и христианской вер.

В душе поэта «всепожирающим» огнём разгорается тоска, от которой болит сердце, а ум в смятении. Тоска «выжигает» и ум, и душу, и сердце. Тоска давит на сознание, заставляет думать, как «вернуть восторженную веру», веру его детства, данную ему отцом и матерью, родным очагом, самой Природой.

Ты словно подмороженная птичка,
Которая сложила крылья
чтоб
По давней и спасительной привычке
Нырнуть, как в шубу белую,
в сугроб.

Ты испытала первую измену,
Ты на людей глядишь исподтишка.
О, как вернуть восторженную веру,
Когда в душе огнём горит тоска?!

Сегодня не найти тебе участья
Ни у друзей,
ни даже у небес.
И только мать…
в её волшебной власти
Согреть тебя,
поднять упавший крест.
Твоей судьбы:
и держи меня родная,
И помни: праздник жизни впереди…
И девушка идёт, как верба мая,
И тает лёд безверия в груди.

(«Ты словно подмороженная птичка…»)

Тема «возвращение веры» волнует поэта. Но как вернуть утраченное. И возможно ли её вообще вернуть? Сегодня нельзя ни на кого положиться: ни на друзей, ни даже на небеса. В таких случаях,

[170] Огрызко, В. Осколок мансийских дорог // Мансийская литература. Сборник. – М. : Литературная Россия, 2003. – С. 319.

когда человек теряет свою веру, он обязательно обращается к истокам, родниками своей души, хочет припасть к родникам родной культуры. Он возвращается в отчий дом, возвращается к матери: «И только мать…/ в её волшебной власти / Согреть тебя, / поднять упавший крест». Но матери уже давно нет на земле, «возвращение к матери» выступает символом возрождения веры. И проблема утраты навсегда своей веры обостряется в творчестве поэта. Осознание поэтом утраты веры детства, веры своих родителей, приводит к тоске, грусти, к страданиям, переживаниям и метаниям души. Он понимает, что уже не может вернуться к родному очагу. Видимо, он не тот избрал путь возвращения «восторженной веры», который вне любви есть путь в никуда. Поэт не теряет надежды, верит, что «праздник жизни впереди». Он встречает девушку, «вербу мая», приходит любовь и нежность чувств, возвращается ощущение свежести, легкости, радости и очарования. И в результате «тает лёд безверия в груди». Любовь возвращает веру. Вера, построенная на любви – это вера, дающая новую жизнь, новое творчество. Вера, опирающаяся на любовь, есть вера, разрешающая противоречия и сомнения, вера, устремленная в новую жизнь. Таким образом, только через любовь можно вернуть утраченное, вернуть восторг души, обрести глубокую уверенность в истинности пути, веру в Творца. Только через любовь можно обрести твёрдую уверенность в возможность возрождения веры. Любовь – это высшее нравственное и духовное состояние человека, которое подталкивает его на созидание, творчество, на самосовершенствование.

В стихотворении «Грядёт..» поэт высвечивает свою мировоззренческую позицию в отношений влияния всякого рода идей и ценностей Запада на русскую, российскую душу. Вне всяких сомнений, что влияние Запада на Россию, в последние сто – двести лет было огромным, оно никогда не пресекалось, не прекращается и сейчас. Но к чему приводило это влияние? К потере своей культуры, своих традиций, размыванию нравственности и православной духовности и, в конце концов, привело к смуте умов, душ и сердец семнадцатого года. Традиционная культура, построенная на православной и языческой культуре, для поэта рухнула. Что же пришло взамен?

Новая, насаждаемая сегодня мечтателями из Кремля, культура не ограничилась только Москвой или Санкт-Петербургом, она пошла гулять и по глубинке, пришла и в «кедровый край». Это культура разобщила людей, атомизировала человеческие отношения, построила их на произволе власти и денег. А где деньги, там и ложь, зло, коррупция, преступность. Люди замкнулись другу в друге, перестали кому-либо верить, потянулись к «золотому тельцу», забыли про свои традиции и нравственность. На сцену жизни, как из «ящика Пандоры», выползла всякая шваль, города и веси заполнили

проститутки, спекулянты, более того, убийцы, растлители малолетних, гомосексуалисты, педофилы, наркоманы, алкоголики. Государство оказалось не в состоянии справиться с этим валом безнравственности, вседозволенности, чужебесия. Но Запад аплодирует России: давай, еще чуть-чуть, лелея скрытые мечты о полном развале России, расчленении её на части, захвате её ресурсов и земель. Во многих стихотворениях А.С. Тарханов высказывает свое негативное отношение к вестернизации.

Запад и сейчас оказывает самое негативное влияние на российскую душу, выворачивает её нутро, делает пустой, безвольной, довольной стаканом алкоголя и куском хлеба, удовольствиями и страстями. Дух православия и язычества стал уходить из мансийской культуры. Разве мы этого хотели от перестройки и модернизации российской культуры, которая ещё не закончилась, которая ещё продолжается.

У поэта на глазах разваливались вековые устои, в деревни пришла пустота, безысходность. Национальная культура под прессом времени оказалась неспособна выдержать этот «девятый» вал множественности, атомизации, глобализации и стандартизации, навязываемых Западом (иными словами, «валом вестернизации»). Безверие к нам пришло также с Запада. Вера в людей разрыхлилась настолько, что они перестали даже доверять другу другу, страна покрылась решетками и мощными засовами.

Когда в кедровый край раскаты
Пришли зловещи и красны,
Мы поняли,
что люди – братья
По воле злой разобщены.

Та воля нас безверьем мучит,
Та воля с Запада пришла
Чтоб не смогла взлететь до тучи
Моя российская душа.

(«Грядёт…»)

Разумеется, все эти негативные тенденции в социальной и духовной сфере отзываются болью, метаниями и страданиями в русской и российской душе. Российская душа поэта желает благополучия народу, процветания стране, собственного пути развития, хочет обрести былую силу, волю к сопротивлению насаждения всякого рода беспочвенных идей, безнравственных законов и норм на российской почве, хочет обрести покой в тихой гавани любви. Хочет, чтобы все люди были братьями и сестрами. Российскоая душа желает возвращения Духа Святого на российскую

землю. Мансийская душа поэта жаждет нового синтеза православия и язычества в своей мансийской культуре.

Поэт говорит о своей душе, как о душе российской. Ибо российская душа вмещает его мансийскую душу, его языческую и христианскую веру и культуру. Он связывает свою судьбу с Россией, с русским народом, с русской культурой. Мансийская и русская культуры всегда, на протяжении многих веков мирно сосуществовали и гармонично развивались. Динамика мансийской культуры тесно связана с динамикой русской культуры. Хотя, если заглянуть глубже, в гиперборейское, аркаимское прошлое, то мы увидим, что русско-мансийские связи еще глубже и богаче.

Российская душа желает возвращения истинной веры, возвращения в наши души Христа. Он верит в силу Бога. Но его порой берёт отчаяние, а способен ли Христос спасти бездушных? Их так много расплодилось в современной России. Бездуховность ведёт к потере у людей интереса к культуре, традициям, к своим обрядам, ритуалам и символам. Он внимательно вглядывается в Иисуса Христа, и что он видит: «Печален он. Глаза в подтёках слез…». Христос страдает и скорбит за нас, непутёвых чад его, за то, что мы запутались в своих проблемах и путях жизни и творчества, за то, что мы даже не пытаемся их распутать, разрешать. Он скорбит о том, что наш социум во лжи, зле, множественности, невежестве, несправедливости, что наша жизнь без Бога пуста, кривобока, какофонична и дисгармонична, несистемна. Он видит, как на бывшем поле так называемой «советской культуры» выросли богатые всходы вражды народов и племён, где секты множатся, как грибы после дождя, когда русских вытесняют из Средней Азии и Кавказа, когда русским запрещают доступ к свое родной культуре, когда малочисленные народы Севера ущемлены по социальным признакам, когда не прекращаются теракты, когда бездушие захватило массы людей, когда миллионы российских женщин убивают своих детей в утробе, прекращают жизнь (это право им никто не давал), когда не могут принять адекватные законы по борьбе с наркоманией и педофилией. Мир поражён грехами, соблазнами и страстями, которые бездуховными и безнравственными людьми уже не осознаются и не ощущаются как грех. Значит, телесная культура будет доминировать в жизни и культуре народов России и дальше. Поэтому у Христа «глаза в подтеках слез»! Он плачет о нас, бездушных, безнравственных, телесно развращённых, страстных, греховных людях. И поэт начинает сомневаться в том, спасет ли он нас грешных, бездушных и развращенных соблазнами мира сего. Но это сомнение есть акт творчества, акт нового шага к Духу Святому, акт перестройки своего духовного мира.

Дай мне руку.

Сначала посмотри
На странный лик над пламенем зари.
Печален он.
Глаза в подтёках слез
Неужто это … Иисус Христос?
Скорбит он каждой клеточкой души:
Земля опутана туманом лжи.
Растёт вражда народов и племён.
Спасёт бездушных разве в силах он?

(Пасха)

В стихотворении «Пасха» заметны апокалипсические нотки неизбежности какой-то надвигающейся беды, символы начала конца, безысходности от нашего падения в бездну безнравственности и бездуховности. Или нам необходимо остановиться на путях страсти, соблазнов, греха, подумать, что мы делаем, или нас ждет нравственное вырождение, гибель, забвение. Выбор за народом, каждым человеком. Творец не может навязывать путь, Он лишь его показывает, освящает, а выбирать его нам, людям.

Гаснет вера, кругом вражда, гаснет нравственный свет. Отчаяние в душе, невыразимая грусть и тоска от неизбежности, от надвигающейся катастрофы. Мы уже вошли в полосу господства тьмы, в которой не видно ни дорог, ни путей к свету, мы вошли в полосу вырождения. Глаза накрыла пелена мрака. Земля во всё больших масштабах охвачена пожарами, землятресениями, наводнениями. Не наказание ли это человечества за его грехи?

Кругом вражда.
И гаснет вера,
И гаснет нравственности свет.
Мои уставшие деревья
В туманы кутает рассвет.

Вера в силу Бога означает и веру в силу и дар любви. Но человек не должен сдаваться. Если остались какие-то признаки любви, то надо опираться на эту любовь, славить час рассвета, причуды облаков. Необходимо отряхнуть с себя грязь тьмы, очиститься, войти в Храм Божий, положить на себя святое крещение. Нам необходимо возвратиться к Богу. Тот, кто верит в Бога, тот обязательно преодолеет невзгоды, преодолеет массовую вражду, ложь многопутных врунов. Ибо вера в Бога есть вера в очистительный свет, в живую воду, в чистый воздух любви, добра и справедливости. Вера в Бога есть вера в дар Любви все очищающей. На стороне таких людей сама природа. И в сердца таких людей обязательно вернется вера, так как в этом зыбком мире все равно расцветает верба.

Я, взгрустнувший от наветов
Многоопытных врунов.
Снова славлю час рассвета
И причуды облаков.

Рядом в зыбком мире верба
Расцвела, к себе маня
И вселилась в сердце вера
В правду завтрашнего дня.

Кто-то верит в силу Бога,
Кто-то верит в дар любви.
Но вражды на свете много,
Так что пойте снегири.

(«Вы и вправду потерялись…»)

С оживлением природы весной, с разбуханием почек, с распусканием и расцветом вербы в человеческие души приходит вера в «правду завтрашнего дня», то есть вера в наше очищенное будущее. Душа освобождается от страстей, соблазнов, борется с грехами, наполняется новым смыслом и содержанием жизни и творчества. Эта вера в будущее, в лучшее грядущее. Если нельзя верить в настоящее, то просто необходимо верить в будущее, что это будущее принесет нам правду. Но всякая ли правда светла, добра, мудра? Например, сейчас открываются многие исторические архивы, мы узнаем истину о события многих лет советского периода, о действительных деяниях персон и вершителей российских судеб. Но эта правда болью отзывается в наших умах, душах и сердцах. Эта правда нужна нам для того, чтобы политическая культура новой политического элиты и народа не пошла по пути большевизма и советизма. И эта правда очищает наши умы, души и сердца от грязи, зла, лжи, несправедливости. Это очистительная правда, и она нужна русскому и другим народам России. Нам нужна не правда вообще, то есть безликая правда, а правда жизни и творчества, правда очищающая наши умы, сердца и души.

Не такая правда, в которую верит поэт, нам необходима будет завтра. В будущем, очень надеюсь, будет востребована правда единства, любви, добра, мудрости и знания, мира и справедливости, чести и достоинства. Вот какая правда завтрашнего дня должна вселиться в наши сердца, умы и души. А такая правда может прийти только с очищением от грехов человека, народа, всех народов России. Ибо нет в России, как и во всём Мире, безгрешних людей и народов. Каждый народ выделил из себя негодяев, подонков, которые расстреляли царскую семью, топили в болтах ГУЛАГа миллионы священников, инженеров, крестьян, ученых; одни социальные и национальные группы меньше, другие - больше. Поэтому А.С.

Тарханов в одном из своих стихотворений как-то сказал, что никогда он безгрешним не будет. Россия, народы России должны вернуться к исторической или новобретенной вере в Христа, очиститься от грехов прошлого, духовно обновиться и воссиять новым Светом. И с верой в Бога вернётся к нам любовь, единство, мир, справедливость, высшее знание и мудрость, гармония, честь и достоинство.

3. Двоеверие, или единая вера в Природу и Бога

Двоеверие характерно для многих культур. Особенно для тех, которые постепенно стали порывать со своей традицией, вольно или невольно начали впитывать в себя какие-то элементы, а может быть и пласты новой культуры. Двоеверие особенно характерно для национальных культур малочисленных народов Севера, к которым причисляет себя и поэт А.С. Тарханов. Поэт часто обращается к своему прошлому, к детству, для того, чтобы ответить на многие злободневные вопросы сегодняшней жизни и будущего. Особенно тогда, когда возникает ощущение разочарования жизнью, когда личность входят в кризис творческого пути. Он перестаёт во что-либо верить: «…теперь ни во что так не верю» - говорит от досады и от крушения надежд поэт. Но, анализируя его ранние стихи, невольно наталкиваешься на вопрос: была ли вообще сформирована эта синтетическая вера в раннем детстве? Может быть, эта вера вторглась в его сознание в более зрелые годы и не дает покоя до сих пор?

Двоеверие малочисленных народов Севера – это не единичные факты, которые мы черпаем из биографии художника слова, это массовое явление, характерное, в частности, и для народов ханты и манси. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, исторические факты, воспоминания. Двоеверие проникло даже в шаманскую среду. Это свидетельствует о том, как глубоко укоренено это двоеверие в мансийской культуре. Так, шаманка Салерта (оказывается были и женщины – шаманы), которая жила в устье Худосея, вспоминала, чему её учил отец-шаман: «Отец много умел, многому учил. Он показывал, какие травы надо знать, как заговаривать разные болезни, учил петь, играть и плясать. Он учил «летать» к духам во «внешний» мир, разговорам с духами. Когда «разговариваешь» с духами и шаманишь, надо поминать Нуми-Торума, **Христа и Николу-Чудотворца.** Они делают шамана сильным. Отец учил меня выбирать себе «своих духов». Он знал духов своего деда Таучия и Паравы. Теперь я знаю своего духа – это дух моего отца Выруя. Когда надо, я обращаюсь и к другим духам. Это можно. Но отец звал на помощь только тех духов, которые

делают добро. Злых духов он не любил»[171]. Тема двоеверия нашла отражение и в художественном осмыслении веры народов Севера. Так, тема сочетания двух вер в сознании народов Севера находит место и в творчестве известной русской писательницы М.К. Анисимковой. Так, в романе «Ваули» князь Тайшин сначала молится в Церкви, потом идёт в языческое святилище. Такие эпизоды мы находим во многих произведениях литературы народов Севера. Но когда мы анализируем стихи и размышления А.С. Тарханова, то невольно приходим к выводу: а двоеверие ли это вообще? Может быть, это уже не двоеверие, а единая синтетическая вера, вобравшая в себя элементы язычества и христианства.

Сердце поэта плачет от того, что рассосалась та далёкая вера детства, что он сейчас уже ни в кого, ни во что не верит. Мир детства ведет его в родные края, в деревню, к матери и отцу, в лес, в святые мансийские места, где его детская синтетическая вера формировалась и крепла. Эта вера дарила ему живую связь с природой, связь с каждым деревом, каждым кустом, каждым ручейком и оврагом, но и тянула его к иконе к Христу. Ему хочет пролететь сердцем над миром безбрежным, над миром природы, над его родными местами. Но теперь эта вера кажется далекой, утраченной, поблекшей. От этого ему тоскливо, грустно: его посещает ностальгия по родному, утраченному, но очень дорогому миру детства. Но мысли об этой вере детства не покидают его. Его тянет в прошлое, безвозвратно утраченное. Но пытается ли поэт вернуть или реанимировать это прошлое? Многие стихи говорят, думы и мысли поэта устремлены в другое, христианское, небесное будущее.

Поэт с чувством сожаления и досады признает, что он грешен, что он много в этой жизни грешил, что он продолжает грешить и сейчас. В его душу проникает тоска от того, что он уже никогда не будет безгрешним. Грешность своей жизни он связывает с потерей своих корней, с потерей связи с родным домом, с отчим краем, с традициями и обрядами. И от этой тоски он уже уйти не может, даже и не пытается. От этой бесконечной тоски он восклицает: «Так качайте, качели меня, / В синеву уносите тугую». Качайте, значит, расшатывайте мою грешную и печальную жизнь. Раскачивайте для того, чтобы я нашел силы приблизиться к Христу, хотя бы в Пасхальный день.

Искушенной звездой пролети,
Мое сердце,
над миром безбрежным.
Все равно не уйти от тоски,
Всё равно я не буду безгрешним.

---

[171] Тимофеев, Г. Н. Тайны сибирских шаманов / Г. Н. Тимофеев. – Сургут : Библиотечка журнала «Югра», 1996. – С. 43.

Так качайте, качели, меня,
В синеву уносите тугую.
Я на склоне Пасхального дня
Голубого Христа поцелую –

Поцелую я детство своё
И такую далёкую веру.
И заплачу уже оттого,
Что теперь ни в кого так не верю.

(Пасхальный день)

В целовании Христа есть глубокий духовный смысл. Так, пророк говорит: «**изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя» (Ис. 44:22).** Целование Христа – это символ прикосновения к духовной православной культуре, к духовной традиции, желания идти по этому пути, истоки которого он находит в своей семье, в своё доме.

Раскачав душу и возбудив сердце, он в конце Пасхального дня хочет не только вернуться своим сердцем, душой и мыслями в своё детство, но и поцеловать своё детство, прикоснуться к духовности. В этот Пасхальный день он хочет поцеловать и Христа, за то, что в нём видит свою новую веру. Эта новая православная вера и его традиционная, языческая вера, вера предков, гармонично уживаются друг с другом в новом синтезе. А.С. Тарханов как-то вспоминал: «Язычество дарило нам живую, одухотворённую связь с тайгой, с каждым деревом. Христианская вера возвышала, звала в небо, звала к братству людей»[172]. Поэт в своей синтетической вере ощущает связь в себе Природы и Духа. В этом проявляется его двоеверие с самого детства до сегодняшнего дня. Еще бабушка – мансийка Матра (Матрёна) Александровна, – вспоминает поэт, - в праздник Пасхи садила маленького внучка на лавку у окна и говорила: «Смотри, внучёк, сейчас солнышко будет играть. Пасха сегодня». Бабушка далее говорила: «Сегодня все люди - братья». И, действительно, в деревне все братались, в праздник не было драк, ссор, люди мирились, братались. Если языческая вера разобщала людей, то православная вера их мирила, и люди братались. Светлее и радостнее становится на душе, сознание наполняется светом любви, мира, добра, правды.

Это двоеверие не есть что-то противоречивое, борющееся внутри поэта. Ещё с детства две веры слились в одно органическое целое, заняли свое место в этом целом, что-то оставив, а что-то низвергнув из целого. Двоеверие с детства стало органической частью мировосприятия зрелого человека, вера православная уживается в его уме, душе и сердце с верой в силу природы, мироздания. Двоеверие

[172] Тарханов, А. С. Пасхальный день / А. С. Тарханов. – М. : Мария, 1993. – С. 8.

заложено в стихах и проходит всей нитью через творчество поэта. Он как-то писал, что в его душе две веры органично связаны друг с другом.

Христианин я
и язычник.
Меня крестили в Иртыше.
И по судьбе своеобычной –
Две веры у меня в душе.

Православие и язычество в его сознании и душе не спорят друг с другом, они мирно соседствуют, уживаются, несут свои специфические функции. И этот синтез одной и другой веры, который предан ему предками, сформировался столетия назад. И об этом говорит А.С. Тарханов. Но осознание этого синтеза вообще, ощущение его болевых точек, началось именно в годы, когда социальные проблемы обрушились на человека со всех сторон, когда политическая система стала быстро меняться, когда стихийные силы человеческой натуры вырвались наружу, когда в культуре начались перемены, обновленческие процессы. Именно в с разрушением советского строя, советских принципов жизни, советских установок, норм, мотивов, нравственных ориентиров, традиций и обрядов привели к возрождению нового интереса к традиционным культурам, к своей социальной биографии. А, следовательно, и к мансийской традиционной культуре.

Человеку трудно в современном обществе сохранить веру предков, веру в Природу, в родную Землю, веру как в Торума, так в и Христа. В этом мире очень много соблазнов, удовольствий и комфорта. Культура меняется под воздействием технического прогресса, который отрывает людей от традиционных мест проживания, гонит их по свету, делает кочевниками жизни и творчества. Слабые культуры погибают, сильные набирают динамику и быстро «несутся» вперёд. Попытки реанимировать старые, ушедшие пласты культуры оказываются неудачными. И этот процесс формирования нового необратим. Те культуры, которые как-то приспосабливаются к ходу нового времени, выживают, набирают динамику и быстро развиваются. Но сам ход и процесс этого развития накладывает отпечаток на душу, ум и сердце человека, особенно того, который не хочет отпускать из себя прошлое, не хочет идентифицировать себя с безнравственным настоящим, но ничего не могущий изменить в развитии социума. В результате его посещает одиночество, разочарование жизнью и творчеством, его вера подвергается эрозии или вообще болезненной утрате отдельных элементов. Как я полагаю, поэт формирует философию нового синтеза русской культуры и культуры наров Севера, синтеза Природы Севера и Православного Духа. Именно этому синтезу не чужды и тенденции

технического прогресса, и экологическая культура, и православная духовность, и обращение к языческому прошлому. Он пытается преодолеть дисгармонию бытия. Но в мансийской и хантыйской культурах имеются тенденции полной реставрации прошлых традиций, обрядов, верования. Но эта реставрация не выходит дальше круга национальной интеллигенции. На это тратятся большие деньги, принимаются национальные законы, но молодежь хочет жить современными понятиями. Поэтому полная реставрация национальных традиций просто бессмысленна. И это поэт понимает, это понимание нашло отражение в его стихах.

Тема двоеверия прослеживается и в стихотворении «Уходит в ночь вечерняя заря…». Он мечется между традициями земли и неба. И на этой земле он печален, грехи земные его угнетают, он хочет вырваться в небо из земного «плена». Поэт говорит, что он душою от небес, то есть от Бога и именно этой верой он в жизни греется. Но сердцем он в своём кедровом лесу. В том лесу, который был ему знаком с детства. Он пишет, что с детства во власти синевы облаков, перекатов грома, что пытался понять голос трав, разговор «лиственниц языческих у дома». Но сегодня он отчуждает от себя свой клочок земли, ибо ему хочется лететь, ему надо быть в небе. Но голос «вспаханной земли» не пускает его в небо: «А там найдешь мою горбушку хлеба?» Он не знает, найдет ли там «горбушку хлеба». Да и земля его отпускает его. В стихотворении «Уходит в ночь вечерняя заря…» ощущается разлом между желаниями сердца, сомнениями ума и устремлениями души. Они тянут его внутренний мир в разные стороны, но живут в едином. И старая вера связана с языческой культурой, с сердцем, мотивируется сердцем. Новая вера связана с душой, исходит из души, питается соками Духа Святого. Это вера света, любви, правды, истины, справедливости. Душа просит сердце: «Отпусти!» Но может ли сердце отпустить душу в синеву небес? Если отпустит, то сердце перестанет биться. Они глубоко и неразрывно связаны между собой. Они живут вместе, их разрыв ведет в разрушению тела, в котором они едины. Сердце от язычества, от Природы; душа – от Православного Духа.

Уходит в ночь вечерняя заря.
Ко мне спешат от горизонта тени.
Зачем пришёл на праздник жизни я
Печальным, словно этот день осенний?

Я с детства был во власти синевы,
И облаков, и перекатов грома.
Понять старался разговор травы
И лиственниц языческих у дома.

И понял: я душою от небес
И этой верой, друг мой, в жизни грейся.

А как же мой кедровый синий лес,
Услышит ли тогда позывы сердца?

Порой кляну я свой клочок земли
Пусти, сегодня надо быть мне в небе?
И слышу голос вспаханной земли:
- А там найдешь мою горбушку хлеба?

- Не знаю. Отпусти.
- Ну что ж, лети.
Мать по судьбе – от боли, от разлуки –
И на прощанье я припал к груди:
Благослови на подвиг и на муки!

(«Уходит в ночь вечерняя заря…»)

Поэт проводит мысль, что он душою от небес. Он хочет легкости, божественного света, полета души, прикосновения к Христу, ибо от всего земного он устал, все земное тяготит его душу и вызывает ощущение боли. Здесь чувствуется противоречие между душевным и сердечным, между небесным и земным, между божественным и природным. И полем битвы является сознание, душа, ум и сердце человека. Одна вера тянет его в небеса, к Богу, друга вера тянет его в земную природу, в лес, тайгу, в родные места. Это противоречивость нашла отражение во многочисленных стихах А.С. Тарханова.

Корни синтеза языческой и православной веры в личной культуре Тарханова А.С. необходимо искать в его биографии. Он родился в небольшой мансийской деревеньке Аманья, что была в нынешнем Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Сейчас этой деревни на географической карте округа уже нет. Слово Аманья в переводе с мансийского на русский язык означает «маленькая речка». Мать – Клавдия Гавриловна Носова (в девичестве) – руководила колхозом «20 лет Октября». Отец матери по национальности – русский; мать – манси. Поэтому, как полагаю, он впитал в себя русский пласт культуры через своего деда. Поэт вспоминал о детстве: «Да, нам, детишкам, до всего было дело. Окрестности мы знали как пять своих пальцев. В принципе, мы и не разделяли свою деревушку от ближайших лесов и речных излучин. Везде проходили наши детские тропинки. Хотя некоторые рощицы были для нас закрытыми, но мы и туда тайком поспевали, иногда находили там человеческие черепа и останки наконечников и стрел. Видели мы на кадбищенских сторонах и ночные голубые свечения. Это тревожило наше воображение. Сама история смотрела глазами священных рощиц»[173]. Культуру своих предков и мир природы с

[173] Ар-Серги, В. Андрей Тарханов – поэт земли Югорской (эскизы к портрету) / А. С. Тарханов. - Курган : Зауралье, 2006. – С 25.

детства впитал в себя поэт, что находит свое отражение в его многочисленных произведениях.

4. «Стану верой»

А.С. Тарханова интересует вера как в временном срезе, так и проблемы веры прошлого, настоящего и будущего. И раскрывается эта тема в трагическом, как правило, аспекте. Показано, что следует за беспамятством, чужебесием, погоней за призрачным счастьем. Позабываются папы, мамы, ветераны, дети, вера и правда падают к ногам, а люди, разочаровавшися в жизни, кончают с ней счеты. Это не по-христиански, не по-православному уходить добровольно из жизни. Но потеря веры в добро, справедливость, в любовь, в счастье, в правду толкает людей на самый отчаянный шаг, который осуждается Церковью, осуждается родными и близкими. Церковь учит терпению, тому, чтобы человек даже в самых неблагоприятных условиях жизни надеялся, что ещё все наладится. Не только надеялся, но и проявлял волю и прилагал силы для разрешения сложных проблем жизни и творчества. В строчке «Вера в правду, наша вера/ Время бросило к ногам» заложен глубокий смысл того, что необходимо переосмыслить, а что же произошло, почему была свергнута вера, почему народы разуверились в своей вере, заболели чужебесием. По родной вере прошли «толпы» страстных, горделивых, невежественных, непримиримых и воинственных людей. Вместо веры в Правду они воздвигли на постамент веру в ложь, то есть веру в множественность, веру в деньги, в телесную культуру, во власть, в информацию. Все они лгут, воюют, конфликтуют, борются, творят зло, прелюбодействуют, но считают, что делают благое дело. Правду необходимо поднять с земли и очистить её от грязи прошлых наслоений.

Позабыты папы, мамы,
Позабыты сыновья,
Позабыты ветераны,
Спят раскаянья тая.

Веру в правду, нашу веру
Время бросило к ногам.
Толя, Толька, друг мой верный,
Ты ушёл из жизни сам.

(Забытое кладбище)

Потеря веры в Правду, в добро, в справедливость, в истинную веру ведет к трагическому концу? Именно беспамятство в отношении своих близких, забвение своих близких, забвение своей истории.

Человек теряет веру, правду жизни, запутывается в своих проблемах, никто ему не в силах помочь. Жизнь теряет смысл. И человек, потерявший память, запутавшийся в своих проблемах, теряет разум, не может раскаяться. Рядом не оказывается ни друга, ни опытного наставника, ни духовного лица, которые могли бы ему помочь в эту трудную минуту его жизни. Здесь показаны причины и путь в никуда, в безвестность, в бездну.

В стихотворении «Забытое кладбище» А.С. Тарханов с сожалением говорит не просто об добровольном уходе из жизни своего верного друга Тольки. Говоря, что друг не выдержал груза безверия, лжи, несправедливости, он тем самым вскрывает трагедию целого поколения, не принявшего новые ценности. Он пишет не для того, чтобы акцентировать внимание читающей аудитории на трагедии конкретного человека, а для того, чтобы каждый человек поступал по-христиански, боролся за жизнь до самого конца, не проявлял меланхолии в самые трагические минутки, крепил волю, накапливал силы для борьбы за свое будущее. Человеку необходимо обратиться к своей родной вере, вернуть свою историческую Правду, связывающую его со своим народом, со своей культурой.

Тема вечности, вневременности раскрывается в стихотворении «Зажигает звезды в небе вечер…». Здесь Вечность персонифицируется автором. От холодного и безмолвного взгляда этой Вечности поэт ощущает страх. Вечность – это бездна пространства и времени, бездна тьмы и холода. А человеку хочется тепла, уюта, света, любви. Этот страх основан на том, что в этой вечности исчезает конкретная персональная жизнь, где полностью отсутствует персонификация. Существует только одна «личность» – это ВЕЧНОСТЬ. Открыв глаза, Вечность видит суету временности, бытия человека, его конкретность. Видит суету человека, его пакости и свершения.

Думаю, счастлив человек, который узрел этот взгляд Вечности. Хотя он и в страхе, но он знает, что там, в Вечности, где его, человека, завтра. Осознание диалектики вечности и временности дает человеку ключ для борьбы с внутренними страхами, позволяет человеку холодно посмотреть в глаза этой Вечности. В вечности нет ни добра, ни зла, ни правды, ни лжи, ни мира, ни войны. В Вечности ничто не возрождается, ничто не умирает. Нужна ли человеку эта Вечность, когда его жизнь конечна и так коротка. Человек не может жить по законам вечности. Он может жить только по законам нравственности, созданным Богом и им же самим. Это законы любви, добра, правды, справедливости, мудрости, знания, чести, единства. Ибо они делают жизнь и творчество человека осмысленными, цельными, плодотворными.

Зажигает звезды в небе вечер,

В небеса с надеждою гляжу.
И глаза свои открыла Вечность,
Я от взгляда этого дрожу.

Пахнущее грозами дыханье
Я на сердце чувствую своём.
И добра и зла распались грани,
И она, и я – перед судом.

Я кляну её за лицемерье
Громких обещаний и речей.
Уверяет Вечность: «Стану верой,
Неизменной совестью людей».

Я поверил этому признанью,
Прошлые сомнения круша.
Но добра и зла восстали грани,
И она насмешливо ушла.

На заре услышал голос Бога:
«Милостей от Вечности не жди.
В жизни у тебя своя дорога,
Значит, вознесенье – впереди».

В стихотворении «Зажигают звезды в небе вечер…» А.С. Тарханов рассуждает о вечных вопросах веры, проблемах вечности, Бога и пути человека. Его ум, душа и сердце ощущают и осознают распад зла и добра в этой Вечности вместе со смертью человека. Он понимает, что человек временен и всегда будет стоять перед судом Вечности. Он начинает упрекать Вечность за её лицемерие. Но Вечность всегда права, ибо там нет противопоставления добра и зла, нет противостояния правды и лжи, они там преодолены в высшем Синтезе Духа. Только в сознании, душе и сердце человека идёт борьба единства с множественностью, любви с ненавистью, знания с невежеством, добра со злом, правды с ложью, свободы с рабством и покорностью, веры с безверием.

Обвиняя Вечность в лицемерии, человек сам становится лицемером. Ибо он живет временно и по законам добра и зла, правды и лжи, справедливости и несправедливости, любви и ненависти. Он сам эти законы создает в форме обрядов, ритуалов, регламентов, сам их соблюдает. Вечность же в ответ говорит: «Стану верой, / Неизменной совесть людей». Вечность принимается личностью, становится верой и совестью людей, становится нравственной категорией. Здесь поэт пытается сформулировать противоречие между Вечностью и Богом. Но его нет. Ибо Вечность – атрибут ЕДИНОГО, а Бог вышел из этого ЕДИНОГО. Бог предостерегает человека от того, что не надо ждать милостей от вечности, что человек в вечности обезличивается, обесчеловечивается, распыляется, превращается в

ничто. Человек, по мнению Творца, должен возвыситься над вечностью хотя бы на миг, чтобы пройти свой путь, не обезличиваясь и не обесчеловечиваясь. Рано или поздно он все равно уёдет в вечность, вернее, вечность его заберет к себе.

Человек поверил в эту Вечность, ибо он человек земной, где царствуют законы зла и добра. И эти законы зла и добра восстают против Вечности. В размышления человека вмешивается Бог, который предостерегает от уверений Вечности: «В жизни у тебя своя дорога, /Значит, вознесенье впереди». Бог напоминает, что человеку уготована иная судьбы: жить не в вечности, а на Земле, среди добра и зла, правды и лжи, любви и ненависти, знания и невежества, единства и множественности. Это и есть его путь, путь между камней и терний, кривых и извилистых дорог. И человек должен выбрать для него единственно правильный путь добра, любви, правды, единства, знания и мудрости. Это и есть для человека нравственный и духовный путь любви, правды, мира, знания, мудрости, справедливости, единства, гармонии, чести, достоинства. В вечности этих законов нет. Поэтому человек должен на этом пути реализовать себя в духовно-творческой деятельности, то есть просвятиться и принять в свои ум, душу и сердце таинства крещения, покаяния, причащения, очищения от грехов. Человек постоянно должен молиться, поститься, каяться в грехах, отчищаться от грязи скверны, он постоянно должен освобождать свою душу, ум и сердце от грехов прошлой жизни и прошлого якобы «творчества» (о чём думает горделивый и соблазненный ум). И тогда он действительно подготовится к вечной жизни после смерти.

Вся его земная Жизнь есть подготовка к вечной жизни. Надо верить Богу, ибо Творец знает диалектику временного и вечного, знает место человека в этой вечности и временности. Милостей от вечности ждать не надо, ибо человеческий путь на бренной Земле конечен и временен. Человеку необходимо самому включаться в духовно-нравственное творчество и готовиться к вечной жизни посредством включения в нравственные и духовные процессы ума, души и сердца. Не надо верить соблазнам Вечности, ибо это другое измерение, там для человека тьма. Надо готовить себя для вечной жизни, приобщаться к высокому Божественному, обожиться, принять в себя Бога, очистится от греховной сущности своей и жить всю свою жизнь с Богом внутри, по законам, предначертанным Им. Человек - Богоносец – это человек, несущий Бога в себе. В человеке должна стать верой и совестью не вечность, а духовная и нравственная жизнь. Вечная вера в путь, предначертанный Спасителем, и вечная совесть делает людей людьми, делает их субъектами нравственной жизни и творчества.

Человеку, живущему только сегодняшним днем, надо поверить в день грядущий, завтрашний, будущий, жить с мечтой в лучшее,

светлое, радостное, - говорит поэт. Стихотворение «Дню грядущему, люди, поверьте…» дышит оптимизмом, перспективой, светом будущего, а следовательно, светлой жизнью и творчеством. Но только верить в грядущее недостаточно, ибо оно само, - это доброе, светлое, мирное и умудрённое грядущее не наступит без активной духовно-нравственной деятельности человека. Человек не только должен желать этого лучшего грядущего, но и усиленно возрождать и воспроизводить духовно-нравственные традиции своего бытия. Человек в представлении А.С. Тарханова должен взять «кормовое весло», раскрыть «паруса» и усердно работать, работать и работать, чтобы преодолеть все трудности на пути к своей мечте.

Дню грядущему, люди, поверьте,
Уплывают к заре паруса.
И восторженность детская в сердце,
И, как звезды, синеют глаза.

Кто не хочет сегодня на свете,
Чтоб его до зари занесло?
Будет тот перед миром в ответе,
Кто не взял кормовое весло.

Но я вижу:
От края до края
Паруса набирают разбег.
Голубыми дорогами мая
Уплывает к мечте человек.

(«Дню грядущему, люди, поверьте…»)

Мечта – это часть воображения и мышления человека, его сознания, культуры личности. Человек без мечты, как человек без цели на будущее, человек без творческого компаса. Куда идти, где эта «заря» будущего, лучшего, светлого, гармоничного, справедливого. Мир настоящий очень жесток, богат множественными соблазнами, страстями, ведущими человека по пути телесной культуры. Этот путь во тьме кромешней. Этот путь нелёгок, он меж камней и терний, как сказал русский философ А.С. Хомяков: «Господи! Путь наш меж камней и теней, Путь наш во мраке. Ты, Свет Невечерний, Нас Осияй!» Но этот ли путь нужен человеку? Человеку нужен другой путь, путь к Свету соборного единства, любви, правды, добра, мира, знания, мудрости, справедливости, гармонии ума, души и тела. Этот Путь и есть путь Истины, единственно правильный путь человека по жизни и творчеству. Но и этот путь божественный и светлый здесь на земле не заканчивается, этот путь есть подготовка к вечному пути после смерти. Жить в единстве, добре, правде, мире, знании, мудрости, справедливости, значит обрести этот божественный путь,

вечный путь света после жизни земной. И обрести его можно через крещение, причащение, очищение, покаяние, пост, духовные праздники и обряды, регламенты и другие духовные традиции.

В стихотворении «Дню грядущему, люди поверьте…» продолжается тема бегства от жизни настоящей к жизни будущей, от жизни земной к жизни небесной. И все, кто не возьмет «кормовое весло», те будут перед миром в ответе за свои грехи, за то, что ничего не сделали для своего духовного обновления. Так что, берите весло и летите «голубыми» дорогами к своим мечтам. И в это поэт верит.

Этот земной путь очень труден, ибо в мире много несправедливостей, жестокостей, соблазнов. Как человеку пройти все эти препятствия, чтобы не споткнуться, а если споткнуться, то покаяться в своих грехах, очиститься умственно, душевно и духовно и дальше идти по пути к Истине. Поиск истины – это путь поэта, не жаждущего богатств, живущего в бедности, пишущего об умственных, душевных и сердечных муках и страданиях своих и людей окружающих. Быть поэтом, значит нести крест единства, любви, мудрости, мира, знания, справедливости, чести, достоинства - всех лучших качеств человека и своего народа. Быть поэтом, значит выражать словом страдания, думы и чаянии народа. Быть поэтом, значит обречь себя на одиночество.

Жизнь поэту нужна для освещения светом зла, ненависти, невежества, все увеличивающейся множественности, глупости, жестокости, жадности, которые действуют в сумерках, ночью, из-за угла. В этом развращенном мире поэта называют чудаком, но этот чудак делает очень много для того, чтобы жизнь людей стала лучше, светлее, гармоничнее, духовно и нравственно полнее. Люди, кого называют чудаками, ближе к Богу, ибо они несут в человеческие отношения Свет любви, соборного единства, добра, правды, справедливости, знания и мудрости. Им ничего взамен не надо. Их устремления светлы и безответны.

К истине шёл терпеливо,
Мук моих не передать.
Господи, несправедливо
Жизни поэта лишать.
Пусть он живёт, сколько хочет –
Этот чудак на миру,
К небу взывающий ночью –
Дать озарение злу.
И не своё ли горенье
Ты ему, Господи, дал?
В искрах его вдохновенья
Ты свою волю узнал.
Так отпусти же, Всевышний,
Вечность ему от Весны.
Верой одарит он ближних

В эти и дальние дни.
Благ он себе не попросит,
Золота он не возьмет,
Лишь благородные слёзы
Тихо в ладони прольёт.

(Любовь к Богу)

Жизнь истинного поэта, творца – это горение его ума, души и сердца. Поэт сгорает в своём творчестве, поэтому поэты долго и не живут. Они очень опасны для сил зла, лжи, несправедливости, невежества, глупости, обмана, войны и конфликта, ибо они выводят их на свет Божий. Освещают своим светом их коварные дела и слова. Поэт «озаряет зло», одаривает людей верой в лучшее грядущее, более светлое, справедливое, богатое, мудрое. Сильный поэт не просит благ, не просит денег, как правило, умирает в нищете, но его творения живут века, становятся неодолимой силой, разрушающей хитросплетения зла и несправедливости, невежества и войны. Все его желания, все его стремления направлены на то, чтобы жизнь простых людей была лучше. И поэт А.С. Тарханнов обращается к Богу: несправедливо поэта жизни лишать, ему надо дать ещё время для его творчества, он ещё не все сказал миру, людям, культуре. Ибо его вера в единство, любовь, правду, мир, знание, добро, мудрость, честь и достоинство сильны, его стихи пробивают самые черствые души, трогают самые жестокие сердца, заставляют сомневаться самые прямолинейные умы.

Поэт - больше чем поэт, – это творец человеческих душ и сердец людских, творец умонастроения. Поэзия Тарханова А.С. соткана из противоречий. Например, в стихотворении «Любовь к Богу» вначале поэт дает «озарение злу», затем он одаривает верой всех ближних, для себя ничего не прося. Ему нужно только вдохновение, которое дает ему Бог. «Прозрение злу» означает, что он пытается сделать так, чтобы зло само прозрело, то есть перестало быть злом. Но возможно ли это? Может ли зло прозреть, то есть само перестать злом? Конечно, нет. Зло должно освещаться светом добра. В этом свете добра зло уменьшается, тает, угасает и исчезает. Говорить о «прозрении зла» - значит наивно верить во внутреннее преобразование зла, превращение его в добро. Это вроде философии непротивления злу насилием. Зло никогда не прозреет, ибо его сущность в том и заключается, чтобы нести зло. Прозрение зла – это смерть для зла. Силы зла никогда не пойдут на то, чтобы убить самих себя. Зло надо освещать светом добра, любви, правды, справедливости, и тогда зло просто отступит, но никак не умрёт.

Человек верующий и верящий обладает волей и силой для достижения предмета веры. Таких людей сломать очень трудно, они живут с верой и погибают за веру. Их могут оскорбить, унизить,

совершить в отношении них насилие, но они не отрекаются от веры. Это люди, как правило, сильные, духовно окормлённые, находящиеся во внутренней гармонии.

И я, мятежный сын Природы,
Как Достоевский, жив мечтой –
И небеса, и все народы
Спасутся только красотой.

Стерплю за веру оскорбленья
Но я боюсь за тех людей,
В ком нету чувства вознесенья,
В ком нет любви к земле своей.

(Дума о дальнем)

Но поэт думает не о тех, кто сильный верой в красоту, в Бога, а о тех, в ком нет чувства вознесения, в ком нет любви к земле своей. Ибо их надо спасать, им вдохнуть веру. В его сознании вера в Бога соединяется с любовью к земле своей родной. Не любить Родину, там, где ты родился, где тебя отец знакомил с её величественной Природой, традицией и культурой; мать учила любви и благородству, значит, не любить себя, семью, свою землю, свою культуру, Россию. Почему он боится за этих людей, у кого нет веры в Бога, веры в вознесение? Да потому, что они не предсказуемы, они могут пойти на бунт, на революции, у них нет ничего святого в душе. Они в своем безверии есть разрушители, в них заложено зло ненависти, лжи и множественности. Они ради золотого тельца (вернее ради другой веры) могут продать самое близкое и родное. Это люди без веры, без традиции, люди «перекати – поле», несущиеся неизвестно куда, творящие зло, лгущие, провоцирующие конфликты и страдания других людей.

Поэт называет себя мятежным сыном Природы, живущим фантазиями и мечтами. Поэт верит, как Ф.М. Достоевский, что все народы спасутся только красотой. Он думает не только о мансийском, о родном народе, но и о судьбе других народов России, он думает об их спасении. Красота – вот ключевой путь спасения всех людей от падения и деградации, от войн и самоуничтожения. И это путь его веры. Об этом можно спорить, но так думает А.С. Тарханов, в это он верит.

5. Вера - во что-то? Верить – кому?

Вера А.С. Тарханова не только синтетична, но и разнонаправлена, «разноцветна». Но синтез языческой и православной во внутреннем мире поэта своеобразен. Этот синтез появляется в

форме наслоений православного мировосприятия на языческое мировосприятие. Низшим пластом является язычество, которое стало для поэта стилем мышления; высшим – христианство православное. В этом заключается и сложность понимания веры поэта. Правы С.А. Комаров и О.К Логунова, что «Исходным для Тарханова является автономность, гармоничность, масштабность, органичность, скрытость природных процессов. В задачу автора входит создание поэтических аналогов данных параметров природы с указанием на параллельность и соизмеримость природного и творческого актов»[174]

Если рассматривать структуру веры Тарханова А.С., то можно отдельно выделять только веру религиозную. Хотя, если говорить о его языческой вере, то она вкрапливается в христианскую веру, что это уже больше не вера, а стиль мышления. Особо трепетное отношение поэта к Природе - кормилице, защитнице, источнику энергии и жизни. Поэт верит в человека, в женщину, в любовь, но эта вера в светлое, возвышенное, доброе, заложенные в сущности человека и Природы. Его вера имеет нравственное и духовное основания. Вера – устойчивая характеристика личности Тарханова А.С. Вера дает силу и волю для творчества его мечущейся душе.

5.1. Вера в природу

Поэт всё время с Природой в своих мыслях, душой, в творчестве, в делах повседневных. Тема единства человека и Природы никогда не покидает его творчество. Это его жизненная позиция и линия творчества. Он чувствует Природу, слышит её звуки, ощущает запахи, красуется её многоцветием. Природа в его творчестве имеет не только земное измерение, но и Вселенское. Зов Природы, зов Вселенной, зов звезд – всё соединяется в потоке его творчества. Так, К. Яковлев отмечает: «Поэтический мир Тарханова – это мир человека, который не отделил себя от природы и не чувствует себя чем-то отличным от неё»[175]. Вера поэта в человека не противоречит его вере в Природу, ибо человек и есть часть Природы, его сущность вытекает из сущности Природы. Можно с полным основанием сказать, что когда Тарханов А.С. говорит о природе, он думает о человеке, а когда говорит и человеке, думает о Природе.

Зов звезды касается души поэта. Зов звезды – это зов Вселенной, Космоса. Это зов Вечностной, Бесконечной, Всеединой, Абсолютной Сущности Спасителя. Поэт не находит себе места ни дома, ни в цветах, его душу пронизывает чувство тоски, безысходности,

---

[174] Комаров, С. А., Логунова, О. К. «Я каждый день хожу к заливу» А. Тарханова (опыт анализа) / С. А. Комаров, О. К. Лагунова // Космос Севера. Вып. 2. / Ред.-сост. О. Лагунова. – Екатеринбург : Средне-Уральское кн. изд., 2000. – С.61.

[175] Яковлев, К. Поющая тропа язычника (о поэзии мансийского поэта Андрея Тарханова) / К. Яковлев // Тарханов А. С. Исповедь язычника. Избранные стихотворения. 1972-2001. – Екатеринбург : Средне-Уральское кн. изд., 2001. – С. 8.

«непонятной маяты», суеты. Он ощущает этот зов в форме звезды, дарованой ему Спасителем. Ибо от этой звезды изольётся на него спасительный свет, он даёт ему энергию творчества и жизни. Для него звезда всегда загадочна, которая не открывает своих тайн.

Предчувствие спасения от принятия этого изливающегося света звезды не покидает его сердце, он волнуется, не находит себе места. И вот он в час ночной стоит в «лучах спасенья / Своей загадочной звезды», стоит в лучах света Вселенной. Он сердцем ощущает, что эта звезда именно к нему устремлена. Звезда манит, притягивает к себе как магнитом, переливается, завораживает и именно к ней тянется его рука. И эта звезда успокаивает сердце, отводит от души тоску, снимает душевные боли и тревоги. Поэт понимает, что эта звезда дана ему Богом, Спасителем. Эта звезда есть проявление высшей любви и веры, дарованной ему Богом. В ощущениях поэта фиксируется вечная тяга людей к звездам. И действительно, ночью, смотря на небо, у человека возникает какое-то странное чувство, что он когда-то был там, в бесконечной Вселенной. Человек понимает, что кто-то открыл нам глаза и мы видим эту вселенную, мы жаждем взлететь и устремиться туда, в глубины космоса, откуда мы и пришли. Но физически привязаны к матушке Земле, мы «купаемся» в лучах этих загадочных и далеких звезд. Человек ощущает этот мерцающий свет звезд душой и сердцем. Лучи звезд – это лекарство для утомленного и истерзанного бытием сердца.

Всё чаще зов звезды небесной
Касается моей души.
Не нахожу себе я места
Ни дома, ни в цветах межи.

И вот, предчувствуя спасенье
От непонятной маяты,
Стою в ночи,
в лучах спасенья
Своей загадочной звезды.

Ничуть, поверьте, не гадаю:
Она? А может, не она?..
Звезду я сердцем ощущаю,
Она ко мне устремлена.

Она приходит в час желанный,
К ней тянется моя рука.
И заживает в сердце рана,
Уходит лютая тоска.

Звезда, свети мне в час тревоги,
Не забывай края мои.
Я буду знать,

что ты – от Бога,
От высшей веры и любви.

(«Всё чаще зов звезды небесной…»)

Человек именно душой и сердцем ощущает зов далёкой звезды, дарованной ему Спасителем. Органом природы своего тела ощущает спасительный свет Вселенной, данной Богом. Ибо сердцем и душой человек связан с этой Вселенной. Умом он выделился из этой Вселенной, горделиво пытается возвыситься над этой Вселенной (но ненадолго), но сердцем он во Вселенной, сердцем он часть этой Вселенной. И поэтому только сердцем он может ощущать дыхание этой звезды, душой может ощущать, что эта звезда от Бога. Сердце никогда не обманывает. Эта звезда дана поэту от высшей веры и от любви. Веры высшей, значит веры духовной, веры от Духа Святого ему данной. Любви высшей, значит любви от Бога. Ибо эти вера и любовь строят жизнь, не дают ей разложиться, исчезнуть. Вера и любовь обновляют душу и сердце, дают им главное, ради чего создан Творцом человек.

Он просит звезду, чтобы она не покидала его края, навещала его, ему нужен её спасительный свет для преодоления невзгод, ощущения тоски, для веры в Бога, для спасения души. В этом заключается смысл стихотворения «Всё чаще зов звезды небесной…». Часы «тревог» в жизни человека в этом злом и неустроенном мире очень часты и многочисленны. Они волнуют его ум, приводят в смятение душу и сердце. И в конце концов эти тревоги толкают личность на путь падения и деградации, соблазнов и страстей. Нужен синтез ума, души и сердца через духовное, Божественное. Синтез сердца, души и ума через телесное возможен, но этот синтез не есть синтез для развития, не есть движение вперед. Это есть шаг назад, есть обман, в который сам себя загоняет человек. Поэтому поэт просит не забывать его края, чтобы сохранить единство, гармонию ума, души и сердца. В этом нравственная сущность и красота поэтического творчества поэта. Совершенно прав К. Яковлев, отмечая, что: «Тарханов своим творчеством знакомит нас с нравственными нормами и моралью языческой веры своего народа, которые пропитаны одними и теми же христианскими, завещанными в Нагорной проповеди, как вечночеловеческие истины. Поэт-язычник, крещённый в православии, убеждает нас в том, что в нашей любви к природе – «один Господин, одна вера». Поэт-философ убеждён, что «возвращение к исконным началам – это единственный путь к созданию самобытной национальной культуры»»[176]. В личной культуре поэта осуществился

[176] Яковлев, К. Поющая тропа язычника (о поэзии мансийского поэта Андрея Тарханова) / К. Яковлев // Тарханов, А. С. Исповедь язычника. Избранные стихотворения 1972-2001. – Екатеринбург : Средне – Уральское книжное издательство, 2001. – с. 12.

синтез двух вер, где Природа - основание для Духа. Если Природа становится частью его мышления, то Дух Святой – предметом веры, поклонения, стремлением души.

В чём суть его веры в небо и леса? Вера в том, что прогремит гром, прольётся дождь, что лес освежится, наполнится влагой, жизнью. Небо и леса «радуются» этим погодным явлениям. Ибо они приносят природе свежесть, чистоту, влагу. Но почему люди суетятся, почему они впадают в гнев, почему они страдают? Почему клянут дождь, гром, грозы? Видимо, для них гроза не нужна, гром излишен, видимо, потому, что они привыкли к комфорту, может, необходимо убирать урожай, а эта гроза мешает их комфортной жизни? Поэт верит этим страданиям людей, он понимает реальность жизни людей, живущих заботами о насущном хлебе, им непонятна игра высших сил природы. Вера в природу и вера в страдания людей не противоречит друг другу, потому что и та и другая вера рождаются в реальной жизни и из реальной жизни природы и людей, наслаиваются друг на друга. Поэтому поэт принимает на себя «удары всех его мечей» грозы, пришедшей из дальних странствий. Гроза, пришедшая откуда-то, а не родившаяся из внутренней сущности данной Природы. Гроза пришла из дальних странствий. Горе и зло пришло в Россию с Запада и т.д., но все это может родиться изнутри, из реальной природы данного места, из природы человеческого бытия.

Гроза из дальних-дальних странствий
К моим вернулась берегам.
И я смятён.
Я очень странный
Я верю небу и лесам.

Смотрю и грустно понимаю
И суету, и гнев людей.
В страданье верю.
Принимаю
Удары всех его мечей.

(«Гроза из дальних-дальних странствий…»)

Верить в страдания других людей, значит жить заботами, мыслями, думами людей. Значит понимать их беды, сочувствовать им, переживать за них вместе с ними. Чувствовать страдания другого человека, болеть за трагедии других людей – это христианское, духовное чувство. Оно говорит о высокой духовной культуре личности. Верить в свои страдания, значит принять на себя этот «тяжкий крест», спасая от греха других людей.

В стихотворении «Маска язычника» поэт создает художественный образ веры язычника. Вообще очень интересны рассуждения А.С. Тарханова о язычестве. Для него язычество не

просто религия, а строй мышления, ментальности мансийского народа. Так, А.С. Тарханов отмечает: «Так называемое язычество я воспринимаю как материализованную форму идеализированного мышления. В язычестве человек – не червь, не раб, а равный высшему Духу собеседник, принимающий его правила игры в обмен на приём этой субстанцией его правил. Именно поэтому, мне кажется, каждый верующий в чём-то первично остаётся язычником. Ведь каждому человеку хочется чувствовать себя достойным участником свершений мировой действительности»[177]. Эта его философская позиция хороша вписывается в его объяснения синтеза язычества и христианства у мансийского народа, других народов Севера. Именно здесь надо искать разгадку его христианской веры. Язычество, укорененное в идеализированном мышлении человека северной культуры, не противоречит христианской культуре и вере.

Пляшет маска, пляшет Яска, заклинание кладёт, так как народу нужны поверья. Яска в пляске заклинания кладет на озера, чтобы всегда хорошо ловилась рыба, на деревья, чтобы была удача на охоте. А кто не верит, того он карает, карает.

Пляшет маска,
Пляшет Яска.
- Кара – ю!
- Кара – ю!
Яска пляшет и поёт,
Заклинание кладёт
На озера, на деревья,
Как вода, нужны поверья.
- Кара – ю!
- Кара – ю!
Где б я на рыбалке не был
Будь всегда спокойным, небо.
Заходите в мою провязь,
Нельма, стерлядь и карась.
- Кара – ю!
- Кара – ю!
Пляшет Яска на поляне,
Пляшет утром рано-рано.

(Маска язычника)

Народу как воздух нужны поверья, традиции, обряды, ритуалы. Ибо они дисциплинируют культуру, сцепляют народ, дают ему крепкую веру, обеспечивающую выживаемость народа в трудных условиях Севера. Заклинания на хорошую погоду, заклинания на рыбалку, на удачу – важная составная часть языческого обряда и

[177] Ар-Серги, В. Андрей Тарханов – поэт земли Югорской (эскизы к портрету) / В. Ар-Серги. – Ханты-Мансийск, Ижевск, 2006. – С. 120.

мышления. Вера на будущее, на удачу в лесу, на реке, в жизни. Традиции и обряды – это обручи, сцепляющие народы Севера, выработанные на протяжении многих сотен лет в самых неблагоприятных условиях жизни. А ритуалы заклинаний – это часть традиционной подготовки к охоте, к рыбалке.

Вера в Природу – это вера в силу Вселенной, Космоса, вера в его замыслы и воплощения. Поэтому в анализе веры в его творчестве нецелесообразно отделять земное от вселенского. Ибо для него – это всё Природа. Это разные уровни единой Вселенной. Именно из этой Природы и выделилась, росла и крепла вера в Бога, вера в Христа.

5.2. Вера в человека

Следует отметить гуманистичность литературного творчества А.С. Тарханова. Поэт верит в человека, в его силы, способности, в то, что человек может сам создать прекрасный мир для жизни и творчества, для совершенствования. Поэт верит в чудеса, верит в то, что «создан мир для чудес». Он считает, что без чудес красота мира потускнеет, превратится в скучную обыденность. Вера в чудо – это составная часть веры поэта. Гуманизмом дышат строчки стихотворений «Бригантина», «Лариса», «Бунтари» и другие. В них создаются художественные образы женщин, человека-бунтаря, в которые можно и необходимо верить.

В трогательном стихотворении «Бригантина» поэт описывает состояние души человека, несущего к морю кораблик, который является для него «звонкой вестью». Люди радостно встречают эту «звонкую весть». Везде цветы, крымские маки. Ощущается легкость, воздушность и свобода движений. «Звонкую весть» от людей ждёт и море, ибо это «звонкая весть» и есть чудо.

«Бригантина» - это мирная весть, которая уйдёт в просторы морей. У «взрослых прохожих», видящих «Бригантину», загораются от интереса и любопытства глаза. «Бригантина» - это не военное судно, которое несёт цели уничтожения, войны, разрушения, которое несет «злую, мрачную весть». Поэтому море ждет именно мирное судно, которое принесет ему «звонкую весть». И человек должен оправдать ожидания моря. Поэт же может нести морю только мирную «звонкую весть».

Я несу «Бригантину»
И у взрослых прохожих
Загораются детским восторгом глаза.
Я иду с «Бригантиной» цветочной порошею,
Будто крымские маки,
у ней паруса.
Всё слышнее прибой –
Голос моря органного.

Море ждёт «Бригантину» -
как звонкую весть.
Знаю, люди мои,
в мире много желанного!
Верю, люди мои,
создан мир для чудес!

(Бригантина)

Ждать может только живое, разумное море. Море – это часть вселенской живой Природы. Море живет, дышит, ожидает. Здесь поэт намекает, что море обладает синтетическим разумом. Это ближе к концепции ноосферы Вернадского, ближе к концепции чудесной памяти воды. Поэт утверждает, что не всякая весть угодна морю, но только «звонкая весть». «Звонкая весть» - это чистая, добрая, правдивая, светлая весть. Дело за человеком!

Поэт также говорит, что мир наполнен желаниями. Если человек пойдет по пути удовлетворения только своих желаний, то он быстро скатится в страсть, его захватят потребности тела. Не все желания нужны человеку. Не всякие желания подвигнут человека к чуду.

Вера в человека в поэзии А.С. Тарханова не отделятся от веры в Природу. Ибо человек – венец Природы, Космоса. Его тело вышло из Природы, живет по законам Природы и уйдёт обратно в Природу. Но Духом, душой и умом человек возвысился над Природой, пошел дальше в своём развитии. Мужчина и женщина несут разные функции в Природе. В женщине заложено именно рождающее, вынашивающее жизнь начало. Поэтому он верит женщине как Природе, в порождающее начало женской сущности, в женскую красоту. Вообще тема женщины и мужчины в поэзии поэта - отдельная тема. В женщине зарождается и растет новая жизнь, приобретает заданные генетикой формы, женщина вынашивает и рождает потенциальный субъект духовной жизни. Благодаря женщине на свет появляется ребенок. Сама Природа также женского рода. Природа дает жизнь растениям, тайге, животным и птицам, своему венцу – человеку. Поэтому поэт верит женщине так, как верит Природе, его окружающей. Он называет Природу с большой буквы, ибо жизнь от Природы. В этом его языческие, мансийские источники творчества, в этом его языческий стиль мышления.

Он впускает в свой дом только того, кому верит как Природе. Ибо он на Природе, в лесу и тайге провел свое детство, знает все их законы, повадки зверей и птиц. Природа кормит, обувает, одевает человека, сама не может вредить человеку, не может нести ему зло, если он сам не навредит этой Природе своим хищническим вмешательством в её законы, пространства, вырубая леса, осушая болота, прокладывая трассы нефтепроводов и дорог без соблюдения каких-либо норм экологической безопасности. И зло человека в

отношении природы бумерангом бьет и по самому человеку. Человек впускает это зло, благодаря превосходству телесного над духовным и логическим в человеке.

Мужчина впускает в свой дом именно женщину, просит освятить этот дом одиночества, создать в нем гармонию, создать в нем новую жизнь, создать свой единый космос. Но женщина несёт в дом и другое начало, начало греха. Тема же греха поэтом поднимается больше в отношении себя, чем в отношении женщины. Он обожествляет женщину также, как саму Природу, ибо это часть Природы. Тема «женщины-грешницы» в русской литературе достаточно разработанная (А.К. Толстой, О.Н. Чумина, А.И. Полежаев, С.Я. Надсон, Б.Л. Пастернак, С.М. Соловьев и другие), но эта тема особо не волнует поэта.

Вера в женщину приносит богатые плоды. Поэт в женщине под именем Лариса читает знаки Севера. Женщина входит в дом, приносит с собой песню, свет новой жизни, гармонию семьи. Женщина входит именно в «сосновый дом», а не каменный. Женщина входит в дом мужчины добровольно, без принуждения. Ибо Природа не терпит насилия, которое может привести только к разрушению. Женщина, входя в дом свободно, добровольно привносит в этот дом символы Природы, законы Гармонии и Полноты, для рождения новой Жизни. Ибо святым числом является не два, а ТРИ. И это число ТРИ рождается из ДВУХ именно в доме, свободно, по любви, в мире чувств.

Поэт подчеркивает связь человека именно с той Природой, которая его окружает, именно с природой Севера. Этой гармонии мужчины и женщины радуется и вся Природа: «улыбается голубица», салютуя, гремит гром. Радуются и счастливы Природа и человек от того, что гармония не нарушена, что создано новое единство мужчины и женщины для продолжения жизни.

Я знаки Севера, Лариса,
Читаю в имени твоём –
Лосиха, ласка, голубица,
Зарянка – утренняя птица –
И серебристый окоем.

Забудь, душа, свои потери,
Для новых встреч с тобой живём.
И я распахиваю двери,
Тебе я, как Природе, верю,
Лариса, освяти мой дом.

И, словно радуга, Лариса,
Вошла ты в мой сосновый дом.
Запела утренняя птица,
И улыбнулась голубица,

И, салютуя, грянул гром.

(Лариса)

Душа мужчины, впустившего в свой дом женщину, как часть Природы, забывает «свои потери», потери прошлой жизни, забывает неустройства и невзгоды. Здесь поэт настаивает на том, что Природа в лице женщины нейтрализует душевные боли и успокаивает мечущуюся душу. Он тонко замечает: Природа в лице женщины не подавляет, не заставляет душу идти другим путём, а просто отодвигает беды, скорби, душевные терзания в сторону. Тем самым, женщина, участвуя в создании единого космоса, гармонизирует внутренний мир мужчины, отвлекает его мысли от проблем бытия.

Вера в женщину – это вера в гармонию будущего, вера в то, что она принесет в дом мужчины всю гамму цветов и звуков родной культуры, что все эти цвета «радуги» и звуки песни передадут живую палитру и многозвучие Природы, веру в новую жизнь.

Верой в женщину пронизано и стихотворение «Был Лермонтов ранен в опале…». Вообще Лермонтов – любимый поэт А.С. Тарханова. Им посвящено много стихотворений любимому поэту. Все, что он пишет и говорит о Лермонтове, – это от души и сердца. Многие современные исследователи отмечают не только художественные достоинства творчества М.Ю. Лермонтова, многогранность его поэзии, но и мистические мотивы, его роковые даты рождения и смерти, знаковые для русской истории факты биографии.

В стихотворении «Был Лермонтов ранен в опале…» он говорит о вере и любви к грузинской царице Тамаре. У него была мечта побывать на Кавказе, там, где бывал его любимый поэт, прикоснуться к древней истории Кавказа. И вот осуществились мечты, он на Кавказе, смотрит с тоской, любовью и верой в глаза легендарной царицы Тамары… Он верит её красоте, царской мудрости, женственности. Он верит в то, что праведное и высокое она утверждала в своём царстве. Верит, значит не сомневается, что она делала все правильно на своей земле. Её восточная красота, женственность, царская мудрость так глубоко тронули душу, что он с этим образом расстаться не мог, вместе с ним «странствовал по свету». Хотя царица Тамара была достаточно сложной натурой. В исторических трудах царица Тамара предстает как мудрая правительница, деяния которой сохранились в памяти людской. Но есть и другаа царица, верная подруга, пронесшая через всю жизнь свою любовь к другу детства - воинственному султану Сослану, получившему впоследствии при христианском крещении имя Давида. Но истории известна ещё одна версия, похожая на легенду. Царица Тамара правила Грузией и своим двором в Мухетии твердой, порой

жесткой рукой, вызвала недовольство феодалов, привыкших распоряжаться своими вотчинами как самостоятельными княжествами. Вообще, в те времена привычны были сильная мужская власть, а не женское правление. И еще одна легенда: каждую ночь грузинская царица пировала с новым влюбленным – боготворящим её юношей – и каждое утро окровавленный труп любовника принимали волны могучей Куры. Какой образ царицы для поэта притягателен? Полный или только образ женской красоты? Или образ мудрой правительницы? Или образ жестокой восточной царицы? Или образ женщины-красавицы? Поэт не уточняет.

Но вот он прилетает в Ташкент, и что же он видит? Ему навстречу идёт ташкентская царица Тамара, взволновавшая его душу на Кавказе: «О, лунные руки и плечи, / Лукаво мерцающий взгляд!» Он поймал в её взгляде величавость, твердость, жестокость, уверенность. Мерцающие взгляд, лунные плечи, - образ восточной красоты. В душе поэта что-то всколыхнулось, заклокотало, сердце учащенно забилось!

Был Лермонтов в опале
Твоей красотою, Кавказ.
Звучит о царице Томаре
Гитарной струною рассказ.
И, раненный дивной строкою,
В мечтах на Кавказ я летел.
И в очи царицы с тоскою,
С любовью и верой глядел…
Мечты, окрылённые детством,
Я с вами расстаться не смог.
Нам странствовать вместе по свету,
Мы нынче спешим на Восток.
Ташкент распахнул свои дали
В тревожный для города час.
Ташкентцы меня привечали
Черешнями жаркими глаз.
И, как от подземных ударов,
Моя всколыхнулась душа:
Тамара, царица Тамара
Навстречу мне царственно шла.
О, лунные руки и плечи,
Лукаво мерцающий взгляд!
О стане цветастые речи
На платье цветы говорят.
Так пойте, зурна и гитара,
Про этот мерцающий свет!
Своею царицей, Тамара,
Тебя называет Ташкент.

(«Был Лермонтов ранен в опале…»)

Грузинская царица Тамара – это образ женщины Востока. Это образ восточной женственности, который тянет к себе чем-то таинственным, завораживающим, «лукаво мерцающим взглядом». Полагаю, что именно в это образ восточной женственности и любви поверил поэт. От этого взгляда, от походки, от цветастого платья начинает учащенно биться сердце, волноваться душа. Восточная красота заставила учащенно биться сердце северянина, представителя леса и тундры. Но восточная красота обманчива, коварна, соблазнительна. За её маской, мягкой походкой скрывается женская натура, восточная пламенная душа, страстная энергия тела.

Он верит не только в женщину, но и в бунтарский дух мужчины. Поэт считает, что только бунтари двигают развитие общества вперёд, не дают застаиваться обезумевшей от вседозволенности и денег власти. Только бунтари заставляют власть работать, думать, двигать культуру вперед. Поэтому А.С. Тарханов посвятил этой вере в бунтарский дух мужчины стихотворение «Бунтари». Бунтарями были Емельян Пугачёв, Степан Разин, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, победители на поле Куликовом, бунтарём был и Ваули, герой преданий народов Севера и другие великие люди. В бунтарях его прельщает дерзость, воля к борьбе, отсутствие страха перед властью, стремление изменить в обществе что-то к лучшему. Они всегда впереди, они предвестники новых явлений в обществе. Поэтому власть всегда лютой ненавистью ненавидела, ненавидит и сейчас всякого рода бунтарей: в искусстве, в науке, в экономике, в образовании, в самой власти. Бунтари – это слепок своего времени. Для каждого времени есть свои бунтари. Они ведут за собой людей, - с одной стороны; усиленно работают, борются, пытаются изменить отношения в социуме, - с другой стороны. И в этой борьбе общество приходит в движение, начинает расти, меняться. Они несут не только справедливость, правду, но и гнев, насилие. Их можно обозначать одновременно и белыми и черными красками.

В стихотворении «Бунтари» заметно влияние философии существования (экзистенциализма). Представители экзистенциализма, - М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.П. Сартр, А. Камю и др., - рассматривают свободу как абсолютно свободную волю, не обусловленную какими – либо ограничениями, социальными обстоятельствами. Исходный пункт философии существования – абстрактный человек, который берется экзистенциалистами вне каких-либо программ, организаций, социальных связей и отношений. Человек свободен и ни за что не отвечает - вот их кредо. По французскому писателю и философу Ж.П. Сартру подлинно человеческим является немотивируемый протест против всякой «социальности», не связанной какими-либо условностями и регламентами. Философия экзистенциализма – это философия бунтаря, ломающего социальные преграды во имя высшей в их представлении идеи.

Бунтари не дают жить спокойно коррумпированной власти, заставляют её делиться с обществом, с народом. Но какой ценой? Как правило, ценой своей жизни. Власть, напуганная бунтарским духом, начинает преобразования, что-то отдавает народу, потом снова все затихает. Быть бунтарём – это целая жизненная философия. Бунтарь – это тот, кто ломает привычные устои, кто не хочет жить по-старому, кто рушит архаические стены жизни и творчества. Но за бунтарями тянутся другие люди. Они надеются на лучшую жизнь. А.С. Тарханов акцентирует внимание только на социальных бунтарях, на бунтарях войнах и писателях. С ним можно согласиться, но только отчасти. Социальные бунтари нужны в своё время, когда общество вообще остановилось в своем движении к новизне, к развитию.

Сейчас больше нужны бунтари – чиновники, которые ломают стены коррупции, отчуждения от народа, думающие о простых людях: бунтари – менеджеры, ломающие привычные стены и отношения между властью, не дающие взяток, двигающие производство вперед, бунтари – ученые, думающие о науке, о модернизации страны на нанотехнологиях. Вообще, бунтари – простые люди, борющиеся на своем рабочем месте против произвола, дома – против алкоголизации, наркотизации, курения, за здоровый образ жизни, за национальное возрождение, за экологическую гармонию. России нужно вернуться к своим исконным традициям и на основе этих традиций двигаться вперёд. Иначе мы отстанем навсегда, будем всегда нищими и плестись за развитыми странами. Например, Россия зарабатывает от экспорта ресурсов в пределах 60 миллиардов долларов; Индия же зарабатывает от экспорта программного продукта в переделах 60 миллиардов долларов ежегодно. Нам нужны бунтари инновационного типа мышления, ибо всё советское мы уже проели, пропили, продали, про…ли. Бунт в творческой деятельности – это не только несогласие со сложившимися канонами, но и выработка новых стилей, норм, подходов, направлений в культуре. Такие фигуры, на кого сейчас нам необходимо ориентироваться – это К.Э. Циалковский, братья Вавиловы, С.П. Королёв, Ф.М. Достоевский, Д.И. Менделеев, Ж.Д. Алферов, А.Н. Туполев, нужны новые Ландау (наука), Михалковы, Бодровы (искусство), Ишаевы, Филиппенко (менеджмент), Рогозины и Стерлиговы (политика) и многие другие мыслители. России нужен творческий бунт, направленный на изменение сознания и образа жизни.

Бунтари.
Нет в мире выше
Дерзости и воли их.
Пугачев к народу вышел
Из легенды –
смел и лих.

И бунтарь весёлый Разин
В час последний пошутил:
«Люд честной, не ради казни
Я тебя и свет любил!..»

Бунтари –
Они горнисты,
Маяки смятенных дней.
Это Пушкин,
Декабристы,
Лев Толстой в страде своей.

Бунтарей всегда боялись
И владыки, и цари.
Справедливость, гнев и жалость
Возвышали бунтари.

Много слёз, моя Россия,
Ты бунтарски пролила,
Потому что ты, Россия,
Муками Земли жила.

Здравствуй, поле Куликово!
Ты зовешь полки,
как встарь.
Верь!
У времени лихого
Свой появится бунтарь.

(Бунтари)

Бунтари несут страх власти, элите, их боятся, ненавидят. Но они, порой, умирая, - единственные, кто преображает действительность. Это люди с неспокойным характером, ненавидящие всякого рода унижения и притеснения, возвышают «справедливость, гнев и жалость». В глазах власти они зачастую преступники, хулиганы в своем деле, даже если они очень популярны в природе. Их называют иногда «популистами». Бунтари – это маяки, освещающие путь миллионам людей к свободе, жизни и творчеству.

Исследуя бунтарей разных эпох и времён, А.С. Тарханов верит и другим говорит «верь», что бунтари будут и в наше время, их выделит из себя богатая российская земля, они придут тогда, когда это будет необходимо. Бунтарь – это тот, кто протестует против несправедливых существующих общественных порядков, который считает, что существующее социальное устройство несправедливо, что его необходимо изменить. Сегодня, когда порушены традиции, когда вместе с экономическими реформами пришли в нашу жизнь обман, ложь, несправедливость, наркотики, сплошной алкоголизм, детская и подростковая преступность, массовая проституция, с

экранов в нашу жизнь потоком льются мордобития и убийства, алкоголь и наркотики, естественно, люди ждут, что когда кто-нибудь взбунтуется против этой нечисти и тех, кто их порождает и воспроизводит. Среда выдвинет своих бунтарей. Люди поддержат таких бунтарей, - энергичных, волевых, целеустремленных. Слово «бунтарь» употребляется поэтом в позитивном смысле. И эти возмутители «спокойствия» зла появится, они станут народными героями, - в это верит поэт.

Поэт в стихотворении «Бунтари» призывает верить, что «бунтари» у нашего лихого времени скоро появятся. Ибо наше общество стало более несправедливым, чем советское общество. А.С. Тарханов говорит, что «поле Куликово» как и встарь, завет к битве со злом. Зла разлилось на российском поле очень много, нужны новые силы и люди для борьбы с ним, нужна новая «Куликова» битва.

5.3. **Вера в любовь**

Тема любви в творчестве Тарханова А.С. интересная, но далеко не исследованная. Литературные критики почему-то обходят её стороной. Эта тема присутствует в его поэзии с первой книжки «Зелёный дождь», изданной ещё в 1975 году. Любовь – это состояние души, полет мыслей, радостное ощущение принадлежности к природе, восторг от страдания, вдохновение в творчестве и расставание с близкой, родной душой. Он верит в любовь, в её сострадательную силу, в её природную чистоту, в её свежесть.

Вера в любовь - это вера, ведущая к единению, вера возвышенная и духовная, которая ломает все перегородки между Природой и человеком, между женщиной и мужчиной, объединяет их для того, чтобы бросить семя новой жизни; вера, которая поднимает высоко на пьедестал предмет любви. Эта вера мучительна, сострадательна, но и прекрасна, возвышена, светла. Эта вера от Бога. Истинная любовь – это жизнь в страданиях, муках, переживаниях, сомнениях и возвышении духа. Кто по-настоящему никогда не страдал, не переживал, не сомневался, тот никогда не любил. Такой человек никогда не поймет красоту, глубину, напряженность этого чувства любви. Вера в любовь – это вера не в секс или похоть, но вера в духовное единение с Богом, в Боге, вера в страдания с Богом. Христианская вера – это страдающая вера ЛЮБВИ. И стихотворения поэта наполнены такой возвышенной, светлой, чистой, полной страдающей любовью. Для поэта любовь чиста так, как чиста сама её величество Природа. Поэтому стихотворения поэта пронизаны особенно трепетным чувством любви к Природе: любви к снегу («Монтажник»); любви к капризной погоде («Посадка»); о вспышке любви в цветах («Цветы»); любви шиповника («Шиповник рдеет на откосе…») и другие. Тобольский исследователь В.Д. Лебедев писал:

«Здесь, в родной земле ему все знакомо. Только здесь он находит гармонию и красоту, которых порою так ему не хватает. Он приходит сюда не как охотник, рыбак, добытчик. Природа – целитель его души»[178].

Ах, какие цветы у тебя в огороде!
Залюбуется ими прохожий любой.
Приоделся по летней чарующей моде
Конопатый волшебник, желтун-зверобой.
А в анютиных глазках семь радуг сияет,
Настроение каждой сумей улови:
То гроза вдруг зеленая заполыхает,
То оранжево вспыхнут слова о любви.
У купены цветов так рассыпчаты звоны!
Подойдешь – и засохнут они до поры.
И не знают саранки капризного тона,
Греют сердце, как путников ночью костры.
Входишь ты в огород как хозяйка восхода.
Как цветы от росы на заре хороши!
Праздник красок живых твоего огорода
Как целебный настой и любовь для души.

(Цветы)

Все на стороне любви: и Природа, и звезды, «влюблённые в счастье». Этим поэт хочет сказать, что Вселенная любит счастье потому, что счастье несет в себе единство, полноту, гармонию, развитие. Любовь, как и первозданная и нерукотворная Природа, несет в себе свежесть чувств, вечную молодость, ибо истинная любовь строит жизнь, ибо она есть основание для творчества. Истинная любовь всегда плодоносна, всегда несёт с собой свежесть чувств, тайну сокровенную, страдания, переживания, радость и тоску. В этом заключается красота любви. Красота – это не только любовь молодости, но и свежесть чувств, сердечные страдания независимо от возраста.

Прекрасна сама «исповедь сердца» девчат, которую необходимо выслушать, - говорит поэт. И природа дарит влюбленным девчатам вечернее затишье, на небе звезды надевают свои короны для «влюбленных на счастье». Поразительно нежные и полные света строчки стихотворения «Влюблённые» укрепляют нас в вере в торжество любви.

Луной окольцованы вишни.
И звезды надели короны.
Вечернее это затишье
Дарит Природа влюбленным.

[178] Лебедев, Д. В. Манси. Очерк истории литературы / Д. В. Лебедев. – Тобольск, 1995. – С.156.

И бережно, словно младенца,
Несут в себе слово девчата –
Горячую исповедь сердца,
Которую выслушать надо…
И требуют губы согласья.
И видят вечерние кроны,
Как звезды
влюбленным на счастье
Свои надевают короны.

(Влюбленным)

Любовь – это всегда тайна влюбленных сердец, души и ума, тайна для двоих, которая наполняет восторгом влюбленные души девушек и юношей, которая врывается в жизнь неожиданно и нежданно. Как поется в песне: «Любовь нечаянно нагрянет…». И эта тайна недоступна для посторонних, она проявляется в страданиях, мечтах и грёзах, переживаниях, во взглядах, неожиданных поступках, в излияниях эмоций и «горячей исповеди сердца». И эта тайна становится доступна только для того, кого избирает сама любовь. Пришествие любви – то великое счастье от ощущения прикосновения к великой тайне зарождения новой жизни. Сердце трепещет, просит исповеди, «которую выслушать надо». Кто выслушает эту исповедь влюблённого сердца до конца? Только тот, в душу которого , ум и сердце врывается Любовь. Любовь может слушать Любовь, может понять Любовь, почувствовать Любовь. Любовь поднимает любящих над временем и пространством, над противоречиями жизни, ломает всевозможные культурные и национальные перегородки и несёт влюблённых в страну счастья.

Человек верит, что любви нет границ ни культурных, ни национальных, ни религиозных, ни языковых, что любви все возрасты покорны. Человек верит, что тайна любви все равно когда-нибудь будет для кого-то открыта и поэт пьёт «восторг из губ … глаз», пьет «росинки тёплые ресниц». Пить восторг, значит любить платонической любовью, значит напитываться энергией этой платонической, может быть даже безответной любви. Весна, когда распускаются первые листочки, когда цветет всё живое, располагает к этому и ум, и душу, и сердце юноши и девушки. Верить в силу страдающей и мучительной любви, восторгаться и радоваться любви других, значит жить по любви, создавать высокие творения культуры, поступать по любви, правде, добру. Ибо любовь не может не быть правдивой, любовь во лжи – это уже не любовь, а «просто кажется», как поется в любимой русской песне. Любовь несёт за собой добро, правду, справедливость, мудрость, гармонию умов, душ и сердец.

Любовь прекрасна в сей миг, сейчас, а не вчера или завтра. Ибо любовь сейчас кружит влюблённых в танце счастья и великого

восторга, неописуемой радости от цветения и многозвучия чувств. Верить в будущую любовь, значит верить в фантомы, верит в то, что может и не наступить. Верить в прошлую любовь, значит верить в то, что не вернется. Любовь вчера – это уже история, а любовь в завтра – это всего лишь грёзы, в лучшем случае – цель, которая может быть и не достигнута.

Любовь в «миг, между прошлым и будущим», называемом жизнью, - вот кредо А.С. Тарханова.

И щеки зарумянились твои,
И тайнами наполнилась душа.
От запаха разбуженной хвои
От радости рабочей мураша.
И верим, верим мы любви сейчас
И в мире нету возрастных границ.
Я пью восторг из губ твоих и глаз
И пью росинки теплые ресниц.

(Приход весны)

Ожидание встречи с любимой всегда томительно, волнительно, мучительно. А сама встреча с любовью неожиданна, восторженна, радостна, счастлива. В стихотворении «После дождя в тот день весенний…» поэт описывает состояние молодого человека от встречи с любимой. Природа полнится красотой: пылает радуга, вода становится синей. Девушка такая красивая, что «в жизни не была», на ней зеленое платьице, идёт она восторженно-легко – само торжество природы. Любовь чиста, светла, полна красками, как сама Природа. Влюбленная девушка есть торжество, венец Природы. Именно в такую чистую, восторженную и светлую любовь верит А.С. Тарханов.

После дождя в тот день весенний
Я ждал тебя на берегу.
И усмирил своё волненье,
Бросая камешки в реку.

Пылала радуга на диво,
И воду синюю пила.
Ты шла ко мне…
Такой красивой
Ещё ты в жизни не была.

В зелёном платьице, босая,
Ты шла восторженно-легко.
Была ты милая, родная,
Самой природы торжество.

Я понял день,
и понял травы,

Узнав желания твои.
И мы с тобой сегодня правы,
Укрывшись пологом любви.

(«После дождя в тот день весенний…»)

Любовь творит свои законы, создает свои права. Юноша и девушка правы только потому, что искренне любят друг друга. Любовь всегда права, влюблённые всегда правы, - говорит в заключение поэт. Истинная любовь нравственно оправдывает отношения молодых, ибо она возвышена, светла, плодотворна, несет счастье и радость, томительные чувства и желания. Любовь соединяет сердца для того, чтобы дать начало новой жизни, отдельной от предмета любви. Новая жизнь – это результат воплощения Любви двух сердец, но не сама Любовь. Где любовь, там и красота, там и легкость движений и полет мыслей, и душевные страдания. Влюбленные – это «самой природы торжество». Ибо влюбленные не дают затухнуть, захиреть и опустошиться самой высшей Природе. Они из двух «бытий-для-себя» несут в Природу третье потенциальное «бытие-в-себе», еще неведомое, потенциальное, которое превратится вскоре в реальное «бытие-в-себе».

Следует отметить, что А.С. Тарханов верит больше не в любовь к Богу, а в любовь земную, сегодняшнюю, в данный миг. Он верит в любовь, которая одухотворяет людей, которая возвышает человека над проблемами жизни. И от этого его строчки стихов проникновенны, правдивы, наполнены воздухом, динамикой полета, светом. Такая любовь, есть любовь от Бога, она созидательна, творческая, имеет продолжение.

5..4. Вера в чудо

В стихотворении «Бригантина» поэтом создаётся светлый образ веры в мир, любовь, в гармонию человека и природы, веры в чудо. Здесь прослеживаются и православные мотивации веры в чудо. Здесь присутствует вера в светлое, возвышенное, гармоничное. Именно, кем создан мир и для кого? Чудеса нужны человеку. Созданный, то есть искусственный мир называется «второй природой», ибо он сконструирован из элементов её величества Природы. этот виртуальный мир в Природе есть мир компьютеров, машин, гидроэлекторстанций, космических кораблей… Разве это не чудеса? Но эти созданные миром чудеса могут нести не только развитие, но и распад, разрушение. Разве не чудом достижений человеческой мысли являются подводные лодки, авианосцы, но они несут потенция разрушения, но являются и гарантий мира от самоуничтожения противоборствующих сил. Человечество создает такие чудеса,

которые уничтожат само это человечество. Но море ждет именно «Бригантину» - «звонкую весть», значит, хорошую, добрую, светлую весть.

Вера в чудо - составная часть веры в Бога, Иисуса Христа. Учитывая биполярность синтетической веры поэта, нельзя удивляться тому, что он ищет чудеса не в божественном, а в самой Природе. Для него лебеди - это чудо света. И он верит в это чудо света. Ждёт этого чуда. Вообще у него, как у дитя северной природы, сложилось особое, трепетное отношение ко всему живому в тундре, тайге, лесе, особенно к лебедям. Как-то поэт сказал: «Природа – это чудо. А чудеса у неё происходят в нормальном, рабочем порядке. Надо только увидеть, услышать, почувствовать – и стихотворение готово! Ежедневно я благодарю Создателя, знаете, за что? За то, что он шепнул мне однажды на ухо: «Андрей, сын мой, пиши стихи – это твоё. И я услышал этот шепот. Услышал»[179].

Видя это чудо, люди молодеют сердцем и душой. Это вера в чудо лебедей растапливает черствые сердца, снимает злобу. Он, грешный человек, видя такое чудо, то плачет, то слабости свои клянёт…, но он уверен, что это чудо принесет ему удачу. Поэтому он с нетерпением ждёт этих красивых белых птиц.

Поэт хочет поделиться с этим чудом, он желает его «для всех и навек» (вспомним мысли Ф.М. Достоевского об общечеловеческом счастье). В мире много злых людей, много лжи и несправедливости. Может, увидев это чудо, люди злые, те кто злобен, сгинут. А те, в ком еще теплится доброта, откроют сердца и души и впустят в себя прекрасное. Тем самым станут добрее и справедливее.

Ловлю губами ветер свежий,
Волненье чувствую земли.
И снова с трудною надеждой
Я жду вас, лебеди мои.
О, как я верю в это чудо! –
Взмахнут мильоны ваших крыл –
Помолодеют сердцем люди,
И сгинет тот, кто злобой жил.
О, как я верю в это чудо!
Хочу его для всех навек!
Ведь я – искатель истин,
Люди,
Такой же грешний человек.
И если я порою плачу,
И если я зову весну,
Поверьте – жить хочу иначе
И слабости свои кляну…
И трудно вдаль порой глядеться

[179] Ар-Серги, В. Андрей Тарханов – поэт земли Югорской (эскизы к портрету) / А. С. Тарханов. – Курган : Зауралье, С. 16.

Мне у дорожного весла.
Но обещают, как зарницы,
Удачи белых два крыла.

(«Ловлю губами ветер свежий…»)

Он во многих своих стихотворениях пишет о своей грешности, что от грехов он не может избавиться. Поднимая тему греха, поэт тем самым желает высветить не только свои ошибки, нравственные проблемы молодости или прошедшей жизни, но, главное, показывает, что безгрешных людей нет. Само признание факта греховности человеческой натуры подталкивает личность на следующий шаг – на очищение от грехов, на покаяние. И этот шаг он может сделать в Церкви. Очищение ума, души и сердца от скверны, от грязных мыслей, от ошибок и заблуждений прошлой жизни подталкивает его к укреплению веры в Творца, Спасителя.

Поэт хочет жить иначе, не так как сейчас, хочет бороться с грехами в мире и в себе, победить свои слабости. Поэт хочет обрести утраченный когда-то путь, но ему, грешному, «трудно вдаль … вглядеться». Обретение веры позволяет ему узреть именно эти дали. Поэтому он верит в Божественное, высшее, гармоничное, светлое, которое обязательно наступит. Читая его стихи, видишь как он копит силы, пытается взлететь над землей, взлететь и устремиться туда, в небеса. Но это делает с трудом, с напряжением сил ума, души и сердца, с ошибками, тревогами и сомнениями. Он искренне стремиться найти путь к Богу.

5.5. **Вера в Бога**

Венцом, сердцевиной его веры выступает вера в Бога. Как он пришёл к вере в Бога, Спасителя, Творца, для поэта А.С. Тарханова – это отдельная, большая тема. Тема веры в Спасителя достаточно хорошо раскрыта в его стихотворениях. Приводимые стихотворения подтверждают его укоренённость в своей вере в Иисуса Христа – Бога и Спасителя душ людских с опорой на его языческое мышление, в основе которой попытка своего духовного обновления. С этой верой он все время поднимается в небеса. Из Природы он стремится взлететь, от которой он гребет «веслами». Надо взять весло и начать работать. Дорогу осилит идущий – так говорится в Священном Писании. И это чудо, увиденное им, молодит сердце, дает силы искать Истины, ведь поэт верит, что он «искатель истин». А искать истины трудно в море зла, лжи, несправедливости, множественности и невежества. Ибо искать истины нужно и для себя, и для других. Поэтому надо брать весло и грести к этим высоким Истинам. Но где

эти истины? Эти истины там, в вдалях, в которые трудно вглядеться, там, где Христос, там, в небесах.

Природой любуется не только человек, на земле живущий. Природой любуется Христос. Христос с небес любуется лесом, опушкой, наблюдает за тем, что происходит на Руси. А на Руси всего хватает: и мхом заросшие избушки, и пение птиц, и чары, и сказки, и песни народов, и бес кого-то тащит в лог. Он любит Русь, «от снегов и гроз свежую», самозабвенно, всей душой. Эта любовь искренняя и правдивая. Он говорит, что Христос не покидает Русь – он наблюдает с небес за всем, что происходит на российской земле. Наблюдая за происходящим, Христос не вмешивается в жизнь людей. Люди, избрав такую свою судьбу, должны научиться сами справляться со своими бедами, проблемами и невзгодами. Должны сами уверовать в истинность пути, который освещается Христом.

Этот синий лес парящий,
Им любуется Христос.
Этот холодок знобящий
Полевых и троп, и рос.

Мхом заросшая избушка
На развилке трёх дорог,
Черный ворон и кукушка.
Бес кого-то тащит в лог.

Эти чары, сказки, песни,
Голос иволги прелестный.
Русь моя – любви душа
От снегов и гроз свежа.

В каждом звуке, травке, камне –
Велика Русь изначально,
И для мира – вечно тайна.

(Русь)

Русь – это целый материк, который для мира является загадкой, он изначально несет в себе вечную тайну. Сколько бы не пытались и друзья, и недруги разгадать душу Руси, так и до сих пор не могут разгадать. А любая тайна страшит, ибо в этой тайне имеется что-то непредсказуемое, непредугаданное. Но этой тайной Русь интересна, эта тайна манит к себе, притягивает к себе, зачаровывает, интригует, завораживает.

Величие Руси в каждом камне, каждой травке, в каждом звуке, запахе. Это богатство и величие Руси надо беречь, защищать, хранить, как нам завещали наши предки. В этом величии Руси - сила Русского духа, сила Духа народов России, мы этим и интересны другим народам Мира.

Проникновенные строчки о Руси А.С. Тарханов наполняет восторгом, любовью, красками души. Это его Русь, его любовь, его душа. Душа поёт в любви, радости, божественном свете, чувствует свое величие, силу и веру. Русь велика и сильна изначально, для иного Мира вечная тайна, которую они никогда не постигнут. Такую Русь поэт хочет видеть всегда, такая Русь есть невообразимое богатство гор, тайн, птиц, сказок, песен. От такой Руси тянет снегами и свежестью гроз. Такую Русь хочет всегда видеть поэт. Такая Русь дает ему силы, волю, в такую Русь он верит всей душой, там его думы и мысли, там его сердце.

Но не все благополучно на Руси. Силы зла так и пытаются захватить Русь, поссорить людей друг с другом. Он изображает силы зла символами: собор в грозовом тумане, ворона клюёт крест. То есть зло пытается разрушить, унизить, ослабить сокровенную нашу веру. Но Колокол даже во сне чует эту злую силу и изредка говорит «Бам!» И, действительно, плохо сейчас в России, народ нищенствует, а жульё пиры устраивает, как во время чумы, покупает хоромы на наворованные деньги за границей и затем сбегает туда. Зло разлилось по Руси, проникло в каждый дом, вошло в душу человека. Зло приходит к нам в виде красивой «обертки», а затем развращает умы, души и сердца. Города и веси заполнили толпы пьяниц, наркоманов, проституток, уличных хулиганов и преступников, гомосексуалистов и сектантов, чего никогда не было на Руси. Это плата народа за его предательство Христа, за отчуждение от родной культуры, за забвение традиций, за потерю своей идентичности. Поэт верит, что пришло время звонить Колоколу. Он «Колокол» пишет с большой буквы, подчеркивая тем самым, что Колокол - живой символ борьбы против сил зла, несправедливости, лжи, невежества. Чистый, искренний и многоголосый колокольный звон отпугивает бесов, всякую нечисти, поднимает людей на борьбу за свободу, за светлую перспективу, за сносное житье-бытье.

Но колокол и нужен для того, чтобы Бог услышал человека, его проблемы, его боли, страдания и тревоги, с тем, чтобы взглянул на Землю, наполнил светом любви наши мрачные души, вдохнул разум в обезумевших людей от соблазнов и страстей. В посвящении к стихотворению «Колокол» А.С. Тарханов писал: «Нужен такой колокол, чтобы Господь услышал нас. И такой Колокол появится, и он грянет».

Собор в тумане грозовом.
Ворона клювом крест ласкает
И по-голодному смекает:
Проникнуть бы за хлебом в дом.

У Колокола чуткий сон.
«Бам!» - это он во сне вздыхает.

Свою судьбу с рожденья знает –
Отринуть зло. Оно кругом.

Народ в страданьях, нищите.
Жульё везде в дворцах пирует.
И золото, дрожа, целует.
Взываем, Колокол, к тебе:

Ждём вещий звон. Исполни долг!
Ждёт знака поле Куликово,
Оно к сражению готово,
Уже в засаде сводный полк.

И грянет колокольный звон –
Народный гнев, народный стон.
Услышит этот звон Господь.
Всё выскажет ему, народ.

(Колокол)

Поэт верит, что Христос услышит колокол, извещающий о мрачном времени, о смуте на Руси, что он обязательно выслушает всё, что говорит народ, увидит его страдания, нищету, неустроенность жизни. России нужен звон всех его колоколов, ибо Россия уже созрела для битвы на поле Куликовом. Уже сидят в засаде сводные народные полки, готовые низвергнуть врагов Отчизны, местную зажравшуюся во дворцах знать и олигархов, не чувствующих, чем живет народ, о чем думает, чего хочет. Поэт верит в символы Колокола и Куликова поля. Это символы борьбы против угнетения внешних врагов и местной знати, борьбы против засилья американизмов, вестернизации. А о том факте, что Россия достаточно глубоко зашла по пути вестернизации, говорить уже не приходится. Нужно остановиться, подумать, включить свой ум. Зрелые силы имеются в народе, готовые дать отпор бессмысленной погоне за Западом и его ценностями. России необходимо решить свои внутренние проблемы, то есть демографические проблемы, усталости народа, экономические, проблемы нищеты, идентификации, жилищные проблемы, обороноспособности и развития науки, проблемы нравственного оздоровления общества и проблемы лечения. Но решать так, чтобы будущее России шло по пути модернизации и инноваций, чтобы оно принадлежало нашим внукам. Он верит в то, что Бог обязательно будет с униженными и оскорбленными, нищими и убогими, Бог будет на сторое Руси.

Народу нужны не только Спаситель на небесах, но и мужественные люди, спасающие российскую землю от зла, лжи, невежества, несправедливости. В стихотворении, посвященном своему маленькому внуку, А.С. Тарханов говорит о таком земном

спасителе. Он хочет, чтобы его внук вырос и стал спасителем людей от их нищеты, защитил их от несправедливости и невежества богатых. Тем самым поэт подталкивает нас к мысли: потеряли поколение молодежи, займитесь внуками, воспитайте их достойными людьми. И они сторицею отплатят нам, станут спасителями России и нас. Внуков благославил на великие дела сам Бог.

Ты улыбнулся мне, Никита,
И значит, ты признал меня.
И на живой земной орбите
Уверенней вращаюсь я.

Я верю в этот миг прекрасный –
Сейчас Бог смотрит на тебя.
Он в мире усмирял ненастья,
Людей жалея и терпя.

И ты, малыш, ему отрада, -
Невинный, как листок весной.
Ему иметь надежду надо,
Чтоб стал умнее род людской.

Тебе, малыш, Судьба открыта.
Христос тебя благословил.
Явись Спасителем, Никита,
В измученный враждою мир.

(К Никите)

Поэт верит и в то, что этого хочет и Бог, он сейчас смотрит на малыша. Малыш ему отрада, он «невинный, как листок весной». Но Судьба открыта для малыша, ибо его благословил Христос. Он желает, чтобы его Никита явился в этот измученный мир спасителем и спас людей от вражды, ненависти, поборол неустройства жизни. Любовь к внуку наполнена надеждами на будущее, на то, что он вырастет сильным, умным, будет всегда со своим народом умом, душой и сердцем. Это пример попытки сохранения преемственности поколений, пример истинной веры в Христа, в его спасительную силу и его мудрость. Тем самым, его творчество направлено на возрождение преемственности между поколениями, на возрождение исторической Руси. Детей поставить на путь истинный трудно, но внуков не поздно, и это надо сделать. В их души необходимо вложить вечные ценности любви, добра, справедливости, мира, единства, знания и мудрости, традиционную духовную культуру. Мы должны заполнить их сознание родными сказками, преданиями, мифами, а не чуждыми, будь то греческими, французскими или американскими. Ибо Христос благославил внуков на великие дела, на спасение Руси.

Полны душа и сердце надежд на Иисуса Христа – Бога нашего, верного защитника Руси и народов России – суть стихотворения «Плач неба». Почему небо плачет? Потому, что мы, жители земли российской, забыли предания, свою культуру, поругали свои традиции во имя абстрактной «счастливой жизни» и пошли за безбожными людьми, доверились им. А как оказалось, - это были приверженцы Сатаны, которые «золотым тельцом», мечом и кровью заставляли жить по их законам.

В стихотворении описывается, как в день пасхальный спаситель наш, Иисус Христос, хотел опуститься на Землю, к людям. И что же он увидел? Увидел он резню, пожары, крик младенцев, плач матерей. Помрачились умы людей, позабыли заветы Христа, впали в беспамятство, пошли за Сатаной. И результат налицо! На земле опять смута, и эта смута, первую очередь, в наших умах, душах и сердцах, а только во вторую очередь, смута - среди людей, которую мы видим, ощущаем, чувствуем. Что мы делаем, люди? Уничтожаем всё, что дает нам духовную и материальную пищу, что нас объединяет, делает сильными, умеющими преодолевать бури и невзгоды. Люди позабыли заветы Христа. Прочитав стихотворение, скажешь: «Хватит! Порезвились! Остановитесь! Надо строить новую жизнь!»

Голосам умоляющим внемля,
Не скрывая волнующих слёз,
Вновь хотел опуститься на Землю
В день Пасхальный
спаситель Христос.

В небесах возликующих майских
И спокойствие, и благодать.
В эту ночь из обители райской
Осияно планету видать.

Что творится?!
Резня и пожары,
Крик младенцев и плач матерей…
И Христос опустился усталый:
«Сатана перессорил людей.

Наступило умов помраченье,
Позабыли заветы мои,
Будь печальным, мое Воскресенье,
И печально пролейтесь дожди…».

В эту ночь Первомая и Пасхи
Я не спал по веленью небес.
И лучей долгожданную ласку
Принял первым,
душою воскрес.

И по-детски мое ликованье:
«О, Спаситель! Мы ждём, приходи…»
Вдруг укрылось светило в тумане,
И как слёзы явились дожди.

Колокольные звоны печальны.
И слова покаянно глухи:
«Ты прости нас, Господь, за обманы,
За житейские беды-грехи».

Небо плакало.
Люди молились
И своею виною казнились.
Небо плакало.

(Плач неба)

Народ ждет праздник - православную пасху, ждет прихода Христа. Но не приходит на землю, которая предала его, забыла о преданиях, заветах и законах, данных Богом. Христос опечален. Печально звенят Колокола, никак не могут дозвониться до Бога. Народ еще не готов к покаяния, все лишь просит прощения за свои грехи, за обманы, за предательство. Народ просит Бога: «Ты прости нас, Господь, за обманы, / За житейские беды, грехи». Симптоматично, что поэт слово «Беда» соединяет со словом «грех». В его представлении наши беды есть наши грехи. Ибо беды наши от бездуховности, от безнравственности, от забвения традиций, от забвения самого Бога. В результате – Творец слушает нас, но не слышит нас, погрязших и не осознающих свои грехи. В ответ только плакало небо. Видимо, грехи наши тяжки, что мы плохо молимся, что мы еще до конца не осознали глубины трагедии предательства веры, предательства Христа. Или наше слово «беда» со словом «грех». Или наша молитва неискренна, наша боль есть боль не душевная, а физическая.

В стихотворении «Плач неба» очень ярко и глубоко показан ход воскресения души человека. Господь спасает наши души. Небо плачет. Люди поняли, какой они совершили грех. Они молились, признавали свою вину, казнили себя за то, что забыли Бога, свои культурные традиции, потеряли инстинкт самосохранения. Создан образ народного покаяния. Народ просит Господа о прощении грехов, о пощаде. Поэт верит в очищение умов, душ и сердец. Верит, что пройдя чистилище, отринув грехи и соблазны, народ станет мудрее, осмотрительнее и сильнее. Сила Духа народа в нашей традиционной вере.

Синтетическая вера А.С. Тарханова многолика, противоречива, кажется, на первый взгляд, что она вызывает в уме, душе и сердце

противоречия. На самом деле этих противоречий нет. Как мы полагаем, синтез вер в личной культуре поэта завершился. Его языческое мышление органично встраивается в православную веру.

Его вера цельна, вбирает в себя и христианство, и язычество, и новое и старое, и традиционное и современное. Его взгляд на веру есть его внутреннее убеждение, внутреннее состояние миропонимания и мировосприятия. Его вера дает ему силы для жизни и творчества. Синтетический характер веры глубоко раскрывается в его поэтическом творчестве.

«МНОЖЕСТВЕННОЕ» Я ПОЭТА П. Р. ЧЕРКАШИНА: ПОИСКИ СВОЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Философы в понятии «Я» выделяют три основных плана: эпистемологическое Я, психологическое Я и социальное Я. Если эпистемологическое Я, то есть Я как центр познания не вызывает затруднений в познании Я в смысле идентификации, то в психологическом (Я как самость) и социальном (Я как самопрезентация) планах есть много нерешённых вопросов для многих углубляющихся в себя людей. Попытка осмысления Я – это есть попытка самопознания, самонаблюдения, самоисследования и называется в науке одним словом – самосознание. Проблема идентификации себя является важнейшей не только для простых людей, но и для творческих работников, поэтов, художников, актёров. Более того, для творческих людей процесс идентификации протекает более остро, в конфликте, в борьбе противоречий в самом себе, в сомнениях, духовных кризисах.

Пытаясь понять творчество русского поэта Югры П. Р. Черкашина, мы натыкаемся на нерешённые поэтом проблемы своего Я во всех трёх вышеперечисленных планах. Мы с полным основанием можем утверждать меняющуюся множественность Я поэта на протяжении последних десяти лет, состоящую из различных Я-образов, Я-концепций, Я-планов. Идентификация – это есть процесс понимания человеком самого себя в контексте принадлежности к культуре, сообществу, нации, профессии, неформальной группы. В процессе идентификации человек приписывает себе те или иные Я-концепции и Я-планы. Философы различают профессиональный, культурный, религиозный, социальный, этнический, политический, региональный и другие типы социальной и индивидуальной идентификации. Поэтом остро ставится вопрос социального Я и религиозного Я. В творчестве П. Р. Черкашина более ярко выражен процесс индивидуальной идентификации, протекающий во взаимодействии с семейным, военным, общественным окружением, где формируются отношения личности к Другим, к самому себе. Именно через Других человек осознаёт своё Я.

Философ Е. О. Труфанова под индивидуальной идентичностью понимает «отношение человека к самому себе, становление которого происходит прежде всего в ходе социального взаимодействия»[180]. Рассмотрим все эти три плана Я в творчестве П. Р. Черкашина: как

[180] Труфанова, Е. О. Идентичность и Я / Е. О. Труфанова // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 95.

они влияют на его социальное, профессиональное и личное самочувствие на тех или иных этапах жизненного и творческого пути.

1. Я как центр познания: от чувственных состояний к духу

Поэт, в первую очередь, хочет понять свои чувства и переживания, свои психологические состояния, свою душу, своё отношение к дому, своему пути, к жизни, к Миру, Вселенной. Это познание своего отношения ко всем сторонам жизни и деятельности тесно связано с фактами биографии П. Р. Черкашина. Проблема Я-концепции, Я-плана, Я-образа - одна и центральных тем творчества поэта. Он много думает о себе, говорит о себе, о своём творчестве. Желая показать своё творческое Я, поэт совместно с С. Н. Черкашиной и Ф. Г. Баязитовым составил лучший биобиблиографический указатель произведений, публикаций и материалов своей жизни и деятельности. О том, что его творчество «психологически и духовно»[181] насыщено, говорят и составители библиографического указателя.

Познание своих разных планов и психических состояний и чувств занимает важнейшее место в осмыслении Я П. Р. Черкашиным. У него одинаковый и острый интерес вызывают такие состояния, как мечта, любовь и счастье, так и скука, одиночество, боль, горе, забвение. Он остро чувствует переходы от одних состояний к другим, от положительных эмоций к отрицательным и обратно. Он пишет о том, что пережил, как пережил, к чему пришёл. Он переживал в своей жизни эти психические состояния и не раз, поэтому поэт в своих стихах хочет показать их так, как они им воспринимались.

Тема «Я и любовь» волнует поэта на протяжении всего его поэтического творчества. Это самое прекрасное чувство, когда-либо переживаемое человеком. Любовь толкает человека на великие поступки, на великие мысли. Состояние любви занимает одно из главных мест в познании своего Я. Павел Черкашин задаётся вопросом: а было ли у него это чувство? Как глубоко он любил? И только в последних стихотворениях он отвечает на этот вопрос: да, любил, но любил неумело, как мог.

Ещё в стихотворении «Одинаково любить я не умею…» поэт задаётся вопросом: а можно ли любить одинаково? И сам чувствует, что не умеет одинаково любить. Более того, не смеет любить одинаково. Он чувствует, что в любви необходимо разнообразие, неодинаковость, в противном случае она быстро надоедает, приедается. Одинаковая любовь в его представлении – это уже не любовь, а так, привычка. А привычка уже не волнует, не привлекает

---

[181] Черкашин, Павел Рудольфович: (биобиблиографический указатель произведений, публикаций и материалов о жизни и деятельности) / Сост. С. Н. Черкашина, Ф. Г. Баязитов. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 7.

внимание, не переживается сердцем и душой, а совершается автоматически. В этой неодинаковости любви уже проявляется множественность Я-позиции поэта. Он чувствует, что любви заслужил, её выстрадал, но она неодинакова.

Одинаково любить я не умею.
И не смею.

Откровение людей я не проверю,
Я им верю.

И, бывает, многое теряю –
Доверяю.

Боль чужую близко принимаю –
Понимаю.

Пусть немало горечи изведал –
Я не предал.

И большого зла не совершил –
Пусть грешил.

Ни души, ни веры не убил –
Я любил.

Неужели я любви не заслужил?
А ведь жил.

(«Одинаково любить я не умею…»)

С любовью поэт связывает и душевные переживания, и веру, и грех. И за эти грехи ему придётся каяться, очищаться от этих грехов. Он грешил, но так, по-мелкому, и за это ему позднее становится совестно и стыдно. Одновременно изведал много горечи, терпя эту горечь, пытался понять это состояние души. Он никого никогда не предавал, выходил достойно из перипетий жизни и творчества. И за это ему не стыдно перед собой, близкими, друзьями. Противоречивые чувства борются в его мечущейся душе. В одном из интервью П. Р. Черкашин говорил: «…в моей жизни были разные Прекрасные Дамы».

Он пытался понять, насколько его греховная жизнь несла зло другим. Познавая этот вопрос, он приходит к выводу: да грешил, но большого зла не совершил. Вообще тема большого и маленького зла, мелкого беса и большого беса, правды и маленькой лжи очень актуальна в русской литературе. Эта тема поднимается в романе «Мелкий бес» Фёдора Сологуба, опубликованного в 1905 году. Автор писал: «…милые мои современники, это о вас я писал мой роман о

Мелком бесе… О вас». Все мы совершаем мелкие грехи. Но все ли мы замечаем эти мелкие грехи? Или, не замечая, проходим мимо их? Нет, не все. Глубоко верующие люди их замечают, так как знают или просто чувствуют природу греха. Каются, очищаются от них в Церкви. У них на личностном уровне всегда идёт борьба с этими грехами. Борьба со своими грехами – это постоянный труд нравственного очищения души, ума и сердца.

Понимая себя, П. Р. Черкашин лучше понимал общество, других людей, окружавших его. В другом стихотворении он пытается понять, почему его любили, хвалили, а затем «грязью лили», «били, били». Потом после смерти его снова хвалили, «влекли на пьедестал». Ему предлагали сделку, но он не соглашался в этой сделкой. Она противоречила его душевному состоянию Я-позиции, Я-плана. Поэт находит для себя только один ответ: пока его творчество имело высокий авторитет при жизни и после смерти, то его имя любимо, обласкано, хвалимо, награждаемо, почитаемо. Что это, как не лицемерие! Как пели в какой-то песне: «Это не любовь, а просто кажется». Талант должен цениться всегда, и лицедейство, хамство, ремесленничество должны подвергаться беспощадной критике. Здесь он пытается домыслить, додумать то, на что обычно решаются на смертном одре: предвосхитить будущее после смерти. Как к нему будут относиться после смерти? Его это очень волнует. Он хочет, чтобы его творчество жило и после смерти, волновало умы, души и сердца. Поэтому ему не безразлично, что будут говорить о нём в будущем, когда его жизнь угаснет.

Его волнует состояние одиночества, какие возникают от него мысли. Он снова и снова возвращается к исследованию причин одиночества от отсутствия любви. Любовь сближает людей, соединяет их души, ума и сердца. Он говорит в прошедшем времени. Грустил, смеялся, расставался, но был не целован, не любим. Он говорит о своей любви, о своих переживаниях, о своей тоске, о своём одиночестве.

Грустил, смеялся, расставался,
А четверть жизни прожита уже.
А я ещё не целовался,
И не сказал другой душе,
Что я люблю, что одиноко
Мне без неё и скучен день.
Погаснет свет и наших окон,
И всё растает, даже тень.

(«Грустил, смеялся, расставался…»)

Он любит, без неё «скучен день», «погаснет свет», «всё растает, даже тень». Но его не любят, он даже не целован. Пора любви

пришла. Мысли и думы заняты любовью. Тема «Я и Она» активно разрабатывается и осмысливается поэтом. В его поэзии чувствуется напряжение Я и Она. Поэт осознает своё чувственное Я. Ему рисуются Я-образы любви, но эти образы не становятся реальностью, они есть лишь грёзы, мечты. Он не видит того, что Она отвечает ему взаимностью. Нарастает состояние внутренней напряжённости, неуверенности от любви, кризис гендерной идентификации.

Ожиданием любви проникнуто стихотворение «Приди». Он ждёт, что всё-таки проснётся любовь в том, кого он любит, о ком тоскует. Он ждёт ласки, доверяет своё сердце своей желанной. Зовет её – приди! Забудем обиды, будем чище, лучше, бросимся в объятия друг друга. Почему Она не видит, не чувствует его отношения к Ней? Почему Она не отвечает ему взаимностью на Его чувства?

Здесь ощущается мужская неуверенность, доходящая до кризиса Я. Почему он зовёт: «приди», а не сам идёт навстречу любви? Это может происходить от понимания неразделённости чувства, неуверенности в себе, несовпадения Я-образа любви с реальным предметом любви, внутренними сомнениями и, может быть, даже страхами. Что победит в душе поэта: ожидание, что любимая придёт? Или всё-таки он сам придёт к любимой и бросится в объятья? А если она не любит его? Поэтому он не идёт сам, он ждёт, он не уверен во взаимности чувств, но он хочет этого. Это внутреннее напряжение Я, ввергшегося в сомнения и противоречия, в борьбу чувств, ведёт, в конце концов, к кризису Я-образа.

Приди. Я жажду твоей ласки.
Когда сгущает вечер краски,
Приди. Я двери отворю.

Приди, желанная. Я верю,
Что другу сердце я доверю.
Приди. Как с богом говорю.

Приди, любимая. Забудем
Обиды. Выше, чище будем
Приди. Тобою лишь горю.

Приди! Мы вольны от заклятья.
Приди – тебе мои объятья!
Приди – тебя боготворю!

(Приди)

Любовь грешна, и поэтому он просит помолиться за него, за его многогрешную жизнь, за его непутёвую душу и за то, что верил урывками в Бога. Я поэта стремится к целостности концепции предмета и образа жизни, но он их не может обрести в этом

наполненном страстями и соблазнами мире, мире ожиданий, разочарований, печали, несбывшейся мечты и великой и светлой любви.

Если ранее в своих стихах П. Р. Черкашин говорил о малом зле, малом грехе, то через четырнадцать лет он уже ставит вопрос о «многогрешной жизни». Это не отдельный какой-то грех, а целая линия поведения, осознаваемая как «многогрешная жизнь». В этом и проявляется обостряющийся кризис личности от неразрешённости противоречий идентификации Я, от усложняющейся «множественности» Я поэта. Почему это происходит? По всей вероятности, этот кризис гендерной (мужской) идентичности обусловлен потребностью в духовно-нравственном обновлении всех основ личной жизни, жаждой любви и отсутствием взаимной любви, одновременно и желанием острых ощущений, и потребностью возвращения к традиционным духовным устоям жизни. В основе психики лежит бессознательное. Это бессознательное препятствует обретению личностью стабильной Я-идентичности.

Этот кризис, по всей вероятности, навеян переживаниями и мыслями, связанными с чеченской войной, участником которой был и Павел Черкашин. Ему надо высказаться любимой. Это вроде стихотворения-завещания. Если не скажу сейчас, то, может быть, и не успею никогда: «Истекает мой срок на планете». Стихотворение «Помолись за меня, помолись…» дышит каким-то ощущением фатализма, скорого конца, неизбежности. Поэтому его душе хочется высказаться, хочется преодолеть этим все преграды, которые были между ним и ей, преодолеть непонимание в любви.

Его Я всегда стремилось к цельности, преодолению множественности, но он, как думает, не успевает преодолеть эту множественность Я. Поэтому он и просит любимую помолиться за него, за многочисленные грехи. Он в этом стихотворении сознаётся о своих многочисленных грехах именно тогда, когда остро ощущает близость смерти, видит ее где-то рядом.

Помолись за меня, помолись –
Истекает мой срок на планете –
За мою многогрешную жизнь,
Что однажды уйдёт на рассвете
В небывало далёкую даль
И обратно уже не вернётся.
Помолись, пусть глухая печаль
Твоих дум никогда не коснётся
О моей непутёвой душе,
Что урывками верила в Бога.
Я готов, я смирился уже.
Помолись, мне осталось немного.
Ну, а после – легко вспоминай,
Пусть обиды не будут преградой.

Неумело любил я, но знай:
Ты была в моей жизни наградой.

(«Помолись за меня, помолись…»)

Между стихотворениями «Одинаково любить я не умею…» и «Помолись за меня, помолись…» прошло 14 лет. Осознание состояния любви в самом себе перешло на более высокий, более напряжённый, на нравственно-духовный уровень. Если в стихотворении «Одинаково любить я не умею…» Павел Черкашин пытается осознать любовь как чувственное состояние Я, то в последнем стихотворении «Помолись за меня, помолись…» он уже просит любимую, чтобы она за него помолилась за то, что он любил неумело. Но всё-таки любил! Следует отметить, что ещё не кается за совершённые им грехи молодости, а просит любимую, чтоб она помолилась за него. Может, просто не успел покаяться? Он говорит всего лишь о своей «многогрешной жизни», о «непутёвой душе». Я в этом стихотворении критикует Я-позицию, Я-образы, но не пытается преодолеть этот глубокий душевный кризис Я. В Я-позиции, Я-концепции наметился острый разрыв. Он говорит: «Я готов, я смирился». Он смирился с тем, что не может очиститься от многочисленных грехов жизни, смирился с тем, что не может найти взаимности в любви. Это стихотворение свидетельствует также о том, что П. Р. Черкашин продолжает познание своего Я, то есть самопознание.

Поэт понимает, что она, любимая, была для него в жизни наградой. Он по истечению срока на этой Земле понял, что боготворил её, что любил её неземной любовью. Это значительная эволюция самосознания, осознания множественности своего Я. Но из этого состояния множественности Я он так и не выходит.

Познание Я-позиции, Я-образов, Я-планов, Я-концепций есть процесс, который одновременно проявляется в форме познания других своих психических состояний и чувств. Его богатое воображение рисует богатые Я-образы. Жить мечтами, грёзами – это значит жить будущим, грядущим, никогда не выполнимым, но прекрасным, полным, красочным. Он о себе говорит, что больше жил мечтой, что «был певцом мечты». Но эти его фантазии, мечты, грёзы есть игры воображения, которые постоянно разбиваются о жёсткую, непреодолимую реальность бытия, о необходимость жизни и деятельности. Это столкновение Я-образов, Я-концепций, Я-планов с реальностью усугубляет внутренние конфликты поэта, обостряет противоречия между множественными Я и приводит к осознанию им мечты, как обмана: «Грядущим жить? – Обман! Обман!» Противоречия Я разрешаются, но что он видит? А хочет ли он именно такого варианта разрешения внутренних противоречий? Анализ показывает, что он ждёт другой развязки.

Грядущим жить? – Обман! Обман!
Я был певцом мечты.
Но вот разбился талисман
Той призрачной четы.

Свободен я от грёз и снов,
Но выиграл ли я?
Что в настоящем? – Звон оков
И в рубище земля.

(«Грядущим жить? – Обман! Обман!..»)

Настоящее его угнетает, бросает в холод, ещё больше выводит из душевного равновесия. Что он видит в настоящем: «Звон оков / И в рубище земля». Настоящее – это звуки рабства, закабаления. Рабство вещизма, рабство духа, каких-то искусственных стереотипов поведения, рабство тёмной «культуры», рабство потребности. Опять непримиримые противоречия: грядущее – «обман»; настоящее – «звон оков». Грядущим жить нельзя, настоящая жизнь – это жизнь в конфликтах, в отрицательных эмоциях, в стрессах, переживаниях и войнах. Но он говорит, что грядущим жить нельзя, а сам живёт грёзами. Личное наталкивается на реальное, приводит в смятение души, умы и сердца.

Освободился от снов и грёз и что же выиграл? Поэт на этот вопрос не даёт однозначного ответа, да и не может дать его в состоянии «множественности» своего Я, кризиса Я, неудовлетворённости Я-планами, Я-концепциями, Я-образами, неразрешенностью самоидентификации. И он снова бросается навстречу снам, грёзам и мечтам.

Он видит тайные знамения, «находясь во власти сновиденья». Что это за «тайные знаменья», которые поэт видит, находясь «во власти сновиденья»? Он на этот вопрос также не знает ответа. Скорее всего, это те «тайные знаменья», которые ему указывают на путь любви, счастья, о которых он думает в данный момент, которые он переживает, осмысливает. И этим самым поэт пытается преодолеть «множественность» Я-позиций, Я-концепций, Я-образов. Он грезит этими «тайными знаменьями», и этим он счастлив. Счастлив, значит, он обретает свою цельность, преодолевает «множественность» своего Я, находит душевный покой и полноту. П. Р. Черкашин называет это состояние «большим просветленьем». В результате, он целен не в реальной жизни, а в грёзах, мечтах, сновидениях, фантазиях, то есть в своём воображении.

И находясь во власти сновиденья,
Я часто вижу тайные знаменья,
О коих грежу я.

И в оный час большого просветленья,
Я полон дум, идей и удивленья,
И этим счастлив я!

(«Как возникают в памяти мгновенья…»)

К познанию своего счастья он возвращается в стихотворении «Сколько лун росло, старело…». Он говорит о другом счастье, о реальном. Если он в грёзах, мечтах и фантазиях стал счастлив, то здесь говорит, что счастлив не стал. Его стихи дышат реальным и фантастическим, их борьбой, победой реального. Его угнетает то, что реальность жестока («Вот уже стареет тело…»; «на жизни полустанках / Сквозняки и колобродь!..») Эта реальность угнетает его ум, холодит сердце, опустошает душу, вводит его в состояние печали, которое он не может побороть. Счастье мечты, грёз, сновидений рушатся под напором жизненной реальности. Вообще стихийный переход с реального в фантастическое, с фантастического в реальное является одной из особенностей его поэтического творчества.

Сколько лун росло, старело,
А счастливей я не стал,
Вот уже стареет тело,
Чаще требует привал.

Но на жизни полустанках
Сквозняки и колобродь,
И на юности останках
Мне печаль не побороть.

Счёт минувшим дням потерян,
Всё, что было – не всерьёз.
Вещим временем расстрелян,
Я умру под хохот звёзд.

(«Сколько лун росло, старело…»)

Познание Я толкает поэта на осмысление состояния скуки, разлуки, одиночества. Нет человека, которого чувство одиночества не посещало бы в какой-то момент жизни. Это чувство одиночества у поэта обостряется расставанием с любимой, становится нетерпимым. Особенно там, на Кавказе, где П. Р. Черкашин выполнял свой воинский долг. Он был послан в зону боевых действий военным журналистом. Видел кровь, смерть, страдания, преступления, потерю друзей. Сам ходил по «лезвию ножа». В его сознание вошли и не выходили тревожные мысли, ощущение смерти, а от этого и чувство одиночества. Сверлящие сознание мысли (увижу ли когда любимую, своих детей, родных и близких, природу Севера) не дают покоя воспалённой душе, усиливают тоску по малой Родине.

На войне состояние тоски и одиночества становятся доминирующими. Он соскучился по любимой «…как птица, / Спешащая на Север по весне». Это скука не духовная, а биологическая, природная, животная. Птицу зовёт Север законом природы. Для птицы Север – это в определённое время года необходимость, неизбежность. Ибо это Родина птицы, её неотвратимая судьба, заложенная на инстинктивном уровне, как программа. Такая тоска возникает у человека только в очень трудные минуты жизни, то есть находящегося в зоне военных действий, где грань между жизнью и смертью очень хрупкая, где каждую минуту могут убить. Эта тоска поэта есть инстинктивное стремление выжить, уйти из зоны конфликта. Это зов жизни уйти дальше от смерти. Такие состояния человек переживает тогда, когда попадает в беду на длительное время, в беду, которая постоянно давит на сознание, высасывает из него все соки жизни, опустошает его и угрожает человеческому существованию.

Тосковать «как птица» - значит поддаться инстинктивному, бессознательному чувству выживания. И здесь никакими словами это состояние не выразишь: «…соскучился, как птица». Очень коротко и точно.

Я по тебе соскучился, как птица,
Спешащая на Север по весне.
Разлука наша четверть года длится,
И встречи наши только лишь во сне.

Ты, верно, тоже сильно стосковалась
И, засыпая, молишься: «Вернись!»
Всего неделя в Грозном мне осталась,
И я вернусь, любимая, крепись.

(«Я по тебе соскучился, как птица…»)

Состояние одиночества Я поэт исследует в стихотворениях «Как жестоки жизни роли…» и «Ночь одиночества выпью до дна…». Он говорит об обреченности быть одному. Человек приходит в этот мир одиноким и уходит из него один. И это так, действительно, в реальном физическом мире человек обречён быть одиноким. Но есть и другой мир: духовный.

Но человек живёт одновременно в двух мирах: реальном, физическом, и культурном, духовном. Его одиночество в физическом мире компенсируется нахождением в культурном, духовном мире. В этом неком совокупном целом, совокупном культурном целом, человек идентифицирует себя с его культурными целями. И если в этом совокупном духовном или культурном целом происходит разрыв, или личность по какой-то причине выпадает из этого целого,

наступает кризис самоидентичности, кризис Я-концепций, Я-позиций, Я-планов, Я-образов, что выражается в щемящей боли сердечной тоски, состоянии душевного сиротства. Человек чувствует себя одиноким, брошенным, никому не нужным существом. П. Р. Черкашин пытается познать это чувство рассогласования социального Я и личного, психического Я. Он не только познает, но и сам ощущает эти чувства в экстремальных условиях жизни.

В стихотворении «Ночь одиночества выпью до дна…» поэт осознает, что ночью состояние одиночества переживается острее и мучительнее. «Опьянение (от) тоски» ускоряет бег минут и часов. На это ускорение наслаивается поток мыслей и переживаний. Личность попадает в состояние забытья «безнадёги». В данной парадоксальной ситуации личности нет необходимости бороться со временем. Опьянение сознания тоской, забытьё растворяют проблему времени во сне. Утром, днём эти ночные видения и проблемы видятся в другом свете, несколько проще, менее трагичнее.

Одиночество также сопровождает тишина злая, ненавистная, нелюбимая, холодная: «Лишь тишины многозначный пароль / Цербером бдит на холодном пороге». От такой тишины у человека холодно на душе, сердце стынет. Для одинокого человека «тишина», как «цербер», бдит между пространством его души, ума и сердца и внешним миром. Эта тишина набрасывается на человека, грызёт его ум, сознание, опустошает душу. Порог – это раздел, граница между внутренним и внешним, личностным и Другим. И этот порог для человека одинокого холоден, пуст, пугает. «Тишина», «цербер», «порог» для поэта – это символы чего-то зловещего, пустого, одинокого, символы страдания, душевной боли, невыносимой тоски. В этом состоянии человеку очень нужны звуки, любые шорохи, слова, мелодии, чтобы этого «цербера» – тишины – избежать, преодолеть. Но одинокий человек понимает, что этого не может сделать. Ему не хватает силы воли, упрямства. И он от тоски пьёт, пьёт, и пьёт «ночь одиночества»! И уходит в забытьё. Это осознание трагического, неотвратимого, жестокого ощущения одиночества Я. Один на белом свете, а вокруг – холод, тишина, пустота. Замкнуться в себе, значит, заболеть, а преодолеть это чувство одиночества, значит, перейти холодный порог, разомкнуть узкие рамки Я, преодолеть кризис самоидентификации, «множественность» Я. От этого он горюет. Выйти из этого круга одиночества он может только с помощью другого человека. Вспомним дискуссию в кинофильме А. Тарковского «Солярис» на космической станции. Один из героев спрашивает: «Кому нужен человек?» и отвечает: «Человек нужен только человеку». Поэтому преодолеть чувство одиночества человек может с помощью другого человека, с помощью любви людей. Любовь преодолевает кризис человеческого одиночества, чувства

безысходности. Любовь взрывает тишину смехом, весельем, радостью жизни и творчества.

Ночь одиночества выпью до дна,
Память поддержит мой тост молчаливый.
Хмуро глотая минуты без сна,
Я не замечу их бег торопливый.

Только под утро тоски алкоголь
Свалит меня забытьём безнадёги.
Лишь тишины многозначный пароль
Цербером бдит на холодном пороге.

(«Ночь одиночества выпью до дна…»)

И понимание кризиса Я-концепции, Я-плана, Я-образа подвигает личность на преодоление кризиса самоидентификации. Он жаждет вырваться из плена «множественности» Я. Ему необходимо преодолеть противоречия Я и оставить своё горе вне себя, там где-то, там, где есть зло, ложь, ненависть. В стихотворении «В тишине замшелых кедров…», то есть в природе, «Где вампиров государство, / Чёрных демонов оплот, / Там, где ведьмовское чарство…» он оставил своё горе. Значит, зло там, на природе, где «сумрачный туман», там «где ведьмовское чарство». Зло в колдовстве. Опять же он тянется к колдовству (идёт в одном из стихотворений к ведунье), а в этом стихотворении там и оставляет своё горе.

Стихотворение «В тишине замшелых кедров…» во многом интересно тем, как поэт пытается преодолеть кризис самоидентификации. Здесь он вроде преодолевает, но в другом стихотворении он снова попадает в «ловушку», из которой только что вышел.

В тишине замшелых кедров,
Где багульника дурман,
Далеко до царства ветров,

Там, где сумрачный туман
Опоясывает горы,
Словно грозный великан,

Разрушающий узоры
Малахитовых камней,
Совершающий дозоры,

Изгоняющий людей.
Там, где душное коварство
Серых призрачных теней,

Где вампиров государство,

Чёрных демонов оплот,
Там, где ведьмовское чарство,

Где отравлен каждый плод,
Где земля с ручьями в ссоре
И мутит прозрачность вод,

Я своё оставил горе.

(«В тишине замшелых кедров…»)

Куда он стремится, чтобы избавиться от преследовавшего его горя? В природу к замшелым кедрам, туда, где «…сумрачный туман», туда, где «…душное коварство /Серых призрачных теней» (?!). Он идёт к злу, чтобы избавиться от противоречий жизни, «множественности» Я, он идёт ко лжи, невежеству, колдовству, в «царство вампиров», «чёрных демонов оплот» с тем, чтобы там оставить своё горе. Туда, «где земля с ручьями в ссоре», «где отравлен каждый плод». Он думает, что свои страдания, стрессы, противоречия Я, «множественность» Я там оставит. Можно ли преодолеть кризис самоидентификации и «множественность» Я там, где зло, где ложь, колдовство? Нет, конечно. Там кризис Я ещё больше обостряется. Тем самым, он попадает в новое противоречие своего Я, там, где идёт противоборство сознательного и бессознательного в Я, там, где дух борется с телесностью. И там он оставил своё горе, как оказалось, ненадолго. Это не тот путь, который он избрал. Последние попытки познания Я-концепции свидетельствуют, что на этом пути он глубоко заблуждался. Потому, что горе невозможно остановить в царстве зла, колдовства, невежества. Его можно победить лишь светом любви, светом духа, духовным перерождением жизни и творчества, духовным обновлением. Горе нельзя оставить, его надо преодолеть и набраться терпения, обрести волю, встать на путь к Свету.

Поэтому на этом поэт не останавливается. Попав в сложнейшие противоречия жизни, осознав проблемы самоидентификации, он пытается понять свой дух, познать духовную и нравственную сущность своего Я. В чем эта его духовная сущность? В поисках тишины, спокойствия. Но не той холодной тишины одиночества, в которой он выпивает до дна «ночь одиночества», с которой ему приходится мириться. Но ему нужна другая тишина, тишина и спокойствие души и духа. Ибо они дают покой душе, приводят её в равновесие, снимают напряжение, возникающее от сутолоки жизни. Именно такая тишина и есть условие для полёта духа, для духовного созерцания.

Поэт хочет понять эту тишину: в чём она? Как связана тишина с духовностью, с храмом? Как она связана со временем? Это и есть процесс познания Я-концепции. Он не любит шума, он устал от шума

городов, шума жизни, от суеты, дисгармонии, от всякой возни. Он ищет «храм спокойствия святой». И этот храм спокойствия святой он находит в Церкви. Он понял, что успокоение он может найти только в тишине, где «Немые свечи / Источают фимиам», где духовная жизнь не подвержена времени. Но где её найти: в лесу? Дома? Вдалеке от цивилизационных путей? Нет и там тишины! Его поиски приводят в храм, возвращают к вере предков, там время становится вечным. И в храме «Херувимы надо мною / Голос мой смиренно тих…». Наконец-то душа поэта обретает цельность, полноту, она соединяется с Всеединой, Вечной, Бесконечной, Абсолютной Сущностью. Этого он искал долго. Здесь он вроде бы преодолевает кризис Я-концепции, Я-плана, Я-образа. Здесь он вроде бы преодолевает противоречие самоидентификации.

Не люблю я шумных храмов
С неразумной суетой.
Я искал его упрямо:
Храм спокойствием святой.

Тишина. Немые свечи
Источают фимиам.
И не важно: утро, вечер…
Здесь другой отсчёт годам.

Херувимы надо мною,
Голос мой смиренно тих,
Я стою у аналоя
И читаю первый стих.

(«Не люблю я шумных храмов…»)

Процесс познания Я-концепции, осмысление им самоидентификации приводит поэта в храм, Церковь, где он стоит «…у аналоя / И читает первый стих». Тем самым он обретает душевное спокойствие, ему открывается высшая тайна бытия духа. Здесь неважно: утро это, или вечер, здесь «другой отсчёт годам». Мечущаяся душа нашла то, что так долго искала. Личность самоидентифицируется с традиционной духовностью, находит в традиционной духовной культуре себя, чувствует в ней себя комфортно и уютно. Там жилище русского духа. К этому стремилась душа поэта, это она начинает понимать. Этим же заканчивается настоящий этап в жизни и творчестве поэта. Я как центр самопознания и познания тем самым, как ему кажется, преодолевает кризис «множественности» Я.

Если проследить весь процесс творчества П. Р. Черкашина, то мы увидим, что его путь от чувственных состояний к духу цельному, духовному обновлению и возвышению очень сложен, омрачён

откатами назад, противоречиями, метаниями и сомнениями. В этом самопознании, самосознании П. Р. Черкашин реализует свою Я-концепцию и Я-планы. Реализует свободно, непринуждённо, в мучениях и борьбе своего духа. Это путь самоидентификации «меж терний», по «кривым дорогам», через грех и покаяние к духовным целям и духовному обновлению. Вообще религиозные искания и духовные мотивы заложены в раннем творчестве автора. Он пытается осмыслить своё религиозное Я через дипломную работу «Трилогия Ивана Сергеевича Шмелёва «Богомолье», «Лето Господне» и «Солнце мёртвых» в контексте критико-научных и текстологических проблем» в Тюменском государственном университете. Поздние его религиозные искания обретают новые формы, заводят его одновременно в русское язычество, христианство и натурализм.

2. Я как самость

Есть «поворотные пункты» в жизни каждого человека, то есть те жизненные и творческие границы, переступив которые, человек становится иным, другим, он чувствует, что сбрасывает с себя тяжесть старого. Это есть преодоление кризиса идентичности. Анализируя кризисы идентичности, немецкий исследователь В. Хесле установил наличие Я-субъекта, Я-объекта как Я и самости. Проблему кризиса идентичности он относит к проблеме идентификации Я и самости. Человек остро ощущает присутствие нормативного образа своей самости. Нормативный образ своей самости – это то, какой самость должна быть в представлении этого человека.

Кризис идентичности возникает у человека тогда, когда Я входит в противоречие со своей самостью или отвергает самость. Осознание, а затем и признание человеком того, что он уже больше не может идентифицироваться со своей самостью, то есть со своим прошлым Я, является важным для него шагом в разрешении внутриличностных противоречий и конфликтов, то есть в преодолении кризиса идентичности. Но некоторые люди запутываются в самих себе, порождают в Я новые грани, входят в новые противоречия и поэтому становятся неспособны преодолеть этот кризис. Отсюда неадекватное и нестабильное поведение в обществе, заметное как для близких людей, так и для самого себя.

Кризис идентичности может быть связан со многими жизненными и творческими факторами, например, с периодом полового взросления, страхом смерти и осознанием своей временности, конечности и ограниченности, разочарованием в привычных моральных нормах, неверным описанием образов своей самости. Заметны эти моменты кризиса идентичности и в жизни, и творчестве поэта П. Р. Черкашина. Так, в стихотворении «Грустил, смеялся, расставался…» П. Р. Черкашин осознает своё бессилие «в

море грёз», свою ограниченность. Жалуется миру о своей нереализованности, о непонимании Другими его судьбы. Он намекает, что судьба его ведёт по жизни и творчеству.

Всё промелькнёт. Уже немало
Мои отмеряли шаги.
Судьба меня не понимала;
А по воде идут круги
Не то от капель, то ль от слёз,
Но я, не плачу, я молчу.
Как я бессилен в море грёз!
Я понимания хочу.

«Грустил, смеялся, расставался…»

В этом стихотворении нет ощущения поэтом фатальной неизбежности, жизненной предрешённости («Уже немало / Мои отмеряли шаги»). Именно его шаги, которые позволяют избежать фатальное ощущение, отмеряли немалый путь. Он достаточно свободен в своей жизни и своём творчестве. Ощущение процесса, движения заставляет его попытаться понять своё Я, своё предназначение, свою миссию в этом мире. Он даже жаждет этого понимания: «Я понимания хочу» именно при ощущении Пути.

Но тем не менее на многие вопросы, поставленные жизнью и творчеством, он так и не нашёл ответа. Почему он ищет понимания сейчас, когда много уже прожито, а не тогда, когда судьба об этом не напомнит? Не говорит ли это о кризисе идентичности Я. В стихотворениях он говорит о «бессилии в море грёз», то есть в воображении. Воображение заставляет человека мечтать, фантазировать, грезить. Но он чувствует своё бессилие в области грёз, тем самым сужает пространство воображения – важнейшей части психического процесса. Это есть сигнал, говорящий о кризисе Я.

Стихотворение «Зеркало» – это продукт отчуждённого от реального мира, в виртуальность погружённого сознания. Это продукт меняющихся нереальных Я-образов, Я-концепций, Я-планов поэта. Всё, кажется, меняется, расплывается, всё – обман, всё – игра воображения. Весь мир обман, и в этом обмане мир человека «не более чем вздор». То есть и человек тоже «вздор» и «обман» (!).

Весь мир – игра воображенья,
И я – не более чем вздор.
Сижу, смотрю на отраженье
И вижу мрачный коридор.

А в нём неведомое что-то
Глядит безумно на меня.
Усталый взгляд, в глазах забота –
Печать придуманного дня.

Весь мир – игра воображенья,
И я – не более чем бред.
Я сам придумал все сраженья,
Процент просчётов и побед.

Друзья, враги – всё показалось:
Любовь, доверие, обман…
Одно лишь зеркало осталось.
Гляжу в него, а там – туман.

Но что-то призрачно немое
Мутнеет в зеркале кружа.
– Ты кто: земное? Неземное?
– Твоя бездомная душа.

(Зеркало)

Человек, пишущий такие строки, есть человек, потерявший Я-самость. Он так глубоко погрузился в кризис Я, что в его сознании смешались Я-концепции, Я-планы и Я-образы. Для него всё есть ложь, несуществующее, им придуманное, виртуальное. Это возникает от отчаяния, от ощущения духовного и творческого тупика. Всё, что было в реальности, по его мнению, есть фантазии, грёзы, сновидения. Он пытается почерпнуть творческие идеи, смыслы, проекты Я в стихии родного края. Может, эта стихия и порождает «множественность» его Я. Так, Л. Шахова, изучая творчество П. Р. Черкашина, отмечает: «…источником творческого вдохновения может быть всё, что угодно, и важен не только сам источник, а целиком среда, которая восполняет духовные силы, дающие вдохновение. А это Родина, поездки в родные края – необходимость окунуться в стихию, где родился, формировался. Полученный заряд эмоций, впечатлений помогает творить с новой силой, преодолевать жизненные трудности»[182]. И этот стихийный момент русской природы очень сильно представлен в его поэзии. Хочу не согласиться с Л. Шаховой, что источником творчества может быть «всё, что угодно», что «не важен сам источник». Такая позиция ведёт к постоянной множественности Я, к кризису идентичности.

Глубокий кризис идентичности возникает у человека с потерей своей веры. Одной из распространённых причин кризиса идентичности является конфликт между Я-программой и «социальным» Я. То, как себя представляю Я и как представляют Я другие, могут не совпадать, и это вызывает неудовлетворенность, и впоследствии на этой почве развивается кризис идентичности. Последствия этого кризиса Я проявляются в неадекватности поведения личности в обществе, в расхождении слов и смыслов.

[182] Шахова, Л. Душою мир любя / Л. Шахова // Северная панорама. – 2004. – № 33.

Кризис идентичности может возникать при столкновении Я-концепции с более сильной и стабильной Я-концепцией другого человека, если тот попирает или подавляет включённые в Я-концепцию ценности и устои. Такой кризис возникает при смене социальной среды, социума, при вхождении в разные неформальные группировки. К кризису может привести и разочарование человеком, которого ты любишь, когда он тебя предает, когда он отвергает тебя.

Одной из важнейших основ идентичности выступает наличие близких людей, которые видят и узнают в человеке его Я. Другой – это тот, который позволяет мне не повторяться до бесконечности. Другой ставит моему существованию, моей Я-концепции границу, помогает мне, облегчает мою самоидентификацию по принципу Я – это «не Другой». Другим для П. Р. Черкашина и является вторая любовь, «главная Прекрасная Дама». Бывает и то, когда Я нахожу, Другого внутри себя, Я отождествляю себя с Другим.

3. Я как самопрезентация

Различают «протеевскую» идентичность и «протеанизм». Протей – божество древнегреческой мифологии, которое постоянно меняет свой облик и способно сохранять его только будучи захваченным в плен. Современный человек постоянно меняется, его идентичность не может быть больше стабильной. Человек находится в плену иллюзий, в плену общественных событий, в плену ложной информации. В плену вещей, в плену людей, в плену мифов, идолов, символов и своих фантазий.

Революция в СМИ ведёт к быстрому изменению культурных ценностей. Человек хочет или не хочет, но становится «гражданином Мира», «космополитом». Тем не менее, находясь в своей культурной среде, он продолжает испытывать чужеродные социокультурные влияния извне. На человека оказывает влияние постоянная смена политических лидеров, у него ослабляется чувство доверия к этим политическим лидерам. Всё вышеперечисленное приводит к возникновению чувства «бездомности» или «безотцовщины». Протеевское Я должно бороться с этими ощущениями и, несмотря на постоянную изменчивость, должно быть способным сочетать и удерживать в себе ряд трудносовместимых элементов. Хотя в стихотворении «Дождь бормочет за окном…» поэт сам отвергает уют дома.

Дождь бормочет за окном
С увядающей листвой.
Капель влажный метроном
Навевает сон, покой.

Ночь тепла, струится пар,

Плавно ткёт тумана шаль.
Слёзы неба – щедрый дар,
В нём желанная печаль,

Искупление грехов,
Обновление судьбы…
И услышав тайный зов,
Я отверг уют избы.

Вышел слушать плач небес
С непокрытой головой
И опять душой воскрес
От молитвы дождевой.

(«Дождь бормочет за окном…»)

Стихии играют, буйствуют, являются на землю ливнем, буйством природы. Вроде человеку дома спокойно, уютно, тихо, тепло. Но нет, он рвётся на свободу. Его грешная душа мечется, рвётся к стихии для искупления грехов: «И услышав тайный зов, /Я отверг уют избы». И поэт устремляется из избы на свободу, на природу с тем, чтобы искупить свои грехи омовением дождя, обновить свою судьбу. Ему уже не нужен дом, уют. Только на природе он воскресает душой «от молитвы дождевой». И в стихии он хочет черпать силы для вдохновения, для творчества.

Его поэзия - сплошь одни противоречия. То он идёт в храм искупать свои грехи, а здесь он идёт в природу, также искупать свои грехи. Он мечется, терзается сомнениями, но всё равно идёт одновременно разными путями. Эти противоречия есть потеря своей культурной и духовной идентичности. Она смущает, волнует душу. Он пытается тем самым преодолеть «множественность» своего Я, но как-то не получается в перспективе. Если и получается, то на миг, на краткое время.

Хотя он ощущает ностальгию по родному дому, поэт бездомен, бежит из дома в стихию природы. Кажется, что у него два дома: один – это «космос», «природа»: второй – это церковь, храм. Но сам поэт опять попадает в противоречие и отвергает эти два дома. Он говорит: «мой дом – в душе». Это уже третий дом. Вне души у него уже нет дома. Всё, что вне души – это грёзы, фантазии, сновидения, то есть игра воображения. Поэтому он хочет обустроить свой дом в душе. Но душа имеет и телесные, и духовные корни.

Мой дом – в душе. И там же храм,
Смятенных дум исповедальня,
Дороги мыслей в сотни стран
И грёз заветных почивальня.

А если выйду за порог

И окунусь в поток мирского,
Мгновенье – и насквозь продрог
От равнодушия людского.

(«Мой дом – в душе. И там же храм…»)

Поэт строит свой новый дом в своей душе. Там же для него и храм, и исповедальня, и «грёз заветных почивальня». Только таким образом чувство «бездомности» он преодолевает. Но ненадолго. В его душе дом своих переживаний, мыслей, страстей, сомнений. Они никому не доступны, скрыты от внешнего мира. Его дом вне реального мира, бездушного, холодного, для него пустого. Человек, замыкающийся в своём доме, всё воспринимает глубже, острее, переживает болезненнее, разрешает внутренние противоречия и конфликты Я-концепций, Я-планов, Я-образов труднее и трагичнее. Он болезненно воспринимает все попытки вторжения в его Я-концепции, Я-планы. Я-образы. Это для него сокровенный мир чувств, мыслей, психических состояний и процессов. Это его тайна, ни для кого недоступная. В этом смысле он же не бездомен, его дом – это Я во всех его пространственных и временных параметрах. Он любит свой дом, лелеет его, противится вторжению в него Другого или Других, даже самых близких.

Другой аспект «протеанизма», – благодаря связанности человека с миром, возникновением у него экологического сознания, человек начинает ощущать возможность «конца Света» при своей непосредственной к нему причастности. Возникающее чувство «бездомности» может привести не только к трагическому исходу кризиса идентичности, но и к позитивному результату, когда человек отправляется на поиск своего «дома». Под «домом» может пониматься как географическое место жительства, так и психологические настройки личности. И это состояние «бездомности» ощущается и в других стихах П. Р. Черкашина.

Протеевская идентичность предполагает возможность существования одновременно нескольких Я, вплоть до наличия Я, противоположных друг другу. Каждое из этих наличных Я готово вступить в действие. Протеевское Я опирается на вещи, созданные людьми, на мнения людей. Например, формирование второго Я – адаптация к злу.

Протеевское Я не утверждает утрату самости, а направлено на поиск смысла этой самости. Протеевское Я стремится одновременно быть текучим и твёрдым. Личность балансирует между этими метаморфозами и стремлением к целостности. Важным качеством протеевского Я становится ирония. Ирония – способ поставить под сомнение любое Я. Ирония – это искусство обличения, представление трагического в комическом свете.

Я-презентация достаточно глубоко раскрывается в стихотворении «Превозносили, грязью лили…». Это претензия поэта, идущая из глубины души, неудовлетворённой своим положением в обществе, среди людей, на своё «величие». Такое величие, когда есть Он, остальные - просто «толпа». Не народ, а именно толпа, которая падает ниц перед ним.

И встану я, вперёд шагну,
И вдруг услышу я окрест:
«Смотрите, люди, он пришёл!
Очнитесь, люди, он – воскрес!»
И я предстану пред толпой,
И ниц падут передо мной.

(«Превозносили, грязью лили…»)

Этим стихотворением он хочет показать, что «воскреснув», он станет великим, и толпа падёт перед ним ниц. Если в жизни его не замечали, то обязательно заметят после смерти. Поэт этим хочет сказать, что его при жизни не оценили, не ценят, и что оценят только после смерти, как всех великих людей. Хотя в другом своём стихотворении он говорит: «Я не громкий поэт…». Он верит, что обязательно воскреснет через своё творчество. Здесь явно проявляется уязвлённое самолюбие. Это состояние характерно для личности, не могущей или не способной обрести свою социальную идентичность. Он претендует на большее, чем имеет. Этот факт можно связать и с биографией поэта. Например, он вступал в Союз писателей России не в Ханты-Мансийске, а в Тюмени, за пределами округа. Его не поняли в округе, хотя он уже сложился как талантливый поэт, играл определённую роль в развитии литературных процессов в Югре.

В стихотворении «Превозносили, грязью лили…» поэт также заявляет о своих амбициях, презентует себя «князем»: «Но был я – князь, / И буду им…». В этом стихотворении он считает, что на социальной лестнице он был, есть и будет выше Других, выше толпы. То, что на него льют грязь при жизни, всё это уйдёт, и его Я очистится от всякой шелухи временем. Отчасти он действительно прав. Поэту, да вообще всякому художнику, творческому лицу в России при жизни очень тяжело. Его притесняют, унижают, заставляют делать то, что он не хочет, к чему его душа не лежит. Вспомним из истории русской мысли, сколько людей, талантливых ученых, писателей прошли через ГУЛАГи. Назовём только имена А. Солженицина, В. Шаламова, П. Флоренского и С. Королёва и всё станет ясно. Слово «князь» нельзя здесь понимать безусловно, оно в данном тексте означает, что он поэт, неординарный человек, что он творец, что он не «толпа», что он – ЛИЧНОСТЬ.

4. Ролевая идентичность

Я сформирована из нескольких, «естественно» возникающих, Я-образов, Я-концепций, Я-планов. Но человек может сформировать и искусственные Я-образы, Я-концепции, Я-планы, то есть созданные им самим или ему навязанные другими версии собственного Я. И эти виртуальные Я-образы, Я-концепции, Я-планы реализуются как ролевые игры. Они далеки от жизни.

Ролевая игра заключается в создании альтернативной, не связанной с его жизнью или основной трудовой деятельностью, версии своего Я. Точнее, это выглядит в появлении ещё одного Я-образа, Я-концепции, Я-плана. Ролевое Я создаётся не с чистого листа, а имеет какие-то основания в реальной жизни. Оно, как правило, или специально разрабатывается личностью, или заимствуется из какого-нибудь литературного произведения, или перенимается от известной личности. Ролевой Я-образ, Я-концепция, Я-план существует лишь в рамках определённого, принятого сообществом, набора правил и диктуемого игрой.

П. Р. Черкашин в стихотворении «Как жестоки жизни роли!..» осмысливает роли жизни, игру этих ролей. Роли, которые играет личность, могут быть приятными, осмысленными, принимаемыми. Роли жизни, которые играет поэт, являются жестокими, вызывают душевные боли, переживания. Чувства и душевные состояния, боли и переживания игрока скрываются за маской. Они не видимы для людей, наблюдающих игру этих ролей. На самом деле он, человек, играющий те или иные роли, одинок, обречён быть одиноким. Внутри него боль, страх, может, и ненависть, и страдания; снаружи, на маске – благодать, улыбка. Где реальность, а где сказка? Об этом размышляет П. Р. Черкашин. Это стихотворение пронизано чувством безнадёжности, безысходности от того, то ему уготована именно эта роль. Он с ней уже свыкается, но душу терзает досада, что ему досталась на сцене жизни именно эта роль.

Человек не может выйти за пределы этой играемой им роли, так как проигнорировав эту роль, он будет выброшен из системы, где все играют роли, но другие роли. А это система, дающая именно эти роли, даёт ему на жизнь, на пропитание. А ему приготовлена именно эта роль. Не фатализм ли это?

Как жестоки жизни роли!
Обречён я быть один.
От такой душевной боли
Не избавит анальгин.

На лице бравады маска, –
Всё о'кей и благодать,
А за ней правдивей сказка:

В пору только лишь рыдать.

Впрочем, я привык, наверно,
Уж не так терзает боль.
Но сильна досада: скверно,
Что досталась эта роль.

«Как жестоки жизни роли!..»

В стихотворении показано, что Другой видит у личности «искусственное» Я, за которым какая-то сказочная, нереальная, придуманная роль. Он принимает это искусственное Я, его роль, идентифицирует себя именно с этой ролью. Здесь обнаруживается разрыв с реальностью. Но есть и другое Я, которое скрыто от постороннего взгляда. И это раздвоение Я терзает дух, создаёт душевные боли, внутренние конфликты. За маской чувство одиночества. Я для всех один, я как есть на самом деле – Другой: это и есть драма Личности. Это драма всей жизни человека, драма его творчества, его Пути.

В стихотворении «Видит Бог – живу я не напрасно…» поэт говорит о неизбежном, о заданности кем-то пути поэта, о том, что не поэт определяет пути-дороги. Он выполняет лишь заданные Другим ему роли. И здесь поэт должен принять и играть принятую им роль, даже если она ему ненавистна. Боже упаси нарушить условие игры: общество, свыкшееся с этой ролью поэта, отвергнет его. Судьба С. Есенина, М. Булгакова, Н. Клюева и других поэтов и прозаиков есть живой пример тому. Его роль - писать стихи, ласкать слух публики, и не лезть в политику. Политика – это уже другая роль, предназначенная для сильных мира сего. Там идёт конкуренция, кто наверху, тот и в лучах славы.

Поэт не чувствует, что ему дан дар пророка, хотя все говорят, что поэт – пророк. Быть пророком - значит предугадывать события развития социума, какие-то факты биографии сильных мира сего, ход общественных событий. Поэтому П. Р. Черкашин считает, что он поэт, но не пророк. Хотя знает, что поэт в России – больше чем поэт. Он не пророк потому, что он «идёт давно известным следом / По седому кружеву дорог». Поэтому он говорит о судьбе поэта, о своей судьбе. О том, что ему извне заданы роли, которые он играет на сцене жизни. А кто создаёт эти роли, ему «не ведомо». Поэт обретает ролевую идентичность, так как идёт по известным дорогам.

Дар пророка тоже мне не ведом,
Хоть и говорят: поэт – пророк.
Я иду давно известным следом
По седому кружеву дорог.

Те же звёзды в полночи сверкают,

И гудит приветливо костёр.
Дни бегут, судьбу мою слагают,
То в шалаш приводят, то в шатёр.

(«Видит Бог – живу я не напрасно…»)

Но быть можно и пророком, иметь и исполнять свою судьбу. Поэт разделяет эти понятия. Хотя он не считает себя пророком, тем не менее он исполняет роль пророка не потому, что он гений, что он поднялся на высоту знания, а потому, что его уму указали исполнять эти роли пророка. Фатальная неизбежность пути поэта – быть пророком. Его судьба определена. Куда приведёт его эта судьба, одному Богу известно.

В осмыслении ролевой идентичности Я поэта большое значение играет его роль поэта. П. Р. Черкашин занимает в обществе одновременно разные роли: военного, журналиста, поэта. Поэтическое Я выражено наиболее сильно, глубоко, эмоционально насыщено. Он как-то в одном интервью сказал: «журналистика больше для зарабатывания куска хлеба, а литература – для души»[183].

Творческая идентификация П. Р. Черкашина противоречива, но цельна. Он чувствует себя писателем, думает как писатель, считает, что уверенно держит свой «плуг».

Не берите меня на испуг.
Я держу свой уверенно плуг.
И сбивать с борозды меня – глупо,
Ведь и мудрость рождается в муках.

(«Не берите меня на испуг…»)

Поэт чётко представляет цели и задачи своего творчества, уверенно идёт по этому пути. Можно говорить о его литературной уверенности. Хотя он осознаёт, что великое, мудрое, совершенное рождается в муках. Но это приятные муки творчества, муки созидания, муки создания нового. У Павла Черкашина большие творческие планы: изучить и описать историю православных храмов Тюменской области. Его привлекают экспедиции по деревням Обь-Иртышья, так как «…деревня – это колыбель России, кладезь народной мудрости, обычаев, традиций, источник духовных сил»[184].

Человек, однажды вставший на этот литературный путь, идёт по нему всю свою жизнь. Но следует отметить и некую самоуверенность поэта в том, что он избрал правильный путь. Анализ «множественности» Я, его самоидентификации показывает, что он переживает, и достаточно длительное время, кризис Я. Это кризис Я-

[183] Самарово – Ханты-Мансийск. – 2004. – №13.
[184] Самарово – Ханты-Мансийск. – 2004. – №13.

концепций, Я-планов, Я-образов. Это своё внутреннее напряжение Я он осознает и пытается его разрешить на разнонаправленных путях своего творчества.

В стихотворении «По тропинкам моих поэтических строк…» П. Р. Черкашин говорит уже не об одном пути, а о множественности тропинок. Уверенность сменяется неуверенностью, сомнением, одна «борозда» разрывается на несколько тропинок. Он уже понимает, что Я-планы и Я-концепции множатся, мельчают. Но он идёт упрямо по этим «тропинкам …поэтических строк», но как «бродяга и странник». В одном он верен себе – в воспевании своей родины – Светлой Руси.

По тропинкам моих поэтических строк
Я шагаю упрямо – бродяга и странник.
Я Отчизне дал клятву, священный зарок:
Не забуду – скитаясь – российский ольшаник.
Я не громкий поэт, но даруйте мне срок,
На тропинках моих я – бродяга, изгнанник –
Воспою свою Родину – Светлую Русь
И по тропкам стихов в милый край доберусь.

(«По тропинкам моих поэтических строк…»)

Поэт – бродяга, странник, изгнанник на тропинках «поэтических строк». Кто его изгнал? Почему он бродяга и странник, поэт об этом молчит. Но несмотря на это он даёт клятву Отчизне, Родине верно исполнять роль поэта, воспевать свою родину – «Светлую Русь». Не Россию, не государство, не русский народ, а именно «Светлую Русь», то есть историческую Русь, Священную Святую Русь. И эта Русь и есть его милый край, откуда он вышел, куда он и устремился.

Бродяга – это путешественник, скиталец на тропинках «поэтических строк». Он свободен в своих творческих порывах, сюжетных линиях и развязках. Он черпает силы для своего творчества не от одного поэта, а от разных творцов слова, причём разных по направленности, по философской и жизненной позиции. С. Н. Черкашина и Ф. Г. Баязитов пишут: «Своими «учителями-ориентирами» в большой литературе, оказавшими влияние на творческое становление, считает: в поэзии – Сергея Есенина, Николая Клюева, Марину Цветаеву, Анну Ахматову; в прозе – Константина Паустовского, Юрия Казакова, Владимира Тендрякова, Владимира Солоухина, Джека Лондона»[185]. Он, следовательно, множественен в своих истоках. Поэтому, не случайно, что он идентифицирует свои Я-образы поэта со странничеством. Он становится в литературе бездомным, изгнанником, его Я-концепции, Я-планы, Я-образы

[185] Черкашин, Павел Рудольфович: (биобиблиографический указатель произведений, публикаций и материалов о жизни и деятельности) / Сост. С. Н. Черкашина, Ф. Г. Баязитов. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 7.

множатся. Они в истоках его личности и биографии. Он ищет, он в постоянном творческом и жизненном поиске пути. И он не сторонится этого, так как считает, что творчество рождается в муках.

Литературная бездомность – это есть попытка найти свой новый литературный дом, сформировать своё поэтическое Я, свой творческий стиль. Он думает, что ему нужно время и его образ Руси в его стихах заиграет в новых светлых тонах.

Упрямое, настойчивое исполнение роли поэта ввергает его в состояние кризиса Я-образов. И он просит время, чтобы эти кризисы Я-образов преодолеть. Поэтому на этом этапе творческого пути он может дать только клятву, зарок.

5. Преодоление кризиса Я через очищение от грехов

Проблема очищения от грехов, больших и малых, очень остро ставится поэтом. Но он пытается очиститься от своих грехов своеобразно: то в Церкви, то обращаясь к ведунье, то прямо обращаясь к Природе, Космосу, то к своей душе. Поэт пытается преодолеть кризис Я-концепций, Я-путей, Я-образов не путём стремления к целостности Я: во-первых, путём искупления, прощения грехов в результате бегства в Природу, путём созерцания космоса, во-вторых, обращением к ведунье о прощении «сорока грехов» (не всех) и в-третьих, ища утешения души и успокоения мятущегося духа в Церкви. То есть он даже не пытается преодолеть множественность Я, то есть Я – космического, природного, Я – языческого, колдовского и Я – христианского, православного. Синтез этих наслоений Я так и не удаётся преодолеть. Он и не стремится к этому. Поэтому так затянулся кризис Я-концепций, Я-планов, Я-образов, которые являются в форме разноцветия, разнозвучия, разноформенности его поэтических слов. Поэт всего лишь нейтрализует кризис Я, но ненадолго. Он синтезирует несоединяемое в единое целое Я. От этого он мечется, бросается из крайности в крайность и не может обрести ни социальную, ни культурную идентичность.

В стихотворении «Дождь бормочет за окном…» поэт бежит из дома в дождь «услышав тайный зов». Что это за тайный зов? Это Природа зовёт человека бездомного, грешного, бегущего из дома в объятия стихий природы с тем, чтобы искупить свои грехи, обновить свою судьбу. Человеку нужна энергия природы для искупления своих грехов тела и души. Тайный зов – это «плач небес». Поэт открывается этому «плачу небес», выходит на природу «с открытой головой» слушать этот «плач небес», умыться слезами небес. И только при этой открытости поэта природа позволяет ему искупить свои грехи, обновить, как ему кажется, судьбу, снова воскреснуть душой.

В стихотворениях «Кто мне подскажет: звёзды в вышине…» и «Из груди восторга возглас…» ощущается устремлённость души и

мыслей поэта в космос: «Красотою мирозданья / Я смятён и взят в полон…» Свет мироздания проникает в сознание, захватывает ум и воображение. Он попадает в плен этого «нездешнего света», хочет дальше быть в его плену. Для человека, пленённого звёздами, всем космосом, встреча с ним есть свидание, час которого недолог. Космос, Вселенная вечны, человек – конечен в своей земной жизни. И во время этого кратковременного свидания человека с космосом, звёзды подают ему какие-то знаки. Но понимает ли человек эти знаки?

Кто мне подскажет: звёзды в вышине
Кому мерцают в тишине?
Кто тайный друг красавиц нежных?
Быть может, знаки эти мне?
А я не ведаю об этом.
И перед сумрачным рассветом
Так равнодушен к взглядам звёзд
И их космическим приветам.

(«Кто мне подскажет: звезды в вышине…»)

Если понимает эти знаки, то почему поэт отворачивается от этих знаков «красавиц нежных»? Почему он равнодушен к их «космическим приветам»? Он отвергает энергию звёзд, он всего лишь хочет любоваться звёздами, созерцать их мерцание и движение Вечности, бесконечность, единство Космоса, Вселенной не умещается в его Я-концепциях, Я-планах, Я-образах, поэтому он их отвергает. Ему достаточно неба, «слёз дождя», стихий природы бренной Земли. Он радуется близкой природе, созерцает далёкую Вселенную, но не хочет понять её знаки. И в этом своём Я-природы он ограничен. Впуская зов природы, поэт боится впустить в своё Я знаки Космоса, Вселенной. И в этом его самосознание не расширяется, оно ограничено. Не развивается, а ограничивается рамками, созданными им самим.

В стихотворении «Как покорна душа в полнолунье…» показан другой путь преодоления кризиса Я, кризиса самоидентификации. Поэт обращается к проблеме прощения грехов ведуньей через её колдовство, заговоры, заклинания. Культурная самоидентификация ведёт П. Р. Черкашина к подъёму и осознанию языческого компонента в преодолении кризиса Я. Причём его душа обращается к ведунье ночью, в полнолунье. Ибо только в полнолунье «покорна душа», «оплетённая грёзами снов». В иное время суток душа не обращается к колдовству, так как в Я берёт верх другое, более одухотворённое, более разумное начало.

В русской культуре день олицетворяет царство Света, а ночь – царство Тьмы. Между этими царствами идёт нескончаемая борьба. Если Свет раскрепощает душу, ум и сердце, при Свете господствует

Дух Святой, то Тьма закрепощает душу, берёт её в полон, в рабство, она становится покорной.

Как покорна душа в полнолунье,
Оплетённая грёзами снов!
Я пойду к златоликой ведунье –
Пусть простит мои сорок грехов,
Пусть повергнет в немое раздумье,
Пусть избавит от тяжких оков,
И опять зазвучит семиструнье
Через долгие годы веков!

(«Как покорна душа в полнолунье…»)

Обращаясь к ведунье за прощением грехов «покорная душа» хочет избавиться от «тяжких оков». Он попадает опять в противоречие лечить подобное подобным, он пытается раскрепостить душу колдовством, заклинанием, заговором. Тем самым, он попадает в другое рабство, становится покорным другим знакам, другим символам, другим людям. Встав на этот путь, человек не только не преодолевает кризис «множественности» Я, кризис самоидентификации, но ещё больше их усугубляет. Появляются новые Я-концепции, Я-планы, Я-образы, но связанные с русской языческой традицией. Языческие мотивы проявляются не только в поэзии, но и в прозе писателя.

Более того, поэт обращается к ведунье отпустить не все грехи, а только сорок грехов (?!), то есть ограниченное их количество. Почему сорок, а, скажем, не сто? Поэт видимо понимает, что колдунья не может отпустить все грехи, многие находятся за гранью её компетенции, её силы и возможности. Ограничив сферу деятельности ведуньи, он тем самым ограничивает и свои Я-концепции, Я-планы, Я-образы. Ему нужно «немое раздумье», молчаливое исследование своей самости. Это замыкание в себе, в Я есть путь к отчуждению от Других, от общества. Тем самым, человек, встав на путь «немого раздумья», просит ведунью избавить его «от тяжких оков», то есть полагается в целом на Других в разрешении кризиса Я и самоидентификации.

Осмысление попыток преодоления кризиса Я идёт и по другим направлениям и путям самосознания поэта: по пути к Богу, по пути обретения истинной веры, пути к абсолютной Истине. Он стремиться быть ближе к Богу.

Вот он – мужевский погост,
И отца могила:
Распушился лисохвост,
В полный рост крапива.

Всё уныло, без прикрас,
Время – не садовник.
Лишь таращит алый глаз
Молодой шиповник.

Но, не знаю отчего,
Здесь я ближе к Богу.
Словно тут врата Его
К горнему чертогу.

(«Вот он – мужевский погост…»)

Он чувствует, ещё не сознавая, что ближе к Богу, к своей традиционной духовной культуре именно у себя на малой родине, в селе Мужи («мужевский погост»). А там, далеко, в городе, он очень отчуждён от своей культуры, от своей истории. Здесь поэт говорит о разрыве прошлого и настоящего, о разрыве культуры, об истоках этого разрыва в Я. И это не ослабляет кризис Я и самоидентификации, а наоборот усиливает. Находясь у себя на милой Родине, там, где его родители, среди полуразрушенных домов и хозяйств, он чувствует себя «ближе к Богу»: «Словно тут врата Его / К горнему чертогу». Но он не осознает, что чувствует, что Творец показывает ему путь творчества, линию его истинной жизни. П. Р. Черкашин говорит: «Тема деревни и деревенских жителей мне интересна, а когда какая-то тема захватывает, хочется ею поделиться с другими»; «Деревня даёт силы, а город их отбирает»[186]. Тюменский писатель С. Шумский, изучая творчество П. Р. Черкашина, отмечает: «…творческий мотив – это любовь к малой родине, ею пронизаны все сюжетные и лирические настроения героев, ничего милее нет душе и глазу для человека на земле, где он родился»[187].

В стихотворении «Три иконы, крест нательный…» поэт уже ясно осознаёт свой путь к Христу. Он уже понимает, именно это и нужно ему и в жизни, и в творчестве.

Три иконы, крест нательный
На цепочке на стальной,
Строгий пост семинедельный,
Свет лампады в час ночной
Да ещё молитва к Богу –
Вот и всё, что нужно мне,
Чтоб приблизить понемногу
Светлый день моей стране.

(«Три иконы, крест нательный…»)

---

[186] Самарово – Ханты-Мансийск. – 2004. – №13.
[187] Шумский, С. Природный дар / С. Шумский // Душою мир любя. Творческий портрет члена Союза писателей России Павла Черкашина. – Тюмень, 2007. – С. 5.

Ему нужна «молитва к Богу», «Свет лампады в час ночной», «строгий пост семинедельный» – всё это поможет ему, как он думает, преодолеть кризис Я и самоидентификации. Анализируя творчество П. Р. Черкашина в таком ракурсе, можно понять, что строчка: «…приблизить понемногу / Светлый день моей стране» означает путь к преодолению кризиса Я и самоидентификации. Но и это он не сможет сделать, так как в его Я присутствует одновременно три пласта: натуралистический, языческий и христианский. И в этих планах он одновременно пытается разрешить противоречия культурной, социальной самоидентификации. Психолог скажет, что это невозможно. Ибо преодолеть кризис Я можно только в одном из планов.

Таким образом, поэт П. Р. Черкашин, исследуя Я и процесс самоидентификации, замкнулся на своём Я, продолжает множить всё новые и новые грани Я. Тем самым запутывает себя всё больше и больше, отдаляет себя от действительной самоидентификации во всех планах. Его поэтическое творчество всё больше и больше обрастает новыми неразрешимыми на личностном уровне противоречиями, становится всё более сложным для понимания со стороны. Его результаты творчества становятся всё менее предсказуемыми и этим, наверное, он как личность, как поэт, как журналист, как военный и является интересен.

Путь разрешения творческих и внутренних личностных противоречий П. Р. Черкашина видится в преодолении им «множественности» Я, в решении культурных, социальных, личностных проблем на уровне самоидентификации, путём обретения им цельного Я. Напряжение, драматизм, противоречивость творчества П. Р. Черкашина отражается на его личности. Результаты его творчества свидетельствуют, что перед нами личность интересная, притягательная и сложная.

НЕУВЕРЕННОСТЬ БЫТИЯ: ОБРАЗ ПУТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА СТАНИСЛАВА ЮРЧЕНКО

Станислав Юрченко прошел сложный жизненный и творческий путь. В своих стихах он изливает свои чувства о том, что прошел, что передумал, пережил, прочувствовал в своей жизни. Он исходил и изъездил всю Сибирь и Дальний Восток. Он пишет, что прочувствовал, что осознал, что увидел, но не до конца понял суть происходящего, что понял и что хотел показать миру. Он хотел своим творчеством «выразить свое ощущение времени, событий», которые подарила ему его жизнь. Станислав Юрченко пишет: «Забытые эпизоды, пейзажи, звуки и запахи начинают вдруг будить воображение, и появляются первые слова, начинается мучительный и сладкий процесс творчества, результат которого непредсказуем». Его творчество порой льется от чувств, переживаемых и давно пережитых, порой - плод глубоких раздумий. Он как - то говорил о своем творчестве: «пишу о пережитом». И это пережитое удивительным образом сложилось в единую нить бытия под названием жизнь. В его творчестве переплетаются неуверенность бытия и образ пути.

Бытие – это есть чистое существование, не имеющее причины. Бытие есть причина самого себя, самодостаточное. Бытие ни к чему не сводится и не из чего не выводится. Остальное все производно, вторично. Бытие открывается человеку только через его мышление. Поэтому постижение бытия – это попытка приобщиться к истинному существованию, попытка обрести свободу, самобытность. Только человек может понять, что значит быть. Быть - означает не просто существовать. Бытие открывается человеку не всегда, а только тогда, когда он находится в состоянии осознания совести или любви, или в состоянии ума, когда в словах и мыслях звучит голос бытия. Бытие всегда то, что уже есть. Человеку только открывается это существующее, если он имеет соответствующий настрой, формирующуюся мотивацию. Поиски бытия есть поиск своего дома, преодоления своей бездомности, обретение своей идентичности, своей сущности.

Поиски своего бытия есть также и поиски корней, прикоснувшись к которым человек чувствует себя частью этого бытия. С. Юрченко, дав своей книге название «Таежный родник», тем самым обозначил поиски бытия, своих корней, своей национальной и культурной идентичности.

1. Противоречия пути от неуверенности бытии

Станислав Юрченко неслучайно в своем творчестве выделил образ пути, чувствуя неуверенность бытия. Путь для него есть время в бесконечности («длинная дорога»), время отведенное человеку для достижения цели. Это путь длинною в жизнь. Жизненный путь каждого человека извилист, долог, загадочен, покрыт тайнами. Неуверенность бытия исходит от трудности постижения этих тайн, от трудностей постижения своего собственного существования, от извилистости пути, поворотов, возвращений назад, снова движения вперед.

В «Библии» сказано: ищите и найдете. И человек ищет свой путь в бытии, свои «дороги – тропинки» в культуре, в духовном и нравственном совершенствовании, в профессиональной деятельности и творчестве, в личностном возвышении к «высоким истинам познания». Но порой он не может совладать с течениями эпохи, со страстями, мыслями, идеями эпохи, которые, как «воды», его несут неизвестно куда, несмотря на то, что человек сопротивляется этим течениям века. Человек порой попадает в такой водоворот событий (даже приключений), что нет времени оценить ситуацию, сверить правильность пути и он плывет по течению жизни и деятельности. Сопротивляются только те, кто действительно познает Истину, кто пытается встать на истинный путь, кто считает, что то, что он делает, и есть истинный путь. «Истины познания» как - то ускользают из сознания и растворяются в бесконечном пространстве бытия. И чем больше человек сопротивляется «течениям века», тем труднее ему жить, тем чаще он вторгается в сферу конфликтов, противоречий, неизбежных разрывов даже с близкими людьми. Он видит абсурдность общественного, политического бытия, несуразность жизни и противоречия творчества. Поэтому он, зная или предугадывая последствия жизни и творчества «по течению», заранее просит прощения за свои будущие неправильные поступки, слова, мысли. С другой стороны, он «несется» через красоты природы, которые его окружают на его трудном пути. Если он замечает эти красоты, то он культурно растет как личность.

Бытие – это тайна, глубоко спрятанная, что нужно ему открыть, чего человеку нужно добиться. Эта тайна лежит на поверхности, и ее нужно пережить и прожить, и тогда она становится для него понятной. Прикосновение к этой тайне, осененность бытием преобразует внутреннее содержание личности, вырывает ее из бесконечного хаоса эмпирической и экономической жизни. Делает личность самобытной, делает ее самим бытием.

Станислав Юрченко чувствует неуверенность бытия в поисках истины познания и выражает эту неуверенность в своем творчестве:

Несет меня теченье века
через пороги бытия,
через закаты и рассветы,
леса, озера и поля.
К высоким истинам познанья.
И на извилистом пути
прими в залог, как покаяние
простое русское,
«прости».

(«Настанет день…»)

«Извилистому пути» противоположен, даже противопоставлен «прямой путь». Это две противоположности одного символа. Прямой путь есть метафора, олицетворяющая правду, мудрость, праведность. Мудрый Царь Соломон говорил: «Не уклоняйся ни направо, ни влево, потому что пути правые наделяет Господь, а левые - испорчены. Он же прямыми сделает пути твои и шествия твои в мире устроит». Наше стремление к прямому пути связано с разрешением сомнений, с установлением «идеального порядка», если он бывает, к упрощению жизни. Прямой путь ассоциируется с благородными помыслами личности, с доброжелательностью. Но, с другой стороны, прямой пути наивен, гипертрофировано рационален, искусственнен.

«Извилистый путь» есть метафора обмана, лукавства. Свернуть с прямого пути - означает предать ближнего, потерять веру, изменить своему долгу. Ломается судьба человека, меняется человеческая сущность, раздваивается сознание. Существует и антитеза всему вышесказанному. Природа противится созданию прямых линий, путей, дорог. Наша жизнь «приспособлена» к духовным нуждам. Если она путь, то она обязательно искривляется то крутыми изломами, то резкими поворотами судьбы, то гармоническими изгибами, то повторениями пути или временными возвращениями назад. Истинный Путь без преград, поворотов, колдобин, камней и оврагов, возвращений назад в реальной жизни, деятельности и творчестве просто невозможен. Наши далекие предки, наши деды и отцы видели в кривой, извилистой дороге, умело обходящей преграды, реальную правду бытия. Об этом очень глубоко скащала поэтесса Марина Цветаева:

Ложь вижу выломанной
Пря – мою линиею.

Об этом говорит и народная мудрость: «Только ворон летает прямо». Ворон в русской мифологии является формой проявления сил зла. Значит, только силы зла, идут прямо, напролом. Силы же добра обречены на «извилистый путь», что и порождает у русского человека неуверенность его бытия.

Из этой неуверенности бытия рождается сомнение: правилен ли путь. Творческое сомнение человека есть попытка осмыслить его путь во времени и пространстве, в его противоречиях и конфликтах, в его конечности и бесконечности, в его полноте и пустоте, в его нравственности и безнравственности. Философ Иван Ильин в работе «Путь духовного обновления» писал, что «Нельзя сомневаться «во всем», даже в самом сомнении своем. Это уже смерть и тление. Сомнение, если оно есть, испытывается остро, оно подлинно, оно несомненно, оно есть ***воля к истине***, рожденная ***любовью и жаждою уверенности***»[188].

Человек даже порой не может понять, где находится Истина, правильный ли сделал выбор. Перед человеком открыто много дорог, тропинок. Свободный человек может выбирать, обязан выбирать, но всегда ли этот выбор соответствует его устремлениям, желаниям, представлениям о своем будущем. Рядом нет мудрых наставников, нет учителей, которые могли бы указать на тот единственный и прямой путь, по которому нам надо идти, пока дышит душа и бьется сердце. Даже если они и рядом, человек, заболевший «своей гордыней» хочет сделать выбор сам, самостоятельно. И уходит не на тот путь именно из – за своей гордыни. Он сомневается, раздваивается, но сам выбирает, делает ошибки как ребенок. Эти поспешные решения еще больше усиливают противоречия жизни, ведут к разлому сознания, отдаляют человека от тех целей, которые он ставит перед собой и толкают его на извилистые пути.

Выбрав путь, человек устремляется вперед, «набирает предельную скорость». Но где гарантия того, что сомневающийся, неопытный человек снова не сделал ошибку в выборе своего пути, снова не попадет в состояние внутреннего конфликта. Где гарантия, что он нашел эту высшую целостность, незаконную радость. Человек часто оступается, падает. Слабые духом отчаиваются, останавливаются в своем развитии, творчестве, сильные же духом, волей, снова встают и идут дальше, пока не поймут, что это путь тупиковый.

Станислав Юрченко остро чувствует эти внутренние противоречия, метания личности, возникающие от неуверенности ее бытия. Сам попадал в такие ситуации, когда был неуверен, а все ли правильно делает, правильный путь ли выбрал, правильные ли цели определил. И отсюда он «принимал поспешные решения», а затем расплачивался за них. Оступался, падал, делал ошибки. В том, что выбрал не тот путь, впоследствии каялся, делал из этого выводы, выбирался на нужную дорогу, шел вперед «набирая предельную скорость», чтобы наверстать упущенное.

---

[188] Ильин, И. А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. – М. : АСТ, 2003.- С. 4.

Всем нам знакомо чувство сомненья
в выборе наших путей,
и, принимая поспешно решенья,
напоминаем детей.
Но, оступаясь и падая, скоро
учимся тут же вставать,
и набираем предельную скорость
там, где возможно набрать.

(«Всем нам знакомо чувство разлуки…»)

Это говорит о силе и способностях ума к анализу ошибочных решений, о силе характера, воли, заставляющих «вставать» и «набирать предельную скорость», чтобы наверстать упущенное на ошибочном пути. «Поспешные решения» от стремления к воле, свободе, «напоминая детей». Именно дети свободны от многих условностей, которые становятся непозволительны взрослым. Историк Василий Ключевской отмечал: «Природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великоросского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее, только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу». Точнее не скажешь о парадоксах и сущностных проявлениях русского сознания. В этих поворотах, извивах следует понимать стремление русского человека к воле («свободе»), ростки душевной свободы, нежелание подчиняться чужой силе.

Повороты, возвраты, извилистые пути в жизни человека наполнены поисками, сомнениями, ошибками в выборе пути, заблуждениями. Они неминуемы у любой творческой личности. Не только неминуемы, но даже необходимы. Человек зачатую двигается вперед путем «проб и ошибок». Хорошо, если он учится на чужих ошибках, а не на своих. Поэт Александр Блок писал по этому поводу:

И вновь, как прежде, между терней
Моя дорога нелегка.

Путь – это некоторая дистанция между смертью и жизнью, началом и концом, есть нелегкая дорога «между терний». И путь между смертью и жизнью, началом и концом не может быть прямым, он постоянно искривляется. Но приходит время подводить итоги пройденного пути и новый выбор путей – дорог становится никчемным для самой личности. Все пройдено, впереди - «вечность». И в этом состоянии человек понимает, что его жизнь, его «предназначение» есть лишь проложенная ступенька для последующих поколений в будущее. И человек должен эту ступеньку

сделать, то есть «вырубить в скале». Это и есть выбор цели жизни и творчества.

Вторична смерть, бессмертье – изначально.
Подходит время подводить итог –
становится никчемным и банальным
наш вечный выбор целей и дорог.

И, оглядевшись, вдруг поймешь – отныне
твое предназначенье на земле,
шагнув за грань, ведущую к вершине,
ступень грядущим вырубить в скале.

(Ступени)

Человек вроде бы достиг того, чего хотел. Он пришел во «дворец», где нет места случайным увлеченьям, неверности, холоду сердец. Да, здесь хорошо, но это не его. Проходит время, и это обстоятельство начинает терзать его душу, щемить сердце, волновать ум. Он все больше и больше начинает тяготиться этим «сказочным дворцом». Наконец он понимает, что это не его предназначение. Его тянет куда – то на другие пути, влекут другие цели. Как сказано в белорусской пословице: «Кривая дорога возле прямой смеется, она мучит, зато и учит». Кривая, извилистая, извивающаяся дорога – тропинка мучительно тяжела, но она учит терпению, мудрости, опыту принятия адекватных решений. Поэтому люди, которые говорят, что жизненные решения легко принимать и исполнять, лгут от незнания жизни, отсутствия опыта деятельности. Исполнение таких простых решений делает людей их исполняющих смешными, глупыми, неповоротливыми. Поэтому и «кривая дорога возле прямой смеется».

Осознание того, что выбор сделан неверно, приводит сильного, уверенного в своих способностях человека к переосмыслению сделанного. И если он понимает, что это не его дорога, он находит в себе силы возвратиться назад «в объятья морок и болот». Это его путь. Это путь поэта Станислава Юрченко. И он говорит себе: «пора уже идти обратно». Лучше дорог в «объятия морок и туман болот» нет в его жизни. Ибо они вдохновляют его творчество, дают богатую пищу для мысли, возможности для личностного роста.

Я, прихожу как в сказочный дворец,
уверенный в своем предназначеньи,
где места нет случайным увлеченьям
неверности
и холоду сердец.

И я еще не знаю, что пройдет
какой – то срок и станет вдруг понятно
что мне пора уже идти обратно

в объятья морок и туман болот.

(«По существу, разлука и любовь…»)

Развитие личности не имеет пределов – «человек бесконечен». Человек не имеет пределов в своем совершенствовании, в поисках пути, в своем творчестве. Человек бесконечен как личность, ибо духовное и нравственное совершенствование есть вневременный путь познания Всеединой, Целостной, Бесконечной и Вечной Сущности. Бесконечен человек и в «упорных поисках пути» профессионального совершенствования, познания своего Я, духовного возвышения. И на этом пути творческая личность пытается превзойти себя снова и снова, желает подняться на более высокие ступени творчества. Для этого необходима упорная работа души, ума и сердца.

Он все время попадает на перекрестки, которые означают, что путь извилист. Но эти перекрестки говорят и о другом. «Перекресток» есть изгиб прямого пути, есть олицетворение непредсказуемости, загадочности, но одновременно и творчества. Перекресток, извилистая кривая, поворот – это и есть «прямой путь» к творческому успеху. Но это не значит, что надо идти «по головам», «через трупы», ломиться сквозь преграды. Это говорит уже о другом. Этот путь изначально безнравственен, это путь ограничения воли других, себе подобных людей, ломки других характеров. Леон Батиста Альберти говорил: «Улице подобает быть не прямой, а подобной реке, извивающейся легким изгибом туда, то вновь в ту же сторону, что, конечно, много придаст прелести, принесет много пользы и создаст много удобств, сообразуясь с меняющимися потребностями и нуждами».

Чтобы реализовать свои цели, необходима свобода. Ибо, идя по прямому пути, человек ограничивает свою свободу, она ему просто не нужна. Слово «перекресток» означает поворот, изменение судьбы, а этот поворот требует расширения свободы как духовной и нравственной, так и мыслительной, так и жизненной, поведенческой, и, разумеется, творческой.

Но бесконечен человек –
в упорных поисках пути
на незнакомых перекрестках
и на сценических подмостках
в желанье снова превзойти.

(Артист)

Но вот он превзошел себя, а что дальше? Человек должен иметь какие – то цели своего пути. Может быть отдаленные, недостижимые,

но те, к которым он должен стремиться всю свою сознательную жизнь.

На своем жизненном пути человек встречается с болями, утратами, потерями. У него порой возникает страх от возможного одиночества и тлена. Станислав Юрченко говорит о возможности попадания в сладкий плен, то есть плен страстей, телесности, плен быта. Он находит силу воли и выбирается из этого «сладкого плена» на «знакомый тракт». Он снова идет по испытанным путям – дорогам.

По зыбкой тверди боли и утрат,
пугаясь одиночества и тлена,
из сладкого, мне выпавшего, плена
я выбираюсь на знакомый тракт.

(«По существу, разлука и любовь…»)

Противоречия жизни, мысли, поведения от неуверенности бытии – вот что пронизывает творчество Станислава Юрченко.

2. Неуверенность бытия и цели Пути

Цели пути. Где вы? Для Станислава Юрченко целями пути являются то Истина, то Семья, то сам процесс пути, то Церковь, то Творец. Такое множество целей свидетельствует о мучительных поисках Великого Конца. То, что говорят его чувства, не осмысливается им логически до конца. Но это правильно или неправильно. Немецкий мыслитель Гете говорил по этому поводу: «Если хочешь шагнуть в бесконечное, то в конечном иди во все стороны». Не так просто совместить в конечном хотении все свои возможности. Возможность реализовать все желаемые цели принадлежит только Абсолюту. Что значит идти «во все стороны», чтобы шагнуть в бесконечное? Это значит преодолеть четырехмерность мира, в котором мы живем. В этом четырехмерном измерении простому смертному человеку доступно осуществление только одной возможности. Четырехмерное сознание ограничено. Для того, чтобы реализовать все цели, «идти во все стороны», человеку необходимо выйти за пределы четырехмерного сознания.

Где та тропинка, которая ведет за пределы четырехмерного сознания? Писатель М. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» вложил в уста Коровьева следующие слова: «Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных размеров». Для настоящего творца, поэта выйти за пределы этого четырехмерного сознания возможно. Для этого он распахивает временно вмещение в его уме и сознании всяких протяженностей, заглядывает за горизонты своего Я, расширяет все эти протяженности. Тем самым творец выходит в пятое измерение,

недоступное для всех смертных. Философ Л.П. Карсавин не только говорил, но и доказывал возможность преодоления личностью ограниченной эмпирической действительности. Он писал: «К абсолютному совершенству стремиться должно, но надо понимать, что его место не в эмпирической ограниченной действительности, а за ее границами, и что путь к нему в преодолении эмпирической действительности, в победе над ней»[189].

«Идти во все стороны» по Гегелю, значит иметь множество целей. Может, цель пути - в космосе. Промелькнет комета, и человек устремляется туда, далеко к звездам. Часто человек думает, что цель Пути там, в далеких мирах. Человек - космическое существо, поэтому устремлен в космос. Но там ли его путь? Для него не все ясно, туманно, космос расплывается в сознании какими – то невероятными, фантастическими образами. Он хочет напитаться «влаги истины» Космоса, Кометы.

Все не ясно.
Туманно.
Напитаться б
влаги истины в чаще твоей
Но далек твой полет.

(Комета)

Но вдруг Космос тускнет, цели растворяются в сознании, а дороги к ним скрываются в тумане будущего. Человек обозначает для себя новые цели.

Цель пути там, где он живет, борется, где он себя хочет проявить профессионально, творчески или проявить свои общественные способности? Окунаемся в общественную жизнь. Но путь общественной работы скользок, там склока, там съезд, там проявляются привычки. Сами создаем проблемы. Обходим эти привычки, едем в объезд, но цели от нас ускользают, мы никак до них не можем дойти. Опять выбираем кривые, извилистые, с поворотами пути. Это, наверное, ложные цели. Не те, которые нам необходимы, не те которые духовно обновляют, нравственно преобразуют. Это новый зигзаг на жизненном и творческом пути ищущей личности.

То партийная склока, то съезд –
от привычек уйти не сумеем
Смотрим упрямо, едем в объезд,
и никак не доедем до цели.

Но любой поиск, любой движение к цели есть попытка раскрытия какой – то неизвестности, тайны, попытка решить какой – то вопрос.

[189] Карсавин, Л. П. Малые сочинения / Л. П. Карсавин. – СПб. : АО «Алетейя», 1994. – С. 442.

В движении кроется нерешенный вопрос. Какой? Этот вопрос, по мнению Станислава Юрченко, в том, кому тяжелее эмоционально, чувственно, бытийно: тому, кто в пути или тому, кто ждет тех, кто в пути? Кто в пути, тот обретает свободу, бросается в неизвестность, расширяет пространство жизни. Кто ждет, тот теряет покой, духовную, душевную свободу, тот ограничивается условностью неизбежного ожидания.

Огоньки уходящего поезда
потускнели, исчезли меж звезд.
Несомненно, в движении кроется
нерешенный, назревший вопрос:
что первичнее – песня на выдохе,
или прозы степенная стать,
и кому тяжелей – тем, кто выехал,
или тем, кому выпало ждать.

(«Огоньки уходящего поезда…»)

Путь к цели, к вершине в «этой мирской суете» не безошибочен. Человеку встречается и черное и белое. Это есть нравственная оценка сложности и трудности жизненного, профессионального, духовного пути. И Станислав Юрченко часто в оценке правильности пути «скатывается» на нравственные оценки. Он надеется, что любившие его люди не осудят его за эти повороты, извивы его пути.

Он поднимался на вершины не без ошибок, не без просчетов, не без греховных поступков. Совесть его судит, не дает покоя, высвечивает черное и белое в жизни, деятельности и творчестве. Но, главное, он идет к этой вершине, к Цели своего трудного пути. Он считает, что на этом пути он перед Богом чист.

Подняться к вершинам в мирской суете
без горьких ошибок – едва ли.
Безгрешные ангелы в небе, и те
нет – нет, да на землю слетают.

Все черное – черным останется пусть,
а белое – белым пребудет:
по сути воздастся, и пройденный путь,
любившие нас не осудят.

Когда на осинах зардеют листы,
а осень полями займется,
мы будем с тобой перед Богом чисты,
нам все без остатка зачтется…

(Собрату по перу)

Его вершина – это Храм Божий, это дорога в «поднебесье», путь к Творцу.

Дорога к храму – белоснежна, хороша, чиста. И когда человек вступает на эту тропу, то вдруг делается кругом светло, благочинно. Это дорога к Руси Святой. Суть России, по мнению Станислава Юрченко, есть «каждое селенье,/ где ютится русская душа». Не этого ли пути искала заблудшая душа все эти годы советского безвременья, годы борьбы с духовностью, русской традицией, Святой Русью. Ни этого ли Китеж – града искала измученная русская душа.

Путь к Божьему Храму есть одновременно и путь к Руси Святой. Станислав Юрченко соединяет в одной цели пути и Русь Святую, и Храм Божий. Это крепости русского духа, жилища русской культуры и души. Они сохраняются во всех перипетиях и сплетениях русской жизни, во всех круговоротах общественного развития. На этом пути его душа обретает цельность, успокаивается, напитывается светлыми энергиями Духа Святого.

В тишине потрескивают свечи,
легкий дым возносится к хорам.
Над застывшей, скованною речкой
высится столетний Божий Храм.

Белый, с золотыми куполами
он плывет, как лебедь, в небесах
над пустыми, сонными полями,
над селом в заснеженных лесах.

Все вокруг светло и благочинно –
верой сохранили Русь века.
Прячут ели темные вершины
в серых, неподвижных облаках.

И дорога к Храму на Крещенье
белоснежна, тем и хороша.
Суть России – каждое селенье,
где ютится русская душа.

(Храм)

Неуверенность бытия от того, что русский человек когда – то потерял дороги – тропинки в Храм Божий, в Русь Святую. Это сокровенное, глубокое интимное, сущностное русского человека. Путь ума, души и сердца русского человека к Богу труден, извилист, с поворотами. Святитель Григорий Нисский писал для тех, кто не может найти пути к Творцу: «Глас Божий некогда сказал через пророка Исайю: «Посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сару, родившую вас» (Ис.:51:2). Это же призыв к душам, блуждающим вдали от добродетели! Моряки, сбившиеся с курса, находят путь к

гавани по ясному знаку: будь то зажженный на башне огонь или заметная издали черная вершина. Так и те, кто блуждает по житейскому морю и не имеют в душе своей кормчего, могут направить свой путь по примеру Сары и Авраама к гавани Божией воли»[190]. Следуйте путем, по которому шли Авраам и Сара.

Русский человек всем сердцем, несмотря ни на какие трудности и лишения должен беречь это Святое, то есть Храм Божий, Русь Святую в своем уме, душе и сердце. В этом залог того, что русская культура, как Феникс, постоянно будет возрождаться из пепла, если на русскую культуру в будущем нагрянут снова всякие смуты, потрясения, войны, конфликты.

3. Дорога длиной в жизнь

Путь – это длинная дорога к Истине, к Семье, в Русь Святую, в «поднебесье». Мы, ищя новое, неизведанное, потерялись в этой дороге.

«Потерянный брод» - название новой книги стихов Станислава Юрченко - очень точно отражает состояние его ума, души и сознания, сложные линии и творчества, и жизни поэта. «Брод» – это наиболее мелкое русло, где можно проложить путь от одного берега на другой и успешно переправиться на другой берег без потерь, без стрессов, без трудностей. Переправиться на другой берег новой жизни, нового творчества, приблизиться к своим заветным целям. В условиях перемен, начавшихся в России с 1985 – 1991 года и не закончившихся до сих пор, человек, русский и другие народы, Россия позабыли, а может и потеряли этот брод на другой берег новой жизни, потеряли дорогу к традиционным и жизненным целям. Деды знали, отцы знали, а мы, непутевые дети и внуки, позабыли их предания, традиции, которым они следовали не одно тысячелетие. И мы сейчас уперлись именно в это препятствие, как слепые, не можем пережить смуту наших чувств, мыслей, душевных переживаний, разломы сознания. И все это бумерангом бьет по русской культуре и по нас самим, субъектам этой культуры.

Творчество С.Г. Юрченко – это поиск пути («потерянного брода») на другой, уже видимый нам берег, на берег новой жизни. Берег национального и культурного единства, берег душевного успокоения, духовного обновления, умственного творчества. Даже найдя этот «потерянный брод», русский человек сомневается, что этот брод действительно и есть путь к достижению им великих целей.

Путь «от рожденья до конца» создан велением Творца, он длинен. Это путь всей жизни. Станислав Юрченко нигде не говорит,

---

[190] Святитель Григорий Нисский. О жизни Моисея Законодателя / Г. Нисский. – Храм свв. Космы и Дамиана на Мароссйкс, 1999. – С. 12.

что этот путь прямой, без поворотов. Более того, он говорит, что на этом пути - камни, ухабы, ямы, всякие непредсказуемые препятствия. И этот извилистый путь жизни и творчества в «поднебесье» и есть его судьба.

Спетых слов не выкинуть из песни
Созданный велением Творца,
путь мой от рожденья до конца –
длинная дорога в поднебесье.

(Дорога)

«Дорога в поднебесье» есть дорога к Богу, путь в вечность. Как сказал великий Заратустра: «Путь вечности идет по кривой». Человек интеллектуально и духовно постоянно поднимается все выше и выше. В нем заложено стремление к этому подъему. Это хорошо отметил французский писатель Виктор Гюго: «Все создано для постоянного подъема: от зверя к человеку, от человека – к Богу». Это есть закон человеческой жизни, закон, который отражается в его творчестве. С. Юрченко на этапе зрелости понял, что всю жизнь шел от рожденья до конца «в поднебесье», то есть к Творцу. Были творческие взлеты и падения, снова взлеты. И всю свою жизнь он пытается реализовать эту возможность, совершая на этом длинном пути те или иные повороты, преодолевая камни, «болота», «колдобины». Это можно объяснить по-разному. Во-первых, что человеческое четырехмерное сознание ограничено, ущербно, несовершенно. Поэтому человек неуверен в своем бытии, делает многочисленные ошибки, возвращается на проторенные, знакомые пути, исправляет ошибки. Поэтому человек ставит перед собой многочисленные цели. И это, по мнению Гегеля, он делает правильно. В-вторых, что Творец заложил в человеке стремление к свободе, к вселенской гармонии. Творец спасает нас от потери главного Пути в неограниченных возможностях вариантов выбора, пути духовного обновления, преображения и возвышения. Возможно, Он готовит человечество к овладению пятым измерением.

Может поэтому «длинная дорога» у Станислава Юрченко оживает, показывает свой норов, характер. И человек, спотыкаясь по ней, бредет. Эти испытания уготовлены нам Творцом изначально. Может прав Г. Гуджиев, отмечая, что «Линии развития, которые оказываются выпрямленными благодаря случаю и которые человек иногда может увидеть, предположить или ожидать, более чем что-либо вызывают у нас иллюзию прямолинейности». И это С. Юрченко чувствует, возможно, осознает, фиксируя в своих стихах.

До сих пор показывает норов,
непокорно закусив узду,
длинная дорога, по которой,

спотыкаясь, медленно бреду.

(Дорога)

Путь в «поднебесье» – не широкая дорога, а тропа. Тропа через глушь, болота, колдобины, крутые повороты, погосты, кресты. Прямая дорога конечно удобнее, безопаснее, надежнее. Но творческий человек, как правило, не ходит прямыми дорогами, а идет он окольными тропами. И на этом пути, через «колдобины», «полусгнившие кресты», «через болота» он познает основы бытия, Всеединую, Целостную, Вечную и Бесконечную Сущность. Возможно, им создается «иллюзия прямолинейности» пути, так как прямых путей к Любви, к Истине, к Семье, к Руси Святой, к Творцу не бывает. Именно на этом извилистом пути он испытывает счастье жизни и творчества, открывает для себя Мир и Я. Именно на этом пути он обретает себя, узнает свое Я, делается неповторимым, Большим, Великим Человеком.

Не путь лежит,
а ниточка тропы,
протоптанной в глуши, через болота:
колдобины,
крутые повороты,
погосты,
полусгнившие кресты.

Но я иду.
Мне будоражит кровь
карандашом на карте еле – еле
начертанный маршрут к запретной цели
с трагическим названием – любовь.

(«По существу, разлука и любовь…»)

Этот путь «через болота», «колдобины», «полусгнившие кресты» С. Юрченко, как истинно русский человек, считает правильным путем. Он идет этим длинным путем и счастлив от этого. Психолог К. Юнг отмечал: «Правильный путь к цельности состоит в обусловленных судьбой обходах и блужданиях. Это … («самая длинная дорога»), не прямая, но связующая противоположности змеиная линия, тропа, лабиринтовая переплетенность которой не лишена ужаса». В этом пути поэт обретает свою цельность, свою линию жизни и творчества. Он никогда не жалеет о пройденном. Ибо связывает свой путь со страданиями Родины, Руси. Он не может мыслить себя вне этой великой русской культуры, этого великого единения русского, украинского и белорусского народов. Его цельность есть цельность пути этих народов.

Чем тернистее путь, чем запутаннее траектория пути «не лишенная ужаса», чем больше на этом пути поворотов, изгибов, возвратов, тем многостороннее, богаче и одухотвореннее личность. Неожиданные повороты и изгибы в творчестве, закоулки души сродни лабиринту, из которого ум, душа и сердце человека упорно и настойчиво ищут выход. Преодолевая эти изгибы, извивы, лабиринты, человек чувствует волю, свободу, и не только чувствует, но и делается свободнее, сильнее. Этим и интересна жизнь.

А.С. Пушкин, говоря об лабиринтах устного творчества, отмечал:

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

С. Юрченко на своем пути к заветной цели в сердце и душе бережет свое катастрофическое прошлое. Русь прошла через смуты, войны, общественные и государственные неустройства. И Русь выстояла в этих многочисленных потрясениях. Все эти изгибы и повороты русской истории удивительным образом отразились в русской душе. Русь Святая выстояла средь смертей, ее ломали стихии, но они не сумели ее сломать, сбить с великого пути «быть матерью для всех своих детей». Русский человек нашел адекватный стиль поведения, он даже любит стихию, жаждет перемен. Русская культура выработала особое, духовно – нравственное отношение к этим переменам. Правители, учитывающие это русское отношение к переменам, могут достаточно эффективно управлять этим огромным евразийским пространством и временем.

Станислав Юрченко не исключает новые повороты судьбы, новые потрясения в России в будущем. Но она, Русь, снова выживет, выстоит, снова возвысится. И вместе с ней выживет, выстоит и возвысится русский человек. В Руси Святой истоки русского человека, русской культуры, русского менталитета, так непонятного недругам всего русского, славянского. Поэтому русская культура бережно хранит где-то в глубинах своего сознания «жару Поволжья, Севера морозы» как святыни.

И, как святыни, в сердце берегу
жару Поволжья, Севера морозы.
Гремели над страной такие грозы,
каких не пожелаешь и врагу.

Но выстояла Русь среди смертей,
ее сломить стихии не сумели
на праведном пути к великой цели
быть матерью для всех своих детей.

И может быть придется повторять

истории тяжелые уроки,
но потому, что здесь мои истоки,
с тобой останусь жить и умирать.

(Родина)

С. Юрченко в своих стихах приходит к заключению, что неуверенность бытия человека в потере им «брода», в потере своих истоков, которых вне Руси Святой, вне Храма Божьего нет. Но эта потеря временна, историческая память вернет некогда утраченное в русской культуре.

Неуверенность бытия и от множества целей русской жизни. Но и они нужны личности, ибо без множества дорог он не обретет того вечного, к чему он стремится всю жизнь.

Неуверенность бытия и от того, что человек на длинной дороге жизни никак не может соединить эти цели, не может сконцентрировать все свои мелкие цели вокруг главной: идти по Пути Руси Святой и по пути к Творцу. Но и эта множественность не всегда есть отрицательное. Множественность порождает творческое сомнение. Человек, идущий в бесконечность, должен пойти по всем дорогам: и прямым, и кривым, ибо это и есть расширение пространства бытия, расширение свободы, ибо это есть попытка выхода за пределы четырехмерного сознания. Эти дороги заставляют человека упорно искать новые возможности для жизни и творчества. Человек может и должен прокладывать новые пути в будущее, расширять время и пространство бытия, должен прокладывать новые пути духовного совершенствования, душевного обновления, умственного возвышения, сердечной гармонии.

Творчество С. Юрченко учит любви к Руси, любви к Творцу. Он соединяет в своем творчестве и жизни эту любовь в Единый Путь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта книга есть продолжение монографии изданной шесть лет назад. В настоящем издании читатель узнает больше не только об известных поэтах и прозаиках Обь-Иртышскго региона, но о тех, о ком мало написано, о ком в силу разных причин не доходят ум и рука исследователя. Все писатели, о которых написаны статьи, безсловно, вызывают интерес. Все они прошли сложный путь, продолжают работать, продолжают издаваться.

По плану в третьей книге «Творчество писателей Объ-Иртышья» будут написаны статьи о таких пистателях, как И. Анненский, Р. Рождественский, Л. Мартынов, В. Зензин (Омск), Д. Мизгулин, А. Тарханов, С. Козлов (Ханты-Мансийск), Н. Сочихин (Сургут), а также о пистателя Алтая, ЯНАО, Новосибирской области. Думаю, что необходимо обращать внимание не только на тех пистаелей, которые живут и работают в столицах, но и на региональных, не избалованных критикой, писателей. Сибирская литература имеет много талантливых и одаренных литераторов.

Буду благодарен, если кто-то из читателей отзовется на книгу и напишет автору. Прошу присыласть отзывы, пожелания или замечания на книгу по адресу: 628011 Ханты-Мансийск, Тюменской области, ХМАО-Югры, Ханты-Мансийская медицинская академия, кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин Каргаполову Е.Н.

MoreBooks! publishing

i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на

www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at

www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH
Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken
Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749
info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

i want more-books!

Посетите Вашу книгу на
www.more-books.ru

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

Литература Северо-Западной Сибири имеет богатую историю и развивается в контексте литературных процессов России. Северо-Запад Сибири включает Ямал и Югру. Этот регион известен российскому и иностранному читателю такими именами, как Е.Айпин, П.Суханов, М.Анисимкова, С.Козлов, Д.Мизгулин, Ю.Шесталов и другими. В настоящей книги с философских и психологических позиции анализируется творчество ведущих писателей Северо-Запада Сибири. Книга будет интересна всем кто знаком и читает русскую, хантейскую и мансийскую литературу Сибири, всем кто интересуется интелектуальными проблемами развития Сибирского региона России.

Евгений Каргаполов

Каргаполов Евгений Павлович, доктор педагогических наук, Ханты-Мвнсийская государственная медицинская академия, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин, член Союза писателей России, Ханты-Мансийск.

978-3-8473-9703-8